

▲▲ Академия Наук СССР ▲▲
ФОЛЬКЛОРНАЯ КОМИССИЯ
ПРИ ИНСТИТУТЕ ЭТНОГРАФИИ

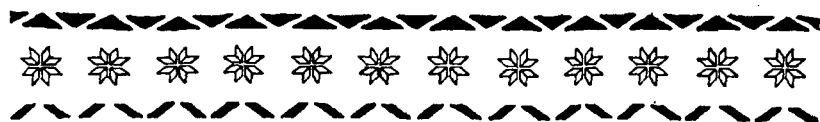
**МАТЕРИАЛЫ
РУКОПИСНОГО ХРАНИЛИЩА
ФОЛЬКЛОРНОЙ КОМИССИИ**

I

под редакцией

М. К. АЗАРОВСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

БЫЛНЫ СЕВЕРА

ТОМ ПЕРВЫЙ
МЕЗЕНЬ и ПЕЧОРА

записи, вступительная статья
и комментарий
А. М. АСТАХОВОЙ

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД * 1938

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Настоящий сборник представляет публикацию записей былин 1926—1933 гг. из собраний Рукописного хранилища Фольклорной комиссии при Институте этнографии АН СССР. В книгу вошли материалы, собранные, во-первых, во время комплексных искусствоведческих экспедиций 1926—1929 гг., организованных Государственным Институтом истории искусств, во-вторых, собранные экспедициями 1931—1933 гг. Фольклорной комиссии ИЭ АН совместно с Карельским научно-исследовательским институтом.

Вопрос о былине в искусствоведческих экспедициях Государственного Института истории искусств был лишь одной из многих тем, но все же он занял в общей работе довольно значительное место и был поручен, в качестве специальной темы, отдельному участнику — составителю данной книги. Работой были охвачены Шуньгский полуостров Карелии с частичным захватом Кижей (1926 г.), среднее течение р. Пинеги выше г. Пинеги — Карпогорье и Сура (1927 г.), среднее течение и русская часть верховьев р. Мезени — Лешуконский район с Возгор до Нисогор (1928 г.) и нижнее течение р. Печоры с ее притоком р. Пижмой — Усть-Цылемский район и село Великая Виска Ненецкого национального округа (1929 г.).¹ Во всех четырех районах в общей сложности записано 210 текстов, 45 былинных напевов записано на фонограф.²

Работа шла по двум основным линиям. В тех местах, где были произведены записи прежними исследователями (Рыбниковым, Гильфердингом, Григорьевым, Ончуковым), прослежена судьба отмеченных прежде традиций. Результаты этих экспедиций дают значительный материал для освещения вопросов эволюции эпоса в позднейший период, сдвигов в репертуаре, трансформации самих былин и т. п.

С другой стороны, были произведены записи и в районах, прежними собирателями не охваченных: в средней и северной частях

¹ О комплексных искусствоведческих экспедициях ГИИИ см. „Крестьянское искусство Севера“, вып. I, Лгр., 1927, и вып. II, Лгр., 1928.

² Записи на фонограф производились С. И. Бернштейном (1926 г.), Е. В. Гиппиусом и Э. В. Эвальд (1926—1929 гг.).

Шуньгского полуострова, в пинежских деревнях выше Верколы (Сура), в верховьях Мезени (выше Нисогор), в некоторых еще деревнях Усть-Цылемского района на Печоре (деревни Коровий Ручей и Климовка). Всюду здесь тщательно собирались и сведения о бытовании былин в прежнее время. В результате были собраны данные о распространении былин и о районных былинных репертуарах.

В дальнейшем работа по собиранию и изучению современной былины на Севере была продолжена Фольклорной секцией (ныне комиссией) Института этнографии АН СССР и Карельским научно-исследовательским институтом. В 1931—1933 и в 1935 гг. были проведены фольклорные экспедиции, одной из задач которых было изучение состояния и социальной функции былины в условиях колхозной деревни. Прежде всего был произведен новый поход в „Исландию русского эпоса“ — в Прионежье (1931—1932 гг.). Студентками этнографического отделения Ленинградского историко-лингвистического института М. Б. Каминской¹ и Н. Н. Тяпонкиной по плану, разработанному Фольклорной секцией, была проведена большая работа по собиранию былин в Заонежском районе и в части Пудожского края. Работа эта, кроме повторных записей вариантов, найденных в 1926 г., дала в дополнение к работам 1926 г. целый ряд новых вариантов и выявила еще новых сказителей. Обследованы были сельсоветы Сенногубский, Кижский, Великогубский, Фоймогубский, Дерезовский, Толвуйский, Пудожгорский и Песчанский; два последних и Фоймогубский сельсовет работой 1926 г. охвачены не были. Таким образом экспедиция в 1931—1932 гг. явилась дополнением к экспедиции 1926 г., расширив охват местностей в Прионежье.²

В 1932—1933 и в 1935 гг. было обследовано почти все Карельское поморье от Кандалакши до Нюхчи включительно (Сорокский район в 1932 г., Кандалакшский и Лоухский районы в 1933 г., Кемский район в 1935 г.).³ Здесь работа шла опять в тех же двух основных разрезах: в южной части Поморского берега, где в 1899 г. работал А. Д. Григорьев, выяснялось современное состояние былины по сравнению с временем его записей, на западном же, по старому наименованию „Карельском“ берегу, где в прошлом были только единичные записи былин, по возможности заполнялись „белые пятна“ как путем записей всего имеющегося

¹ Скончалась в 1934 г.; см. наш некролог в „Советском фольклоре“, № 2—3.

² Начальным моментом этой работы в средней Карелии 1931—1932 гг. явились записи 1931 г. М. Б. Каминской и Н. Котляровой, которые работали как практикантки этнографического отделения ЛИФЛИ, прикомандированные к Карельскому научно-исследовательскому институту.

³ В 1932—1933 гг. записи былин производила А. М. Астахова, руководившая карельскими экспедициями и входившая в беломорский отряд, в 1935 г. — студентка Филологического факультета Ленинградского Государственного университета И. Н. Этина, подготовленная и инструктированная для данной работы Фольклорной секцией, и сотрудник Карельского научно-исследовательского института А. Н. Нечаев.

материала, так и рассказами о прежнем бытовании былевого эпоса.¹

Большой интерес представляют записи И. Н. Этиной 1935 г. в деревнях Калгалакша и Гридино Кемского района, откуда мы до сих пор имели всего 6 текстов.² Благодаря этим записям (29 былин и 2 сказки на былинные сюжеты), мы имеем теперь общее представление о былинном репертуаре и характере былинных обработок в данном районе.³

В общем количестве во время указанных Карельских экспедиций записано более 130 текстов и на фонограф записано 37 напевов.⁴

Наше издание ставит своей задачей показать былинку предколхозной деревни и периода первой пятилетки в пяти крупнейших былинных гнездах: на Пинеге, Мезени, Печоре, в Прионежье и Поморье. Поэтому в книгу включены, во-первых, лучшие, наиболее полные и художественные варианты, показывающие высокое эпическое мастерство Севера, во-вторых — варианты, заключающие какие-либо новые моменты и в общей трактовке сюжета и в передаче отдельных образов и мотивов, вскрывающие характерные черты жизни и развития эпоса на Севере. О вариантах, в книгу не вошедших, даются краткие указания в примечаниях к сюжетам.

Расположенные по районам материалы дают также представление о специфике районов в отношении сюжетного состава и о характере местных, областных типов обработок одних и тех же сюжетов. В пределах же района материал располагается по исполнителям для наиболее четкого выделения индивидуальных моментов.

Во вступительной статье автор поставил своей задачей раскрыть, на основе новых и прежних записей, главные процессы в жизни русского эпоса в его позднейший период, а также охарактеризовать состояние былевой традиции в последние десятилетия и те изменения, которые произошли в составе эпоса за период, отделяющий новые записи от крупнейших собраний конца XIX и начала XX вв.

Книга заканчивалась в знаменательный для фольклористики год, когда поднялось движение по пересмотру ряда ложных теорий, укоренившихся в науке о фольклоре. Статьи в „Правде“ указали на порочность основного утверждения о зарождении эпоса в господствовавших социальных кругах. Они заставили пересмо-

---

¹ См. А. М. Астахова, „Карельские фольклорные экспедиции 1931—33 г.“ (Советская этнография, № 1—2, 1934, стр. 215; также „Фольклор“, Бюлл. Фолькл. секции, Агр., 1934, стр. 29).

² В. Миллер. Былины новой и недавней записи, М., 1908, №№ 44, 63, 78, 89, 98; Песни, собранные П. В. Киреевским, V, 1863, стр. 96.

³ 12 из них опубликованы в „Суденческих Записках Филологического факультета Ленинградского Государственного университета“, Агр., 1937, стр. 1—31.

⁴ Записи на фонограф производились А. М. Астаховой, М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной.

треть связанные с данным положением концепции и наметить правильные пути изучения эпоса.

Вместе со всей советской фольклористикой автор тоже произвел пересмотр своих концепций и во вступительной статье попытался сформулировать свои воззрения, конечно, в пределах поставленных им задач. Из них основная — освещение творческой роли северных крестьян-сказителей. Общий вопрос о происхождении русского эпоса автор затрагивает лишь в качестве исходного момента для разрешения выдвинутой им частной проблемы.

Первый том издания включает былины Мезени и Печоры, второй том — Пинеги, Прионежья и Поморья. Такая группировка материала обусловлена характером внутренних процессов, наиболее близких в пределах указанных групп, хотя каждый из районов и представляет свои характерные черты.

В собрание, кроме собственно былин, включены и народные баллады, близкие к былинам, как „Братья-разбойники и сестра“, „Мать князя Михайла губит его жену“ и т. п. На Севере эти баллады по напевам и исполнению резко отличаются от песен и самими певцами воспринимаются как жанр, родственный былинам.

В задачу комментария входит: 1) ряд основных сведений о сюжетах, представленных в сборнике; 2) характеристика каждого из публикуемых вариантов. В первом разделе комментария даются сведения о распространенности сюжета в прошлом и о новых записях его после Октября; приводится список вариантов и литература о сюжете. Задача развернутого критического обзора всей исследовательской литературы не ставится, указываются лишь основные линии в изучении того или иного сюжета. Большое внимание уделено чертам районной специфики в художественных обработках данного сюжета.

В печатаемых текстах составитель в точности сохраняет все морфологические и основные фонетические особенности речи, отмеченные им во время записи. Но явления ассимиляции согласных и переход звонкого в глухой на конце слова, поскольку они в северных говорах в основном тождественны с явлениями литературной речи, особым начертанием не выделяются и обозначаются привычной орфографией. Твердое произношение *ж* или *ш* и мягкое *ч* особыми начертаниями отмечаются лишь в тех случаях, где эта твердость или мягкость усилена сравнительно с литературной речью, напр. *Иванови^ч* рядом с *Иванови^ч* (обычное произношение) или *д^жержи^т* рядом с *д^жержи^т*.

Все колебания произношения в пределах одного и того же произведения в таких, напр., случаях, как окончания глаголов (*т^ься, т^са, т^се, т^ца, т^ця* и др.), чередование *ч* и *ц* (Никити^ч — Никити^ц) и т. п., характерные для живой речи вообще, в былинах же играющие иногда роль своеобразного художественного приема инструментовки стиха, сохраняются в точности.

Буквой *h* обозначается *г* фрикативное, *ā*, — удлинение звука *а* при стяжении (раскаживаѣт), *é* — произношение *е* вместо обычного в данном случае *ѣ*. Апостроф (') обозначает пропуск звука или шопотно-глухое его произношение, ухом не улавливаемое, напр. вид'ли, С'ловыушко.

Из особенностей принятой в сборнике орфографии следует отметить еще отказ от дефиса в стихотворных текстах в тех случаях, когда он мог бы дать неправильное представление об акцентировании слов. Например в сочетаниях „Владимир князь“, „Киев град“ и т. п. слово-определение обычно получает в былинах равносильный акцент с именем собственным и не подчиняется ему, как в прозаической речи. Поэтому дефис сохраняется только в том случае, когда собственное имя не склоняется („в Пучай-реке“), и в отдельных случаях объединения, если они отмечены в полевых записях.

Наблюдаемое у некоторых исполнителей явление вставки гласных звуков (напр. дѣвѣе, дѣбѣрые молодцы), как правило, не фиксируется, чтобы не усложнять текста, поскольку данное явление — момент специально музыкально-исполнительский, и вставные звуки обычно не совпадают с основной единицей длительности напева — „морой“, а дробят ее. По тем же основаниям не сохранены и случаи образования дифтонгов (любѣ*мой, доса*да), которые особенно характеризуют печорский стиль музыкального исполнения былин. Факты, относящиеся к указанным явлениям, будут сгруппированы и представлены во II томе в специальной заметке о стилях исполнения былин.

Знак ударения, как правило, употребляется для обозначения необычного в литературном языке произношения (в чистом поли), но в тех случаях, где сказитель особо акцентировал то или иное слово (что и было отмечено собирателем в момент записи), знак ударения сохраняется и тогда, когда это ударение совпадает с обычным произношением данного слова.

Словарь старинных и областных слов будет дан во II томе.

Заглавия былин без скобок принадлежат самим исполнителям, в прямых скобках — составителю, который дает их в случае, если исполнитель передавал былинку, не называя заглавия. Ремарки исполнителя берутся курсивом и заключаются в скобки. Прозаический пересказ и формулы перехода, сказанные прозой, выносятся за строку влево.

В текстах, напевы которых помещены в настоящем собрании, отдельные их части, записанные на фонограф и приведенные в фонографической расшифровке, выделяются звездочками.

Пейзажные заставки сделаны по документальному материалу: фотоснимкам, произведенным во время экспедиций в местах записи.

БЫЛИННОЕ ТВОРЧЕСТВО СЕВЕРНЫХ КРЕСТЬЯН

I

Былина всегда, с самого начала развития русской фольклористики, стояла в центре научных изысканий. Огромное историческое, социальное и художественное содержание былин, сложное переплетение в них отзвуков и отражений различных эпох, воплощение в былинных образах народных идеалов вызвали постановку ряда проблем, ставших основными проблемами фольклористики. Именно на материале былин были впервые поставлены и освещены такие важнейшие вопросы в изучении фольклора, как генезис эпической поэзии, международные фольклорные связи, значение литературных источников, поэтика фольклорных произведений, взаимодействие традиционного и индивидуального, роль личного мастерства и др. Результаты этих изысканий не раз привлекались для разрешения аналогичных вопросов и по другим фольклорным жанрам. Так, напр., известные наблюдения А. Ф. Гильфердинга над проявлением живого индивидуального начала в былинном сказительстве были перенесены в область сказки и дали толчок к изучению индивидуального творчества в среде сказочников.¹ То же можно сказать и относительно изучения причитаний и песен.²

---

¹ Принцип организации материала по исполнителям, выдвинутый Гильфердингом, в отношении сказочного материала впервые был применен Н. Е. Ончуковым (Северные сказки. СПб., 1908). Вслед за ним так же публикуют материал и другие собиратели. В 1910-х годах находим и теоретическое освещение проблемы индивидуального творчества в области сказки в работах С. Ф. Ольденбурга, суммировавшего все основные вопросы, связанные с проблемой (см. „Собрание русских народных сказок в последнее время“, Ж. М. Н. П., 1916, VIII). Наблюдения и выводы Гильфердинга привлекались и последующими исследователями сказки, в работах которых они получили дальнейшее развитие и углубление. (См. М. К. Азадовский, „Русские сказочники“, в его сборнике „Литература и фольклор“, 1938, стр. 196.)

² Вопрос о взаимодействии традиции и личного начала лег в основу работы М. К. Азадовского „Ленские причитания“, Чита, 1922. Изучение индивидуального творчества носителей фольклора заняло видное место в работах Фольклорной комиссии при Институте этнографии Академии Наук СССР, см., например, Е. В. Гиппиус и Э. В. Эвальд, „Песни Пинежья“, М. — Л., 1937, где вопрос о личном начале поставлен и в отношении народных певцов — исполнителей песен.

Русские исследования былины оказали сильнейшее воздействие и на западноевропейскую фольклористику.¹ Русский былевой эпос всегда представлял исключительно большой интерес для западной науки, особенно вследствие того, что на Западе старое эпическое наследие давно уже исчезло из живого бытования. Поэтому открытие огромных богатств в области русского эпоса среди северного русского крестьянства во второй половине XIX в. было международным научным событием.

Наконец, мы видим, что богатое и сложное содержание былины привлекало особенное внимание представителей различных научных течений, и ни в одной другой области фольклористики не выразилась с такой силой борьба этих течений, представлявших идеологии борющихся классов и социальных групп, как именно в исследованиях былевого эпоса.

Таким образом былина еще до революции вызвала обширную научную литературу не только в России, но и на Западе. И если далеко не все из поставленных проблем и вопросов окончательно разрешены, если разрешение и освещение их не всегда может быть принято, так как опирается на в значительной мере устаревшие и ненаучные методы, то, во всяком случае, накоплен большой конкретный материал, который может и должен быть использован в работах советских ученых. В то же время дооктябрьская фольклористика оставила нам и богатейший материал собраний былинных текстов.

Старое собрание после первых крупных работ Рыбникова и Гильфердинга было направлено, главным образом, по линии охвата новых районов и выявления новых вариантов. Эти изыскания дали новые сюжеты и новые типы обработок уже известных сюжетов. Они показали новые былинные очаги и отчетливо вскрыли роль Севера в деле сохранения и дальнейшего развития эпической традиции.

Но самая жизнь былины интересовала собирателей только в отношении того момента, когда производились самые наблюдения. Все те творческие процессы, которые происходили в том или ином районе в продолжение длительного периода времени, оставались вне поля исследования. В центре внимания были „былинный инвентарь“ данного района и состояние в этом районе былинной традиции.² В основном каждый новый вариант был интересен

---

¹ Акад. С. Ф. Ольденбург, определяя характер воздействия русской школы исследователей, видит главную заслугу в постановке „реальной задачи выяснения законов творчества в зависимости от среды, в которой творит та или другая личность. Систематические исследования творчества отдельных сказителей вместе с тем все с большей ясностью выясняют то общее, что есть во всяком художественном творчестве“ (Этнография, 1927, № 1, стр. 236). Особенно сильно влияние русской фольклористики сказалось на работах по славянскому эпосу М. Murko, J. Matl'a и некоторых других.

² „Какие былины на Печоре сохранились? В каком виде они сохранились?“ — вот те два вопроса, которые были мной поставлены, когда я приступил к записы-

лишь постольку, поскольку он мог заключать моменты, существенные для установления древнейшей основы сюжета. Проблема же варианта, как проявления живой творческой струи, как выражения непрерывающегося творческого развития эпоса, не ставилась. В своем предисловии к сборнику „Былины новой и недавней записи“ (М., 1908) Вс. Миллер, указав вначале ряд случаев „искажения“ в публикуемых текстах, пишет: „Однако, такие случаи искажения не лишают былин, записанных вдали от нашего северного былинного района, интереса в глазах исследователей. При краткости и испорченности некоторые былины иногда содержат черты старины, важные для уяснения того или другого былинного сюжета“.¹

Вот почему Н. Е. Ончуков старался прежде всего „переписать по содержанию все обращающиеся на Печоре былины“. Он далеко не исчерпывал всего репертуара иногда даже лучших сказителей и пропускал порой наиболее художественные тексты только потому, что сюжет уже записан и никаких новых штрихов для изучения его данный вариант, как казалось собирателю, не содержит.² А. В. Марков тоже стремился охватить главным образом весь репертуар своего района, в большем же количестве вариантов представить преимущественно лишь редкие былины или еще не бывшие в печати.³ И в дальнейшем, вплоть до революции, мы не видим таких собирательских работ, которые ставили бы своей задачей наблюдения над самой жизнью былинного текста.

В советское время чрезвычайно остро встал целый ряд вопросов в области изучения фольклора вообще. Понятие социальной функции, положение о классовой дифференциации в фольклоре по-новому освещают и проблему варианта. Вариант становится интересным и значительным не только как одно из звеньев, необходимых для уяснения основ сюжета, но и как проявление живой творческой энергии народных масс. Отсюда встала задача новых наблюдений, новых собирательских работ, но уже направленных не по линии захвата новых районов, а в сторону повторных записей на местах прежних работ.

Так возникает специальная экспедиция Фольклорной подсекции Московской Государственной академии художественных наук „По следам Рыбникова и Гильфердинга“, под руководством бр. Соколовых. Сотрудники экспедиции в течение трех лет (в лет-

---

ванию печорских былин“ (Онч., стр. XXXIV). Те же цели преследовали в своей работе и другие крупнейшие собиратели начала XX в. — Григорьев и Марков.

¹ Былины новой и недавней записи. М., 1908, стр. IV. Правда, в последующем изложении Вс. Миллер отмечает и возможность для исследователя путем сличения вариантов „делать интересные наблюдения над судьбой старинных былин в народных устах, входить в область народной психологии“, но из дальнейших примеров ясно, что под этой „судьбой былины в народных устах“ Вс. Миллер разумел лишь историю бытования сюжета.

² Онч., стр. XXXIV—XXXV.

³ Марк., стр. 23.

ние месяцы), с 1926 по 1928 г., тщательно обследуют все главные пункты, где работали Рыбников и Гильфердинг, отыскивая и записывая былины от преемников прежних сказителей.¹

Одновременно с этим, фольклорным отрядом четырех комплексных искусствоведческих экспедиций Государственного Института истории искусств выдвинута в качестве одного из основных заданий работа по обследованию и собиранию былинной традиции в Заонежье, на Пинеге, Мезени и Печоре. Здесь удалось произвести записи не только от преемников-учеников старых исполнителей, записанных прежними собирателями, но и повторные записи от тех же самых сказителей. В том же направлении идут в области былины работы последующих карельских фольклорных экспедиций 1931—1935 гг., организованных и проведенных Фольклорной секцией Института антропологии, археологии и этнографии Академии Наук СССР и Карельским научно-исследовательским институтом — в Прионежье и Поморье.² В эту же линию работ включаются и поездки отдельных лиц, напр. В. П. Чужимова на Зимний берег в 1934 г.³

В результате этих работ советских фольклористов не только вскрыто состояние былевой традиции в последнее десятилетие, но и собран большой материал наблюдений и новых текстов, освещающий целый ряд явлений в жизни русского эпоса в позднейший период его бытования.

Этот позднейший период долгое время рассматривался как процесс „последовательного искажения“.⁴ В этом — одно из крупнейших заблуждений науки о былинах. „Современные былины, — пишет Вс. Миллер, — представляют, говоря вообще, плод последовательного искажения древних былин. Благодаря условиям, представляемым населением Олонецкой губернии, былевой эпос только что сохранился в своих главных чертах, и это уже великая заслуга онежских сказителей перед русским народом и наукою. Но он не развивался на этой неудобной для него почве, а последовательно глохнул и вырождался“.⁵ Основными доказательствами данного факта Вс. Миллер считает то, что олонецкие сказители „не прикрепили ни одного богатыря к своей почве“, „не создали новых былевых сюжетов“,⁶ что отдельные попытки распевать в виде былин сказки

---

¹ В. et J. Sokolov. A la recherche des bylines. (Revue des études slaves, t. XII, Paris, 1932, p. 202—215). Ю. Соколов. По следам Рыбникова и Гильфердинга. Отт. 1927 г.

² См. „Карельские фольклорные экспедиции“ (Советская этнография, 1934, № 1—2, стр. 215; также „Фольклор“, бюллетень Фольклорной секции Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР, Л., 1934, стр. 29).

³ См. „Советский фольклор“, № 2—3, 1936, стр. 119.

⁴ Вс. Миллер. Очерки, I, стр. 18.

⁵ Вс. Миллер. Очерки, I, стр. 18. Слова „искажению“ и „не развивался“ автором выделены курсивом.

⁶ Создание местной былины о Рахте Рагнозерском (Гильф., I, 11) Вс. Миллер считает „единичной неудачной попыткой представить в форме былины местное предание о силаче“ (Очерки, I, стр. 19).

оканчивались неудачей,¹ что явные нелепицы, спетые сказителями, объяснялись ими священной традицией („так поется“)² и т. п. Следует сказать, что тот же ученый, а также и некоторые из его учеников в конкретных исследованиях, посвященных генезису сюжетов и образов, нередко вскрывали в эпосе весьма существенные элементы, принадлежащие народному творчеству в более поздние периоды. Укажем хотя бы на анализ Вс. Миллером былин и сказок об Илье Муромце, давший ценнейший материал по вопросу о развитии образа популярного богатыря.³ Но он не сумел в отмеченных им изменениях образа увидеть органические моменты, сообщающие былине новое качество, а видел лишь определенный социальный „пласт“, нанесенный на древнейшую основу. Вскрытие и объяснение генезиса этой основы являлось главной, первенствующей задачей, которую ставили представители господствовавшего тогда в области былины научного течения — „исторической школы“, возглавлявшейся Вс. Миллером. При этом основа былины мыслилась как историческое предание, обязательно связанное с частным конкретным историческим фактом и с определенными историческими лицами, и все, что якобы затемняло эту основу, трактовалось как „искажение“.

Эта точка зрения была крепко связана с господствовавшей до последнего времени теорией буржуазных социологов о зарождении былин в „высших слоях“ — княжеско-дружинной и торговой буржуазной среде. По этой теории крестьянство лишь в позднейшее время, не ранее чем в XVI—XVII вв., и через посредствующие звенья, главным образом через профессиональных певцов-скоморохов, начинает усваивать эпическое наследие. Как среда, которой содержание былевого эпоса было далеко не только хронологически, но и „социально“, оно могло лишь сохранять былину, а сохраняя, искажало, шаблонизировало и постепенно изживало. Это положение особенно четко формулировал покойный Б. М. Соколов, вполне солидаризировавшийся с Вс. Миллером по вопросу о роли крестьян-сказителей. Вслед за Вс. Миллером Б. М. Соколов утверждал, что „на долю крестьянства едва ли придется сложение хотя одного былинного сюжета“, „не так сильно сказались“, по его словам, на былинах „и творческая переработка, и приспособление к новой социальной среде старых сюжетов“. С другой стороны, он отмечал, что как раз „на долю крестьянского периода нужно отнести большинство исторических искажений, анахронизмов, народных этимологий и других проявлений «перевирания»

¹ Вс. Миллер приводит замечание А. Ф. Гильфердинга о сказителе Андрее Соромине: „Он пробовал распевать в виде былин сказки, которые рассказываются «словами» (т. е. прозаической речью), но это ему не удалось: видя, что дело не ладится, он бросил эту мысль“ (Очерки, I, стр. 19).

² „Обыкновенно же, хотя бы указана была в былине явная нелепица, сказитель отвечал: «так поется», а про что сказали, что так поется, то свято; тут, значит, рассуждать нечего“. (Ibid.)

³ Вс. Миллер. Очерки, I, стр. 362—413; II, стр. 87—168.

былин, что так свойственно среде, социально и хронологически отдаленной от воспеваемых былинами исторических событий".¹

Ошибочная общая концепция происхождения былин мешала исследователям правильно понять и истолковать конкретные фольклорные факты. Б. М. Соколов, напр., прошел мимо одного из кардинальнейших вопросов в изучении фольклорных явлений — о социальной функции, в свете которой целый ряд художественных элементов приобретает качественно иное значение. Так, эпитеты „деревенщина“, „засельщина“, „балахонники“ он рассматривает исключительно как презрительные клички, след „неизжитых анти-мужичьих классовых тенденций“, тогда как в ряде былин они выполняют обычно совершенно обратную функцию — раскрытия всего значения героя-„деревенщины“: эпитеты эти вкладываются в речи князей, бояр или других богатырей, придворных, в качестве предвзвешенной оценки вновь прибывшего богатыря-крестьянина, который в дальнейшем и затмевает их силой и храбростью.² Выразительная классовая оценка бояр („толстобрюхие“, „изменщики“, „подговорщики“ и т. д.) берется Б. М. Соколовым лишь как „слой“, идущий, с одной стороны, от казацких влияний, с другой стороны, от крестьянского классового сознания,³ и не рассматривается в органической связи с другими социальными моментами тех былин, где эта оценка дается. Вообще, хотя он и говорит о „глубоком внутреннем характере“ изменений в былевом эпосе, но в ряде конкретных случаев он сводит эти изменения все же к напластованиям в том элементарном понимании, против которого сам же предостерегает.⁴

Б. М. Соколов все свое внимание сосредоточивает именно на изучении „слоев“, выискивает отдельные детали, могущие дать опору для социологических определений, игнорируя подчас пафос быliny в целом, ее глубокий идейный смысл. Это особенно ярко видно на примере истолкования им одной из замечательнейших былин „Вольга и Микула“. Здесь мы видим, как порочная исходная точка зрения и ложный методологический путь исследования привели ученого к грубейшей ошибке — к отрицанию глубоко народных черт образа Микулы Селяниновича и к утверждению его „кулацкой сущности“. Толкование Соколовым образа Микулы как „антагониста“ крестьянской массы опирается на известную концепцию Вс. Миллера, по которой идеализированный образ

¹ Русский фольклор, 2-е изд., 1931, стр. 32—33.

² См., напр., былинку „Илья Муромец и Соловей-разбойник“, рябининский вариант (Гильф., II, 74).

³ „Русский фольклор“, стр. 32.

⁴ Так, отметив в качестве наиболее существенного факта крестьянского творчества „превращение важнейшего былинного героя Илья Муромца в крестьянского сына“, Б. М. Соколов не указывает, как по-иному освещаются самые подвиги Илья Муромца в тех былинах, в которых подчеркивается его крестьянское происхождение, какую глубокую социальную функцию приобретает самый образ „славного могучего богатыря“ благодаря выделению в нем крестьянских черт.

пахаря является продуктом творчества новгородского класса „своеземцев“ — богатых землевладельцев, владевших землей в довольно значительном количестве на правах собственности.¹ Исследователем подчеркиваются особые отношения Микулы с князем: его независимость и готовность служить; помощь князю в сборе дани, сопровождаемая насилием над городским населением — „мужиками“; получение в награду наместничества; наконец, общий облик Микулы с его чудесной сошкой, далекий от крестьянских черт. Однако как раз те моменты, на которые ссылаются для подтверждения наличия в образе Микулы чуждых крестьянству черт, в имеющихся записях стоят на заднем плане, во многих же вариантах и совсем отсутствуют или получают иную трактовку. Эпизод дарования наместничества находим лишь в одном варианте.² Расправа с „мужиками“ мотивируется в былинах тем, что они наводят „мосты поддельные“.³ В эпизоде же личного столкновения Микулы — нападением их на Микулу (они „хотели у меня мужичонка соль отнять, соль отнять и самого убить“).⁴ В некоторых вариантах видно, что этот последний довольно неясный эпизод осмысливается как столкновение с городскими жителями (купцами, посадскими), несправедливо вымогавшими у крестьян какие-то налоги на купленную ими соль, или даже как столкновение с „разбойниками-подорожниками“, требовавшими у Микулы денег — „грошей подорожных“.⁵ Также неверное освещение дано и эпизоду прятания сошки, который истолковывается Б. М. Соколовым как проявление „антимужичьих“ тенденций Микулы, так как прячется сошка якобы от „мужика-деревенщины“ во избежание ее порчи.⁶ Но, в сущности говоря, только в одном варианте смысл этого эпизода таков — у Троф. Гр. Рябинина (Гильф., 73). В других вариантах, если и упоминается при этом „мужик-деревенщина“, то неясно, прячется сошка от него или для него (Гильф., 156; Былины Севера, т. II). Характерно то разъяснение, которое делается Ив. Тр. Рябининым, какой именно „мужик-деревенщина“ имеется в виду, когда от него прячется сошка:

Есть у нас мужик да деревенщина,
Прозывается шалыга подорожная,
То ён сошку с земельки повыдернет,
А из сошки ён омешики повыколнет,
А и бросит мою сошку за ракивов куст.

Ясно, что этот „мужик-деревенщина“ осмысливается здесь как проходимец, а не труженик-землепашец. Возможно, что приведен-

¹ Р.-. Миллер. К крестьянству Микулы Селяниновича. (Этногр. Обзор., 1911, стр. 96—91.) См. также André Mazon, „Mikula le prodigieux laboureur“ (Revue des études slaves, XI, 3, 1931, стр. 149—170).

² Гильф., II, 156.

³ Ibid., I, 45, 53.

⁴ Ibid., III, 255.

⁵ Былины Севера, т. II. См. также у Ив. Тр. Рябинина (Этногр. Обзор., 1894, 4, стр. 138) наименование „мужиков“ — „мошенничками“.

⁶ Б. М. Соколов. Русский фольклор, стр. 32.

ные стихи Ив. Тр. Рябинин заимствовал еще от отца, который при исполнении былины Рыбникову, а затем Гильфердингу их просто пропустил. Новую формулировку данного мотива находим в печатающемся во II томе „Былин Севера“ варианте Денисова, где словами „оставил я сошку дубовую во бороздочке не для ради прохожего, проезжего, а для своего брата родимого“ как раз подчеркивается связь Микулы с остальными крестьянами. Наконец, есть варианты, где прятание мотивируется или просто необходимостью убрать сошку,¹ или желанием уберечь ее от „воров-подорожников“² или „пропою кабацкого“.³

Для определения основного идейного смысла былины все эти второстепенные моменты, конечно, не имеют решающего значения. Ведущим является образ пахаря, превосходящего силой и затмевающего представителя правящей верхушки — князя Вольгу и всю его дружину. В образе этого могучего пахаря-богатыря опоэтизирована крестьянский земледельческий труд и воплощены мечты народа о победе человека над природой. Недаром богатирство Микулы и в наше еще время связывалось в крестьянской среде с образом огромного героического труда на каменистых полях Карелии. Так, заонежский сказитель Кирик Гаврилович Рябинин, пересказав былинку, прибавил, указывая на каменные ограды полей, сложенные из камней, вывороченных когда-то, очевидно во время первых обработок этих полей: „Вот какой человек мужественный был, кто наши заборы из камней из земли своротил“.⁴ Соответственно этому идеализирован и внешний образ Микулы.

Трудно определить происхождение в былине указанных выше смутных отголосков каких-то феодальных отношений между Микулой и Вольгой. Возможно, что это — именно „наслоение“, след прохождения былины сквозь среду феодальных верхов. Быть может, это, наоборот, обломки каких-то очень старых преданий о князьях, ходивших на полюдь, за сбором дани, которые присоединились к песне о чудесном пахаре. Во всяком случае, мотивы эти органически не вошли в былинку и не заслонили центрального образа и основного замысла, а, наоборот, сами подверглись стиранию и переосмыслению.

„Крестьянскому слою“ в былинах Б. М. Соколов вообще посвящает всего полторы страницы своей работы⁵ и сводит его, в конце концов, как мы видели, к разным проявлениям „перевиранья былины“.

Взгляд на позднейший период жизни былин, как на процесс последовательного искажения и изживания, представляет одну линию заблуждений, связанных с основной предпосылкой о заро-

¹ Рыбн., II, 115.

² Гильф., III, 255.

³ Ibid., I, 32.

⁴ Былины Севера, т. II.

⁵ Б. М. Соколов. Русский фольклор, 1931, стр. 31, 32.

ждении эпоса в высших кругах. Но рядом с этим взглядом в фольклористике последнего времени утвердилась другая точка зрения, трактовавшая позднейший период как коренную переработку эпического наследия, пришедшего к крестьянам из идеологически чуждой среды, от социальных верхов. Теория эта нашла яркое выражение в целом ряде работ, в том числе и в одной из работ автора данной книги.¹ Возникла она в силу стремления согласовать наблюдаемые исследователями конкретные явления в русских былинах, говорящие о подлинной их народности, с укоренившимся положением о происхождении эпоса в высших социальных слоях. Исследователи, наблюдая в былинах выражение чисто народных черт, не делали, однако, решительного шага в сторону коренного пересмотра исходных позиций. Они не опровергали основного тезиса предшествующих ученых о „спускании“ эпоса в народную среду, а искали объяснения народного характера былины в позднейших условиях бытования. Одни выдвигали концепцию о позднем формировании героического эпоса крестьянской средой на основе феодального княжеско-дружинного творчества, создавая теорию о „крестьянских былинах“ XVII в., использовавших феодальное творчество лишь как „материал“.² Другие вводили представление о постепенной демократизации эпоса в результате целой цепи трансформаций и переосмыслений.³

Характерно, что сами фольклористы, проводившие подобные концепции, считали себя на принципиально иных позициях, чем их предшественники.

Дискуссия конца 1936 и начала 1937 гг. правильно показала, что между означенными линиями в фольклористике нет по существу большой разницы, так как они смыкаются друг с другом в одном и том же глубоко ложном толковании самих истоков нашего эпоса. Таким образом указанная попытка противопоставить положению о „последовательном искажении“ былины в северный период тезис об их позднейшей коренной переработке сама базировалась на той же ложной предпосылке, а потому неправильно освещала северный период.

Только выдвинутое дискуссией положение об исконной народности эпоса позволяет правильно подойти к данному вопросу и по-новому осветить те процессы, которые наблюдаются в жизни русских былины в их позднейший, „северный“ период.⁴

¹ А. Астахова. Русские былины. (Сборник „Эпическая поэзия“. Советский писатель, 1935.)

² См. раздел „Героический эпос древней Руси“ в книге Г. Абрамовича и Ф. Головенченко „Русская литература“, учебник для 8-го кл., изд. 2-е, М., 1935.

³ Эта точка зрения, ошибочность которой стала ясной автору в процессе дальнейшего исследования, легла в основу моей статьи в сборнике „Эпическая поэзия“, Лгр., 1935. Она же нашла отражение и во вступительной статье Н. П. Андреева в хрестоматии „Русский фольклор“, Лгр., 1935.

⁴ О дискуссии см. статью Ю. М. Соколова „Русский былинный эпос“ (Литер. Критик, 1937, № 9). Там же дан критический анализ и пересмотр указанных концепций.

Известно, что русский эпос преимущественно сохранился на Севере, где и в настоящее время наблюдается еще живое его бытование. Значительную часть эпоса представляют героические былины, повествующие о нападении или насилиях врага и о победе над ним русских богатырей. Былины эти пронизаны идеей защиты родины и населения. Это было отмечено уже ранними исследователями, как наиболее выдающаяся черта нашего героического эпоса.

Особенно отчетливо мысль об оборонительном характере богатырства в русских былинах была высказана А. Н. Веселовским, который начало эпоса связывал с ростом народного самосознания в период героической борьбы с иноземными насильниками. Но даже и у таких исследователей, которые прежде всего пытались вскрыть мифологические корни в былинах, мы находим особое выделение этой общественной стороны нашего эпоса. „Ни стремление к добыче, ни стремление к власти, ни даже стремление к личной славе не руководит богатырством Ильи“, — пишет Орест Миллер в заключении своего труда „Илья Муромец и богатырство киевское“. „Илье Муромцу, как мы знаем, и славы-то хочется лишь вообще про богатырей, и то для того лишь, чтобы такая общая слава о богатырстве удерживала насильников от вторжения в землю Русскую. Таким образом, и эта-то общая слава ему не *цель*, а *средство*, как не *цель*, не *искусство* ради *искусства* для него *богатырство* — а опять-таки только *средство* для того же самого недопущения врагов насиловать в Земле Русской“.¹ Такое оборонительное значение придается в былинах и деятельности других богатырей — Добрыни Никитича, Алеши Поповича, Михаила Даниловича, Сухмана и др.

Этот общий дух русского героического эпоса резко отличается его от древнего княжеско-дружинного творчества, некоторые остатки которого находим на страницах Первоначальной летописи в виде сказаний о набегах и походах русских. В этих сказаниях, как раз в противоположность огромному большинству былин, отразился активно-наступательный характер военной политики первых князей, завоевательные тенденции начального периода Киевского государства. И самый образ князя в былинах, не могучего воинственного предводителя своей дружины, как рисуют его предания, включенные в летопись, а также литературное княжеско-дружинное творчество, а беспомощного и растерянного в минуту опасности, постоянное подчеркивание зависимости его и „князей-бояр“ от богатырей, частое выделение былинами в качестве основной задачи богатырства — стояния „за вдов, сирот, бедных людей“, — все это говорит об определенно демократической, народной линии

¹ Ор. Миллер. Илья Муромец и богатырство Киевское. СПб., 1869, стр. 802. Курсив Ор. Миллера.

русского героического эпоса. Вот из этого сличения былины и княжеско-дружинного эпоса и был сделан в свое время ложный вывод о том, что былины — позднейшая переработка крестьянством княжеско-дружинного эпического наследия (см. выше, стр. 15). Для этого, однако, у нас нет никаких оснований. В той же летописи мы находим следы, гораздо более слабые, но все же определенные, наличия в устно-поэтическом обороте преданий-былин, идущих от других слоев — быть может, городской демократии или окружающего город земледельческого населения. К таким чисто народным преданиям принадлежит, напр., известный летописный рассказ о Белгородском киселе под 6505 годом. В нем повествуется, как победа над врагами была одержана не князем и его войском, а при помощи остроумной выдумки старика-горожанина, по совету которого удается обмануть печенегов, осадивших город, и убедить их в неистощимости у населения съестных припасов. Особенно интересно перекликание начала этого рассказа с традиционной ситуацией героических былин: вражеские полчища обложили город; князь Владимир в это время в северных землях собирает войско. „И не бе лъзе Володимеру помочи: не бе бо вои у него, печенег же множество много“. Однако дальше сюжет развивается, как мы видели, не в обычном плане героической былины. Но уже полную параллель былине мы находим в другом сказании, тоже приуроченном ко времени князя Владимира Святославовича, — о победе над печенежским богатырем (6500 г.). Здесь и вызов врагом на единоборство с чисто эпическим условием: „Выпусти ты свой муж, а я свой, да ся борета: да аще твой муж ударить моимь, да не воюем за три лета, аще ли нашъ муж ударить, да воюем за три лета“; и отсутствие „поединщика“: „И не обретеся нигде же“; и обычное состояние князя: „И поча тужити Володимир“;¹ и, наконец, появление неожиданного спасителя не из приближенных князя: юноши-кожемяки. Заключение рассказа — описание поединка и победа молодого богатыря переданы в чисто былинном стиле: „... И ястася, почаста ся крепко держати и удави Печенезина в руку до смерти и удари имь о землю; и кликнуша, и Печенези побегоша, и Русь погнаша по них секуще, и прогнаша я“.² Этот рассказ — драгоценное свидетельство существования в народной среде своего героического эпоса, отличающегося от эпоса дружинного; слабое же отражение этого творчества в Первоначальной летописи — литературном продукте высших классов — вполне понятно и отмечено было в свое время уже А. Н. Веселовским, не раз указывавшим на параллельное существование в древнюю эпоху эпоса народного и эпоса дружинного. С XIII в. в областных

¹ Напр. в былине о Калине-царе: „Владимир князь запечалился“ (К. Д., 24).

² Ср. также:

Согнет его корчагою,
Воздымал выше буйны головы своей,
Ударил его о горюч камень, расшиб его в крохи...
Достальные татара на побег бегут.

летописях начинают мелькать имена „храбров“ Добрыни, Алеши, причем предания, приуроченные к этим именам, датируются иногда очень ранними годами и объединяют обоих героев, что показывает, быть может, какие-то начальные моменты циклизации.¹ Наконец, в воинских повестях XVI в. мы видим определенное использование авторами и традиционных ситуаций былины татарского цикла, и отдельных эпизодов и мотивов, и самого эпического былинного стиля. Это ясно свидетельствует об известности и распространении данного героического цикла, былины которого даже привлекаются книжниками в качестве поэтических образцов.²

Несомненно, что какие-то основы русского народного эпоса относятся еще к периоду родового строя, что тогда сложились и первые очертания некоторых из образов былинных героев-богатырей, но главное ядро следует отнести к периоду героической борьбы русского народа с кочевниками на востоке и с немцами, Литвой и Польшей на западе. Героические былины в значительной своей части были вызваны к жизни самим характером нашего исторического прошлого — неустанной и напряженной, длившейся веками борьбой с иноземными нашествиями, тягчайшим из которых было татарское нашествие. По словам Маркса, татарское иго „не только давило — оно оскорбляло и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой“.³ Вот почему, как отмечено было Добролюбовым, народ именно в это время, „во времена бедствий родной земли вспомнил минувшую славу и обратился к разработке старинных преданий“.⁴ И Добролюбов указывает на роль былин в деле подъема народных настроений: „Песня эта, — пишет он, — была сначала горьким упреком настоящему, а потом, доставляя народу забвение и даже утешение, стала увлекать его и заставляла применять прежнее событие к современному течению дел“.⁵ В былинах, несущих яркий отпечаток творчества народа, воплотились народные идеалы силы и храбрости, направленных на защиту родины.

До сих пор господствовало утверждение, что на Север былевой эпос был занесен профессиональными артистами-скоморохами, уходившими на глухие окраины от преследований правительства в XV—XVI вв. Действительно, следы пребывания скоморохов на

¹ Так, напр., Никоновская летопись (XVI в.), обильно пользовавшаяся устными преданиями и песнями, и Алешу Поповича (Александра Поповича), исторический прототип которого связан с эпохой первых татарских нашествий, относит ко времени князя Владимира Святославовича (см. 1000 и 1001 гг.).

² Некоторые параллели былин и повестей указаны С. Шамбинаго в статье „Исторические переживания в старинах о Сухане“. Сб. статей, посвященных В. О. Ключевскому, М., 1909, стр. 503—515. Автор, в соответствии со своей общей теорией о позднем сложении былин, совпадение мотивов неправильно объясняет обратным влиянием повести на былинку.

³ К. Маркс. Секретная дипломатия XVIII в. Рукопись не издана. Цитирую по „Правде“ (Ц. О.) от 28 марта 1937 г., стр. 3.

⁴ Н. А. Добролюбов, I, Лгр., 1934, стр. 216.

⁵ Ibid.

Севере очень значительны. Ошибка некоторых исследователей в данном вопросе заключалась в том, что скоморохи рассматривались как элемент, обслуживавший преимущественно высшие социальные круги. На самом деле скоморохи, эти бродячие народные артисты, выходили из демократических слоев и никогда не разрывали тесной связи с народными массами. Самые гонения, которым подвергалось скоморошество в XV—XVI вв., обуславливалось не только нажимом церкви, ополчившейся на светское „языческое“ творчество, и не только связью скоморохов с анархическим и разбойничьим элементом древней Руси, но и определенными идеологическими моментами их искусства (напр. социальной сатирой), которые могли не приттись по вкусу правящим кругам. Искусство, которое несли скоморохи на северные окраины, было подлинно народным творчеством. Его восприняли скоморохи от других профессиональных и непрофессиональных народных мастеров, в его формировании известное участие принимали и сами.¹

Но в то же время несомненно, что генеалогия некоторых северных сказителей-крестьян восходит к таким же непрофессиональным мастерам-певцам древнейших времен, и былины заносились на Север и в процессе колонизации. Таким образом старое эпическое наследие не являлось для северного крестьянского населения чем-то далеким и чуждым. Оно было ему близко и понятно, как глубоко народное искусство, особенно героические былины с центральным образом богатыря, защищающего родину, землю от разоряющих ее врагов.

В чем же сущность творческих процессов в северный период бытования былин, когда эпос становится исключительно достоянием непрофессиональных певцов-крестьян? Ее следует определить как дальнейшее развитие подлинно народных основ эпоса, как углубление и развертывание былинных образов в свете представлений северного крестьянства.

В качестве одного из характерных моментов указанного процесса обращает на себя наше внимание особенное культивирование крестьянских черт Ильи Муромца.

Это вполне понятно. Ведь крестьянство Ильи Муромца особым образом окрашивает внутренние отношения, изображенные в былине. Если Илья Муромец вообще выделяется среди других богатырей, как образ героя, в котором отложились наиболее идеальные черты, то в былинах, где подчеркивается его крестьянское происхождение, он противопоставляется богатырям — представителям других социальных групп. Образ беспомощного, жалкого

* 1 Вопрос о профессиональных и непрофессиональных творцах и носителях эпоса требует пересмотра и специального изучения. Так, напр., должна быть изучена социальная природа известных нам по памятникам дружинных певцов. Принадлежа к младшей дружине, формировавшейся из демократических слоев, дружинные певцы должны были являться выразителями широких народных идеалов, а не специальных интересов князя и его приближенных.

князя тоже получает новый социальный смысл: князя и его „князей-бояр“ и все население выручает из беды выходец из крестьянской массы. Поэтому можно предположить, что особое выделение крестьянских черт скорее всего начинается с того времени, когда усиливается социальная дифференциация, хотя вообще крестьянское происхождение могло быть приписано Илье Муромцу и значительно раньше.

Стремление — любимого народного богатыря, носителя глубоко демократических черт, в образе которого отложились заветные народные идеалы несокрушимой мощи и подлинной доблести, сделать и по происхождению крестьянином — явилось естественным моментом в развитии образа Ильи Муромца. Былины-сказки об исцелении Ильи, которые преимущественно и выделяют его крестьянское происхождение, получили широкое распространение не только на Севере.

Но целый ряд деталей, направленных на усиление крестьянского облика Ильи Муромца, принадлежит, очевидно, уже северным певцам.

Известно, как использован был в былинах об исцелении Ильи Муромца эпический мотив об избытывании силы путем вырывания с корнем огромных деревьев. В своем древнейшем виде он встречается и в наших былинах — напр. в одном мезенском варианте о получении Ильей силы от умирающего Святогора (Григ., III, 50):

А зделалась в ём сила необъятна тут,
А да девашьсе ёму стало тут ведь некуда,
А ише рвал он тут пенья да всё как дубьё он.¹

Этот мотив в былинах об исцелении, так же, как и в некоторых сказаниях других народов о сиднях, получает иную трактовку. Илья Муромец не просто „избытывает“ излишек силы — он делает первостепенную по важности работу, совершает подвиг труда — очищает участок от лесу и кореньев для пашни. В этом установившемся и ставшем традиционным эпизоде северными сказителями тщательно выписываются детали. Особенно подчеркивается трудность работы для обыкновенного человека, не богатыря:

Работали мы три дни и три ночи,
Не могли бы мы сделать половиночки.²

Рядом с традиционной картиной очистки пашни находим следующую, чрезвычайно своеобразно рисующую первое применение Ильей Муромцем силы, его типично крестьянские заботы и хлопоты:

А пошел он как хранить полё ётцовское,
Он завидел-ле в поли ноньци скот ходит,
Он как из поля скота ноньце выганивал,
Как полё-то сырым дубьем огораживал,
Он ведь рвал тут как дубьицо с кореньицом,

¹ Григ., III, 50, стихи 191—193.

² См. „Былины Севера“, т. II, вар. И. Г. Чванова, стихи 125—126.

Он оклаал, огородил людем на юдивленьицо,
Как пришли его отец-ле, ронна матушка.
Как пришли они, увидели свое полё,
Как всё оно как дубьями заклажено,
Они тут как бы сами удивилисе:
„Кабы шчо эки чудеса у нас сотворилися?“¹

Выделение крестьянского происхождения Ильи Муромца в былине о Соловье-разбойнике получает особое значение. Классический вариант Трофима Григорьевича Рябинина (Гильф., 74) построен так, чтобы привести к апофеозу этого происхождения. Недоверие и насмешки в словах князя Владимира: „Ай же мужичищо деревенщина, во глазах мужик да подлыгаешься, во глазах мужик да насмехаешься!“ опираются на действительно крестьянское происхождение приехавшего богатыря: Илья Муромец на самом деле „мужик-деревенщина“. Демонстрация Соловья, испуг всех присутствующих, включая князя Владимира, становятся торжеством этого „деревенщины“. Характерна тенденция некоторых современных сказителей особенно подчеркнуть принадлежность Ильи Муромца к наиболее трудовым слоям крестьянства. В варианте И. Г. Чванова („Былины Севера“, т. II) Илья Муромец говорит каликам в ответ на их просьбу принести браги:

Ай вы гой еси, стародавнии люди,
Я из бедново положения,
И от бедных от родителей, от трудящихся,
Нету у нас браги хлебной.²

В конце былины Илья Муромец так отвечает на вопрос князя о его „роде-племени“:

Говорит тут Илья Муромец сын Иванович:
„Я не купецкий сын, сын кресьянина,
Сын кресьянина не богатово,
Не богатово, а бедново.“³

В связи с этим интересно отметить те детали последней части былины о Соловье-разбойнике, которые усиливают контраст между Ильей Муромцем и жалким князем Владимиром с его князьями-боярами. Традиционный заключительный эпизод дает простор для индивидуальных оттенков, усиления или ослабления социального акцента, перенесения его то на князя, то на бояр. Так, в варианте Фепонова из Пудогги, данный эпизод передан следующим образом:

А все ли заходили окаракою,
А князь-то Владимир он со стула пал,
А три часу он князь да без души лежал.⁴

¹ Онч., 53, стихи 47—57.

² Стихи 32—35.

³ Там же, стихи 521—524.

⁴ Гильф., I, 56.

В варианте Гаврилы Леонтьевича Крюкова из Зимней Золоты, записанном Марковым, Илья Муромец хватает князя и княгиню под пазуху:

А как дёржит-то их в охапочки.¹

Оригинален и свеж образ, данный крестьянином Пантелеевым из д. Ченежи, б. Пудожского уезда, записанный в 1904 г. Н. С. Шайжиным:

У Солнышка вся на пиру перепалисе,
Идны плавают окоракою,
А идны чуть живы лежат,
А старой казак сидит на лавочки,
Смиецце он во всю голову.²

Интересно также то усиление комизма, которое вносится в унаследованную от предков картину испуга современным сказителем П. И. Рябининым:

А Владимир князь да стольно-киевский
А он по двору да в кружки бегаёт,
Куньей шубкой да укрываетца.³

Эти оттенки и изменения в деталях, дающиеся в плане традиционной картины, связанной с основным художественным замыслом (возвеличение Ильи Муромца), получают особое социальное заострение в свете осмысления центрального образа героя как богатыря-крестьянина. Отсюда ясна порочность положения А. П. Скафтымова о том, что „идеологический элемент утилизируется былинной или в качестве аксессуарного эмоционально-окрашивающего средства, или находится на положении особого оценочного повода, направленного, опять к апофеозу богатырских успехов героя“.⁴ Мы видим, что как раз обратно — ситуация в былинной композиции используется для определения социального акцентирования.

Очевидно, под влиянием образа богатыря-крестьянина Ильи Муромца появляется стремление у некоторых сказителей сделать крестьянином и Добрыню. В варианте Калинина из Повенца (Гильф., 5), Добрыня выдвигает свое крестьянское происхождение как сословную преграду к женитьбе на Забаве Путятичне.

Ах ты мблада Забава дочь Потятична!
Вы есть нунчу роду княженецкого,
Я есть роду христианьского:
Нас нельзя извать же другом да любимым.⁵

Этот неожиданный мотив придает особую окраску подвигу змееборства и освобождения „полону русского“.

¹ Марк., стр. 351.

² Шайж., стр. 105; Милл., стр. 8.

³ Былины Севера, т. II. Курсивом выделен стих, внесенный П. И. Рябининым.

⁴ А. П. Скафтымов. Поэтика и генезис былин. М.—Саратов, 1924, стр. 95.

⁵ Гильф., I, стр. 48.

Углубление и развертывание героических образов происходит и в других направлениях. Основная ситуация о нападении врага и неожиданном спасителе прочно усваивается северными сказителями. Крепко держится и варьируется на различный лад мотив защиты, облакаемый преимущественно в формулу общенародного служения:

„Уж ты хой еси, Илья да Илья Муромець,
Ты постой-ко-се за веру да за правую,
Не за князя Владимира, не за меня Апраксею,
А за тот народ крещонный“.
Говорил-то Илеюшко да таково слово:
„Я не ради вас, не ради князя Владимира,
А за ту ведь ведь Русь да крещоную“.¹

И по смерти Илья оставил сыну своему заповедь: „Ой ты гой еси, Еруслан Ерусланович! Ты не бойся на свете никого. Защищай ты свою родину и учи сина защищать родину“.²

Примеры можно было бы умножить, пользуясь материалом и современных записей и редакций конца XIX — начала XX вв. Дошедший из глубины веков мотив выражен в различных, чрезвычайно своеобразных, часто очень выразительных модуляциях.

Большой художественной силы и убедительности достигают героические моменты в былинах об отражении врага Ильей Муромцем благодаря контаминации их с сюжетом ссоры Ильи с князем Владимиром. Сюжет этот, возникший, очевидно, как предполагают исследователи, на основе оппозиционных настроений народных масс в начале XVII в., в виде самостоятельной быliny записан в немногих вариантах. В качестве же составной части других былин, преимущественно о нападении Калина, Кудреванки и др., он имеет широкое распространение. Если данный сюжет действительно столь позднего происхождения, то не на долю ли как раз северного периода следует отнести всю основную творческую работу по созданию сложных контаминированных былин, так ярко выделяющих героические черты в образе Ильи Муромца и других богатырей и четко формулирующих основную идею героического эпоса, с другой стороны — заключающих такую выразительную сатиру на князя и его приближенных? Думаем, что сложные быliny о Камском побоище в том виде, в котором они дошли до нас в вариантах Беломорья, должны быть рассматриваемы как более поздние местные северные творческие композиции на старые сюжеты времен татарщины.

Образ любимого народного героя, бережно хранимый и творчески разрабатываемый, увенчивается ярким внешним его портретом — одним из шедевров крестьянского поэтического творчества:

Ехал стар по цисту полю,
По тому роздолью широкому,
Голова бела, борода седа,
По белым грудям росстиляется.

¹ Настоящая работа, вариант № 33, стихи 85—92.

² Быliny Севера, т. II, вар. И. Лопинцева.

Как скатён жемцуг рассыпается.
Да под старым конь наюбел белой,
Да ведь хвост и грив' науцёр чёрна.¹

Из былин героического цикла следует остановиться еще на былинах о Василии Игнатьеве, Василии-пьянице, которые явились созданием оппозиционно настроенных низших социальных слоев.²

Вспомним, в чем художественный эффект этой былины, раскрывающий ее социальную тенденцию. Сюжетная схема ее аналогична ряду других былин о неожиданном нападении врага: враг грозит Киеву, богатырей нет, бояре, князь — в полной растерянности, неожиданно является спаситель со стороны, откуда его и не ждали: богатырь-малолетка (Ермак, Михаил Данилович), старый казак Илья Муромец, в разбираемом сюжете — „голь кабацкая“ — Васька-пьяница. Это перенесение роли неожиданного спасителя на Ваську-пьяницу заостряет былинку в сторону противопоставления господствующему классу социальных низов: единственно они оказывают помощь при нашествии Батыги, Кудреванки, Скурлы. Можно с вероятностью предположить, что уже в раннее время, на почве тех же настроений, появляются те варианты этого сюжета, которые, помимо общего снижения образа князя, направляют былинку в сторону резкого обличения бояр „толстобрюхих“, „кособрюхих“. В печорских вариантах, когда Владимир, по совету Апраксии, идет искать богатыря, встречающиеся „подсушины“ не хотят указать его, так как Владимир не с ними „думу думает“, а с „боярами“. Бояре всячески оскорбляют Василия и до совершения им подвига и после, отказывают ему в заслуженной им награде, говоря: „Нам боле Васенька не надобно“, так что оскорбленный Василий даже напускает татар на Киев, разрешая им „повыбить бояр толстобрюхих“.

Именно эта сторона былин о Василии Игнатьевиче оказалась надолго актуальной и сохранилась в эпической традиции Севера до настоящего времени. И в отношении данной былины, как в отношении ранее разобранных, позднейшему крестьянскому творчеству принадлежит дальнейшая раскраска сатирических мест былины и заострение их, смотря по тенденциям исполнителей-творцов, то против князя, то против бояр. Иногда подчеркивается полное обезличение князя Владимира и его зависимость от бояр. Когда бояре ропщут на честь, оказываемую Василию Игнатьеву, „а и тут нецё князь говорить не смет“; то же повторяется, когда бояре отказывают Василию в награде.³ В одном варианте, когда

¹ № 13, стихи 1—7.

² Подробно разобрана эта былина была Вс. Миллером (Очерки, I, стр. 305—327, 353), который определил ее как позднейшую сбродку исторических воспоминаний о событиях татарского времени в скоморошье среде XVI—XVII вв. Ошибка Вс. Миллера заключается в том, что он не сумел осознать всей значительности перенесения черт героя на представителя „голи“, а видел лишь „смакование кабацкой сцены и зелена вина“ „грубой средой любителей кружала государева“, „кабацких заседателей“, веселых людей скоморохов.

³ Онч., № 4, стр. 30 и 31.

раздраженный Василий врывается в терем, Владимир прячется под стол, умоляет о пощаде и пр.¹ Несомненно, в дальнейшем такая социально-насыщенная былина, с резкими нотами социального протеста, должна была иметь успех, особенно у передовых групп северного крестьянства. Эти же черты обусловили ее сохранность и до настоящего времени. И именно в самых северных районах, где оказались наиболее острые варианты былины о Василии Игнатьеве и где сатирическая характеристика бояр получила дальнейшее развитие, былины о Василии Игнатьеве остались популярными вплоть до наших дней.

Так же бережно продолжают сохраняться и культивироваться черты человеколюбия, великодушия и бескорыстия в образе любимого богатыря. Такие отдельные штрихи, как мотивировка поступка Ильи Муромца, не убивающего разбойников, а лишь пугающего их: „Ему жалко их до смёрти убить“ (Кир., I, стр. 17), или замена традиционной раздачи Ильей найденного богатства на церкви-монастыри (в былине о трех поездках) раздачей нищим и сиротам,² представляющие проявления индивидуального творчества, — показывает, в каком именно направлении углублялись и отчеканивались основные героические образы.

Отмеченные процессы мы находим и в области былин-новелл. Этот жанр считали обычно созданием более позднего времени по сравнению с героическим эпосом и в значительной степени плодом творчества скоморохов. О связи скоморохов с народными массами мы уже говорили. Несомненно, скоморохи имели в своем репертуаре былины-новеллы на сюжеты, близкие и понятные крестьянству, поэтому легко им усваиваемые. Однако слишком односторонне относить оформление новеллистических сюжетов только к скоморохам. Факты переложения сказочных сюжетов и тем в былины в позднейший период заставляют предполагать наличие того же процесса в среде „молодых людей“ посада и непрофессиональных певцов-крестьян и в более ранние времена.

Широкое распространение среди северного крестьянства некоторых былин-новелл обусловлено их большими художественными достоинствами — увлекательной фабулой, эмоциональностью образов, яркими бытовыми зарисовками. В вариантах одной из наиболее любимых и широко известных былин-новелл „Добрыня и Алеша“ захватывают слушателя и глубоко-человечный образ самого Добрыни, жалующегося на то, что богатырская участь заставляет его проливать кровь — „слезить матерей“, „вдовить молодухек“, „сиротать малых детушек“, и образы горюющей матери и верной супруги, и поэтическое описание убитого бога-

---

¹ Онч., № 17, стр. 68.

² И раздавал это злато-серебро по нищей по братии,
И роздал он злато-серебро по сиротам да бесприютным

(Гильф., II, 171.)

тыря, и яркое изображение игры гусяра Добрыни на свадебном пиру и т. п. Мы не знаем, в каком виде эта замечательная былина вошла в репертуар северного крестьянства, какие именно эпизоды и картины уже были в первоначальных редакциях. Но что северным крестьянам-сказителям принадлежит большая творческая роль в дальнейшем развитии и художественной раскраске былины — это несомненно. Об этом свидетельствуют и множество композиционных вариаций ее, и обилие разнообразных художественных деталей отдельных ее эпизодов.

Тема давала большие возможности для творческих разработок психологических и бытовых моментов. Так, во многие варианты, включается причетъ матери по отъезжающем сыне, заключающая волнующие образы горя:

Ай же ты, любимая невестушка,
Молода Настасья дочь Микулична!
Уж ты шьчо сидишь во терими в златом верьхи,
Над собой разве невзгодушки не ведаёшь?
Закатайтце ведь наше красно солнышко,
Ай заходит за горы за высокия.¹

Причетъ матери в ряде вариантов дается и после согласия Настасьи Микуличны на брак с Алешей Поповичем. Замечательна, напр., по своей выразительности причетъ мезенской группы обработок этой былины:

Да не стало у мя дитятка родимого,
А не стало невеси да богосуной;
Ише некому миня стало поить-кормить,
У мя резвы ножечки приходилисе,
Да у мя белы-ти ручушки примахалисе.
Очи ясны у мя да пригледелисе;
Ише некому миня стало поить-кормить,
Ише некому мя стало обувать-одевать.²

В вариант Н. С. Богдановой („Былины Севера“, т. II) внесен особый эпизод, нигде больше не встречающийся: мать, спустя три года после отъезда Добрыни, идет к князю Владимиру и „горько-тошно покоряетце“, т. е. укоряет князя за то, что тот отправил ее сына надолго на заставу.

Наконец, в некоторых вариантах тема горящей матери замыкается указанием Добрыни на главную вину Алеши Поповича, заключающуюся в том, что он слезил его родитель-матушку, заставил ее скорбеть „свое личко белое“ и т. п.³

Мы остановились здесь, и то лишь было, на одном мотиве былины. Сопоставление вариантов ее во всем многообразии ее мотивов показывает большую работу крестьян-исполнителей над ее художественной отделкой. Та же творческая работа над раз-

¹ Марк.-Богосл., II, стр. 49, стихи 104—109.

² Григ., III, 49, стихи 58—65.

³ Гильф., I, стр. 63.

вертыванием, углублением и раскраской образа отмечает и варианты другой популярной былины-новеллы о Чуриле и неверной жене.

Развитие некоторых новелл идет также и по линии разработки элементов сатиры. Это вскрывается с особенной очевидностью на примере тех же былин о неудачной женитьбе Алеши Поповича. Былины эти сложились уже в то более позднее время, когда первоначальный героический образ Алеши, победителя насильника Тугарина, смелого богатыря Алеши Поповича прошел процесс деградации, и Алеша Попович превратился в представителя поповских родов, наделенного специфической социальной характеристикой. Тогда-то и мог мировой сюжет о муже на свадьбе своей жены прикрепиться к имени Алеши Поповича и оформиться в былинку, иронически освещающую этого богатыря.

Социальную окраску данной былине придает не только изображение Алеши Поповича, как лжеца и интригана (причем обычно подчеркивается его происхождение), но и сводническая роль в некоторых вариантах князя Владимира. Роль эта не обязательна для построения сюжета; в целом ряде вариантов она отсутствует, поэтому, возможно, она не изначально былинной обработке данного сюжета и включена позднее. Произошло ли это уже после того, как былина проникла на Север, или раньше, — неизвестно. Во всяком случае, определенное усиление данный мотив несомненно получил среди северного крестьянства.

Активное участие его в разработке этого мотива ясно видно из разнообразия вариаций. Традиционная ситуация о поддержке Владимиром сватовства Алеши, привозящего ложную весть о гибели Добрыни, получает в одном из вариантов специфическую трактовку: Алешу делают племянником князя Владимира и, таким образом, родством мотивируют участие Владимира в интриге.¹ В некоторых былинах сватовство Владимира дается как прямое насилие. Он угрожает Настасье:

А ты с добра не пойдешь, Настасья Микулична,
Так я тебя возьму в портомойницы,
Так я тебя возьму еще во коровницы.²

Под влиянием этой угрозы Настасья Микулична и соглашается на замужество. Выразительную мотивировку вынужденного согласия дает один из новейших вариантов, записанный в 1932 г. в Заонежье:

Ты послушай-ко, боходана моя матушка,
Под боярином жить да будто под чортом,
Лучче итти мне за Олёшеньку в замужесво.³

¹ Гильф., II, 107.

² Ibid., 198.

³ Былины Севера, т. II. Вариант, записанный от А. Ф. Оргиной.

Угроза дается и в другой форме; по своей собственной инициативе Владимир, чтобы только помочь Алеше, издает „указы грозные“ — „манифесты немилосливы“: „Не держать бы жон безмужних, не держать удовок беспашпортных“.¹

Иногда даже князь Владимир принимает особые меры на случай возможности неожиданного приезда Добрыни:

Они крепости все да повыладили,
А столбы-то вси оны е повыставили,
А для всякою опасности,
В особину же для Добрынюшки да е Микитича,
Чтобы в ту пору да в то время
Не приехал наш Добрыня на почестен пир.²

Наконец, в одном из вариантов обман приписывается самому Владимиру.³ В соответствии с этой неблагоприятной ролью князя Владимира, в развязке, уже после сцены узнавания, обычно следует знаменитый укор Добрыни, обращенный к князю. Приводим его к формуле варианта заонежского сказителя Калинина:

Не дивую я тут разуму женскому,
У ней волос долог, ум короток,
А я дивую нын же солнышку Владимиру,
Со своей было княгиною:
Он же солнышко Владимир стольнѣ-киевской
Он же был да сватом ли,
А княгинушка да свахою,
От живаго мужа жонушку за муж берут, просватают!⁴

Характерен вариант этого мотива, в котором Владимир именуется не князем, а царем:

Я дивую вашему царскому разуму,
Что от живого мужа вы берете за другаго.⁵

Смысл укора подкрепляется изображением состояния Владимира: „Тут солнышко Владимир стольне-киевский, он повесил буйну голову“, или: „Тут Владимиру к стыду стало“, и т. п. Включение в некоторых вариантах рассказа о подвигах, совершенных Добрыней, еще более оттеняет неблагоприятность поступка Владимира:

Ах же, Владимир столен-киевской!
Я служил тебе как верой-правдою,
А ты ведь сделал дело доброё:
Молоду Настасью Микуличну
А силою берешь ты великок.
Ты прощай меня нын-ка, Владимир-князь!⁶

¹ Гильф., III, 206 и 211.

² Ibid., I, 23, стр. 189.

³ Ibid., 65.

⁴ Ibid., 5, стр. 62.

⁵ Ibid., 33; см. еще №№ 23, 43, 65; II, 80, 145, 149.

⁶ Ibid., 65.

В некоторых вариантах сатира переносится и на бояр, которые изображаются участвующими в интриге. Укоры Добрыни принимают характер угрозы:

Стал Добрынюшка похаживать,
С ноги на ногу Добрынюшка поступывать,
Зычным голосом по терему поваживать:
„Ах же князи видно бояра,
А вы сильни могучи богатыри,
Ай ты наш Владимир на что нынъ укинулись,
Делаете дело нехорошее!“¹

Бояре, боясь расправы, бегут с пира:

Это тут бояра перепалися,
Со того пиру как разбегались.

Добрыня указывает Владимиру на возможность расправы и с ним:

Чёго ты стоишь, князь со княгиною,
Чёго ты стоишь да того же ждешь...²

Из данных примеров ясно видно, что определенная ситуация не механически усваивается и повторяется, а то усиливается, то ослабляется, насыщается новыми деталями, которые и сообщают ей известную социальную направленность. То же мы видим и в отношении образа Алеши Поповича — „похавного вора“, „дивочьего надсмешника“, „бабьего пересмешника“.

В заключительной сцене расправы наблюдаем различные вариации деталей, придающие ей разнообразные оттенки, соответственно индивидуальным вкусам и наклонностям отдельных исполнителей. „Поповское“ же происхождение Алеши используется в некоторых вариантах как мотивировка запрета Добрыни выходить замуж за Алешу Поповича:

А не ходи ты за Олëshеньку Поповича:
А не люблю я ведь роду всё поповского.³

В одном из вариантов мотив этот развернут, и Алеша Попович в его социальной характеристике противопоставлен крестянству:

А Олëshа не роду да хрестияньского,
А Олëshа-та роду да всё поповьского,
Ише руки у Олëshи да заграбушие,
А глаза у Олëshи да завидушие:
А окстит тут Олëshа да златом-серебром,
Потеряёш-ка ты свою буйну голову.⁴

¹ Гильф., I, 65.

² Ibid., III, 206.

³ Григ., III, 38, стр. 192.

⁴ Ibid., 57, стр. 323.

На примере былины „Добрыня и Алеша“ мы показали, в каких формах проявлялось творчество крестьян-сказителей в области новеллистического жанра в том случае, когда материал был им близок, понятен, отвечал их социальным вкусам и тенденциям. Но в новеллистической части былевого эпоса мы находим произведения, насыщенные такими историко-бытовыми чертами, которые позднейшему крестьянству могли быть мало понятны. Такие былины оказывались наименее устойчивыми. Например былина „Хотен“, отразившая буржуазный быт большого города, хотя и вошла в репертуар северных крестьян, но мало привилась и раньше других стала исчезать. Другие подвергались изменениям в духе нового восприятия.

Остановимся, напр., на истории варьирования одного из замечательнейших былинных образов — Василия Буслаева.

О нем мы имеем две былины, сложенные в разное время. Создание первой былины относится ко времени свободной новгородской жизни (не позднее середины XV столетия). Былина дает яркие зарисовки внутренних междоусобий, которые были результатом борьбы общественных партий и составляли характерные черты жизни старого Новгорода. Былина отразила то расслоение, которое существовало в самой социальной верхушке, и ту борьбу отдельных ее слоев, в которую втягивался и мелкий городской люд, всегда готовый в силу своего экономического закабаления подниматься против „вятиших“.¹

В лучшем и, повидимому, наиболее близком к старейшей редакции варианте Кириши Данилова, несмотря на некоторые ноты осуждения поступков Василия Буслаевича, он изображен как герой-победитель. „Мужики“ в заключительной части былины приходят с богатыми подарками, чтобы „замириться“, первое выступление Василия Буслаевича против Новгорода мотивируется обидой, которую ему наносят.

Во второй былине совершенно очевидно конечное осуждение Василия Буслаевича, причем образ героя связывается с ранее созданным (мотивировка поездки на богомолье: „смолоду бито много, граблено, под старость надо душа спасти“, перенесение персонажей первой былины — дружинников Василия Буслаева, его матери и т. д.).

Образ Василия Буслаева принадлежит к лучшим созданиям народного творчества. Слагателям былин о Василии Буслаеве удалось создать образ большого художественного обобщения, образ безудержной необузданной силы, тип вольнодумца, не верящего „ни в сон, ни в чох“, а только в свой „червленный вяз“.

Эти обобщающие черты были подчеркнуты Горьким, причислявшим Василия Буслаева к наиболее ярким былинным образам.

¹ И. Н. Жданов. Русский былевой эпос. СПб., 1895, стр. 193—424.

² См. письмо Горького редакции „Библиотеки поэта“. (Литер. газета от 30 июня 1936 г.).

Образ этот несет на себе определенный отпечаток эпохи. Историческими условиями объясняется и двойственность в обработке и оценке в старейших редакциях. „Василий Буслаев“ создан в атмосфере сложных социальных взаимоотношений и ломки старого мировоззрения. На былине могли сказаться и невольные симпатии к сильной личности, вступающей в борьбу с обществом, и ее осуждение, могли отразиться тенденции различных групп новгородского населения, в среде которого былина исполнялась.

В процессе восприятия и осмысления образа Василия Буслаевича северным крестьянством стирались некоторые исторические черты былины. За „мужиками новгородскими“ не виделась их историческая социальная категория, и образ Василия Буслаева, избивающего „мужиков“, воспринимался преимущественно как отрицательный. В то время как бунтарство Ильи Муромца, направленное против несправедливого и неблагодарного князя, его дружба с голями, его столкновение с „боярами толстобрюхими“ естественно должны были вызывать крестьянские симпатии в тот период, когда крестьянство становилось в положение класса-антагониста, действия Василия Буслаевича против массы, против населения должны были вызвать осуждение. Очевидно, именно позднему периоду принадлежит факт контаминации обоих сюжетов о Василии Буслаеве, которая стирает впечатление от торжества Василия в первой былине и дает его конечное осуждение. Среди заонежских вариантов более одной трети контаминированных. Рассказ о бое с Новгородом обычно дается в них в плане осуждения Василия Буслаева, хотя он и изображен победителем. Характерно, что если в этих вариантах и говорится о том, что Василия Буслаевича обижают, не призывают на пир, то это обычно — уже вторичный момент, вызванный озорными выходками самого Василия. Часто мать с подарками спешит к князю или старосте, чтобы уничтожить заклад и спасти Василия Буслаевича. В конце побоище прекращается, так как мать останавливает Василия Буслаева. Таким образом в этой былине, как она оформлена в заонежских вариантах, нельзя не видеть определенного осуждения необузданному богатырю, сила которого направлена во вред окружающим. Такой же характер имеют мезенские варианты, пинежский и золотницкий. Последний (Марк., 52) особенно интересен, так как показывает четкую позицию крестьян-исполнителей в отношении Василия Буслаевича. Василий выставляется здесь представителем социальных верхов.¹ Отец его — „богатый князь“. Сам Василий

Он дворянсима забавами да забавляйтце, —
Малых деточек на улки пооббиват:
Он ведь голову возьмёт, да голова тут прочь;
Он ведь за руку, за ногу — нога тут проць,
Он ведь тут Василий Богослаевич,
Он ведь много убивал да малых деточек.²

¹ См. также определение Василия Буслаева как „именитого“ в варианте № 14 в настоящей работе.

² Марк., 52, стихи 17—22.

Это и вызывает у мужиков намерение его убить. Василию всюду приписывается активная роль зачинщика. Он является незваным на пир, хотя его мать и предостерегает от этого, совершает на пиру бесчинства.

Упехал-то из-за стола многих людей добрых,
Ише тех ли мужиков новгородьких,
Он выпёхивал их всё на новы сени.
Тут народ-от, люди добры испугалисе,
По домам-то ох ведь много розьбегалосе...

На заклад вызывает сам Василий Буслаевич. Мать его, чтобы предотвратить от него опасность, бежит с дорогими подарками к князю. Во время боя Василий убивает сперва крестового брата, который учил его когда-то грамоте, затем крестного отца. Вторая былина внутренне логически связана с первой. Василий просит благословения съездить в Ерусалим:

Я ведь нагрешил я много хоть со малых лет,
Убивал много народу православного,
Убивал много хресьянских малых детушок,
Убил-то я своёго хрёсна батюшка,
Я убил-то крестового своёго брателка...

Во время пути Василий совершает вызывающие осуждение поступки. Былина заканчивается изображением гибели Василия. Так, вторая часть, в контаминации с первой былиной, дает исход тем нотам осуждения, которые проходят через всю первую часть.

В противоположность указанным группам вариантов — печорские, наиболее близкие к направленности первой былины из сборника Кириши Данилова, сохраняют следы былых симпатий к Василию. Из них исключено изображение озорства его на улицах. Видно некоторое одобрение доброму молодцу Василию Буслаевичу. Кончается былина тем, что Новгород покоряется, приносит ключи.

Совершенно иначе осмыслен образ Василия Буслаевича в варианте, записанном П. Н. Рыбниковым в Пудогге от шальского лодочника (Рыбн., II, 150). Происхождение героя не указано, но он с самого начала выставляется как противник высших классов. Он заходит на княженецкий двор „шутить-то шуточки не добрые с боярскими детьмы, с княженецкими“. Князья новгородские жалуются на него матери. Заклад Василий держит тоже с князьями новгородскими. Мужики новгородские играют пассивную роль. Их выставляют князья против Василия. Боясь, что Василий „не оставит мужиков на семена“, князья обращаются за помощью к Старцишу Пилигримищу, затем к матери. В конце они приходят к Василию:

Пали ко Василью в резвы ноги,
Просят Василья во гостебнице, —
Сами говорят таковы слова:
„Ай же ты, Васильюшка Буславьевич.
Прикажи собрать тела убитыя,
Предать их матери сырой земле...“ и т. д.

Былина кончается полным апофеозом Василия.

Таким образом былина о Василии Буслаеве таила в себе возможность и иного осмысления, чем то, которое она получила в огромном большинстве вариантов. Эта возможность осуществлялась лишь в одном варианте из известных нам. Тот факт, что образ Василия Буслаевича был осмыслен как отрицательный, привел, по нашему мнению, и к более решительному упадку, забыванию и исчезновению былин об этом герое. Настоящим народным героем, естественно, должен был оказаться Илья Муромец, дающий иной, чем Василий Буслаев, выход своей силе, направляющий ее на служение народу. Новые обследования последних лет дали сравнительно небольшое количество записей, к тому же некоторые из них представляют собою лишь отрывки или былины, разложившиеся в сказку.

Говоря о крестьянском творчестве в области героического и новеллистического эпоса, нам приходилось уже касаться вопроса о контаминации. Контаминирование сюжетов или отдельных эпизодов различных былин часто является выражением творчески-активного отношения крестьян-сказителей к материалу. Контаминируются обычно сюжеты, объединенные фигурой главного героя. Назначение такой контаминации понятно: усилить образ, сделать его более полным. Так, часто соединяются различные сюжеты о подвигах Ильи Муромца, образуя иногда большие сводные былины-биографии. „Биографический“ интерес определил и беломорскую контаминированную былинку о Дунае, объединившую сюжет о добывании невесты с сюжетом о молодце и королевне.¹ Контаминация вызывается и определенной социальной тенденцией. Эффект контаминации сюжета о Калине-царе с сюжетом ссоры Ильи Муромца с князем Владимиром отмечен выше. Тот же идейный и художественный результат достигается контаминацией былины „Илья Муромец и Идолище“ с сюжетом „Голей“.² Смысл объединения обеих былин о Василии Буслаевиче мы видели. Интересны и художественно оправданы случаи контаминации былины „Добрыня и Алеша“ с каким-нибудь сюжетом о Добрыне героического характера: временной промежуток в действии — отсутствие Добрыни — заполняется конкретным содержанием, социальный акцент былины (при участии князя Владимира в интриге) получает особый вес.³

Конечно, рядом с такими подлинно творческими моментами мы находим и случаи контаминации, знаменующие забывание, стирание и затушевывание в сознании исполнителя подлинных эпических образов. Такова, напр., былина Калинина „Садко, Вольга и Ми-

¹ См. примеч. к последнему сюжету в т. II.

² См., напр., Григ., III, 51; Онч., 20; настоящий сборник, 78.

³ См., напр., Григ., III, 38, 47 (контаминация с подвигом змееборства), Рыбн., 8 — Гильф., 80 (с сюжетом о Василии Казимирове), Гильф., 65. В последнем варианте в былинку вставлены два развернутых эпизода: уничтожение вражеской „силы“ и бой с иноземным богатырем-„нахвальщиком“ (сюжет былины „Илья Муромец и сын“). Это и дает возможность усилить укор князю Владимиру.

кула“¹, где объединены сюжеты о Садко, Василии Буслаеве и Вольге и Микуле. Несуразны некоторые контаминированные былины известного Щеголенка, вообще тяготевшего к неожиданным и причудливым комбинациям.² Но некоторые из таких сложных контаминированных былин представляют большую творческую удачу. Чрезвычайно искусно, напр., переплетение двух сюжетов в былинѣ Трофима Григорьевича Рябинина „Добрыня и Василий Казимирович“,³ или в варианте Антонова из Пудожья,⁴ где действие развивается в двух параллельных планах.

К наиболее решительным моментам нового подхода к материалу следует отнести перестройку заключительных частей былин, изменение развязок. Ярким случаем такого рода является история былины-новеллы об Алеше Поповиче и сестре Сбродовичей (или Петровичей). Наличие рядом с былинами, в которых действие прикреплено к Киеву и приурочено к имени Алеши Поповича, типичных безыменных песен-баллад⁵ о девушке, запятнавшей свою фамильную честь и осужденной братьями на смерть, привело ученых к предположению, что здесь мы имеем сравнительно позднее (не ранее XVII в.) переоформление песни в былинѣ. Международный сюжет о девушке, ограждаемой от любви крепкими запорами, которые все же не могут уберечь девушку, разработан, на почве феодальных представлений о семейной чести, в сюжет о сестре, опозорившей род и казненной за это братьями. К имени Алеши Поповича сюжет был приурочен в силу уже сложившейся репутации этого богатыря как „бабьего прелестника“, а это приурочение, в свою очередь, втянуло былинѣ в некоторых ее вариантах в киевский цикл. Впоследствии имя Алеши Поповича проникло уже под влиянием былин и в некоторые песни, которые раньше являлись безыменными. Исход некоторых песен трагический.⁶ Возможно, что и старейшие былины, созданные на их основе, еще сохраняли трагическую развязку. След этого мы находим в нашей записи 1928 г. на Мезени.⁷ Но за исключением этого варианта все остальные записи этой былины на Пинеге, Терском берегу, Зимнем берегу и Печоре имеют развязку благополучную: Алеша Попович просит у разгневанных братьев руки обещанной им девушки и тем спасает ее от смерти.

Проявление тенденции к смягчению жесточких развязок, в которых следует видеть отпечаток древнейшей эпохи, находим и в некоторых вариантах былины „Князь, княгиня, старицы“ с благополучным исходом — оживлением верной, но несправедливо заподо-

¹ Гильф., I, 2.

² См., напр., его былинѣ „Святогор и Садко“, Гильф., II, 119.

³ Гильф., II, 80; Рыбн., I, 8.

⁴ Гильф., I, 65.

⁵ Грин., I, 72, 81.

⁶ Киреевский, II, стр. 64 и 66.

⁷ Настоящий сборник, вариант № 21.

зренной жены.¹ Случай же коренной переработки заключительного эпизода имеем в обработках былины об Иване Гоудиновиче — на Терском берегу и на Пинеге. Обычно былина кончается жестокой расправой героя со своей неверной и коварной невестой. В варианте, записанном от О. С. Вопиящиной из Кузомени, этой расправы нет: Иван Гоудинович убивает Идолище, которое хочет отнять у него невесту; на этом былина и заканчивается. Но певица добавила, что Настасья Митреяновна заколола сама себя.² В варианте с Пинегы³ Настасья Митреевна наделяется чертами преданности и, по просьбе Ивана Гоудиновича, поражает копьем Кашевища, когда тот, свалив героя, хочет его убить. Концовка былины — предложение Ивана Гоудиновича ехать в „священный храм“ и принимать „законный брак“ — аналогична указанной развязке песен об Алеше и сестре Сбродовичей. Но подобные случаи коренной перестройки композиции в результате иной трактовки темы, — явление не частое. В условиях чрезвычайно устойчивой традиции и крепко сложенной формы изменения преимущественно касаются частных, деталей, но порою, как мы видим, настолько существенных, что они в определенном направлении окрашивают весь эпизод, а иногда и всю былинку в целом.

Когда Вс. Миллер писал о том, что „крестьяне были только хранителями старины в былевой поэзии, но не развивали ее новыми сюжетами“, ⁴ ему были известны только собрания Кириши Данилова, Киреевского, Рыбникова и Гильфердинга. Материал „новых“ сюжетов здесь действительно был невелик и казался исследователю случайным. „В громадном сборнике Гильфердинга, — писал он, — мы найдем только одну *старинушку*, связанную с олонечскими местами. Это — старинушка о Рахте Рагнозерском (№ 11), записанная только в одном пересказе... Если вы внимательно прочтете эту *старину*, то увидите в ней лишь одиночную, неудачную попытку представить в форме былины местное предание о силаче. Обычный эпический склад лишь некоторыми чертами подслужился сказителю, но вообще старина и в этом отношении плохо выдержана. Про эту старину можно сказать то, что сказал Гильфердингу один сказитель, Андрей Сорокин: он пробовал распевать в виде былины сказки, которые рассказываются «словами» (т. е. прозаической речью), но это ему, не удалось; видя, что не ладится, он бросил эту мысль“.⁵

Однако былина „Рахта Рагнозерский“ не заслуживает такой низкой оценки. Правда, сюжетная ее ситуация неоригинальна и навеяна „Кострюком“. Стиль большими художественными достоинствами не отличается. Но значительный интерес представ-

¹ Грэг., I, 9, 13, 15, 27, 35; III—82; Марк., 30 и 115; Марк.-Богосл., II, стр. 93; Ист.-Д., стр. 63.

² Марк.-Богосл., II, стр. 76.

³ Грэг. I, 170.

⁴ Вс. Миллер. Очерки, I, стр. 18.

⁵ Ibid., стр. 19. Курсив автора.

ляет насыщение былины чертами местного северного быта (работа богатыря в лесу, лыжи, на которых богатырь спешит в Москву, испрашивание в награду рыболовческих привилегий); сложена эта былина в общем все же довольно складно. Что касается до опытов перекладывания в былины сказок, то почему-то Вс. Миллер прошел мимо нескольких случаев переработок сказок и легенд, зафиксированных в записях Рыбникова.¹ Переработки эти неудачными назвать во всяком случае нельзя.

Открытые в начале XX в. на северо-востоке и в районах Беломорья эпические богатства, казалось, должны были бы поколебать утверждение о том, что живая струя эпического творчества окончательно иссякла, и заставить пересмотреть вопрос. Однако ученые продолжают по инерции повторять высказанное Вс. Миллером мнение. „На долю крестьянства едва ли придется сложение хотя одного былинного сюжета“ — говорит Б. М. Соколов в своей книге „Русский фольклор“.²

Так ли это? Прежде всего совершенно ясно, что опыты перестройки в былинную сказку, сказочных мотивов и легенд, которые зафиксированы и в записях от Рябинина, Романова и Чукова, и в словах Гильфердинга о Сорокине, представляют определенную линию создания на основе сказочного и другого повествовательного материала новых былино-новелл. Таковы, кроме указанных рыбниковских записей, беломорские былины „Ждан царевич“,³ „Купеческая дочь и царь“,⁴ „Женитьба Пересмыкина племянника“,⁵ „Рында“,⁶ печорская былина „Лука Данилович, змея и Настасья Салтановна“.⁷ Линия эта не исчезает вплоть до наших дней. В 1928 г. экспедицией ГАХН под руководством бр. Соколовых записана в Пудожском краю былина о Еруслане Лазаревиче,⁸ а в 1934 г. на Зимнем берегу В. П. Чужимовым — новый полный, превратившийся в огромную по размерам поэму, вариант „Рынды“ под заглавием „Гарвее“;⁹ им же зарегистрирован факт претворения в былинную повесть о битве русских с кабардинцами.¹⁰

Несомненно, что таких новых былинных образований на самом деле было больше, но, не получив широкого распространения, они не все становились известными собирателям.¹¹

¹ Рыбн. I, 1, 34, 35, 36, 50.

² Русский фольклор. М., 1931, стр. 32.

³ Марк., 34.

⁴ Марк., 56.

⁵ Марк.-Богосл., I, стр. 37.

⁶ Ibid., стр. 41.

⁷ Онч., 50, 66, 71.

⁸ Revue des études slaves., t. XII, Paris, 1932, p. 215.

⁹ Советский фольклор, II—III, М.—Л., стр. 121.

¹⁰ Ibid., стр. 155.

¹¹ Уже после окончания настоящей работы автор ее записал в 1937 г. в Зимней Золотице от М. С. Крюковой еще две подобных былины: „Рогодай, князь московский“ (переработка повести В. А. Жукковского „Марьяна рода“) и „Тадань-участь“ (композиция на сказочные мотивы).

Гораздо слабее линия создания былин на основе местных преданий. Здесь, кроме „Рахты Рагнозерского“, можно назвать еще только „Бутмана“ — былину несомненно позднего происхождения.¹ Следует отметить, что новые розыски былины бр. Соколовыми в Прионежье дали целых 5 вариантов былины „Рахта Рагнозерский“ из Пудожского края и один прозаический пересказ „Бутмана“ из Кижей, где раньше этот сюжет зарегистрирован не был.

Очень значительной, как можно предполагать, была переработка в былины безыменных народных баллад и сюжетов или мотивов исторических песен. Вопрос этот почти не изучен. Время сложения многих еще неясно. Несомненно, такие былины, как „Аксенко“ (Орсенко), развернувшие мотивы песен о правеже,² „Шведский король и Екатерина“ — переформирование мотивов исторических песен о шведской войне 1741—1743 гг.,³ „Скопин“ (печорская версия) — принадлежат XVIII—XIX вв. и являются творчеством северного крестьянства.⁴ Ему также мы должны приписать и сложение на основе безыменных народных баллад таких былин, как „Дунай и Королевна“,⁵ „Иван Дудорович“, „Алеша и сестра Сбродовичей“⁶ и ряд других.

Наконец, в среде северного крестьянства было создано и несколько новых сюжетов о популярных богатырях: Добрыня и Дунай,⁷ Илья и Добрыня,⁸ Идолище сватает племянницу князя Владимира.⁹ Былины эти в большой степени использовали мотивы старых былин, но, как проявление творческой энергии в развитии эпического наследия, представляют интерес и значение.¹⁰

III

Прогноз собирателей еще в 60-е и 70-е годы прошлого столетия о ближайшем исчезновении былин из живого устного бытования оказался преждевременным. Во всех открытых на Севере в конце XIX и начале XX вв. былинных гнездах былина дожила до настоящего дня и бытует с большей или меньшей интенсивностью. Утверждения об угасании былевого эпоса опирались,

¹ Вс. Миллер. Очерки, II, стр. 385—405; в настоящем сборнике примеч., стр. 556.

² См. в настоящем сборнике примеч. к сюжету „Молодец и казна монастырская“, стр. 621.

³ Марк., 41.

⁴ В 1937 г. автором записана еще былина „Марута Богуслаевна“ — обработка известной песни о Марусе Богуславке.

⁵ См. т. II, примеч.

⁶ Примеч., стр. 552.

⁷ Примеч., стр. 568.

⁸ Примеч., стр. 592.

⁹ Варианты: Марк., 49, 79; Григ., III, 100, 107; Онч., 73.

¹⁰ Опыты сложения новых былин с современной тематикой — одно из интереснейших и значительных явлений в области современного фольклора, отмечаются мною в последней главе; но это уже явление другого порядка.

главным образом, на тот факт, что носителем эпической традиции оказывалось старшее поколение, преимущественно старики, и что в молодежных кругах былина вызвала мало интереса и отклика. „У большинства сказителей, — писал П. Н. Рыбников, — вряд ли найдутся наследники, и через двадцать-тридцать лет, по смерти лучших представителей нынешнего поколения певцов, былины и в Олонецкой губернии удержатся в памяти у очень немногих из сельского населения“.¹ Гораздо менее категорично и не о всех районах распространения былин утверждал это Гильфердинг, с глубоким вниманием вглядывавшийся в особенности бытования былины. Приведя отмеченную нами цитату Рыбникова, Гильфердинг пишет: „Это вполне справедливо относительно той местности, с которою г. Рыбников лично ознакомился, именно — побережья Онежского озера; здесь, действительно, эпическая поэзия близка к вымиранию; былины поются преимущественно стариками, и этим старикам-сказителям, точно, не видно преемников в молодом поколении“.² В отношении же других мест своей работы Гильфердинг указывал, наоборот, на живучесть и крепость традиции. „Нет никакого сомнения, что на Кенозере и Водлозере наш народный эпос еще совершенно живуч, и может там долго-долго продолжаться, если только в эту тишь не проникнет промышленное движение и школа“.³ Относительно Водлозера он отмечает даже, что там „только начинают прививаться былины“.⁴

Однако как раз именно в Прионежье, где Гильфердинг вслед за Рыбниковым усматривал все же определенные признаки скорого исчезновения былин, через 60 лет, следовательно, не только в ближайшем поколении, но и в третьем и даже в четвертом, — нашлись еще наследники эпической традиции, и записано значительное число новых текстов. О ближайшем вымирании былевой традиции говорили, между прочим, даже собиратели, которые как раз констатировали свежесть и жизненность ее в районе своей работы, как, напр., А. В. Марков, закончивший свой очерк о былине на Зимнем берегу следующими словами: „Население, по крайней мере, в лице пожилых крестьян, не утратило пока интереса к старинам и уважения к сказителям, которым принадлежит честь быть, пожалуй, последними хранителями русского национального эпоса“ (разрядка наша. А. А.). Между тем, еще в 1934 г. в том же селе Зимняя Золотица было записано 39 былин,⁵ а в 1937 г. более 120.

Сейчас, на основании целого ряда наблюдений и в прошлом и в современности, можно определенно говорить, что былина

¹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, изд. 2-е, М., 1909, т. I, стр. СII.

² А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины, т. I, СПб., 1894, стр. 18.

³ Ibid., стр. 23.

⁴ Ibid., стр. 22.

⁵ В. П. Чужимов. Новые записи былин в Поморье. (Советский фольклор, 2—3, 1936, стр. 119) и А. Астахова, Беломорская экспедиция 1937 г. (Советский фольклор, 6, 1939).

в прежние годы собирания не потому сосредоточивалась в пожилом возрасте, что подошла к предельному моменту своего существования, а потому, что былина уже с середины XIX в. (а, может быть, значительно и раньше) становится по преимуществу поэтическим достоянием самых старших возрастных кругов. Мы имеем целый ряд свидетельств о том, как те же лица, которые в молодые годы „без внимания“ относились к былинам, в зрелые и пожилые годы оказываются исполнителями, причем иногда бессознательно и плохо еще усвоенные былинны начинают облекаться в стройную и развернутую форму. Именно к пожилому возрасту являлся и определенный вкус к этому рода искусству и начинал складываться и расти репертуар. Поэтому нераспространенность былин среди более молодых крестьян еще не определяет процесса отмирания. В то же время, конечно, случаи бытования у молодых, не опровергая общего положения, несомненно свидетельствуют о значительной еще устойчивости традиции в том или ином районе.

Вот поэтому еще долго после первых высказанных предположений, что с уходом старшего поколения — хранителей былевого эпоса — исчезнет и самый эпос, в каждом новом поколении стариков снова находились преемники, поддерживавшие старинное мастерство.

Такая живучесть и устойчивость былевой традиции коренилась не в консерватизме сознания и бытового уклада, как постоянно подчеркивали исследователи. Главная и общая причина — большая художественная сила этого искусства и его народность, ряд жизнеспособных элементов его, которые и обусловили возможность новых переживаний художественных образов в обстановке, далекой от той, когда эти образы складывались. Эти стороны былевого эпоса были отмечены в предыдущей главе.

Наблюдения показали различную степень сохранности былин в разных районах Севера. При этом, как правило, градации в современном состоянии былин находятся в соответствии со степенью крепости и живучести традиции, зафиксированной прежними собирателями. Они обусловлены и историей проникновения на Север эпического творчества, и различными темпами и характером социально-экономического роста данных районов в прошлом. И часто там, где собиратели говорили об „оскудении“, „угасании“ эпической традиции, мы имеем просто факт малой распространенности эпоса в силу разных причин еще с давних времен.

Наиболее беден былевой эпос на Поморском берегу. В южной части Карельского Беломорья еще в 1899 г. Григорьев констатировал наибольшее оскудение эпической традиции.¹ Он отмечал в качестве признака угасания краткость поморских былин, отсутствие знатоков с большим репертуаром (лишь одна сказительница² могла сообщить больше десяти былин, обычным же было

¹ Григ., I, стр. XIV и 11—12.

² А. А. Коппалина из Колежмы (Григ., I, стр. 71).

знание одной-двух былин). Общий репертуар Поморья от г. Онеги до Колежмы включительно¹ сводился к 20 сюжетам, включая и исторические песни.

В 1932 г., на побережье от Сороки до Нюхчи включительно² встретилось всего 7 сюжетов. Это былины: „Князь, княгиня и старицы“, „Дмитрий и Домна“, „Дунай и Настасья королевна“, „Илья Муромец и разбойники“, „Братья-разбойники и сестра“, „Илья Муромец и Соловей-разбойник“ (последняя только зарегистрирована) и историческая песня о Платове. Таким образом тот значительный перевес былин новеллистического и балладного типа, который был отмечен еще Григорьевым в репертуаре Поморья, характеризует его и в настоящее время.³ Былины если и исполняются, то только „для себя“, да и то редко, причем носителями этих последних осколков былинной традиции являются исключительно пожилые женщины.⁴ Былины они называют „стихами“ и поют на напев, близкий к напеву духовных стихов. Репертуар отдельных исполнителей не превышает двух былин.

Близкую картину мы наблюдаем и на западном берегу Белого моря, от Кандалакши до Сороки. В прошлом записи здесь были случайными, и точного представления о состоянии в данном районе эпической традиции в конце XIX или начале XX вв. мы не имеем. Некоторые сведения имеются лишь о Кандалакше, с которой в 1901 г. А. В. Марков начал свою работу по обследованию Терского берега. В Кандалакше и соседнем селе Федосееве им вместе с Б. А. Богословским было записано от трех престарелых сказительниц 9 былинных текстов (столько же сюжетов). Результат мог быть несколько более обильным, если бы не отсутствие значительной части мужского населения, ушедшей на промысел.⁵ Но и учитывая это, А. В. Марков все же определенно констатирует „значительный упадок былинной традиции в сравнении с озерным краем Олонецкой губ., Зимним берегом, Мезенью и Печорой“.⁶

Кроме незначительного распространения былин, он указывает еще на почти исключительное сосредоточение их в руках женщин, на забвение специальных терминов (смещение былин со „стихами“), малое разнообразие напевов. В качестве признака упадка отмечает также малое распространение богатырских былин и преобладание баллады или фавль.⁷ При этом по ряду признаков

¹ Андозеро, Камениха, Онега, Нюхча, Колежма.

² Нюхча, Колежма, Сумский Посад, Сорока.

³ Из героических былин за этот промежуток выпали записанная Григорьевым в нескольких вариантах былина о бое Ильи Муромца с сыном и былина о Козарине.

⁴ Записи сделаны от 5 женщин, все свыше 50 лет.

⁵ А. В. Марков называет двух певцов былин, от которых ему по указанной причине не удалось произвести запись (Материалы, собранные в Архангельской губ. летом 1901 г. Труды музыкально-этнографической комиссии, т. II, М., 1911, стр. 14).

⁶ Ibid.

⁷ Ibid., стр. 14—15. Последний момент не обязательно всегда свидетельствует о падении былинной традиции, он мог быть определен особыми условиями возникновения в данном районе этой традиции и связан с историей колонизации.

А. В. Марков предполагает, что это оскудение эпической поэзии „произошло не так давно“.¹ В экспедиции 1933 г. нам не удалось провести в Кандалакше и в ближайших к ней деревнях особо тщательных розысков былин. Возможно, что они могли бы дать несколько отдельных записей былин или их отрывков. Нами же записана лишь былина-сказка об Илье Муромце.² Такие же сказки существуют еще и в других местах северной части Карельского побережья. В с. Кереть А. Н. Нечаевым записаны былины „Козарин“ и „Оксенышко“ и сказки об Илье Муромце и о Добрыне Никитиче. В Кандалакше одним местным уроженцем записана былина о Добрыне и Алеше. Таким образом былина встречается и в северном Поморье, но в предшествовавшем поколении эпическая традиция в этих местах, видимо, была несколько сильнее. В среднем возрасте помнят, что былины пелись, называют имена некоторых исполнителей и сюжеты слышанных былин. Но все же слагается общее представление, что и в XIX в. в этой части Поморья особенно сильной былевой традиции не было.

Интересные данные получены обследованием средней части Карельского Поморья (Кемский район). В селах Калгалакша и Гридино в 1935 г. записаны были 31 былина, несколько отрывков и две сказки на былинные сюжеты. К сожалению, мы не имеем материала, для сопоставления, о бытовании здесь былин в прошлом. А. В. Марков лишь мимоходом записал в Кемии одну былинку и в Гридине — пять.³ Возможно, что еще в XIX в. эти деревни представляли один из былинных очагов Карельского Поморья. В настоящее время былины сохраняются здесь лишь в памяти отдельных стариков, которые их уже не поют, а „сказывают“. Тексты в большинстве — не законченные и отрывочные, многие сокращены почти до голой схемы. В некоторых смешаны разные сюжеты. Записи А. В. Маркова 1901 г. дают лучшие тексты. Характер репертуара этого района (всего сюжетов 14) — почти исключительно новеллы и баллады.⁴

К числу районов, в которых былинная традиция оказалась наименее сильна, следует отнести также и Шуньгский полуостров. В прошлом этот район был обследован значительно слабее, чем южные части Заонежья и восточное побережье Онежского озера (Пудожский край), где преимущественно и производили работы Рыбников и Гильфердинг. Даже Космозеро, выдвинувшее в свое

¹ Марк.-Богосл., II, стр. 15. Марков не выделяет Кандалакшу, давая характеристику состоянию былинной традиции на Терском берегу. Все сказанное относится и к Кандалакше.

² Контаминация нескольких сюжетов об Илье Муромце с мотивами сказок • Бове, Еруслане и др. См. „Былины Севера“, т. II.

³ Опубликованы в сборнике „Былины новой и недавней записи“, под ред. В. Ф. Миллера, М., 1908. Сюжеты: Дунай Иванович (№ 62 и 63 — контаминированная былина, слившая сюжеты „Дунай и королева“ и „Дунай-сват“) — Кемь и Гридино; Михайло Данилович (№ 44), Князь Роман и Марья Юрьевна (№ 78), Котьяно Блудович (Хотен, № 89) и Оксенко (№ 98) — Гридино.

⁴ См. табл. II — обзор сюжетов Поморья.

время такого замечательного сказителя, как И. А. Касьянов,¹ не было обследовано. Несколько более было захвачено Толвуйское побережье. Кроме Гильфердинга и Рыбникова, в Толвуге произвели записи А. А. Шахматов (1884 г.) и Ф. М. Истомина (1886 г.), правда, оба — от сказителя, уже записанного Гильфердингом.² Первый, кроме того, записал две былины в средней части Шуньгского полуострова в д. Палтега.³ Таким образом материал с Шуньгского полуострова в записях XIX в. — скудный. Но по ряду данных можно говорить о том, что в XIX в. былина и на Шуньгском полуострове встречалась повсеместно, хотя, быть может, здесь и не было такого высокого уровня былинного мастерства, как в Кижам и Пудожском крае.⁴

В 1926 г. нами был пройден Шуньгский полуостров от Великой Губы к северу до Шуньги и затем обследовано Толвуйское побережье.⁵ Тогда же, суммируя наблюдения, мы констатировали слабость былинной традиции в данном районе: малую распространенность былин вообще,⁶ скудное знание у отдельных сказителей, выражающееся обычно в одной-двух былинах, отсутствие аудитории, часто совершенную неосведомленность крестьян относительно самого жанра былин.⁷ Обследование нескольких семейных традиций показало ряд случаев полного их вымирания, как, напр., в семье Касьяновых в Космозере, где из 15 былин Ивана Аникиевича Касьянова сохранена была его сыном, Иваном Ивановичем, в сильно укороченном и смятом виде лишь одна былина о Воляге;⁸ в семье Гришиных в Толвуге, где молодое поколение ничего даже не знало о своем прадеде Иване Артемьевиче Гришине;⁹ в семьях Андрея Тимофеева и Тимофея Антонова из Типиниц.¹⁰ Записанный

---

¹ Гильфердинг. Онежские былины, II, СПб., 1896, стр. 516—569. Записи от Касьянова были произведены в Чолмухах и Петербурге. В 1886 г. записаны от него 6 былин Истоминым. Ист.-Д., стр. 42, 55, 71; Тих.-Милл. 43 и 69. Несколько былин он сам прислал в РГО: Тих.-Милл., 11, 38, 59, 61. От других космозерских сказителей записи не производились.

² От Андрея Тимофеева из д. Загорье.

³ Записи А. А. Шахматова хранятся в Архиве Академии Наук СССР. Фольклорной Комиссией подготавливается специальный сборник фольклорных материалов, собранных Шахматовым. В него войдут и былинные тексты.

⁴ Указания на распространение былины на Шуньгском полуострове см. в моей статье „Былина в Заонежье“, Крестьянское искусство СССР, вып. I, Лгр., 1927, стр. 78.

⁵ Работой были охвачены: Великая Губа (все деревни), Яндомозеро (вся группа деревень), Космозеро, Комлево, Великая Нива, Хмельозеро, весь район Шуньги, Падмозеро, Толвуй, Типиницы.

⁶ На всем пройденном пути, включая и несколько кижских вариантов, записано всего 29 былин. В некоторых частях района былина совсем отсутствует. Так, в Великой Губе на 8 деревень было зарегистрировано всего трое крестьян, знавших былины.

⁷ А. М. Астахова. Былина в Заонежье. (Крестьянское искусство СССР, вып. I, Лгр., 1927, стр. 80).

⁸ О ней см. „Крестьянское искусство“, вып. I, стр. 93—94.

⁹ Ibid., стр. 79. См. Гильф., I, стр. 220—246.

¹⁰ Ibid., стр. 79 и 80. См. Гильф., I, стр. 247—265 и 296—308.

материал представлял во многих случаях или лишь отрывочные остатки художественного наследия, или былину разлагающуюся, лишенную напева, впитывающую элементы прозаического речевого склада. Случаи сохранения былин с четкой ритмической структурой, с развернутой композицией, с твердым напевом были сравнительно редки.

Повторные изыскания в 1932 г. показали, однако, что все же и на Шуньгском полуострове сохранились очаги, где былина живет еще несколько более интенсивной жизнью. Так, в деревнях Фоймогубского сельсовета, не обследованных в 1926 г., оказались и большее количество сказителей и лучше сохранившиеся тексты, и самый вопрос собирателя о былине не вызывал недоумения.

Более сильной эпическая традиция оказалась в южной части Заонежья — Кижском и Сенногубском сельсоветах — одном из главных гнезд былины в 60-е и 70-е годы. Здесь в 1926 и 1931—1932 гг. встретились сказители-мастера с большим репертуаром: Настасья Степановна Богданова (10 былин), Антон Борисович Суриков (14 былин),² Петр Иванович Андреев-Рябинин (10 былин).³ Здесь вообще оказалось значительно больше сказителей. Интересно отметить, что, несмотря на самую тщательную работу экспедиции ГАХНа в 1926 г. по выявлению лиц, знающих былины, в 1931—1932 гг. экспедицией Карельского научно-исследовательского института и Фольклорной секции Академии Наук зарегистрирован в тех же местах дополнительно еще ряд исполнителей и записаны новые тексты; среди них есть сюжеты, которые, по данным 1926 г., считались исчезнувшими.⁴ Это свидетельствует о довольно значительных остатках былевой поэзии, которые даже при очень тщательной работе оказались неисчерпанными. Здесь еще удержались некоторые крепкие семейные традиции. Правнук знаменитого в 60-е — 70-е годы Трофима Григорьевича Рябинина,⁵ Петр Иванович Андреев-Рябинин (в настоящее время — 1937 год — 33 л.), поет и рассказывает былины, усвоенные им от отца Ивана Герасимовича или непосредственно от деда Ивана Трофимовича, тоже имевшего широкую известность благодаря своим поездкам в 1890-е и 1900-е годы по России и южнославянским землям.⁶ Остатки традиции Троф. Гр. и Ив. Троф. Рябининых сохранились и в боковых семейных линиях: у племянника Ив. Троф. — Кирика Гавриловича и у внучатной племянницы Марьи Кириковны Сарафа-

¹ Киж. Умерла в 1937 г.

² Там же. Умер вскоре после экспедиции 1926 г.

³ Сенная Губа.

⁴ В Кижях дополнительно к 30 сказителям в 1931—1932 гг. были произведены записи еще от 7 человек. Сюжеты, которые считались исчезнувшими: Илья Муромец и Идолище, Алеша Попович и Тугарин, Михайло Потык, Добрыня и Маринка (полузабыт и загрязнен).

⁵ Рыбн., I, стр. XXV—XXIX и 3—141. Гильф., II, стр. 3—170.

⁶ См. Е. Ляцкий, „Сказитель И. Т. Рябинин и его былины“ („Этнограф. Обзор.“, № 4, 1894, стр. 105—153).

новой.¹ От обоих сыновей сказительницы конца XIX в. Домны Суриковой,² Антона и Егора Борисовичей, записан в 1926 и 1932 гг. их значительный репертуар.³ От известного В. П. Щеголенка⁴ переняли былины две его дочери, и т. д. Правда, и здесь, в районах наилучшей сохранности былинной традиции, в Прионежье, былина все более и более замыкается в кругу немногих любителей. Массовой аудитории она не имеет. За пределы семьи выходит редко. Но у самих хранителей эпической старины мы находим обычно чрезвычайно живое восприятие былинных образов. Выше мы видели, напр., как образ богатыря пахаря Микулы ассоциировался с представлением о герое, совершившем подвиг освоения каменистой почвы Карелии. Характерно, что другой исполнитель при передаче той же картины — пахоты Микулы, который „мелкие каменья и пеня в борозду валит, а крупные в кучи кладёт“, добавил: „Как у нас тут“. Торжество Ильи Муромца над врагом всегда вызывало живейшее восхищение любимым богатырем, а конечное посрамление несправедливого князя и его бояр — чувство удовлетворения, выражаемое иногда в иронических замечаниях.

Повидимому, в таком же, а, может быть, и в лучшем положении находится эпическая традиция на Кенозере, где еще Гильфердинг констатировал большую прочность и живучесть традиции. Таблица записанных былин, приводимая Ю. Соколовым в его статье „По следам Рыбникова и Гильфердинга“, показывает в Кенозере очень значительный количественно материал. Имеются сказители с большим репертуаром: Авдотья Тимофеевна Артемьева, около 80 л. (19 былин), Иван Матвеевич Калитин, 81 г. (8 былин), Лука Андреевич Артемьев, 81 г. (8 былин) и др. Некоторых из них выделяет сам собиратель, как мастеров, которые „поддерживают еще художественную культуру старого эпоса, дорожат отделкой в исполнении как со стороны музыкальной, так и со стороны словесной“. Но из всех трех обследованных бр. Соколовым в 1926—1928 гг. районов собиратели особенно выделяют Пудожский край, где записано несколько редких и даже уникальных былин, где, по сравнению с собранием Гильфердинга, оказалось 22 новых сюжета, а утеряно всего 5, и где обнаружены такие выдающиеся мастера, как Федор Андреевич Конашков с его 19 былинами и как Григорий Алексеевич Якушов — исключительный сказитель и по величине репертуара (37 былин), и по высокому искусству исполнения, и по художественной ценности текстов.⁵

¹ См. „Былины Севера“, т. II.

² Гильф., II, 138—143.

³ Былины от обоих братьев записаны также на фонограф в 1926 г. С. И. Бернштейном. (Фоногр.-арх. Фольк. ком.).

⁴ Гильф., II, 118—130.

⁵ B. et J. Sokolov. À la recherche des bylines. (Revue des études slaves, t. XII, F. 3 et 4, Paris, 1932, p. 210—213). О Конашкове и Якушове см. B. Sokolov, Zwei Bylinenrezitatoren. (Slavische Rundschau, IV, 1932, S. 465—476).

Переходя к северо-восточным районам, мы и здесь должны будем отметить различные степени сохранности и бытования эпоса. Пинежский край еще Григорьев причислял к районам с менее устойчивой былинной традицией. Он отмечал краткость былин, количественное превышение женского состава исполнителей над мужским (слишком в 3 раза), смешивание былин со стихами (среди женщин) и с песнями (среди мужчин), однообразие напевов, вообще плохое, нетвердое знание былин, отсутствие сказителей с большим репертуаром.¹ Результаты обследования 1927 г. подтверждают процесс дальнейшей деградации на протяжении 26 лет, который сказался, главным образом, в общем сужении репертуара, в еще большем уменьшении числа сказителей и в измельчании их репертуаров. Все же, как и в отношении южной части Заонежского района, можно говорить о некотором еще бытовании былины. Правда, это преимущественно исполнение „для себя“: пение во время работы — прядения, плетения сетей, починки сапог и т. п. Но наблюдалось бытование и в кругу семьи. Отмечены любопытные случаи „педагогического“ использования былины о Романе и Настасье (д. Засурье): „Как наши-то ребята-то расплачутся, — рассказывала А. М. Черноусова, — так мы этот стих про Настасью споем да скажем: „будешь плакать, да матенки не слушать, так также у вас татенка матенку убьет“, — так им на утеху“. Муж А. М., Григорий Михайлович Черноусов, по ее словам, „ребятам всякие сказки да побывальщины про Илью рассказывает“. В некоторых, правда, уже редких, семьях в 1927 г. былина жила еще полной интенсивной жизнью. В д. Марына Гора Карпогорского района слепая исполнительница Екатерина Матвеевна Чуркина, 88 л., пела и сказывала еще свои несколько былин своим внукам, которые кое-что от нее уже переняли. И взрослая девушка, 23 лет, и мальчик, 14 л., следя за исполнением бабки, подсказывали ей и давали варианты, а в младшем внуке, 12-летнем живом и способном мальчике Паше (Павел Федорович), уже намечался будущий ее преемник: он усвоил ее „шутовые старины“ — „Кострюка“ и „Ловлю филина“. Та же Екатерина Матвеевна пела и на беседах, когда собирались к ним в избу пряхть девушки и жонки. В д. Гора б. Сурской волости несколько женщин собирались для совместного исполнения былин и духовных стихов, которые они пели хором.

В значительно лучшей сохранности эпическая традиция была найдена нами на Мезени и на Печоре. В 1928 г. на Мезени и в 1929 г. на Печоре можно было говорить о настоящем бытовании былины. Мезенский край и Григорьев, в противоположность Пинежью и Поморью, относил к местностям, где „знание былин еще процветает“.² „В Кулойском и Мезенском краях, — писал он, — настоящее народное название былин «старинами» знают

¹ Григ., I, стр. XIV и 142.

² Ibid., I, стр. XIV.

почти все певцы и певички, здесь старины отличаются своей длинной... отличаются сложностью сюжетов и исполняются многими эпическими и песенными напевами; здесь довольно часто встречаются певцы, знающие по десятку или по несколько десятков старин; здесь хорошие певцы стараются расположить разные старины об одном и том же богатыре в порядке времени его подвигов... иногда пропеют стихами старину, которую сами слышали рассказом, и готовы переложить в стихи и сказку".¹ Таким образом в Мезенском крае Григорьев отмечал наличие тех творческих процессов, которые свидетельствуют о живучести традиции. Многие из указанных моментов выявлены были и в 1928 г., хотя такого процветания в полной мере мы уже не застали. Репертуар отдельных сказителей стал мельче, ряд сюжетов исчез и т. п.

Но следы живой традиции видны были во всем. Крестьяне хорошо представляли себе, что такое былина; многие из тех, кто не знал самих былин, знали имена богатырей, некоторые отрывки, эпизоды, указывали „спецов“ по былине, не только в своей деревне, но и на довольно большом протяжении.² Былины пелись и рассказывались в более широких кругах слушателей. Былина бытовала еще на промыслах. „Я вот как сижу по лешовным узбушкам, так все сказываю“, — говорил мне Е. М. Лешуков из д. Лебской. О том же говорил мне М. В. Семенов из Белошелья: „Мужикам-то старины поешь, да устанешь, да россказью. В лесу когда живешь — просят. Да заспят, так и перестану“. Рассказывание былин в лесу подтверждали и другие крестьяне. Интересно указание сказителя М. Г. Антонова, что „крестьяне интересуются и даже деньги платят, чтобы пели“. Во время исполнения присутствующие делали замечания, указывали пропуски, неточности, приводили варианты. Например в Лебской во время исполнения побывальщины об Илье Муромце Филиппом Гольчиковым двое крестьян средних лет указали ему, что он неправильно рассказал: „Хоть и складно, да не такие слова“. Илья Муромец, по их словам, войдя в горницу к князю Владимиру, поклонился ему и Апраксею, а чудовищу не поклонился. Таких случаев реплик, поправок, дополнений во время исполнения со стороны аудитории зарегистрировано довольно много. Отдельные выражения былины зачастую можно было услышать в речи местного населения, даже женщин, которые вообще на Мезени былин не знают. Одна исполнительница причетов из д. Лебской, напр., „к слову“ сказала (речь шла о том, что на нее указывали как на мастерицу причитать): „Поговорка старинна — вси-то порасхвастались, умный хвастает родной матушкой, безумный — молодой женой“. Известен ряд случаев, когда братья или приятели собирались и пели вместе или друг другу. Былины на Мезени, как правило, всегда поются. Как и во

¹ Григ., I, стр. XIV—XV.

² Так, напр., на Якова Евдокимовича Гольчикова из Лебской, как на знатока былин, указывали и в деревнях Вожгоры, Пустынька, Родома.

времена Григорьева, они отличаются большим размером (220—450 стихов в среднем) и сложностью композиции. В большом количестве встречается былина-сказка.

Те же моменты живого бытования, художественной актуальности былины мы наблюдали и на Печоре в 1929 г. В редкой деревне не было сказителя. Сообщали о сказителях, живших иногда более чем за 100 верст. Так, в Усть-Цыльме я получила целый список сказителей, живущих по р. Цыльме. Слово „старина“ почти всем известно; также многие, не будучи сказителями, могли назвать имена богатырей и сказать некоторые отрывки былин. Наблюдалось существование „семейных гнезд“ былин, когда несколько человек ближайших родственников знали определенные былины и собирались вместе для их исполнения.¹ Собирались также и большие приятели. Отмечен случай систематических больших собраний (человек около 10) специально для коллективного исполнения былин в д. Чукчиной (близ Усть-Цыльмы) у Н. А. Дуркина, причем собиравшиеся пели былины и по книге Н. Е. Ончукова „Печорские былины“, имевшейся у хозяина. Совместное пение былин несколькими сказителями вообще было очень распространено. Иногда былины знали молодые крестьяне и даже подростки. Так, со стариком-сказителем Н. С. Тороповым из с. Климовки постоянно пел былины его внук Игнатий, 16 лет. Но особенно Торопов любил петь с молодым приятелем своим М. А. Поздеевым, 33 л. Сын Еремея Чупрова из д. Аврамовской, Ларион, 17 лет, оказался таким же любителем былин, как и его отец, хотя знание его было еще не велико. Былины также пелись и во время работы дома и на промыслах. „И сейчас на промысловьях, в лесной избушке, между делом, в праздник особенно, старинами, сказками и песнями забавляемся“, — говорил мне Еремей Чупров. Это подтверждали и другие крестьяне Печоры. Как яркое свидетельство жизненности былины следует отметить стремление не только поддержать, но и обновить репертуар. В д. Аврамовской отец и сын Чупровы просили меня написать и оставить им былинку о Скопине, очень им понравившуюся в исполнении усть-цылемов, текст которой они не могли сразу запомнить.

Что касается Зимнего берега, то и здесь былины еще помнят. Но свое бывшее бытовое значение былина здесь потеряла и полной творческой жизнью живет лишь в поэтическом сознании выдающейся современной сказительницы Зимней Золотицы — М. С. Крюковой.²

---

¹ См. заметки о В. П. Носове, о Н. С. Торопове, о Е. П. Чупрове.

² См. В. П. Чужимов, „Новые записи былин в Поморье“ и А. М. Астахова, „К новым записям былин в Поморье“, (Советский фольклор, № 2—3, стр. 119—158); А. М. Астахова. „Беломорская сказительница М. С. Крюкова“ (Советский фольклор, № 6).

Какие же изменения произошли в самом составе былевого эпоса на Севере за промежуток, отделяющий наше время от больших собирательских работ конца XIX и начала XX вв.?¹

По данным этих работ особенно богатым сюжетами было Прионежье.² Из 130 сюжетов, записанных на Севере, наибольшее число — 70 (53.8%) приходится именно на долю Прионежья, затем следуют Зимний берег 60 (46.1%),³ Печора — 49 (37.7%), Мезень — 43 (33%), Пинега — 4 (3.1%), Терский берег — 37 (28.5%), Кенозеро и Моша — 37 (28.5%) и, наконец, Поморье⁴ — 14 (10.7%). Из всего Прионежья особенно выделяется Кижский район, где зафиксировано 53 сюжета (40.7%), в то время как Пинега и Мезень на протяжении всего нижнего и среднего течения дали всего 41 и 43. В этом первенстве Прионежья не играет особенной роли то обстоятельство, что здесь были произведены наиболее ранние записи. В фольклорную жизнь многих районов Севера промежуток в 30 лет во второй половине XIX в. не мог внести существенных изменений. И мы знаем, напр., что на Мезени в начале XX в. собиратель застал былинную традицию в полном еще расцвете, в то время как в 70-е годы XIX в. в некоторых частях Прионежья уже намечались признаки падения этой традиции. Думаем, что одно из объяснений исключительного богатства былинного репертуара Прионежья надо искать в самом его

¹ В дальнейшем, сопоставляя эпические репертуары в прошлом и в настоящее время в пределах определенного района, мы включаем в обзор для более полной картины и „младшие“ исторические песни. Но так как этот материал в некоторых из прежних собраний до известной степени являлся случайным, то во всех случаях процентного исчисления сюжетного состава районов он нами во внимание не принимался. Таким образом в статистическое сопоставление состава репертуара входит лишь былина во всех ее разновидностях и старшая историческая песня, в своей поэтике близкая к былинам и поэтому обычно рассматриваемая вместе с ними, — одним словом, совокупность всех эпических произведений, которые на Севере именуются „старинами“. Нами использованы все основные крупные собрания былин, включая и суммирующие отдельные записи сборники Тихонравова и Миллера „Былины старой и новой записи“ и Вс. Миллера „Новые и недавние записи былин“.

² Этим термином я пользуюсь для обозначения всех районов, прилегающих к Онежскому озеру и входивших в так называемый Олонецкий край. В Прионежье не входит Кенозеро (тоже принадлежавшее Олонецкому краю). Оно рассматривается нами вместе с Мошинским краем, с которым имеет в области эпической традиции очень близкие черты. Термин „Прионежье“ не следует смешивать с наименованием „Заонежье“, которым обозначались и обозначаются Шуньгский полуостров и прилегающие к нему с юга острова. В настоящее время эта часть „Прионежья“ образует административную единицу — Заонежский район.

³ Следует подчеркнуть особую насыщенность репертуара Зимнего берега. Здесь указанное количество сюжетов (60) падает на два только поселка — Нижняя Золотица и Верхняя Золотица.

⁴ Здесь берем для сопоставления только собственно „Поморский берег“ — от Сороки до Онеги, так как записи на западном (в прошлом — „Карельском“) берегу носили случайный характер.

положении, в его наиболее близком соседстве и тесных связях с Новгородом, что и должно было обусловить наибольшую полноту восприятия старого эпического наследия и лучшую его сохранность.

Репертуар Прионежья и в отношении былинных жанров отличался наибольшим разнообразием и полнотой. Здесь мы находим все основные разновидности былины, причем особенно следует отметить довольно полно представленную, наравне с новеллой, героическую, боевую былинку.¹ В Заонежье и Пудожье она составляет по количеству сюжетов 36,6%, при этом в Кижях — 40%, в то время как в Поморье только 21,4%, а на Пинеге 27,5%. Вместе с тем она не только разнообразно представлена по сюжетам, но отдельные сюжеты были очень популярны. Такие былины, как о Калине-царе, только в собрании Гильфердинга представлены 9-ю вариантами; близкая к ним былина о Василии Игнатьеве — 6-ю вариантами, Илья Муромец и Соловей-разбойник — 7-ю, Королевичи из Крякова — 5-ю и т. д. Так же богато и разнообразно представлена новелла (42%) и, наоборот, совершенно незначительное место занимает баллада — всего около 6%, в то время как на Пинеге она составляет к общему же числу сюжетов 22,5%, а в Поморье 36%. Такое поразительно малое количество записанных в Прионежье баллад в известной степени объясняется тем, что и Рыбников и Гильфердинг дорожили преимущественно богатырскими былинами и вообще былинами монументального типа и на баллады обращали гораздо меньше внимания, специально их не выискивая и записывая их часто лишь мимоходом. Сами же сказители, тоже считая более значительными собственно былины, о своем знании баллад не всегда говорили. Однако, даже принимая во внимание это обстоятельство, мы все же должны признать значительный перевес в Прионежье в прошлом именно богатырской былины.

Из былин, которые были присущи только Прионежью, следует отметить две особые группы: 1) сатирический животный эпос — „Птицы“ и „Птицы и звери“, 2) сказки и легенды, пересказанные в форме былины: „Нерассказанный сон“,² „Царство подсолнечное“,³ „Самсон-богатырь“,⁴ „Ваня Удовкин сын“.⁵ По-

¹ В изложении пользуюсь терминологией, установившейся для основных, наиболее четко определившихся категорий русского былевого эпоса: былины героические, новеллы (былины не героического содержания, повес. вующие о событиях городской жизни, о романтических похождениях героев и т. п.) и былины-баллады — разновидность новеллы, отличающаяся ограниченностью сюжета (обычно, исключительный эпизод семейно-бытового характера), сжатостью и напряженностью изложения, делающими ее близкой к жанру народных баллад. Терминология эта не отражает всей сложности нашего эпоса. Но в качестве рабочего приема для обозначения основных жанровых линий, до выработки более детальной классификации, может быть принята.

² Рыбн., I, 35.

³ Ibid., 36.

⁴ Ibid., 1.

⁵ Ibid., II, 126.

следняя группа говорит нам о живом творческом процессе сложения новых былин в крестьянской среде, который несомненно наблюдался в некоторых местах Прионежья еще в XVIII и XIX вв. О том же свидетельствует и местная былина „Рахта Рагнозерский“,¹ записанная Гильфердингом в Пудожском крае.²

Укажем еще на наличие в Прионежье нескольких былин с большим социально-историческим содержанием, которые в пределах Европейского Севера или записаны были только в Прионежье (Ставр) или встретились еще лишь в смежном с ним районе Кенозера (Вольга и Микула), а также популярность новелл, отразивших нравы и быт городских групп — „Хотен“, „Дюк“. В Прионежье также в лучшей сохранности оказались былины, связанные определенно с Новгородом: „Садко“ и „Василий Буслаевич“. Если же мы рассмотрим в состав той группы былин, которая в Прионежье отсутствовала, то увидим, что это или редкие былины, как „Глеб Володьевич“,³ или былины, по сюжету близкие к тем, которые культивировались в Прионежье (Камское побоище, Мамаево побоище⁴ — другие редакции сюжета „Илья Муромец и Калин-царь“), или же былины, представляющие уже позднейшие образования на основе других былин о тех же богатырях (Добрыня и Дунай, Добрыня и Илья).

Главным же образом в этой группе былин, которых не было в прежних записях из Прионежья, мы находим, с одной стороны, некоторые баллады и близкие к ним былины-новеллы, возникшие поздно и, повидимому, в других, отдаленных от Прионежья районах (Роман и Настасья,⁵ Вдова, ее дочь и сыновья-корабельщики,⁶ Алеша Попович и сестра Сбродовичей и др.); с другой стороны, замкнутые в узко ограниченном районе „шутовые старины“ (Ловля филина)⁷ и не получившие распространения местные обработки сказочных сюжетов.⁸

Таковы основные черты репертуара Прионежья по данным собраний 60-х и 70-х годов.

Резкую противоположность по составу репертуара представляют Поморье и Пинега. Как уже было указано, в Поморье только южная его часть (по старому наименованию — собственно

¹ Гильф., I, 11. Выше указано, что былина эта, известная до сих пор лишь в одной записи, в 1926 г. экспедицией ГАХНа была записана в пяти вариантах.

² Аналогичное явление выражено в такой же мере еще только в Зимней Золотице, где мы тоже находим сказки и повести, переложенные в былины („Ждан-царевич“, „Купеческая дочь и царь“, „Женитьба Пересмякина племянника“, „Рында“); см. Марков, 34, 36; Марк.-Богосл., I, стр. 37.

³ Марк., 50, 80.

⁴ Ibid., 81, 94, 104; Онч., 26.

⁵ Единственный вариант у Рыбникова, II, 217, записан со слов кемской крестьянки и карелки б. Повенецкого у., поэтому из состава собственно прионежского репертуара должен быть исключен.

⁶ Редкая на Севере баллада, найденная только в Поморье и на Терском берегу. Известна в вариантах белорусских, украинских и из южнорусских областей.

⁷ Записана только на Пинеге в Карпогорском районе.

⁸ См. указанные выше в примечаниях подобные былины из Зимней Золотицы.

Поморский берег) была по-настоящему обследована. На западном берегу, в его средней части, записи были случайного характера; в Кандалакше же собирателям совершенно не удалось обследовать мужской состав сказителей.¹ Таким образом новые записи не только рисуют современное состояние былинной традиции, но в известной степени позволяют полнее представить характер репертуара и в прошлом. Так, напр., наличие в современных записях таких былин, как „Алеша Попович и сестра Сбродовичей“, или „Солóман-царь“, зарегистрированных А. В. Марковым на Терском берегу,² с которыми Карельский берег был издавна и тесно связан, говорит скорее о найденных остатках старой традиции, чем о вновь занесенных сюжетах. С другой стороны, относительно тех былин, которые до сих пор совершенно не были отмечены ни в одном районе Поморья, а сейчас зафиксированы в единичных записях, можно предположить и позднейшее их включение в состав репертуара отдельных сказителей.³ Мы указывали на бедность поморского репертуара в южной его части. Но если мы даже возьмем былинный репертуар на всем протяжении рассматриваемого района (южный и западный берега⁴ с Кандалакшей включительно), присоединив условно все сюжеты, найденные в 1935 г., то и тогда общий состав едва ли превысит 20% к общему числу северных сюжетов. Доминирующее место среди них заметно занимали былины-баллады; в качестве наиболее популярных из них выделяются „Князь Дмитрий и его невеста Домна“ (старых 5 записей)⁵ и „Князь, княгиня и старицы“ (6 записей).⁶ Героическая былина была представлена немногими сюжетами: мы имеем лишь одну запись былины о Михайле Даниловиче,⁷ четыре довольно коротких и смятых варианта о бое Ильи Муромца с сыном,⁸ слабые следы сюжета о Добрыне и змее⁹ и былинку о встрече Ильи Муромца с разбойниками, представляющую часть былины о трех поездках.¹⁰ С другой стороны, мы видим в поморском репертуаре присутствие старших и младших исторических песен: о Скопине,¹¹ об Иване Грозном,¹² о нашествии французов в 1812 г.¹²

¹ См. выше, стр. 40.

² Марк., 7 и 23.

³ К таковому, может быть, следует отнести в д. Гридино былинку о Василии и Софее. Никаких категорических утверждений, конечно, делать в том и в другом случае нельзя.

⁴ Григ., I, 10, 11, 14, 23, и Марк.-Богосл., II, стр. 96.

⁵ Григ., I, 4, 9, 13, 15, 27, 35.

⁶ Былины новой и недавней записи. М., 1908, № 44, вариант из д. Гридино.

⁷ Григ., I, 2, 5, 8, 26.

⁸ Марк. Богосл., II, стр. 22, также „Этногр. Обзор.“, 1906, № 4, стр. 45—48, и в кн. А. Маркова, „Из истории русского былевого эпоса“, вып. II, стр. 45—48. См. также былинку „Купанье Добрыни и неудавшаяся женитьба Алеши“ (Григ., I, 19).

⁹ Былина эта, видимо, судя по современным данным, была очень популярна, хотя записей у Григорьева всего две (I, 21 и 32).

¹⁰ Марк.-Богосл., II, стр. 99 (Кандалакша).

¹¹ Григ., I, 12, 16, 22.

¹² Ibid., 28, 29.

Близкую картину наблюдаем по материалам Григорьева 1900 г. и на Пинеге. Здесь, правда, уже значительно большее количество сюжетов. Включая и младшие исторические песни, мы имеем 51 сюжет, без них — 41 (на всем Поморье не больше 25 вместе с историческими песнями). В составе мы находим гораздо больше героических сюжетов, как Илья Муромец и Калин,¹ Васька-пьяница и Кудреванко,² Алеша Попович и Тугарин,³ Илья Муромец и сын,⁴ и ряд других. Имеем и наиболее значительные новеллы, как: Соловей Будимирович,⁵ Василий Буслаевич,⁶ Хотен⁷ и др. Но все эти былины встречаются в большинстве случаев в одном варианте и часто сильно деформированы, в то время как некоторые баллады исключительно популярны. Так, напр., былина-баллада „Мать князя Михайлы губит его жену“ находится в собрании Григорьева в 32 вариантах, „Князь Дмитрий и Домна“ — в 17, „Алеша Попович и сестра Сбродовичей“ — в 11. При этом наибольшее разнообразие сюжетов мы имеем ниже Карпогорья (39), в районе Карпогорья и выше — их всего 22. Характерной чертой Пинежья в отношении эпической поэзии является также значительное количество младших исторических песен, входящих преимущественно в мужской репертуар, в то время как баллады — достояние женщин. Но главную специфику пинежской эпической традиции составляют старины-фабльо, „шутовые старины“, „перегудки“, „перецтытки“,⁸ указывающие на большое влияние в прошлом на Пинеге скоморохов. Такие фабльо, как „Ловля филина“, „Путешествие Вавилы со скоморохами“, „Терентий муж“, „Усища“, из северных районов записаны только на Пинеге. Наиболее стройная редакция „Кострюка“ принадлежит тоже Пинеге. Григорьев, охвативший своей работой четыре больших района,⁹ обратил внимание на крупные различия в их репертуарах и пытался уже наметить некоторые возможные объяснения. „Присутствие в Пинежском крае и отчасти в Кулойско-Мезенском старин-фабльо, — писал он, — указывает на влияние на р. Пинеге скоморохов, распространившееся также и на Кулойско-Мезенский край“.¹⁰ Следы оседания на Пинеге скоморохов сохранились и до настоящего времени в фамилии „Скомороховых“, в названии одного озера близ Покшеньги „Скоморошым“ и в любопытном предании, сообщенном нам в Покшеньге и связанном с этим озером. На этом озере, как рассказывают пинежане, есть мыс, тоже прозванный „Скоморошым“, так как „какие-то скоморохи скакали с носу на нос

¹ Григ., I, 111.

² Ibid., 105.

³ Ibid., 50 и 212.

⁴ Ibid., 40, 129.

⁵ Ibid., 124.

⁶ Ibid., 39.

⁷ Ibid., 211.

⁸ Местные названия. См. Григ., I, стр. 142.

⁹ Поморье, Пинегу, Кулой и Мезень.

¹⁰ Григ., I, Предисловие, стр. XV.

(т. е. с мыса [на мыс) через озеро". В этом смутном предании отразилась память о скоморохах, как людях, чем-то отличавшихся от окружающих. Там же, в Покшеньге, сохранилась и припевка про „веселого скомороха“, а имя Кострюк превратилось в прозвище, заменившее собой фамилию.¹

Вопрос о причине репертуарных отличий — один из самых трудных в области изучения былевого эпоса, так как в значительной степени связан с историей колонизации, с социальным составом ранних поселений и со спецификой социально-экономических процессов на местах. Несомненно, что слабое развитие на Пинеге былины героической, вообще монументального былинного жанра, было обусловлено прежде всего особыми обстоятельствами проникновения эпической традиции на Пинегу. Эти начальные моменты зарождения традиции для нас неясны, как неясны еще и основные социально-исторические предпосылки к дальнейшему ее развитию. Наметим здесь лишь один момент, не лишенный значения в изучении условий, способствующих развитию и процветанию былевого эпоса, но, конечно, не решающий всей проблемы в целом. Население Пинегы сравнительно мало было втянуто в те промыслы, которые, по наблюдениям ряда собирателей, веками поддерживали эпическую традицию, создавая условия для ее культивирования. Мы имеем в виду здесь рыболовные и зверобойные морские артельные промыслы. Характерно, напр., что низовья Пинегы включают и большее разнообразие в былинной сюжетике, и относительно лучшие, более полные варианты, в то время как Карпогорско-Сурский край, гораздо более оторванный от культурных и промышленных центров, донесший еще к 1927 г. глубокие пережитки в своем быту и идеологии, в области эпической поэзии оказался одним из наиболее бедных. Население же нижней и средней Мезени, тесно связанное в своем промысловом быту с океаном, общающееся в промысловых артелях с жителями других районов, в гораздо большей степени, чем лесорубы и охотники пинежане, развило монументальную былинку и сохранило ее до наших дней.² Таким образом для процветания и развития эпической поэзии вовсе не имело решающего значения, как это некоторые предполагали, ограниченность от промышленных

---

¹ См. об этом и об объяснении этого прозвища у Григ., I, стр. 141. Об этом прозвище и нам пришлось слышать, но происхождения его крестьяне объяснить не могли: „И фамилия забыта, Гришка Кострюк и все тут“ — говорили они.

² Еще Гильфердинг писал, что „крестьянство“ (т. е. земледелие), а также звериный промысел, лесные работы, извозничество и т. п. не способствуют развитию эпического творчества, а даже заглушают его. Поэтому среди земледельцев былина культивируется по преимуществу в том случае, если они в зимнее время заняты каким-нибудь мастерством или ремеслом, благоприятным для усвоения и сохранения былин (плетение сетей, портняжное или сапожное мастерство) (Гильф., I, стр. 18). Но в особенности благоприятными для развития и сохранения эпического мастерства, по его наблюдениям, были артельные рыболовные промыслы с их длительными иногда промежутками в работе, обусловленными самим характером промысла.

районов и общий реликтовый характер всего бытового уклада. Необходимы были условия, определявшие возможность творческого обмена в промысловых коллективах, создававшие для мастера аудиторию, без чего живая струя эпической поэзии начинала глохнуть и вырождаться. Недаром именно поселок Зимняя Золотица на Белом море, население которого издавна уходило в океан на рыбные и зверобойные промыслы, общаясь там с мезенцами и печорцами, дал одни из наиболее ярких и оригинальных образцов эпического творчества. Характерны в этом отношении многочисленные ссылки зимне-золотицких сказителей, что те или иные сюжеты они усвоили от мезенцев, и ссылки этих последних, а также печорцев, на роль для их эпического мастерства морских промыслов. То же мы видим и на примере южной части Заонежья — Кижей, хотя они более, чем какие-либо другие районы с эпической традицией, тяготели к городу и испытывали его влияние. Но здесь, как мы отмечали уже выше, ранее других, а, следовательно, в наибольшей полноте было воспринято эпическое наследие. Все же предпосылки к дальнейшему его процветанию, как не раз отмечали собиратели, в Заонежье были достаточно сильны (развитие артельных форм рыболовного промысла, наличие ремесел, особенно благоприятных для поддержания эпической традиции, как изготовление рыболовных снастей, мастерство портняжное, сапожное и т. п.). На Пинеге же эпическая традиция, очевидно, не сильная в ранние годы ее проникновения в данный район, оказалась сосредоточенной вследствие развития видов труда, менее способствующих ее поддержанию, в руках женщины по преимуществу; этим объясняется культивирование „женских“ былинных жанров. Бытовые и психологические баллады глубоко трогали сердца исполнительниц и слушательниц и удовлетворяли эстетическим запросам ограниченной в тесном своем быту женщины.

В Поморье сильно выраженный перевес баллад и новелл и сравнительная бедность богатырской быliny вызваны были другими действующими силами. В противоположность Пинеге Поморье раньше других „былинных гнезд“ было захвачено процессом капитализации. В таких полумещанских „посадах“, как Сорока, Сумский Посад, раньше, чем в других северных селах, зазвучал мещанский романс, стал культивироваться лубок, старинная фантастическая сказка уступила место новелле. В соответствии с этим и в области быliny получили перевес новелла и баллада. С другой стороны, могло оказать свое влияние и особенно сильное в этой части Поморья старообрядчество: баллады о невинных жертвах людской злобы и коварства отождествлялись с духовными стихами. Характерно, что баллады почти всюду на Севере называют „стихами“, поют их на напевы, близкие к стихам, и отличают их как жанр от собственно быliny.

Большим своеобразием отличается четвертый из рассматриваемых нами районов — Мезень. Сопоставляя Поморье, Пинежье

и Кулойско-Мезенский край, Григорьев указывал, что в последнем „преобладают старины о богатырях (старины воинского характера, затем старины-новеллы о богатырях); старины-фаблы здесь мало известны, а исторические песни почти неизвестны“.¹ Хотя по этой общей характеристике эпический репертуар Мезени, казалось бы, ближе всего по своему составу стоит к прионежскому, но более внимательное рассмотрение вскрывает существенное различие. Как раз именно былины-новеллы, которые наиболее проникнуты чертами определенного исторического быта, как Садко, Иван Гостиный сын, Ставр Годинович, Дюк, Соловей Будимирович, Хотен — популярные в Прионежье, на Мезени или совсем отсутствуют или представлены очень слабо, иногда в смутных и искаженных отголосках. Характерно, напр., что былина о Дюке Степановиче записана была в одном коротком варианте всего в 54 стиха, который представляет соединение двух сюжетов — о Дюке и о Ставре, причем от первого сюжета сохранился эпизод хвастовства Дюка богатством и решение Владимира послать оценщиков, от второго — заключение героя в погреб и приезд к Владимиру жены Дюка, переодетой в мужское платье.² Былины „Садко“, „Соловей Будимирович“, „Иван Гостиный сын“ совершенно отсутствуют; „Хотен“ записан всего в двух вариантах.³ С другой стороны, былины-новеллы с развернутой романтической интригой, заключающие черты авантюрной повести, как „Солóман-царь“, с осложненными психологическими ситуациями, как „Добрыня и Алеша“, были значительно более популярны.⁴ Былины же героические и очень распространены и разнообразны по содержанию. В самых различных обработках находим здесь сюжеты о нападении татар, с героями Ильей Муромцем, Василь-пьяницей, Михайлом Даниловичем, причем некоторые из этих обработок настолько своеобразны, что представляют, в сущности говоря, совершенно новые былины, которые нигде, кроме Мезени, не встречаются.⁵ То же мы видим и в области других героических сюжетов. Так, рядом с былинной о Добрыне и Василии Казимировиче находим былинку о Ваське-пьянице, отвозящем дани ордынному королю,⁶ являющуюся позднейшей и, очевидно, местной коренной переработкой первой былины. Вообще, кроме старших героических былин, Мезень знает и позднейшие, возникшие на основе древних мотивов в среде северного крестьянства, напр. о столкновениях русских богатырей — Ильи Муромца с Дунаем

¹ Григ., I, стр. XV.

² Григ., III, 34. В 1928 г. выше района работ Григорьева нами записаны: один вариант „Дюка“ и один вариант „Ставра“, см. №№ 30 и 35.

³ Григ., III, 2 и 69.

⁴ „Добрыня и Алеша“ записана Григорьевым в 11 вариантах, „Солóман“ — в пяти.

⁵ См. Григ., III, 44 и 40. Характерно, что мезенская былина знает все эпические имена татарских предводителей (Калин, Кудреванко, Батыга, Скурлавец).

⁶ Ibid, 115.

и Добрыни с Дунаем; кроме Мезени, они известны еще только Печоре и Беломорью. Из героических былин очень популярна также былина о бое Ильи Муромца с сыном.¹ Широко распространены былины о добывании невесты, в которых мотивы героические переплетаются с новеллистическими.² При этом опять-таки рядом с обычным сюжетом (Дунай) записана былина с другим, хотя и аналогичным, сюжетом — о женитьбе князя Владимира на греческой царевне.³ В 1928 г. в верховьях р. Мезени нами записана еще одна былина на тему о походах — „Поход на Корсунь“ — вариант редкой былины „Глеб Володьевич“. Сюжет „Добрыня и змей“ записан и в отдельных вариантах и в контаминации с другими сюжетами.⁴ Вообще включение героических мотивов в былины другого типа на Мезени чаще, чем в других рассматриваемых нами районах. В Мезенском репертуаре находим и такую редкую героическую былинку, как „Сухман“.

Наоборот, былины-баллады на Мезени представлены слабо. Некоторые из них, напр. о Дмитрие и Домне, столь популярные на Пинеге, совсем отсутствуют; былины о Романе и Настасье и о гибели оклеветанной жены (Князь, княгиня и старицы) записаны Григорьевым всего лишь по одному разу. Указанные особенности находятся в полном соответствии и с составом мезенских сказителей, в огромном большинстве мужчин.⁵

С мезенским былинным репертуаром по своему составу в известной степени соприкасается печорский. Здесь мы имеем тоже довольно значительное количество различных героических былин. Былина о богатырях на заставе (Илья Муромец и сын) — одна из самых популярных. Некоторые былины, как, напр., „Добрыня и Дунай“, „Сватовство Вахрамеев“ (Гремина, Гремяты), кроме Печоры и Мезени, обнаружены еще только на Зимнем берегу.⁶ С другой стороны, Печора переключается с Прионежьем. Из всего Севера только здесь, кроме Прионежья и Сибири, записана была былина о Ставре. Повидимому, наибольшее после Прионежья распространение именно здесь имели былины „Садко“, „Василий Буслаевич“, „Дюк Степанович“ — новеллы, включающие социальные образы большого художественного обобщения. Это сильно отличает печорский репертуар от мезенского. Из героических былин только Прионежье и Печору объединяют сюжет о наезде литовцев. Имеются следы одной из самых ранних и ред-

¹ 9 вариантов.

² 11 вариантов.

³ Григ., III, 45.

⁴ Главным образом, с сюжетом „Добрыня и Алеша“. См. Григ., III, 35, 38, 47; в последнем варианте сюжет о битве со змеем подан очень оригинально, в виде рассказа самого Добрыни.

⁵ Отношение сказителей-мужчин на Мезени к балладному жанру обычно пренебрежительное, его называют „пустяковинами“, „робяцкими старинами“ и т. п., см., напр., заметку о Филиппе Гольчикове и др.

⁶ Один, сильно скомканный вариант второй из названных былин записан и на Пинеге (Григ. I, 69).

ких героических былин о Вольге,¹ кроме Прионежья, записанной еще только в Зимней Золотице и в Сибири. О степени распространенности тех или иных сюжетов на Печоре, к сожалению, мы не всегда получаем достаточные данные из сборника Н. Е. Ончукова „Печорские былины“, так как собиратель не записывал всех встречающихся вариантов, а стремился прежде всего охватить записями все сюжеты.² В этом отношении до известной степени дополняют картину наши записи, свидетельствуя о популярности той или иной былины не только в настоящем, но и в прошлом. Так, несомненно особенно силен был слой былин, отразивших настроения и идеологию социальных групп, участвовавших в массовых общественных движениях XVI—XVII вв. — таковы былины о Василии Игнатьеве, в которых роль спасителя Киева перенесена на представителя гольтыбы. Вообще тема голей встречается и в других былинных обработках. По материалам Н. Е. Ончукова, выделяются также своим разнообразием пародии-небылицы,³ интересна местная сатира в былинном стиле — обличение одного из местных крестьян.⁴ Есть былины, известные в прошлом только в печорских записях: „Бутман“,⁵ „Долгорукий“,⁶ былины сказочного характера о Даниле Борисовиче (Денисьевиче) и о Луке Даниловиче, змее и Настасье Салтановне. Что касается баллад о невинных жертвах, типа „Роман и Настасья“ и др., то они на Печоре почти отсутствуют. Слабость этого эпического слоя в прошлом подтверждается и новыми изысканиями.⁷ Таким образом печорский репертуар, примыкая к группе северо-восточных, сохранил ту часть старого новгородского эпического наследия, которая или была утеряна в других северных районах или быть может до них и не дошла.

Таковы основные данные по составу районных репертуаров, извлеченные из крупнейших собраний конца XIX и начала XX вв. Для более наглядного представления происшедших в них изменений к моменту последних обследований приводим по пяти рассматриваемым районам таблицы со сравнительным обзором сюжетов и числа их записей в прежних собраниях и в собраниях

¹ Онч., 84.

² Об этом методе своей работы говорит сам Н. Е. Ончуков (Печорские былины, СПб., 1904, стр. XXXIV).

³ Кроме „старини о льдине“, варианты которой найдены еще на Мезени, и „небылицы“, известной в Прионежье и на Пинеге, здесь записана еще „небылица о шуке“.

⁴ Онч., 29 и 38.

⁵ Интересен факт записи этой былины в Заонежье в 1926 г., правда, в разложившемся виде.

⁶ Былинная обработка сюжета „Вани-хлючника“.

⁷ Из этой группы былин Ончуковым были записаны только баллада „Мать князя Михайлы губит его жену“ (40), где обычно устойчивое имя героя изменено на имя Егория и где весь сюжет сжат до 31 стиха. В 1929 г. нам удалось только записать в двух вариантах былину „Братья-разбойники и сестра“. Имена Романа и Настасьи, Домны Фалилеевны, княгинюшки Катериноушки („Гибель оклеветанной жены“) — совершенно неизвестны Печоре.

ПРИОНЕЖЬЕ

№ п/п	Название сюжета	Кизи и Космозеро		Шуньга		Толвуй		Пудожск. гора и Песчанское		Общее число	
		60-е—80-е годы	1926—1932 годы	60-е—80-е годы	1926—1932 годы	60-е—80-е годы	1926—1932 годы	60-е—80-е годы	1926—1932 годы	60-е—80-е годы	1926—1932 годы
1	Азова взятие	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—
2	Александра I смерть	—	1	—	1	—	—	—	—	—	2
3	Алеша Попович и Тугарин	2	1	—	—	—	—	—	—	2	1
4	Брат спасает царя (восстание декабристов)	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1
5	Братья-разбойники и сестра	2	13	—	4	—	—	—	—	2	17
6	Бутман	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1
7	Василий Буслаевич	4	3	—	—	1	—	—	—	5	3
8	Василий Игнатьевич и Бабыга	1	—	—	—	1	—	2	1	4	1
9	Василий и Софья	1	7	—	1	—	—	—	—	1	8
10	Вольга (поход)	1	—	—	—	—	—	1	—	2	—
11	Вольга и Микула	4	5	—	—	1	—	1	1	6	6
12	Горе	2	—	—	—	—	—	—	—	2	—
13	Гришка Отрепьев	5	5	—	—	—	—	1	—	6	5
14	Голицын, князь	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—
15	Добрыня и Алеша	6	11	—	5	3	3	2	2	11	21
16	Добрыня и Василий Казимирович	1	3	—	—	—	—	—	—	1	3
17	Добрыня и Эмей	5	2	—	—	—	—	1	—	6	2
18	Добрыня и Маринка	3	—	—	—	—	—	1	1	4	1
19	Добрыня и Маринка (другой сюжет)	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1
20	Добрыня в опале	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—
21	Добрыня и паленица	—	—	—	—	—	—	1(к)	—	1(к)	—
22	Дмитрий и Домна	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—
23	Долгорукой, князь	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1
24	Дунай	8	8	—	—	2	—	—	1	10	9
25	Дюк	7	4	—	1	—	—	2	1	9	6
26	Земский собор	2	—	—	—	—	—	—	—	2	—
27	Иван Гоудинович	2	—	—	—	—	—	—	—	2	—
28	Иван Гостинный сын	3	—	—	—	—	—	—	—	3	—
29	Иван Грозный и сын	6	5	—	—	—	—	1	—	7	5
30	Илья Муромец и Идолище	5	1	—	—	—	—	2	—	7	1
31	Илья Муромец и Калин-царь	6	5	—	—	—	—	—	—	6	5
32	Илья Муромец и Соловей-разбойник	4	5	—	—	—	—	1	—	5	5
33	Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—
34	Илья Муромец и Святогор	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—
35	Илья Муромец (сводная)	1	1	—	1	—	—	—	—	1	2
36	Казани взятие	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—
37	Казань-город	—	4	—	3	—	—	—	—	—	7
38	Калика-богатырь	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—
39	Карамышевский, князь	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—
40	Кастрюк	4	3	—	—	—	—	2	1	6	4
41	Королевицы из Крякова	4	2	—	—	—	—	—	—	4	2
42	Молодец и худая жена	5	6	—	—	—	—	—	—	5	6
43	Наезд литовцев	2	1	—	—	1	—	1	—	3	1
44	Насильственное пострижение	—	6	—	—	—	—	—	—	—	6
45	Настасья Микулична	1	1	—	—	—	—	—	—	1	1
46	Нерассказанный сон	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—
47	Пародия	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1
48	Петр I, император	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—
49	Платов	—	3	—	—	—	—	—	—	—	3
50	Потык	3	1	—	—	2	—	1	—	6	1
51	Птицы	2	3	—	—	—	—	—	—	2	3
52	Рахта Рагнозерский	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—
53	Роман губит жену	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1
54	Садко	3	1	—	—	—	—	1	—	4	1
55	Самсон богатырь	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—
56	Святогор	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—
57	Святогор и Микула	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1
58	Соломан	1	5	—	—	—	—	—	—	1	5
59	Соломан и купец	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—
60	Сокольник	2	—	—	—	—	—	—	—	2	—
61	Соловей Будимирович	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—
62	Сорок калик	3	—	—	—	—	—	—	—	3	—
63	Скопин	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—
64	Ставр Гоудинович	5	9	—	2	—	—	3	1	8	12
65	Турецкая война	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1
66	Чурила и неверная жена	3	8	—	3	2	1	1	1	6	13
67	Хотен	6	—	—	—	—	—	1	—	7	—
68	Царство подсолнечное	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—
69	Сын Степана Разина	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—
Количество записей		139	140	—	21	15	4	28	11	182	176
Количество сюжетов		51	38	—	9	10	2	22	10	57	41

нашего времени. Табл. I дает картину изменения репертуара в тех частях Прионежья, которые были обследованы нами в 1926—1932 гг. Из собраний Рыбникова и Гильфердинга введены поэтому только данные, касающиеся этих частей. Кроме указанных собраний, привлечены записи 80-х годов Истомина-Дютша и акад. Шахматова. Обзор дается по основным районам. Выделены: 1) южная часть Прионежья — Кижы и примыкающие к ним села, входящие в настоящее время в сельсоветы Кижский и Сенногубский; а также тяготеющая к Кижам южная часть Шуньгского полуострова — Великая Губа, Космозеро, Яндомозеро; 2) северная часть полуострова, тяготеющая к Шуньге и Повенцу, с основными пунктами — Шуньга и Фоймгуба; 3) восточная часть — Толвуйское побережье (Падмозеро, Толвуй, Типиницы), и 4) часть Пудожско-Повенецкого побережья — Пудожская Гора и Песчаницы.

В обзоре для большей убедительности и правильности выводов использованы и данные московской экспедиции 1926 г., опубликованные бр. Соколовыми в *Revue des études slaves* за 1932 г.¹ Но во внимание приняты лишь варианты, повторные записи того же варианта от одного и того же сказителя исключены. Это касается одинаково и старого и нового материала.

Из наших материалов не внесены былина „Князь, княгиня и старицы“ и один вариант „Добрыни и Алеши“, так как, хотя они записаны и в Заонежье, но являются художественным наследием Пудожского края (Водлозеро).²

Таблица обнаруживает следующие данные. Прежде всего налицо некоторое общее сужение репертуара — на 16 сюжетов (на 31,4%). Очень значительны внутренние перемещения в составе: 28 сюжетов исчезли, 12 мы находим новых, которые ранее зафиксированы не были. К исчезнувшим главным образом относятся былины, не имевшие широкого распространения, а иногда и являвшиеся индивидуальной особенностью репертуара отдельного сказителя. Таковы, напр., былинные обработки сказок и легенд: „Нерассказанный сон“, „Царство подсолнечное“ и т. п., а также позднейшие былины, сложенные на основе мотивов более ранних былин, как „Калика-богатырь“, „Добрыня в опале“ и др. Несколько сократился и круг героических былин. Совершенно исчезли былины о походе Вольги, былина о бое Ильи Муромца с сыном;³ „Наезд литовцев“ встретился лишь один раз у очень древнего старика К. С. Кудрова; былина о „Василии Игнатьеве и Батыге“ записана в одном, но очень сокращенном, отрывочном и спутанном варианте. Но, с другой стороны, в пяти вариантах

¹ *Revue des études slaves*, 1932, t. XII, F. 3 et 4, p. 213—215.

² Былины эти записаны от А. Ф. Оргиной, жены председателя РИКа Заонежья в 1932 г., которая усвоила их от А. В. Коломаевой из д. Куга-Наволоки на Водлозере и сама коренной жительницей Заонежья не является.

³ Правда, в соседнем районе — б. Авдеевской волости и дальше, на Кенозере — последняя встретилась в единичных записях (см. „*Revue des études slaves*“, 1932, t. XII, F. 3 et 4).

записана близкая по сюжету былина об Илье Муромце и Калинцаре, которая из всех прионежских обработок героических сюжетов наиболее насыщена социальными элементами, благодаря контаминации сюжета о нападении татар на Киев с эпизодом ссоры Ильи Муромца с князем Владимиром, и которая особенно четко выделяет образ Ильи Муромца как постоянного защитника и оберегателя страны и населения.

Чрезвычайно характерна наименьшая устойчивость таких новелл, как „Хотен“ или „Садко“. Былины эти особенно крепко связаны с городским историческим бытом и заключают образы и мотивы, по своему социальному содержанию наиболее далекие северному крестьянству. В то же время новелла о Ставре, в которой черты исторических отношений почти стерлись или были переработаны и переосмыслены в ином плане, не только удержалась в репертуаре, но благодаря своей увлекательной фабуле, остроумной сатире и мастерству композиции сохранила и свою популярность. Поэтичность и захватывающая романтическая интрига былины о Соломане царе, этом блестящем образце народной новеллы, определили ее распространение и в тех районах, где в прежние годы она была почти неизвестна (всего 1 вариант: Рыбн., 94). Но особенно большую популярность приобрели былины-новеллы, насыщенные психологическими и бытовыми чертами, как былины: „Добрыня и Алеша“, „Чурила и неверная жена“. В связи с этим интересом к психологическим образам и ситуациям, необычайно увеличилась балладная часть репертуара. Выше мы отметили, что Рыбников и Гильфердинг из всех видов былины менее всего интересовались балладами, старались по преимуществу найти и записать „классические“ былины. Но, даже учитывая это, все же мы должны констатировать несомненное усиление в настоящее время балладного жанра.¹

Обратимся к Поморью. Обзор поморских сюжетов мы даем по двум большим районам: 1) южной части — от Нюхчи до Сороки и 2) району западного берега; во втором случае объединяем записи, сделанные в довольно отдаленных друг от друга местностях (Кандалакша — северная часть и средняя часть — Гридино и Калгалакша), на том основании, что репертуар их близок, очевидно, вследствие постоянной связи между этими частями Поморья.

Новое, очень тщательное обследование 1935 г. Гридина и Калгалакши выявило значительное количество былин там, где раньше сделаны лишь отдельные случайные записи; поэтому общее количество записей даже немного превышает прежнее.

---

¹ Что касается младших исторических песен, зафиксированных в наше время (смерть Александра I, Платов), то отсутствие их в прежних собраниях еще не говорит о фактическом их отсутствии в песенном репертуаре прежних годов, так как записи этого слоя исторических песен Рыбниковым и Гильфердингом совершенно случайны.

ПОМОРЬЕ

Таблица II

№ и/п	Название сюжета	Сорожский район		Кандалакш. и Кемск. р.		Общее число	
		1899 г.	1932 г.	1901 г.	1933— 1935 гг.	1899— 1901 гг.	1932— 1935 гг.
1	Алеша Попович и сестра Сбродовичей	—	—	—	1	—	1
2	Братья-разбойники и сестра	1	1	—	—	1	1
3	Василий и Софья	—	—	—	1	—	1
4	Дмитрий и Домна	4	3	1	3	5	6
5	Добрыня и Алеша	1	—	—	3	1	3
6	Добрыня и Змей	—	—	1	—	1	—
7	Дунай	1	—	2(к)	1	3	1
8	Иван Грозный и его сын . .	3	—	—	—	3	—
9	Илья Муромец (поездки) . .	2	2	—	3	2	5
10	Илья Муромец и сын	2	—	—	—	2	—
11	Илья Муромец (сводная) . .	—	—	—	4 (проза)	—	4 (проза)
12	Князь, княгиня и старицы .	5	2	—	4	5	6
13	Казарин	1	—	1	6	2	6
14	Мать князя Михайла губит его жену	2	—	—	1	2	1
15	Мать продает сына	1	—	2	1	3	1
16	Михайло Данилович	—	—	1	—	1	—
17	Молодец (Дунай) и коро- левна	1	1	2(к)	3	3	4
18	Оксенко	—	—	1	1	1	1
19	Платов	2	1	—	—	2	1
20	Роман и Марья Юрьевна . .	—	—	1	5	1	5
21	Скопин	—	—	1	—	1	—
22	Соломан-царь	—	—	—	1	—	1
23	Соловей Будимирович	1	—	—	—	1	—
24	Сорск калик	—	—	1	—	1	—
25	Туры	2	—	—	—	2	—
26	Хотен	—	—	1	—	1	—
	Количество записей	29	10	13	38	44	48
	Количество сюжетов	15	6	12	15	22	17

Но характерно, что даже и при этом по тем данным, которыми мы располагаем в отношении прежних лет, заметно общее сужение сюжетного состава (на 27.4%). На самом же деле это обеднение репертуара несомненно еще значительнее.

На Поморском же берегу мы видим сужение репертуара на 40%. По характеру своему процесс аналогичен тому, который мы наблюдаем в Прионежье. Вместе с выпадением некоторых героических былин („Илья Муромец и сын“, „Михайло Данилович“), тех, которые занимали в репертуаре Поморья незначительное место, мы видим большую популярность былины о столкновении Ильи Муромца с разбойниками, трактующей победу богатыря, как подвиг защиты мирного населения. Во-вторых, выпали старейшие новеллы того типа, который, как указано выше, был наиболее далек от интересов северного крестьянства (Соловей Будимирович, Хотен). Сохранились новеллы и баллады с чертами более понятного и близкого быта, более психологические или с увлекательной романической интригой, близкие к новеллистической сказке.

На Пинеге, как уже было указано, только в Карпогорье наша работа явилась повторной после записей Григорьева в 1900 г. Поэтому в табл. III, в графу 1900 г., включены данные лишь тех сел, в которых было произведено обследование 1927 г. Таблица показывает уменьшение общего количества сюжетов в данном районе на 21%. Следует отметить, что четыре сюжета, которые Григорьевым в данном районе не были зафиксированы („Алеша Попович и Тугарин“, „Брат спасает царя“, „Долгорукий“ и „Ловля филина“), записаны им несколько выше или ниже. В общем, сужение репертуара произошло за счет последних остатков собственно былин (героических и новеллистических), в то время как остальные группы (баллады, фábлы и исторические песни) и в новых записях достаточно представлены. Немногие сюжеты некоторых исчезнувших былин сохранились лишь в единичных прозаических рассказах, восходящих, однако, скорее не к устной традиции, а к книжному источнику. Из героического цикла попрежнему довольно популярной в мужском репертуаре осталась небольшая былина о встрече Ильи Муромца с разбойниками. Таким образом отмеченная выше специфика пинежской былинной традиции в настоящее время выделилась еще резче.

По Мезени сравнительным материалом мы располагаем только из двух сел — Большие Нисогоры и Малые Нисогоры. Этот небольшой материал не дает, конечно, возможности сделать какие-либо решительные выводы. Как и в других районах, замечается некоторое уменьшение количества сюжетов (на 23% — см. табл. IV), при этом на ряду с исчезновением нескольких героических былин („Добрыня и Дунай“, „Илья Муромец и Идолище“, „Васька-пьяница отвозит дани“) наблюдается отсутствие баллад, которые вообще на Мезени не были распространены. Впрочем, два балладных сюжета — „Братья разбойники и сестра“, и „Мать князя

Таблица III

ПИНЕГА

№ п/п	Название сюжета	Карногорье	
		г о д ы	
		1900	1927
1	Алеша Попович и сестра Сбродовичей . .	1	—
2	Алеша Попович (сводная, проза)	—	1
3	Брат спасает царя	—	1
4	Двенадцать братьев, сестра и отец . . .	1	—
5	Дмитрий и Домна	10	5
6	Добрыня и Илья Муромец	1	—
7	Долгорукий (жалоба солдат)	—	3
8	Иван Годинович	1	—
9	Иван Гостиный сын	2(1к.)	—
10	Илья Муромец и Идолище	2(к)	—
11	Илья Муромец, Полубелый и Соловей-разбойник	1	—
12	Илья Муромец и Святогор	1	1
13	Илья Муромец и станичники	7	3
14	Казарин	5	2
15	Кострюк	2	3
16	Мать князя Михайла губит его жену . .	14	9
17	Небылица	2(1к)	2
18	Риги взятие	1	—
19	Роман и Настасья	4	4
20	Румянцев и пленная девушка	1	1
21	Петр I на молебне	4	1
22	Теща, зять турок	1	1
23	Филина ловля	—	2
Количество записей . . .		59	39
Количество сюжетов . . .		19	15

М Е З Е Н Ь

№ п/п	Название сюжета	Нисогоры	
		г о д ы	
		1901	1928
1	Александра I смерть	—	1
2	Братья-разбойники и сестра	1	—
3	Васька-пьяница отвозит дани	1	—
4	Добрыня и Алеша	1	1
5	Добрыня и Дунай	1	—
6	Дунай	1	5(1 к.)
7	Иван Годинович	1	1(к.)
8	Илья Муромец и Идолище	1(к)	—
9	Илья Муромец и Калин (Кудреван)	1	1
10	Илья Муромец (сводная)	—	1(пр.)
11	Илья Муромец и Святогор	1(к)	—
12	Илья Муромец и Соловей-разбойник	—	1
13	Илья Муромец и сын	1	1
14	Казарин	—	1
15	Мать князя Михаила губит его жену	1	—
16	Пародия	—	1
17	Потык (+ бой Алеши с татарами)	1	—
18	Князь Роман и Марья Юрьевна	1	—
19	Сорок калик	—	1
Количество записей		12	14
Количество сюжетов		13	11

Михайла губит его жену“ — записаны нами выше, первый даже в значительном количестве вариантов (5). Вообще же на Мезени в местах нашей работы наиболее крепок именно героический эпос, преобладающий над другими былинными жанрами. Так, в верховьях наиболее популярными оказались былины о богатырях на заставе (Илья Муромец и сын — 4 варианта), былина об Илье Муромце и Соловье-разбойнике (4 вар.) и об освобождении Ильей Муромцем Киева от татар (Илья Муромец и Кудреванко — 2 вар.). Из героических сюжетов, которые не вошли в таблицу, так как в Нисогорах уже не встретились, отметим еще сюжет боя Добрыни со змеем (2 вар.), встречи Ильи Муромца с разбойниками (3 вар.) и редкий сюжет о Глебе Володьевиче (1 вар.), а из новеллистических — былины о Чуриле (2 вар.), о Ставре (1 вар.), Дюке (1 вар.), Добрыне и Маринке (2 вар.), Алеше и сестре Сбродовичей (1 вар.) и великолепный вариант (лучший из всех, записанных на Мезени) о Василии Буслаевиче. Таким образом верховья Мезени, не исследованные прежними собирателями, оказались довольно богатыми в отношении сюжетов и дали в то же время целый ряд первоклассных текстов.

Процесс сокращения репертура наблюдается и на Печоре (50%), хотя, как мы видели выше, как раз именно на Печоре былина еще бытует в полной мере. Приводя сравнительные данные по трем основным районам работ наших на Печоре, мы должны, однако, оговориться, что соотношение по сюжетам в пределах не всех районов может быть принято как безусловное, в виду особенности работы Н. Е. Ончукова, о которой мы упоминали выше. Не ставя перед собой проблемы варианта, собиратель, записав в Усть-Цыльме и ее окрестностях определенное количество сюжетов, далеко не все из этих сюжетов счел необходимым записать в вариантах на р. Пижме. Поэтому ряд сюжетов, записанных нами в некоторых районах в 1929 г., но отсутствующих в „Печорских былинах“ по тем же районам, мы не можем рассматривать как „новые“, т. е. позднее занесенные. Таким образом, если соотношение в районе вокруг Усть-Цыльмы 35 и 19 можно считать показательным, так же как и итоговое соотношение 50 и 25, то данные по р. Пижме для 1902 г. не являются исчерпывающими. Также не является показательным и общее число записей по всей Печоре. Оно могло быть во времена Ончукова гораздо более значительным.¹

Какие же изменения наблюдаются в сюжетном составе общепечорской былинной традиции? С одной стороны, мы видим те же процессы, которые констатированы нами в отношении Прионежья: наибольший процент среди исчезнувших сюжетов падает на позднейшие былины, часто известные только Печоре и, хотя и записанные собирателем в качестве редких в нескольких вариантах, но, повидимому, не столь распространенные и на самой Печоре

¹ См. Онч., стр. XXXIV—XXXV.

(„Данида Денисьевич“, „Лука Данилович“, „Детство Добрыни“).¹ Также исчезли старшие исторические песни; выпали фавльы. С другой стороны, как и на Мезени, сохраняются лучшие произведения героического цикла. Популярна былина о богатырях на заставе, („Бой Ильи Муромца с сыном“), о столкновении Добрыни и Дуная; очень распространена и былина о Василии Игнатьеве. В то же время сохранились и старые новеллы: „Иван Гостинный сын“, „Садко“, „Соловей Будимирович“, „Дюк Степанович“. Но в печорской обработке они в значительной степени утратили старые исторические черты: „Садко“ в печорских вариантах в своем состязании с Новгородом неизменно побеждает его; соперничество Дюка с Чурилой приобрело характер личного столкновения двух „щупов“. Особенности печорской обработки должна быть объяснена и популярность былины о Василии Игнатьеве: в ней с наибольшей силой заострен протест против верхушки, бояр „толстобрюхих“, и выдвигается, в качестве героя, представитель социальных низов. Таким образом в популярности „Василия Игнатьева“ на Печоре мы встречаем то же по своей современной социальной функции явление, что и распространение в Прионежье былины о Калине-царе, в Кенозере — о голях кабацких. С „Василием Игнатьевым“ перекликаются по социальному своему звучанию, с одной стороны, былины о князе Долгоруком и о Скопине (аналогично изображение бояр), с другой стороны — „Бутман“ (герой, принадлежащий к социальным низам).

Подобно другим районам имеем и здесь случаи комбинирования новой былины на основе измененных и соединенных старых сюжетов, чаще всего уже в форме былины-сказки, а также создание больших сводных былин.

Закономерность изменений, происходящих в составе эпического репертуара, может быть полностью раскрыта лишь изучением социально-исторических процессов, действующих в той или иной местности. Здесь, несомненно, играет роль взаимодействие традиции, влияние и прочность которой и обусловлены этими процессами, и характера самого материала, находящегося в большей или меньшей резонанс в окружающей среде. Мы видели, что в первую очередь исчезают былины, являющиеся в прошлом достоянием отдельных исполнителей, или те, которые были ограничены в своем бытовании узким районом. Менее устойчивы также былины, образы которых слишком тесно связаны с конкретной обстановкой исторического прошлого и не несут в себе элементов более широких художественных обобщений, которые и обуславливают возможность последующих переживаний этих образов. Судьба былины „Хотен“ в этом отношении показательна. Этим и объясняется, что из героического цикла наиболее прочно удержались былины, связанные с именем Ильи Муромца, и как раз те, в которых с наибольшей силой и широтой художественного обобщения воплощен

¹ Онч., 76; 66, 71; 21, 63.

ПЕЧОРА

№ п/п	Название сюжета	Селения по реке		Селения по реке Печоре				Общее число	
		Пижме		Усть-Цылемский район	с. Великая Виска				
г о д ы									
1902	1929	1902	1929	1902	1929	1902	1929		
1	Александр I (Отправлялся Александра)	—	3	1	—	—	—	1	3
2	Александра I смерть	—	—	1	—	—	—	1	—
3	Алеша Попович и сестра Долгополых (Сбродовичей)	1	—	—	—	—	—	1	—
4	Алеша Попович и Тугарин	—	—	1	—	—	—	1	—
5	Брат спасает царя	1	—	—	2	—	—	—	2
6	Братья-разбойники и сестра	—	—	—	—	—	—	2	3
7	Бутман	2	3	—	—	1	—	4	—
8	Василий Буслаевич	1	—	2	—	—	—	3	4
9	Василий Игнатьевич	3	1	—	3	—	—	1	—
10	Василий Казимирович	—	—	1	—	—	—	1	—
11	Горе	—	—	—	—	1	—	1	—
12	Гремит Мануйлович	—	—	—	—	1	—	2	—
13	Данилко Денисьевич	—	—	1	—	—	—	1	—
14	Данила Ловчанин	—	—	1	—	—	—	2(1к.)	—
15	Детство Добрыни	—	—	2(1к.)	—	—	—	1	—
16	Добрый молодец и казна монастырская	—	—	1	—	—	—	1	4
17	Добрыня и Дунай	1	3	—	1	—	—	1	1
18	Добрыня и Змей	—	1	1	—	—	—	2	2
19	Добрыня и Маринка	—	1	2	1	—	—	2	1
20	Долгорукий и ключник	1	—	1	1	—	—	2	1
21	Дунай	—	1	1	4	—	—	1	5
22	Дюк	—	—	1	3	—	—	1	3
23	Иван Годинovich	—	—	—	—	1	—	1	—
24	Иван Гостинный сын	—	—	1	—	—	1	1	1
25	Иван Грозный	—	—	1	—	—	—	1	—
26	Илья Муромец и голи	—	—	2(1к.)	1(к.)	—	—	2(1к.)	1(к.)
27	Илья Муромец и Идолище	—	—	1	1	—	—	1	1
28	Илья Муромец и Кудреванко (Ковшей)	1	—	1	1	—	—	2	1
29	Илья Муромец и разбойники	—	2	—	—	—	—	—	2
30	Илья Муромец и Святогор	—	—	1(пр.)	1(к.)	—	—	1(пр.)	1(к.)
31	Илья Муромец и Соловей-разбойник	—	1	2	2	—	1	2	4
32	Илья Муромец и сын	2	1	—	3	—	—	2	4
33	Илья Муромец (сводная)	—	—	—	2	—	—	—	2
34	Казарин	—	—	1	—	1	—	1	—
35	Кострюк	—	—	—	—	—	—	1	—
36	Лука Данилович	—	—	3	—	—	—	3	—
37	Льдина (небылица)	—	—	2	—	—	—	2	—
38	Литовцев наезд	—	—	2	1	—	—	2	1
39	Мать князя Михайлы губит его жену	—	—	1	—	—	—	1	—
40	Небылица	1	—	—	—	—	—	1	—
41	Небылица про щуку	—	—	—	—	2	—	2	—
42	Пародия	—	—	2	—	—	—	2	—
43	Потап Артамонов	—	—	—	—	1	—	1	—
44	Потык	—	—	1	—	—	—	1	—
45	Садко	1	1	2	1	1	—	4	2
46	Скопин	1	2	1	2	1	—	3	4
47	Соловей Будимирович	1	1	—	—	—	—	1	1
48	Соломан	—	—	1	1	—	—	1	1
49	Срок калик	—	1	1	1	—	1	1	3
50	Ставр Годинovich	—	—	1	—	—	—	1	—
51	Степ на Разина сын	—	—	1	—	—	—	1	—
52	Чурила и неверная жена	—	1	2	1	—	1	2	3
53	Хотен	1	—	1	—	—	1	2	1
54	Тимофей Иванович (контаминация разных мотивов)	—	—	—	1(пр.)	—	—	—	1(пр.)
Количество записей		18	23	46	32	11	5	75	60
Количество сюжетов		14	15	36	20	10	5	50	28

образ идеального народного героя — былины о Калине, Кудреванке и пр., о заставе богатырской, о Соловье-разбойнике и о встречах со станичниками. В то же время образы некоторых других богатырей, которые тоже воплотили некогда героическую линию нашего эпоса, но не достигли этой обобщающей силы, потускнели или совсем забыты (Ермак, Михаил Данилович, Сухман).

Характерна также и различная судьба одних и тех же сюжетов, одних и тех же героев в различных районах. Василий Игнатьев, он же Василий-пьяница, популярный на Печоре до последнего времени, отошел на второй план в Прионежье и совершенно исчез на Кенозере.¹ Тут мы приходим к вопросу о характере местных обработок одного и того же сюжета. На Печоре сюжет о Василии Игнатьеве оформлен в плане очень острой социальной сатиры, направленной против князя и бояр. Этой большой социальной насыщенности лишены онежские обработки сюжета, развивающие традиционную ситуацию о неожиданном спасителе. Ясно, что былины с героем Ильей Муромцем в роли такого спасителя („Калин-царь“) должны были заслонить былины о Василии-пьянице. Вызванные к жизни определенными общественными настроениями, эти последние не поднялись до тех больших художественных высот, как былины об Илье Муромце. Характерно, что черты социального протеста заонежскими сказителями как раз воплощались в том же Илье Муромце в известных былинах о ссоре его с князем Владимиром и о голях кабацких. То же самое мы наблюдаем и в отношении новелл, где часто именно особенности местной обработки определяют ту или иную судьбу сюжета. Наиболее устойчивы и популярны те былины, образы которых несут черты близких и понятных, глубоко трогających и волнующих человеческих переживаний, а также былины с увлекательной, захватывающей фабулой („Добрыня и Алеша“, „Чурила“, „Соломан-царь“, целый ряд баллад). Тяготение к „роману“, к жанру психологическому достаточно четко вскрывается наблюдениями над современным состоянием эпической традиции.

IV

Один из интереснейших и принципиально важных вопросов, связанных с былинным творчеством позднейшего периода, — это вопрос о сказителе, о его отношении к своему мастерству, о различных типах и проявлениях сказительского искусства. Новый, собранный в последнее десятилетие материал пополнил наши наблюдения в этой области. Это дает возможность уже сейчас наметить некоторые характерные моменты классификационного порядка, хотя весь вопрос в целом может быть поднят лишь после

¹ В нашем собрании имеется лишь один сокращенный и спутанный вариант. Бр. Соколовыми в Пудожском крае записано три варианта, состояние их мне неизвестно. На Кенозере новые исследования не обнаружили этой былины. См. „Revue des études slaves“, Paris, 1932, t. XII, p. 214.

ряда предварительных специальных исследований исполнительской манеры и творческой природы отдельных сказителей.

Среди северных сказителей XIX—XX вв. мы можем различить три основные категории — по тому, как они воспринимают, а затем воссоздают былины.

Одна из них — это сказители, перенявшие тексты совершенно или почти точно и в таком же виде их передающие. Здесь сказывается, с одной стороны, общее хранителям эпической старины стремление петь так, как „старики певали“, с другой стороны — исключительная сила памяти, позволяющая удержать в сохранности не только композицию былины в общих ее очертаниях, не только запомнить точный порядок всех эпизодов, но почти дословно усвоить и самое словесное оформление большинства эпизодов, а иногда и всей былины в целом.

Яркой фигурой сказителя этого типа является в прошлом сын знаменитого певца времен Рыбникова и Гильфердинга Трофима Григорьевича Рябинина — Иван Трофимович Рябинин. Из записанных от него былин две — „Вольга и Микула“¹ и „Королевичи из Крякова“² — почти полностью повторяют тексты отца. Незначительные отклонения варианта первой из названных былин у сына от варианта Трофима Григорьевича в записи Гильфердинга³ заключаются лишь в не имеющей значения перестановке эпизодов (всего в нескольких случаях), а также в незначительных изменениях словесной фразировки.

Из изменений первого рода отметим, напр., что собрание Вольгой дружины у Ивана Трофимовича следует после рассказа о жаловании его князем Владимиром тремя городами, тогда как у отца первый эпизод предпослан второму. Детали описания пахаря при полном их сохранении располагаются в несколько ином порядке. Изменения словесные тоже незначительны: они сводятся к таким случаям, как замена стиха „Был у него родной дядюшка“ (17-й стих у Тр. Гр.) стихом „Ево-то был родной дядюшка“ (14-й стих у Ив. Тр.), или употребление эпитета „ласковый“ вместо „славный“, и т. д. Сопоставим следующие два отрывка:

У Трофима Григорьевича:

Молодой Вольга Святославгович
Он поехал к городам и за получкою
Со своей дружинишкой хороброю.
Выехал Вольга во чисто поле
Ен услышал во чистом поли ратая.

(Стихи 23—27.)

У Ивана Трофимовича:

Садилсь на добрых коней, поехали
По этим городам да за получкою
Молодой Вольга да й Святославгович
Й он повыхал в раздолье в чисто поле
Со своей дружинишкой хороброю.
А и едут по раздольицу чисту полю,
И услышали оны тут в поли ратая.

(Стихи 25—31.)

¹ Сказитель И. Т. Рябинин и его былины. (Этногр. Обзор., 1894, № 4 стр. 136.)

² Истом. и Дютш. Песни русского народа, записанные в Арханг. и Олон. губ. в 1886 г. СПб., 1894, стр. 29.

³ Гильф., II, 73.

Мы взяли случай наибольшего отклонения от источника. Видим, насколько оно незначительно и несущественно. Характерна для Ивана Трофимовича в его отрывке некоторая тенденция к большей многословности. Это вообще заметно в его былинах. Так, напр., стих отца „Жаловал его трёма городама всё крестьянамы“ (стих 19-й) он распространяет на два стиха:

Жаловал ёво трёма гóродама,
Трёма города́ма всё крестьяновскими.

Впрочем, собиратель делает к данному месту примечание, что иногда при пении исполнитель соединяет эти стихи тоже в один.¹ Эта тенденция к большей, чисто словесной, распространенности делает былинку Ивана Трофимовича на шесть стихов длиннее текста отца, несмотря на то, что несколько отцовских стихов им были даже опущены (в изображении скачки стихи 156—157, в конечном диалоге стихи 170—171 и некоторые другие).

Отметим, что единичные стихи варианта Ивана Трофимовича, которых нет в тексте отца у Гильфердинга, и которые не обусловлены простым словесным развертыванием формулы, мы находим в варианте от того же Трофима Григорьевича в записи Рыбникова. Например стих 177-й у Ив. Тр.: „Глупый ты Вольга да Святослав-гович“ — у Рыбн., т. I, стр. 14, стих 149.

То же, почти дословное повторение всего отцовского варианта мы находим и в былине „Королевичи из Крякова“.

Значительно более отходят от текстов Тр. Гр. у Гильфердинга былины „Добрыня и змей“, „Про худую жену“ и отрывок былины „Скопин Шуйский“. Последний оказывается чрезвычайно близок другому варианту этой былины от старшего Рябинниа у Рыбникова.²

Это обстоятельство, а также случаи совпадения отдельных стихов в отмеченных ранее былинах с соответствующими стихами в записях Рыбникова, позволяет предполагать, что отклонения и в былинах „Добрыня и змей“ и „Про худую жену“ в ряде случаев надо отнести не за счет свободных переложений Ивана Трофимовича, а варьирования этих мест самим Трофимом Григорьевичем.

Близость текстов Ивана Трофимовича к былинам его отца подтверждается и сравнительным анализом былин его пасынка — Ивана Герасимовича Андреева-Рябинина в записях 1921 г., произведенных В. Н. Всеволодским-Гернгроссом.³ За исключением

¹ Этнограф. Обзор., 1894, № 4, стр. 136.

² Ibid., стр. 147; Рыбн. I, стр. 122.

³ Иван Герасимович Андреев-Рябинин был вызван в 1921 г. в Ленинград из Заонежья Институтом живого слова. В. Н. Всеволодский-Гернгросс записал от него ряд былинных текстов, напевы записаны на фонограф С. Н. Бернштейном. Тексты былин, записанные от И. Г. Андреева-Рябинина: „Илья Муромец и Калин-царь“, „Ссора Ильи с князем Владимиром“, „Илья Муромец и дочь“, „Дунай“, „Второй бой Добрыни со змеем“, „Добрыня и Маринка“, „Королевичи из Крякова“ (не оконч.), „Дюк Степанович“, „Соломан и Василий Окульевич“. (Рукописное хранилище Фольклорной комиссии при Институте этнографии АН СССР, коллекция XI, Фонограмм-архив №№ 703—710).

былины „Королевици из Крякова“, сюжеты, записанные от Ивана Герасимовича, как раз те, которые в записях от Ив. Тр. отсутствуют. Следовательно, отличия их от былин Трофима Григорьевича обусловлены уже двойным изменением — у Ивана Трофимовича и у самого Ивана Герасимовича. Оказывается, что отклонения тоже не очень значительны, а некоторые из былин опять-таки восходят к рыбниковским вариантам. Целый же ряд стихов, порой значительные отрывки дословно передают соответствующие места текстов Трофима Григорьевича. Это подтверждает данную выше характеристику Ивана Трофимовича как сказителя, это же заставляет нас отнести и Ивана Герасимовича к тому же типу. К этой же категории исполнителей мы должны причислить и современного представителя рябининской традиции — Петра Ивановича Рябинина-Андреева. В некоторых былинах, как „Вольга и Микула“, „Илья Муромец и Соловей-разбойник“, „Королевици из Крякова“, мы видим чрезвычайно близкое следование за источником. Много дословных совпадений не только отдельных стихов, но и целых отрывков, при полном сохранении всего композиционного строя. Особенно поразительна близость былин Петра Ивановича и его прадеда — Трофима Григорьевича. И там, где мы не имеем промежуточных звеньев, где нам приходится иметь дело с текстами только старшего Рябинина и его наследника уже в четвертом поколении, — мы убеждаемся, сравнивая их былины (напр. „Добрыня и Василий Казимирович“, „Илья Муромец и Соловей-разбойник“), в удивительной устойчивости, стабилизации семейной традиции Рябининых.

Но у Петра Ивановича уже более часты случаи перестановки стихов, эпизодов, случаи перефразировок. При помощи деталей, заимствованных из других былин, он развертывает одни картины, другие, наоборот, пропускает. У него наблюдается тенденция чрезмерно увеличивать количество повторений, что нарушает ту художественную строгость в соблюдении эпической обрядности, которую мы в особенности видим у его прадеда. Так, напр., в его былине „Королевици из Крякова“, вместо двукратного обращения королевича Петра к поленице с вопросом об „имени-отечестве“, мы находим четыре обращения; в былине „Вольга и Микула“ последовательная посылка частей дружины к сошке совершается пять раз, вместо обычных трех, и т. д. Заметна склонность вставлять стихи мотивировочного характера, а также переносить словесные формулы из других своих былин, что несколько нивелирует его стиль.

Однако, несмотря на эту несколько большую степень отклонения от источников, принципиально Петр Иванович в своем отношении к ним не отличается от своих отца и деда.¹

---

¹ Влияние устойчивой традиции сильно сказалось и на новом творчестве П. И. Рябинина — на создании былин с современной тематикой: в них он зачастую переносит образы, эпизоды, мотивы былин своих предков без всяких изменений.

На формирование такого типа сказительства несомненно оказывают влияние и условия, при которых былины усваиваются. Если сказитель неоднократно слышал былины в одних и тех же вариантах, то естественно он запомнит их в точности, если только он наделен хорошей памятью и особенно не тяготеет к более свободному, творческому освоению материала.¹ Поэтому сказителей этого первого намеченного нами типа мы скорее всего можем встретить в семьях, в быт которых прочно выросла эпическая традиция.

Так, из современных наиболее крупных сказителей к данному типу относится и Егор Борисович Суриков. Из четырех былин, от него записанных, две (Василий Буслаевич, Калин-царь и князь Владимир) восходят к вариантам тех же былин, записанных Гильфердингом от его матери Домны Суриковой. От нее Егор Борисович их и усвоил. Сопоставление с источником показывает их чрезвычайную близость к текстам матери. Значительная часть стихов представляет почти дословную передачу. Как и у Рябиных, отклонения выражаются преимущественно в перестановке некоторых эпизодов, причем словесная передача эпизодов почти не меняется.² Однако, так же как и у Петра Ивановича Рябина, очевидно, в процессе забывания или вследствие неточного запоминания некоторых мест, вкрадываются моменты, характеризующие уже данного исполнителя; так, у Егора Сурикова некоторые сокращения чаще всего идут по линии изобразительных деталей, вставки несколько усиливают психологические и бытовые элементы; напр. „велик заклад“ Василия Буслаева мотивируется его „хмельным умом, да пьяным разумом“ (стихи 102—103), включается мотив обиды матери за сына, которому „не простили его вины“ (стихи 168—169), и т. п.³

Таким образом некоторые индивидуальные черты мы можем найти и у сказителей данного типа. Однако в основном они именно только „исполнители“, с большим или меньшим талантом передающие усвоенные ими произведения.

Некоторые среди них выделяются высоким артистизмом исполнения. Такова была, напр., на Пинеге теперь уже покойная Екатерина Матвеевна Чуркина, от которой произведены записи в 1927 г. В 88 лет она с неподражаемым юмором, замечательно интонируя, передавала свои „скоморошины“, тексты же ею были в точности усвоены, и в создании и оформлении их ее доли не было никакой. К таким же большим артистам-исполнителям при-

¹ В этом отношении характерен тот факт, что наибольшие отклонения от источника представляют в репертуаре П. И. Рябина былины, которым он научился от Н. С. Богдановой (см. об этом заметку о П. И. Рябине, т. II). У него отсутствуют некоторые описательные детали, наблюдается более существенная перефразировка. Хотя и здесь определенно видно то же стремление к точному воспроизведению.

² Примеры см. в примеч. к его былинам, т. II.

³ Подробнее см. об этом в примеч. к былине.

надлежал, несомненно, по имеющимся описаниям, и Иван Трофимович Рябинин.¹

Когда сказитель описанного типа начинает забывать былины, вследствие ли общего ослабления памяти, или потому, что долго не приходилось исполнять свой репертуар, происходит обычно сокращение былины, выпадение отдельных картин, иногда эпизодов, но и в этом случае ясный след связи с источником остается — и в общем направлении сюжетного хода, и в словесном оформлении. Исполнитель не заполняет лакуны другими эпизодами и картинками; наоборот, он больше всего боится „как бы не наврать“ и предпочитает лучше просто выпустить забытую часть. Это мы хорошо видим из сопоставления былин Кирика Гавриловича Рябина, Ив. Ив. Касьянова, Федора Дмитриевича Грибанова с вариантами этих былин у их непосредственных учителей.²

Чрезвычайно характерен и интересен один факт из непосредственных наших наблюдений над жизнью былины в современности. Мария Кириковна Сарафанова, внучатная племянница Ивана Трофимовича Рябина, в 1926 г. воссоздала на наших глазах совершенно позабытую ею былинку о Дюке Степановиче. Постепенно вспоминая содержание былины, она перекладывала фабулу в ритм былинного стиха, облекая ее в эпические формы. Казалось в тот момент, что происходит акт творческого создания нового варианта былины с помощью традиционных эпических образов и приемов. На самом же деле это было припоминание, с огромным напряжением памяти, текста, когда-то отлитого в определенную стойкую форму. В этом убеждает нас очень большая близость варианта Сарафановой к тексту другой заонежской сказительницы А. Г. Трухавой, записанному в 1932 г. Оба, несомненно, восходят к одному и тому же источнику.³

Ко второй категории сказителей может быть как раз применено то определение индивидуального начала, которое было дано Гильфердингом. Перенимая былинку, сказитель этого второго типа усваивает по преимуществу, по словам Гильфердинга, лишь „общий остов“. Путем отбора „типических“ мест и свободного создания „переходных“ и вырабатывается собственный, постоянный текст, отливаясь в определенную композиционную и словесную форму. В дальнейшем эта форма в основном остается неизменной и варьируется лишь в деталях. Так создаются новые редакции былинных сюжетов, представляющие больший или меньший отход от редакций, послуживших отправным материалом. Несомненно, этот тип сказителя и был перед глазами Гильфердинга, когда он писал, что „в устах лучших сказителей, которые поют часто и выработали себе, так сказать, постоянный текст, эти

¹ Этногр. Обзор., № 4, 1894, стр. 117.

² См. примеч. к их былинам, т. II.

³ См. былины Сарафановой и Трухавой, в т. II.

отступления составляют, конечно, весьма незначительные варианты".¹

Можно предполагать, что именно к этой группе относятся многие из лучших представителей былинной традиции, тексты которых несут печать оригинальности. К сожалению, несмотря на обширный материал, собранный раньше и в последнее время, он все же недостаточен даже в отношении современных исполнителей; что же касается поколения сказителей XIX в., то фигуры крупнейших мастеров с этой стороны для нас неясны. Так, мы не можем с уверенностью сказать, был ли Трофим Григорьевич Рябинин, этот классик былины, только выдающимся артистом-исполнителем, верным хранителем усвоенного им эпического наследия, подобно своим талантливым потомкам, или именно ему принадлежит в значительной или в некоторой доле исходный момент создания знаменитых рябининских редакций. О последнем говорят в какой-то мере исключительное своеобразие многих его былин (напр. о Добрыне и Василии Казимировиче, Илье Муромце и Калине и др.) и то обстоятельство, что учителей у Рябинина было, по словам Рыбникова, несколько, а также то, что былины его в существенных моментах отличаются от текстов других наследников искусства главного учителя Рябинина — Ильи Елустафьева.² Но, конечно, все это еще слишком недостаточно для каких-либо категорических утверждений. Во всяком случае к былинным текстам Трофим Григорьевич относился более свободно, чем его преемники, о чем говорят нам и сравнение его текстов в записи Рыбникова с записями Гильфердинга и новые материалы, опубликованные в издании „Онежских былин“ Гильфердинга 1938 г. (изд. Академии Наук СССР, 1938, т. II, стр. 657—663 и 685—687).

Обратимся к современным исполнителям. По совокупности ряда признаков мы решаемся ко второй категории сказителей причислить прежде всего скончавшуюся в 1937 г. сказительницу Настасью Степановну Богданову.

Нам известно, что непосредственной учительницей ее была некая бабушка Гавриловна, по прозвищу Шапша (данному ей за шепелявость). К ней Настасья Богдановна еще в молодости потихоньку от матери бегала слушать былины и песни. Шапша же усвоила свой эпический репертуар от знаменитого заонежского сказителя Конона из Зяблых Нив, о котором не раз упоминает

¹ Гильф., стр. XXVII. Характерно, что Вс. Миллер использовал эту цитату в свете своей теории „искажения“ крестьянством былин. Приведя ее, исследователь выделяет курсивом слово „лучших“, подчеркивая тем самым доминирующую роль памяти и игнорируя в словах Гильфердинга ясное указание на большое участие творчества в начальный момент овладения былинным искусством (Очерки, I, стр. 18).

² О нем см. Рыбников. Заметка собирателя, стр. LXXVIII. По сведениям Рыбникова, Илья Елустафьев знание свое оставил, кроме Тр. Рябинина, Козьме Романову и сыну Иеву, некоторые былины которого были усвоены Терентием Иевлевым; Романов и Иевлев были записаны и Рыбниковым, и Гильфердингом.

и Гильфердинг, как об учителях своих исполнителей, и о котором слышал и Рыбников.¹ Записей ни от Шапши, ни от самого Конона, которого во времена Рыбникова и Гильфердинга уже не было в живых, нет. Имеются лишь записи трех былин от дочери Конона — Степаниды Кононовны Неклюдиной, перенявшей их у отца,² и от преемников того же Конона — Домны Васильевны Суриковой (6 былин)³ и Николая Филипповича Дутикова (4 былины в записи Гильфердинга⁴ и 3 — в записи Рыбникова⁵). Из всех этих записей только два сюжета мы имеем и в репертуаре Богдановой — „Добрыня и Алеша“ (записан от Дутикова Гильфердингом) и „Дунай“ (записан от Суриковой). Кроме того, мы располагаем двумя записями сюжетов, общих с богдановскими, от сына Домны Суриковой, отмеченного уже выше Егора Борисовича, который точно следует текстам матери (Добрыня и Алеша и Соломан й Василий Окулович). Следует отметить также, что сама Настасья Степановна, в качестве своих учителей, кроме Гавриловны, называла Сурикову.

Сравнительный материал, как видим, невелик. Но кроме этого, уже от самой Настасьи Степановны имеем несколько повторных записей: былины „Дунай“, „Добрыня и Алеша“, „Чурило Шипленкович“ были записаны еще в 1901 г. Н. С. Шайжиным,⁶ в наше время былины „Добрыня и Алеша“ и „Кострюк“ записаны два раза — в 1926 и в 1932 гг. Попробуем на основании всего этого материала выяснить характерные черты исполнительницы.

Сличение более поздних и более ранних записей прежде всего показывает, что в основном композиция былин Богдановой определилась и установилась еще в 900-е годы. Эта композиция сохранилась и к моменту последних записей. Так же в общем устойчива и словесная ткань ее былин: ряд стихов повторяется в точности. Полной неизменностью текст все же не отличается. Кроме обычных перестановок деталей, мелких изменений во фразировке, мы видим некоторое распространение текста вследствие большей детализации образов и усиления психологических моментов. Так, напр., в записи былин „Добрыня и Алеша“ в 1932 г. более подробно изображено подавленное состояние Добрыни Никитича, когда князь Владимир „накидывает“ на него службу (ср. стихи 68—81 записи 1932 г. со стихами 56—58 записи Шайжина). Гораздо более развернуто в обеих последних записях прощание Добрыни с женой и т. п.

Приведем несколько примеров усиления образа описательными деталями. В былине о Дунае в записи 1932 г. к характери-

¹ Гильф., т. II, стр. 376, 386, 426; Рыбн., I, стр. LXXXIV.

² Гильф., II, стр. 376.

³ Ibid., стр. 386.

⁴ Ibid., стр. 426.

⁵ Рыбн., I, стр. 347—382.

⁶ Н. С. Шайжин. Олонецкий фольклор. Петрозаводск, 1906 г., стр. 118—163. Перепечатаны в сборнике „Былины новой и недавней записи“, М., 1908, 28, 61, 84.

стике желаемой невесты прибавляется стих: „Собой была бы смиренная“ (стих 27). Картина снаряжения коней развернута стихами:

Золоту узду брали на стопочках,
Шелкову плетку на гвоздике,
Сидёлышки черкальские на своих местах.

Изображение чудесных юношей во чреве дополняется следующими штрихами:

На каждой у их будет волосиночки
По чистой жемчужинки.¹

Иногда мы встречаем и включение целых эпизодов. Так, в более поздних записях мы находим замечательное место, которого нет в варианте 1901 г.: укор матери князю Владимиру (стихи 267—284 в варианте 1932 г. и добавочные стихи в записи 1926 г.) и новый эпизод — посылка князем Владимиром Алеши на разведки (в ранней записи Алеша Попович сам приезжает из поля). Все это приводит к значительному разрастанию текста. Так, былина о Добрыне и Алеше с 556 стихов увеличилась до 593, „Дунай“ с 408 до 473. Таким образом тексты Богдановой не застывают, а продолжают творчески развиваться. В то же время отмеченные дополнения не перестраивают композиционно былин, а лишь углубляют образ. Создав определенную картину, Настасья Степановна, видимо, любовно культивирует ее, отчеканивая образ путем прибавления новых характеристических штрихов. Включение новых эпизодов имеет то же назначение еще более полной разработки уже определившихся раньше ситуации или образа. Вообще основной чертой мастерства Настасьи Степановны является стремление к полноте и обстоятельности, к тщательной вырисовке деталей.

Обратимся к сравнению ее текстов с вариантами тех же былин у Домны Суриковой, Егора Сурикова и Дутикова.

Возьмем прежде всего былин „Дунай“. Сравнительный анализ вариантов Суриковой и Богдановой говорит о несомненном их восхождении к единому источнику, а, быть может, даже о создании второго на основе первого; композиция одна и та же; кроме того, попадаются отдельные стихи вне традиционных формул, совпадающие дословно. В то же время разница громадна. Размером былина Богдановой превышает суриковскую почти вдвое (473 стиха вместо 270). Целый ряд эпизодов Настасья Степановна широко развертывает путем включения детализирующих данный эпизод картин. Например, у Суриковой князь Владимир после сообщения Дуная об Апраксии как о подходящей „супротивницы“ обращается к богатырям с просьбой добыть ее. Дунай просит в помощники Добрыню, князь исполняет эту просьбу, богатырям вру-

¹ Стихи 429—430.

чаются письма. Весь эпизод занимает немногим больше 10 стихов (Гильф., II, стр. 398, стихи 50—62). У Богдановой рассказывается, как князь приглашает Дуная к столу, его угощает, как Дунай просит в товарищи Добрыню, характеризуя его как равного себе богатыря, как приглашается к столу Добрыня, как он выражает готовность „стараться если сила наша возможет“, какие наставления дает князь богатырям. Вся эта часть захватывает стихи от 57 до 120, т. е. 64 стиха. Богданова вообще в подробностях разрабатывает диалоги: Дунай не просто оставляет Добрыню на дворе у короля лихонимского, а спрашивает:

Ты ли пойдёшь, Добрыня Никитич, в полатушку,
Али мне птти без доклада на широкой двор?

И Добрыня отвечает:

А ты сам пойдн на широкой двор,
А я буду по дворику похаживать
Да добрых коней поваживать. (Стихи 163—168.)

Так же разворачивает Настасья Степановна и диалог Дуная и побежденной поленицы (см. стихи 379—384 и 386—387). При этом диалоги эти отличаются большим своеобразием и усиливают психологический элемент. Также усиливает Богданова и описания рядом живописных деталей, напр. в изображении снаряжения коней, последствий удара рукой о стол разгневанным Дунаем, едущей по полю поленицы и т. п. В конце внесены значительные изменения: состязание в стрельбе является в результате не похвалы Дуная на пиру, а выраженного женой Дуная желания показать свое искусство. Стреляют не в чистом поле, а с „волхонув высокиих“. Жена Дуная носит не традиционное имя Настасьи Никуличны, а Лизаветы Никуличны. Характерно, что как раз некоторые традиционные моменты или сокращаются (напр. выпускается похвальба на пиру), или освежаются отдельными своеобразными штрихами (см., напр., седлание коней).

Тот же процесс разрастания, разворачивания, внедрения своеобразных черт, которые оживляют традиционные общие места, наблюдаем и в былине о Добрыне Никитиче. Текст этой былины у Богдановой вообще принадлежит к наиболее разработанным вариантам данного сюжета в общем плане его заонежской композиции. (593 стиха последнего варианта ср. с размерами вариантов Е. Б. Сурикова — 142 и Дутикова — 158). Несмотря на то, что былины Егора Сурикова и Дутикова сильно расходятся в целом ряде подробностей, мы видим и значительные точки соприкосновения, которые позволяют нам говорить о влиянии какого-то одного источника: в обеих князь Владимир посылает Добрыню в землю „татарскую“ за даяниями-выходами; некоторые отдельные отрывки словесно совпадают полностью (напр. в обращении к матери, в наказе жене, в моменте узнавания женой, в развязке). У Богдановой былина komponируется при помощи

целого ряда эпизодов, отсутствующих у Сурикова и Дутикова, но встречающихся в других вариантах этой былины, или совершенно оригинальных (отмеченный выше укор матери Владимиру, посылка Алеши на разведки — в последних записях). Своеобразием отличаются и многие образы этой былины благодаря внесению отдельных оригинальных черт (образ Добрыни и его коня, повторяющийся и в былине о Дунае, прощание с женой, образ горюющей матери, возвращение Добрыни домой с пира и т. п.).

Однако для определенного суждения о силе творчески-созидательного момента в былинах Н. С. Богдановой у нас все же слишком много неизвестного; ведь могли и это своеобразие и творческая компоновка принадлежать не ей, а Шапше, причем именно в текстах Богдановой лучше сохранилось кононовское наследие, чем в вариантах Суриковых и Дутикова. Однако близость некоторых былин Дутикова к суриковским (ср. варианты былин о Василии Буслаевиче и о Гришке Отрепьеве) и к неключинской (Птицы) говорит скорее за то, что Дутиков и Суриковы ближе держались первоначального источника. Что касается Шапши, то, конечно, очень возможно, что и она принадлежала тоже к типу сказителей, свободно перерабатывающих тексты и создающих свои редакции. Но это не снимает с оценки Богдановой именно как мастера-творца. К этому приводят и совокупность всех особенностей былин Настасьи Степановны, и свободное творческое обращение ее со своими текстами, и общий ее облик как носительницы фольклора. Отмеченные черты Богдановой находим и в других ее былинах. Так, чрезвычайно оригинально разработан текст ее былины о царе Соломане, по общей композиции относящийся к кижскому типу обработок и, в частности, переключающийся с вариантом Егора Сурикова. Опять-таки особо тщательно разработаны диалоги, в которых очень тонко и искусно оттенены психологические и реально-бытовые моменты (см., напр., изображение гнева Ивана Окуловича на Ивашку и возражения последнего — стихи 57—73), приглашение царицы на корабль (стихи 145—156). Весь эпизод приезда Соломана, его свидания с женой, заключения в ларец и выдачи царю Ивану Окуловичу (стихи 244—330) передан исключительно диалогами, сильно драматизирован. Некоторые места отличаются особенной выразительностью, напр. просьба милостыни и ответ царицы.

Характерна для сказителей второго типа история сюжета „Добрыня и Маринка“ в репертуаре Богдановой. Мы видели, что у исполнителей первой группы в случае забывания начинают просто отпадать отдельные части, стихи, целые эпизоды. Мы не знаем, был ли Богдановой сюжет забыт или основной сюжетный костяк был усвоен нетвердо, а воспринят лишь образ героини, во всяком случае Богданова, сохранив черты этого эпического образа, создала новую обработку темы, контаминировав сюжет Добрыни и Маринки с третьей частью былины о трех поездках

Ильи Муромца и использовав ряд сказочных мотивов.¹ Если с художественной стороны былина „О Маринке, курве догадливой“ значительно уступает многим другим былинам Богдановой, то самый факт такого создания новой редакции или даже новой былины заслуживает внимания.

Ко всему сказанному следует добавить, что Настасья Степановна является большим мастером в области жанра, который в наибольшей мере, чем другие, требует творческого дара, а именно жанра причитаний.² Это еще больше подкрепляет нашу характеристику Н. С. Богдановой, как сказителя-творца.

К этому же типу мы причисляем и лучшего из современных исполнителей, мезенского певца Максима Григорьевича Антонова. Здесь мы не имеем даже тех скудных сравнительных данных, которыми располагаем в отношении Богдановой, и о степени и характере индивидуальных моментов его мастерства можем говорить лишь предположительно, на основе изучения мезенских эпических традиций вообще и общих характерных черт текстов самого Антонова.

С несомненной очевидностью выясняется, что тексты Антонова, в основном следуя мезенской традиции в обработке былинных сюжетов, представляют порой чрезвычайно оригинальные и своеобразные композиции. Такова, напр., былина о татарском нашествии, в целом совершенно не совпадающая ни с одним из известных типов былин о Калине и о Камском (или Мамаевом) побоище, хотя и перекликающаяся с рядом из них (см. подробности в примечании к этой быльне). Вариант широко использует и мотивы, включаемые обычно в обработки других сюжетов: былины об Идолище, о Василии Игнатьеве, о заставе и Сокольнике и др., причем здесь не механическое перенесение мотивов, как это мы часто наблюдаем как раз при забывании и разложении былины, а чрезвычайно искусная творческая их переработка. Таким же большим и своеобразным мастерством отличаются и былина о поездках Ильи Муромца с оригинальной концовкой второй части былины — наказанием освобожденных молодцев за их легкомыслие и слабость к женскому полу, и былина о Василии Буслаевиче с ее разработкой изобразительной стороны.

В качестве наиболее выделяющихся черт текстов М. Г. Антонова следует отметить стремление к живописным подробностям, к ярким зрительным образам. Он не только обычно не выпускает изобразительных моментов, но чрезвычайно разворачивает их, внося по сравнению с другими текстами новые подробности (см. картины седлания коня, изображения внешности героев, опи-

---

¹ Влияние сказки на самый склад былины чувствуется не только в данном тексте, но и в быльне о Соломане. Имя Маринки в „Трех поездках“ см. у Гильф., I, 58.

² См. Н. С. Шайжин, „Похоронные причитания Олонецкого края“ (Памятная книжка Олонецкой губ. за 1910 г., то же на 1911 г.), „Олонецкие водопады Кивач, Гирвас и Пор-Порог в описаниях туристов“, Петрозаводск, 1907.

сание „носада“¹ Василия Буслаевича, и т. п.). При этом ярко очерченные зрительные образы выделяются исполнителем при помощи искусной композиции. Так, замечательный внешний образ Ильи Муромца в былине „Илья Муромец и станичники“ („Голова бела, борода седа, как скажен жемчуг рассыпается“ и т. д.) повторяется каждый раз при начале новой части, описывающей новую поездку богатыря, и, таким образом, становится доминирующим зрительным образом данной былины. Образ этот создан не Антоновым, он встречается еще в некоторых мезенских вариантах (см., напр., Григ., III, № 8, стихи 36—41), но так мастерски использован только Антоновым. Описание носада Василия Буслаевича (на которое оказала воздействие былина о Соловье Будимировиче) композиционно выделяется из былины, составляя художественную прелюдию ко второй части. Этому выделению способствует и особый прием исполнения: сказитель делает после первой части паузу и затем предупреждает слушателя: „Теперь следует второй отдел — «Носад Василия Буслаевича»“. Так же как и у Богдановой, тексты Максима Григорьевича устойчивы, он может передать их „пословесно“, импровизаторские моменты во время самого исполнения касаются лишь деталей.

Третий тип сказителя следует определить как тип импровизатора. Запомнив, подобно исполнителям второго типа, лишь сюжетную схему по преимуществу, они, однако, не вырабатывают, не создают постоянного текста, а каждый раз меняют его, пользуясь всем арсеналом сюжетов, эпизодов, мотивов, образов, формул, которыми они владеют. Текст каждый раз будет представлять значительные отклонения от ранее данного варианта на тот же сюжет, иногда с полной перестройкой всей композиции, с моментами контаминации, с заменой имен героев и т. п. Яркий пример такого пользования эпическим наследием дает нам известный Щеголенок, рассмотрению былин которого посвящена специальная статья Н. В. Васильева.² От Щеголенка в разное время и разными собирателями было записано 14 былин, причем 10 из них записаны по несколько раз. Всего от Щеголенка имеется 31 вариант. Сличение показало такое различие вариантов на один и тот же сюжет, что, по словам исследователя, „их можно даже принять за былины, записанные от разных певцов“.³ Он вставляет совершенно новые описания или эпизоды, которые не углубляют, как это было у Богдановой, образа в направлении, ранее уже определившемся, а видоизменяют его и перестраивают сюжет; меняет развязки, контаминирует сюжеты, обрывки забытых былин прикрепляет к персонажам, с которыми они никогда не связываются, и т. д. При этом обычно более поздние варианты разрастаются. Так, былина „Молодец и королева“, как отмечено было Н. В. Васильевым, в записи Рыбникова (не позже 1868 г.) имела

¹ Корабль.

² Из наблюдений над отражением личности сказителя в былинах. Изв. Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, СПб., 1907, стр. 170—196.

³ Ibid., стр. 186.

143 стиха, в записи М. Гурьева через несколько лет (1871 г.) уже содержала более 200 стихов и, наконец, в 1886 г., в варианте у Истомина, — 295.¹ „Склонность к личному сочинительству“ отмечает Гильфердинг в Андрее Сорокине:² „Ни в ком не было видно такого, можно сказать, бесцеремонного отношения к тексту былин. Однажды, записывая былинку, которую я уже прежде слышал от Сорокина, я заметил ему в одном месте, что он прежде пел этот эпизод иначе. «Ах, это все равно, — отвечал Сорокин, — я могу спеть так или иначе, как вам будет угодно»“.³ Гильфердинг указывает, что ничего подобного от других сказителей ему не приходилось слушать. Действительно, такое осознание своего импровизаторства редко. Чаще мы встречаем проявление импровизаторской тенденции там, где сам сказитель убежден, что он поет „как певали старики“.

Из записанных нами сказителей к типу импровизаторов несомненно принадлежит Дмитрий Карпович Дуркин, от которого произведены были записи и Н. Е. Ончуковым в 1901 г. Уже из краткой заметки последнего мы получаем представление о Дуркине именно как о сказителе-импровизаторе, который чрезвычайно свободно обращается с материалом того или иного сюжета и часто складывает былины во время самого исполнения. „Старик Дуркин слышал много, — пишет Ончуков, — и, пожалуй, все начнет как следует петь, а затем уж и пойдет отсебятина. Мне показалось, что он кое-что присочинил во время самого пения: старины он старается петь как можно дольше и ввести как можно больше новых эпизодов, чтобы его старина была не такая, как у всех“. В этой характеристике Ончукова звучит тон явно отрицательной оценки, понятный в устах собирателя той школы, которой ценились наиболее архаические, более близкие старейшим редакциям былины. Для тех же, кто исследует творческие процессы в жизни былины, фигура исполнителя Дуркина представляет несомненный интерес. Импровизаторские наклонности Дуркина выявляются сопоставлением двух записей от него былины про князя Долгорукова.⁴ В повторной записи 1929 г. почти не сохранилось в дословной передаче стихов первой записи, несмотря на малые размеры былины, при которых обычно текст запоминается более твердо. Изменения касаются и существенных моментов содержания, порой даже меняющих социальную направленность эпизода. В этом отношении интересна замена доносящих князю на ключника целовальников боярами и социально-острая их характеристика:

Привелись бояра толстобрюхие,
Толстобрюхие бояра они подмолщики —
Подмолщики они да подговорщики —
Соврать-солгать, прибавити, рострой сделати.

¹ Ibid., стр. 193.

² Былины А. П. Сорокина у Гильф., I, 69—72, у Рыбн., II, 127—137.

³ Гильф., т. I, стр. 26—27.

⁴ Онч., 52. Настоящий сборник, № 84.

Здесь Дуркин для передачи эпизода доноса использовал традиционный печорский образ бояра. Две другие былины Д. К. Дуркина отличаются своеобразными чертами, не встречающимися в других мезенских вариантах. Но записей на те же сюжеты от Дуркина в собрании Ончукова нет, поэтому сравнительный момент выпадает.

Дуркин не отличается большой творческой одаренностью. Арсенал общих мест и эпических мотивов у него не велик, поэтому в разных былинах однообразно повторяются одни и те же формулы. Кроме того, Дуркина мы застали уже глубоким стариком, его былинное знание — в стадии угасания и деградации. Отсюда — не разрастание былин, а, наоборот, сильное сокращение. У Щеголенка же, несмотря на целый ряд несообразностей в его былинах, чувствуется печать большого таланта. На характере его импровизаторских комбинаций, так же как на всем складе его былин, сильно сказалось воздействие того сказочно-легендарного творчества, которым он владел. С этой стороны Щеголенок еще не изучен.

Черты импровизаторства ярко проявились также у мезенского сказителя Феодора Варламовича Поздякова. Старик уже плохо помнил былины. Несмотря на это, он спел большую контаминированную былинку на сюжеты „Иван Годинович“ и „Дунай“, используя также мотивы былин о Василии Игнатьеве, стиха о Егории храбром и сказки об Иване-царевиче и Жар-птице. Характерно, что он совершенно не мог сказать былинку словами, а при повторении отдельных мест пел каждый раз по-иному.

Наконец, нельзя не упомянуть и о выдающемся импровизаторском таланте, выявленном записями последних лет уже в другом северном районе — на Зимнем берегу Белого моря. Это — золотицкая сказительница Марфа Семеновна Крюкова, дочь знаменитой Аграфены Крюковой. Опубликованные в сборнике „Советский фольклор“, № 2—3 две ее былины, записанные в 1934 г. В. П. Чужимовым, свидетельствуют о необычайном разрастании ее текстов путем развертывания психологических и бытовых моментов. Первая из былин — „Гарвес“ — полный вариант записанной А. Д. Марковым в 1901 г. неоконченной былины „Рында“,¹ представляет огромную поэму в 2164 стиха, причем при точном удержании сюжетной схемы первой части нет ни одного стиха, который бы текстуально совпадал полностью. Введено большое количество новых описаний, делающих былинку более колоритной, психологические ситуации детализированы, углублены. Во второй былинке — „Князь Михайло“,² источником которой был, видимо, текст Аграфены Крюковой,² мы видим превращение несложной былины-баллады в длинную поэму-повесть в 923 стиха, тоже с богатой разработкой психологической и реально-бытовой

¹ Марк.-Богосл., вып. 1, М., 1905, стр. 41.

² Марк., 31.

сторон. Благодаря дару импровизации исполнительница легко оформляет в былины повести, сказки, песни.¹

Конечно, наблюдая сказителей в их отношении к эпическому наследию, во многих случаях мы будем иметь явления не четкого порядка, типы переходные, столкновение и переплетение разных тенденций, когда преобладающая линия не выражена с полной определенностью. Это мы видели и выше. У сказителя, в основном „исполнителя“, будут проявляться проблески импровизаторства. Сказитель-импровизатор в своем репертуаре может иметь материал, определившийся в твердые записи, и т. д. Многообразие конкретных разновидностей не опровергает, конечно, наличия указанных основных типов.

Говоря о сказителях, мы должны кроме указанного взять и другой разрез — самый характер стиля исполняемых былин. Здесь на противоположных концах будут две резко очерченные манеры былинного сказа или типа стиля: классический, строго эпический, и стиль рассказчика. В первом случае мы будем иметь тип сказителя, овладевшего всеми характерными приемами эпической поэзии и любовно их культивирующего. Соблюдается вся эпическая „обрядность“: трюичность эпизодов, прием нарастания в повторениях, приемы ретардации и т. п. Сохраняется общая приподнятость и некоторая торжественная величавость медленного, спокойного развертывания действия. Такой стиль в последнее время лучше всего сохранился на Мезени, но встречается и в печорских и в прионежских записях. Лучшими образцами классического стиля являются былины М. Г. Антонова, Якова Гольчикова, А. П. Палкина, отчасти — Максима Васильевича Семенова (Мезень), Василия Прокопьевича Носова (Печора), некоторые (далеко не все) былины Н. С. Богдановой, Егора Борисовича Сурикова, Петра Ивановича Рябинина, А. Ф. Оргиной (Прионежье).

Резко противоположен классическому стилю стиль сказителя „рассказчика“. Еще в 1926 г., наблюдая манеру исполнения былины современными сказителями, я обратила внимание на случаи перевода былин из классического былинного стиля в строй своеобразной ритмизированной сказки, сохраняющей подобие былинной ритмической конструкции. Характеризуя исполнительскую манеру заонежского сказителя Петра Григорьевича Горшкова, я отмечала, что он лишает былинную привычную строгую форму и вводит в нее обороты, дисгармонирующие с былинным стилем. „Он достаточно хорошо владеет своими текстами, помнит все эпизоды былины и может передать ее с начала до конца не сбиваясь. Сказывая длинную былинку в несколько приемов, со значительными промежутками, Петр Григорьевич запоминает момент, на котором остановился, и легко продолжает былинку. В то же время, при

¹ См. А. М. Астахова. „Беломорская сказительница М. С. Крюкова“. („Советский фольклор“ № 6, 1939). Большая творческая одаренность и сила импровизаторского таланта М. С. Крюковой ярко выразились в созданных ею новых поэмах-сказаниях. См. ниже.

очень уверенной передаче, происходит полное разрушение былины. Былина не поется вся, только часть ее, а далее исполнитель отобраывает напев, видимо, его затрудняющий, ставящий ему определенные рамки, в которые уже не вложить создаваемый им текст, переходит к размеренному сказу, и вот постепенно, у нас на глазах, часто незаметно для самого сказителя, былинный ритм разлагается, появляются чисто сказочные приемы сказа, совершенно прозаические, не былинные фразовые конструкции...“ „В то же время замечается желание удержать подобие былинной конструкции стиха при помощи дактилических окончаний, которые достаточно четко разграничивают речь на такты — подобие стиха“.¹

Приведем примеры из былин П. Г. Горшкова:

Проведал тут собака Кáлин царь,
Что убит Полкан Полканович в Киеве.
Собрал войско сто тысячей
И пошел с войском под Киев град...
От поту и пару конного солнце померкло под Киевом,
Как подошли под Киев-град, шлёт гонца в Киев град:
„Скоро нáскоро сдайте нам Киев град,
А то в живых, говорит, не оставлю в Киеве ни единова“.
(Илья Муромец, стихи 603—612.)

Через несколько дней поехал в Киев уда́лая полёница,
Вызывает с Киева поединщика.
Он ездит вокруг Киева на добром коне,
Мать сыра земля под ним колыблется,
Роет палицу под облака, налету другой рукой подхватывает.
Тут киевские богатыри выехать не осмелились.
„Надо, говорят, просить старого казака, Илью Муромца.
Ему, говорят, на бою смерть не писана“.
Делать нечего было Илье Мúромцу;
Одел он свою сбрую рáтную,
Сел он на своего коня богатырского
И поехал он во чистó поле.

(Илья Муромец, стихи 756—767.)

Начал Сталовёрст разыгрывать,
Этот игрок да ёй понравился.
— „Вы, говорит, разрешите мне свозить игрока во чистó полё“.
Вот поехали оны со Сталовёрстом во чистó полё.
Переделася тут Василиса Микулишна в женско плáтьице,
И поехала с мужем ко красну Солнышку.
Тут действительно князь поверил Сталовёрсту Го́динову
И дал ему наградушку и отправил его благополучно во Чернигов-град.
(Сталоверст, стихи 127—134.)

Стихия сказа преодолевает здесь искусство былинного сказительства, но, высоко ценя былинное мастерство, владея известным запасом традиционных былинных оборотов, П. Г. Горшков сознательно удерживает себя на грани перехода былины в сказку. Таким образом его тексты еще не „побывальщины“, в которых уже наблюдается полное освобождение от былинной конструкции и переход к сказочным интонациям.²

¹ А. М. Астахова. Былина в Заонежье. Крестьянское искусство СССР, вып. 1, 1927, стр. 86.

² Что не исключает вставки в такие сказки отдельных былинных оборотов.

Типичным „рассказчиком“ является и другой заонежский сказитель — Кузьма Дмитриевич Андреянов. Его былины изобилуют оборотами вроде: „Уселся на коня и был таков“, „В то время у князя Владимира“, „И не хвалили они князя Владимира“ и т. п. Характерно употребление в значительном количестве придаточных предложений:

Стаа просить он князя Владимира,
Чтоб разрешил взять Настасью Микуличну.
(Добрынюшка Никитич, стихи 61—62.)

Что судили-решили, придумали,
Что Настасья то есть Микулична
Молода жена Добрыни Никитича,
И должна быть, как и бог велел,
Что примет закон во божьей церкви
С тем Добрыней с Никитичем. (Ibid., стихи 127—132.)

При этом придаточные ставятся иногда и в середине стиха:

А и любил же его Владимир князь
И сказал Алёше, что это будет так. (Ibid., стихи 63—64.)

Говорят бояре один с другим:
Не Димитрий это есть, а болтун какой,
Скорее, что Гришка Отрепьевич.

(Гришка-расстрижка, стихи 33—35.)

Характерно, что и Андреянов и Горшков по преимуществу сказочники. Андреянов сам гораздо выше ставит свое знание сказок, чем былины: „Я вот что скажу: те былины, что помнил, сказал, а другие — не буду, плохо помню, а я оканфузиться передо всеми не хочу, потому знаю, потом с другими, «досюльными», сличать будут. Вот сказки хорошо помню, их скажу непременно. Их много знаю“.¹

П. Г. Горшков знает и рассказывает сказки. Его сказочный репертуар — преимущественно лубочный роман (Гуак, Франц Венециан и др.). Это сказалось и на его былинах, часто заимствующих выражения „высокого стиля“ лубочной литературы:

Они ведут под руки,
Что царицу богиню какую весьма прекрасную.
(Илья Муромец, стихи 472—473.)

Андреянов, тяготеющий к реалистической сказке и к бытовому анекдоту, вводит в былину бытовые черты, усиливает психологические ситуации, в особенности внесением мотивировочного элемента. Так, мать Добрыни советует ему жениться на Настасье на Микуличной, „на той на скромной на девушке“; Добрыня уезжает из дому, так как

Надосело добру молодцу в углу сидеть,
Любоватца со своей молодой женой.

¹ Запись Н. Котляровой 14 августа 1931 г. Рукописное хранилище Фольклорной комиссии, колл. XXVI.

Настасья Микулична при отъезде мужа плачет:

Как теперя я остануся —
Не девица, не вдова и не мужня жена.

Алеша Попович хочет жениться,

А на ком это жениться, он не знает сам.

и т. д.

Такой тип сказителя мы встречаем и раньше. Гильфердинг в заметке об Андрее Васильевиче Сарафанове говорит следующее: „Сохраняя в памяти содержание былин, он почти разучился песенному их складу: он передает былины прозаическим пересказом и не в состоянии выдерживать их «на голосе». Былинам он стал предпочитать сказки, которых считается отличным знатоком; несколько раз он предлагал собирателю, спрашивавшему его о былинах, рассказать ему про Бову Королевича, Еруслана Лазаревича, Английского милорда, и т. п.“¹ У Сарафанова, который еще раньше был записан Рыбниковым,² этот перевод былины на строй сказки особенно ярко замечен в позднейших записях Гильфердинга, который, сличив их с записями Рыбникова, констатирует в них „разительный упадок поэтического склада“.

Однако тенденцию Сарафанова к стилю рассказчика, хотя и не выраженную столь ярко, как в записях Гильфердинга, мы замечаем и в более ранних записях. Характерен в этом отношении и такой факт, как заключение Сарафановым былины о Хотене прибауткой сказочного типа.³

Вообще было бы ошибкой объяснять данный стиль фактом угасания былинной традиции, как это мы видим в приведенной заметке Гильфердинга. „Стиль рассказчика“ характеризует определенные художественные тенденции и может встречаться и у крупного мастера. Сказовый стиль встречается и в отдельных былинах сказителей-классиков, если они одновременно являются и сказочниками. Такова, напр., былина Н. С. Богдановой „О царе Соломане“. Элементы этого стиля наблюдаются в беломорской традиции даже у таких крупных мастеров, как Аграфена Крюкова. Но, конечно, моменты забывания текста, а также забывания напева и освобождения текста от его направляющего ритма усиливают сказовые линии в былинном сказительстве. Поэтому для последнего времени тип сказителя-рассказчика явление особенно частое.

Но и классический эпический стиль не представляет чего-либо однородного и имеет свои разновидности. Здесь мы наблюдаем прежде всего линию „распространенного“ стиля. В меру своего таланта, художественного вкуса и такта сказители детализируют отдельные картины и эпизоды, развертывают повествование, пользуясь различными видами повторений, сравнений, параллелизмов

¹ Гильф., т. II, стр. 234.

² Рыбников, т. I, стр. 433—452.

³ Ibid., стр. 452.

и других эпических приемов. Таков, собственно, и есть стиль лучших мастеров-классиков, как Тр. Гр. Рябина, И. А. Касьянова, Н. Прохорова, М. Д. Кривополеновой, в нашем собрании уже указанных выше (стр. 85) сказителей. Но эта тенденция к распространенности выражается у некоторых сказителей в известной „механизации“ эпической „обрядности“, в употреблении повторений без вариаций, в гипертрофии повторности, разрушающей художественную гармонию целого. Это мы наблюдаем и у хороших исполнителей, как, напр., у Петра Ивановича Рябина. Здесь уже известное нарушение строгой классичности, но без перехода на стиль рассказчика, и некоторые черты эпигонства.

С другой стороны, как разновидность классического стиля, необходимо отметить стиль, заключающий тенденцию к убыстрению действия, к большей стремительности, стиль, который условно назовем „динамическим“. Это ускорение темпа повествования может происходить без нарушения основных принципов „обрядности“ и других особенностей эпического стиля, а при помощи сокращения и выкидывания некоторых побочных описательных моментов и мотивов, осложняющих основную сюжетную линию. Образцом этого стиля является былина об Илье Муромце и сыне Еремея Чупрова (№ 57) — одного из самых замечательных современных сказителей-артистов. Иногда мы видим, что эти обе разновидности эпического стиля — „распространенность“ или „динамичность“ — становятся преобладающей стилиевой линией в том или ином районе. Характеризуя северо-восточную группу олонечских былин (былины Выгозера, Водлозера, Кенозера), Гильфердинг отмечает общность манеры сказителей: „те же короткие стихи, та же краткость в рассказе, та же относительная умеренность в употреблении вставочных частиц“. От стиля „динамического“ следует отличать эпически-схематичный, который выражается в резком обнажении сюжетного костяка. Здесь уже совершенный отход от классики. В нашем собрании наиболее яркий пример — былина о Добрыне Никитиче и Алеше заонежской сказительницы П. Н. Филипповой (см. т. II), во второй своей части ее же былина „Женитьба князя Владимира“. Схематичность чаще всего уже связана с падением эпической традиции.

VI

В настоящее время, когда перед нами большой материал новых записей былинных текстов из многих северных районов, мы получаем возможность дать более полное и разностороннее освещение внутренней жизни былинной традиции на Севере за последние десятки лет, чем то, которое было мною дано в 1926 г., после первых моих наблюдений над современными процессами в области былины.¹ Перед моими глазами было тогда несколько

¹ Былина в Заонежье. Крестьянское искусство СССР, вып. 1, Лгр., 1927, стр. 77—103.

десятков былин, отысканных с большим трудом в разных местах Шуньгского полуострова — в районе с наиболее слабой эпической традицией. Собранный тогда материал в довольно большой степени характеризовал былинку деградирующую. Поэтому мое внимание и было устремлено на то, чтобы уяснить основные формы, в которых проявляется и протекает процесс разрушения, моменты же живой жизни былин остались не отмеченными.

Между тем они были даже в пределах указанного района. Общая же картина жизни былин на современном Севере, в свете новых материалов, представляется совершенно иной. Конечно, есть места, где былинная традиция, будучи, очевидно, и раньше не крепкой, оказалась менее устойчивой, где налицо известные признаки угасания. Но, с другой стороны, и мы это уже видели в предыдущих главах, есть целый ряд былинных очагов, в которых вплоть до настоящего дня наблюдаются живые творческие процессы.

В значительной степени это продолжение тех процессов, которые описаны в III главе, процессов, характеризующих вообще жизнь былины в ее позднейший, северный период.

В нашем собрании не один десяток текстов свидетельствует о том, что чувство эпического стиля не угасло, что народные эпические образы продолжают жить полноценной, полнокровной жизнью, что эпические сюжеты не превратились в застывшие, окаменевшие, механически передаваемые формулы, и что живые процессы художественной раскраски и углубления образов, творческого комбинирования эпических мотивов продолжают действовать в среде северного крестьянства вплоть до настоящего времени. Так, мы видели уже, что тексты Н. С. Богдановой по сравнению с ее же вариантами 1900-х гг. разворачивают и совершенствуют художественные описания. Иногда создаются и новые эпизоды.¹ Былина о Дюке печорского сказителя В. П. Носова оказывается почти вдвое больше варианта одного из хороших сказителей времени Ончукова — П. Р. Поздеева и значительно художественнее. Тексты мезенцев М. Г. Антонова и А. И. Палкина, М. В. Семенова, печорца В. П. Носова, прионежских сказительниц А. В. Коломаевой, А. Н. Корешковой и некоторых других современных исполнителей, при полной выдержанности эпических образов, часто отмечены большим своеобразием в комбинировании и использовании мотивов и печатью индивидуального мастерства. Таковы, напр., картина „набора“, который производит Идолище перед наступлением — в былине Антонова, эпизод стрельня Илье Муромце по шатру в былине „Кудревищице“ — Максима Семенова, выезд князя Владимира с Алешей смотреть силу татарскую и решение князя „отступиться“ от Киева — в варианте о Кудреванке А. И. Палкина, и т. п.² Свободное использование

¹ См. главу V, стр. 78 и след.

² Места, отмеченные особым мастерством или своеобразием, указаны в примечаниях и в заметках об исполнителях.

и трансформацию сюжетных схем и эпизодов, но с сохранением их эпической направленности, мы находим в особенности в былинах исполнителей-рассказчиков, более свободный склад которых влечет и более значительные изменения. Так, эпизод встречи с татаринном в сводной былине об Илье Муромце, заонежского сказителя И. Г. Чванова,¹ не является пересказом определенной былины, а использует общие мотивы былины о встречах русских богатырей с врагами (мотивы „Боя Ильи Муромца с сыном“, „Алеша Поповича и Тугарина“ и др.²).

Посмотрим, в каком направлении развивается образ любимого народного богатыря Ильи Муромца у современных исполнителей. В. Ф. Иванов из д. Большие Нисогоры на Мезени особенно стремится выделить в образе Ильи Муромца черты великодушия и бескорыстия в соответствии с заветом матери в начале былины.³ То же находим и в варианте П. И. Торопова с Печоры: „Подорожных людей не убивать, а безвинных не ворошить“ — таков был завет матери. Верный ему, Илья Муромец щадит разбойников и лишь пугает их и заставляет их дать обет сделаться „добрыми людьми“ и не „подорожничать“.⁴ У Соловья-разбойника он убивает коварную дочь-змею, которая пыталась убить его, и оставляет в живых всю остальную семью. Свою побывальщину Торопов заканчивает наивысшим подвигом Ильи — освобождением Киева от иноземного нашествия. И. К. Лопинцев завершает образ Ильи Муромца заветом богатыря сыну: „Защищай ты свою родину и учи сына защищать родину“.⁵ М. В. Семенов из Белоцелья на Мезени подчеркивает и выделяет первенствующую, активную роль Ильи Муромца, не заслоняемую другими богатырями, и четко формулирует основную героическую тему в обращении Апраксии к Илье Муромцу: „Ты постой-ко се за веру да за правую, не за князя Владимира, не за меня Апраксею, а за тот народ крещоный“. Поморские варианты о встрече Ильи Муромца с разбойниками на разные лады варьируют определение его победы, как подвига „замирения“ дороги, в надписях на камне при распутье:

Поезжайте, православные, без бѣси

В пути торные эти дороженьки:

Нет больше воров-разбойников,

Не станут они губить буйны головы.

(Вариант У. С. Ерловой, из с. Калгалакши, ст. 62—65.)

Замирл дороженьку староѣ казакъ Илья Муромецъ,

И проторѣл дороженьку староѣ казакъ Илья Муромецъ.

(Т. II, вариант А. Г. Рохмистровой, из Пертозера, ст. 44—45.)

¹ „Былины Севера“, т. II.

² Яркое проявление творческих моментов находим в былинах современной беломорской исполнительницы М. С. Крюковой. См. о ней „Сов. фольклор“, 2—3, М.—Л., стр. 153—158 и „Сов. фольклор“, 6, М.—Л., 1939.

³ Настоящий сборник, стр. 330.

⁴ Ibid., стр. 504.

⁵ „Былины Севера“, т. II.

Да поезжайте в ту дороженьку,
Без боязни, без опасности:
Да я убил всех разбойников,
Сорок тысяч подорожников.

(Т. II, вариант Н. А. Ростовцевой, из Сумского Посада, ст. 76—79.)

Замечателен художественный прием, к которому прибегает мезенский сказитель А. И. Палкин для выделения героического образа Ильи Муромца: он настойчиво подчеркивает старость богатыря: „старой, старой, старенький“, „да в то время было ему, старенькому, лет ста семидесяти“ и т. д. В свете этого культивирования героического образа Ильи Муромца выделяются такие моменты, как перенесение активной роли с Дуная на Илью Муромца в былине „Дунай“ у Н. К. Семенова с Мезени или в варианте быliny „Добрыня и Дунай“ у Д. К. Дуркина из Усть-Цыльмы мотивировка возвращения Добрыни к вражескому шатру боязнию покая от Ильи Муромца — мотив, подчеркивающий особый авторитет Ильи среди богатырей.¹ Понятна и та поправка, которую невольно вносит Е. В. Суриков в былинку своей матери, меняя обращение Ильи Муромца к князю Владимиру: „Меня-то возьми во зашитники“ (когда он предлагает князю заложить коляску, чтобы ехать к Калину с подарками²) на фразу: „Возьми меня да во зашитники“. И исключительный интерес на фоне этой обрисовки Ильи Муромца современными исполнителями представляет приурочение к имени богатыря песенного сюжета о молодце и казне монастырской с характерной трансформацией конца: Илья Муромец, отняв у разбойников казну, не прощает ее, как обычно молодец, в кабаке, а раздает ее „по миру“.³ Так возникла, собственно говоря, новая маленькая былинка об Илье Муромце — зашитнике и друге народа.

Это свободное развитие образа в стиле оформившейся эпической традиции наблюдается и в области былинной сатиры. М. Г. Антонов на основе традиционного мотива просьб княгини Апраксии и князя Владимира о помощи создает яркую картину беспомощности и унижения князя, используя близкие мотивы былин о „Василии Игнатьеве“: князь троекратно забегает перед оскорбленным им Ильей Муромцем, умоляя: „Пособи-тко мне думу думати, думу думати, да горе мыкати“ и т. д.; Илья Муромец отвечает: „Ты уж думу думай не со мною, а с боярами, со боярами да с толстобрюхими“.⁴

С большим юмором передан в былинке Е. Б. Сурикова о Калине образ перепуганного до смерти князя:

Тут Владимир стольнѣ-кеевской
По терему он побегивает,

¹ Настоящий сборник, стр. 461.

² Гильф., т. II, 138, стр. 389.

³ Настоящий сборник, стр. 227.

⁴ Ibid., стр. 176—177, ср. с печорскими вариантами былин о Василии Игнатьеве.

Куньей шубой окрываетца:
„Охти мне, робята, на бяду попал,
Охти мне, робята, на великую!“¹

В былине В. В. Амосова, контаминирующей сюжет о Калине с эпизодом ссоры Ильи с князем Владимиром, снижение образов князя и других богатырей проведено с исключительной остротой. Новые штрихи создают гротескную картину: богатыри разбегаются, князь забирается под печку.

Да не спасенье под печкой под кирпичной.
Тут Илья Муромец столичник отдёргивал,
Снял золоты ключи:
„Завтра сам буду править княжеством!“²

То же мы видим и в ряде вариантов былины „Добрыня и Алеша“. В варианте А. К. Ястребовой укор Добрыни князю Владимиру получает особый акцент благодаря ссылке Добрыни на свою службу:

Благодарю тебя, князь Владимир стольно-киевский,
Что ты посоветовал моей жене замуж итти,
За то, что я двенадцать лет бился и день и ночь
И охранял твой Киев град.³

Яркие сатирические ноты в одном из лучших вариантов этой былины — А. В. Коломаевой (в передаче А. Ф. Оргиной) мы уже отмечали выше.⁴

Отметим еще подчеркивание классовой принадлежности героев в современных вариантах. В былине о Ставре И. Г. Чванова князь Владимир так мотивирует свой отказ послу, сватающемуся за его племянницу:

Моя племянница ведь царска дочь,
А жених-то може есь батрак.

Отказ вызывает гнев посла:

Я кресьянский сын и кресьяную,
А про богатство и не спрашивай,
А надоть тебе племянницу замуж отдать.⁵

Тот же И. Г. Чванов в своей сводной былине об Илье Муромце особенно подчеркивает низкое социальное происхождение героя: „от бедных от родителей, от трудящихся“, „сын кресьянина не богато, а бедно“. То же мы видим и у другого

¹ „Былины Севера“, т. II.

² Ibid. Мотив этот встречается в прежних записях (см. Гильф.), но в другой формулировке.

³ Ibid.

⁴ См. гл. II, стр. 27.

⁵ Т. II. Аналогичный мотив в прежних записях былины „Добрыня и змей“ нами указан выше. См. гл. II (стр. 22). Но здесь он выражен с особой остротой. Классовое противоречие в качестве мотивировки семейной трагедии, изображенной в былине о князе Михайле, особенно резко выделено у М. С. Крюковой (см. „Сов. фольклор“, 2—3, стр. 158).

заонежского сказителя — В. В. Амосова, у которого в былине о Соловье-разбойнике на вопрос князя, какого Илья Муромец „роду-племени“, Илья отвечает: „Я роду бедною, родители вроде как просят“.

Характерно также расширение случаев пользования излюбленным на Печоре эпитетом „бояре толстобрюхие“, „кособрюхие“. Эпитет этот переносится и в те былины, с которыми он раньше связан не был. П. И. Дитятева употребляет его, перечисляя пирующих у князя Владимира в былине „Фатенко“; то же делает и П. Ф. Дуркин в былине о Дунае, а Д. К. Дуркин, который в первом варианте былины „Князь Долгоруков“, записанном Ончуковым, вывел в качестве доносчиков целовальников, в настоящее время заменил этих последних „боярами толстобрюхими“, сопроводив данное указание следующей характеристикой бояр:

Толстобрюхие бояра они подмолщики,
Подмолщики они да подговорщики —
Соврать-солгать, прибавити, расстрой сделать.¹

Как одно из проявлений творчески-активного отношения исполнителей к былинам, мы отмечали выше психологизацию эпических образов. Момент этот, несомненно, связан с индивидуальными наклонностями, у некоторых выражен чрезвычайно ярко, у других замечен мало, но в общей внутренней перестройке былин в XX в. играет, несомненно, значительную роль. В современных записях тенденция к выделению и усилению психологических моментов очень заметна. Выражение ее у некоторых современных сказителей (Богдановой, Сурикова) мы уже видели.² Приведем еще ряд иллюстраций из нашего собрания. У К. Д. Андреянова из Заонежья в былине „Добрыня и Алеша“ отъезд Добрыни мотивируется тем, что „надоело добру молодцу в углу сидеть, любоватца со своей молодой женой“. Прощаясь с мужем, Настасья Микулична плачет: „Как теперь я остануся — не девица, не вдова и не мужня жена“. Образ горя верной жены противопоставлен общему веселью на свадебном пиру: „Все пьют да едят да веселятца все. Одна только Настасья Микулична сидит она прикручинившись, и сидит она да пригорюнившись“ и т. д. В варианте той же былины от мезенской исполнительницы П. С. Лыбашевой, в котором выдвигается добровольное согласие Настасьи на брак с Алешей Поповичем, этот ее шаг мотивируется тем, что „никто на Настасью боле не сватайтце“. В былине А. И. Палкина „Дунай“ герой ставит главным условием своего согласия выполнить поручение — возвращение своего богатырского коня, там же весь эпизод хвастовства Дуная и его вызова жены на состязание в стрельбе из лука получает такое разъяснение: во время

¹ № 84, стихи 24—26. В одном из вариантов этой былины у Ончукова (№ 12) тоже фигурируют бояре, но без указанной характеристики.

² См. стр. 74, 78—80.

первой встречи с Настасьей Дунай сделал промах, стреляя в нее, она же вышибла ему глаз. Поэтому, когда на пиру он начинает хвастаться своей меткостью, Настасья возмущается: „Как бохатырское-то сердце разгорелось, да не могла она во словах да воздержатися“. И она напоминает Дунаю о его промахе. Своей реалистичностью выделяется у П. И. Рябина в былинах „Молодец и худая жена“ мотивировка стремления молодца уйти от полюбовницы королевны тем, что она „понеслась“, и он хочет уйти „от дела нехорошего“.¹ Порой такая раскрывающая образ мотивировка исполнителем выносится в примечание. Так, П. И. Дитятева поведение Апраксии мотивирует в комментарии прежней связью ее с Самсоном.² Психологически-реалистические черты, пронизывая некоторые образы, сообщают им большую жизненность и убедительность. Таков у П. Г. Горшкова весь эпизод встречи отца с сыном, где поленица „начал его седатыи волосики пощипывать“, затем, когда Илья Муромец замахивается на него, он закрывает глаза рукой „от страсти“; после боя Илья „измучился“, „напала на него лень страшная“; сын с досады, что отец узнал его по перстню, бросает перстень в грязь,³ и т. д.

Вместе с тем заметна тенденция и к внедрению реально-бытовых подробностей, которые часто приводят к сильному опрошению образов. В былинах „Василий и Софья“ героиня обшивает и обстирывает Василия — „Одежу-то ему всю шила и мыла“;⁴ из города приходят посмотреть на чудо — исцеление Ильи-сидня;⁵ Илья Муромец, чтобы добыть коня, идет „на рынок“;⁶ неверная жена Чурилы спрашивает мужа, застигнувшего ее врасплох: „Где ходил ты — шлялся?“;⁷ князь Роман посылает дочь искать мать „в баенку“, затем „в погреб“, куда мать, якобы, пошла „за репой“.⁸ В той же былинах мать с вечера дает дочери наставление встать пораньше и „подпахать“ „избушку“; когда Дунай входит к Апраксии, она от испуга „под лавоцку она да пихалась“;⁹ дочь, собираясь к матери в гости, печет для нее „гостинчики“;¹⁰ оценщики, приехав во владения Дюка, встречают женщин, идущих с работы, спрашивают, не в „обозе“ ли матушка Дюка,¹¹ и т. д.

Характерно опрошение образов и приближение их к окружающей крестьян обстановке в былинах П. Н. Коренной „Птицы“.¹²

¹ „Былины Севера“, т. II.

² № 99, стр. 540.

³ „Былины Севера“, т. II.

⁴ Т. П. Прионежье, вариант М. К. Пашовой из д. Обзеро.

⁵ № 93, стр. 501.

⁶ Т. П. Прионежье, вариант И. Г. Чванова.

⁷ Ibid., вариант К. Д. Андреянова.

⁸ Т. П. Пинега, вар. А. М. Черноусовой из д. Засулье.

⁹ № 38, стр. 283.

¹⁰ Т. П. Прионежье, вар. Н. Т. Зиновьевой и др. Ср. у. М. С. Крюковой в былинах „Гарвес“ сборы Рынды в путь: Флорида печет ему „подорожнички, накладывает — во сумочки во котомочки“ и т. п. (Сов. фольклор, 2—3, стр. 129).

¹¹ Т. П. Прионежье, вар. А. М. Никоновой из д. Конновской.

¹² Ibid., д. Космозеро.

Вариант явно восходит к той же редакции, что и текст у Чулкова,¹ повторяя иногда почти дословно соответствующие места чулковского варианта. Но вот как меняется образ совы. У Чулкова сова — графиня, и ее характеристика дана в соответственном стиле:

Сова у нас на море — графиня:

То-то высокие брови,
То-то веселые взгляды,
То-то хорошая походка,
То-то желтые сапожки,
С ножки на ножку ступает,
Высокие брови подымает.

Вариант Коренной исходит из реального образа совы:

И сова у нас толстоголова:
Некрасивы у ей-то ведь зоры,
Некрасивы у ей-то разговоры.

Такие случаи, как замена „гридни“ — „избушкой“,² ругательства „базыка новодревной“³ — „мужиком-деревенщиной“,⁴ и т. п., вытекающая из стремления далекое и малопонятное заменить близким и понятным, также ведут к опрошению былинных образов. В плане того же перевода образов в сферу более простых представлений мы находим и такие случаи, как сохранение в „Ставре“ в известной аллегории:

Мы ведь вместе с тобой в грамоте учились,
Как моя была чернильница серебряна,
А твое было перо да подзолочено

и т. д.⁵ лишь начального указания на совместное обучение грамоте. Таково же своеобразное осмысление известного намащивания „мостов“ Ильей Муромцем при проходе его по болотам, как починку или постройку моста.⁶

В том же ряду явлений стоят и изменения в географической номенклатуре. Так, у А. М. Чупрова из с. Замежное на р. Пижме печорской в былине „Добрыня и Дунай“ „Несей-река“⁷ заменяется „Невой-рекой“.⁸ „Нева“ встречается и у мезенского сказителя Оксенова в былине „Святогор“.⁹ Н. С. Богданова Василия Окулова направляет по морю „Балтынскому“,¹⁰ а К. Д. Дуркин Соломана делает царем „Русской земли“.¹¹ Находим и этимологические осмысления названий: „черкашенин“ превращается в „царя Кашанина“,¹² „Ставр Годинович“ в „Ковер Единович“.¹³

¹ Чулков. Собрание разных песен, ч. I, СПб., 1770, стр. 223.

² Настоящий сборник, № 37, стр. 279.

³ Ист. Д., стр. 35.

⁴ Былина П. И. Рябинина-Андреева „Королевичи из Крякова“, т. II.

⁵ Гильф., т. II, 151.

⁶ См., напр., № 93, стр. 504.

⁷ См. Онч., 7. Очевидно, искаженное „Енисей-река“.

⁸ № 52, стр. 356.

⁹ № 25, стр. 231.

¹⁰ „Былины Севера“, т. II.

¹¹ № 83, стр. 464.

¹² Т. II. Прионезье, вар. А. М. Никоновой.

¹³ В былине А. Г. Трухавой, т. II, Прионезье.

Близким к указанной категории изменений является и внедрение чисто местных мотивов. В одном из поморских вариантов Домна, издеваясь над своим женихом, говорит, что у него „кудри-жоги заонежские“, у Митрия „речи корельские, корельские да деревеньские“.¹ В мезенском варианте „Дуная“ богатырь садит Апраксию „на добра коня назад себе“ (как ездят мужчина с женщиной на Мезени и Печоре).² Муж и жена, садящиеся в лодку (былина о братьях-разбойниках и сестре), распределяют функции в лодке так: муж на корме, сама „на веселушках“,³ как обычно в жизненной практике северян; в тех же былинах место действия часто приурочивается к „Онегушку“. Интересный случай осмысления образа в духе окружающей обстановки находим в былине о Вольге у Ив. Ив. Касьянова, где он „глубокие моря“ заменяет „глубокими озерами“, а изображение работы пахаря — „А большие-то каменья в борозду валит“ перефразирует: „А крупные каменья в кучи кладёт“.⁴ Укажем еще следующие характерные детали: П. Н. Коренная помещает в былине „Птицы“ ворону на „зароды“,⁵ Козарин (вариант К. Редкиной из д. Калгалакши Кемского р.) найденную им сестру „положил в сани“, а Садко в одном из печорских вариантов после своего спасения накупает старообрядческих икон и выписывает попов из Чернигова.⁶

Влияние понятий и представлений более позднего времени, иногда и современных, проникновение их и соответствующей лексики в былинку, тоже нашло отражение в наших текстах.

У Филиппа Гольчикова в его побывальщине о Василии Буслаевиче фигурирует „пароход“. Этот образ настолько владеет им, что он своего брата, спевшего в былине о братьях-разбойниках: „Во полон везли да на корабь свели“, поправил: „На пароход свели“. У Е. В. Сурикова Василий Буслаевич, отправляясь на бой, надевает вместо „колпака“ (как в былине матери) „шляпу“;⁷ Илья Муромец, чтобы дать напиться каликам, спускается в „ренски погреба“.⁸ Герои не раз пишут „письма“: Сталоверст у Горшкова,⁹ Чусова вдова у Дитяевой пишет сыновьям „письмецько“, и они „отписывают“ ей. В былине Ф. В. Поздякова с Мезени „Иван Гоудинович“ король Вахрамеевич говорит уезжающему богатырю: „Ты пошто Иван да сын Гордѣновиц? Ты хоть чаю-то напилса, да тогда поехал бы“.

¹ Т. II. Поморье, вар. А. С. Никитиной, Сумский посад.

² № 46, стр. 328.

³ Т. II. Прионежские варианты.

⁴ Т. II. Прионежье, Космозеро. Образ навеян пейзажем родных полей с камнями, сложенными в кучи или заборы.

⁵ Род деревянных перекладин между двух высоких столбов для просушки сена в Заонежье.

⁶ № 94, стр. 513. Характерно для старой Печоры, где было довольно сильно старообрядчество.

⁷ „Былины Севера“, т. II.

⁸ № 92, стр. 499.

⁹ Т. II. Прионежье.

У М. Е. Самылина в былине о молодце и худой жене упоминаются „магазины“ и „приказчики“,¹ у него же в былине о Ставре вместо „палат белокаменных“ у князя Владимира „комнаты“, а Василиса Микулична, переодеваясь мужчиной, надевает „обмундирование“. В побывальщине К. Д. Кудрова об Иване Грозном бояре заменяются „вельможами“, фигурирует „вестовой“.² У Горшкова Ставра князь велит „арестовать“. Ставр оказывается „специально играть на музыке“, и т. д. В былине Н. С. Богдановой о Соломане-царе к виселице приставляется „стремлянка“, а сам Соломан, явившись в дом к Василью Окуловичу, имеет при себе „паспорт“ с отметкой, что он „нищий“.³ Также у И. Г. Чванова Владимир-князь велит богатырям спросить у Ильи Муромца „его документы“.⁴

К тем же случаям модернизации относится и конечный эпизод с „калошей“, которую нельзя „оценить“, в варианте о Дюке прионежской сказительницы А. М. Никоновой: „Она разула калошу с ноги: «Если можете отинить (оценить. — А. А.) ету калошу, дак и тинить (ценить. — А. А.) будете именье». Оны повертелись, повертелись, да одной калоши не могли обтинить“. Происхождение этого образа основано на реминисценциях мотива „сапожков зелен сафьян“ или „лапоток плетеных“, в которых Дюк щеголяет в Киеве.

И уже, конечно, к самому последнему времени относится введение в былинину о Скопине эпизода врачебной помощи „пети-нарного“ (ветеринарного), эпизода, в котором преломилась реминисценция мотива оживления Скопина (живой водой).⁵ К такой же трансформации смутных реминисценций следует отнести у того же сказителя „сторожу у ворот“ в былине об Илье Муромце и Соловье-разбойнике⁶ — очевидно, след позабытого эпизода с подворотней.

Все отмеченные явления не представляют чего-либо характерного только для самого последнего времени. Впитывание мотивов местных видим уже в самых ранних записях. Вторжение позднейших понятий и лексики, так же как процесс опрожнения образов, выраженные в различных районах и у разных исполнителей в большей или меньшей мере, — явления, сопутствующие вообще эпосу в позднейший период его существования.

Явления эти мы наблюдаем и у сказителей, в общем сохраняющих эпический стиль и строй, но, конечно, гораздо чаще у исполнителей-рассказчиков, в особенности же у тех, которые

¹ Т. II. Прионежье, д. Космозеро.

² Ibid., д. Сибово.

³ Ibid., д. Конда.

⁴ „Паспорта“ фигурируют и в прежних записях. См. варианты былинны о Добрыне и Алеше с Водлозера: князь Владимир угрожает издать приказ о выселении „удовок беспашпортных“. Напр. Гильф., III. 206.

⁵ № 51, стр. 354. Ср. Онч., № 5.

⁶ № 48, стр. 349.

уже в значительной мере теряют чутье былинного эпического стиля и былинку переводят в строй сказки. Поэтому некоторое усиление этих процессов (хотя и не очень резкое) относится именно к последним десятилетиям вместе с усилением самих процессов деградации. Проявления последних мною указаны в статье 1926 г. „Былина в Заонежье“.¹ В основе их — забывание и отдельных частей былины, и общего композиционного целого, что приводит к искажению эпизодов, пропуску, перестановке, портящим текст, и, в конечном счете, к общему сильному сокращению текста. Таковы, напр., тексты И. И. Касьянова, К. Г. Рябина, Ф. М. Грибанова, которые были специально проанализированы в сопоставлении с их непосредственными источниками,² и целый ряд других в разных районах. Однако от таких текстов, где сокращение вызвано явным забыванием, следует отличать тексты, сравнительная краткость которых обусловлена тенденцией определенной категории сказителей к большей динамичности или даже схематизации, о чем говорилось в главе о типах сказителей. Печорские варианты „Бутмана“, „Соломан-царя“ Тихоновой, былина о Добрыне и Алеше Филипповой,³ былины Дитяевой — не могут быть отнесены к былинам деградирующим.

Из числа явлений, характерных вообще для жизни эпоса в позднейший период, но усилившихся за последнее время, следует отметить случаи перенесения мотивов и эпизодов из других былин, смешение и объединение сюжетов, образование новых былинных композиций. Иногда это вызвано забыванием или неточным усвоением сюжета, иногда — более свободным отношением к материалу, импровизаторскими наклонностями, о чем говорилось выше. В зависимости от таланта исполнителя, от его отношения к данному сюжету, от степени забывания и пр. будет различно поэтическое качество этих новых текстов. Случаи смешения в особенности часты в текстах из Кемского района, и здесь они, несомненно, знаменуют упадок традиции. На Мезени такие перенесения мотивов и эпизодов из других былин проводятся иногда очень искусно и бывают художественно оправданы.

Факты смешений, объединений и перенесений обусловлены обычно близостью мотивов или сюжетов. Так, в Калгалакше и Гридине в былинку „Князь, княгиня и старицы“ включается наказ князя жене ждать его три, шесть и т. д. лет — мотив, перенесенный из былины „Добрыня и Алеша“. При этом в варианте У. С. Ерловой данный мотив уже по инерции развивается и дальше в привычное для былины о Добрыне разрешение мужем потом итти замуж, что в былинке о гибели невинно оклеветанной жены совершенно с дальнейшим не согласуется. В ту же былинку переносится из былины о Добрыне традиционная для нее и для былины

¹ Крестьянское искусство СССР, вып. 1, Лгр., 1927.

² См. указанную статью, стр. 82—101.

³ Т. II.

„Молодец и худая жена“ формула: „Девять годов солнышко не пекло“ и т. д.

Интересны случаи смешения былин „Дуная“ и „Соломана“ вследствие общности тематики — увоза невесты. В варианте П. Ф. Дуркина „Дунай“ герой с этим именем заменяется „Тароканом“, вносится просьба о снаряжении трех кораблей с заморскими товарами, хотя в основном сохраняется сюжет „Дуная“. В былине „Дунай“ А. П. Ивановой из д. Гридино Кемского района герой увозит Апраксию на корабле, подобно тому как увозится царица Соломания. Характерно, что в варианте „Дуная“ усть-цылемской сказительницы А. Р. Овчинниковой, в котором влияния былины „Соломана“ на самый сюжет нет, сказалось влияние в именах: Дунай заменен Василием Окуловичем. Общность темы — поездка за невестой — приводит к перенесению имени Потыка в былинку о женитьбе князя Владимира у Антонова. На появе общности тем создалась и своеобразная контаминированная былина Ф. В. Поздякова об Иване Горденовиче. Здесь объединены сюжеты „Ивана Годиновича“, „Дуная“ и „Василия Игнатьева“. Первым из указанных сюжетов начинается былина. В трактовке сюжета — резкое отступление от традиции: невеста называется здесь Федосьей, добровольно уезжает с Иваном Горденовичем, герой побеждает наступившее их Издолище и благополучно привозит невесту в Киев. В эпизоде встречи с Издолищем используется мотив пробуждения от крепкого сна слезой обреченной чудовищу женщины (вероятно, непосредственное влияние стиха о Егории и Елисафии). Вторая часть является пересказом сюжета „Дуная“ с героем Василием Игнатьевым вместо Дуная. Силен сказочный элемент: богатыри похищают невесту, перескочив через „стену городовую“, при перескоке звенят струны, но им удается ускользнуть. Имя Василия втягивает в былинку сцену упрощения князем Владимиром героя в кабаке. Эпизод встречи с поленицей и победа над ней даны крайне сокращенно, но в конце образуются три счастливых пары. В заключении опять мотив из былины о „Василии Игнатеве“ — разрешение ему пить вино безденежно.

След такого проникновения в былинку близких сюжетов находим и в былине Н. С. Богдановой о Соломане — в образе невесты, перенесенном из „Дуная“, и в характере конечной расправы, навеянном „Иваном Годиновичем“. Вообще чаще — перенесение отдельных мотивов, чем целых эпизодов или объединение сюжетов.

Особенно часты реминисценции былин о Василии Игнатеве. В былине А. Г. Трухавой о Потыке с самого начала дается образ Потыка-пьяницы, а дальше эти черты последовательно проводятся: даже о смерти жены он узнает в кабаке. В данном случае воздействие былины о голях кабацких и Василии-пьянице сказалось без перенесения свойственного этим былинам социального заострения. Иное находим в вариантах с Мезени и с Печоры, где Василий Игнатьев был (а на Печоре и сейчас) особенно популярен, и где в былинах о нем (главным образом, опять-таки на Печоре) осо-

бенно силен социальный акцент. Мы уже видели, как удачно использует Антонов в былине об Идолище один из эпизодов Василия Игнатьева. И. И. Поздыков вносит в былинину о Соловье-разбойнике эпизод угощения Ильи Муромца самим князем Владимиром в стиле былины о Василии Игнатьеве. Г. В. Поздеев с Печоры контаминирует с былинной о Василии Игнатьеве былинину о Мамаевом побоище, перенося из первой самый рассказ о настижении врага, а главное, опять-таки, трехкратное обращение князя к Илье с просьбой о помощи и традиционный ответ: „Не с нами думу думаешь, ты ле думаешь с боярами да с толстобрюхими“. Мотив угощения вином нужного богатыря, у которого „застоялась кровь горячая“, переносится и Я. Е. Гольчиковым в его былинну „Дунай“. Из других наиболее интересных случаев перенесений отметим мотив описи имущества в былине М. В. Семенова о Ставре, заимствованный из „Дюка“, чем достигается сгущение отрицательных черт в облике князя, из контаминаций — указанную выше былинину Н. С. Богдановой „Добрыня и Маринка“.¹

Конечно, рядом с контаминациями, несущими момент творческого порядка, мы находим и такие перенесения мотивов, которые приводят к определенной шаблонизации. Это мы видели уже на былине Ерловой „Князь, княгиня и старицы“. То же наблюдаем в постоянном употреблении мотива высматривания врага или осматривания окрестностей из „трубочки подзорной“. Мотив этот крепко сросся с былинами о заставе, на Печоре он постоянно включается и в былины о Дюке, где он тоже художественно оправдан,² так же как и в былине А. М. Палкина о Кудреванке.³ Но мы находим этот мотив и в варианте былины о Чуриле у Лешукова на Мезени, где служанка с крылечка высматривает мужа в подзорную трубочку,⁴ и в былине о Садко у П. И. Торопова с Печоры,⁵ и у М. В. Семенова в былине о Соловье-разбойнике,⁶ и, наконец, даже в эпизоде исцеления Ильи Муромца в былине П. И. Торопова, где Илья Муромец, получив исцеление и выскочив на улицу, „выхватил из кармана трубочку подзорную, посмотрел в поле, где отец и мать в поле занимаются“.⁷ Последний из указанных случаев особенно характерен, он аналогичен тому, когда П. И. Дитятева в ту же былинину об исцелении переносит традиционные образы одежды (у Ильи Муромца шуба енотовая, у его матери — кунья), снаряжения коня (сбруя драгоценная) и т. п.⁸ Здесь уже — нарушение стиля и стирание первоначального образа.

К такой же шаблонизации и нивелировке исторического фона приводит и перенесение имен. У Н. К. Семенова Илья Гоодинович

¹ Гл. V, стр. 80.

² См. № 71, стр. 414.

³ № 44, стр. 314.

⁴ № 6, стр. 150.

⁵ № 94, стр. 510.

⁶ № 32, стр. 252.

⁷ № 93, стр. 501.

⁸ № 95, стр. 517, 518.

невесту брать едет не в Чернигов, а к королю ляховинскому, который фигурирует у него в былине о Дунае, а у Гаврилы Чупрова с Печоры уже Соловей Будимирович едет не к князю Владимиру, а к королю литовскому. Особенно нивелируются имена женских персонажей: Настасья королевична из популярной до сих пор в Поморье былины о Дунае переносится в Кемском районе в былины о Козарине; Маринка лебедь белая, уже в начале XX в. бывшая наиболее традиционным на Печоре женским именем, заменяет у Д. К. Дуркина царицу Соломанию; Настасья Микулична, очевидно, по ассоциации с темой верной жены Добрыни Никитича, вводится Е. М. Лешуковым в его былину о Чуриле и неверной жене и т. д.

Влияние на былинку смежных жанров, песен, причитаний, заговоров и в особенности сказок, всегда было значительно. Вспомним использование причитаний в былинах о Добрыне и Алеше, заговоров на стрелу, на любовь и др., сказочные раскраски сюжета о Добрыне и змее на Мезени и Печоре. Моменты эти видны и в современных текстах. Интересно включение мотивов свадебных песен (насмешки над свахой) в издевательское обращение Дмитрия к оскорбившей его невесте Домне в варианте Ивановой из Кемского района.¹ В былине „Дунай и королевна“ того же района обыгрывается сказочный мотив замены сердца и печени осужденного героя сердцем и печенью животного (в данном случае — барана).² У М. К. Пашовой из Заонежья в былине-балладе „Насильственное пострижение“ дан образ жениха Гвидона, поглядывающего на красавицу в хрустальное окошечко, и др. Переносятся имена сказочных персонажей: Бурригорьевич, Неодолище и др. Влияние сказочного стиля на самый строй речи в былине в последнее время, несомненно, возросло в связи с усилением процесса освобождения былинных текстов от напева, с увеличением случаев „расскази“ былины. В Кемском районе, напр., в деревнях Калгалаше и Гридине, никто из исполнителей былин не пел, лишь сказывали словами. Такой способ передачи былины очень распространен в Заонежье. Текст, не сдерживаемый строгими ритмическими рамками напева, не только перестраивается на чисто сказовый лад, но вбирает в себя и характерные сказочные формулы: „Жил-был“, „скоро скажется — долго деется“, или уже в применении к былине: „долго поетця — скоро скажетця“ и т. д.

Вследствие более свободного отношения к тексту, с одной стороны, с другой — в силу большего отхода от строгой эпичности и тенденции к драматизации, значительное развитие получает диалог, часто придающий былине большую драматическую напряженность (см., напр., былины Н. С. Богдановой, Коренной и др.).

Наконец, к числу явлений последнего времени следует отнести случаи дальнейшего отхода некоторых былин, связанных с кон-

¹ Студенческие записки филол. фак. ЛГУ, 1937, стр. 25.

² Калгалаша, вар. К. Е. Редкиной.

кретными историческими фактами, от их исторической основы, в области же былины-новеллы — случаи резкого нарушения традиции в общем направлении сюжетного развития. Ярким выражением первого случая является текст „Скопина“ В. П. Носова из Усть-Цыльмы. Личные отношения Скопина с отравительницей здесь остаются уже единственным моментом,двигающим действие; из похвалы Скопина выкинуты последние воспоминания о подвигах Скопина, которые еще сохранены в других вариантах. Исключено упоминание о крестнике. Таким образом последние остатки исторических реминисценций, связывавших данную былину с определенным событием, исчезли. Отсутствует также имя Малюты, и отравительница именуется „Искудрой“ — очевидно, искажение прозвища „Скурлатовна“ других вариантов под влиянием имени „Кудреван“, фигурирующего в былинах наряду со „Скурлой“.

Случай второй категории явлений представляет вариант „Чурилы“ Н. И. Морозовой из Заонежья, с неожиданной развязкой: Катерине удастся провести мужа, служанка убита за якобы ложный донос.

Итак, мы видим, что хотя XX век дал общее ослабление эпической традиции на Севере, продолжала всё же действовать и живая струя эпического творчества. Несомненно, что в жизни эпоса на Севере, в деле оформления новых былинных сюжетов, в создании всего многообразия композиций, наиболее творческими были XVII—XVIII вв. — эпоха большого фольклорного расцвета. Капитализация деревни не была фактором, благоприятствующим сохранению и развитию старинных крестьянских жанров. Как глоснет в это время в ряде мест крестьянская лирическая песня под натиском мещанского городского романса, так и эпическая поэзия не находит опоры для своего развития в капиталистических формах экономики и быта.

Однако живые творческие силы народа не были задавлены, и художественное творчество не иссякло. Намеченные во второй главе явления наблюдаются и в XX в. Собираателями отмечаются случаи переработки сказок в былины, такое развертывание былинного сюжета при помощи ряда новых эпизодов, при котором былина делается неузнаваемой, создание новых былинных композиций — все те процессы, в которых и проявилось позднейшее народное творчество в области эпоса. В нашем собрании есть несколько случаев образования больших былинных сводов, причем возможно, что здесь и вторичный момент — перевода в строй былины материала, усвоенного как сказка.¹ Вообще же стремление объединить отдельные былины, связать героев разных былин родственными или другими отношениями, включить их всех в киевский цикл — момент, характерный для позднейшего периода, — отчетливо присутствует в записях последних лет.

¹ Возможно, что таково происхождение большой сводной былины об Илье Муромце заонежского сказителя П. Г. Горшкова. См. примеч. к данной быльце в т. II „Былин Севера“.

Все описанные нами явления протекают в пределах определенной, веками сложившейся поэтической традиции. Наши записи 1926—1933 гг. как бы подводят итог многовековой истории русского эпоса. Они показывают и довольно значительную устойчивость и жизненность его еще к настоящему времени, обусловленную глубоко народным характером и большим художественным мастерством созданных образов.

Общий рост художественной культуры в наше время, внимание и забота, которыми окружены сейчас у нас в Советском Союзе народное творчество и его носители, являются предпосылками к дальнейшему сохранению старого эпоса, как ценнейшей части художественного наследия в области фольклора.

Но огромный, невиданный в истории человечества подъем и расцвет народного творчества к концу второй пятилетки сказался и в другом отношении на дальнейшей судьбе эпоса. В настоящее время в области эпической поэзии происходит процесс исключительного значения — рождение нового советского эпоса. Освобожденные, счастливые народы Союза, в лице выдающихся своих мастеров, создают новые поэмы о Ленине и Сталине, о Кирове и Чапаеве, о Щорсе и Ворошилове, о героях революции и замечательных людях Сталинской эпохи. Героика наших дней воплощается в прекрасных художественных формах национального искусства.

Осуществляется то, что со свойственной ему гениальной прозорливостью предвидел А. М. Горький: „Нам следует твердо признать и помнить, что художественное творчество масс не исчезло, не убито веками подневольной, каторжной работы... Нам надобно признать, что способность трудовых масс к образному творчеству слова возникает и должна возникнуть, ибо революция освобождает человека не только социально, физически, но и эмоционально, интеллектуально“.¹ Говоря об общем возрождении образного творчества масс, Горький был убежден и в том, что на новой, социалистической основе, в новых, более совершенных формах возродятся и великие эпические традиции.

Процесс этот наблюдается и в жизни русского эпоса. Традиционная былинная поэтика, все богатство поэтических средств выражения, созданных народом в течение веков, используются для воплощения новых эпических тем. Так, на декаде карельского искусства в 1937 г. 78-летний певец былин Ф. А. Конашков выступал со своими новыми былинами о Ленине и о Сталине и Ворошилове. Известны опыты и другого прионежского сказителя П. И. Рябинина, продолжателя знаменитой рябининской былинной традиции, сложившего былины о Сталине и о Чапаеве.² Беломор-

---

¹ А. М. Горький. О литературе и прочем (1931 г.). В сборнике „О литературе“, М., 1935, стр. 71—72.

² О том, как создавалась им былина о Чапаеве, см. сообщение М. Костровой, „Литературное Обозрение“ № 5, 1937, стр. 23—24.

ской сказительнице М. С. Крюковой, обладающей большим импровизаторским даром, принадлежит уже целый ряд новых поэм-былин о Ленине, Сталине, Чапаеве, о сталинских „ясных соколах перелетчиках“, славных завоевателях полюса папанинцах и др.¹

Не следует, однако, думать, что здесь мы имеем лишь обновление тематики в старых формах эпического творчества, и что вновь создающиеся эпические произведения только продолжают прежнюю линию поэтического развития. Новое эпическое творчество, хотя и создается на основе традиционного, хотя и использует привычные устоявшиеся поэтические средства, является уже качественно иным. Новое содержание видоизменяет традиционные образы и мотивы, которые получают новое звучание и загораются новым светом. Под воздействием нового материала происходит изменение и самой поэтической структуры.

Трудно с определенностью предугадать дальнейшее будущее этих первых опытов создания новой советской былины, новых эпических народных произведений на волнующие темы современности. Некоторые из них представляют, несомненно, большое художественное значение. Они пользуются большим успехом в народных массах. Однако возможно, что не все из этих новых произведений войдут в широкий оборот, станут подлинными фактами фольклора, и некоторые останутся лишь замечательными памятниками личного творчества, возникшими на основе фольклора. Но в этих современных былинах-сказаниях нельзя не видеть начального момента нового этапа русского эпического творчества — формирования нового эпоса, который явится выражением героики наших дней. За первыми опытами последуют другие, так как сама жизнь наша насыщена героикой, с каждым днем она дает все новые и новые проявления беззаветного мужества и отваги, безграничной любви к социалистической родине, глубокой преданности великому делу построения коммунистического общества. Великие дела и героические образы нашей замечательной эпохи неизменно будут вдохновлять народных певцов, служить неиссякаемым источником эпического творчества.

А. Астахова.

---

¹ Библиографию изданий новых произведений М. С. Крюковой см. в „Советском Фольклоре“ № 6, 1939.

М Е З Е Н Ь

ЯКОВ ЕВДОКИМОВИЧ ГОЛЬЧИКОВ

В 1928 г. Я. Е. Гольчиков — крестьянин 61 г., д. Лебской Лешуконского района. Не имея, кроме двух дочерей девушек, помощников в семье, он сам, несмотря на преклонные годы, больные ноги и сердце, работал еще по веснам на лесосплаве, в остальное время прирабатывал сапожным ремеслом. Спокойный, приветливый в обращении человек.

Я. Е. Гольчиков неграмотный, но бывалый. После отбытия военной службы „ходил матросом по вольному найму“. Бывал в Архангельске, в Петрограде, в Америке, в Дании.

Былинам он научился уже в возрасте около 40 лет от стариков „у моря, когда на зверя промышляли, зимой на тюленя“. Былины называл старинами и пел их на один напев, сильно варьируя отдельные колена мелодии. Других былин, кроме записанных, вспомнить не мог. Говорил, что слышал былинку про Чурилу Пленковича, „да внимания не обращал“. Очевидно, насколько можно судить по его репертуару, в котором из четырех былин три — больших героических, такое пренебрежение к былинке с узко-ограниченной семейно-романтической фабулой не случайно. О публичном исполнении своем былин сам Яков Евдокимович говорил противоречиво, то, что больше не поет, а лишь сказывает сказки, то, что порой и исполняет: „И сейчас еще мужички зовут, когда в праздник соберутся“. Однако о нем, как сказителе былин, не только знали хорошо в его родной деревне, но и в других окрестных селах. Так, напр., в Вождорах (20 верст выше), зная, что я записываю былины, пришли сообщить мне, что в д. Родома (еще 8 верст выше) пришел хороший старинщик Я. Е. Гольчиков, которого я и могу захватить в доме крестьянина, где он остановился. В Родоме уже почти ночью и была записана былина о Подсокольнике, при этом старик уже лег спать, но, узнав, зачем я пришла, сейчас же, лежа на полатях, запел былинку.

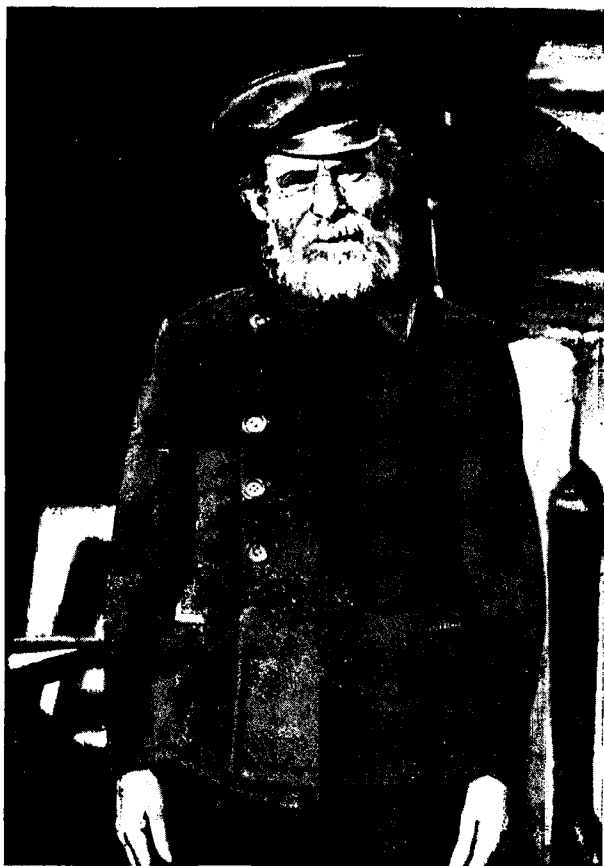
Гольчиков охотно сообщал мне былины, сам предложив первоначально двойной способ записи: со слов и затем выправление по пению. Но, владея очень

длинными былинами, он при таком способе утомлялся, кроме того петь ему было легче, чем „рассказывать“, и при пении текст сильно менялся: не только вставлялся целый ряд слов и частиц для ритма, но иногда менялись и целые стихи. (Несколько образцов таких изменений дано в подстрочных примечаниях.) Впоследствии, привыкнув к его манере исполнения, я смогла записывать уже сразу с голоса (так были записаны 3-я и 4-я былины), заставляя его делать легкие задержки после каждого „слова“ (стиха), что он выполнял очень четко. Иногда в середине исполнения он переходил на „рассказ“, но, передав „словесно“ небольшой кусок, он, как бы передохнув, снова возвращался к пению. Под конец, видимо сильно утомляясь и досказывая прозою: Для записи былин он уводил меня в отдельную комнату, куда никого не пускал, и пел чрезвычайно сосредоточенно изредка комментируя отдельные места (значительно реже других мезенских сказителей).

Гольчиков известен был также и как сказочник. В том же 1928 г. от него были записаны сказки И. В. Карнаухова и А. И. Никифоровым. См. у И. В. Карнаухова характеристику его как сказочника (Сказки и предания Северного края, 1934, стр. 417) и добавления к ней в рецензии на этот сборник А. И. Никифорова (Советский фольклор, № 2—3, Лгр., 1935, стр. 418). А. И. Никифоров характеризует Якова Гольчикова по типу исполнения как эпика, со скупыми проблесками артистизма. Никифоровым были записаны от него три очень длинные сказки, которые, по словам собирателя, свидетельствуют о большом мастерстве сказочника.

Эта краткая характеристика может быть перенесена на Я. Е. Гольчикова и как на сказителя былин. Его тексты все чрезвычайно просторны и отличаются разработанностью деталей. См., напр., подробный рассказ о том, как встает, одевается и умывается Илья Муромец в былине „Подсокольник“, описание пира и хвастовства присутствующих на пиру в былине „Дунай“, описание снаряжения калик перед уходом из Киева и т. д. Эпическая обрядность соблюдается во всей полноте. Так, известное описание красоты Апраксии в былине „Дунай“ повторяется четыре раза: в вызове Владимира, в заявлении Добрыни, в вопросе Владимира, обращенном к Дунаю, и в ответе самого Дуная; троекратно повторяется совершенно одинаковое изображение замахивания Ильи кинжалом и последующее обращение его к врагу в былине „Подсокольник“. Целый ряд общих мест отличился в определенные устойчивые формулы (седлание коня, отъезд богатыря, приход богатыря в гридню и пр.), которые неизменно повторяются, в разных былинах. Это делает его былины несколько однообразными. Но стройная, художественно выдержанная, в пределах мезенской традиции, композиция былин, эпический плавный ритм стиха, четкость и законченность образов — заставляют причислить Я. Е. Гольчикова к числу лучших современных представителей классического стиля в области былин.

Яков Евдокимович Гольчиков.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК

- А ехал старой по чисту полю,
А по тому де раздольицу широкому,
А наехал ле старой на росстаньюшки,
А наехал ле старой на широкия,
5 А подписана доска ли есть исподрезана,
А поставлены буквы да позолочены:
„А во перву ле дорожедьку — быть бохатаму,
А во втору е дорожку — быть женатаму,
А во третью дорожку — живому не быть“.
- 10 А подумал ле старый во своей башке:
„А на што мне-ка ле старому быти бохатому,
А на што мне старому быть женатому?
А я поеду то ли по дорожки — да живому мне-ка не-
быть“.
- А сядился на коня, на коня да скоро наскоро,
15 А бьет-то коня по тучным ребрам,
А под им карюшка россержаетця,
Да от земли-матушки отделяетця.
А наезжает ле старый да на станицьничьков,
А наезжает ле старый да-ко на разбойничьков,
20 А хотят ле старого да бити ноне грабити,
А хотят и ле старого да розлучити с конём.
А говорил лишь старой да таковы слова:
„А бити ле вам старого вам не за што,
А взяти ле у старого нечего,
25 А есть и ле у старого кунья шуба,
А стоит шубочька восемьсот рублей,
А пуговок и ле на ей да на три тысячи“.

- А пуше станичницьки россержаютьца,
А на старого крепче да поднимаютьца.
30 А хотят и ле старого да бити нонь да грабити,
А хотят и то старого да розлучити с конём,
А говорил и еще старый да таковы слова:
„А бити ли вам стараго вам незашто,
А взяти-то у старого вам нечего.
35 А есть-то у старого как дóброй конь,
А доброму ле концецку цены как нет,
А потому то конь вздымаетце,
А высокие горушки перескакиваѣт,
А мелкие речки промеж нонь берѣт“.
40 А пуше станичники россержаютьца,
А на старого крепче да подымаютьца,
А хотят и ле старого бить да нонь грабити,
А хотят и то старого да розлучить с конём.
А говорил ище старый во третий након:
-45 „А есть у стараго тўгой лук,
А есть ещё у старого десеть стрелочѣк“.
(*Прежде луками стреляли.*)
А говорил ище старый да таковы слова:
„А старому смерть страшным страшно,
Страшным страшно, смешным смешно.
50 А у кого у вас ле есть дети малые,
У коно у вас ле есть да молодые жоны?“
А закричал старый во всю голову,
А натягивал правой тўгой лук,
А накладывал стрелочку заколёную,
55 А спустил стрелочку о сырў землю.
А ёта стрелочка извивается,
А засыпал их желтым песком,
А закладывал сырой землѣй крёпко накрепко.
А испугалися станичнички-разбойнички,
60 А пали разбойнички на кóлени:
„Ой ты ной еси, Ильюша Муромец,
А не губи нас да недобрых людей,
А ты оставь нас при живности,
А оставь нас ты хоть на сѣмена.
65 Бери сколько надо золотой казны,
А берк-ка цвѣтное платице,

(Прежде луками стреляли.)

- А бери добрых коней сколько надобно“.
А говорил и ле старой да таковы слова:
„А кабы брал я да ле нонь золотой казны —
70 А копали как мне бы погребы глубокия,
А кабы брал я да цвѣтно платице —
А везли ле бы вѣзы великия,
А как брал бы я да всё добрых коней —
Да гнали бы за мной да табунами же“.
75 Да садился на добра коня,
Да засверкала его сабля нонь вострая,
А косил их скоро наскоро,
Да убил всех разбойнищков-станичнищков,
Да очистил дорожку премоезжую.
80 А поехал старый нонь в передний путь,
Да наехал на розбойника Рахматьича.
А сидит розбойник на семи столбах,
На семи столбах да на семи дубах.
А засвистел Соловей по соловьиному,
85 А закричал Соловей по звериному,
А у старого-то конь на колени пал,
От тоно от свисту бохатырского.
А натягивал старой правой рукой тугой лук,
А клал стрелочку раскалёную,
90 А спускал прямо в правой глаз,
А попал Соловья прямо в правой глаз,
А и пал Соловей да на сыру землю.
А подскочил Ильюша скоро наскоро,
А схватил он Соловья-ка разбойника,
95 А схватил он Соловья на добра коня,
А пристегнул Соловья к седёлку черкасскому.
А говорил Соловей да таковы слова:
„Да поедем, удалой доброй молодец,
А поедем ко мне на широкий двор,
100 А поедем ко мне да во гринюшки,
Да хлеба-соли исть, пива с мѣдом пить!“
А поехал старой скоро наскоро,
А увидела да жена да нонь в окошечко:
„А едет Соловей да нонь Рахматович,
105 А вѣзѣт Соловей удалого молодца“.
А взглянули нонь детушки в окошечко:

- „Да не Соловей везёт нынче, да Соловья везут“.
 — „А отворяйте ворота нонь да крепко накрепко,
 А встречайте удалого доброго молодца,
 110 А пойте-кормите нонь удалого!“
 А была дочь нонь поленица:
 „Я встречу его под подворотницей,
 А не малая подворотница — в сорок пуд,
 А убью удалого крепко накрепко“.
 115 А подъехал он к широку двору,
 А загленул в подворотницу — стоит она,
 Заколол паленицу да приудалую.¹
 А поехал старый да в передний путь,
 А подъезжал к стольнему Киев-граду,
 120 А ко тому ли князю ко Владимиру,
 Да заезжал ко князю на широкий двор.
 А то был день воскресеньской же,
 А собралась беседа да весёлая,
 А наезжали купцы люди торговые,
 125 А сидят здесь бохатыри все удалые.
 А входит удалый в светлые гринюшки,²
 А поклонился старый во все стороны,
 Князю Владимиру на особицу.
 А сядят как гостя да за дубовой стол,
 130 А подносят кушанья сахárные,
 А наливают братыночку зеленá вина,
 А подносят старому крѣпко накрепко.
 А берёт старый единой рукой,
 А пьёт старый единым духом,
 135 А заговорило у старого ретивó серьцѣ.
 А говорят-то старому таковы́ слова:

¹ Вариант стиха 117 при словесной передаче:

Он схватил да копѣ бурзameцкое,
 Ткнул паленицу во белú грудь,
 Та взвилась на востром копье.

² Вариант стихов 119—126 при словесной передаче:

Приехал старый в стольний Киев-град,
 Князю ко Владимиру был пир да великолепне..
 Все бояре да толстобрюхие,
 Были на пиру бохатыри удалые.
 Забежал он скоро наскоро
 В комнаты, гринюшки столовые.

- „А ты откуль, удалый добрый молодец?
 А какой ехал дорожкой да окольной,
 А окольной ехал ли прямоезжой?“
- 140 — „А я ехал дорожкой премоёзжой,
 А залегла та дорожка да нонеча тридцать лет“.
 А не поверили ему да усмехнулись:
 „Во очах детинушка да завирается,
 А пустяками детина да похваляется:
- 145 Да заросла та дорожка нонь тридцать лет,
 А птица на ней не пролётывала,
 А удалой добрый молодец не проезживал,
 А заросла та дорожка Соловьём в тридцать лет,
 А Соловьём да всё Рохматовичем,
- 150 А заросла та дорожка разбойницьками,
 Разбойницьками-станичницьками“.
 — „Если хóчите знать — да Соловей у меня,
 А Соловей да у меня сидит на добром коне“.
 Они приказали:¹
- 155 „Притащи-ка Соловья сюда в гринюшки светлые,
 Тогда и поверим“.
- (Добрынюшка был догадлив, сказал, что не простой приехал.
 Тут ему приказали, он и привёл.)*
- Старый скочил скоро наскоро,
 Побежал за Соловьём на широкой двор,
 Принёс Соловья то разбойницька.
- 160 Все скочили здесь да ужáхнулись
(Вроде как испугались),
 Принимают гостя дорогого,
 Жалуют, значит, гостя цвётным платицем,
 Дарят золотой казной.
 „Прикажи-ка Соловью нам песню спеть,
 165 Засвистеть в полу́свиста“.
 Поставил князя с княгиной наперёд в середку,
 Закрыв их полой по ту и другу сторону,
 Приказал Соловью запеть в полу́свиста.
 Запел Соловей в полу́свиста,
- 170 Развёл Соловей во весь свист
(Хотел всех свистом убить),

¹ Отсюда только говорил, спеть дальше отказался, не мог, видимо устал.
Примеч. собирателя.

- Все пали бояре кособрюхие на пол
(Без ума, значит).
 Хватил-то старый Соловья да Рохматовича,
 Вытащил старый на широкой двор
(За это непослушание, значит),
 Разорвал его крылья-пёрушки
(Два раз нăдвое),
 175 Рассвистал по чисту полю.
 Тут старому низко кланяютца,
 Сделали старому великолепный пир,
 Тут старого стали жаловать:
 „Живи-ко, старый, в стольнем Киев-граде
 180 Положим тебе жалованье не малое“.
 Он тут уж остался в услуженье.

2

ПОДСОКОЛЬНИК

- Ай на горах-то горах, горах было высоких,
 Ай што на тех горах было, горах окатистых,
 Ай на окатистых горах было на увалистых,
 Ай тут стояла ли руська да наша застава.¹
 5 Ай во пёрвых тут и стоял да Илия Муромец,
 А во вторых тут Добрынюша Мекитин млад,
 А во третѣх-то Олѣшинька Поповиць млад.
 Ай берегли-стерегли да стольний Киев град,
 А стояли за веру ли за крещѣную,
 10 А стояли за церкви-православные,
 Ай стояли за князя ле за Владимира,
 А стояли за кнегинюшку королевную.
 А вставал-то Ильюшенька поютру ранó,
 Ай умывалса Ильюшенька ключевóй годой,
 15 А утиралса Ильюшенька полотѣнышком.
 А надевал сапожки да всё козловья,
 А надевал еще Илиюша шубу кúнию,² *
 А застѣгивал ли пуговики всё вляшные,
(Очень дорогие, как музыка разырывают!)

¹ Начало фонограммы.

² При пении в фонограф выпустил ст. 11—12 и 16.

- А сто́ит шубочька восемьсот рублей,
20 А пуговок ли на ей да на три тысячи.
А вставал-то Ильюшенька проти́в зерькала,
А чесал ле Ильюшенька свою седú голову,
А чёсал свою головушку да дивился он.
А выходил Ильюшенька на улочку,
25 А вынимал-то Ильюша он трубочку подзорную,
А смотрел и то Ильюшенька на все стороны.
А во-первых смотрел в ту стороночку,
Во ту стороночку подзападну,
А видел Ильюшенька стольне Киев град,
30 А горят и ле там крыши позолочаны,
А блестят и ле там маковки драгоценныя.
А повернул в ту стороночку полуночну,
А видел Ильюша чудно чу́душко,
А чудо было — чудо-диво дивноё.
35 А не туман и ле там с моря поднимаетця,
А едет там ле удалой потешаетця.
А впереди-то бежа́т да ровно два как льва,
А позади ле тут бежат черны́ медведища,
А по бокам бежат серы во́лчища,
40 А под конём змея люта извиваетця,
Из речей там ле удалый вышибаетця,
А на правом плече сидит птица кречета,
А на левом плече соловьюшка,
А в руках держит он паличу,
45 А не малая палица — восемьсот пудов,
А под вышиночку ли палицу покидыва́т,
А на подъезде ли палицу подхватыва́т,
Не приворачива́т её на за́ставу ихню бо́хатырскую,
А еде́т там ле удалый в стольней Киев град.
50 А заходит и тут старой во бело́й шатёр,
А говорит а ле старый да таково́ слово:
„Ах вы ой еси, удалы молодцы,
Уж вы русьски наши бо́хатыри!
Едет там поганный, вышибаетця,
55 Не приворачива́т на за́ставу нашу бо́хатырскую,
А едет поганный в стольний Киев град,
А кого из нас послать за сугонушкой?
А Алёшеньку послать нонеча-то Поповиця:

- А Олѣшенька ли роду не хорошего,
 60 А загрезят Алѣшенька не в свою ровню,
 А потеряѣ-то Алѣшенька свою буйну голову.
 А послать лучшѣ нам Добрынюшу Микитича:
 А Добрынюша роду да был хорошего,
 А хорошего ли роду да благородного,
 65 А умѣт Добрынюша съех'ть и съихатьця,
 А умѣт удаленький всё розѣхатьця,
 А умѣт-то удалой поклон воздать".
 А срежался Добрынюша скоро наскоро,
 Он седлал-уздад коня доброго,
 70 Седлал-уздад скоро наскоро,
 Он двенадцать подпруг клал богатырских,
 А тринадцатая подпруга не для басы, ради крепости,
 А во чистом как ноне поли не оставил конь.
 А видели — Добрыня в стремя вступил,
 75 А видели Добрынюшу — на коня скочил,
 А не видели ли поездочки богатырской,
 А только видели в чистом полюшки куревá стоит,
 А и куревá стоит да пыль столбом валит.
 А еще бѣет ли он коня по тучным ребрамъ,
 80 А под им карюшка рассержаетця,
 А от земли от матушки ён отделяетця,
 А скачѣт и ли карюшка по семи как вѣрст,
 А высокие горушки перескакиваѣт,
 А мелки как речки промеж ног берѣт.
 85 А подъезжает к Подсокольницѣ наездницѣ,
 А закричал и ле Добрынюшка во всю голову:
 „Ах ты ой ли ты, удалый добрый молодец!
 А ты куда ле там едѣшь, куда путь дѣржѣшь,
 Не приворачиваѣшь и ли на заставу нашу богатыр-
 скую?"
 90 А едѣт Подсокольничѣк, цѣлом не бѣет.
 А повторяѣт Добрынюша во второй законъ,
 А повторяѣт Добрынюша во третей законъ:
 „А ты куда там, ворона, ле куда машѣшься,
 А ты куда там, ворона, ле куда путь дѣржѣшь,
 95 Не приворачиваѣшь ли на заставу нашу богатырскую?"
 А поворачивал Подсокольничек да всё добра коня.
 А закричал Подсокольничѣк да по звериному,

- А засвистел Подсокольничёк да по соловьиному,
А зашипел Подсокольничёк да по змеинному,
100 А Добрынюшин конь да нонеche на́ бок пал
От того ли крику от бо́хатырского,
От того ли по́свисту соловьиного.
Подъезжает Подсокольничёк к Добрынюшки,
А подъезжает Подсокольничёк скоро на́скоро,
105 Снимает у Добрынюши подштани́чки,
А дават Добрынюши всё потяпыши,
А ещё прибавил по алабышу.
А поставил Добрынюшу на резвы́ ноги́,
А говорил-то Добрынюши, всё наказывал:
110 „А я заеду удалый в стольный Киев град,
А божьи как церкви да я всё под дым спущу,
А мелку как силу я под мечь согну,
А князя Владимира глаза выколю,
А княгину Апраксию за себя возьму,
115 А старшего казакá старшим конюхо́м,
А тебя ле Добрынюшу чашки-ложки мыть,
А Олешеньку ли Попови́ця подноси́цьком“.
А садил Добрынюша на добра коня,
А поехал Добрынюша не по старому,
120 А поехал Добрынюша не по прежнему,
А едва ле Добрынюша на кони сидит.
А подъезжал ле Добрынюша к белу́ шатру,
А встречаёт Ильюша нонеche Муромец:
„А ты ой еси, Добрынюша Микитич млад,
125 Что же ты, Добрыня, едешь нонеche не по старому,
А ты, Добрыня, едешь не по прежнему?“
А говорил Добрынюша таковы́ слова:
„Ты ой еси да Илья Муромец!
А не моя ровня́ да не моя чета́,
130 А не по моё плечё добрый молодец.
А вскричал поганый не по доброму,
А вскричал поганый по звериному,
А зашипел поганый по змеинному,
А засвистал поганый по соловьиному.
135 А у меня ле ноне конь нынче на́ бок пал
А от того ле крику от бо́хатырского.
А подъезжает Подсокольник скоро на́скоро,

- А снимаў по́наны́й у меня подштани́чка,
 А даваў по́наны́й мне потяпышу,
 140 А е́ще прибавил по алабушу,
 А поставил ле меня он на резвы́ ноги.
 А говорил Подсокольник да наказывал:
 «А я заеду Подсокольник в стольный Киев град,
 А божьи церкви все под дым спущу,
 145 А мелкую силу всю на мечь согну,
 А князя ли Владимира глаза выколю,
 А кнегину Апраксию за сабя возьму,
 А старшого казака́ ста́ршим конюхом,
 А тебя ли Добрынюшу чашки-ложки мыть,
 150 А Олёшеньку Попови́ця да всё подно́счицкѡм»“
 А загорелось у старого ретивѡ́ серье́,
 А расходилися все плеченьки могучие,
 Закипела кровь горячая,
 Заходили глаза нынче с искрами.
 155 „А некому старому нснеча заменится!“
 А седлал удалый коня доброго,
 А седлал удалый скоро на́скоро. | 2 р.
 Двенадцать подпруг клал богатырских,
 А тринадцатая подпруга как не для ба́сы,
 160 А не ради ба́сы, а ради крепости.
 Скакал на коня скоро на́скоро,
 Грозит копьём крепко на́крепко:
 „А не успе́йте, братцы, вы котлы согреть,
 А привезу по́наного буйну голову“.
 165 А видели старого в стремяна ступил,
 А видели старого на коня скочил,
 А не видели поездочки богаты́рское,
 А только вид’ли в чистом полюшке ку́рева́ стоит,
 А ку́рева́ ли стоит да пыль столбо́м валит.
 170 Е́ще и бьёт ён коня по тучны́м ребра́м,
 А под им ли карюшко рассержаетця,
 А от земли от матушки отделяетця.
 А скачёт ле карюшко по семи как ве́рст,
 А вы́соки горушки перескакиват,
 175 А глубоки как речки промеж ног берёт.
 А подъезжаёт к Подсокольни́цку скоро на́скоро,
 А закричал старый во всю голсу:

- „Ай ты ой еси, удалый добрый молодец!
А ты какого роду-племени,
180 А ты какого отца-матери,
Ты куда едешь, куда путь держишь,
А не приворачиваешь на заставу богатырскую?“
А поворачивал Подсокольник всё добра коня,
А закричал и Подсокольник да по звериному,
185 А зашипел и Подсокольник да по змеинному,
А заревел Подсокольник да по соловьиному,
А старого конь на колени пал
От того ле от крику богатырского.
А соскакивал старый всё с добра коня,
190 А бил ли коня ён по тучным ребрам,
А он бил коня да приговаривал:
„Ах ты конь мой конь, да травяной мешок!
А не слыхал ли ты в поле соловьиного по́свиста,
А не слыхал ле ты в поле воронья карканья?“
195 А скочил он старый скоро на́соро,
А бьёт он всё по тучным ребрам,
А под им карюшко россержаетця.
А съехались удалы добры молодцы,
А съехались они да поздоровкались,
200 А съехались опять они разъехались,
А грозит всё старый вострым копьём.
А съехались они на востры сабельки,
А сабельки ли у их да пощербалисе,
А по носадкам сабли изломалисе,
205 А друг ле ноне дружку не ранили.
А бросили сабельки на сыру землю,
А съехалиси они опять разъехались,
А съехались они на вострых копеечках,
А на теи копейки бурзамецкии. |
210 А копейки у них развихалися,
А по носадкам копейки изломалисе,
А друг ле ноне дружку всё не ранили.
А бросали копейки на сыру землю,
А съехались они на паличи буёвые,
215 А палицы у них загорелисе,
А друг ле ноне дружку всё не ранили.
А соскакивали удалы да всё с добрых коней,

- А схватились удалы всё в охабочку,
 А по мужицки они по деревенски же,
 220 А бились и боролись да ноне три часика.
 А у старого ногá лёва подвихнуласи,
 А прáва ногá ле окатиласе,
 А падал старой да на сырú землю.
 А скочил Подсокольник на белы́ грудй,
 225 А рвал его латы-пáнзыри,
 А вымал ножище да всё кинжалищё,
 А хочёт пороть да всё белы́ грудй,
 А ладил смотреть да ретивó серьцó.
 А взмолился ноне стары́й да всем угодникам:
 230 „А я стоял за веру за крещёную,
 А я стоял за церкви православныи,
 А писала божья мать да прописаласе —
 А выдали поганому на изгилянье-тёрзанье“.
 А слышит стары́й силы прибыло,
 235 А прибыло силушки на половинушку.
 А стрелял Подсокольника в белы́ грудй,
 А вылетал Подсокольник да под вышиночку,
 А выше лесу вылетал да всё он стоячего,
 А ниже облачка ён да ходячего,
 240 А упал Подсокольник да на сырú землю.
 А соскакивал стары́й да на белы́ грудй,
 А рвал его латы-панзыри,
 А вымал да ножище кинжалище,
 А хочет у его пороть белы́ грудй,
 245 А ладил смотреть да ретивó серьцó.
 А остоялася рука его по плечикам,
 А говорил ли ещё стары́й таковó словó:
 „Ах ты хой еси, удалой доброй ты ведь молодец!
 Да ты какого да какого роду-племени,
 250 Да ты какого отца, коей матушки?“
 А говорил Подсокольник да таковы́ слова:
 „А кабы был я на белых грудях,
 Я не спрашивал ни роду ни племени,
 Я не спрашивал ли отца да твоей матушки,
 255 А пори у миня всё белы́ грудй,
 А смотри у меня ты ретивó серьцó“.
 А замахнулсá ли старой во второй након,

- А остоялася рука ле по завоины.
А спросил еще старой во второй након:
260 „Ты скажи, удалой доброй молодец,
Да ты какого роду, какого племени,
А ты какого отца ле коей матушки?“
— „Я кабы был у тебя на белых грудях,
Я не спрашивал ни роду да я ни племени,
265 Я не спрашивал ли отца ни твоей матушки.
А пори ноне скорей белы груды,
А смотри ли у миня ты ретиво серцо“.
А замахнулсэ ноне старой во третьей након:
„А ты скажи ли, удалый, да поведай же,
270 А ты какого роду, какого племени,
А ты какого отца, коей матушки?“
— „А я от морюшка от студёного,
А от той бабушки от Златыгорки,¹
А я буду ей всё родной как сын“.
275 А брал ноне старый за белы руки,
А ставил старый на резвы ногы,
Целовал в уста сахарны,
Говорил Подсокольницьку таковы слова:
„А чей корень, той и отростень,
280 А будешь мне-ка ноне ты родной как сын,
А поедем удалый в стольный Киев град,
А прими ты веру всё крещёную,
А не будет нам ли на свете поединщицька,
А сделает нам князь да великолепной пир“.
285 А говорил Подсокольник таковы слово:
„А и ты, Ильюша ты Муромец!
Ты спусти ты меня на родину,
Ко своей ли мамушки престарой,
А я спрошу у своей мамушки,
290 А расспрошу ей поведаю“.
А посадил старый на добра коня,
А поклонилса Подсокольничек да старому,
А поехал Подсокольник не по старому, не по прежнему,
А совсем ли на коне сидит истрёпанный,
295 А поехал Подсокольник скоро наскоро,

---

¹ „Златыгорка“ — поленица, злая богатырша. *Примеч. исполнителя.*

- А подъезжает Подсокольник ко своей мамушки.
 А завидела мамушка во чистом поли
 Едет дитя не по старому,
 Едет дитя не по прежнему,
 300 Едет дитя — едва на коне сидит.
 „Ох ты ой еси, дитятко моё роженое,
 Ты наехал в поле на старого, —
 В поле смерть старому не писана“.¹
 А говорил Подсокольник таковы слова:
 305 „А тебя зовет, мать, б....., меня выб... ..“.
 А схватил Подсокольник да ноне востро копьё,
 А притиснул ноне мати белы груди,
 А придавил матушку ко сырой земле.
 А взвилась мати под вострым копьём,
 310 А кровь горячая у её да побежала же,
 А говорила мати таковы слова:
 „А какову я крови чашу пью, такову же пить“.
 Заколот он мати скоро наскоро,
 А поехал Сокольник в старый путь.
 315 А наехал Подсокольник он на заставу,
 А на заставу да на богатырскую,
 А и спит-то старой он крепким-то сном.
 — „А заколю старого сонного я“.²
 А шарнул он старого в белы груди,
 320 А было у старого чуден крест,
 А крест был да позолоченный,
 А не малый крест — полтора пуда,
 От Владимира да подарочки.
 А угодило копейчко в чуден крест,

¹ Вариант стихов 301—303 при словесной передаче:

„Говорила я тебе наговаривала,
 Ты увидишь старого в чистом поли,
 Слезавай с коня — низко кланяйся“.

² При первоначальной словесной передаче после стиха 320 следовало:

Поехал Подсокольник скоро наскоро,
 Приехал Подсокольник ко белу шатру,
 Соскакивал Подсокольник он с добра коня,
 Схватил он Подсокольник востро копьё,
 Вбежал Подсокольник он в белой шатёр,
 Спит он старый крепко накрепко.

- 325 А скочил старый да скоро на́скоро,
А схватил Подсокольника за желты́ кудри́,
А вытащил Подсокольника из белá шатра́,
А наступил Подсокольни́чку, на резвы́ ногы́,
А розорвал Подсокольника на три части нонь,
330 А рассвистал Подсокольника по чисту́ полю́,
А тут и Подсокольнику славы́ поют.

3

[ДУНАЙ]

- А в стольнём во городе было́ во Кieve,
А у ласкова у князя да у Владимира,
А заводилосе ле да пирóванье да столóванье,
А заводилса у князя да всё почестен пир.
5 А все как ле на пир да собиралисe,
А все ли на почестен да съезжалисe,
А съезжались все купцы́ люди́ торговыя,
А сбирались все крестья́на православы́я,
А съезждались бо́хатыри удаля́.
10 А заходят да во гринюшки столовыя,
А крест-от кладут по писа́ному,
А поклон ле ведут по учёному,
А поклонились князю да как Владими́ру,
А сажалисe за столы да знáть дубовыя,
15 А за те ли питья́-кушанья сахáрныя,
А сахáрны пития́-кушанья, медвя́ныя.
А пир ле идёт у их в полупира́,
А стол-то идёт у их в полустолá,
А солнышко-то катитца́ ко западу́,
20 А от западу́ ле катитца́ ко зáкату,
А все ли на пиру да напивалисe,
А все ли на чесном да наедалисe,
А все ли на пиру да пьяны́-вёсelý,
А все ли на пиру да приросхвастались,
25 А все ли на пиру ле да розбахвалились.
А глупой-ёт-то хвастат да молодóй жоной́,
А ище́ глупее хвастат да родно́й сестрой́,
А умной-ёт да хвастат родно́й ма́тушкой.

- А купцы те хвастают те товарами,
30 А ле теми ли товарами заморским.
А богатыри хвастают своей силушкой,
А не той ли силушкой богатырскую,
А не выслугою ле да паленицькою.
А Олешенька хвастат да всё добрым конём,
35 А добрым конём да своим карюшком:
„А могу скачить — могу выскочить“.
А Владимир князь да ничем не хвастает,
А по гринюшки да он всё похаживат,
А сапог о сапог да ле поколачиват,
40 А серебряными шпорами побрякиват,
А злачёными перстнями принащёлкиват,
А такие ле речи выговариват:
„А ище все ли у меня в городе поженены,
А красны девушки замуж выданы,
45 А я де Владимир нонь холост хожу,
А я холост хожу да не женат брожу.
А не знайти ли как мне ли как супружницу,
А супружницу да мне ле как полюбовницу,
А полюбовницу да мне как красную девицу?
50 А статным статна была она статнешенька,
А белым белá была белешенька,
А алым алá была алешенька,
А из кости в кости мозг катаетца,
А по белым грудям жемчуг рассыпаетца,
55 А кабы было мне кого кнегиной звать,
А кабы было кому мне поклон воздать?“
А большой-то пречетца за среднего,
А средней-то хоронитца за меньшего,
А от меньшего нонеца ответу нет.
60 А повторяет-то Владимир во второй након,
А подвергает Владимир во третей након.
А из того бы местицька высокого,
Из той нонь лавоцьки дубовы,
Востоват-то Добрынюша на резвы ногі.
65 А выскакивал Добрынюша из-за столика,
А вставал Добрыня да на середку пол,
Ай говорил Добрыня да таковы слова:
„А ты позволь-ка мне, князь да стольне-киевской,

- А ты позволь мне-ка слово молвити,
70 А слово мѡлвити да речи говѡрити,
А не казните мне зѧ слово, не вешати,
А во дальние ссылочки не ссылатъ меня“..
— „А говори, говори ты, Микитицѣ млад,
А говори, говори, да чего тебе надобно“..
75 — „А было-то во городе во Шахове,
А в Шѧхове городе во Лѧхове,
У того ли короля былѡ ляховѣнскаго,
У его как ле было ноне да две дочери,
А первѧ-то Настасѣя да королевная,
80 А вторѧ Апраксѣя королевная.
А Настасѣюшка дочь да поленицѧ зла,
А поленицѧ как зла приудалая,
Апраксеюшка была дочь приумная,
А статнѣм статна она статнѣшенька,
85 А белѣм бела была она бела-белѣшенька,
А ялѣм была алѧ она алѣшенька,
А из кости в кости мозг катаетцѧ,
А по белѣм грудѣм жемчуг россыпаетцѧ,
А есь ли кого да всѣ кнегиной звать,
90 А ка есь ле кому поклон воздать.
А я не сам видал, а от людей слыхѧл,
От Дунаюшка слыхал да от Ивановичѧ,
От Ивановичѧ да Колыбановицѧ,
Он сидит ю тебя да в тѣмном погребѣ“..
95 А на то ли князь да приослышился,
А закричал да нонѣ князь да во всю голову:
„Ох вы хой еси, да слуги мои верные,
А верные слуги да неизменные!
Вы берите скорѣй да золотѣ ключѣ,
100 Вы бегите скорѣй да по чистѣ полю,
А по тому ли роздольцу широкому,
Вы бегите скорей к тому ле нонѣ погребу,
А ле к тому ле нонѣ погребу глубокому,
Отмыкайти замки скоро немецкая,
105 Отпирайте нонѣ двери да всѣ железныя,
А поклонитесь Дунаюшку Ивановичѣю,
А Ивановичѣю да Колыбановицѣю:
А его ли князь звал да на почесен пир,

- А без его ле нонь пир да не пируетца,
110 А без его ле нонь стол да не столуетца".
А говорил ле Дунаюшко таковó словó:
„А застоялась да у мня кровь горячая,
А застоелись у меня плечинька могучия,
А не могу ле я выйти вон из погребá".
- 115 А запирали нонь двери они железныя,
А побежали нонь слуги да всё в обратный путь,
А заходят да во гринюшки столовыя,
А говорят ле нонь князю да таксвы словá:
„А застоялася у Дуная да кровь горячая,
- 120 А застоелись плечинька могучия,
А застоелись рёзвы ноженьки ходячия,
А не можот как выйти ён из погребá".
А на то ли Добрыня был догадлив же,
А схватил он стóбечку зеленá вина,
- 1125 А взял он братынечку серебряну,
А побежал ле скорей во чистó полё,
А не к тому ле погребу глубокому.
Отмыкал ле замки скоро немецкия,
Отпирал ле нонь двери да всё железныя,
- 130 А поклонилсэ Дунаюшку Ивановицу,
А Ивановицу ле да Колыбановицу:
„Я тобой ле удалый да всё захвасталса,
Я тобой ле удалый розбахвалилса".
А наливаёт братынычку зеленá вина,
- 135 А подавát Дунаюшку Ивановицу,
А Ивановицу ле да Колыбановицу.
А берёт Дунаюшко единóй рукóй,
А пьёт-то Дунаюшко к ёдину духу.
А повторяет он да втору́ такú.
- 140 А берёт-то Дунаюшко единóй рукóй,
А пьёт ле то Дунаюшко к ёдину духу.
А загорелася-то у Дуная кровь горячая,
Расходилисе плеченька могучия,
Оставáт Дунай да на ременчат стул,
- 145 А выскакиват Дунай да он из погреба,
А пошли ёни-от с Добрынюшкою Микитицём,
А пошли да ёни скоро нáскоро.
А стречают да их нонь да всё публика,

- А заходят да ёни да во те полатушки,
 150 Да ле те ле полатушки белокаменны,
 А во гриднюшки да всё столовья.
 А крест тот кладёт Дунай да по учёному,
 А поклон ведёт да по писаному,
 А поклонилса Дунай да во все стороны,
 155 А ле тем ли гостям да приходящим же,
 А князю Владимиру да в осóбицу.
 А посадили Дуная да во передний стол,
 А наливают стаканы да позолочены,
 А подают Дунаюшку Ивановицу,
 160 А Ивановицу ле да Колыбановицу.
 Говорил ле он князь стольне-киевской:
 „Ох ты ой еси, ле Дунай да сын Ивановиц,
 А Ивановиць да сын Колыбановиць.
 А ты везде ле бывал, везде слúживал,
 165 Ты не знаш ле как мне-ка и богосужену,
 Богосужону да красну девицу?
 А статным статна́ была она статнёшенька,
 А белым белá была ёна белёшенька,
 А белыма рукама была да рукадельлива,
 170 А алым ала была ёна ялёшенька,
 А из кости из кости в кости мозг катаетца,
 А по белым ее грудям жемчуг россыпаетца,
 А было кого мне кнегиней звать,
 А было бы кому мне-ка поклон воздáть?“
 175 Говорил ле Дунаюшко таковы́ слова:
 „Я жил у короля у ляховицького,
 Я в тех погребных был целовольницьках.
 У ёго ли есь нонеча да две дочери,
 А первá-то ле Настасья королевная,
 180 А вторá Апраксея-то королевная.
 А Настасьюшка дочь да палени́ца зла,
 А поленица зла да приудалая.
 Апраксеюшка дочь была приумная,
 А статным была статна́ она статнёшенька,
 185 А белым была бела она белёшенька,
 А белыма рукама рукодельлива,
 А алым ала́ была она алёшенька,
 А из кости в кости мозг катаетца,

- А по белым её грудям жемчуг рассыпаетца.
- 190 А есь ли кого тебе кнегиней звать,
А было бы кому да всё поклон воздать“.
А говорил ищё да князь стольне-киевской:
„Ты бери скóлько да золотóй казнý,
А ты берй чего надо войска же,
- 195 А поезжай ле скорою свататься“.
А говорил Дунай да таковó словó:
„А не надо от тебя золотá казнá,
А не надо от тебя несметна войска же,
А только дай ле да два товарища:
- 200 А во первых да Ильюшу ноньце Муромца,
А во вторых Олëshеньку Поповица,
А во третьих Добрынюшу Микитица.
Не отдаст добром, возьмём сýлушкой,
А не той ли силой да боһатырскойей“.
- 205 А седлал да уздад нонь добрых коней,
А седлал-уздад скоро нáскоро.
А видели юдалых — стремена ступил,
А видели юдалых — на коня скочил,
А не видели поездоцки боһатырскойей,
- 210 А только видли в цистом полюшки куревá стоит,
А куревá ле стоит, да пыль столбóм валит.
А едут юдалы скоро нáскоро,
А поезжают к городу к Лиховинскому.
А не доезжают они нонь зá пять вёрст,
- 215 А поставили шатёр да белобархатной,
А составили кушанья нонь медвяныя,
А думушку думают нонь крепкую же:
А кому итти да кому свататьца.
Говорит ище старый да таковó словó:
- 220 „А Дунаюшку итти ёму да свататьца,
Он живал ле там да во слúжницьках,
А во слúжницьках да во замоцницьках,
А он в тех ли погребных да целовальницьках“.
А говорит ле Дунай таковó словó:
- 225 „Через чáсик приезжай-то, Илья Муромец,
Через два приезжайте вы, добры мóлодцы:
А не отдаст добрóм — мы возьмём силушком,
А той ле силой боһатырскойей“.

- А сѣдлаѣ нонѣ Дунай добрѣ коня,
 230 А сѣдлаѣ-уздаѣ да скоро нѣскоро,
 А засѣкаѣвал на коня да скоро нѣскоро,
 А видели — Дунай да в стрѣмена ступил,
 А видели — Дунаюшко на коня скочил,
 А не видели поездоушки бѣхатырскойей,
 235 А только видели в чистом полѣ да куревѣ стоит,
 А куревѣ ле стоит да пылъ столбом валит.
 А поезждает ле он ко королю да леховинскому,
 А поезждает ко королю на широкий дом,
 А вяжет коня да нонѣ ко тому столбу,
 240 А за тоѣ ле за кольцо за позолочено.
 А бежит а ле Дунай да скоро нѣскоро
 А во те ли во гриднюшки столовыя,
 А отпираѣт-от двери крѣпко нѣкрепко,
 А затвораѣт двери скоро нѣскоро.
 245 А крест-от тот кладѣт по писаному,
 А поклон ле ведѣт да по учѣному,
 А поклонилсѣ королю он леховинскому:
 „Уж ты здравствуй, король да леховинский же!“
 А говорил то король да леховинский же:
 250 „Ой ты хой еси, Дунай да сын Ивановиць,
 А Ивановиць да сын да Колыбановиць!
 Не опятѣ ли ты приѣхал да мнѣ в услуженьицѣ,
 А во ключницьки приѣхал-ка в замоуцьницьки,
 А те ли в погрѣбны да в цѣловальницьки?“
 255 — „Я не во ключницьки приѣхал да не в замочницьки,
 Я не в те ли тебѣ погрѣбны-цѣловальницьки,
 Я о добром делѣ да о свѣтовствѣ“.
 — „За кого же ты нонѣ да свѣтаешьси,
 За себя свѣтаешьси иль за друга?“
 260 — „Я за того за короля да стольне-киевского,
 Я за солнышка нонѣ за Владимира“.
 Говорил ле король да леховинский же:
 „Ёго мѣла земля нынѣ и бѣдно же,
 Не отдам за короля за стольне-киевского“.
 265 А говорил Дунай да таковы слова:
 „А не отдашь ле добром — возъмѣм силушкой,
 А не той ле силой да бѣхатырскойей“.
 — „А есь ли играть у вас в пешки яросны?“

Забегает Добрынюшко Микитиц в пешки играть, ударились в заклад великий. Поиграл Добрынюшко в пешки-шахматы скоро-наскоро. Князь леховинский об заклад ударил.

- А ударились в заклад нонь великий же:
270 А поставить метоцьку великую,
А такую ле метоцьку за пять вёрст,
Из туга лука стрелять нонь каленой стрелой.
А занёс князь да право тугой лук,
А давёт ле нонь старому натёгивать
275 А те ли тетивоцьки шелковые.
А принялса нонь старой единой рукой,
А натёгивал струночки шелковыя,
Переломил лук нонь трое натрёе.
А потребывал нонь старой да свой лук,
280 А принесли ему лук скоро наскоро.
А натёгивал ён лук скоро наскоро,
А вкладывал он стрелочку раскалёную,
А спустил он стрелочку нонь в меточку,
А розострелил он меточку как на́двое.
285 А Олëshенька в город въехал же,
Розломал у казёнки ноньче двери же,
А выкатил сороковоцку на улочку,
А навешивал ковшечки серебряны:
„А пейте нонь, голь трепётова,
290 Поминайте Апраксею да королевную!
А не умели они отдать да доброй волею,
Без того битья да кроволития“.
А у старого кровь закипела да кровь горячая,
Росходилися да плечинька могучия,
295 Засверкали глаза у ёго с искрами,
А схватил он князя да леховинского,
А отрубил его голову нонь надвоё.
А побежал ле во гринюшки во столовыя,
Выводил Апраксею да королевну же,
300 Выводил ле он старой да скоро наскоро,
Апраксеюшка дочь да всё приплакивёт:
„Ох ты хой еси, батюшка да родитель же,
А не умел ли ты отдать да с чести-радости,
А тебе ли нонь сняли да буйну голову“.

- 305 А посадил кнегиню Дунаюшко на коня,
А поехал он да скоро на́скоро.
А Настасьюшки дома не случилось,
А была Настасья да во чистом поли,
А заметила порядки нонь не малыя,
130 А повезли как родну нонь родну сестру.
А натегиват она́ право ту́гой лук,
А вкладыват нонь стрелочки калёныя,
А стречат да всех могучих да бо́хатырей.
Россержалса Дунаюшко Ивановиць,
315 А отдал королевну нонеча старому:
„Ты вези нонь, Ильюша да ведь Муромець,
Я поеду да как с ней да сражаться нонь“.
А поехал Дунай да скоро на́скоро,
А схватилися они да как съехались,
320 А скакали они да с добрых коней,
А схватилися они нонь удады в охабоцьку.
Они билисе да дралися нонь три часика,
У Настасьи нога́ да подвернуласе,
А упала Настасья да на сыру́ землю́,
325 А взлетели да подола нонь долгие.
А говорит Дунай да таковы́ слово́:
„Как упал я на женские лёжена,
А стыдно было мне срамно́“.
Как взмолилася Настасьюшка Дунаюшку:
330 „Не губи, не казни ты, Дунаюшко,
А возьми лучше за себя супружницей“.
А поднял ле Дунаюшко за белы́ рукы́,
А целовал ле Дунай уста сахарныя.
Говорила ле Настасьюшка таковы́ слова́:
335 „А поедем ле ко мне да на широкой дом,
А прие́мем закон нонь брачной же,
А живи ле как у нас нонь да царствуй же“.
А согласилсе Дунай да сын Ивановиць,
А поехал во город нонь во Ша́хов же,
340 А во Ша́хов же да нонь в Ляхов же,
А во те ли полатушки белокаменны,
А при́няли закон да нонече брачный же,
А сделали как пир великолепный же,
А не тот ле нонь пир на всю неделюшку.

Они пировали, потом поехали в гости к князю Владимиру.

- 345 А Дунаюшко стал звать во чесны́ гостѣ
Ко тому ле ко князю да стольне-киевскому,
А не к той ле Апраксеи да королевне же,
А ко своей же сестре да к однокровной же.
А срезались они да скоро на́скоро,
350 А поехали они да скоро на́скоро,
А поеждяют они к королю да стольне-киевскому,
А не к тому ли ноне солнышку да к Владимиру.
А встречали они да по хоро́шему,
А встречают снѣ с музыкой да с ворга́нами,
355 А встречают ли с публикой великаѣ,
А сделал ноне князь великолепной пир,
Для того ли Дунаюшку Ивановичу.
А собиралисѣ, сѣезжалисѣ
А не те ли крестьяна православныя,
360 А не те ле купцы люди торговыя,
А те ли богатыри удалыя.
А пир ле у их пир идѣт во полу́пирá,
А солнышко катитца ко за́паду,
А от западу кáтитца ко за́кату,
365 А Настасьюшка дочь как привыпила,
А говорит ле Настасья да таковы́ слова́:
„Ох ты ой еси, Дунай да сын Ивановичь,
А Иванович да сын да Колыбановицъ!
А жил ле у нас да в услуженьицах,
370 А в ключни́цках да во замочни́цках,
А тех ли погрѣбных целовальни́цках,
А привела судьба в супружество.
А прежде стреляла тебя обстреливала
А не ту ли в полоску нонь в меточку“.
375 А загоралася у Дуная кровь горячая,
Росходилисѣ плечинька мо́гучия:
„А поставить ноньче ту меточку!“
А поставили меточку как в три версты,
А вызвал Настасью ноньче стрѣлить ей
380 Из того ли лука ей ту́гого,
А той ли стрелочкой раскалённой.
А метит Настасья нонече в меточку,

- А попала в меточку самую же.
Натегиват Дунай право тўгой лук,
385 А вкладываѣт нонь стрелочку раскалённую,
А метит стрелочку ей в белую грудь,
А стрѣлил Дунай ведь в белу грудь,
А застрелил Настасью да повалиласе.
А вымал ле он ножищѣ да кинжалищѣ,
390 Роспорол да у ей нонеце бѣлу грудь,
А зарожоны у ей да два отрока.
От того ли он бесчесья да великого
А наставел Дунай нонь вострѣ копьѣ,
А он бросилса Дунай на вострѣ копьѣ,
395 А заколол он себя скоро наскоро,
А ту ле об ѣм славы поют.

4

[СОРОК КАЛИК]

- Ай на горáх-то горáх-то высоких,
А на тѣх же на горáх да увалистых
Собиралисє калики да перехожиа,
А перехожи калики да переброжиа,
5 А сорок ле калик со каликою.
А молилися да кресту да спасителю.
— „А хто из нас, братцы, да заворуетця,
А ещѣ да хто из нас, братцы, за блудѣм пойдѣт,
А не ходите не к царю не к царице же,
10 Не с той с просьбой великой,
А судите такова нонеча своим судѣм:
А копайте такова в землю до пояса,
А язык оттягнуть его теменем,
А ретивѣ ле серцѣ межу крыльцами“.
15 Ай помололись¹ кресту да спасителю,
А брали сумочки сафьяные,
А пошли по дороженьки широкое.
А день ли идут оне, второй идут,
А подходят ко городу стольнему Киеву,
20 А повстрѣчаѣт им навстрѣчу Владимир князь.
А Владимир ли князь был стольне-киевский,

¹ Помолѣлись.

- Он поехал за охвотою к синему морю,
А за тема за гусями за лебёдушками.
А увидел ле князь всё калик он,
25 А увидел де князь, с ими поздоровался:
„А уж вы здравуйте ле, калики перехоžia,
А перехожи калики переброžia!
А спойте ле калики про Еленьской стих,
А навеку ле я про стих не слыхал про его“.
- 30 А становилисе калики во единой круг,
А втыкали калики да всё копеецька,
А вешали сумоцки на копеецька,
А стали калики во единой круг,
А запели-закричали про Еленьской стих.
- 35 От того ли древа да пошаталися,
А сине бы морюшко да всколыбалоси,
А спели-сказали про Еленьской стих.
А говорил ищё князь таково слово:
„А вы зайдите, калики, в стольней Киев-град-
40 А заходите в палаты мои белокаменны,
А заходите в палаты к молодой моёй жене,
А Настасьюшке нонь да королевичьной,
А заходите ле к ней хлеба-соли есь,
А хлеба-соли ись да пива с мёдом пить“.
- 45 А на то ли нонь калики приослышались,
А поклонились князю-ка стольне-киевскому,
А пошли ле по дорожецьке по широкии.
А подходят ле нонь в стольне Кеев град,
А идут оне по городу шириноцькой,
- 50 А подошли нонь к полатушкам белокаменным,
А не к тому ли дворецку государеву,
А становилисе ле калики под окошечком,
А попросили как у ей нонеча милостыню.
А услышила ле Настасьюшка королевная,
- 55 А отворила окошечко нонь краснo же,
А высунулась она до поеса,
А говорила ле Настасьюшка таковы слова:
„Ах вы ой еси, калики перехоžia,
А перехожи вы калики да переброžia!
60 А заходите ле ко мне во светлые гриднюшки,
А заходите ли ко мне хлеба-соли есь,

- А хлеба-соли ись да пива с мёдом пить".
 А на то ли нонь калики приаслышились,
 А заходят ле в полатушки белокаменны,
 65 А заходят ли во гринюшки столовые.
 А крест тут ле кладут да ле по писаному,
 А поклон ле они ведут по учёному,
 А поклонились ле Настасьюшке королевныи.
 А закричала Настасьюшка королева же:
 70 „Ах вы ой еси, слуги мои да верныя,
 А верны вы слуги неизменные!
 А становите ле столы да всё дубовыя,
 А накрывайте ле пищу да всё сахарную,
 А не те ли напитки были пьяныя".
 75 А становили ле столы они скоро наскоро,
 А накрывали они пищи да всё сахарныя,
 А те ли ноне напитки всё пьяныя,
 А поила ле кармила чем надобно,
 А подавала ле напитки пьяныя.
 80 А увидала княгинюшка королевная
 Она Михайла Михайловица удалого,
 А пригленулся Михайлушка доброй молодец,
 А стала его звать да в особенну,
 А в особенну да во покой в белокаменной.
 85 А пошел и ле Михайло да нынче в комнату,
 А во ту ле во гринюшку во столовую,
 А не в ту ле нонь в спальню во украшенну.
 А повалил он на кроваточку дубовую,
 А на ту ле на периночку пуховую,
 90 А пухову периночку шолковую,
 А сама она легла да на кирпичету печь.
 А во втором часу ночи да случилось,
 А слезла нонь с печки со кирпичетой,
 А легла она ле на кроваточку ему дубовую,
 95 А на ту ли на периѣу да пуховую,
 А пухову ле периночку шелковую.
 А накинула руцку да ноньчи праву же,
 А накинула ножецку как праву же,
 А прижала его к сердечку крепько накрепько.
 100 А говорил ле Михайло да сын Михайловичь,
 А говорил ле кнегинушке таковы слова:

- „Ох ты хой еси, Настасья да королевна же!
У нас положона заповедь великая:
А хто из нас, братцы, да заворуетця,
1105 А еще кто из нас, братцы, да за блудом пойдёт,
Не щади-тко того, крепко казнить того,
А язык его тегнуть да ле во теменем,
А ретиво нонь серце промеж крыльцами“.
А говорила ле кнегина королевная:
1110 „Ох ты хой еси, Михайло да сын Михайловиц,
А ты останьсе ле у нас да в услуженьице,
Ты останься у нас нонь да ключеньицьком,
Да ключеньицьком да замоцьницьком,
А во тех ли погребных да целовальницьках.
1115 А я тебе положу жалованье сколько же надобно,
Я положу тебе жалованье да не малое же,
Я чётыреста рублей тебе в месяц же“.
А говорит-то калика таковы слова:
„А не на што я ето не согласен же,
1120 А нам сходить впредь к синему морюшку,
А в синем нам морі да покупатисе,
А во плакунь-траве нам нунь покажатисе,
А ко светым ко мощам нам приложитисе“.
А на то ли кнегина приогневалась,
1125 А скочила ле с кроваточки дубовый,
А заскочила на печку на муравлёнку.
А от того ли от гневу от великаго
А сказала слуги своему верьному:
„А возьми-ко ся, слуга, ты ету братынечку,
1130 А братынечку возьми да всё серебряну,
А без которой братыни князь не ест не пьёт,
А засыпь ле Михайлушку в сумочку“.
А на то ле слуга приослышился.
А взяла ле нонь да всё братынечку,
1135 А полóжил ле в сумочку Михайлушко.
А стали калики утром переходя,
А умывались они да ключевой водой,
А утирались да они да полотёнышком,
А надевали сапожочки да всё козловыя,
140 А надевали всё шубочки да куньи же,
А брали де сумочки да сафьяны же,

- А помолилися иконы право божьей же,
Благодарили кнегинушку королевныи:
„А за тот ле за прием да накормила нас,
145 А накормила да напоила всё допьяна,
А дала ле нам приют да всё хороший же“.
А выходят нонь из гринюшек да столовых же,
А пошли да по дороженьке ширской.
А день-то они идут да другой идут.
150 А приехал ле князь да стольне-киевской,
А от того ли он морюшка от студёнаго,
А не с той ли охвотушки тяжелой.
А поставила кнегинушка королевная же
А на те же на столы питья-кушанья,
155 А говорит ли еще кнегина да таковы слова:
„Ето были калики да перехожи,
А перехожи да калики да переброжия.
А покрали у тя братынечку серебряну,
А без которой ты братынички не пьеш не еш“.
160 А на то ле нонь князь приослышился,
А потребовал Алёшеньку Поповица,
А говорит-то Алёшеньке Поповицу,
А говорит ещё ле да таковы слова:
„Ето были ле калики да перехожи,
165 А перехожи ли калики да переброжия,
А покрали у меня братынечку серебряну,
А без которой я братыни не пью не ем,
А поезжай-ко скорей за сугоночкой,
А отбери у их братынечку серебряну“.
170 А седлал ли он уздал коня доброго,
А седлал ли уздал да скоро наскоро.
А видели Алёшенька в стремена ступил,
А видели ле Алёша на коня скочил,
А не видели ли поездки да богатырьское,
175 А богатырьской поездоцки да молодецкой,
А только видят в цистом полюшки курева стоит,
А курева ле стоит да пыль столбом валит.
Он ли бьёт коня по тучным ребрам,
А под им ле нонь конь да россержаётца,
180 От земли ле он от матушки разделяётца,
А едет ли Алёшенька скоро наскоро.

- А завидел ле он калик перехожих,
А перехожих ле калик переброжих,
А закричал ле Алёша во всю голову:
185 „Ах вы хой еси, калики да перехожи,
А перехожи вы калики да переброжи!
А вы покрали ле братынечку серебряну,
А без которой братынечки князь не ест не пьёт“.
А на то ле калки приёслышились,
190 А становились ле калики в единой круг,
А прилетел ле Алёшенька Поповичъ же,
А говорил Олёша да таково слово:
„А вы покрали братынечку серебряну,
А без которой без братыни князь не ест не пьёт“.
195 А на то ли калики приагневались,
А схватили Алёшу за желты кудры,
А давали Алёшеньке потяпышу,
А ещё ли прибавили по ёлабышу,
А посадили ле Алёшеньку на добра коня,
200 А поехал ле Алёшенька не по старому,
А поехал ле Алёшенька не по прежнему,
А подъезжает Алёша в стольне Киев град,
А не к тому ли он дворцу государеву.
А встречает ёго да князь да стольне-киевской:
205 „А што же ты, Алёшенька, не по старому,
А не по старому приехал, не по прежнему?“
— „А схватили меня калики за желты кудры,
А снимали у меня да всё подштаницьки,
А давали нонь мне-ка потяпышу,
210 А ище ле нонь прибавили по олабышу“.
А говорил ле нонь князь да стольне-киевской:
„Ты сама нонеце крепко виноватой же,
А поступил то не по учёному,
Обремизил удалых добрых молодцов,
215 А послать лучше Добрынюшу Микитичя:
А Добрынюша был роду хорошего,
А хорошаго роду да благородного,
А может ли Добрыня съех'ть съехаться,
А может ли Добрынюша поклон им воздать,
220 А поступить ли с има да нонече вежливо“.
А седлал ле он уздал коня доброго,

- А седла л уздал он скоро нáскоро,
А видели ли Добрыня в стремена ступил,
А видели ли бы Добрынюшу на коня скочил,
225 А не видят ли поездочки богатырскойей.
А поехал Добрынюша скоро нáскоро,
А объезжает он калик перехожих же,
А перехожих калик он переброжих же,
А слезыват с коня да низко кланелса:
230 „А уж вы здравствуйте, калики перехожая,
А перехожи вы калики да переброжая!
А я спрошу ле ю вас всё поведаю,
А случилось теряжа да всё немалая,
А братынечка ле утерялася серебряна,
235 А без которой братыни князь не ест не пьёт,
А не попала ле к кому из вас в сумочку?“
А стали ле калики во единой круг,
А втыкали копейчка во сырú землú,
А вешали как сумочки сафьянныя,
240 А сделали как обыск как в сумочках,
А перебирали ети сумочки ю кажного,
А стали искать да у Михайлушка,
У Михайла Михайловица юдалого,
А нашли ле братынечку как в сумочки,
245 А говорят ле Михайлу да нонь Михайловицу,
А наказаниё ему дали всё великоё:
А копали его в землю до поеса,
А язык-то оттегнули его теменем,
А ретивó ли серцё межу крыльцами.
250 А отдали ле братынечку серебряну,
А поехал ле Добрынюша скоро нáскоро,
А пошли ле калики в передню путь.
А где ходят не ходят — всё к ему придут,
А утеролся у их путь — нынче ходу нет.
255 А кленулись перед ним — напрасно же,
А напрасно ле наказали всё,
А кленулисе всё об ём да крепко же,
А отпустил их Михайло да сын Михайловиць,
А не к тому ли ноне морюшу глубокому.
260 А в плакун-траве они покаталисе,
А во синем мори да нонь покупалисе,

А ко светым ле мощам да приложились,
А пошли ноньче калики да всё в обратну путь.
А день-то идут, как другой идут,
265 А подходят ко граду да стольне-Киеву,
А не к тому ли ко дворцу государеву.
А становилисе калики во единой круг,
А говорили ле калики да таковы́ слова:
„Ах ты хой еси, кнегинушка королевная!
270 А для тебя Михайлушка наказали же,
А напрасно мы его наказали же,
Ты наверное братынечку с намерением подсунула“.

Тут всё и объяснили. Тут дальше и не знаю, что с ей государь-то сделал. Дальше и не помню.

ЕФРЕМ МАТВЕЕВИЧ ЛЕШУКОВ

Ефрем Матвеевич Лешуков — в 1928 г. многосемейный старик-крестьянин, на седьмом десятке, из д. Лебской Лешуковского района. Неграмотный. Как все мезенцы, кроме рыбной ловли он промышлял охотой. Кроме того, занимался выделкой на продажу рукояток для горбуш. Сидя за работой, он пел и рассказывал былины, также и в лесу: „Я вот как сiju по лешовным избушкам, так всё сказываю“.

На Ефрема Матвеевича, как знатока и исполнителя былин, мне указывали многие односельчане, ставя его на второе место после Якова Гольчикова. Домашние тоже говорили, что он много знает: „Зимой-то всех нас усыпнит стариными да сказками“. Приветливый и словоохотливый старик Лешуков охотно начинал сказывать, но долго не выдерживал напряжения и переходил к простой беседе. „Ленится“, как сказала про него его молодая сноха.

Кроме записанных былин он знал еще „Подсокольника“ — „старинной“, „Как Илья исцелился“, „Илья и Соловей-разбойник“ и про Дюка — „рассказом“ и „Женитьбу князя Владимира“ — „и старинной и рассказом, как придется“. Начало последней былины он спел, и оно почти точно повторяет вариант Якова Гольчикова с некоторыми лишь незначительными вариациями чисто словесного характера. По словам крестьянина Степана Васильевича Гольчикова, Ефрем знал и про Василия Буслаевича. На мой вопрос, как он больше любит исполнять былины, петь или сказывать, ответил: „Когда как. Вот тебе сперва попел, а потом как придется“. К балладному жанру Ефрем Матвеевич относился пренебрежительно, называя такую, напр., балладу, как „Братья-разбойники и сестра“, „пустяковиной“, которую лишь „девки поют“. Былинку о Добрыне и Маринке назвал „шутовой“.

Лешуков знал еще стихи про Алексея и про Егория; слышал раньше, как пели слепцы. Былинам же научился, по его словам, таким образом: „Братья грамотные были, читали, так из книжки слышал, выучился“. Однако близость былины

„Турила“ и начала былины „Про старого“ (Илья Муромец и станичники) к вариантам, записанным от других мезенских исполнителей — несомненных носителей устной традиции (М. Г. Антонов, Яков Евдокимович Гольчиков), — ограничивает утверждение о роли книжного источника. С другой стороны, побывавший Ефрем Матвеевич носит явные следы влияния лубочных пересказов. Очевидно, мы здесь имеем факт скрещения устной традиции с влиянием лубка.

К сожалению, всего репертуара этого своеобразного исполнителя не удалось записать, так как он неожиданно уехал в Койнас для лечения глаз.

ПРО СТАРОГО

- Кабы ездил тут стар по за-городу,
По за-городу да по за-Киеву,
Что по тем по полям по широкиим,
А по тем по дороженькам по долгиим.
- 5 Наезжаёт бы стар на росстáнюшки,
Што на те на росстани на широкие,
На те ли дорожки да на долги.
- А лёжыт на росстанюшах камешок горящий же,
А как на камешку да подписано,
10 А написано да подпись всё подрезано:
„А во пёрву-то дороженьку ехать — убиту быть,
А во вторую-то дороженьку ехать — женату быть,
Как и в третью-то дороженьку ехать — бо́нату быть“.
- Как садилса-то старой на горяць камень,
15 Он и думал думушку не малую,
А не малую думушку — великую:
„А на што мне старому теперь жениться?
А жонитесь мне не по младости.
А на што же мне старому и теперь всё богатество?
- 20 Как есть у меня старого золотой казны,
Кабы есть у старого цистого сёребра,
Есть у старого красно золото,
А кабы есть у меня да циста жемчуга.
Я наездилса стар на белóm свете,
- 25 Кабы много от старого сирот сиротаёт же,
Кабы много от меня вдовушек да вдовеёт же,
Я побил на сём свете удалых добрых мóлодцев,
Я поеду по той по дорожке по убитой.

- Как садился бы стар на добра коня,
30 А ехал по дороженьки по убитое.
Как идут-то станицьники да люди вольные,
Люди вольные да всё разбойницьки.
Стали на старого приступати же:
„Ты докуль, старой пёс, в поли шатаишься,
35 Докуль ты удалых добрых молодцев побиваешь?“
— „Ох вы станицьники да люди вольные,
Как у меня своей казны не пригодилось,
А поехал — у князя не выпросил.
Только есь на старом кунья шубонька,
40 Стоит шубоцька петьсот рублей,
Как на шубоцьке пуговок на тысячу!
Есь у старого сабля вострая,
Стоит сабелька петьсот рублей.
Есь тут копьё долгомерное,
45 Стоит копьё петьсот рублей.
Есь тут стрелочка калёная,
Каждая стрелочка стоит по сотенке.
А есь под старым доброй конь,
Тому коню цены нет“.

Стали станицьники к старому приступать. Вымает стар из колчанá каленú стрелу, зарежает калёный лук, сам ко стрелке приговаривает: „Ты лети-ко в матушку сыру землю, рви-пластай што погребѣ“.

Тут и вси станицьники в ямы упáдали,
Кабы все тут они уstraшилися:
„Ты не бей, стар казак, не губи,
Мы идём в слуги верные“.
— „Мне не надо слуги верные,

святая Русь не живёт без могучих плеч, без богатырских сил. На то дал нам господь силушку расчищать пути засорены“. Дали они заклятие великоё: „Не будем мы боле разбойничать, пойдём по светым местам, ко своим жонам“.

Поехал стар по дороженьке в поля широкие. Лежат тут ускоки бохатырские. Пошли надвое две дороги, одна вправо, другая влево, пробиты две дороги до пояса. Правая дорога пошла на светые горы. Наехал старый на бохатыря. Выдернул он палицу

буёвую, ошил его, огленился Егор-Святогор. Сказал ему: „Ах, русские комары больно же кусают“. Взял засунул его в карман с конём со всем.

Потом конь Егора-Светогора прискакал на светые горы, пристал, сказал: „Ах Егор-Светогор, не могу боле скакать. Есть у тебя в кармане богатырь не плохой“. Тот выдернул из кармана, назвались они братьями: Егор больший и Илья меньший. — „Поедем Илья ко своему отцу на светые горы. Живёт у меня отец на светых горах слепой“.

Вот приехали в ограду, привязали коней к столбу, к золотому кольцу. Вот заходят в палаты белокаменны, находят старика слепого.

— „Вот, татка, говорит, я привёз русского богатыря в гости“. — „Ладно, говорит, привёз, так потчуй“. Стали за столы дубовые, сели за ествá сахáрные, за пítья медвяные. Вот они пили-гуляли отец слепой говорит: „А ну я ручки богатыря пощупаю, каковы“. А Егор-Светогор говорит: „Ты не давай ему руки, палицу дай ему пощупать“. Он пихнул ему в руку. Он прижал, только пена пошла.

Вот назавтра у Егора-Светогора битва с паленицей последняя. Ездит, бьётся в поле тридцать лет. Вот и говорит Егор-Светогор: „Давай, брат Илья, поедем, у меня последняя битва с паленицей. Некоторый, который победит, будет на ней жениться“.

Вот распростился со стариком и стали с ним уезжать. Спустились со святых гор, а она уже ездит, рыскует в поле. Егор и говорит: „Ну, Илья, ты поезжай к ней, ты биться знаешь, не можешь ли ее как взять“. А Егор сам остался под дубом.

Вот Илья старой казак поехал. Она и говорит: „Вот кого Егор послал. Я дуну — так улётит, а плюну — так не костья найдёт“. Вот и подъехал, дунула на него, он сидит — не тряхнется. Плюнула — сидит. — „Ах какой ловкой подъехал“, говорит. Подъехала к нему да и махнула саблей вострой. А этот Илья был увёртливой. Увернул коню под передние ноги. Пересекла коня значит у него. И шарнул Илья копьём и спёхнул с коня. Выдернул свой меч и подсек голову ей. Заскочил на ейного коня не зевая, учул конь, что лёгок седок, носил по полям широким, едва дёржyтця Илья на коне. Когда этот-то конь утомился, и подъезжает к Егору-Святогору. Егор-Святогор говорит: „Эй, Илья! Есь у ей перстень самоцветной, с самоцветным камнем, сыми его, он твой, ты победил“. Скочил Илья с коня и стал сымать, она еще пышит. Махнула рукой — он попал под руку и встать не может. Прибежал

Егор-Светогор, оторвал со всем с пёрстом. Отдал Ильи, сели на коней и поехали по полям по широким.

Едут в поли, строят старци в поли гробницу. Егор-Святогор спрашивает: „Эй, старци, про кого вы эту гробницу строите?“ Старцы сказали: „А хоть ты лежишь“. А Светогор говорит: „Што же мне эта гробница стоит, лягу и всю разопру ее“. Соскочил Егор с коня и лёг в гробницу. Как лёг, так и пошевелиться не может. — „Эй брат Илья! бей по концу палицей, пусть розлезется“. Илья взял, ударил по концу палицей, налетел обруч железный.

— „По другому бей!“ По другому ударил. Другой обруч налетел. А у его силы никакой в гробнице, подрезаны все силы его. — „Сделай брат Илья дыру, если тебе нать силу, пойдёт у меня сила, буду умирать. А пойдёт сила, первой пар густой — не тронь, второй пойдёт — не тронь, а третий пойдёт — и то тронь с калачиком“.

Первый пар пропустил, второй пропустил. Третьего пару хватил. Сила в ём расходилась. Рвал лес, ломал лес, чтобы уничтожить силу. Когда некогда уничтожил, пошел похоронил Егора, сел на коня и поехал.

Ехал полями широкими, выехал на дороги долгиа. Едет по дорожке в Киев. Идёт навстрету старик седатый. Илья и говорит: „Здрастуй, дедушка!“ Тот и отвечает: „Здрастуй, Илья Иванович!“ — „Как же ты меня знаешь?“ — „Да как мне не знать, я киевской“. — „Што теперь хорошего в Киеве деется?“ спрашивает Илья. — „После твоего отъезду заселился бохатырь, живёт у князя во дворе, к выти съедает семь пудов хлеба да быка. Никто и подступиться не может“. — „Спасибо, дедушка, на вестях“.

Ну вот, распростились и поехали. Тот пошел по дорожке, а этот поехал в Киев. Стал расспрашивать: „Какой бохатырь засел в Киев?“ Вот всё рассказали. Вот на другой день надел Илья шляпу в сорок пудов, взял клюку в сорок пудов, оделся каликой и пошел ко князю. Заходит в палаты белокаменны во время обеда. Сидит бохатырь, княгиню на коленях дёржыт.

Бык поджарен, лежит на столе на блюде, нож вцеплён в него. Вот разговор завели. Он и спрашивает: „Вот у вас есь казак Илья Муромец. Сколько он к выти хлеба кушает?“ А князь отвечает: „А он у нас мало ест“. А он говорит: „Вот я к выти семь пудов хлеба съедаю и быка“. А стоит Илья под порогом: „Вот у нас была корова обжорливая, много ела и пропала, вот и ты пропадёшь“.

Вот это слово ему не понравилось. Взял княгиню с коленей спехнул, взял нож и махнул в Илью. Нож в простенок стал, на то Илья был увёртлив. Илья схватил с головы шляпу и катнул его шляпой своей. Вылетел этот бохатырь с простенком со всем на улицу. Вот тут его и рушил.

Князь бохатыря прославил: „Слава тебе, избавитель, опять избавил нас от смерти опять“. Сделал бал великолепный князь Ильи, что избавил от смерти опять.

Вот же всё.

6

[ЧУРИЛА И НЕВЕРНАЯ ЖЕНА]

- Нападала-то порошиця снегу белого,
А не во пору порошиця не во времё,
Среди-то ведь лета-то Петрова дни.
А по той ле порошичье снегу белого,
5 А не серый-то заюшко-то проскакивал,
Рысучий белый горностаи не прорыскивал,
Тут пришол-прошол удалой доброй мѡлодец,
Шол-то Чурилушко Пленкович,
Шол-то Чурилушко ко чужой жены,
10 А ко той ле жоны Васильюшка Перемякича,
А ко той ле Настасьюшке Викуличне.
А у Чурилушки сапожки носки были востры,
А не знают куда да мѡлодец прошёл.
Приходил-то Чурило ко Настасьюшке Микулишне,
15 Он кричал да стучал в златѡ кольцо,
Услыхала тут Настасьюшка Микуличня,
Отворяла бы ворота да всё крылечными.
А брала бы Чурилушку за праву руку,
А вела бы ёго прямо в спальню,
20 А садила бы его на ременчат стул,
Скидовала бы у Чурилуша кунью шубу,
Кабы вешала шубоцьку на спиценьку,
А сдевалася шапоцьку пуховую,
А сымала с рук перцаточки всё лайчатые,
25 И клала бы перцатоцьки во шапоцьку,
Кабы ставила шапоцьку на окошечко,

- А сдевала с ног сапожецьки сафьяные,
Ведь и ставила сапожецьки под кроваточьку,
А садила бы Чурилушку за дубовый стол,
30 А кормила его всё досыта,
А поила его всё допьяна,
А валила бы Чурилушку на кроваточьку,
На кроваточьку да на тесовую,
На перинушку да на пуховую,
33 А сама бы валилась да со Чурилушком.
На ту пору было на то времячко
А заходит тут девушка служаночька,
Говорит-то служанка да таковó словó:
„Уж ты что же ты лежишь, Чурило, сочужой жоной?
40 Я пойду-то скажу Василью Пермязичу“.
— „Ты не сказывай-ко, девушка служаночка,
Я куплю тебе ленточку во сотенку“.
— „А не надо мне, Чурило, твоя ленточка,
Я пойду-то скажу Васильюшку Пермязичу“.
43 — „Ты не сказывай, девушка чернавушка,
Я куплю тебе полушубок на золоте,
Который бы стоил петьсот рублей“.
— „А не надо мне полушубок на золоте,
Я пойду-то скажу Васильюшку Пермязичу“.
50 — „Ты не сказывай, девушка чернавушка,
Я куплю тебе сарафанчик да весь на золоти,
А который бы стоил во тысячю“.
А пошла тут служаночка из спаленки,
Выходила ёна да на краснó крыльцо,
53 А брала бы трубочьку подзорную,
А гледела да смотрела во все стороны.
А от того-то моря да от синего
А не туця ли, братцы, затуцилась,
Не туман ле по полю роскатаецця,
60 Тут Василий Пермязич от моря подымаетця.
(Он ездил на охоту белых лебедушек стрелять.)
Приезжал бы Василий да ко краснó крыльцу,
А везал бы коня ко за златó кольцо,
Говорил-то Василий да таковó словó:
„Што же, девушка моя служаночка,
63 Где же моя Настасьюшка, меня не встретила?

- То ли ушла она во торго́вищѣ,
А то ли ушла к обѣдне ко воскресенское?“
— „Некудѣ твоя Настасьюшка не ушла же ведь“.
У Василя Пермягичя конь да догадаетця,
70 От златѣ кольцѣ да отрываетця,
Заскочил бы конь да во зелѣный сад,
Он и свил-стоптал травушку всю шелковую.
Тут берѣт Василий саблю вострую,
А берѣт тут копьѣ да долгомерное,
75 А тут крепит-то ворота крѣпко нѣкрепко.
Заходил-то Василий всё да во спаленку,
А по спаленке Василий да всё похаживѣт,
А вострым то копьем да всё подтыкивѣт,
Вострой сабелькой да подпираетця.
80 Говорит-то Василий да таково слово:
„Это чья же, Настасьюшка, висит да кунья шубѣ?“
— „А я ходила-то вчера по торго́вищу,
А что на людѣх вижѣ — на тебе люблю,
На тебе люблю — то тебе куплю“.
85 — „Это чья же, Настасьюшка, шляпонька пуховая?“
— „Я ходила вчера во торго́вищѣ,
Да в людѣх вижѣ — на тебе люблю,
На тебе люблю — то тебе куплю“.
— „Это чьи же сапожочки да под кроватоцкой?“
90 — „Я ходила вчера во торго́вищѣ,
Што на людѣх вижѣ — на тебе люблю,
На тебе люблю — то тебе куплю“.
— „Ты вставай-ко вставай, Чурилушко, от чужой жоны,
Довела-то тебя чужа жона до гибели“.
95 А вставал-то Чурилушко со кроваточки,
А в одной-то рубашке без пояса,
Падал тут Васильюшку во резвы ногѣ.
Говорит-то Василий да таково слово:
„Кабы первую вѣну то боѣ простѣт“.
100 А как взвилась-то у Василя востра сабелька,
Покатилась бы у Чурилушка бѣйна голова.
Тут бы села Настасьюшка на кроваточку,
Говорит-то Настасьюшка таково слово:
„А где белый лебедь лежит — тут же белая
лебѣдушка“.

[ДОБРЫНЯ И МАРИНКА]

Был жил Добрыня Микитиц у князя стольне-киевского Владимира. Задумал улицу вычищать у Маринки злой безбожницы. — „Поеду“, говорит, „солнышко Владимир-князь, очищу у Маринки улицу“. Князь Владимир его не спускал: „Много было молодцёй, какой поедет по ейной улице, ворожья ему нет“. Он говорит: „Повёртыват турамы гнедыми“.

Вот всё-таки поехал Добрыня Микитиц по ейной улице. Едет мимо ейный дворец. Сидит на окошечке голубок у ей. — „Уже я пошучу шуточку над Маринкой“. Вынул калену стрелу, заредил тугой лук и стрéлил этого голубка на окне. Она в это время искала у милого друга в головы. Голубка застрелил, пролетела эта стрелка и убила ее друга на коленях. Вышла Маринка зла безбожница, собрала слéду его. Затопила печку и бросила эти следы в печку. — „Как эта печка топитця, так бы у Добрыни сердце по мне кипело!“ Читала книгу волшебную.

Приезжает Добрыня к крыльцу, к ейному дворцу. Повёрнула Добрыню гнедым туром и спустила в чистое полё. Там было у ей тридцать девять туров повёрнуто, а этот — сороковой. Потерялся Добрыня шесть месяцев в городе. А была тётка у Добрыни в городе в Киеве. У тётки были две девушки и ходили за ягодами. Как раз приворотили к этому полю, и один тур прибежал и ластитя, и слёзы из глаз текут. Вот приходят домой и говорят своей маменьке: „Мы шли, мама, мимо поля, прежде было тридцать девять туров, а нынче сорок бегат. И один тур прибежал, ластитя, и слёзы из глаз падают“.

Говорит эта ихня матушка: „Ах верно эта зла Маринка Добрыню обернула туром. Пойду к Маринке злой безбожнице, возьму клюку сорокапудовую“.

Пришла к Маринке, села на печнэй столб и постукиват этой клюкой. — „Эх, Маринка, злая безбожница! Зачем же ты обернула Добрыню гнедым туром? То я тебя саму оберну кобылой водовозной. Будут на весь город воду возить на тебе“. Того Маринка не убоялась. — „Оберну я сама тебя сукой волотяжной!“ Того Маринка убоялась. Вышла в поле, призвала всех туров, впервые

Добрыню Микитичя. Отвернула — стал молодец как попрежнему. Добрыня говорит: „Отверни всех этих туров, я тебя замуж возьму“.. Всех отвернула, молодец молодца чище всех вышли. — „Ну, говорит, ты с милым другом чловалась, я губы отрежу у тебя“.. Обрезал губы. — „Ну, ты, говорит, с милым другом обнималась, я руки у тебя обрежу. С милым другом ногами оплеталась, я ноги у тебя отрежу, тогда замуж возьму“.

Тогда взял отсек ей голову. Тогда поехал ко князю Владимиру. Очистил улицу вовсе.

СТЕПАН ВАСИЛЬЕВИЧ ГОЛЬЧИКОВ

Степан Васильевич Гольчиков — крестьянин д. Лебской Лешуконского района. В 1928 г. ему было 44 г. Он знал, хотя нетвердо, содержание нескольких былинных сюжетов, в версиях Якова Гольчикова (Дунай) и брата своего Филиппа Гольчикова (Василий Буслаев, см. Приложение). Произвел впечатление очень скромного и несколько застенчивого человека.

От известного сказочника д. Лебской Ивана Попова (см. заметку о Филиппе Гольчикове) он перенял несколько сказок про Бову, Ивана-царевича, про Петра I и солдата (Андреев, 952) и некоторые другие.

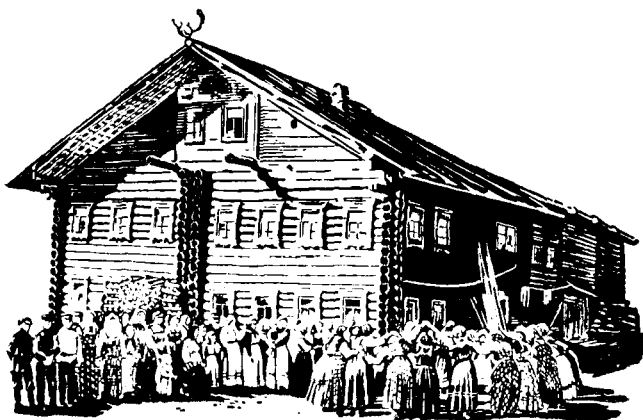

[БРАТЬЯ-РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА]

- У крестьянина было девять сынов да ясных соколов
Была одна дочь да одинакая,
Одинакая, сама десятая.
Отдал ныне батюшка за тридеветь морей,
5 За тридеветь земель в тридесятое царство.
Вот они жили и не тужили.
Год жили, два жили,
На третьем-то году стала я тосковать,
Тосковать стала да мужа звать стала:
10 „Ты поедем-ко муж во чесный гости,
Во чесный гости, ты ко батюшку, я ко матушке, ко бра-
Вот мы год шли, два шли [телкам“.
(Всё в дороге путешествует).
Вот тут бежали, бежали с горы школьнички
Да злы разбойнички
(Вот они догнали, значит, их).
15 Как убили, убили моего мужа,
Меня-то молодую во полон взяли,
Во полон взяли да на корабль свели.

Вот она, значит, и стала голосить. Вот один и хитрый был. Как стала она голосить, приплакивать: „Как убили вы, убили своего зятя. И меня, говорит, сестру во полон взяли, во полон взяли, на корабль свели“. Вот они тут и хватились, что неладно сделали, убили своего зятя.

МАРИНА ИВАНОВНА СОВКОВА

Крестьянка 62 л., деревни Пустынка (близ Вожгор) Лешуконского района. Кроме былины „Братья разбойники и сестра“, знала еще старообрядческий стих про Николая-чудотворца и ряд сказок. (Записаны И. В. Карнаухова. Ручоп. хранил. Фолькл. ком., колл. V, папка 3, №№ 33—36.)

СТАРИНА

- Как было у бедного, у нужного
Ровно девять-то сынов как ясных соколов,
Как десятая-то дочь была одинакая.
Ею отдали сударь-батюшка
- 5 За три моря во замужество,
За три моря за три синего,
За четвёрто-то море за Хвалыньскоё.
Она год-от жила да не стоскнулася,
На другой жила да не сгоревалася,
- 10 На третий год тосковать сталá,
Тосковать-то сталá да стала мужа звать:
„Ты пойдём во чесны́ гости,
Еще ли ты, муж, ведь ко тестюшку,
Еще я ли ведь ко батюшку,
- 15 Еще ли ты ко тёщи той,
Еще ли я ведь ко родной маменьки,
Еще ли ты ведь, муж, к шурьям-братьям,
Еще я ли ведь к родным брателкам“.
Уж мы год-то ведь шли, другой ведь шли,
- 20 На третье год подходить сталí,
Подходить только сталí — приставать сталí,
Приставать-то мы сталí, отдыхáть легли́.
Как бегут-то бежáт с горы деветь школьницков,
Деветь школьницков, злых розбойницков.
- 25 Они убили-то убили моего́ мужá,
Молодú меня жону во полон взели́,
Во полон они взели, на корапъ свели,
На корапъ свели да призасы́пали.

- Уж как меньший призадумался,
30 Призадумался да приросплакался.
Приросплакался он прирасспрашивал:
„Уж ты чьего ведь роду, чьего племени,
Ты поповьского роду, купецького?“
— „Я не поповьского, не купецького,
35 Не купецького, а крестьянского,
Я живала-то бывала у крестьянина,
У крестьянина было у нужного“.
— „Вы встывайте-тко, встывайте, родныя брателка!
Вы убили своего зетя,
40 Мы родну-ту сестру во полонъ взели,
Во полонъ-от мы взели да на корапъ свели“.

(Более ничего не знаю.)

БАБУШКА НАСТЯ

Слепая старушка из д. Вожгоры Лешуконского района. Былину о братьях-разбойниках и сестре усвоила от старух. Сама постоянно пела ее девочкам-подросткам: своей внучке Маремьяне, 14 лет, и др. От одной из них, Анюты Ляпуновой, 11 лет, записан вариант, в котором уже есть некоторые изменения. (См. примечание к былине № 10.)

БЫВАЛО-ТО ЖИВАЛО У КРЕСТЬЯНИНА

- Бывало-то живало у крестьянина
 Было ровно девять-то сынов ясных соколов,
 Десятая-то дочь одинакая.
 Её-то выдал батюшка во замужество,
 5 За три моря за три синего,
 За четвёрто-то море за Хвалынское.
 Она год-то жила, да два-то жила,
 На третий год тосковать сталá,
 Стала мужа в гости звать:
 10 „Пойдём, муж, во чесны́ гости;
 Ты ко тещу, ко батюшке,
 Ты ко теще да ко матушке,
 Ты к шурьям да ко брáтелкам“.
 Они год-то шли, они два-то шли,
 15 На третий год пристава́ть стали́,
 Пристава́ть стали́ да отдыхать легли́.
 Бегут-то бегут с горы школьницы,
 С горы школьницы да злы разбойники.
 Убили-то убили моего мужа́ да своего зятя́.
 20 Один да школьни́чек стал спрашивать да стал
 выпрашивать:
 „Ты цъего роду, цъего плéмени?“
 — „Да не боярского роду — крестьянского“.

МАКСИМ ГРИГОРЬЕВИЧ АНТОНОВ

Максим Григорьевич Антонов в год нашей встречи (1928) — крестьянин 59 лет, из д. Усть-Низема Лешуконского района, обремененный большой семьей, в которой большинство детей были еще малолетками. Из года в год каждое лето с весны жил Максим Григорьевич в пастухах — стерег овец, зимой надолго уходил в лес на охотничий промысел.

Максим Григорьевич — хорошо грамотный и бывалый человек. Как многие мезецкы, жившие у реки, знавшие море и рыболовный промысел, он отбывал военную службу во флоте. За все время службы ему пришлось 36 месяцев пробыть в плавании. В 1892 г. он совершил кругосветное путешествие, длившееся 9½ месяцев. Побывал в Англии, Испании, Южной Америке, в США, в последних — во время всемирной выставки. Еще до плавания кончил специальные курсы морского дела и по возвращении в Кронштадт назначен был инструктором для новобранцев. Но на сверхсрочной службе не остался, несмотря на все уговоры. — „Охотник я, с малых лет любил лес. В лесу живу, сам себе барин. Месяца по два в лесу живу. Только за этим и вернулся“. Так пояснял Максим Григорьевич свое возвращение из культурного центра в лесную глушь далекого Мезенского края.

Глубоким чувством дышало каждое слово Максима Григорьевича о природе. — „Как снега-то весной сойдут, лес как с тобой заговорит!“ Несомненно, не только одна нужда, но и глубокая любовь к природе привела его к положению „баличьего“ (овечьего) пастуха. Все лето Максим Григорьевич проводил в крошечной избушке-землянке на самом берегу р. Мезени в нескольких километрах выше родной деревни. На обширном зеленом лугу, вдали окаймленном кустарником, переходящим в лес, паслась его „скотинка“, как он ласково называл своих „балек“. В землянке, чистой и уютной, посыпанной желтым песком и выложенной свежей хвоей, и были в течение двух дней произведены записи публикуемых былин.

Сам Максим Григорьевич маленького роста, но складно сложенный, голубоглазый, с светлыми волосами и бородой, тогда еще нигде не тронутой сединой.

приветливый и словоохотливый. От всего его облика, от его простоты и сердечности осталось впечатление исключительного обаяния. Он горячо был привязан к своей семье и с гордостью и нежностью говорил мне особенно о своем младшем двухлетнем Володе, которого он в честь Ленина называл любовно „Владимиром Ильичом“. Перечислив мне своих детей, он прибавил, вспомнив былинное изображение похвалы на пиру: „Вот хвастаю ребятишками“.

Максим Григорьевич оказался большим мастером в области былины, одним из самых выдающихся современных сказителей. К сожалению, по причине своей связанности общим планом большой комплексной искусствоведческой экспедиции я не смогла исчерпать весь его репертуар. Кроме записанных 8 былин, он, по его словам, знал еще, но „не стариной, а рассказом“, про Алешу Поповича и Тугарина Змеевича, про Добрыню и Змея Горыныча и про Святогора. Возможно, что если бы мне удалось пробыть с Максимом Григорьевичем дольше, он бы еще вспомнил какие-нибудь былины.

Кроме былин он знал еще духовные стихи и сказки. Из стихов от него записаны „Об Егории храбром“ и „О Лазаре“, но он знал еще про Алексея-человека божьего, стих о „Голубиной книге“ и про Николая чудотворца. Из сказок им самим названы были следующие: 1) о Петре и солдате, 2) о Бове („плохо“), 3) о морском чуде, 4) Иван купецкий сын и Марфа прекрасная, 5) Кошечей бессмертный, 6) об Иване-царевиче, Жар-птице и Елене прекрасной, 7) Незнаюшко, 8) Мраморное царство, 9) Еруслан Лазаревич, 10) Франц Венециан.

Былинам Максим Григорьевич научился еще маленьким от своей матери — Зиновии Егоровны из д. Засулья, она же от отца своего Егора Никифоровича. Семейная традиция со стороны матери Антонова прослеживается и глубже: прадед ее „старик Филатка“, который по преданию сам „не хуже богатырей этих был“, тоже являлся сказителем.

Кроме Максима Григорьевича, былины знал и его родной брат Никифор, умерший за несколько месяцев до приезда экспедиции. Максиму Григорьевичу приходилось исполнять былины и во время своей флотской службы, в плаваньи, в кают-компаниях, куда его не раз зазывали.

Тексты Максима Григорьевича, за исключением забытой им былины о Потыке, принадлежат к числу лучших мезенских вариантов и являются образцами превосходного классического былинного стиля с соблюдением всей эпической обрядности. Кроме того, они отличаются большим своеобразием. Характеристика этого замечательного современного сказителя дана в статье (стр. 81). Здесь укажем еще в дополнение, что былины передавались им с большим увлечением, сказывание часто прерывалось поясняющими примечаниями. Все былины М. Г. Антонов пел, варьируя свои напевы в темпе (основных у него два) в соответствии с ритмическим строем стиха. На один мотив он исполнял „Подсокольника“, „Василия Буслаевича“ „Дуная“ и „Потыка“, на другой — „Чурилу“, „Поход на Корсунь“, былинку „Добрыня и Маринка“.

Тексты Максим Григорьевич мог передать „словесно“, причем больших различий между сказанным и спетым текстом нет. Когда пел былины, слегка качал головой и делал небольшое движение в такт пению правой рукой, вооруженной его любимой трубочкой, с которой никогда не расставался. В своей деревне, как старинщик, Максим Григорьевич был хорошо известен.

Максим Григорьевич Антонов у пастушьего шадаша.

ПОДСОКОЛЬНИК

- На горáх ли горáх ли да нà юкатистых,
На крутых горах да на желтýх пескáх,
Да там стоял шатёр нов белополотняной,
Да как во том шатре новом белополотненом
5 Тут стояли могуцци боһатырй.
Да берегли-стерегли стольне Киев град,
Да стольне Киев град,
Да славной Киев град,
Да стольнѣ-киевской.
- 10 Да во первых-то был здесь старóй козák,
Да стар козак да Илья Муромец,
Да Илья Муромец да сын Иванович.
Во вторых-ти был Добрыня Никитич млад,
Да как во третьих был Олѣша Попович же,
15 Как ведь был Саксон да Колыбановых,
Как ведь было два брата да два Суздальця,
Как ведь был с имá мужик с ими Залешинен.
Как стояли они да под городом тридцетъ лет,
Не видали зверя прохожего,
20 Да ясна сокола пролетучего.
Как на утре-то было нонь ранѣшенько,
Да на светлóй зори да ранней утреннѣй,
На выкате солнышка красного,
Как вставал-то стар со постелюшки ,
25 Да юмывалса он да ключевóй водой,
Утиралса полотѣнышком он беленьким,
Да помолился спасу он превышному,
Да божьей матушки да боһородицы,

- Выходил-то на улицу широкую,
30 Да он смотрел и здрел во все стороны.
Да посмотрел под сторону под летнюю, —
Там стоят озёра всё глубокия,
Да пролегли-то лужка да всё зелёныя;
Посмотрел под сторону да под западну, —
35 Да там белеют церкви да всё соборныя,
Да ищё слышно звоны колокольныя;
Посмотрел под сторону под северну, —
Да там не туценоука, братцы, затучила,
Да как не облако ле нокатилоси,
40 Да как не в копоті в тумане зверь бежит,
Да не знать зверь бежит да знать еокол летит.
Да впереди-то бежит да серой волк,
Да позади бежит да вохрабейщина.
Да как Сокольник едет потешаитця,
45 Да под конём змея да извиваетце,
Да у коня хвост трубами завиваетце,
Да из ушей у коня да дым столбом валит,
Да как из глаз у коня искры сыплутси,
Из ноздрей у коня да пламё мецетця.
50 Да на правом плечу да сидит млад ясён сокол,
А на левом плечу да млада кречета
(*Нечиста така птица*).
Да голова у него да как пивной котёл,
Да как глаза у него да как пивны чаші,
Да промеж ушами каленá стрелá,
55 Да промеж глазами пядь бумажныя,
Плечи была у его косая сажень,
Косая сажень да ведь печатная.
Впереди сам стрелочку выстреливāt,
А на подъезде стрелочку подхватывāt,
60 До земли стрелу не выранивал,
Да к им на заставу не провёртывал,
Проездивой дорожецьки не спрашивал,
А и сам из слов порātu выхваляетця:
„Ко́гда буду во го́роде во Кіеве,
65 Да самого князя я голову срублю,
А кнегину Апраксею за себя возьму́,
Да малых детоцек да тех конём стопчу,

Да уж ведь божьи церкви те под дым спущу,
Да чудны образы все копьём повыколю“
(Розорить хочет!).

- 70 Забегал тут стар да во белóй шатёр.
Да не успел он слова нонь провымолвить,
Да пролетела полени́ца злауда́лая.
Да говорит тут стар да таково́ слово:
„Да не докуль вам спать да порá става́ты!
- 75 Я уж был на улице широкой,
Я смотрел и зрел во все четыре стороны,
Посмотрел под сторону под летнюю, —
Там стоят озёра всё глубокия,
Да пролегли лужка да всё зелёныя;
- 80 Посмотрел под сторону под запа́дну, —
Да там белеют церкви всё соборныя,
Да еще слышны звоны колокольныя;
Посмотрел под сторону под северну, —
Там не туценька, братцы, зату́чилась,
- 85 Да как не облако да нако́тилось,
В копо́ти в тумане́ не знать зверь бежит,
Да не знать зверь бежит, не знать сокол летит,
Да впереди-то бежит да ище́ серый волк,
Позади бежит да вохра́бейщина.
- 90 Да как Соко́льник едет потеша́нтце,
Да под конём змея да извива́етце,
У коня хвост трубами завива́етця,
Как из ушей у коня да дым столбо́м валит,
Как из глаз у коня да искры сыплу́тца,
- 95 Да из ноздрей у коня да пламе́ мё́щитсе.
Да на право́м плечу да сидит млад ясе́н сокол,
А на лево́м плечу да пти́ца крече́та.
Да голова у него да как пивно́й котёл,
Да как глаза у него да как пивны́ чашы́,
- 100 Да проме́жу уша́ми калена́ стрела,
Да проме́жу гла́зми пядь бума́жныя,
Плечи́ были у его́ косая са́жень,
Косая са́жень да ведь пеща́тная.
Впереди́ сам стрелочку́ выстрелива́т,
- 105 А на подьезде́ стрелочку́ подхвата́ва́т,
До земли́ стрелу́ не вырани́вал,

- Да к нам на за́ставу не провѣртывал,
 Проездивой дорожецьки не спрашивал,
 Уж и сам порáту выхваляетця:
 110 «Да когда буду во городе во Киеве,
 Сáмого князя́ головú срублю́,
 Да как кнегину Апраксею за себя возьму́,
 Да малых детоцек тех конём стопцю́,
 Уж ведь божьи церкви все под дым спущу,
 115 Да чудны́ образы копьём повыколю́».
 Да кого послать да позади за ей?
 Да послать-то Олѣшу ведь Поповиця́,
 Да тот вить порáту загрезовый был,
 Забредёт Олѣша не в свою ровню́,,
 120 Да потеря́т Олѣша буйну́ голову.
 Как послать Саксона Кылыбановых,
 Да уж тот ведь родов-то всё соньливых,
 Он ведь лёгет спать да нонь забудёт встать.
 Как послать Добрынюшку Никитиця́:
 125 Да как умёт Добрыня в поле съехаться,
 Да как умёт Добрыня прирозѣхаться,
 Да как умет Добрыня паленицы цесь воздать“.
 Говорит Добрыня таково́ слово́:
 „Да уж едет ведь палениця уж ведь не мне цета́,
 130 Да как не мне цета́ и не мне верста́,
 Мне уж с им не супротивиться“.
 Как Добрыня стал да срежатися,
 Стал срежатися да сподоблетися,
 Надева́т-то латы он булатныи,
 135 На шею кольцугу позолочену.
 Да он берёт-то палицю́ железную,
 Да он берёт-то сабельку вострую,
 Да он берёт копьё́ то бурзамецкое,
 Да он берёт ножи́щю да чинжалищю.
 140 Как обседыва́т ему да добра́ коня́,
 Да кладут войлоцки кладут на вбйлоцки,
 Да кладут плотницки кладут на плотницки,
 Да двенадцеть пряж через хребѣтницу́,
 Как тринадцета́ церез могу́цу степ,
 145 Да это не ради басы́, а ради крепости:
 Не оставил бы конь да на чистомъ полѣ́.

- Помолился спасу он превышному,
 Да божьей матушки да боһородицы,
 Да они дружка с дружкой распростилиси.¹
 150 Только видели да на коня скочил,
 На коня скочил да в стремена вступил,
 Да как не видели побезки лошадиныя,
 А не видели поездки боһатырския
     (Как птица улетел!).
 Да он и бьёт коня да по тучным бедрам,
 155 Сам коню да приговариваёт:
     „Да уж ты конь да конь да лошадь добрая,
     Да ты волчья сыть да травяной мешок!
     Да догоняй того поганого Сокольника
     До того до города до Киева,
 160 Скажи с шёлумя скажи на шёлумя,
     Ты с крутых-то гор да на желты пески,
     Да ты с желтых песков да на круты горы,
     Быстры реценьки да не застаивай,
     Да уж ты мелкий лес да между ног пусти“.
 165 А Сокольник в поле уж шатаётся,
     Не знать кого он дожидается.
     Как скрычал Добрыня громким голосом,
     Зычным голосом да во всю голову,
     Да он ведь он раз вскрычал да он в другой вскрычал,
 170 А на третий раз Сокольник коня сдержал.
     Да засвистел Сокольник по соловьиному,
     Да запрыскал Сокольник по змеиному,
     Да у Добрыни конь стал подпинатися,
     А Добрыня на коне чуть жив сидит.
 175 Отворачивал он добра коня,
     Да ведь он бьёт коня нынче безвременно:
     „Да уж ты конь-то конь да лошадь добрая,
     Унеси от поганого Сокольника!“

---

¹ После 149 стиха в первоначальной словесной передаче следовало:

Говорит тут стар да таково слово:
 „Ты гой еси, Добрыня Никитич млад,
 Если бои тебе да будет напomoщ,
 Привези Сокольника да буйну голову
 На востром копье,
 Мы хоть здесь над ней погалимси“.

- Да приезжат Добрыня ко белу шатру,
180 Да как встречают тут русскии бохатыри,
Да говорит тут стар да таковó словó:
„Да ты гой еси, Добрыня Никитич млад,
Почему не привёз буйну голову на вострóm копье?“
Говорит Добрыня таковы́ слова: ¹
185 „Уж едет паленица не мне чета,
Не мне чета и не мне верста,
Как уж мне ведь с ним не супротивитьця“.
Как могуци плещя расходилиси,
Да ретиво серце да разгорелоси,
190 Из глаз-то слёзы прокатилиси:
„Верно некем мне старому заменитиси!“
А скорешенько да стал срежатиси,
Да стал срежатиси да сподоблятиси,
Да надеват-то латы он булатныя,
195 Да как на шею кольцугу позолочену,
Он берёт-то палицу железную,
Да он берёт-то сабельку нонь вострую,
Да он берёт копье да бурзаметское,
Да он берёт ножичо нонь чинжалищо.
200 Ему обседыва́т ноньче добра́ коня,
Да кладут войлоцки кладут на войлоцки,
Двенадцеть пряж через хребётницу,
Тринадцета через могучу степ,
Это не ради красы да ради крепости,
205 Да не оставил конь на чистóm полі.
Помолилса спасу он превышному,
Да божьей матушки да бохородицы.
Да оне ведь дружка с дружкой распростилиси,
Да только видели — да на коня скоцил,
210 Да на коня скоцил да в стремена ступил,
Как не видели да побежки лошадиной,
Как не видели поездки бохатырской.
Как он ведь бьёт коня ноньче безвременно:
„Да уж ты конь-то конь да лошадь добрая!
215 Догоняй поганого Сокольника
До того до города до Киёва.

¹ Первоначальный вариант этого стиха при словесной передаче:
„Добрынюша слёзно плачется“.

- Да скажи с шёлума скажи на шёлума,
 Ты с крутых-то гор да на желты пески,
 Да ты с желтых песков да на круты горы,
 220 Да быстры реценьки да не заставляй,
 Как широкие доли хвостом застилаи,
 Как мелкой лес промѣж ног пусти“. ¹
 Как Сокольник в поли уж шатаетце,
 Да как не знать кого он дожидаетцы.
 225 Закрычал тут стар да громким голосом,
 Да громким голосом да во всю голову.
 Да он ведь раз вскричал, да он другой вскричал,
 Как на третий раз Сокольник коня сдержал.
 Засвистел Сокольник по соловьиному,
 230 Да запрыскал Сокольник по змеиному.
 Как от того свиста соловьиного,
 От того прысканья змеиного
 У старого конь пал набокорочь.
 Говорит тут стар да таково слово:
 235 „Уж ты конь да конь да лошадь добрая!
 Не слышал ты свисту соловьиного,
 Не слышал или прысканья змеиного,
 Али слышишь ты надо мной каку невзгодушку?“
 От того от крыку богатырского,
 240 Лес весь в поле зашатался, вершины с вершиной
 сплетались,
 Звери в норы попрятались. ²
 Говорит Сокольник таково слово:
 „Мы таперь со старым съехали,
 По добру нам будет не разъехаться“.
 245 Вот стал отпущать он от себя зверей:
 „Уж ты гой еси, серой как волк!
 Поди-тко ты ко синю морю,
 Ищи там хозяина поласковой,
 Да как поласковой да и поприятливей.
 250 Ты пойдь ко, змея, ко синю морю,
 Да там ищи хозяина поласковой,
 Да как поласковой да поприятливей.

¹ Первоначальный вариант этого стиха при словесной передаче:

„Уж мелки то озѣра промѣж ног пушай“.

² Стихи 240—241 были не спеты, а сказаны.

- Да ты полети, сокол, ко синю морю,
 Да там ищи хозяина поласковой,
 255 Да как поласковой да и поприятливей:
 Как топерь мы с старым съехались,
 По добру нам с старым не розъехаться".
 Да ведь тут он с им съехались.
 Они бились палками железнима,
 260 Да как по рукояткам палки поломались,
 Да друг дружку не ранили,
 Не ранили и не кровавили.
 Тот бой бросали о землю,
 Они секли саблями вострыма,
 265 Да как сабли все поломались,
 Да поломались и пощорбались,
 Да они дружка дружку не ранили,
 Как не ранили да не кровавили.
 Да они тот бой бросали ведь о землю,
 270 Они тыкались копьями немецкимъ,
 По насадкам копьѣ у них поломались,
 Поломались и вывертались,
 Дружка дружку не ранили,
 Как не ранили да не кровавили.
 275 Да уж ведь тот бой бросали о землю,
 Они слезли нонь да со добрых коней,
 Они стали биться нарукопашницю.
 У того Сокольника поганого
 Да была подщяпоцка дворянская,
 280 Да он ведь сшиб-то старого со резвых-то ног,
 Как ведь падал стар на сыру землю,
 Да как заскакивал Сокольник на белы груди,
 За волосья рвет да и во глаза плюёт:
 „Да не докуль тебе старому по цисту полю да воло-
 щитиси".
 285 Он росстѣгиват латы булатныи,
 Да вынимат ножищо нонь чинжалищо,
 Да ведь он хочет пороть у старого груди белыя,
 Да как смотреть он-то его ретиво сердце.
 Да взмолилса стар да матушки,
 290 Божьей матери да боѳородицы:
 „Уж ты, матушка пресвета ты мать боѳородиця!

- Да как стоял я за церкви божия,
 Да за ту за веру православную,
 А ты сдала меня поганому Издолищу на изгиленье,
 295 Да как серым волкам на растарзанье,
 Чёрным воронам да нонь на кўрканье“.
 Да нонь вдруг стар в себе да почувствовал
 Вдвоём, втроём силы прибыло.¹
 Он вывёртывалса из-под Сокольника,
 300 Да он хватал-то он его за черны кудри,
 Да он бросал его-то он о сырў землю,
 Да как все ведь мелкии суставы повьїдробил.
 Да заскакивал ему на черны груди,
 Он росстёгивал латы булатныи,
 305 Вынимал ножищо он чинжалищо,
 Как ведь хочет пороть ему груди чёрныя,
 Да ведь посмотреть-то его ретиво сердце.
 Замахнулса стар да во первой након —
 В плещю рука да устояласи.
 310 Он стал его допрашивать:
 „Ты какого роду, коего племени,
 Ты какого отца, коей матери?“
 А говорит Сокольник таково слово:
 „Когда я был таперича на твоих грудях,
 315 Я не спрашивал ни роду ни племени,
 Не отецесьва, не молодецесьва,
 Да я порол бы у тебя груди белыя,
 Смотрел бы у тебя ретиво сердце“.
 Замахнул тут старый во второй након —
 320 Во локтю рука да устояласи.
 Тут-то опять стар стал допрашивать:
 „Ты какого рода, коего племени,
 Ты какого отца, коей матери?“
 Говорит Сокольник таково слово:
 325 „Когда я был таперича на твоих грудях,
 Я не спрашивал ни роду ни племени,
 Не отецесьва, не молодецесьва,
 Да я порол бы у тебя груди белыя,
 Да я бы смотрел у тебя ретиво сердце“.

¹ Стихи 297—298 сказаны словами.

- 330 Замахнулса старый во третей након —
В кисти рука да устояласи
(Нож совсем выпал).
Тут опять стал допрашивать:
„Ты какого рода, коего племени,
Ты какого отца, коей матери?“
- 335 Говорит Сокольник таковы слова:
„Как ты стал ведь меня допрашивать,
Да как допрашивать да стал выведывать.
Я от того от моря от синего,
Да от той от девки от Ватыгорки.
- 340 Поездя да когда да во чисто поле,
Говорила мне родна матушка:
Не наедешь ли на русского на казака
На Илью Муромца,
Он как будет тебе отец“.¹
- 345 Он и поднял его с сырой земли и поцеловал:
„Ты будешь мне не поклённый сын“.
Посадил его на добра коня,
А он уж не может и конём владать.
Вот они тут и разъехались.
- 350 Сокольник поехал ко синю морю,
А старый казак ко белу шатру.
Приезжал старый во белой шатёр,
А русские богатыри уехали,
Вот он ложилса отдыхать.²
- 355 Приезжает Сокольник ко синю морю,
Да встречает его родна матушка:
„Да уж ты не наехал ли на старого на казака?“
Говорит Сокольник таково слово:³
„Да он тебя зовёт своей наложницей,
360 Да меня зовёт своим выб. . . . .“.
Тут он и сколол матушку копьём.⁴
Поворачивал он добра коня,
Да приезжает он ко белу шатру,
Ко белу шатру да богатырскому,

¹ Стихи 341—344 сказаны словами.

² Стихи 349—354 сказаны словами.

³ Стихи 357—358 сказаны словами.

⁴ Сказано.

- 365 А тут стар с побоища спал.¹
Забежал тут Сокольник во белой шатёр,
Как ведь ткнул Сокольник во белую грудь
(Копьём ему).
Да был у старого на груди чудён ведь крест,
Да как не мал, не велик — полторá пудá.
370 Пробужал тут стар от крепко́го сну,
Выбежал он на улицу широку́ю,
Как садитса Сокольник на добра́ коня́.
Тут стар его по руки и ноги и рóзоровал,
Тут Сокольнику смерть случилася.²

12

ПРО ТАТАРСКОЕ НАШЕСТВИЕ

- Подымалось чудищо не ма́лоё,
Да как и не малоё да не великоё.
Да голова у него да как пивно́й котёл,
Да как глаза у него да как пивны́ цяши́,
5 Да промежу ушами каленá стрела,
Да промежу глазами пядь бумажны́я,
Да уж и плечи у него да как коса сажень,
Да как и коса сажень нонче печатная.*
Набирал набор он ровна́ трí года:
10 У которого было́ ведь семь сынов,
Он ведь шесть сынов ноньче себе берёт,
А шестого дома он оста́вливал,
Да отцу-матушкí да на пропíтанье.
У которого ведь было́ шесть сынов,
15 Он ведь пять сынов ноньче себе берёт,
А шестого дома он оста́вливал,
Да отцу-матушки да на воспíтание.
У которого было́ ведь пять сынóв,
Он четыре ноньче ведь себе берёт,
20 А пятого дома оста́вливал
(До одинакá всё так). .

¹ Этот стих сказан словами.

² Стихи 373—374 сказаны.

- Он ведь набрал силы много множество:
 Впереди его на сорок тысячечей,
 По правóй его руки да сорок тысячечей,
 По левóй руки да сорок тысячечей,
 25 Да позади его да ч́слу-смéты нет.
 Он пришол ко городу ко Киеву,
 Што под те под стены он ведь каменны,
 Он садилса нонь да на ременчат стул,
 Он писал ерлык да скорописчатой,
 30 Он ведь просит у них да стольне Киев град,
 Без бою, без драку, нонь без сеценья,
 Без того кроволития великого.
 Он послал посла да скоро нáскоро:
 Да ты поди, посóл, да скоро нáскоро
 35 Ц́рез стéнушку да городовую,
 Мимо башенки да наугольнея.
 У ворот не спрашивай воротников,
 У дверей не спрашивай придверников,
 Ты уж в гридню иди и лица не чьти
 (*Прежде у князей так комнаты те назывались — гридни*),
 40 Да лица не чьти бо́у не кланейся,
 Да ерлы́к на стол клади да сам вон иди.
 Говори ты речь да не с упáдкою,
 Не с упадкою да не с охваткою
 (*Это наказывал Идолицо-то*).
 Пошол, пошол да скоро нáскоро
 45 Через стéнушку да городовую
 Мимо башенки да наугольнея.
 У ворот не спрашивал воротников,
 У дверей не спрашивал придверников,
 В гридню идёт и бо́у не кланеетця,
 50 Да ерлык на стол кладёт да сам и вон идёт,
 Говорит речь да не с упáдкою,
 Не с упадкою да не с охваткою.
 Брал тут ноньце да Владимир князь,
 Брал ерлык да он прочитывал:
 55 Как пришло нонь поганое Издолицо,
 Ко тому ко городу ко Киеву,
 Он и нагнал силы он несметные,
 Он и просит нонь да стольне Киев град,

- Без бою, без драки он, без сѣценья,
60 Без того кроволития великого.
Тут-то князь и опечалился,
Да сам-то говорит да таково́ слово:
„Кабы был по прежнему Ильѣ казак,
Ильѣ казак, Ильѣ Муромец
(Ильѣ-то Муромец в погребѣ ведъ засажѣн был),
63 Пособил-ка мне да думу думати,
Думу думати да горе мыкати,
Отдать или не отдать стольне Киев град
Без бою, без драки, нонь без сѣценья,
Без того кроволития великого“.
- 70 Говорит кнегина тут Апраксея:
„Што батюшка нынѣ Владимир князь,
Сходи-тко ты во глубок погрѣб,
Не жив ли там Ильѣ Муромец,
Ильѣ Муромец сын Иванович?“
- 73 Как Владимир князь красно солнышко
Пошел-то он да во глубѣ́к погрѣб.
Открывали замки да всё немецкия,
Как снимали плетѣ́ железныя,
А сидит там стар, весь волосом оброс
(Книгу читат).
- 80 Падал тут князь на ко́ленки
Перед старѣ́м Ильѣ́й Муромцем,
Да низко ему поклоняйтце:
„Уж ты батюшко наш старѣ́й казак,
Старѣ́й казак Ильѣ Муромец,
85 Ильѣ Муромец сын Иванович!
Пособи-тко мне думу думати,
Думу думати да горе мыкати:
Как пришло ко городу ко Киеву
Да поганое Издолищѣ́,
90 Он нагнал силы много мно́жества,
Он ведъ просит у нас да стольне Киев град
Без бою, без драки, нонь без се́ценья
Без того кроволития великого“.
- Тут сидит-то старѣ́й — очей низвѣ́л.
- 95 Побежал-то он ко кнегине Апраксине:
„Уж ты матушка кнегина Апраксина,

- Ты поди-тко во глубок погреб —
 Там есь жив старый казак Илья Муромец,
 Илья Муромец да сын Иванович,
 100 Попроси да ты его уж милости!“
(Она его всё содержала, всё кормила.)
 Пошла кнегина тут Апраксина,
 Пала она на коленки перед погребом:
 „Уж ты батюшко да наш старый казак,
 Наш старый казак да Илья Муромец,
 105 Илья Муромец да сын Иванович!
 Пособи-тко нам думу думати,
 Думу думати да горе мыкати,
 Как отдать-то не отдать да стольне Киев град,
 Без бою, без драки, нонь без сеценья,
 110 Без того кроволития великого“.
 Тут старый выскочил из погреба.
(Сорок сажень погреб был, выскочил ещё выше.)
 Пошел Илья по городу по Киеву.
 Забегал-то князь да во первой након,
 Да низко ему покланеитця:
 115 „Уж ты батюшко да наш старый казак,
 Старый казак Илья Муромец!
 Пособи-тко мне думу думати,
 Думу думати да горе мыкати,
 Отдать иль не отдать да стольне Киев град.
 120 Без бою, без драки, нонь без сеценья
 Без того кроволития великого“.
 Идёт-то старый, очей низвёл
(Не остановился, осерчал на его).
 Забегал-то князь во второй након,
 Ишо того ниже покланяйтце:
 125 „Уж ты батюшко да наш старый казак,
 Старый казак Илья Муромец,
 Илья Муромец да сын Иванович!
 Пособи-тко мне думу думати,
 Думу думати да горе мыкати,
 130 Отдать иль не отдать стольне Киев град,
 Без бою, без драки, нонь без сеценья,
 Без того кроволития великого“.
 Идёт-то старый, очей низвёл.

- Забегал-то князь во третей након,
135 Ищё того ниже поклоняйтце:
„Уж ты батюшко наш старый казак,
Наш старый казак Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович!
Пособи-тко мне думу думати,
140 Думу думати, да горе мыкати,
Отдать иль не отдать стольне Киев град,
Без бою, без драки, нонь без сеценья,
Без того кроволития великого.
Я тебе-то жалую
145 Петьдесят бочек зеленá вина,
Петьдесят-то бочек пива пьяного,
И петьдесят боценов мёду сладкого
(Жалует это князь),
Плису-бархату да на белой шатёр“.
Тут-то стар остóялся,
150 Говорит-то он таковó словó:
„Ты уж думу думай не со мною, а с боярами,
Со боярами да с толстобрюхими
(Бояра нажалили, прежде ведь было бояр!).
Попросите сроку на три годá“
(Илья-то Муромец сказал).
Попросили сроку на три годá
155 Не давáт поганый Издолищó на три месеца.
„Попросите сроку на три месеца!“
Не давáт ведь сроку на двенадцать дён
(Войска нет, где скоро завёрнешь?
Ишь сколько чудовищ было!).
„Попросите сроку на двенадцать дён,
А на тринадцатый бою-драке быть“.
160 Да призвал тут стар Добрыню Никитича:
„Ой еси Добрыня Никитич млад,
Обседывай ты своего добра коня,
Двенадцать дён объезжай всю вокруг землю,
Всю вокруг землю, повселенну всю,
165 Захватывай по украинам,
Забирай всё русских могущих бохатырей“.
Обседлал Добрыня добра коня,
Объезжал он в двенадцать дён всю вокруг землю,

Всю вокруг землё, повселенну всю,
 170 Захватывал по украинам,
 Забирал всё русских могущих боһатырей.
 Ну вот он объехал в двенадцать дён и набрал, тут был Олёша
 Попович, Саксон Колыбанович, братья Суздальцы.
 Как на утре-то было ранёшенько,
 На светлой зори раноутренней
 (Сейчас у их тут будет бой),
 На выкате солнышка красного,
 175 Вставал-то старый со постелюшки,
 Умывалса он да ключевой водой,
 Утиралса полотёнышком беленьким,
 Помолилса спасу преображенскому,
 Божьей матушки да боһородицы,
 180 Ходил на улицу широкую,
 Да смотрел и здрел да во чисто полё:
 Как неверно собранье да скошевалось,
 Да оно стоит да в боевых рядах.
 Забегал-то стар да во белой шатёр:
 185 „Уж вы братица мои да товарищи!
 Вы обседывайте нонь да добрых коней,
 Надевайте латы вы булатныи,
 На шеи кольцуги позолощены,
 Да берите палицы железныи,
 190 Да берите сабельки вострыи,
 Да берите копыя немецкия,
 Да берите ножичо чинжалищо“.
 Говорит тут стар да таково слово:
 „Ой еси Добрыня Никитич млад,
 195 Ты останься во белом шатре,
 Берегущи, стерегущи белой шатёр,
 Потому што конь твой приубегалса,
 А ты на кони приуездилси“.
 Помолились спасу превышнему,
 200 Божьей матушке да боһородицы,
 Дружка с дружкой распростилися
 (Бат, не один живой, не приедет!).
 Говорит тут стар да таково слово:
 „Я поеду сэредь матицы
 (Это, вишь, серёдкой),

- А вы поезжайте по українам.
 205 Если боѣ нам будет нынѣ на́помощь,
 То рубите силу вы без вѣвету“
(Не щадит никого).
 Поехал стар-то середь ма́тицы,
 Остальня дружина по українам.
 Поганой Издолищо заметалосе,
 210 Не знать оно засыпается,
 Не знать оно оглупаится.
 Махнул-то стар да саблей во́строу,
 Слетела голова как пуговиця
(Того убил).
 Они рубили силу ту без вѣвету,
 215 Днѣм вырубили да́ рано,
 Приезжают они ко белу́ шатру́.
 Было тут два братца да два Суздальця,
 Их на дело не бывало и не видало.
 Они порáто приросхвасталися:
 220 „Кабы было во матушки во сырой земли
 золото кольцо́,
 Повернули мать сыру́ землю́
(Хвастливо-то слово, видишь, мимо живѣ),
 А была бы на небо лесница,
 Присекли силу всю небесную!“
 Говорит-то стар да таковó словó:
 225 „За эти за́ речи за похвальныя
 Всем завтра нам придетца лежать да во чистóм полю“.
 На утре-то было ранѣшенько,
 На светлой зори раноутренней,
 На выкате солнышка красного,
 230 Стал-то старый со постелюшки.
 Умывалса он да ключевой водой,
 Утиралса полотёнышком беленьким,
 Помолился спасу преображенскому,
 Божьей матушки да бо́городицы.
 235 Выходил на улицу широкую,
 Посмотрел и здрел да во чистó полѣ:
 Как неверно собранье скошева́лосе,
 Которого секли они нáтрое,
 Тот втроём садитса на одну́ лошадь;

- 240 Которого секли на́двое,
Тот вдвоём садится на одну лошадь.
Забегал тут стар до во бело́й шатёр:
„Уж вы братьица мои товарищи,
Не докуль вам спать — порá вставать!
245 Я ведь был на улице широкое,
Я смотрел и здрел да во чистó полё,
Там неверно собранье нынче ожило:
Мы которого секли ведь на́трое,
Тот втроем садится на одну лошадь;
250 Которого секли мы на́двое,
Тот вдвоём садится на одну лошадь,
А поганое Издолище о трёх главах.
За вчерашние за речи за*похвальныя,
Всем нам будет лежать во чистóм полí“.
255 Говорит тут стар да таково́ слово:
„Вы обсе́дывайте нонече добрых коней,
Не оставляю Добрыню во бело́м шатре́,
Берегщи́, стерегщи́ бело́й шатёр“.
Помолились спасу ведь превышному,
260 Божьей матушки да бо́городицы,
Дружка с дружкой распростились.
Говорит тут стар да таково́ слово:
„Я поеду по украину,
А вы по́езжайте середь ма́тицы,
265 Если бо́и нам будет на́помощь,
Вы рубите силу нунь без вы́вету“.
Стар поехал по украину,
А дружина поехала середь ма́тицы.
Поганое Издолище заметалосе,
270 Не знать оно засыпается,
Не знать оно оглупается.
Махну́л-то стар да саблей вострою,
Слётели головы, как пуговицы

(Три головы его отсекли).

- Они рубили силу нунь без вы́вету,
275 Не мало не много — двенадцеть дён

(Ишь ведь дело!),

Не пиваючи и не едаючи,

И опочів они не дёржали
(Без отдыху без всякого. И ничего, они не дёржали,
не спли).

Приезжают они ко белú шатру́,
Не приехало два братця, два Суздальця
(Которы-то хвастались).

Тем и кончилось.

13

ПОЕЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА

- Ехал стар по цисту́ полю,
По тому роздолью широкому.
Голова белá, борода́ сидá,
По белым грудям ростилаитси,
5 Как скатён жемцюг рассыпаитси.
Да под старым конь наубел белóй,
• Да ведь хвост и грив' науцёр цёрна.
Как наехал стар на станичников,
На ночных уж он подорожников,
10 На дённых он подколодников.
Да хотят старá бити-грабити,
Да с конём-животом розлучить хотят.
Как сидит тут стар призадумалсе,
Он умом гадат, головой качат.
15 Принадумалсы слóво вымолвит:
„Уж вы стáнички мои станичники,
Люди вольны да всё разбойнички,
Вы ночны́ уж нонь подорожнички,
Вы дённы́ уж нонь подколоднички! *
20 Вам ведь старого бить уж нёкого,
А у старого взять вам нёцего:
Золотой казны много нё взято,
Злáта-серебрá не пригодилося,
Ската жемчугу не прилуцилося.
25 Тóльки есь под старым дóброй конь,
Да ведь конь под ним наубел белóй,
Да хвост и грива научор черна́.
Как уж ежду на кони́ ровно тридцеть лет,

- За рекой на конё не сиживал,
30 Перевоз на конй я не вапливал".
Как станишницков всё приманивал,
Как велят они слезыват с коня.
Как сидит тут стар призадумалса,
Он умом гадят, головой качат,
35 Принадумалса слово вымолвить:
„Уж вы станички мои станицники,
Люди вольные всё разбойники,
Вы ночны́ уж нонь подорожники,
Вы дённы́ уж нонь подколодники!
40 Вам у старого бить уж некого,
А у старого взять вам не́чего:
Золотой казны много не́ взето,
Злата-серебра не пригодилося,
Скатна жемчугу не прилучилося.
45 Тольки́ есь на старом кунья́ шуба́,
Дешевой́ цены́ стои́т — семьсот рублей,
Как на шубы́ подтяжка позолочена,
Ожерелье у шубы́ чорна соболя,
Не того де соболя сибирьского,
50 Не сибирьского соболя — заморьского
(С Камчатки, верно).
Как уж пугови́ки были валячны́я,
Того ле валяку красна зóлота,
Да ведь петелки были шóлковы,
Да того де шолку, шолку белого,
55 Да белого шолку шемахильского".
Как станишницков пу́ще приманива́т,
И велят слезыват со добра́ коня,
Скидыват велят кунью́ шубо́чку.
Как сидит тут стар призадумалса,
60 Умом гадят, да головой качат,
Принадумалса слово вымолвить:
„Уж вы станицки мои станичники,
Люди вольные всё разбойники,
Вы ночные уж нонь подорожники,
65 Вы дённые уж нонь подколодники!
Вам у старого бить вам некого,
А у старого взять вам не́чего:

- Золотой казны много нѣ взето,
Злата-серебра не пригодилосе,
70 Скатна жемчуга не прилучилосе,
Только есь у старого уж тѹгой лук,
Золотá колчáнка калѣных стрел,
Да ведь ровно тридцеть три стрелоцки.
Да ведь всем стрелáм цена обложена,
75 Да ведь кажна стрела по пети рублей,
Трѣм стрелáм цены нету уж:
Перены перьям орловым же,
Не того орла, орла сизого,
А того орла сизомладого,
80 Тот живѣт орѣл на синѣм мори,
На синѣм мори на серóм камнѣ,
Он пьѣт и ест у синя моря“.
Как станицницков пуще заманиват,
И велят слезыват с добра коня,
85 Скидыват велят куню шубоцку,
Отдавать колцянку калѣных стрел.
Как сидит тут стар призадумалса,
Он умом гадáт, головой качáт.
Он вытѣгиват из-за пáзушья тѹгой лук,
90 Из кольцяноцки да каленú стрелú.
Он кладѣт стрелú нонь на тѹгой лук,
Да ведь сам стрелы да приговаривáт:
„Каленá стрела ты муравлена,
Полетѣ же ты во чистó полѣ,
95 Полетѣ ты повыше разбойников,
Не задеш ты их ни едѣного,
Ты не старого и не малого,
Не холóстого, не женатого.
Полети-тко ты во чистó полѣ,
100 Да во сыро дубѣщó крековищó,
Ты розбей сыро дубѣщó крековищó,
Ты на мелко церенье ножовое“.
Не городовы ворóта отпиралисе,
Не лютá змея извиваласе,
105 Заскрипел у старого тѹгой лук,
Каленá стрелá со тугá лукá
Полетела она да во чистó полѣ,

- Да во сыро дуби́що крекови́що.
Как розби́ла сыро дуби́що крекови́що
- 110 Да на мелко цепенье ножово́е.
Как станицни́чки испужали́ся,
По под-кусти́кам как разбежали́сь.
Как туман-то в поле прибодроло,
Как станицни́чки идут да поклоня́ются:
- 115 „Уж ты батюшко да наш стары́й казак,
Наш стары́й каза́к да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович,
Да возьми-тко нас да во товари́щи“.
Говорит тут стар таково́ слово́:
- 120 „Не возьму я вас во товари́щи,
Я не старого и не малого,
Не холóстого, не женатого.
Как я уж е́зжу по полю́ тридцетъ лет,
Да никто на меня не нахаживал,
- 125 Да никто на меня не наезживал,
Да как вы нашли поганые, наехали“.
Как поехал стар по чисту́ полю́,
По тому́ роздо́лю широ́кому.
Голова белá, борода седá,
- 130 По белым грудям росстила́ется,
Как ска́чен жемцуг да рассы́пается.
Приезжает к росстаням ко широ́ким же,
Как лежит тут сер горю́ць ка́мень,
Да на камешке подпись подписана,
- 135 Да подписана подпись подрезана:
„Как во пёрву дорожку е́хать — бо́хату бы́ть,
А во вто́ру дорожку — же́нату бы́ть,
А в трётью дорожку — живо́му не бы́ть“.
Как сидит тут стар да призадумалса,
- 140 Призадумалса да приросплака́лся:
„Как поеду я в дорожку во пёрвую,
Да ведь где мне старому бо́хату бы́ть“.
А опетъ же сам и одумалса:
„Да на что мне старому бо́хату бы́ть?
- 145 У меня нет нонь молодс́й жены
Берегщи́, стерегщи́ золоти́ казнá.
Как поеду в дорожку во вто́рую,

- Да ведь де мне старому женату быть“.
 А опеть же сам и одумалса:
- 150 „Да на што мне старому женату быть?
 Не владеть мне старому молодой женой,
 Не кормить мне старому малых детей,
 Как поеду в дорожку во третью же,
 'де мне старому живому не быть“.
- 155 Как поехал стар по чисту полю,
 По тому роздолью широкому,
 Голова белá, бородá седá,
 По белым грудям росстиляется,
 Как скадён жемчуг да рассыпается.
- 160 Приезжает ко двору ко широкому,
 Теремом назвáть — очень мал будёт,
 Городом назвáть — так велик будёт.
 Как выходит девушка чернавушка,
 Она берёт коня за шелков повод,
- 165 Она ведёт коня да ко красну крыльцу,
 Насыпат пшена да белоярова,
 Как снимат старá со добра коня;
 Она ведёт старá да на краснó крыльцо.
 На краснó крыльцо да по новым сеням,
- 170 По новым сеням в нову горницу.
 Скидывáт его да распоясыват,
 Да сама говорит таковы слова:
 „Пожилой удалой добрый молодец,
 Ты уж едешь дорожкой очень дальнею,
- 175 Тебе пить ли исть нынче хочется,
 Опочинуться со мной ле хочется?“
 Говорит тут стар таковы словó:
 „Хошь я еду дорогой очень дальнею,
 Мне не пить не есть мне не хочется,
- 180 Окочинуться с тобой хочитсá“.
 Она старому кроват да уж указывáт,
 А сама от кровати дале пётитсе.
 Говорит-то стар да таковы слово:
 „Хороша кровать изукрашена,
- 185 Должно бы кроваточки подложной быть“.
 Она старому кровать уж указывáт,
 А сама от кровати далечó стоит.

- Как могут плечи расходилисе,
Ретивó серцѣ розъерилосе,
190 Он хватал-то он за белы́ руки,
Он бросал он на кровать ле тесóвую —
Полетела кровать да тесóвая
Да во те во погрѣба глубокия.
Как спущался стар да во глубок погрѣб —
195 Там находится двадцать деветь молодцев,
А тридцатый был сам стары́й казак,
Сам стары́й казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович.
Он ведь начал плетью их наказыва́т,
200 Наказывать да наговаривать:
„Я уж ежy по полю ровно тридцетъ лет,
Не сдаваюсь на реци я на бабы же,
Не утекаюсь на гúзна их на мяхкие“.
Вот они тут из погребѣ вышли,
205 Красное золото телегами катили,
А добрых кóней табунами гнали,
Мóлодых молодок толпи́цами,
Красных девушек стай́цами,
А старых старушек короби́цами.¹

14

ПРО ВАСИЛИЯ БУСЛАЕВИЦА

I

- Жыл-то был Буслав да в Новѣ-городе,
Да с каменнóй Москвой не спóровал,
С Новым городом не перѣцился.
Жыл-то он девеносто годóв,
5 Жыл-то он да не старилса,
Не старилса да сам преставилса.
Оставалась у Буслава молодá жена,
Молода жена да нынче беременна,
Чесна вдова Омельфа Тимофеевна.
10 Родила она младóго óтрока,

---

¹ „Присказка“. Примечание сказителя. Стихи 201—207 сказаны словами.

- Да млáдого Василья Буслаевичя.
Да стал-то Василий лет пяти-шести,
Отдавала его мать учителю,
Учиться ученье всяко мудроё,
15 Писать да читать скоро азбуке.
Да то всё ученье скоро в ум пошло,
Скоро в ум пошло, вкоренилосе,
Вкоренилосе Василью, заселилосе.
Да того Василью ученье мало можитце,
20 Отдавала его да мать то ведь учителю,
Учиться ученье всё-ко хитроё:
По поднебесью летать да ясным соколом,
По чисту́ полю рыскáть да нонь серým волкóм,
Да в землю уходить горносталюшком,
25 Да в воду ходить да ноньце рýбою,
По воды́-то плавать ярым гоголем.
Да то Васе ученье скоро в ум пошлó,
Скоро в ум пошло, вкоренилосе.
Вкоренилосе Василию, заселилосе.
30 Да того Васе ученье мало можитця,
Отдавала-то его мать ведь учителю
Учиться ученьё всё-ко мудроё:
Подхватывать пуле́чки свинцовыя,
Уговаривать да свой червленой вяз.
35 Да то ученье скоро в ум пошло,
Скоро в ум пошлó, вкоренилосе,
Вкоренилосе Василью, заселилосе.
Да стал-то Василий лет семнадцати,
Садилса-то он на ременця́т стул,
40 Писал ярлыки да скорописця́ты
Ко тем ко татъя́м ко разбойникам,
Да к тем ведь нонь да не рабочим лю́дя́м.
Да те ярлыки скорописця́ты
Розносил по путям по дороже́цкам,
45 Да те ярлыки находили мужики,
Да находили мужики новгородяне,
Находили они да нынче процитывали:
Да итти-то к Василью на широкий двор
Пить да исть да всё готовоё,
50 Носить-то у него да платье цвётное,

Да пить-то вина да нонь всё безденежно.

(Он, видно, именитой был!)

Многи отказались, и житейцки пошли.

Да сидит-то Василий у окошечка,

Идут-то к Василью уж ведь по́ два вдруг,

55 Идут-то к Василью по́ три вдруг,

Идут-то к Василью по десято́чку,

Идут-то к Василью по другому вдруг,

Идут-то к Василью по полу́сотни.

Говорит-то тут Василий таковы́ слово́:

60 „Не минуется-то беда́ да привезалась ко двору“ -

Побежал-то ведь он да во глубо́к погрёб,

Да выкатил бо́чку зелено́ вина,

Выкатил бо́цёнок пива пьянаго,

Выкатил бо́цёнок мёду сладкого,

65 Да вылил он да во дубовой чан,

Повесил чару́ да в полтора́ ве́дра.

Да взял-то он свой да червеной вяз,

Да сам говорит да таковы́ слово́:

„Да ой еси, удалы добры молодцы!

70 Идите-тко к чану смелёшенько,

Берите чару́ да единой руко́й,

Выпивайте чару́ да к одному́ духу́,

Становитесь мне под черлёной вяз,

Я которого ударю я в голову,

75 Тот поди-тко ко мне да в услужение,

Пей и еш да всё готовоё,

Носи у меня платье цвётное,

Пей вина у меня безденежно“.

Тут-то вси да испужалисе,

80 Да все ему ведь да поклонилисе,

Поклонилисе да назад поворотилисе.

Да тут-то Василью за беду́ стало́,

За велику тут досаду показало́се.

Стал-то он по улице похаживать,

85 Черлени́м-то везо́м стал помахивать,

Да которого задержит, тот и о́корочь ползёт,

Да пошли ведь тут Василья побранивают,

Побранивают Василья, поругивают:

„Сукин сын Василий, б..... сын Василь,

- 90 Не упито у тебя не уедено,
В красны-хороши да не ухожено,
А вековецное увеще залезено"
(Руки, ноги сломаны.)
Из той же толпы да молодецеской
Идёт-то удалый добрый молодец,
95 Идёт Фома сын Ременников.
Идёт-то он к чану смелешенько,
Берёт-то чару единой рукой,
Выпиват-то чару к одному духу
Да становитца к Василью под черленой вяз.
100 Ударил Василий его в голову —
Стоит-то Фома, да нонь и не шатнётся.
Говорит-то Василий таковó слово:
„Дородной удалой доброй молодец,
Ты Фома уж сын Ременников!
105 Поди-тко ко мне в услуженьице,
Пей и еш всё готовое,
Носи у меня платье цвётное,
Да пей ты вина ноньце всё безденёжно“.
Из той же толпы молодецеской
110 Идёт тут Костя-Лостя Новоторщеник,
Идёт он к чану он смелешенько,
Берёт-то чару да единой рукой,
Выпиват-то чару да к одному духу,
Становитса к Василью под черленой вяз.
115 Ударил Василий его в голову —
Да стоит-то Костя не шатнётся,
Кудерци на ём не трёхнутси.
Говорит-то Василий таковó слово:
„Дородной удалой доброй молодец,
120 Ты Костя-Лостя Новоторщеник!
Поди-тко ко мне в услуженьице,
Пей и еш всё готовое,
Носи у меня платье цвётное,
Да пей ты вина ноньце всё безденёжно“.
125 Из той же толпы молодецеской
Идёт-то Потанюша Хроменькой,
Да хроменькой Потаня да нонь коротенькой.
На одну-то ногу он прихрамыват,

- На другу-то ногѹ да он припадывѣт,
130 На двух костылях да подпираетци.
Он идѣт-то к чанѹ смелѣшенько,
Берѣт чарѹ да единой рукой,
Выпиват-то чарѹ к одному духѹ,
Становитса к Василью под черленой вяз.
135 Говорит-то Василий таковѹ словѹ:
„Да ой еси ты, Потанюша Хроменькой,
Хроменькой Потаня ты коротенькой!
Да нѣ по ком, Потаня, везѹм хвоснѹть“.
Говорит-то Потаня таковѹ словѹ:
140 „Да ой еси, Василий сын Буславѣвиц,
Не жалеyse ты моей ведь старости,
Хвоснѹ ты везѹм со всей ярости!“
Не жалелса Василий его старости,
Хвоснѹл-то везѹм со всей ярости —
145 Стоит-то Потанюша ведь крепче всех.
Говорит-то Василий таковѹ словѹ:
„Ой еси, удалый доброй молодец,
Поди ты ко мне в услуженьице!
Пей и еш да всё готовѹе,
150 Носи у меня платьѣ цвѣтного,
Пей у меня вина безденежно“.
Из той же толпы молодецеской
Идѣт тут девушка чернавушка,
Идѣт-то она к чану смелѣшенько,
155 Берѣт-то чарѹ единой рукой,
Выпиват-то чарѹ к одному духу,
Становитса к Василью под черленой вяз.
Ударил Василий ей ведь в голову —
Стоит тут девушка не шѣтънется,
160 Да шѹлково платнѣ¹ ей не трѣхнется.
Говорит тут Василий да таковѹ словѹ:
„Ой еси, девушка чернавушка,
Поди-тко ко мне в услуженьицѣ!
Пей, еш всё готовѹе,
165 Носи-тко у меня платьѣ шѹлково,
Да пей вина нѹнѣ безденѣжно“.
(У него дружины шестьдесят человек было.)

¹ Платьѣ.

- Во здешном же да Новом городе
Да был тут Викула ведь староста,
Охотник солод собирать и братчину варить.
- 170 Васькин солод не берут и Ваську пить не зовут
Говорит Василий таковы́ слова:
„Ой еси, дружина хоробрая,
Удалы дородны добры молодци,
Пойдѣмте к Викулы мы на братчину!“
- 175 Пошел-то Василий на братчину,
Со той со дружиной со хороброй.
Заходит к Викуле на братчину,
Крест-от кладут по писаному,
Поклоны вѣдут по учёному,
- 180 Молитву творят полно́ Иисову.
Да место-то они им не́ дали,
И пива-то они им не по́дали,
Да тем же Василью обесчестили.
Говорит тут Василий таковы́ слово́:
- 185 „Да ой еси, Потанюша Хроменькой,
Да хроменькой Потаня ты коротенькой!
Да пойдй же Потаня позади же их,
Откуда они носят зеленó вино,
Откуда ведь они носят пиво́ пьяное“.
- 190 Пошел-то Потаня позади же их,
Вышиб двери посреди двора,
Выкатил боцку зеленá винá,
Выкатил боцёнок пива пьяного,
Да пили они тут своей рукой.
- 195 Перву чару выпил Васька для здорóвья,
Втору́-то чару́ выпил для весельи́я,
Да третью чару́ для похмельи́я.
Да напилса он до́ хмелю великого,
Да опять вновь он зашел на братчину.
- 200 Да тут-то с Викулой он оспоровал,
Ударились с Викулой о вели́к заклад
Не о́ сти рублей да не о ты́сеце,
О своих о буйныи нонь́це го́ловах:
Побиться, подратьця у чудна́ крестá,
- 205 У чудна́ крестá, у живá мостá,
У матушки да реки Во́лхови,

- Викула с Новым городом,
 Василий с дружиной со хороброй,¹
 Только одного Вася старца вѣветил,
 210 У которого Василий в ученьи был.
 Пришол-то Василий к своей матушке,
 Говорит-то он таковó словó:
 „Да ой еси ты, мать да осподарына,
 Чесна вдова Амельфа Тимофеѣвна,
 215 Да были ведь мы у Викулы на братчины,
 Да мѣста они ведь нам нѣ дали,
 Да пива ведь они нам не пóдали,
 Да тем ли они нас обесчестили.
 Да пили ведь мы нонѣе своею рукóй.
 220 Перву-то чарú выпил я для здоровьица,
 Втору-ту чарú выпил я для весельица,
 Да третью чарú для похмельица.
 Напилса я дó хмелю великого,
 Да зашол к Викуле ведь на братчину.
 225 Да тут-то я с Викулой оспоровал,
 Да ударилса с Викулой о велик заклад,
 Не о стí рублей и не о тысеци,
 О своих о молодецких буйных гóловах:
 Я ли со дружиной со хорóброей,
 230 А Викула со всим Новым городом²
 Побиться, подраться у чуднá крестá,
 У чуднá крестá, у живá мостá,
 У матушки реки Волхови“.
 Говорила Васильева ведь матушка:
 235 „Да еку беду вы наделали,
 Да еку ту беду напроказили.
 Розрушите весь великий заклад!
 Ведь из Волхови тебе воды не выпить вся,
 А Викулу с Новым городом не выбить всех“.
 240 Побежала к Викулы она на братчину,
 Да крест-то кладёт по писáному,
 Поклоны ведёт да по учёному,
 Молитву творит полно Иусову.
 — „Ой еси, Викула ты староста,

¹ Стихи 207—208 не спеты, а сказаны.

² Стихи 229—230 не спеты, а сказаны.

- 245 Што вы с Васильем теперь наделали,
 Да еку ту беду напроказили.
 Розрушите с Васильем нонь велик заклад!
 Ведь в Волхове воды не выпить вся,
 А Василья с дружиной не выбить всех“.
- 250 Вывел Викула вон ей за ворота
(Не принял слов).
 Прибежала Васильева матушка,
 Уложила Василья в теплу ложнюцу,
 Побежала по кузнечей и по новгороден,
 Оковала двери железами,
- 255 Повесила замок полтора пуда.
 На утре-то было нонь ранешенько,
 На светлой зори на раноутрянной,
 На выкате да солнышка красного
 Да бьютця, дёрутця у чудна креста,
 260 У чудна креста, у жива моста
 И у матушки да реки Волхови.
 Спит-то Василий не пробудитця.
 Черनावушка ведёрушки взяла
 Да в Волхов по воду пошла,¹
- 265 Коромыслищем махнёт да тут и улица,
 Поворотится назад да переулочки лёжат,
 Да сама ли на гору убирайтци,
 Да стуцит-то да гремит у окошечка:
 „Да ой еси, Василий сын Буслаевич,
 270 Да што ты спишь не пробудишься?
 Да бьютса дерутса у чудна креста,
 У чудна креста, у жива моста,
 У матушки реки Волхови.
 Дружина ведь ноньце вся побивана,
 275 Главы кушаками вси завиваны“.
 Пробуждался Василий от крепкого сну,
 Ухватил-то он свой черленый вяз,
 В одной-то рубашке нонь без пояса,
 В одних-то чулоцках без сапожецек,
 280 Да кинулса он митюгом в дверь,
 Да вышиб двери середь двора
(Никаки оковы не помогли).

¹ Стихи 263—264 не слеты, а сказаны.

- Побежал ведь-то он ко чудну кресту,
 Ко чудну кресту, ко живу мосту,
 Ко матушки реки Волхови.
 285 Навстрету ему идет Старчищѣ Мокарчищо,
 На головѣ он несѣт колоколъ девеносто пудов,
 Колокольнымъ эзыкомъ подпиратци,
 Сам говоритъ таково слово:
 „Молодой бобзун, не попорхивай,
 290 Да ты же у меня во ученѣи былъ“.
 Говоритъ тут Василий таково слово:
 „Когда ты меня учил, ты тогда деньги брал,
 А я тебе теперѣ с . . . не хочу“.¹
 Колокольнымъ эзыкомъ отвѣл его среди Волхов-реку
 (*Василья-то*).
 295 Обернулса Василий яримъ гоголем,
 Выплывал-то он на крутой берег.
 Ухватил-то он да свой черленой вяз,
 Догоняетъ старчище Макарчищѣ,
 Ударил он его в голову,
 300 Колоколъ раскололса и голова у старчища раскололась.²
 Прибежал-то Василий ко чудну кресту,
 Ко чудну кресту, ко живу мосту,
 Ко матушки реки Волхови,
 Да сам говоритъ таково слово:
 305 „Ой еси, дружина хоробрая,
 Да удалы дородни, добры молодцы!
 Сѣдьте-тко, посидите-тко,
 Сѣдьте-тко да отдохните-тко,
 Дайте мне упахать плечи могуции,
 310 Сокротить-то мне ретиво серце,
 Добраться до Викулы до старосты“.
 Да стал-то Василий нонѣ похаживать,
 Черленымъ-то везомъ стал помахивать.
 В котору сторону махнѣт, да тут и улица,
 315 Поворотитса назад да переулочки лежат.
 Новогородене вси испужалися:
 „Всехъ убьѣт у нас до единого,
 Не оставит нас ни единого,

¹ Стих не спет, а сказан.

² Тоже.

- Розорит у нас весь Новгород“.
- 320 Отбиралась перва́ толпа молодецкая,
Пошли-то к Васильевой матушки,
Сами низко поклоняютца:
„Да ой еси, Васильёва матушка,
Чесна вдова Омельфа Тимофеевна,
- 325 Уйми ты своё да дорого цядо́,
Да мла́дого Васи́лия Буславлеви́ця.
Убьёт ведь всех нас до единого,
Розорит у нас весь Новгород“.
Говорит тут Васильёва матушка:
- 330 „Не смейтесь, мужики-новгородяне,
Да спит у меня Василий во темной ложни́,
Да спит ведь он да не пробудитца“.
Отбираласи втора́ толпа,
Пошли-то они к Васильевой матушки
(Со стороны, что обеща́ла платить на год по три
тысячи),
- 335 Ещо того ниже поклоняютца:
„Ой еси, Васильева матушка,
Чесна вдова Амельфа Тимофеевна,
Уйми своё доро́го цядо́,
Младаго Васи́лия Буслаеви́ця:
- 340 Убьёт он нас до единого
И розорит у нас весь Новгород“.
Отбираласи третья́ толпа,
Пошли-то они к Васильевой матушки,
Ещо того ниже поклоняютца:
- 345 „Ой еси, Васильева матушка,
Чесна вдова Амельфа Тимофеевна,
Уйми своё доро́го цядо́,
Младаго Васи́лия Буслаеви́ця:
Убьёт он нас до единого
- 350 И розорит у нас весь Новгород“.
Побежала Васильёва матушка —
Вышиблены́ двери среди́ двора́.
Она голосом крычала — он не слышит нонь,
Она пла́тиком махала — не видит он
(Вроде сигнала).
- 355 Побежала она ко чудну́ кресту,

Ко чуднѹ крестѹ, ко живѹ мостѹ,
Ко матушки к реке Волхови,
Унела свое дорого цядѡ,
Младого Василья Буслаевича.

II¹

- 360 На рѣке, на рѣке, на Болхови
Тут плавал-гулял черленный носад.
У того ли у носада у лёккѧ струга
Да нос и корма по звериному,
Крутая бедрѧ по лошадиному,
365 Да хобот мечет по змеѣному.
У того у носада у лёккѧ стругѧ
Да пѧруса были полотнены,
Да бѣцѣвки были шѡлковы,
Того де ли шолку шолку белого,
370 Да белого шолку шемахильского.
Да сделано место хозяйскѡѣ,
Да сделана кровать слоновѣх костей,
Обита кровать да дорогим сукном,
Покрыта кровать да бѣлым бархатом,
375 Да два ли самоцветных камешка,
Да две ли лисицы две бурначеских,
Да два ли сибирских соболя.
Да у того ли носада лёккѧ струга
Флюгѣр на деревце качаетсе,
380 О свежую воду опираетца,
Флюгѣр из красного золота.
На утри-то было ранѣшенько,
На светлой зори раноутренней,
На выкати солнышка красного
385 Не бела берѣзынька шатаетси
Да сучьям-лисьям до сырѡй землѣ,
Стоял тут сын да перед матерью,
Да молодой Василий сын Буславьевич.
— „Ой еси, матушка осподарына,
390 Чесна вдова Амельфа Тимофеевна,

---

¹ Перед тем как начать вторую часть былины, исполнитель сказал: „Второй отдел — «Носад Василия Буслаевича»“.

- Дай ты мне благословение великое
 Итти-бежать в Ерусалим гóрод,
 Да госпóду богу помолитисе,
 господней гробнице приложитиси,
 395 К адамовым мóщам приклонитиси.
 Да дай бла́гословенье ты великое:
 Да во здешном во Нове-городе
 Да много старѣтъ, мати, отцѣв-матушок,
 Да много вдовѣтъ, мати, цужьих жон,
 400 Да много сиротѣтъ, мати, малых детей,
 Да всё для меня, мати, для грешного, —
 Бывает госпóдь меня во грехах простит“.
 Говорит его мать да осподарына:
 „Ой еси, Василий сын Буславьевич,
 405 Нельзя тебе дать бла́гословленьицѣ
 Итти бы бежать в Ерусалим гóрод
 госпóду бо́гу помолитися,
 господней гробнице приложитиси,
 Адамовым мóщам приклонитиси.
 410 Из здешного Нова-города
 Много бо́хатырей х́живало,
 Да мало назад да прих́живали,
 Да тебе ведь, Василий, не притти будѣтъ“.
 Бохатырьско сердце заплывцево,
 415 Не знат сказал слово — 'глупости,
 Да не знат сказал слово с мудрости:
 „Ой еси ты, мать да оспадарына,
 Чесна вдова Амельфа Тимофеевна!
 Ты сама бы спала, себе видела —
 420 Ото двора отошла и до другого не дошла,
 Да тут бы родна матушка преставиласе.
 Да ты говориш, што не притти будѣтъ,
 Да даш бла́гословление — приду же я,
 Не даш бла́гословление — приду же я.
 425 Тебя я уж, мать, не послушаю“.
 Дала тут ведь бла́гословленьицѣ
 С буйной главы да до рѣзвых нóн,
 Да сама говорит таковó слово:
 „Да знаю дорогу очень дальнюю,
 430 Да та дорога тихосмѣрная,

Вперёд итти будет трёх года,
 И назад итти будет трёх года,
 Пройдёт того времени шесть годов.
 Да знаю дорогу премоездную:
 435 Да вперёд итти будет полгода,
 И назад итти будет полгода,
 Пройти тому времени будет и год поры.
 Есь на дороги розбой большой,
 Да есь на дороги караул крепкой,
 440 Да есь на дороги мелки заставы".
(Вот она дала благословение.)
 А Василий пошел прямым путем.
 Как собрался Василий на черлен ногад,
 Да пошли с той же со дружиной со хороброй же,
 С удалыми добрыми молодцами,
 445 По той ли улицы широкой.
 Идёт-то Василий не шатнётся,
 Кудерцы на ём не трёхнутси
(Он был молодой, красивой, белой!).
 Стары старухи поахивают,
 Молоды молодки посматривают,
 450 А красные девицы поглядывают:
 „Век мы живали, не видали такого молодца,
 Как молода Василия Буслаевича“.¹
 Пришел-то Василий на черлен носад,
 Да стал-то Василий по носаду похаживать,
 455 Да стал места всем ведь указывать:
 „Да Костя ты Костя Новоторщеник,
 Садись-ко ты опять ноньче на корму,
 Друга же то дружина окол парусов“.
 Сходни убрали с берегу,
 460 Ототкнули притычины серебряны,
 Подгнули паруса полотнны,
 Пошли рекой Волховой
(Волхов реку проехали),
 Вышли в море во Виранское.²
 Виранско море произойдучись,

¹ Стихи 448—452 не спеты, а сказаны.

² Отсюда не пел, только сказывал, так как устал петь.

- 465 Вышли они на синё морё
(*Прежде не знали, какие моря*).
На за́ставах там вопят:
„Ой еси, Василий сын Буслаевич!
Почему ты идёшь не привёртываешь,
Проезжей дорожке не спрашиваешь?“
- 470 — „Да ведь я иду не с товарами,
А я иду со обетами,
Назад ворочусь — вам гостиничка принесу“.
Идут оны по синю́ морю.
Синее морё произойдучись,
475 Усье реки Иордан казуетси,
Сороцински горы знаменуется,
Чудны там кресты́ знаменуютси.
Потенула погода синемёрская,
Рвёт-дерёт да тонки парусы.
- 480 Стал Василий по носаду побегивать,
Стал паруса сам поправлять,
А носад стоит на одном местѣ.
Говорит Василий таковó словó:
„Ой еси, дружина хоробрая,
485 Удалы дородни добры молодци!
Берите щепы́ долгомерныя,
Щупайте вы во синё морё,
Мы на ко́шки стоим иль на камени,
Не той ли луды́ на подводной“.
- 490 Брали щепы́ долгомерныя,
Щупали во синём мори,
Не на кошки стоят не на ка́мени,
А стоят-то они на морско́й воды́.
Говорит тут Василий таковó словó:
495 „Я иду не с товарами,
А я иду со обетами.
Костя-то Лостя Новоторщеник,
Правь ты под горы Сорочиньския,
Знать крестам сходить помолитися“.
- 500 Стал Костя править, —
Носад побежал, как сокол полетел.
Спустили парусы полотнены,
Приткнули притычины серебряны,

- Сходни поклали концом на́ берег,
505 Пошли-то они на крутой берег.
Идут-то на горы с час поры́,
Идут-то на горы с другой поры́,
Идут-то на горы с третьей поры́, —
Не могут дойти до чудных крестов.
510 Говорит-то Василий таковó слово:
„Ой еси, дружина хоробрая,
Удалы дородни добры молодцы!
Идём мы на горы с час поры́,
Идём мы на горы с другой поры́,
515 Идём мы на горы с третей поры́,
А не можем дойти до чудных крестов.
Отселе крестам мы помолимся,
Да и все назад поворотимся“.
Оттуда крестам богу помолилися,
520 Все назад поворотилися.
Стал по горам Вася похаживать,
Стал по горам Вася погуливать,
Да нашол голову́ костощёную,
Костощёну голову́ человеческу,
525 Стал голову́ Вася попинывать,
Левой ногой да в праву ногу́,
А правой ногой да во чисто́ полё,
Сам говорит да таковó слово:
„Кака ты лежишь, голова, русска иль неверна?
530 Русска лежишь — так прихороним тебя,
А неверна лежишь — то хоть погáлимса“.
Протащи́лась голова́ человеческа
Русским езы́ком человечеським,
Громкой говóрей бо́хатырьской:
535 „Ты, Вася, меня не попинывай,
Ты, Василий, меня не пошевеливай,
Я ведь голова был не хуже тебя,
Тот же Василий сын Хлебович
Из того же из Нового города.
540 Поехал рубить сорочи́ну злолукавую,
Та сорочи́на злолукавая
Заслышала побезку лошадиную,
Заслышала поездку бо́хатырьскую,

Подкопы копала глубокия,
 545 Становила по́дрези железныя,
 Затенула тенета́ми полотненными,
 Засыпа́ла хрещом мелким ка́меньем.
 Меня первый-то подкоп меня бо́г пронёс,
 Второй-то подкоп меня конь пронёс,
 550 А на третьем-то подкопе конь обрюшился.
 Та сорочина злолукавая,
 Она-то уж тут была,
 Тут она меня и обневолила,
 Свезали у меня руки белыя,
 555 Сковали у меня ноги резвыя,
 Стали приводить во свою веру,
 Во свою ве́ру, сорочинскую.
 Не пошел я в веру сорочинскую,
 Отрубили у меня буйну го́лову,
 560 Умею на горах лежать уже тридцать лет,
 Да всё про тебя, Вася, видится,
 Да всё про тебя, Вася, грезится,
 Да будешь лежать со мной во товарищах“.
 Тут Василий с головой оспорывал:
 565 „Ты сама говоришь или бес мутит?“
 — „Я сама говорю, а не бес мутит,
 И будешь лежать во товарищах“.
(Он ушел, она тут осталась.)
 Пошел-то Василий на черлен корабль,
 Ототкнули притычины серебряны,
 570 Подогнули па́русы полотнены,
 Пошли-то они по синю́ морю.
 Усье Иордан-реки казуютця,
 Сорочински горы знаменуютця,
 Чудны там кресты́ показуютця,
 575 Зашли-то они во Иордан-рекú.
(Пришли да сдумали купаться.)
 Остановили они свой черлен носад,
 Опустили па́русы полотнены,
 Сдумали в реке они купатися.
 Розделса Василий до́нага,
 580 Стал в воду он купатися,
 Безвременно в воды галиться.

Идѣт тут бабушка старенька,
Сама говорит таковó слово:
„Ой еси, Василий сын Буславьевич,
385 Не велел господь в Иордан-реке босому-нагому
купатися,

Как попадѣшь на крутой берег?“
Говорит-то Василий таковó слово:
„Сама бы спала, себе видела —
От двора прошла и до другого не дошла,
590 Тут бы стара бабушка представилась“.

(А вот его и отнесло, он и не замог.)

Обернулса Василий ярым гоголем,
Выплывал-то он на крутой берег,
Тут-то дружина его проздравила:
„Здрав ты шол, Василий, со синя моря,
595 И здрав ты пришол в Ерусалим город“.
— „Спасибо, дружина, хоть проздравили,
Едва я попал на крутой берег“.

Воскресеньску обедню сослужил. Пошел он к обедни, молебн сослужил, господней гробнице, адамовым мощам приложился.

Подогнули парусы полотнены,
Пошли-то они во синё морё.
600 Потенула погода синеморская,
Поровнялися горами Сороцинскими,
Рвёт-дерёт тонки парусы —
Носад стоит на однём месті.
Стал Василий по носаду побегивать,
605 Стал парусá он поправлявать,
Сам говорит таковó словó:
„Костя ты Лостя Новоторщеник,
Правь ты под горы Сорочинския:
Вперед-от шол — с головой спóровал,
610 Натъ мне с головой проститися“.
Носад подбежал как сокол пролетел,
Опустили парусы полотнены,
Приткнули притыцины серебряны,
Сходни поклáли концом на берег,
615 Пошли-то они на крутой берег.
Идут-то на гору с чás поры,

Идут-то на гору другой поры,
 Идут-то на гору третьей поры.
 Стал Вася по горам похаживать,
 620 Стал по горам голову поискивать,
 Не может найти головы человеческой.
 Нашол-то он сер горючь камень,
 В вышину-то камень тридцати локот,
 В ширину-то камень сорока локот,
 625 А в длину-то камень пятьдесят локот.
 На камешки подпись подписана,
 Подписана подпись подрезана:
 „Хто этот камень не перескочит,
 Не быват во Новом городе“.
 630 Стоит-то Василий призадумался,
 Сам говорит таковó словó:
 „Теперь-то, Потанюша, тебя-то жаль
     (Старик хромой),
 Тебе уж камень не перескочить,
 Не бывать тебе в Новом городе“.
 635 Стала дружина скакать поперёк камнй,
 А Потанюша скочил — всех лехче перескочил.
 Говорит тут Василий таковó словó:
 „Скочить не скочить вдоль по камешку“
 Скочил-то Василий вдоль по камешку,
 640 Скоцил да лёкко перескоцил.
 Бохатырьско сердце заплывчиво.
 — „Кто эту подпись подписывал,
 Да кто эту по́дрезь подрезывал?
 Да кто этот ка́мень не перескочит?“
 645 Я назад петмй скачу и опять перескочу!“
 Скоцил-то Василий назад петмй,
 Задел-то он ногой правою,
 Пал-то на леву́ руку,
 Обломилась у него рука левая,
 650 Пал на сер горючь ка́мень,
 Розломил-то себе буйну́ голову
     (Тут и смерть ему приключилась).
 Понесли его на черлен носад
 Та ли дружина хорóбрая,
 Положили на место на хозяйское.

- 655 Поднесли парусы полотнены,
Рвёт-дерёт тонки парусы.
(*Пришлось опять на гору отнести.*)
Понесли они его назад на горú,
Несут-то на горú с час порý,
Несут-то на гору другой порý,
660 Несут-то на гору третьей порý.

Принесли, где камень, а там голова, и вместе с ним и похоронили. Тут Василий Буслаевич кончился на Сорочинской горе. Потом пошли на черлен носад.

- Пришли-то они на черлен носад,
Ототкнули притычины серебряны,
Подогнули парусы полотнены,
Пошли-то они во синё морё.
665 Носад побежал, как сокол полетел.
Синее море произойдучись,
Вышли в море во Виранское,
В устье реки Волхови.
Выходила Васильева матушка,
670 Чесна вдова Амельфа Тимофеевна,
Смотрела в подзорную трубочку, —
Нет Василия на месте на хозяйском.
Так и дружина разошлась.

15

ПОХОД НА КОРСУНЬ

- Собиралса-то Лев да сын Володович,
Собиралса-то он да за сине морё,
За синё морё за товарами.
Напали туманы да на синё морё,
5 Не увидели хозяева пути-правёжи,
Понесло у их кáрабли без правёжу,
Приносило их под город незнаёмой
(*Прежде немного-то было разведано*),
Незнаёмой город да под Корсунь город.
Да в етом-то нонь городе царя та нет,
10 Да нету царя ноньце царевица,

- Да нет короля да королевиця.
Царит тут Маринка Кайдаловна
Да зла еретѣца безбожниця.
Да пѡд город подошли — взяла пошлину,
15 На рѣйду зашли да взяла пошлину,
На якорь ведь встали — взела пошлину
(Кака королева то тоже была!),
Да на берег съехали — взела пошлину,
В таможеню взошли да взела пошлину,
В харчевню взошли да за харчѣвен набрала,
20 Да справила Маринка тридцать три пошрины
(Она их ободрала!),
Да трое рукавки, три ватюшки,
Те за рукавки за ватюшки
Да было плочѣно по три тысеци рублей
(Она его совсем ограбила).
Отправлялся Лев сын Володович обратно.¹
25 Встрѣчают его русскіи торговьи:
„Да здравствуй, Лев сын Володовиц!
Да здорово ты ходил за синѣ морѣ,
Да здорово грузил чѡрны кáрабли?“
Говорит тут Лев сын Володовиц:
30 „Не так я ходил да за синѣ морѣ,
Не здорово грузил я чорны кáрабли.
Напали туманы на синѣ морѣ,
Не видели хозяева пути-прáвѣжу,
Понесло у нас кáрабли без прáвѣжу,
35 Приносило нас в город незнаёмой,
Незнаёмой город под Корсúнь город.
Да в етом городе царя-то нет,
Да нету царя нонеце царевица,
Да нет короля да королевица.
40 Царит тут Маринка Кайдаловна,
Да зла еретѣца нонь безбожниця.
Да мы пѡд город пришли да взела пошлину,
На рѣйду зашли да взела пошлину,
На якорь встали — взела пошлину,
45 Да на берег съехали да взела пошлину.

---

¹ Этот стих сказан словами.

- В таможеню взошли да взелá пошлину,
В харчевню взошли да за харчѣвен набралá,
Да справила Маринка тридцать три пошлины
Да трое рука́вки, трое вáтешки,
50 За те рука́вки за вáтешки
Были уплочены по три тысеци рублей“.
(Не с чем пришол, всё обрала у его она!)
Собирался-то Лев сын Володович,
Набирал-то он силы охотников,
Нагрузил-то ведь он чóрны кáрабли
(Он провизией-то нагрузилсѧ, три года они стояли).
55 Пошли-то они да по синю́ морю.
(Так он разобьѣт ее Корсунь-город-то.)
Да та ли Маринка Кайдаловна,
Да зла еретѣца безбожни́ца,
Выходила на стѣну́ городовую,
Смотрела она в подзорну трубо́чку,
60 Как увидела она чорны кáрабли,
Замыкала стѣну да городовую,
Подкопы копала, да подземельные
(Уж у ей раньше верно пригото́влено было).
Как пришол тут Лев да сын Володович
С той ли силой охо́цкѣй,
65 Обложил он кругом Корсунь город.
Стоят они под городом год порѣ,
Стоят-то под городом другóй порѣ,
Убиралса тут редовой солдат,
Говорит-то ведь он да таково́ слово:
70 „Да ой же ты, Лев сын Володович!
Не позволь ты меня казнить-вешати,
Да позволь ты мне слово молвити.
Стоянком нам города не вѣстоять,
Глеженьем стѣна́ нам не вѣгледеть,
75 Да взѣть нам нать город-то с мудростѣю.
Обнесите барабаны кругом Корсунь-город,
Насыпѣте гороху едрѣного,
Ударим мы всё во единое,
В одном месте пляшут — гороху не у́йметца.
80 Берите шипы долгомерные,
Щупайте о матушки сырóй землѣ,

- Есь ведь там ходы подземельные,
Идут ведь запасы там хлебные".
Тогда задёрнули рогатки железные,
85 Захватили ходы подземельные,
И пошли там запасы хлебные.
Та ли Маринка зла Кайдаловна,
Выходила на стену да городовую.
Во правой-то руки дёржит чяру с вином,
90 А во левой то дёржит золоты ключи
(С зельем она вышла. Она думала он согласится...
А бывает и не с зельем?),
Сама говорит таковое слово:
„Да ой еси, Лев сын Володович,
Загоню я тебе загодоцки.
Если ети ты загодоцки отганеш,
95 Корсунь тебе город я руками сдам,
Сама за тебя я уж взамуж пойду".
Говорит тут ведь Лев сын Володович:
„Изволь ты, Маринка, тут загадывать.
Мы твои загодки будем отгодывать".
100 — „А что же ты, Лев сын Володович:
Озеро мало да прорух большой?"
Говорил тут ведь Лев сын Володович:
„Ой еси, Маринка Кайдаловна,
Да та загодка была хитра-мудра
(Это она насчет подземелья),
105 Да та нынче загодоцка отганута",
— „А что же без ветру шумит, а без коренья растёт;
А в поле зелено стоит?"
— „Без ветра шумят реки быстрые,
Без коренья растёт сер горючъ-камень,
110 А в поле зелено стоит — сосны на бору".
А потом она и говорит:
„Стоит-то ведь в поле сырой дуб,
А мелкая рощица ему поклоняетца?"
(Загонула опять третью загодку-то ему.)
Говорит-то Лев сын Володович:
„Ой ты гой еси, Маринка Кайдаловна,
115 Да я стою ведь Лев сын Володович,
Моя-то сила ведь охочья,

Да она ко мне поклоняетца,
Боитця измены Маринкиной“.

*(Мало ли что она может сделать, у ей тоже войскт
в Корсунь-то!)*

Она и стала подносить:

„Ой еси, Лев сын Володович!

120 Да выпивай от меня золоту чару,
И прймай от меня золоты ключи,
Корсунь-город я тебе руками сдам,
Да сама я за тебя взамуж пойду“.
Говорит тут и Лев сын Володович:

125 „Не хочу я с тобой, Маринка, тут и рук валять,
Мы смёцем по стрелке по калёной,
Мы наёмим куцу выше города,
Сожгём город и Маринка сгорит“.¹

Так они и сделали. Зажгли город.

16

ПРО ЧУРИЛУ

В Новом городе было,

Как не во пору поро́ха выпадала,
Как не во пору да не во времё,
Середь лета было о Петрово дни.

5 По той по поро́хе снегу белого
Не бел горноста́ль да шол-проскакивал,
Да шол-про́шол да добрый молодец,
Да молод Чурило да сын Плёнкович.
Да пята́ шилом, носки́ были востры́,

10 Да по́д пету́ хоть воробей лети,
Кругом носка́ хоть еицо́ кати.
Да шубо́чка на ём се́мьсот рублей,
На шубы подтяжка позолочена,
Да ожерелье у шубы чёрна соболя,

15 Не того де соболя сибирьского,
Не сибирьско соболя — заморского
(Это с Камчатки).

---

¹ Этот стих сказан словами.

Максим Григорьевич Антонов.

Да пугови у его былі вальячныя,
Того ли вальяку краснозолоту
(*Это дорогое золото*).

- Да петелки-то были шёлковы,
20 Да того де шолку, шёлку белого,
Да белого шолку шамахильского.
Да шол-то он да ко чужу двору,
Ко чужу двору ко Перемётыну.
Перемёту дома не лучилоси,
25 Свет Васильевица не погодилосе,
Уехал он да ле во чистó полё
Да бить гусей да белых лёбедей,
Да серых маленьких утицей.
Бежал-то он да ле на краснó крыльцо,
30 Стучит, бречит он да за злато кольцо,
Дёргал ремёшок да семишёлковый.
Выходит ле Настасья да дочь Викулишна,
Сама говорит она да ле таковó слово:
„Да кто ю ворот стоит, толкайтце,
35 Стучит, гремит да во златó кольцо,
Дёргаѣт ремёшок семишолковой?“
— „Да я ле, Настасья дочь Викулишна,
Да я у ворот етом толкаюсе,
Тебя ли, Настасья, ожидаюся“.
40 Открывала она тут да новы́ воротá,
Брала Чурилу за белы́ руки,
Велá его Чурилу да по новы́м сеня́м,
Да по новы́м сеня́м да в нóву горницю.
Да розделса Чурила чуть не дóнага,
45 Да розулса Чурила ве́дь дóбоса,
Да шубоцьку он на грядоцьку,
Да шапку, рука́вки на лавоцьку,
Сапожки, чулочки под кроватоцьку.
Кормила она его вить ноньце дóсыта,
50 Поила она ноньце дóпьена,
Ложилса Чурила ве́дь с чужой женой,
С чужой женой да с чужой мужьей же.
Приходит тут дево́чка служано́чка,
Сама говорит да таковó словó:
55 „Да глуп ты, Чурило сын Плёнкович,

- Живёш ты нонь не по дорожному,
Живёш ты нонь да по домашному,
Розделса ты ведь чуть нѣ до́нага,
Розулса ты уж ноньце ведь до́боса,
60 Спиш-лежиш да со чужой женой,
Со чужой женой да с чужой мужьей же-
Скажу Пере́мѣту я Васи́льевичу“.
Говорит Чурило да таково́ слово:
„Гой еси ты, девушка чернавушка!
65 Не сказывай, девушка чернавушка,
Куплю я тебе в ко́су ленто́чку,
Которая лента сто́ит сто рублей“.
— „Не надо мне твоя ленто́чка,
Котора стоит хош и сто рублей,
70 Скажу Пере́мѣт я Васи́льевичу“.
— „Не сказывай, девушка служано́чка,
Куплю сарафан тебе на золоти,
Которой стоит восемьсот рублей“.
— „Не надо сарафан мне твой на золоти,
75 Которой стоит хоть и семьсот рублей,
Скажу я Пере́мѣт я Васи́льевичу“.
— „Не сказывай, девушка служано́чка,
Куплю тебе шубку камчатную,
Котора стоит деветьсот рублей“.
80 — „Не надо мне-ка твоя шу́боцька,
Котора стоит деветьсот рублей,
Скажу Пере́мѣт я Васи́льевичу“.
Выходила она тут на красно́ крыльце́,
Смотрела она во чисто́ полѣ.
85 Да едет детина из чиста́ поля,
Да конь по ним да аки лю́тый зверь,
На кони́ молодец да как ясѣн соко́л.
Приворачива́т да он ко тому двору,
Ко тому крыльцо́ ко Пере́мѣтynu.
90 Снимат-то он свой пухо́в колпак:
„Да здравствуй ты, девушка служано́чка,
Спасибо тебе хоть меня встрети́ла,
Да где же у меня нонь моло́да жена,
Почему она меня не встрети́ла?
95 Пировать ушла ле, столовать ли ушла,

- Ле нѣвремя какó случилось?“
Говорит тут девушка служанѡцка:
„Не пировать ушла, не столовать ушла,
И нѣвремя никакó не случилось,
100 Богатсво к твоей жены привезалосе:
Прибежал ведь конь из чистá поля,
Заскочил ведь конь да во зелѣный сад,
Примял-то ведь травоньку шелкóвую,
Да припил питья да всё медяныи“.
105 На то Перемѣт-то он догадлив был,
Соскакивал да со добрá коня,
Привезал коня да к золотú кольцю,
Бежал-то он на краснó крыльцѣ,
На краснó крыльцѣ, по новѣм сѣням,
110 На краснó крыльцѣ да прямо в горницу.
Перемѣт-от по горенке похаживáт,
В пол копьѣм да подпираетце,
Сабелька да изгибаетце,
Из кольцá в кольцо да извиваетце,
115 Еснѣшенько везде высматривáт.
Увидел он ведь уж на грядоцки,
На грядоцки да виснет шубоцка.
— „Это што у тя поштѣ, это што у тя наштѣ?“
Говорит тут Настасья дочь Викулишна:
120 „Ой эси, Перемѣт сын Васильевич!
Вечор я ходила во торговищю,
Купила тебе я кунью шубоцку,
Котора стоит ведь семьсот рублей.
На лю́дях вижу — на тебе, судáрь, люблю“.
125 Перемѣт-от по горенке похаживáт,
Сабелькой в пол подпираетце,
Да сабелька изгибаетце,
Из кольца в кольцо извиваетце,
Яснѣшенько везде высматривáт.
130 Увидел он уж на лавоцки,
На лавоцки да лежит шапоцъка,
Да шапка лежит, да уж с рукавками.
— „Это што у тебя поштѣ, и это што у тебя наштѣ?“
Говорит Настасья дочь Викулишна:
135 „Ой еси, Перемѣт сын Васильевич,

- Вечор я ходила во торговищо,
 Купила я тебе ведь шапоцьку,
 Шапку купила ведь да и с рукавками,
 На людях вижу — на тебе, сударь, люблю".
- 140 Перемёт-то по горенке похаживāt.
 Сабелькой в пол подпираетце,
 Да сабелька изгибаитце,
 Из кольца в кольцо извиваетце,
 Яснэшенько везде высматривāt.
- 145 Увидел он да под кроватоцкой,
 Под кроватоцкой лежат да сапожецки,
 Сапожки лежат да со чулоцками.
 — „Это што у тебя поштё и это што у тебя наштё?"
 — „Ой, Перемёт-от сын Васильевич,
- 150 Вечор я ходила во торговищо,
 Купила я тебе уж сапожецки,
 Сапожки купила и с чулоцками.
 На людях вижу — на тебе, сударь, люблю".
 Перемёт-от по горенке похаживāt,
- 155 Сабелькой в пол подпираетце,
 Да сабелька изгибаетце,
 Из кольца в кольцо извиваетце,
 Яснэшенько везде высматривāt.
 Увидел он ведь на кроватоцке,
- 160 На кроватоцке да лёжит мóлодец.
 Ставал-то Чурило с кроватоцки,
 Да падал ему он во резвы ногй:
 „Да здравствуй ты, брателко названной мой".
 Говорит Перемёт-от таковó слово:
- 165 „Да глуп ты, Чурило сын Плёнкович,
 Да ране тебе я уж сказывал,
 Досёле знать я тебя уговаривал,
 Што не знайся ведь, Чурило, с моей женой,
 Доведёт жена ведь до погибели".
- 170 Не ясён сокол как крылом махнул,
 Махнул крылом да крылом правым же,
 Махнул Перемёт да саблей вострою
 По той по шее по Чуриловой
 (Головú отсек).
 Говорит тут Настасья дочь Викулишня:

- 175 „Где белу лебедю лежать,
Тут и белой лебѣдушке“.¹
Говорит Перемёт таковó слово:
„Да я вашей заповеди не рушаю“.
Не ясѣн сокол да как крылом махнул,
180 Мѣхнул крылом да крылом правым же,
Мѣхнул Перемёт да саблей вострою
По той по шее по Настасьиной.
Он тут служанку взамуж взял за верность.

17

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА

- Жил-то Добрыня во Новѣ-городѣ,
Да три годы Добрыня жил — чашниѣал,
Три годы Добрыня жил — стольниѣал,
Три годы Добрыня жил — приворотниѣал.
5 Прошло того времени двенадцеть лет,
Захотелось Добрынюше по городу пройти,
Да взял-то он свой тугой лук,
Ведь тугой лук да калену стрелу,
Увидел он на терему два голубя сидят,
10 Захотелосе Добрынюше подстрѣлити.
Натягивал Добрыня свой тугой лук,
Полетела стрела по-метусову,²
Залетела поганому в окошечко,
Распорола она ему черны грудѣ
(Тут нечистый жил с Маринкой).
15 Да та ли Маринка зла Кайдаловна,
Злая еретица безбожниѣа,
Румянами-белилами намазѣласи,
Да до поеса в окошко забиваласи:
„Кто это шутки шутил, да во игрушки играл?“
20 Да надо с рук свести, надо с ног стрести“.
Да увидела Добрыню со тугим луком,
Да скрала у Добрыни три следоѣика,
Да не может Добрыня от двора отойти.

¹ Стихи 175—176 сказаны, а не спеты.

² Криво.

Говорит она да таково́ слово:

- 25 „Ой еси ты, Добрыня Никитич млад,
Ты возьми меня теперь во замужество.
Если не вóзьмёшь меня да во замужество,
Оберну я тебя турóм о чисто́ поле,
Ведь есть у меня в поле деветь турóв.¹
30 Ты же гур будешь десятый,
Ты же будешь посвирёже всех“²
(Да стала стращать Добрыню-то).

Она обернула его.

- Как узнала Добрынина матушка,
Как приходит к Маринке Кайдаловне,
Злой еретице безбожнице.
35 — „Да ой еси ты, Маринка Кайдаловна,
Оберни Добрыню в до́бры мо́лодцы!
Если не ве́рнешь Добрыню в до́бры мо́лодцы,
Оверну я тебя ведь сукою
По подъезде со псами волочитисе“.
40 Нечему́ тому Маринка не варуёт.
Говорит Добрынина матушка:
„Да ой еси, Маринка Кайдаловна,
Да злая ерети́ца безбожница,
Оверни Добрыню добрым молодцем!
45 Не овернешь Добрыню добрым молодцем,
Оверну я тебя ведь кобылою
(Тоже стращают)
На весь Новгород воду́ возить“.
Ничему тому Маринка не ва́руёт.
Тут-то Добрынина матушка
50 Сделала обрученье великое —
Взять-то Маринку во замужество.
Овернула Маринка Добрыню добрым мо́лодцем.
Говорит тут Добрынина матушка:
„Хош вóзьмёт-то Добрыня во замужество,
55 Он даст три поученья великия“.
Взял-то Добрыня во замужество,
Говорит тут Добрыня таково́ слово:

---

¹ Этот стих не снет, а сказан.

² Тоже.

- „Ой еси ты, Маринка Кайдаловна,
Да злая еретица безбожница!
60 Туша-то твоя да мне-ка надобна,
Да ноги-то твои мне не надобно:
С поганым Издолицом заплеталиси,
Да нечистого духа нахваталаси“.
Отсек он по колена ноги ей.
65 Говорит тут Добрыня таковó слово:¹
„Ой еси ты, Маринка Кайдаловна,
Зла еретица безбожница!
Тело-то твоё мне-ка надобно:
А руки-ка мне твои не надобны.
70 Со поганым Издолицом обнималась,
На нечистого духу нахваталась“.
Отсек ей по локóт руки.
Говорит-то Добрынюша таково словó:
„Ой еси ты, Маринка Кайдаловна,
75 Злая еретица безбожница!
Туша-то твоя мне-ка надобна,
Губы мне твои-ка не надобны:
Ты с поганым Издолицом целовалась,
На нечистого духу нахваталась“.
80 Отсек губы и с носом у ей
(Изуродовал он, да...),
Вывел он жеребчика неезжанного
и нелéгченного,
Привезал он Маринку за хвост,
Жеребец убежал и Маринку унёс.

18

ЖЕНИТЬБА ВЛАДИМИРА

- Что во славном во городе во Киеве,
Да у ласкова у князя у Владимира,
Да было пирóваньё-столóваньё,
Был-то у его почестей пир.
5 Да все на пиру да напивалисе,

¹ Отсюда и до конца не пел, а сказывал, сославшись на усталость.

Да все на пиру да наедались,
Да все на пиру да приросхвастались.
Боhатый ле хвастаѣт золотой казной,
Да сильней-то хвастаѣт в полѣ выслугой,

10 Соньливый хвастат коньми добрыми

*(Ведь о конях тоже забота надо: раньше вставать, да поить,
да кормить—то и кони добры),*

Да мудрый-то хвастаѣт старой матерью,
Да глупый-то хвастаѣт молодой женой
(Женой нельзя и похвастать?),

Да бедный-то хвастаѣт детьми ма́лыма.

(У меня детей много, уж я детьми буду хвастать.)

Владимир-от князь по гриденке похаживаѣт,

15 Сапог о сапог да поколачиваѣт,
Перстенёк о перстенёк да принащолкиваѣт,
Да сам говорит да таково́ слово:

„Да все вы, бояра, нонь пожо́нены,
Да все вы, бояра, нонь повенчены,

20 Да я ли князь не женат живу,
Не женат-то живу да я холо́ст хожу.
Не знаете ли вы кто мне поединщицы,
Не знаете ли супротивщицы?

Статным бы статна́, полна вѣзраста,

25 Косой бы руса́ да и лицѣм бы бела,
Сквозь платье бы тело у ей видно же,
Да сквозь тело кости видны же,
Из кости в кость мозг переливалса жи?“

(Вишь ему кака надо!)

Старшой-от хоронится за среднёго,

30 А средний хоронится за младшого

*(Бояр было много—хвастали, князь стал говорить, и все
замолкли),*

А от младшого долго и ответу нет.
Из-за того из-за стола из-за дубового
Вставал молод Пóтык сын Михайловиц.
Да он говорит-то он таково́ слово:

35 „Ой еси, батюшко Владимир князь,
Не позволь ты меня да казнить-вешати,
Позволь ты мне слово молвити.

- Ездил я в землю Лихонимскую,
Там grabbed короля шемахильского,
40 Там сбирал я и дани и пошлыны
За те же за двенадцать лет.
Есть-то у короля три дочери,
Да первая-то дочь есть Марья Семёновна,
Та ведь уж б.... да натуральная,
45 Да та ведь тебе не прилюбитце,
Да та ведь тебе не пондравитце.
Есть-то у короля вторая дочь,
Да та Марина Семёновна,
Да та поленица зла удалая
(До чего эти татары задорны! Ведь она
красива была,)
50 Да та ведь тебе не прилюбитце,
Да та тебе не пондравитце.
(Вот он стал намечать ему невесту).
Да есть-то у короля третья-то дочь,
Да та Апраксенья ведь Семёновна
(Апроксея или Ксения ведь всё равно),
Статным бы статна и полна возраста,
55 Косой-то руса и лицом бела,
Сквозь платье уж тело у ей видно же,
Сквозь тело кости у ей видны же,
Из кости ведь в кость мозг переливается.
Та ведь тебе быва́т полюбитца,
60 Та тебе быва́т пондравитца“.
Наливал ведь тут князь да золоту́ чару́,
Он и подносит Потыку сыну Ивановичу:
„Да ой еси, любимый племянник,
Молод Пóтык сын Михайлович,
65 Выпей-ко у меня чару́ с вино́м“.
Говорит тут Пóтык сын Михайлович:
„Еже не пить чару́ — огневить цяря,
А не гневить цяря — знать ехать“.
А выпил чару́, сам-от вон пошёл,
70 Оседлал он своего добра́ коня.

Он за себя привёз и за князя привёз. Он за Апраксеньей Семёновой съездил и привёз. Он за себя Марину Семёновну взял.

ПОТЫК

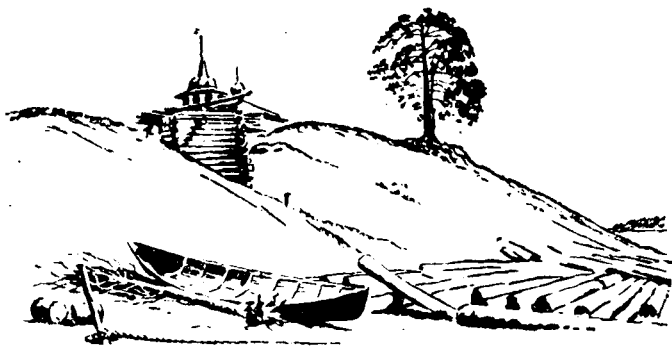
„Ой еси, Пóтык сын Михайлович!
Сыми с себя правóй сапог,
Залей ты у меня ракитов куст,
Повынеси малых детоцек“.

Он слез с коня, вода была недалёко. Он сапогом куст залил. Вот он поехал. Жёну взял. Король её принудил выйти замуж. Они ехали в пути, легли на отдóх. Она знающá ли была ли что. Он заснул богатырским сном. Она обернула камнем. Когда она обернула его камнем, змей вышел, отвернул Потыка и сделал снова удалым добрым молодцем.¹

---

¹ Припоминания дальнейших эпизодов еще более смутные.

ВАРЛАМ МАТВЕЕВИЧ МИХЕЕВ

Варлам Матвеевич Михеев — в год записи (1928 г.) крестьянин, 69 л., д. Засулье Лешуконского района. Грамотный. Он знал только две былины, публикуемые здесь. Кроме них, слышал и в книжках видал другие былины (про сорок калик, про Соловья-разбойника — слышал, про Добрыню — видел в книжке), но „ни спеть, ни сказать“ их не мог. Свои былины перенял от отца Матвея Артамоновича, крестьянина той же деревни, неграмотного, и пел их тоже на отцовский мотив. При людях, по собственному признанию, мало пел, а лишь для себя: „Как на кровати лежу — пою“.

Былины Михеева не заключают ярких индивидуальных моментов; описательная часть их не так богата, как у лучших мезенских сказителей, но сюжетная линия отличается четкостью. Интересную развязку второй былины (см. примеч. к ней) следует считать сохранившимся отзвуком старой традиции, а не индивидуальной творческой переработкой.

Длительное исполнение Михееву надоедало, и он с середины былины уже пытался перейти на прозаический рассказ.

[ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СЫН]

- По за-стольнѣму городу по за-Киеву,
По за-Киеву да по за триста вѣрст.
Тут стоял-то шатѣр да бел-полотенной,
Эх во том-то во шатри да во полотенном
5 Были-жили двенадцеть богатырей.
Во пѣрвых-то был да тут старѣй казакъ,
Как старѣй да казакъ да Илья Муромецъ,
Во вторѣх тут был Добрынюшка Микитич млад,
Во трѣтьих был Олѣшенька Попович млад,
10 Были два брателка два Суздальця.
Поутру-ту стар да стал ранѣм ранѣ,
Он ранѣм-то стал да ранѣшенько,
Умывалсы он да ключевой водой,
Утиралсы он да бѣлым полотном,
15 Он молилсѣ спасу превышному,¹
Он и брал тут трубоцѣку подзорною,
Выходил-то на улицу широкою,
Здрел-смотрел да во вси стороны.
Он завидел со ту стороноцѣку со западну,
20 Из Волянѣ де города из Галици
Не темна та туценька затуцилась,
А не синѣ облоко накатаетси,*
Как в копотѣ в тумани знаменуется —
Не знать конь-то бежит, не знать молодѣц идѣт,
25 Только знать побежка лошадиная,
Как бы знать поездка бохатырская,

---

¹ Стихи 8—10 и 15 при пении в фонограф были пропущены.

- Конь-то бежит — голову высоко несёт.
Заходит-то стар во белой шатёр,
Говорит-то стар да такое слово:
30 „Вы друзья-братья да все товарищи!
Не пора де спать — пора вставать!“
Не успел-то стар да рассказать весь,¹
Проеждят-то Сокольник да мимо заставу,
Мимо заставу да городовую,
35 Как бы их-то двенадцать богатырей ничем считат.
Говорит-то стар да такое слово:
„Кого же послать да за Сокольником?
Послать де Олешеньку Поповица —
Он роду сольнивого,
40 Сольнивого, неповоротливого,
Потерят он свою буйну голову.
Послать два брателка два Суздальца —
Ихне дело не бывало же,
О бою-драке да не видали же,
45 Потерят свои они головы.
Послать де Добрынюшку Микитыча —
Как его-то дело бывало же,
Он умет-то в поле с богатырем съехаться,
Он умет-то богатырю честь воздать“.
50 Говорит-то Добрыня такое слово:
„Вы друзья-братья да все товарищи,
Вы седлайти-уздайи моего коня!“
Они седлали-уздали добра коня,
Они клали двенадцать подпружинок,
55 А тринадцату клаал через могучу степ,
Не ради басы, а ради крепости.
Одной-то Добрыня ногой да в стремяна ступил,
А другой-то ногой на коня скочил,
По цисту полю да курюва стоит.
60 Сустегал Сокольника.
Закричал-то Сокольник громким голосом,
Засвистал-то Сокольник по солбьеву,
У Добрыни падал конь со резвых то нох.
— „Ах ты конь мой конь да товаришш мой,
65 Унеси-ко меня да от поганого,

- От поганого да от Издолишша!“
 А на то де Добрыня поворót даёт,
 Едет Добрыня ко белú шатру.
 Встречают его дружья-братья товарищи:
- 70 „Што же ты, Добрынюшка, не везёшь ведь ты,¹
 Не везёшь ведь ты да буйну голову,
 Буйну голову да на вострых копьях?
 Хотя бы мы погáлились“.
- „Едет де да не моя чета“.
- 75 Сидит-то стар да во белóм шатри.
 Возъерýлось ёгó да ретивó сердцё,
 Росходились ёгó да могучí плечá:
 „Вы седлайти-уздайти да моёгó коня!“
 Они седлали-уздали добрá коня,
- 80 Они клали двенадцеть подпружинок,
 Тринадцату клал через могучу степь.
 Одной-то стар-то в стремená вступил,
 А другой-то ногой на коня скочил,
 По цистú полю да курювá стоит,
- 85 Он и тёмны-то лесы промеж ног берёт.
 Сустегал Сокольника недалече он,
 Недалече от Киева ровно за пять вёрст.
 Закрычал Сокольник громким голосом,
 Засвистал-то Сокольник по соловьёму,
- 90 У старá казака конь-то падал со резвých-то ног.
 Бьёт-то стар да по крутым рёбрам:
 „Ах ты конь мой конь да травяной мешок!
 Не слышал ты в поле вороньего карканья,
 Не слышал ты вороньего курканья?“
- 95 Вскочил-то конь на резвы ногí,
 Подскочил-то конь да ко Сокольнику,
 Поздоровались они да не то с радости,
 Поздоровались они всё как с грубости.
 Говорит-то Сокольник таковó словó:
- 100 „Уж я съедуся со старым казакóм,
 По добру-то с им да не розъедуси“.
- Не две туценьки тут да всё затуцились,
 Не два ясных сокола вместо слеталисе,

¹ С этого стиха пытался перейти на прозаический пересказ.

- Два боһатыря вмести́ съѣжда́лися.
- 105 Они съѣхались на са́бли востры́е,
Сабли у их да пощорбали́ся,
Бросали тот бой да на сыру́ землю́.
Съѣхались ёни да на востры́ копы́я,
Востры́ копы́я у их да полома́лися.
- 110 Съѣхались ёни да на палицы́ буя́лые,
Бросали тот бой да на сыру́ землю́.
Скакали они да со до́брых коней́,
Со до́брых коней́ на рукопашный бой.
Они били́сь-драли́сь да де́вять суто́чек,
- 115 Пробы́ли они да до ко́лена грезь.
У ста́ра каза́ка пра́ва ру́ка да промахну́лася,
Ле́ва но́га да подката́лася,
Упал-то ста́р да на сыру́ землю́.
Наскочил-то Соко́льник да на бе́лы груди́,
- 120 Разрыва́т он ла́ты бу́латны́я,
Вынима́т он ножи́ще-чинга́лищо,
Хочет ста́ру-то ткну́ть да во бе́лы груди́.
Тут-то ста́р-то прироспла́кался:
„Пресвета́ ты ма́ть ты бо́жья бо́жороди́ця,
- 125 Я сто́ял-то за ве́ру крещо́ную,
Я за те же за це́ркви за бо́жии,
А да́ла ты по́ганому Издо́лишшу
Принадга́литцэ“.
Не жива́я ры́ба встре́пескала́ся,
- 130 Тут-то ста́р да возъе́рилса он.
Он стре́хнул-то Соко́льника вы́ше ну́нь
Вы́ше ле́су сто́ячего,
Упал-то Соко́льник на сыру́ землю́,
Отряхну́ло ёго да ре́тиво се́рдце́,
- 135 Наскочил-то ста́р да на Соко́льника,
Розрыва́т он ла́ты-то бу́латны́я,
Вынима́т он ножи́ще-чинга́лищо,
Хочёт ткну́ть Соко́льника во бе́лы груди́,
По ло́ктю ру́ка засто́ялася.
- 140 „Ах ты це́й уда́лой до́брой мо́лодецъ?“
— „Ах ты, ста́рой чо́рт, се́дата боро́да!
Бы́л я у ва́с на гру́дях да не спра́шива́л“.

— „Чей ты удалой добрый молодец?“ Он сказал: „Я отца своего не знаю, Латыгёркин сын“. Он ведь говорит: „Сын-то мой милой, чадо мое милое“. Тут они мировую выпили и по домам разъехались. Сокольник приехал домой. Мать его дома на крыльце стретает. Он говорит: „Стар казак тебя называет б..., меня выб.....“ Он матерь-то шаркнул копьём, через себя свиснул. Да опять-то поехал к стар-от козаку к шатру. Стар-то козак спит. Он его ткнул старого козака сонного копьём. Ему попало в крест. Он пробудился. Пробудился, схватил Сокольника одну ногу в руки, на другую наступил, так его и розорвал.

(Старому козаку смерть не была писана. Конец не ловко петь, нескладно. Остаточки. Да и мне надоело петь.)

21

[АЛЕША ПОПОВИЧ И СЕСТРА СБРОДОВИЧЕИ]

- Во стольнём-то городе-то Киеве,
У ласкова князя у Владимира
Было пированьё почёстен пир.
Все на пиру веселёшеньки,
5 Все на чесном да приросхвастались.
Богатой де хвастат золотой казной,
Сильней де хвастят в поле выслугой,
Умный-от хвастат отцем-матерью,
Глупенький хвастат молодой женой.
10 Сидят два брателка ничем не хвастают.
— „А што же вы ничем не хвастаете,
Разве пивные ковши до вас не доходили?“
— „Есть-то у нас сестра любимая,
Никто её не знат не ведаёт“.
15 Говорит-то Олёша таковó слово:
„Знаю я вашу сестру да на руки сыпал“.
— „Не пустым ли ворона похваляешься?“
— „А есть-то приметочка не малая:
Закатай-то комок снегу белою,
20 Брось-ко к ей во высок терем“.
Пошли братья да бросили во высок терем.
Открывает она окошко колодное,
Выпускает она да белое полотно.

„Отколь ты, Олёшенька, катишьси?
25 Толь ты с чиста поля
Толь ты с чесна пира?“
А тут поймался брат, заташилá брата.

*(Тут, бат, и розорвали. Обесчестила их. Она была у них
зпрятана.)*

КАРП ИВАНОВИЧ МИХЕЕВ

В 1928 г. — полуглухой и полуслепой старик 77 л., из д. Засулье Лешуконского района. Немного грамотный. Жил в. маленькой тесной избушке со своей сестрой — старухой. Былин никогда не пел, хотя в прежнее время много былин слышал и усваивал: „Поймёшь да и бросишь“. К моменту записи, кроме записанной былинки на сюжет „Правежа“, помнил еще только рассказ про исцеление Ильи Муромца прохожим старцем и расчистку Ильей леса.

От него частично запомнил содержание некоторых былин его любимый внук Миша Бобрецов 12 л., отличный сказочник, который передавал усвоенные им былинные сюжеты в виде сказки.

[ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЗНА МОНАСТЫРСКАЯ]

- Ехал стар козак Илья Муромец по чисту полю,
Наехал стар на розбойников.
Сидят у куста розбойники
И делят казну монастырскую,
5 Того же монастыря вселеньского
Светителя Миколая Моженьского.
Попросил он у их хоть петі рублей:
„Поделят казны мне“.
Не дают ему пети рублей,
10 Отказали ему совсем.
Ретивое сердце у его розгорелось:
Не дали ему пети рублей опохмелитьця,
Могучие плечи росходилися,
Выдергал он ракитов куст
15 И бросал и розбойников всех розогнал,
А казну всю отобрал и роздал по миру.

АЛЕКСАНДР АНТИПОВИЧ ОКСЕНОВ

Крестьянин 78 лет, д. Палошеле на р. Мезени Лешуконского района. В 1928 г. жил вдвоем со своей женой на небольшое пособие, которое получал за убитого на войне племянника. Родных детей не было. Неграмотный. 20 лет в параличе.

Две старины, переданные мне, усвоил еще в детские годы от деда Евтифея Алексеевича, который их пел: „Дедка на печь залезет, да поет, а я слушаю“. Сам он тоже, по его словам, раньше пел, теперь „голос не позволяет“. На самом же деле он уж многое позабыл, и в его передаче былина превратилась в сжатый рассказ, сохранивший лишь основные эпизоды сюжета.

Кроме старин, рассказал мне еще „Про Соломона похождения“ — сказку новеллистического жанра. (По указателю Н. П. Андреева, № 920.) Интересно отметить в заключительной части его сказки мотивы былины о Соломане-царе и Василии Окуловиче: кузнецова сына (на самом деле сына царя Соломона) хотят повесить за то, что в игре он повесил генеральского сына, укравшего лошадь. „Вот енерал и говорит: «Надо его самого на виселицу свезти и задавить». Вот его и повезли. А Соломан говорит: «Надо три петли сделать: петлю воробу, петлю липову, третью шелкову». Поехали там. Енерал поехал, енеральша, кузнец, палач. Вот Соломана ведут. Вот он и говорит: «Передние колеса кони тянут, а задние как катягця?» — «Бейте его, он хитёр, отвертится». А енерал: «Куда деваецця, в наших руках будет». Приехали на виселицу, петли повесили. Он взял палача в шелкову петлю повесил, енерала в воробу, а енеральшу в липову, всех повесил“.

[ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ]

- Да не белая берёзонька шатается,
 Не кудрява-зеленá преклоняитси,
 Перед матушкой Добрынюшка унижается.
 Не бумажно-ко листьё да росстилается,
 5 Да он просит у матушки благословленьице.
 Да дават ему матушка да наказыват:
 „Не играй-ко, Добрынюшка, со девками,
 Да со девками, Добрынюшка, со б.....,
 Со тема же со вдовами сволочажныма.
 10 Да поедёш, Добрынюшка, по чисту́ полю.
 Да найдут на тебя вёсны ма́рева,
 Да ударят тебя солнечны упёченки,
 Да приедёш, Добрынюшка, к Оманал-реки,
 Да захочитси тебе да покупатиси,
 15 Розувайсе, Добрынюшка, да не дóбоса,
 Роздевайсе, Добрынюшка, да не дóнага,
 Да не складывай, Добрынюшка, да пухóв колпак,
 Да не плавай, Добрынюшка, за́ третью струю.
 Да ведь третья струи́цька была относлива,
 20 Отнёсёт тебя под горы под Сорочинскии,
 Потеря́ш ты свою да буйну го́лову“.
 Да не видели у Добрынюшки поездочки,
 Только видели Добрынюшка в стременó вскочил,
 Только видели Добрынюшка коня́ седлал,
 25 Только видели у Добрыни в поле куревá стоит,
 Куревá стоит да дым столбом валит.
 Да приехал Добрынюшка ко Оманал-реке,
 Розувалса Добрынюшка да ведь дóбоса,
 Роздевалсэ Добрынюшка да ведь донaгá,

- 30 Да и поплыл Добрынюшка за первую струю,
А и поплыл Добрынюшка за вторую струю,
Захотелосе Добрынюшке за третью струю —
Отнёсло Добрынюшку да ведь под те горы,
Да под горы те под Сорочинския.
- 35 Налетела на Добрынюшку да люта змея,
Да люта нонь змея да така страшна:
„Да хочу ле тебя искрами засыплю,
Да хочу ле тебя ноньче огнём спалю,
Да хочу ле я ноньче водой стоплю!“
- 40 — „Уж ты дай мне строку на три часа“.
— „Да не дам тебе строку я на полчаса“.
— „Уж ты дай-ко мне строку хоть на два часа
Да доплыть мне до крутого славного бережку,
Роспроститься ведь мне с землёй-матерью“.
- 45 — „Уж я дам тебе строку нонь на один час“.
Да и поплыл Добрынюшка да ко бережку,
А ведь доплыл Добрынюшка до бережку,
А ведь вышел Добрынюшка да на бережок,
Да ведь складывал Добрынюшка да пухов колпак,
- 50 Набирал он хрящ мелкого камня,
Загибал тут Добрынюшка да пухов колпак,
Да вlepил тут Добрынюшка во люту змею,
Да отшиб у змеи он три хобота.
А пала змея ноньче на землю:
- 55 „Да не бей ты меня ноньче до смерти,
Пожалей ты моих да малых детушек“.
(Дальше не знаю.)

[ДОБРЫНЯ И АЛЕША]

Добрыня жоне наговаривал:

„Молода жона жди шесть лет“.

„Как ищё шесть лет не буду — живым не считай“.

Вот он шесть лет ездил по чисту полю, завалился отдохнуть.
Конь по белу шатру бьёт копытом. Он спит. — „Вставай, Добрыня
Микитич!“ — „А что ты, конь, какую невзгodu чуешь надо мной
или над собой?“ — „А твоя молодa жона взаумж пошла“. —
„А можем ли застать на церковном крыльце?“ — „Можем застать,
за столом стоят“.

Вот и приехал во своё жилище-то. Зашол к матушке своей. Попросил он наигришлов поиграть. А матушка его не признала. „Да ты как знаешь Добрынюшку Микитича?“ — „Да я знаю как самого себя“. А сам и есть. Вот и пошел на свадьбу, наигрывают. Народ замечает: „А это наигришо Добрыни Микитича!“ Пошел, сел там под порог на свадьбу. От князя чару принесли полтора ведра выпить. Он чару выпил, принесли от кнегины чару полтора ведра. Он и ту выпил. В чару спустил обрученный перстень кнегины. Вот она взяла, а перстень — обрученный. — „Ну, Олеша Попович, ты мне не жених, а я тебе не невеста, у меня свой Добрыня Микитич пришел“. Вот Олеша Попович сказал: „Ну кому ничего, а мне свадебка семьсот рублей стала“. А он это Олеша Попович обманул ее: „Я ведь Добрыню Микитича похоронил под раковым кустышком“ — обманом взял.

Ну больше и всё.

25

[ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СВЯТОГОР]

Вот Илья Муромец заповедь положил: кого наехать, того и убить. Наехал Светогора. Разъехался, палицей своей ударил Светогора. Светогор не оглядывает. Другой раз ударил. Светогор не оглядывает. Третий раз ударил, он оглулся: „Фу, русски комары кусают!“ Взял его с конём и в карман положил. У его конь подпинает. — „Ох конь, травеной мешок, подпинайсе! Не мошь себя нести не то меня“. — „Я могу себя нести и тебя, а не могу две головы человеческих нести, третью лошадину“. Вот он и хватился, забыл в кармане, вынул, поехали вместе.

Заехали на гробище. Работают старцы гробище. — „А кому вы это гробище работаете?“ — „А это тебе“. — „Это мне гробище не приходится: мало, я не войду“. — „А ну-ко лёг, отведай“. Он и лёг в гробище, крышка налетела на гробище, обручи железные. — „Ну, старый козак, бей гробище!“ Старый козак стал бить, а ещё крепче стало. — „Ну, старый козак, из меня пойдёт бела пена — съешь, а черная пена — не ешь. Ты человек не из рода“.

А он не может терпеть, сила то нать, помакивает перстом-то черную пену. Вот его стало рвать, не знать куды силы девать. У него был лес. Он дерево выдернет из корня и в Неву мечет. Заметал в Невы устье, другим прорыло.

Ну больше ничего тут.

Бр. НОВИКОВЫ, КИРИЛЛ НИКОЛАЕВИЧ и ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ

Оба исполнителя — родные братья, крестьяне д. Конечщелье Лешуконского района. И тому и другому в 1928 г. было около 60 лет.

Кроме отрывков былины „Добрыня и Илья Муромец“, ничего больше не могли припомнить. Раньше, по их словам, знали больше и лучше. В Конечщелье был старинщик Лазарь Семенович Чурсанов, от которого крестьяне и учились старинам. Пел старины и отец Новикова Николай Михайлович.

Пели братья вместе, причем запевал Кирилл. Павел, слегка разбитый параличом, подтягивал. Оба грамотные. Павел сказывал и сказки. От него мною записан еще стих об Алексее. (Рукоп. хранил. Фолькл. ком., колл. V.) Знали еще братья старинное „виноградье“. (Там же.) Кирилл Новиков был убежден в действительности событий, изображенных в былине, и ссылался на местное предание о постройке Юромской церкви, сложенной из огромных бревен богатырем несметной силы, причем приурочивал это предание к Илье Муромцу: „Вот у нас пониже щель — Юрома, там церковь на горы стоит, так такие бревна Илья Юромец на плече один таскал“. Илью Муромца он также объединяет с библейским Ильей пророком: „Илья Муромец во плоти взят, в огненной колеснице на небо взят, он живой теперь“.

[ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ДОБРЫНЯ]

- Старина, братцы, сказать да старицька связать,
 Старицька связать и да со старухою.
 Ещо храбрые удалые Илья Муромец,
 Ещо и Добрыня Никитич млад,
 5 Ещо все же на пир собиралисе,
 А и ещо все на пиру напивалисе,
 А и ещо все на пиру дак наедалисе,
 Ещо же все и на пиру да приросхвастались.
 А ещо умной-от хвастāt да старой мäterью,
 10 А безумной-от хвастāt родной сестрицей,
 А беспелюга хвастāt да молодой женой,
 А тут ведь хвастают храбрые удалые своей силушкой,
 А хвастāt Добрынюшка Микитич млад своей силушкой
 А росхвастался тут Илья Муромец
 15 А как съездить в цисто поле побрататьця.
 Выехал первый Добрынюшка Микитич млад,
 Кого за руку хватит — руку выставит,¹
 А кого за ногу хватит — ногу выломāt,
 А кого за голову хватит да голову сорвёт,
 20 А посередочки он хватит дак живота лишит.
 А тут храбрые удалые Илья Муромец
 Коho махнёт, того с ног сшибёт,²
 Коho налетит, с собой возьмёт.
 Слеталисе они побрататься во цистом поли.

(Пропускать не охота, дальше до конца не знаю, врать не хочу.)

¹ Стихи 16—17 не спел, а сказал.

² Начиная с этого стиха сказал словами.

НИКИФОР КАЛИНОВИЧ СЕМЕНОВ

Не только в своей деревне Белошелье Лешуконского района, но и в окрестных деревнях Никифор Калинович Семенов пользовался большой популярностью, любовью и уважением. „Дядя Микеша“, как его все звали, — „всему миру дядя“. „У нас-то дядя по Мезени первый, всемирный дядя“. Эта популярность была обусловлена не только его личными свойствами, — приветливостью, веселостью, готовностью прийти на помощь, но и особыми знаниями, недоступными рядовым крестьянам. Его возили по деревням „здороваться“, т. е. выполнять на свадьбах роль первого дружки. Об этом сам Никифор Калинович с гордостью говорит, что это „не всяк знает“. Видимо, он действительно был замечательным мастером дружкового дела. Приговоры дружки, от него записанные, обнаруживают большое искусство и остроумие. Последний раз в качестве „здоровальника“ Н. К. участвовал в свадьбе всего лишь 5 лет назад перед приездом на Мезень экспедиции. В 1928 г. ему уже было 75 лет.

Кроме того, дядя Микеша „метал кровь“ и останавливал кровотечение, что в прежние годы высоко ценилось в глухих мезенских деревнях, часто на многие десятки верст оторванных от медицинского пункта.

Хорошо он был известен и как сказитель былин и сказок. Тому и другому он научился еще в молодые годы на рыбных промыслах от стариков. „На озерах сядут порогь рыбу, спать хочется, так чтоб не заспать, сказки сказывают старики, старьны поют. А мы, молодые, от них учимся“.

Никифор Калинович грамотный. Служил 3 года (с 1875 по 1877 г.) во флоте, был в заграничном плавании, между прочим побывал в Нью-Йорке.

Затем после несчастия, которое с ним случилось — падения с мачты и тяжелых ушибов, его уволили на два года, по истечении которых его окончательно освободили. В 1928 г. он жил вместе со своей замужней дочерью. В доме была исключительная чистота, и был замечен достаток.

Эпический репертуар дяди Микеша интересен тем, что включает несколько редких на Мезени сюжетов. С текстовой стороны былины отличаются своеобразием и значительно отходят от традиционных мезенских типов, что, возможно, обусловлено широким общением исполнителя в былые годы не только с мезенцами. Но тексты включают и несомненные признаки деградации. Очень интересны напевы, и хотя голос Н. К. уже был слаб и во время пения прерывался, но исполнение захватывало слушателей своей подлинной артистичностью.

Кроме былин, от Н. К. Семенова мною записаны стих об Онике-воине, который он исполнял с большой выразительностью и мастерством, несколько старинных и редких заговоров, приговоры дружки, а И. В. Карнаухова записан ряд сказок. (Рукоп. хранил. Фолькл. ком., колл. V.)

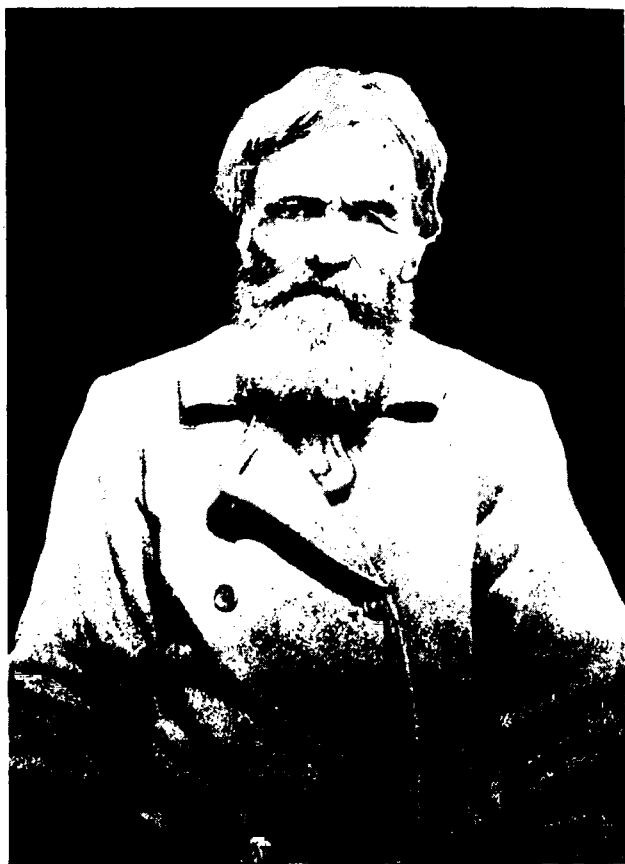

ДУНАЙ

- Ай во стольнѣм во городи было Кіеви,
 А у ласкова князя да у Владимира
 Заводилосе пирóваньѣ да столóваньѣ,
 Заводилосе столóваньѣ да почѣсѣн пир
 5 Как для тех же князей да тех бóеров,
 Как для всех сильних могучих бохáтырей.
 Ище вси на пиру да напивалисе,
 А как все ле на чесном наедалисе,
 А как все на пиру-ту приросхвастались.
 10 А как сильнии хвастают своей силою,
 А бохаты-те хвастáт золотóй казной,
 А инии-то хвастают кóнями-то добрыми,
 А умный-то хвастáет да молодой женой,
 А безумной-ѣт хвастáт старой матерью.¹
 15 А Владимир князь по горѣнке похаживáт,
 Он ведь жолты-те кудѣрышка ле расчѣсывáт.
 Говорит тут красно солнышко да Владимир князь:
 „Уж вы хой еси, князья да мои бóеры,
 Уж вы все ли могучии мои бохáтыри,
 20 У нас все же нонече были пожонены,
 А как красны-те девушки были повыданы,
 А один только я не жонат живу.
 Вы не знаете ле мне-ка молоду жонѹ?
 А ище ростóм в меня была и личикóм бела,
 25 А руса косá была до поеса,
 А как оци-те ясны как у соколá,

¹ 13-й и 14-й стихи — явная огэворка.

Никифор Калинович Семенов.

- А как брови-те были как у соболя".
 Вискакивал Добрынюшка Микитич блад,
 Говорил Добрыня да таково слово:
- 30 „Ох ты хой еси, красно солнышко Владимир князь!
 Ты позволь-ко позволь мне слово молвити,
 Слово молвити да речь говорить".
 Да респроговорил красно солнышко Владимир князь:
 „Говори-ко, Добрынюшка, что тебе надобно".
- 35 Говорит Добрынюшка Микитич блад:
 „Уж я знаю тебе да боһосужону,
 Боһосужону да красну девицю.
 Уж и ростом в тебя она, личиком белá,
 Да русá-то косá у ей до пояса,
- 40 А как оци-ти ясны да как у сокола,
 А как брови-ти черны как у соболя.
(Забыл у какого князя)
 У того же да князя да леховинского,
 У него есть ноне кнегина Опраксея,
 Ишо можно ехать да посвататься,
- 45 Как добром не даст, так мы силком возьмём.
 Ишо сватом-то послать да Илью Муромца,
 А второго-то Добрынюшку ле да Микитичя,
 А третьёго Дуная сына Ивановичя".¹
 — „Уж вы съездите удалы добры молодци,
- 50 Уж вы сильнии могучии боһатыри,
 Если сосватаете, то награжу я вас,
 Награжу вас да золотой казной".
 Они выходят на широкий двор,²
 Седлают-уздают да коней добрых,
- 55 А накидывают они седёлышка да черкасские,
 А подтягивают подпружецки шелковыя,
 И двенадцать подпружецков да знать с подпружою,
 Да накидывают цепочки да всё серебряные,
 Да не ради басы — ради крепости,
- 60 Чтобы конь из-под их нонече не выпренул.
 Ай да скакали они да на добрых коней,
 Только видел красно солнышко Владимир князь,

¹ Дальше, сказал, хорошо не помнит.

² Вариант при словесной передаче:

Выходили добры молодци да на конюший двор.

- Как скакали они на добрых коней.
А не видел он поездки да бохатырское.
Только видит во чистом поли туман стоит,
65 Как туман-от стоит да пыль столбом валит.
Приехали они ко князю как леховиньскому,
А не спрашивают они у ворот нонь да приворотников,
Да не спрашивают они середи двора караульщиков,
Как въезжают добры молодцы на широкий двор.
70 Ай да соскакивают с коней да добрых,
Как привязывают к столбу да дубову
Как за те же за колечушка за серебряны.
И пошли-то они во гринюшки во светлыя,
Идут они да по красну крыльцю,
75 А ступешок о ступешок да догибаютци.
А заходили они во гринюшки во светлыя,
Они кланяютця князю да до пёса:
„Уж ты здравствуй нонь, ты князь да Бугригорьевич!“
— „Уж вы здравствуйте, дак удалы добры молодцы,
80 Уж вы сильни могучие бохатыри!
Я не знаю имени ведь и вотчины,
Я не знаю великого отчества,
Вы куда едете, вы куда путь держите?
Али приехали послужить мне да верой-правдою?“
85 Отвечает-то тут старой козак да Илья Муромец,
Говорит-то он да таково слово:
„Не служить мы приехали к тебе — посвататься
Да на той же кнегины да на Опрáксеи,
За того же за князя да за Владимира,
90 Если добром не даш, то силком возьмём“.
Говорит-то князь таково слово:
„Не отдам я за князя за Владимира“.
— „А добром не даш — мы силком возьмём“.
Они пошли во гринюшки во девóчии,¹
95 Они брали кнегину за белы руки,
Выводили кнегину да на красну крыльцё,
Посадили кнегину да на добра коня.
А выходит ноньче князь на красну крыльцо,

---

¹ Вариант, сказанный словами:

Они пошли да во девичьи полаты да белокаменны.

- Говорит-то он да таковó словó:¹
- 100 „Ох вы хой еси, удалы да добры молодци,
 Уж вы сильни могучия боһатыри!
 Обратитесь-ко во гринюшки во светлыя,
 Ищó я нонече я вас нонь употчую“.²
 Говорит тут старый казак Илья Муромец,
- 105 Говорит-то о:з таковó слово:
 „На приезде-то гостей ведь да не употчовал,
 На поезде гостей дак не употчовать“.
 Как поехали добры молодци во Киёв град
 Как к тому же ко князю ко Владимиру,
- 110 Привезли ёму кнегину нонь Опрáксею.
 Она ростóм в ёго и личикóм бела,
 Да руса-то косá у ей до пояса,
 А как очи-ти ясны да как у соколá,
 А брови-те черны как у соболя,
- 115 А как князю Владимиру невеста да нонь понравилась,
 И сделали они да нонече свадьбуку,
 А как их ноне князь да пожаловал
 И поблагодарил он сильних, могучих боһатырей,
 Наградил он их золотой казной.

Конецъ.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК

В городе Муроме селе Карачарове был жил Илья Муромец. Сидел Илья Муромецъ тридцать лет, не мог он ходить, у его ноги было ровно верёвки легались. В одно время пришли три старця и просят у его напиться.—„Рад был бы вам подать, старци, напиться да у меня ножечки не служат“.— „А ну-ко встань да попробуй!“

Он встал и пошел во глубок погрёб. Налил он братыню пива. Они взяли и говорят: „Ну-ко выпей-ка сам наперед!“ Хорошо, он выпил.— „Ну, что ты чувствуешь?“— „А у мя появилась

¹ При пении этот стих пропущен.

² Вариант, сказанный словами:

Соберу я ныне вам пир да беседушку.

иначе силушка“. — „Ну-ко пойди, налей другу пива пьяного нам выпить“.

Он опять вынес им братыню. — „Ну-ко выпей ещё ты сам!“ Он выпил. — „Што ты теперь, Илья Муромец, чувствуешь?“ — „Чувствую я силу агромадную, — говорит. — Если закопан был в сырú землю столб, повернул я сырú землю вверх дном“. — „Ну-ко пойди налей нам еще третью братыню!“

„Ну-ко выпей еще сам, Илья Муромец!“

— „Только чувствую я теперь — у меня убyla силушка наполовинушку“. — „Ну довольно тебе, Илья Муромец, этой силушки. А тебе во чистом поле смерть не писана“.

Хорошо. А была у его у отца-родителя созвана помочь чистить чашенину. И побежал Илья Муромец ко своему родителю на помочь. И почал он рвать и ломать тёмный лес. Отец удивился своему сыну.

(Вот я тут забыл, как достал коня доброго и сбрую богатырскую.)

- Он седдал да коня доброго,
И простилса он да с отцом с матушкой,
И скакал он на добра коня.
И поехал Илья Муромец в путь да во дорожечку,
5 И приехал он в деревню да во Черниговку,
Он и спрашивает дорожку да преемезжую.
— „Ох ты ной еси, удамый да добрый молодец,
Залегла та дорожецка уже тридцетъ лет.
Как по той-то дорожецке есть три заставушки:
10 Перва-то застава да лёсы тёмныи,
А вторая-то заставушка да грёзи чорныи,
А третья-то заставушка — есть Соловей да
розбойничок,
Он сидит-то нонь да на двенадцетъ дубов,
Не пропускāt он ни конного ни пешего,
15 Убивāt он своим громким голосом“.
Скакал тут Илья Муромец опять на добра коня,
И приехал он да к лесу тёмному.
Слезывал Илеюшко со добра коня,
Он одной рукой да нонь коня ведёт,
20 А другой рукой он ведь лес ломāt,
Он ведь лес ломāt да он мосты мостит.

- Он проехал ноньче Илья Муромечь да две заста-
вушки,
Он выехал да Илья Муромечь на луга да на зелёные,
Увидал Илья Муромечь двенадцеть дубов,
25 На дубу-то сидит Соловей он розбойничок.
Засвистал Соловей да по соловьиному,
Заревел Соловей да по звериному,
Замызгал собака да по собачьему,
Зашипел Соловей да по змейному,
30 А под Ильёй Муромцем конь да на коленца пал,
От того-то от рёву от соловьиного.
И бьёт Илья Муромечь коня да по крутым ребрам:
„Ох ты конь-то конь да травеной мешок!
Не слышал ты, конь, свисту да соловьиного,
35 Али рёву ты, конь, да звериного?“
Вынимает Илья Муромечь да ле тугой лук
И вынимает из кольчяна да калену стрелу,
И спускает он калену стрелу да в Соловья
розбойника.
И впилась та стрела ему да в правой глаз,
40 И пал Соловей да как овсяной сноп.
Он свезал Соловья да розбойника
И привезал его к седёлышку черкасскому,
И поехал Илья Муромечь опять в путь да дороженьку.
А надо ехать мимо Соловьиного да высока терема,
45 А у Соловья-то было да две дочери,
Кинулись эти дочери отымать отца.
Говорил тут Соловей дочерям: „Дети милые!
Когда я не мог состоять с этим удалым добрым молодцем,
вам подавну не состоять.
Вы просите лучше его да во высок терём,
50 Вы угостите его чем вы можете“.
И стали просить они Илью Муромца во высок терём,
А они вздумали да Ильюшку изловить его.
У них поднята была подворотня со зазубрами,
Она не лёгка не мала — восемьсот пудов,
55 Хотели они Илью Муромца прижать подворотнею.
Увидел Илья Муромечь эту ловушечку,
И ударил он коня да по крутым бедрам,
И поехал Илья Муромечь он да во Киев град,

- Да к тому же ко князю да ко Владимиру.
- 60 Он приехал Илья Муромець да во Киев град,
К тому же да ко князю ко Владимиру.
И зашел Илеюшко во гриднюшки во светлые,
А у князя Владимира было пирóваньё-столóваньё
Для всех-то кнезей для всех бóеров
- 65 И для сильних могучих боһатырей.
Он зашел да во гриднюшки во светлые,
Он ведь крест-то кладёт по писáному,
А поклон он ведёт по учёному,
Он ведь кланяетце да на все стороны,
- 70 А князю Владимиру с кнегиней Апраксеей на особицю:
„Уж ты здравствуй, красно солнышко Владимир князь,
Уж вы здравствуйте, князя да все бóера,
Уж вы сильные моһучие боһатыри!“
Распроговорил красно солнышко Владимир князь:
- 75 „Я не знаю тебе ни имени ни вотчины,
И не знаю тебя да отчества.
Ты какой земли, какого городу?“
— „Уж я города ноньче да Мурóма,
А села-то я да Карачарова.
- 80 А зовут меня Илеюшко да Илья Муромец.
Да сын Иванович“.
— „Ты покудова ехал, покуда путь держал?“
— „Уж я ехал дорожкой да премоеждею“.
Говорят все сильнии моһучие боһатыри:
- 85 „Ох ты һой еси, красно солнышко Владимир князь!
Во очах-то детинка да завираетце.
Уж где ему проехать дорожка-то премоеждея?
Залегла та ведь дорожецка тридцеть лет
От того-то Соловьё нонь да розбойника“.
- 90 — „Ох ты һой еси, красно солнышко Владимир князь,
Если вы не верите мне, то пойдемте, я привёз розбой-
ника на двор к себе“.
И пошли все князьё-бóеры на ширóкой двор,
Уж все сильнии моһучии боһатыри,
И красно солнышко Владимир с кнегиней со Апраксеею,
- 95 Они вышли все да на широкой двор,
Он ведь князя-то взял под праву́ рúку,
А кнегину-то взял под леву́ рúку

- И приказал он розбойнику засвистать ему в полсвиста,
 И зареветь Соловьёу нонче в полревá,
 100 И замызгать собаке в половина мызгá.
 Тому де Соловёй да не поверил же,
 Засвистал Соловёй да во весь нынче свист,
 Заревел Соловёй да во весь-то рёв.
 Все кнезья-бóеры да испугалисе,
 105 На карачках по двору да напóзалисе,
 А Илья Муромец с кнегиной да Опраксеей
 Едва живы́ стоят.
(Он их под руки поддерживал.)
 Говорит-то красно солнышко Владимир князь:
 „Ох ты хой еси, да удалой доброй молодец,
 110 Ох ты хой, Илья да Илья Муромец,
 Да сын Иванович,
 Ищё эта нам шуточка не надобна,
 Ты уйми Соловья нонче розбойника“.
 Он хватил Соловья да за резвы́ ногй,
 115 И вы́знул он выше своей буйной гóловы,
 И ударил он его да о горючь камень,
 И росшиб он его Соловья да в кро́шечки.
 И взял красно солнышко Владимир князь
 Илью Муромца за белы́ руки
 120 И ввел его в гриднюшки во светлыи,
 И посадил он Илеюшко ещё выше всех,
 И стал он Илеюшко нонь потчевать.
 Принесли Илеюшке чару да зеленá вина,
 И не малу не велику да полтора ведра.
 125 И берёт-то Илеюшко еднóй рукóй,
 И выпивает Илеюшко на ед́иной дух.
 Поднесли Илеюшке мёду сладкого тóрий рог,
 Берёт Илеюшко еднóй рукой,
 Выпивает Илеюшко да ко еднóму духу.
 130 Говорит-то Красно солнышко да таковó словó:
 „Вот тебе, Илеюшко, я дам честь и славушку,
 Над кнезьями ты будеш ещё выше всех.
 Над бохатырями то ты будеш да ещё выше всех“.
 Вставал тут Илеюшко да на резвы́ ногй
 135 И кланялся Илеюшко до пóеса.
 Про Илеюшку эта славушка да всё окончилась.

ИВАН ГОДИНОВИЧ

- Ой во стольнѣм во городи было во Києви,
 Да у ласкова князя да у Владимира
 Заводилосе пирѡваниѣ-столѡваниѣ,
 Заводилосе столѡваниѣ почестѣн пир.
- 5 Ище все ли на пиру дакы напивалисе,
 Ах как все ли на чесном дакы наедалисе,
 Ище все ле на пиру приросхвастались,
 Как один молодец сидит не пьѣт не ест,
 Он не пьѣт-то не ест, сидит не кушаѣт,^{*1}
- 10 Ищо белой лебѣдушки не рушаѣт.
 Говорил тут красно солнышко ле да Владимир князь:
 „Ох ты хой еси, Иван сын да Годинович!
 Уж ты што же ты сидишь не пьѣш не кушаѣш,
 А как белой-то лебѣдушки не рушаѣш?“
- 15 Вот проговорил Иван сын Годинович:
 „Ой ты хой еси, краснѡ солнышко Владимир князь!
 Ище все у нас в городи пожонѣны,
 А как красные девушки повыданы,
 А один-то ле я не жонат живу,
- 20 Ты позволь-ко позволь да женитисе“.
 Говорил красно солнышко Владимир князь:
 „Ты жонись-ко жонись, Иван да сын Годинович,
 Ты бери-тко во городе Києви,
 А не надо те во городи ле во Києви —
- 25 Ты бери-тко во городи ле во Чернигови“.
 Роспроговорил Иван сын ле да Годинович:
 „Я не возьму во городи во Києви,
 Мне не надо во городи и в Чернигови,
 Я возьму-то во городи ле то во Ляхови,
- 30 У того же нонь князя ляховиньского
 Ищо то Настасью да Бугригорьевну“.
 — „Ох ты хой еси, Иван сын да Годинович,
 А и той те невесты не владать будѣш“.
 Разгорелось да серце бохатырьскоѡ,
 35 А он скакал Иван да на резвы ногѣ,

¹ Стих 7 при пении на фонограф был пропущен.

- Он одной-то ногой на дубовой стол,
 А друго́й-то ногой на серёдку пол.
 Побежал тут Иван дак на красно крыльцо
 Да к тому же нонь родителю:
- 40 „Ох ты ной еси, батюшко родимой мой!
 Уж ты дай блаґословленьицо да жонитисе“.
 — „Ты жонись-ко жонись, Иван да Го́диновиць“.
 Выходил тут Иван да на красно крыльцѣ,
 От крыльця он пошол да ' конюшой двор.
- 45 Он седлал тут коня да коня доброго,
 Он накинул седѣлушко черкасьское,
 Он подпряг тут двенадцеть подпруг с подпругою,
 А накинул ноньце чету́ железную,
 А не для ради басы, а для крепости,
- 50 Из-под ёго штобы конь не вы́пренул,
 Он поехал ко князю к ляховинскому.
 Он приехал ко князю к ляховинскому,
 Он заходит во гридиюшки во светлыя.
 — „Уж ты здраствуй, Иван да сын Го́диновиц,
- 55 Ты приехал да ко мне верой-правдою?“¹
 — „Не служить я приехал — посвататъсѣ
 А на той же Настасьи Бугригорьевной“.
 — „Ох ты ной еси, Иван дак сын да Го́диновиць!
 У меня Настасья у меня да просватана
- 60 За того же арапа нонь заморьского“.
 Розгорелосѣ у его сердце да боґатырскоѣ,
 Он пошол тут Иван да сын да Го́диновиц
 А в те же полаты да белокамянны,
 Ище где живѣт Настасья да Бугригорьевна.
- 65 Он и брал Настасью за белы́ руки,
 Выводил он ей на красно крыльцѣ.
 Говорил тут князь да Бугригорьевич:
 „Ты постой-ко, Иван да сын да Го́диновиц,
 Ты пойдѣм-ко во гридни мои во светлыя,
- 70 Ты поеш-ко попей ты да покушай-ко“.
 Говорил тут Иван да сын да Го́диновиц:
 „На приезде нонь гостя не употчѣвал,
 На поѣзде нонь гостя нонь не употчуѣш“.

¹ Очевидный пропуск: „служить верой-правдою“.

- Как скакал тут Иван да сын да Годинович,
75 Он скакал тут Иван на добрѣ коня,
Он повёз тут Настасью да Бугригорьевну.
Они едут с Настасьей по чисту полю,
А они роскинули [шатёр] да белобархатной.
А в то время-то приехал нонь арап да заморьской
80 Да к тому же ко князю Бугригорьеву,
Не застал он Настасьи да Богригорьевны:
Увёз-то Настасью Иван да сын да Годинович.
Он скакал тут арап на добрѣ коня,
Догонил Ивана сына ноньче Годиновица,
85 А они делали нонь схватку да бохатырскую.
Поборол он арапа да арапа ноньче черного,
А забыл он кинжалищю да булатноё.
Говорил тут да Иван да сын да Годиновиц:
„Ох ты хой еси, Настасья да Бугригорьевна,
90 Ты неси-ко мне кинжалищю булатноё“.
Говорит тут арап да заморьской же:
„Не носи-то, Настасья, ёму кинжалище,
Ище выбрось кинжалищю под ракивов куст,
А ты сдёрни Ивана сына Годиновича“.
95 Она сдёрнула Ивана да Годиновица,
Привезали они Ивана да к дереву,
А зашли они в шатёр с Настасьей Бугригорьевной.
Розгорелосе у Ивана де сердце бохатырскоё,
Он сорвал тут ремни со белых-то рук,
100 И забежал тут Иван сын да Годинович,
Заколот тут арапа да арапа ноньче черного
И поехал с Настасьей Бугригорьевной.
Они приехали к рудью да рудью глубокому.
Говорил тут Иван да сын да Годинович:
105 „Ох ты хой еси, Настасья да Бугригорьевна,
Уж ты слезь ты слезь с коня доброго,
Ты подай-ко подай мне наптитисе!“
Поднесла она ведь чяру ключевой воды.
— „А не надо мне от тебя ключева вода:
110 Ты обнимала арапа да ноньче черного“.
Он отсек отрубил у ей праву руку.
— „Ты подай-ко подай из левой руки!“
Поднесла она ведь чяру ключевой воды.

- „А не надо мне от тебя из левой руки:
115 Ты держала арапа да ноньче черного“.
Отрубил он у ей да нонь леву руку.
— „Закуси ты зубами чару золочёную!“
Поднесла она чару ключевой воды.
— „А не надо мне да ключевá водá:
120 Чоловала ты арапа да ноньче черного“.
Он отсек у ей да буйну голову.

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

- На счастье старá казакá нонь Илья Муромця,
Да на силу ту Добрынюшки ле Микитича,
На богатство на то Дюка ле Степановича,
Роспостроен был у Дюка да был широкой двор,
5 Он не мал и не велик дак на семи вёрстах,
Было триста столбов в двори серебряных,
Сто пятьдесят столбов дак позолочёных,
Полтретьяста столбóв дак скатна жемцюга,
А ищó медных, железных да чисто сметы нет.
10 А нонь падал Дюк ле сын Степанович
А он своёй маменьке во резвы́ ногí,
А он ведь просил-то благословеньица великого:
„Еще съездить мне добру молодцу да во Ки́ев град,
Да к тому же ле ко князю ко Владимиру“.
15 Не давала ёму маменька дак благословленьице:
„Ты приедёшь ко князю да ко Владимиру,
Заведётся пирóваньё-столóваньё,
Заведётся столóваньё да почёсён пир.
Поднесут тебе чару да зеленá винá,
20 Уж ты выпьёшь ведь чару зеленá винá,
Уж ты выкинеш слово, которо да не надобно“.
Он ведь падал ле Дюк во второ́й на́ко́н,
Тогда дала ему маменька благословленьица.
Он скакал тут ведь Дюк дак на добра́ коня́,
25 Он приехал ко князю да ко Владимиру.
Завелосе у его пирóваньё да столóваньё,
Завелосе столóваньё да почёсён пир
На тех си́льных бо́хатырей.

- Поднесли ему цюру да зеленá вина,
30 Он берёт-то ведь цюру да одной рукой,
Выпивáт он чару ведь нонеча дóсуха.
И он и стал ноне Дюк то́гда закусывать,
Он ведь верхню-то короцку на стол кладёт,
А как нижну-то короцку под стол гребёт:
35 „Ищó пахнут ваши хлебцы на сóсенку.
У моёй-то ведь маменьки родимоей,
У нас пёченки были да всё да муравлёны,
А помёлышка-ти были да всё шолкóвые,
В медову-то воду да всё помакивают,
40 А пирожок у нас съеш — на друной гледиш,
А другой-то съеш — третий пуще хочи́тца“.
Распроговорят князи́ вси тут бóяра:
„Ох ты хой еси, красно солнышко Владимир·князь!
Во очáх детинка да забохвалилса.
45 Ищó нать знать послáть посланников да скороходников,
Описать его всё да всё богатство-имущество“.¹
Они прожили нонь у ей да как шесть месяцев
(Посланники),
А на третий-то имущества не могли описать.
— „Ой ты хой еси, красно солнышко Владимир князь!
50 Уж пуцай пошлёт маменька ему одёжды самоцветные“
А послала она одежды самоцветные,
Да не много не мало да петьдесят возов.

Вот после стали переодеваться. Ай до обеда он оденется,
после обеда другое, а которое сденет, то роздаст христа ради,
и все сироты-то сделались купечеством.

То́гда отпустили его ко своей маменьки.

31

[КНЯЗЬ МИХАЙЛО]

- Был жил Михайло архангел,
Не владел он не руками да не ногами.
Да поеждял князь Михайло архангил
На свою службу да на вёрну,
5 Его маменька да родима
Со двора сына спроводила,

¹ Этот стих не спел, а сказал словами.

- Парну баенку затопила,
Серой камешек нажигала,
Из нутробы младеня да выжыгала.
- 10 Вырубала она ему да колоду,
Трубчатú ле белú берёзу.
Заколачивала она кнегину Катерину,
Наколачивала она обручи да железны.
Как вывóзила она ету белú колоду
- 15 Во синё морё да Хвалыньско,
Как спускала она эту колоду
Во синё морё да Хвалыньско.
Приеждяёт князь Михайло архангел
Со своей-то службы он великой.
- 20 Ёго маменька да стретаёт.
И говорил князь Михайло архангел таковó словó:
„Уж ты маменька да моя родима,
Уж и где моя кнегина да Катерина?“
— „Уж ты, дитетко да сердечно,
- 25 Как твоя-то кнегина у суседа да на бесёды,
У суседа да на палатях,
На тёсовых да на кроватях“.
Тут пошол князь Михайло да ко суседу,
Ко суседу да на беседу,
- 30 Он спрашивает кнегину Катерину.
Говорят-то князю Михайло да архангелу:
„Как твоя-то маменька родима
Со двора сына проводила,
Парну баенку затопила,
- 35 Серой камешек нажигала,
Из нутробы младеня да выжыгала,
Вырубала она ему да колоду,
Заколачивала она твою кнегину Катерину
В трубчатú ле белú берёзу,
- 40 Наколачивала она на колоду
Как три обруча да железны,
Вывозила она да эту колоду
К синю морю да Хвалыньску,
Как спускала она эту колоду
- 45 Да во синё морё Хвалыньско“.
- Вот и конец.

МАКСИМ ВАСИЛЬЕВИЧ СЕМЕНОВ

Максим Васильевич Семенов — в 1928 г. крестьянин 56 л., д. Белошелье на р. Мезени Лешуконского района. Женатый, но бездетный. Грамотный. Был на военной службе.

Былины перенял главным образом от Власа Калиныча Семенова (родного брата Никифора — „дяди Микеши“, см. о нем заметку на стр. 234), но частично и из книг. Влас Калиныч умер 20 лет тому назад. Он свое знание былинного сказительства вынес с морских тюленых промыслов. Отец Максима тоже знал старины. От Власа Калиныча Максим Семенов перенял, по его словам, кроме публикуемых, еще былины об Иване Годиновиче и Дюке Степановиче и стих об Онике-воине. Из книги усвоил „рассказом“ былины „Добрыня и Илья Муромец“, „Добрыня и змей“, „Добрыня в отъезде“ и „Волх Всеславьевич“.

Знание былин Максим Семенов ставил очень высоко. Он, видимо, досадовал на успех и авторитет Никифора Семенова, как исполнителя, среди односельчан. Любил подчеркнуть свою популярность: „Мужикам-то старины поёшь, да устанешь, да расскажью. В лесу, когда живёшь, просят. Да заспят, так и перестану“.

Каждую былинку сперва рассказывал, потом пел. Иногда во время исполнения переходил на прозу. Когда же я останавливала его и обращала его внимание на это, легко снова переходил на пение. Пел все былины на один напев, с большим увлечением; пение прерывал многочисленными замечаниями.

Тексты его представляют большой интерес своим своеобразием, отличаясь от типичных мезенских обработок и перекликаясь с онежскими. Возможно, что это своеобразие — результат скрещения влияний, идущих от устной традиции и из книг. Но, может быть, уже на самом репертуаре Власа Калиныча, складывавшемся в условиях артельных промыслов, сказались влияния традиций других районов. Некоторые своеобразные черты, несомненно, внесены и самим Максимом Васильевичем, видимо, хорошо владеющим былинным ритмом, легко и свободно перекладывающим прозу в строй былины и ритм напева.

М. В. Семенов — один из лучших сказочников Мезени. Сказки от него записаны А. И. Никифоровым в том же 1928 г. (Рукоп. хранил. Фолькл. ком., колл. V, п. 2, № 75—82.) Краткую характеристику его как сказочника см. в работе А. И. Никифорова: „Победитель змея“. (Советский фольклор, № 4 — 5, стр. 150.) Там же опубликована его сказка „Про Ваню и Васю“.

ИЛЪЯ МУРОМЕЦ

- Ище пѣрва-то поездка Илье Мурѡмца,
 А срежается Илеюшка в Киѣв-град,
 А кладѣт он заповедь ведь великую,
 А велику кладѣт заповедь, тежолую:
- 5 „Ищо ехать мне доброму молодцу во Киѣв град,
 Ищо ехать мне-ка ехать — не кровавить рук“.
 Да кладѣт ведь он сабельку прикаиват,
 Да прикаиват он сабельку, приговариват,
 А кладѣт он копейцо да долгомерноѣ,
- 10 Да кладѣт он копейцо да приговариват,
 Да кладѣт он ведь он палицу боѣвую,
 А кладѣт ведь он палицу, приговариват:
 „Ехать мне доброму молодцу — не кровавить рук“.
 Поехал Илеюшка во Киѣв град.
- 15 Он ведь выехал Илеюшка во чисто полѣ,
 А вымал он ведь трубоцку подзорную,
 Он смотрел тут гледел на все стороны,
 Он смотрел-гледел под летную под осточную,
 Под летную под осточную стороночку,
- 20 А стоял'от тут силушки цѣрным цѣрно
 Как под тем под городом Черниговом.
 Закипел' в ѣм сердце да молодецкоѣ,
 Росходилась силушка боһатырьская,
 Ищо оци те ясны замутилисе,
- 25 Как горюция слѣзы да покатилисѣ.
 Говорил он таковѡ словѡ:
 „Всяк кладѣт заповедь да не всяк исполняет“.¹

¹ Стихи 26—27 сказаны, а не спеты.

- Как оторвал он сабельку он вои́нську,
А оторвал копейцо да долгомерно́е,
30 Как оторвал он палицу боёвую,
Поскакал он удалой да доброй молодець,
Уж как стал он по силушке поездивать,
Он куда он махнёт — тут улица,
А куда отвернёт — так с переулками.
35 А ищё выбил он до единого.

А их тут было три царевича. Он и говорит: „Пойдите домой,
у нас тут света Русь не пуста стоит“.

- Как приехал он к городу Цернигову,
Ище встретили ёго мужики церниговцы,
Выносят ему тут подарочки:
Ище пер́ва чаша да злата-серебра,
40 А втора́-то чаша да скатна жемчуга.
Ищо просят себе они да воеводою.

От воеводства отказался:

- „Ище где же тут дорожка да премоеждя,
Премоеждя дороже́цка, премохожая?“
Говорили они да таковó слово:
45 „Ты не ездий той дорожкой ты премоеждёй,
Премоеждёй той дорожкой, премохожеей.
А запала та дорожка прямо тридцетъ лет,
От того же от Соловь́я от розбойника.

*(Это былъ, это былина. Были мужики у меня из тех
местов, сказывали — всё это верно. Есть Киев-град, Брынские
леса, и тут Соловьёва деревня.)*

- Есть ещё тут три заставушки:
50 Ищо пер́ва-то застава — речка Заострово́цка,
А втора́-то заставушка — черны́ грезй,
И ищо трё́тья-то заставушка — темны́ леса́“.
А поехал он дорожкой да премоеждёю,
А премоеждёю дороженькой, премохожею.
55 Переехал он речку Заостровочку,
А проехал он удалой да доброй молодець,
А проехал он черны́ грезии и темны́ леса.
Он и выехал удалой доброй молодець,
Он ведь выехал на чисто́ полё,

- 60 Как вымал он ведь трубочку подзорную,
Он смотрел тут гледел на все стороны,
Усмотрел-угледил во поле чернйзинку,
Он поехал тут прямо к Соловью на двор.
Не допускает его Соловей да розбойницёк,
65 Не допускает его ровно за тридцеть вёрст.¹
Заревел тут зверь-то по звериному,
Зашипел тут змей-то по змеиному,
Ишо всякими разныма голосóчками,
У Илеюшки кóнницок на колени пал.
70 Он ведь бил тут коня по крутым ребрам,
Он ведь бил тут коня да приговаривал:
„Уж ты хой еси, конь да травяной мешок!
Не слышал ле ты крику да бохатырьского,
Не слышал ле ты рёву тут звериного?“

Тогда подъехал он к самому дереву

*(Это всё в книжке есть. У нас картинка была, он
с луком был...),*

- 75 Он приехал поближе да к самому дереву
(А он тут ревёт, всю силу употребляет!),
Как берёт тут Илеюшко да калену стрелу.
Натегает как Илеюшко да тугой лук,
Как спускаёт тут Илеюшко да калену стрелу.
Полетела у Илеюшки каленá стрелá,

- 80 Как попал Соловью тут во правый глаз,
Повалилса Соловьюшка как овсяной сноп
(С дерева свалилса).

Привезал он Соловья да за стремяна
(Не убил, привезал его),
Как повёз он его прямо во Киёв град
(Ко князю Владимиру).

Ишо стал он тут его упрашивать,

- 85 Ишо стал он тут его умаливать:
„Как поедём ко мне да на широкой двор,
Ищё я тебя Илеюшку употчую“.

*(Велит спустить его живым, он согласился и поехал
на широкой двор.)*

---

¹ Этот стих не спет, а сказан.

- У его была подворотня с зазубринами.
С балхона смотрели его дочери.¹
90 Как увидели едѣт ихній батюшка:
„Ищо едѣт наш батюшка с добычею“.

А втора то говорит:

- „А не наш то верно едѣт батюшка,
Ищо едѣт удалой доброй молодець
И везѣт нашего батюшка“. Побежала встречать,
Подымала подворотѣнку тяжелую.
Как приехал тут Илеюшка близким близка,
95 Как увидел тут Илеюшка изменушку,
Как выхватывал копейцо долгомерноѣ,
Как ударил он еѣ да тупым концом
(Он еѣ вострым не хотел ударить),
Как убил тут Илеюшка до смертѣй,
Поворачивал коня прямо во Киѣв град.
100 Как поехал Илеюшка во Киѣв град,
Ко тому же ко князю ко Владимиру,
Как приехал Илеюшка ле да во Киев град,
Заводилосе пирѣваньѣ-столѣваньѣ,
Столѣваньѣ то пирѣваньѣ да почестен пир.
105 Ище все на пиру да напивалисе,
Ище все на чесном гости наедалисе,
Ище все на пиру гости стали веселы,
Ище все стали гости да стали хвастатьси.
А нѣчем тут Илеюшке ле да похвастати,
110 Говорил он тут Илеюшка таковѣ словѣ:
„Ищо ехал я сюда нонѣце во Киѣв град,
Ищо ехал я дороженькой премоеждѣю,
Премоеждѣю дороженькой, премохожею“.
Говорили тут мужики таковѣ словѣ:
115 „Ты не верь-ко-се, не верь, да Владимир князь,
Во рецах тут детинушка завираетци“
(„Врѣт“, говорят).
— „Ох ты ной еси, красно солнышко да Владимир князь!
Есле надо — привѣз вам Соловья на широкой двор“.
Ищо стали они срежаться да скѣрым нѣскоро

¹ Стихи 88—89 — сказаны.

- 120 Посмотреть тут Соловья да нонь розбойницька.
Как берёт тут Илеюшко да князя Владимира,
Как Владимира князя да со кнегинею,
А берёт он ведь князя да под праву́ полу́,
И кнегинюшку берёт да под леву́ полу́,
- 125 Как выходят они да на широкой двор.
Говорит тут Владимир князь да таково́ слово:
„Уж ты хой еси, Соловьёшко Рахматович,
Засвищи-ко нам, Соловей, по соловьиному,
Как утешь-ко моих нынѣ бо́хатырей!“
- 130 Говорил Соловьёшко таково́ слово:
„Не у вас я живу ноне́ — не вас слушаю“.
(Ишь ответил как!)
Говорил тут князь Илью Муромчу:
„Как потешь-ко нас князя Владимира!“
Говорил тут Илеюшко таково́ слово:
- 135 „Засвищи-ко, Соловьёшко, только мо́три“
в по́лсвиста“
(Не велит то во весь свист).
Засвистал тут Соловьёшко да Рахматович,
Засвистал он Соловьёшко во весь свой свиск.
Говорил тут Соловей да таково́ слово:
„Как убью я Илью нонѣ Муромца“.
(А у него шапка была на голове.)
- 140 Все бо́хатыри тут да испугалиси,
На карацках по двору́ да напоззалисе,
И ищо сам-то князь нонече чуть жив стоит
Со своей кнегинею Апраксеей.
Говорил-то он тут таково́ слово:
- 145 „Уж ты хой еси, Илеюшко сын Иванович!
Как уйми-ко Соловья нонѣ розбойницька
(Кончить не дал то ему),
Уж нам эта шуто́чка ни надомна“.
Выходил тут Илеюшко на широкой двор,
Как заскакивал Илеюшко на добра́ коня́,
- 150 Вывозил тут Илеюшко его во чисто́ полѣ.

Отвязал от стремени и подбросил выше лесу стоячего. Он пал совсем полумёртвый. Он схватил его и розорвал. Воротилса он в Киев-град и стал служить князю Владимиру верой-правдою.

КУДРЕВАНИЩО

- А напал Кудреванищо да на Киѣв град
 Со любимым со зятелком со Куршиком,
 Со любимым племянницком со Курмышком.
 А у зятелка да силы сорок тысецей,
 5 У племянницка да силы сорок тысецей,
 У самого Кудреванища числа-смету нет.
 Как померкло-поблекло красно солнышко,
 Потемнел тут поблѣк блад светѣл месяц
 От того же от духу от звериногo,
 10 От того же от пару да пару лошадиного,
 А от тех же от злых от тотаришков.
 Как поехали оне в путь да в путь дороженьку,
 Не доехали они до Киѣва за три попрышка,
 А по нашему по русскому равнó за три версты.
 15 Как роскинули шатры те да чернобархатны,
 Розвернули тут столики дубовыя,
 Как розослали скатёрки да все берцатныя,
 Как садилса Кудреванищо на ременчат стул,
 Как писал тут ёрлыки да скоропрописны,
 20 Не пёрóm он писал дак не чернѣлами,
 Он писал тут Кудреванищо красным золотом,
 Опецатал Кудреванищо чистым серебром.
 Выходил тут Кудреванищо из белá шатра,
 А вскричал тут Кудреванищо громким голосом:
 25 „Уж вы ой еси, злы поханые тотаришка!
 Как кому же вас ехать нонеце во Киѣв град,
 Ко тому же ко князю ко Владимиру,
 Ко тому же старому казаку Илье Муромцю,
 Ко тому же Добрыни Добрынюшки Никитичю?“
 30 Ишó большóй кроитця да за среднего,
 Ишо средний кроитця да за меньшого,
 Как от меньшого бохатыря ответу нет.
 Отдавал меньшому ёрлыки скоропрописны:¹
 „Поеждй ты не путём не дорогою,
 35 А скаци через стenuшки городовыя,

¹ Этот стих не спел, а сказал словами.

- А через те ли башни да башни да наугольные,
Поеждай-ко прямо да на красно крыльцо.
Ты не спрашивай нонеце у дверей придвернищков.
У ворот не спрашивай приворотнищков,
40 Среди двора не спрашивай караульщиков,
Как бросай там ёрлыки да скоропрописны,
Не давай им сроку ни одного дня".
Поехал он во путь во дорожещку,
Да скакал он через стёнушки городовыя,
45 Через те ли башни наугольные,
А приехал он ко князю да ко Владимиру,
Ко Владимиру-то князю да на широкий двор.
Заходил ле тут во гринюшки во светлыя,
Как одной ногой-то на порог ступил,
50 А другой ногой-то на середину пол.
Обернулса он да на большо место сел,
В большо место он сел да где-ка где князь сидит,
Где-ка князь сидит да стольне-киевской.
Как бросал тут ёрлыки да скоропрописны.
55 Ищё брал тут Владимир ерлыки те скоропрописны,
Говорил тут Владимир да таковы слово:
„Как зовите Добрыню Добрынюшку Микитиця!“
Говорил-ко ище Владимир да таковы слово:
„Ты читай-ко, Добрыня, ерлыки те скоропрописны“.
60 Говорит тут Добрыня да таковы слово:
„Подступил-то Кудреванищо да под Киёв град,
Со любимым зятем со Куршычком,
Со любимым племяннищком со Курмышком,
А у зятелка силы было сорок тысецей,
65 У племяннищка силы было сорок тысецей,
У самого Кудреванища цисла-смету нет.
Уж давай Киев-город со Черниговом
Без бою — без драки, без кроволития!“

(Ишь написано что в ярлыке!)

Говорил-то Владимир стольне-киевской
(Князь Владимир всех подарил, а Илью Муромца не подарил. Илья Муромец обиделса. Тогда в поле ему привезли шубу. Он и рóзорвал эту шубу):

- 70 „Как и был-то в живых Илья Муромец,
Позащитил бы все церкви да православныя“.

- Говорила тут кнегиня да кнегиня таково́ слово:
 „Уж ты ной еси, Владимир да Владимир стольне-киевской,
 Ты прости-ко-ся прости ле меня во той вины:
- 75 Как живым-то жив Илья Муромец,
 А кормила я его ровно три годá“.
 Как выскакивал Владимир да чуть не до ма́тицы,
 Говорил тут Владимир да таково́ слово:
 „Ой вы ной еси, слуги мои да слуги верные,
- 80 Вы зовите-ко сюда Илью да Муромця!“
 Не послушалсѧ Илеюшко во первóй на́кон,
 Не послушалсѧ Илеюшко во вторóй на́кон,
 Говорил-то Владимир да таково́ слово
 Свет кнегине, кнегине Апраксеи: ¹
- 85 „Позови-ко-се Илью Муромця!“
 — „Уж ты ной еси, Илья да Илья Муромецъ,
 Ты постой-ко-се за веру да за правую,
 Не за князя Владимира не за меня Апраксею,
 А за тот народ крещо́ный“. ²
- 90 Говорил-то Илеюшко да таково́ слово:
 „Я не ради вас не ради князя́ Владимира,
 А за ту ведь-ведь Русь да крещо́ную“.

Вот он вскакивает.

- Говорил тут Илеюшко таково́ слово:
 „Уж ты ной еси, Владимир да стольне-киевской,
- 95 Ты насыпай-ко-ся чашу да серебра,
 А втору-то чашу да скатна жемчуга,
 Подари ты дари посла великого,
 Штобы дал нам строку на три меся́ца“.
 То́гда посол принял злата-серебра и скатна жемчуга, ³
- 100 А не давал им строку да на три меся́ца,
 Только дал он им строку да на три дня.
 Ишо́ стал Илеюшко срежати́ся скóрым на́скоро,
 Ишо́ ко́нничка седла́ть да крепко на́крепко,
 А поехал во путь во дороже́цку.
- 105 Он ведь с утра е́хал до ве́чера,
 • А со ве́чора до бе́ла́ свету́,

¹ Стихи 83—84 не спеты, а сказаны.

² Стихи 88—89 — тоже.

³ Тоже: стихи 97—98.

- Не пиваючи он ехал да не едаючи,
 А коню-то оддоху не даваючи,
 А увидел он во поле чернивизину,
 110 Тут стоял-постоял бел шатёр полотненой.
 Он приехал тут Илеюшко ко белу шатру,
 А соскакивал он со добра коня,
 Заходил он Илеюшко во белой шатёр.
 — „Уж вы здравствуйте, удалы добры молодцы,
 115 Уж вы здравствуй, крёсной Самсон Самойловицы!“
(Двенадцать бохатырей их стояло.)
 — „Уж ты здравствуй, казак да Илья Муромецы!“
 — „Уж поедемте, ребята, да во Киев град
 Постояти-то за веру православную'
 И за того же за князя за Владимира“.
 120 Говорит-то тут кресной ёго батюшко:
 „Не поеду я нонеце да во Киёв град,
 Да не буду я стоять за князя за Владимира,
 У меня заповедь верно да положена:
 Не стоять за князя за Владимира“.
 125 — „Уж ты хой еси, крёсной да мой батюшко,
 Я беру грех великий на ответ себе“.
 Ище стали срежаться скоро наскоро,
 Да поехали они в путь да в путь дороженьку,
 Как приехали они верно ле во Киев град
 130 Да к тому же ко князю ко Владимиру,
 Заводилосе пированье да столованье,
 Столованьице-пированье да почестен стол.
 Ищо все на пиру да стали весёлы,
 А один-то сидит Илеюшко не ест не пьёт,
 135 Он не ест не пьёт сидит не кушает,
 Ищо белой лебёдушки не рушает.
 „Уж вы ой еси, удалы да добры молодцы,
 Уж вы сильные могущие бохатыри!
 А кому из нас ехать на дело ратное,
 140 На то ле побоище смертное?“
 Говорили они да таковы слово:
 „Уж мы все поедем на дело ратное,
 Уж на то ле побоище верно смертное“

Сказали, чтобы Илья остался телохранителем у князя у Владимира.

Говорил-то Илеюшко таковó слово:

145 „Как не цесть то будёт молодецкая,
Как не силушка будёт да сила богатырская,
Как Илеюшко во городе останитца.
Ище будут робята 'зади таскаться,
Над Илеюшкой будут да будут насмехатисе“.

150 Как поехали они в путь дорожецку,
Как выехали они на гору на высокую,
Вынимали они трубочки, трубочки подзорныя,
Как смотрели они во все стóроны,
Как стояла тут силушка чёрным чёрно.

155 Говорили они тут да таковó слово:
„Уж ты ой еси, Илья да Илья Муромець,
Поставь нам шатёр и дай нам опамятоваться“.¹
Говорил Илья да таковó слово:

„Уж вы ой еси, удалы да добры молодцы,

Смотрите не засыпайте, а помощь давайте“. И поехали вдвоём, Илья Муромець да кресной батюшко Самсон Самойлович.

160 Как вынед тут Илья стрелочку калёную,
Натегал тут Илеюшко тугой лук,
Говорил тут Илеюшко таковó слово:
„Полетай-ко-се, стрелочка моя калёная,
Ты не падай ле на воду ле не на землю,
165 Полетай-ко Кудреванищу во бел шатёр,
Попади-ко Кудреванищу да в правóй глаз“.
Уж как стали они биться дёнь до вечера,
А со вецора бились до бела свету,
Не пиваючи бились, не едаючи,

170 Ищó кóням оддоху не даваючи.

Тогда видит — Самсон Самойлович ослаб. Тогда он вынимал стрелочку калёную и спускал ко высокоу белú шатру. Они сидят и думушки не думают.

Пролетала стрела калёная ко белú шатру́,

Вырвала ров земли да ото сну добрые молодцы пробужались.

Как заскакивали они на добры́х коней

(Шатёр так и остался),

---

¹ Не спето, а сказано.

- Уж бились они опять с утра день до вечера.
Говорил-то Илеюшко крёсну батюшку:
- 175 „Поеждяй-ко-се, Самсон, больше во бел шатёр“.
А как стали они по силушке поездивать,
А как стали они силушку помахивать,
Ищо бились они трое сутоки,
Уж как выбили они до единого.
- 180 Собирались они во единой круг,
Говорили они таковó словó:
„Был бы столб в земле до небушка —
Поворотили бы всю матушку сырú землю
И выбили там до единого.
- 185 И была бы на небе лесвиця —
И залезли бы и выбили там до единого“.
Уж как выехали они на гору на высокую,
Они приехали, а кресной батюшко помер.
Как зажгли они свещу воску ярова,¹
И поставили они бел шатёр и легли спать.
- 190 Спали они трое сýточки,
На четвёрты те сýточкы пробужда́ться стал
По имени стар казак Илья Муромец.
Вынимал Илеюшко трубочку подзорную,
Смотрел на все стороны:
- 195 Во поле силушки чернým чернó.
Говорил-то он Илеюшко таковó словó:
„Уж вы ой еси, удалы добры молодци,
Собирайтесь-ко во путь в дорожецку,²
А на то дело, дело ратноё,
200 А на то ле побоищо на смертноё,
Ищо силы стоит больше прежнего“
(Они все и кинулись).
- Они ездили с утра да с утра день до вечера,
А со вечера до бела свету́,
Не пиваючи они ездили не едаючи,
205 Ищо ко́ням отдо́ху не даваючи.
Говорил-то Илеюшко таковó словó:
„Ищо руки-то мои да намахалисе,

¹ Отсюда уже не пел, а сказывал.

² Отсюда снова запел.

Ишо сабелька моя больне затупиласе,
А с землѣй-то, братья, матушкой не наборешься“.
(Он-то понял, что не наборешься.)

С тех пор и перевелись богатыри. Все разъехались, кто куда. Кто на горы — окаменел. Больше не стало богатырей на Руси.

ПРО ДУНАЯ

- Как у ласкова князя да у Владимира
Заводилосе пированьѣ-столованьѣ,
Столованьицѣ-пированьѣ да почестен пир.
Ишо все на пиру тут да напивалиси,
5 Ишо все на пиру гости наедалисе,
Ишо все на пиру да стали весѣлы.
Ишо князь-от по горѣнке ле да похаживѣт,
Он сапог о сапог сам поколачивѣт,
А шолковыма кудѣрышками принатряхивѣт,
10 Говорит нонь тут да таковó словó:
„Ишо все у меня в городе, братцы, пожонены,
Красны девушки во Кееве да повыданы,
А един-то ведь я ноньце холóст хожу.
А не знайти ли-ко мне боһосужону,
15 Боһосужону мне боһоряжену?
Лищиком была бела да рóстиком с меня,
Ишо брови чѣрны да как у соболѣв,
Ищѣ оценьки ясны да ясны как у соколов,
А коса была росá¹ всё дó пояса“.
20 Из-за тоһо же столику из-за заднѣго,
А по имени тут Берметá да сын Васильевич,
Вставал тут Берметá да на резвы ногѣ,
Говорил тут Берметá да таковó словó:
„Уж ты һой еси, красно солнышко да Владимир князь,
25 Как позволь-ко мне слово ноньце молвити,
Слово молвити да речь говóрити“.
— „Говорите вы, гости, да што вам надобно,
Вы на то у мня, гости, были сóзваны,
Вы на то у мня, гости, да были сóбраны“.

¹ Вместо „русá“.

- 30 — „Ище знаю я тебе да боһосужону,
 Боһосужону тебе да боһоряжону,
 Ростиком то с тебя да лициком бела,
 Ищо брови цёрны да как у соболев,
 Ищѣ оценьки ясны да ясны как у соколов,
 35 А коса то роса верно до поёса
(Ишь заверят, что верно до поёса!),
 Ище есь с кем тебе на постеле спать,
 На постелюшке спать да на руке дѣржать,
 На руке дѣржать да речь говѣрити,
 А ищѣ есь кому нонеце нам поклон воздать.
 40 А как знаѣт нонь Дунай да сын Иванович:
 Он служил тут нонеце ровно тридцѣть лет“
(Вот сколько!).
 Говорил тут Владимир таковѣ словѣ:
 „Наливайте ёму чашечку зеленѣ винѣ.
 А не малу-велику — в полтора ведра“.
 45 Принимает тут Дунаюшко одной рукой,
 Выпивает Дунаюшко к одному духу,
 Говорил-то тут Дунаюшко таковѣ словѣ:
 „Уж ты хой еси, Владимир князь стольне-киевьской,
 Как не врѣт тут Бермета сын Васильевичь,
 50 Я служил тут у князя ровно тридцѣть лет,
 Ище есь у ёго да две лебѣдушки,
 Ищо перва-то Настасья королевичня,
 А вторая кнегина да свет Апраксея.
 Как Настасье тебе не владать будѣт,
 55 Ищѣ та поленица да преудалая,
 А свет Апраксея личиком бела и умом крепка,
 Как сидит там во златыхъ верхахъ,
 Не видала она света ноньце божьего“
(Он не спускает ее никуда, она очень красива была).
 — „Поезжай-ко, свет Дунаюшко, посватайсе,
 60 А бери-ко-се силушки сколько надомно,
 Золотой казны тоже не по счетам“.
 — „А не надо мне рать-сила великая,
 Только дай мне одного телохранителя,
 Как по имени Добрынюшку Микитица“.¹

¹ За этим стихом пропел было: „Ищо стали срежаться да скоро наскоро“, потом поправился: „Прокинул я, ошибся“.

- 65 Он писал тут ярлыки да скоропрóписных,
 Не перóм он писал да не чернилами,
 Он писал он тут наверно красным золотом,
 Отпечатал он тут да чистым сéребром.
 Ище стали срежатисе да скóрым нáскоро,
 70 Ищó коницков седлать да крепко нáкрепко,
 А не видели поездочки боһатырския,
 Во чистóм-то поли только пыль пылит,
 Только пыль-то пылит да столб столбом валит.
 А приехали ко князю да ко литовскому,
 75 Говорил-то тут Дунай да сын Иванович,
 Говорил-то Иванушко¹ да таково слово:
 „Ох ты хой еси, Добрыня, Добрынюшко Микитичь блад,
 Ты останьсе-ко здесь на широкóм дворé,
 Поддёржи-ко-се коней да под поводов,
 80 Я пойду туда во гридниюшки во светлыя,
 Ище что ещó неустоечка — я вéску дам“.
 Как пошел тут Дунай во гридниюшки во светлыя,
 Уж тут крест кладёт по писáному,
 А поклон тут ведёт да по учёному,
 85 Ищó кланяйтце он да на все стороны,
 Уж как князю со кнегиною на осóбицу.
 Говорит тут ведь князь да таково́ слово:
 „Уж ты хой еси, Дунай, Дунай сын Ивановичь,
 Ты приехал нам служить нонь верою и правдою?“
 90 — „Уж ты хой еси ноне, князь веры литовския,
 Я приехал к вам не служить верою и правдою,
 Уж приехал я к вам нонеце посватацьце,
 Уж ту же лебёдушку свет Апраксею“.
 — „Уж ты хой еси, Дунай, Дунай сын Ивановичь,
 95 Как за ети реци я за неумильния,
 А за эти поступóчки нехорошия,
 Посажу я вас во по́греба глубокия,
 Заморю я вас смёртоцкой голодною“.
 Закипело тут серцё молодецкоё,
 100 Расходилася да сила сила боһатырская,
 Выздымал тут Дунай да выше гóловы,
 Как ударил Дунай да во дубовой стол,

¹ Ошибочно вместо: Дунаюшко.

- Розлетелса тут столик в мелки рѣчейки.
 Таѣ учул там Добрынюшка ле Микитиѣ блад,
 105 Да заскакивал Добрынюшка на добра коня,
 Уж как стал он по силушке поездивать,
 Уж как стал он силушку помахивать.
 Как куда он махнѣт — тут и улицы,
 Как куда повернѣтца так с переулками.
 110 Говорил-то тут князь нонеѣ литовския:
 „Уж ты хой еси, Дунай, Дунай сын Ивановичь,
 Ищо ети нам шутоцки боле ле надомны
 (*Выбил силу-то ведь он*),
 Как уйми-ко ты своего товарища,
 Уж как будѣт вам невеста заручѣная“.
 115 Он бросает на стол да золотыя ключи
 (*Она под замком у него*).
 Выходил тут ведь Дунаюшко на широкой двор,
 Говорил ле тут Дунаюшко таковѣ словѣ:
 „Уж ты хой еси, Добрынюшко ле Микитич блад,
 Ты не бей-ко-се рать-силу великую,
 120 Ищо есь нам милось от бога всевышнего,
 Ищо будѣт нам невеста заручѣная“.
 (*Тот сейчас пошабашил битъ*).
 Побежал тут Дунаюшко во златыя верхи,
 Отмыкал-то тут Дунаюшко гридню светлую,
 Говорил-то к Апраксее таковѣ словѣ:
 125 „Уж ты хой еси, свет нонѣе Апрексея,¹
 Как желаешь нонѣ замуж за князя Владимира?“
 — „Уж я три года богу молиласе
 Как попась было за князя за Владимира“.
 — „Дак срежайся-ко скѣрым нонѣ наскоро“.
 130 А средилася скорым да скоро наскоро.
 Как берѣт ей Дунай за праву руку,
 А выводил он Дунаюшко на широкой двор,
 Как заскакивал Дунаюшко на добра коня,
 Посадил он Опраксею позади себя.
 135 Говорил тут князь нонѣе литовския:
 „Уж ты хой еси, Дунай да сын Ивановичь,
 Как пойдите ко мне на широкой двор,

¹ 125-й стих сказал, а не спел.

Ищо я вас, гости, попотчую“.

— „На приезди то гостя не употчовал,

140 А на поёзди-то гостя не употчовать“.

(Вот тебе, сперва не употчовал, а теперь, как сел на коня!)

Как поехали-то удалы да добры молодцы,

Уж и с утра едут день до вечера,

А со вечера едут до белá свету́,

Не пиваючи едут да не едаючи,

145 Ище ко́ням отдо́ху да не даваючи.

Говорил-то Дунай да таковó словó:

„Уж ты хой еси, Добрыня, Добрынюшка Микитичь блад,

Уж ты ставь-ко здесь шатёр бел-полотненной,

Отдохнём от усталости великою“

(Пристали).

150 Как поставили шатёр да чернобархатной,

Как спали тут они да трое суток

(Вот как заспали мужики!).

Выходил тут Дунаюшко из белá шатра́,

Побежал тут Дунай во белой шатёр,

Говорил-то тут Дунаюшко таковó словó:

155 „Уж ты хой еси, Добрыня, Добрынюшко Микитич
блад,

Ты ставай-ко ставай скóрым на́скоро,

Ищо конничка седлай да крепко на́крепко,

Как вези-ко-се невесту заруцённую

Ко тому же князю ко Владимиру,

160 Ко Владимиру-ту князю на широкой двор.

Как пускай они там примут да по злату́ венцу,

А ище́ я ноньце поеду да супротивиться:

Как идёт ведь там рать-сила великая“.

Как поехал тут Дунай да сын Иванович,

165 Как увидел тут во поли неприятеля,

Полетел тут Дунаюшко ясным соколом,

Ухватил он копейцё да долгомерноё.

Как не две-то туценьки сходилисе,

Ище́ два-то ведь молодца слеталисе,

170 Ище вышиб Дунай из седла́ долой,

Наступил тут ведь конь на белую́ грудь

(Неприятелю наступил, кони так обучены были).

- Как соскакивал Дунай со добра коня,
 Как садилса Дунай на белую грудь,
 Говорил-то Дунаюшко таковое слово:
 175 „Ище как тебя звать нонеце по имени,
 Ище звеличать тебя по отчеству,
 И какого ты роду да роду племени?“
 — „Как сидела бы я на твоей груди,
 Не спрашивала роду ни племени,
 180 Не великого я твоего отчества,
 Отворачивала латочки кольчужные,
 Как порола бы я белы груди,
 Вынимала на ножу да ретиво сердце“.
 — „Какого ты роду да роду-племени,
 185 Как великого то нонече отчества?“
 — „Уж ты хой еси, Дунаюшко Иванович,
 Неужели ты не знаш Настасью королевичню?“
 Как скочил тут Дунаюшко на резвы ноги,
 Говорил тут Дунаюшко таковое слово:
 190 „Сонимай-ко панцырь латы кольчужныя¹
 Да срежай-ко скорым да скоро наскоро,
 А поедём-ко ли нонеце во Киев град,
 Ище приём-ко там по злату венцю“.
 Ищо едут они нонече во Киев град.
 195 Как увидели тут нонече князя Владимира,
 Как идёт он во черковь да воскресеньскую,
 Ищо хочёт примать он по злату венчю,
 Уж как принели они все по злату венчю,
 Заводилосе пированье-столованье
 200 У того же князя у Владимира.
 Ище все на пиру да напивалисе,
 Ище все на чесном гости наедалисе,
 Ище все на пиру да стали весёлы,
 Ище все на пиру приросхвастались,
 205 Ище меньшей-от хвастат своей храбросью,
 А второй-от хвастат своей силушкой,
 А ищо третьей-от хвастат да золотой казно́й.
 А сидит-то Дунай да сын Ивановичь:
 „Ище нечем мне Дунаюшку похвастати,

¹ Стих не спет, а сказан.

- 210 Как достал-то я ведь нонь да две лебёдушки".
(Себе и наделил другѹ великому князю Владимиру.)
 Говорила тут Настасья да королевичня:
 „Не пустым ли ты, Дунаюшко, ноньче хвастаеш,
 Не много я в городе жила — много повидала,¹
 Как на силу ту силу Добрынюшки Микитича,
- 215 А на счастье старого козака Ильи Муромца,
 А на смелость ту Алёшеньки Поповича,
 На богасьво-то Дюка Степановича,
 А из туга лука стрелѣть Настасья королевичня.
 Поставьте-ко нож за мернѹ верстѹ,
- 220 И стрѣлю я стрелой в булатной нож.
 Ищѣ кажна половиноцька на взгляд парна,
 Как на взгляд парна она на вес равна".
 За бедѹ ёму козалося да за досадушку,
 За досадушку козалося за великую.
- 225 Как пошли-то они на широкой двор,
 Как поставили тут ножик за мернѹ верстѹ,
 Как тут стрѣлила Настасья королевичня,
 Розлетелосе стрелочка дубовая,
 Кажна половиноцька на взгляд парна,
- 230 Как на взгляд-то парна и на вес равна.
 Как стреляет тут Дунай сын Иванович.
 Ищѣ пѣрвой раз стрелил — не дострѣлил ей,
 А второй-от стрелил да перестрѣлил ей,
 А ищѣ трѣтьей стрѣлил — совсем не попал.
- 235 Закипело в ём серце да молодецкоё,
 Росходилося силушка бохатырьская,
 Говорил он оттуда таковѹ словѹ,
 Как вымал он стрелочку калѣную
(Тут уже взял не деревянную, а настоящую):
 „Полетѣ-ко-се, стрела моя калѣная,
- 240 Ты не падай ни на воду ни на землю,
 Попади Настасье королевичне в ретиво сердце!"
 Стала тут кнегина ёго упрашивать,
 Как Опрѣксея стала уговаривать:
 „Уж ты хой еси, Дунай да сын Иванович!
- 245 Во хмелях-то, детинка, да зашибаешьси".

¹ Стих не спет, а сказан.

Не поверил тут Дунай таковы́м слова́м,
Как спускаёт он ту' калену́ стрелу́,
Как ко́пала тут Настасье́ да в ретиво́ сердце
(Упала бедная горющи́ца).

Как упала ле горющи́ца на сыру́ землю́.

- 250 Подбежал тут ведь Дунаюшко да сын Ивановичь,
Как выхватывал тут ноне́це булатной нож,
Попорол он тут у Настасьи́ белы́ груди́,
Как увидел тут два ребёно́чка.
Поворачивал Дунай ко́пьё тупым конце́м,
255 Навалился он ведь грудью на востро́ ко́пьё,
Упал. Дунаюшко ме́ртвой.¹

(Поётся ещё коне́ц)

Не две струечки росходилися,
В одно место сходилися,
Есть Дунай-река и речка Настасья́.

35

ПРО СТАВРА

- Как у ласкова князя у Влади́мёра
Заводило́се пи́рваньё-сто́лованьё,
Сто́лованьи́це-пи́рованьё да почестен пир.
Ищё́ все на пи́ру напивали́се,
5 Ищё́ все на че́сном гости́ наедали́се,
Ищё́ все на пи́ру да стали́ весёлы,
Ищё́ все на пи́ру да стали́ хвастати́.
Ищё́ кто-то ведь хваста́т да свое́й силушко́й,
А второ́й-от хваста́т свое́й храбро́сью,
10 А тре́твей-от хваста́т свое́й уда́лью
(Шибко уда́лый был!).
— „А ищё́ нечем мне Ста́вру́ бу́дет похва́стати́,
А похва́стаю я да молодо́й жено́й,
Васили́стой да понече́ Ми́куличной:
Васили́ста-то моя́ ноне́це Ми́куличня́
15 Как во́ городе́ ноне́це ле у вас у Кие́ве
И во́ том же во́ городе́ Черни́гове

¹ Этот стих не спет, а сказан.

- Всех кнезей всех бояр она повыкупит,
 А ище князя-то Владимира с ума сведёт“.
- За беду его казалось да за досадушку,
 20 За досадушку казалось да за великую,
 Говорил тут ведь князь да таковó словó:
 „Посадите ёго в по́греба глубокия,
 Заморить надо смёртоцькой голодною“.
- Розошлася тут славушка великая.
- 25 Как по всей земельки было светорусской,
 Как дошла тут славушка да великая,
 Как до той же Василисты нонеце Микуличьны.
 Говорила тут Василиста нонеце Микуличьна,
 Говорила она таковó словó:
- 30 „Уж вы ой ей, слуги да слуги мои верныя,
 Обревайте меня скоро по мужицькому, *
 Ищо станем срежаться да скóрым нáскоро,
 Ищо кóнников седлать крѣпко нáкрепко“.
- Как брали они тридцеть молодцѣв без единого,¹
- 35 Как проехали во путь во дорожецьку,
 Как встретилось навстречу три удáлых молодца,
 Как по имени Добрыня, Добрынюшка Микитиць блад.
 Говорил тут Добры́ня да таковó словó:
 „Как откуда вы правитесь, куда путь держишь?“
- 40 — „Уж я правлюся нонеце из Златой Орде́,
 Как ко князю наверно ко Владимиру,
 Полуцить там с ёго дани-невыплаты,
 А невыплаты дани, невыкупы
 Как за все ле ровно нонеце за тридцеть лет“.
- 45 А он спросил: „Куда вы правитесь?“
 — „А мы правимся к Ставру описывать его имущество“.
- „Уж как были мы у Василисты нонеце Микуличьны,
 Как средилась она да скóрым нáскоро,
 Поеждает она да во Злату́ Ордú“.
- 50 Воротилса тут Добрыня ко князю ко Владимиру,
 Говорит тут Добрыня да таковó словó:
 „Ищо едут послы великие,
 Хотут взять дани за тридцеть лет“.³

¹ Этот стих был не спет, а сказан.

² Тоже — стихи 45—46.

³ Тоже — стих 53.

- Не доехали они до Киёва за три версты,
 35 А раскинули шатры они да цёрнобархатны.
 Вот она и поехала ко князю Владимиру,
 Она и назвалась Василий Микулиць сын.
 Заводилосе пирóваньё-столóваньё,
 Как столóваньё-пировáнье да почестен пир.
- 40 Ище все на пиру да напивалисе,
 Ище все на пиру гости наедалисe.
 Говорил тут Василей да таковó словó:
 „Уж ты ой еси, Владимир да стольне-киевскóй!“
(Стал свататься Забаву дочь Кутятишню.)
 Говорил-то тут Владимир да стольне-киевской:
- 45 „Уж я пойду к ей да понаведу“.¹
 Говорила тут Забава да таковó словó:
 „Уж ты ой еси, Владимир стольне-киевской,
 Не отдай-ко-се девицю ты за женщину“.
 — „А пойду я к нему понаведу“.¹
- 70 — „Ох ты хой еси, Васильюшка да Микуличный,
 Не жelaешь с моима ребятами поборотися,
 А с моими бохатырями силуй померяться?“
 Выходили они на широкой двор,
 Стали наступать по одínке, а потом по́ двое,
- 75 Плюнул царь, сам прочь пошол:
 „Не какая это не женщина“.²
 Ище стали они тут пить пуще прежнего,
 Говорил тут князь да таковó словó:
 „Не жelaешь ты играть на тарфы на великия,
- 80 Ты поставь все дани и выплаты,
 А невыплаты дани, невыкупы.
 Ище́ все как ровно нонеце за тридцеть лет.
 Я поставлю же то Киев со Черниговом“.

Согласились на том, по записи великое записали. Первый раз сыграли — обыграл Василей Микулиць сын, а второй-то раз тоже обыграл Василей Микулиць сын, третий раз сыграли — тоже обыграл Василей Микулиць сын.

- Заводилосе пирóваньё-столóваньё,
 85 Как столóваньё-пировáнье пуще прежнего
(По суткам сидят, банкет у них),

¹ Этот стих сказан, а не спет.

² Стихи 74—76 тоже.

- Весёлым пирком тут за свадебку.
 Как сидит тут Василей да сын Микуличный,
 Как повесил он да свою буйну голову.
 Говорил-то тут князь Владимир таковó словó:
- 90 „Ище што же ты, Василей, призадумался,
 Ище што же ты, Василей, да запечалился,
 Как повесил свою буйну голову со могучих плеч?“
 — „Ох ты хой еси, Владимир да стольне-киёвской,
 Уж как мне-ка верно не кручинитьце,
- 95 Ищо как мне-ко да не печалитьце,
 Как остались у меня родители больнѣм больнѣи“.
 Говорил тут Владимир да таковó словó:
 „Вы давайте игроков нам самых лучших здесь“.
 Ищо всё было Василью да не пондравилось,
- 100 Говорил-то тут Василей да таковó словó:
 „Уж ты хой еси, Владимир да стольне-киевской,
 У тя есть нонѣе ведь подтюремщики,
 Уж как выпусти Ставра из погребов глубоких“.
 — „Уж как выпустить Ставра, так не видать Ставра,
- 105 А не выпустить Ставра — огневить посла“.
 Вот и приказал выпустить Ставра.¹
 Говорил тут Василей Ставрѹ да таковó словó:
 „Уж вы знаете ли да кто нахóжусе?“
 — „Не надо мне и знать вас.“²
- 110 Поднесли ёму цярочку зеленá винá,
 Как пошел тут пир да пуще прежнего.
(Вот и стали танцевать, и он стал танцевать.)
 Говорил тут Василей да таковó словó:
 „Уж ты хой еси, Владимир да стольне-киевской,
 Я поеду ко своей рати да понаведу,
- 115 Понаведу попуще да поразведу,
 И возьму я Ставрá тут во прислѹжники“.
 И поехал со двора с княжеского.³
 Как приехали они ко белѹ шатрѹ,
 Соскакиват Василей со добрá коня́,
 120 Как заскакивал Василей да во белóй шатѣр,
 Как снимал тут панцырь-латушки кольчужные,

¹ Ст. 106 сказан, а не спет.

² Стихи 108—109 сказаны.

³ Стих 117 — тоже.

Говорил-то тут Василей да таковó словó:
„Уж как знаеш ли ты, Ставѣр Гоудиновичъ?“
— „Уж как знаю я Василисту нонѣ Микуличьну“.
Как вскричал тут Ставѣр громким голосом
(*Тут он распоряжаться начал*):

125 „Уж вы, слуги вы мои слуги да слуги верныя!
Собирайте все шатры да скóрым нáскоро,
Ищó кóнницъков седлайте крѣпко нáкрепко,
Мы поедем тут во путь во дорожецку“.
Говорила тут Василиста да нонеѣ Микуличья,

130 Говорила она да таковó словó:
„Мы поедем ко князю ко Владимиру,
Мы поедем-ко свадебку доигрывать“.
Как приехали ко князю ко Владимиру
(*Тридцеть молодцов, ишь их сколько!*),

Как зашли они во гринюшку во светлую,
135 Говорил-то тут Василей да таковó словó:
„Я приехала к тебе свадебку доигрывать,
Не пустым-то мой муж хвастал да сын Години́вич,
Уж ты отдал девицю да всё за женщину,
Проиграл ты город Киев да со Черниговом“.
(*А документ у ней в руках.*)

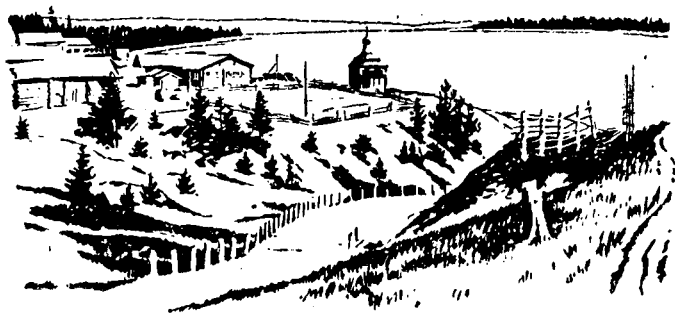
140 Говорил тут ведь Владимир да таковó словó:
„Как прощаю вам все беды великия
(*Они налоги большие платили*),

Уж вы будете жить в городе век по́ веку и не платить будете
дани великия. Торгуйте, где у́одно“. Дал доку́менты всем.

Ище тут они с князем да распостилисе
Как поехали во путь во дорожецку.

Больше всё.

ГАВРИЛА МИХАЙЛОВИЧ СЕМЕНОВ

Гаврила Михайлович Семенов — в 1928 г. 57-летний крестьянин д. Ценогоры Лешуконского района.

Участник певческого ансамбля д. Ценогоры, исполнявшего мезенские протяжные песни, Г. М. Семенов принадлежал к типу певцов-бадагуров, носителей комического песенного жанра по преимуществу. Кроме публикуемого отрывка пародии „Небылицы“, от него записана еще комическая песенная прибаутка „Ерш“ (Фонограмм-архив Фольклорной комиссии, валик № 400), исполнение которой сопровождалось дружным смехом собравшихся односельчан. В репертуаре Г. М. Семенова имеются еще старые рекрутские песни.

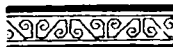

СТАРИНА ЗАБАВНАЯ

Старину сказать да старопрежнюю,
Старопрежнюю, стародосельнёю.
На синём мори овин горит,
По поднебесью медведь летит,
5 Камилавками помахиват,
Цёрным хвостышком поправливат.
На колу сука ошшанятилась,
На дубу кобыла белку злаяла,
Куриця во стоге сено ест.

ПРАСКОВЬЯ СТЕПАНОВНА ЛЫБАШЕВА

Прасковья Степановна Лыбашева — слепая неграмотная старушка, 77 л., из д. Малые Нисогоры Лешуконского района. Ослепла за 10 лет до приезда экспедиции, 40 лет вдовела. В 1928 г. жила в огромной семье своего сына (жена, 5 детей, из них один сын женатый, имел 2 детей), где нянчила двух малолетних правнучек. Раньше жила кухаркой в Архангельске и на другой работе и затем, пока не ослепла, ходила работать по людям.

Былинам научилась от одного старика Егора Ивановича Мартюшина из Тиглявы. По ее словам, пела раньше хорошо. Как овдовела, девушки к ней ходили „на вецёрёнку“, просили ее петь: „Бывало, девки постарше просят, слушают, учатся. А нонь не пою“.

Обе былины отличаются крестьянским колоритом образов. Исполняла их Прасковья Степановна на один и тот же напев довольно выразительно, особенно выделяя лирические места, например, видимо, душевно близкий ей трогательный образ горящей матери, покинутой женой Добрыни.

Кроме публикуемых былин, от нее записаны стихи о „Христовом вознесении“ и о двух Лазарях. (Рукоп. хранил.Фолькл. ком., колл. V.)

ПРО ДОБРЫНЮШКУ МИКИТИЦЯ

- Срежаитце Добрынюшка во цистó полё,
 Сподобляитце Микитиц во роздольице.
 Он своёй жоны да наказыва́т,
 Он Настасьи Микулишны наговарива́т:
- 5 „Как пройдёт тому времечко шесть годов поры,
 Хоть за князя пойди хоть за бо́яра,
 Хоть за купца ты пойди за торгового,
 Не ходи за Олёшу за Поповиця,
 Олёша силен не силен, только напу́ском смел“.
- 10 Миновалось тому времечко шесть лет поры,
 И никто на́ Настасьи боле не сватаитце.
 Приеждя́т Олешенька Поповиць млад,
 Она думала-подумала, замуж пошла
 За того же за Олёшу за Поповиця.
- 15 Оставляет Добрынину ро́дну ма́тушку
 На кирпичней на жаркой на пеценьке,
 Горющими слезами уливаетця:
 „Ищо кто же меня будет поить-кормить,
 Ищо кто же бу́дет обувать и одевать,
- 20 Ищо кто же бу́дет теплом обогреть?“
 Взглянула в косеви́щето окошечко,
 Взглянула она да во цистó полё,
 Во цистóм поли куре́ва́ стоит
 (Сын с войны едет),
 Куре́ва́-то стоит да ле дым столбом ва́лит.
- 25 Пролетает, проеждает до́брый мо́лодец,
 И по тем же по Добрыниным жо́лтым сукна́м,
 Приеждает Добрыня к дому своему

- И ставит ко́ня да к дубо́ву столбу́,
Он и вяжет ко́ня к золоту́ кольцу.
- 30 И по сениям бежит да ле скоро на́скоро,
Он в избушку заскочил да ле круто на́круто́.
И он крест-от кладёт да ле по писа́ному,
Он покло́н ведёт да ле по уце́ному,
Он молитву творит прав' Иисусову.
- 35 „Уж ты здраствуёш, Добрынина родна́ маменька!“
— „Уж ты здраствуёш, удалой доброй молодец!
Не видал ле ты у меня серде́чного дитетка?“
И схватил он платье́ бо́хатырскоё,
Смахнул он рубашку тонку полотнenu
- 40 И при́знял руку́ пра́вую.
А под правой под пазушкой-то бородаво́цька,
А на этой бородаво́цьке три золоты́х волоска́.
— „Уж ты здравствуй, серде́чно моё дитятко!“
— „Уж ты здравствуй, родима моя маменька!“
- 45 — „А уж нет у тебя другой семьи,
А другой-то семьи, молодой жоны́.“
— „Ты пойдн-ко сходи-ко во кова́ный сундук,
Принеси-ко ле мне да золотой казны,
Мне не много, не мало да петьдесят рублей,
- 50 Да ещё принеси мне да звонки́ гу́сельцы,
Да ишо́ мне принеси злачо́н персте́нь,
Да которым персе́нём я обручалась.
Да ишо́ мне принеси платье́ калицкое“
(Каликой́ хочет наредиться́).
- И сходила ё́му матушка крúто на́круто́,
- 55 И средилса ли он скоро на́скоро
(Она вишь ему сказала: „Поедешь — она у венця́ не стоит,
а приедешь — она за столом сидит),
И средилса поехал скоро на́скоро,
Взглену́ла в окошечко — не видно нигде.
Прие́ждает к Олёшину широ́ку двору́,
Он и вяжет ко́ня к дубову́ столбу́.
- 60 У ворот-то стоят да приворотники,
У дверей-то стоят да всё придверники,
Середí двора́ стоят да ле крепки сторожа́.
Он идёт и даёт им по пети рублей,
Приворотникам, придверникам,

- 65 Середі двора крѣпким стóрожам;
 И во гриню заскочил кру́то на́круто.
 Он и крест он кладѣт по писáному,
 Он поклон ведѣт по уцѣ́ному.
 — „Уж ты здраствуй, Олѣшенька Поповиц блад!“
 70 — „Уж ты здраствуй-ко, калика да пере́хожая!“
 — „Уж ты здраствуй-ко, Настасья Микитишна!“
 — „Уж ты здраствуй-ко, калика пере́хожая!“
 — „Ище все-то места у нас приза́неты,
 И одно место есь на пецнóм столбе“.
 75 Заскочил тут Добрынюшка кру́то на́круто:
 „Ты позволь-ко, Олѣшенька, во гусли сыгра́ть“.
 — „Играй, играй, кали́ка, сколько хо́ш игра́й“.
 Во первы́-то заиграл — Настасьюшка подумала,
 В' вторы́-то заиграл — слѣзно заплакала.

Вот ему и велит Олѣше:

- 80 „Ты налей-ко цяру да зеленá винá,
 Не малу, не велику — полторá ведра“.
 Наливаѣт Олѣшенка цяру зеленá винá.
 Подавает калике да пере́хожеей
 (*Настасья подавает*).
 Принимает он цяру к е́дному духу,
 85 Да спускаѣт в цяру злацѣ́н перстень.
 Вынимаѣт она перстень тут из ця́ры то,
 Наложила она перстень да на пра́ву руку́,
 Она пра́вой ногой на стол стала,
 А левой ногой из засто́лья вон.
 90 Они бо́гу помолились да вон пошли,
 И подразнил он Олѣшеньку Попови́ца:
 „Ты здорово женился, тебе не с кем спать“.
 (*Всѣ боле, он увѣз ее.*)

[ДУНАЙ]

Во стольнѣм во городе во Кieve
 Да у князя у Владимира был почесен пир.
 Ищо все на пиру да ле напивалисе,

- Ищо все на чеснѣм да наедалисе,
5 Ищо все на пиру да пѣяны-веселы
И стали на пиру да розговаривать.
Как бохатой-от хвастат да золотой казнѣй,
А серѣднѣй-от хвастат да роднѣй сестрой,
А глупой-от хвастат да молодой жонѣй.
10 Князь Владимир по горенке похаживат,
Он белыма рукама розмахивѣт,
Золотыма перснями принащолкивѣт.
„Ещо што у нас в главном городе Кieve все споженены,
И девушки все взамуж повыданы,¹
15 И один я князь Владимир только холѣст хожу,
Холѣст я хожу да ле не жонѣт служу.
Вы не знаите ли где да супротѣвницы,
Супротѣвницы да ле мне да молодой жоны ?
Ищо рѣстом была да ле вѣсока,
20 И русѣ бы косѣ была до пѣяса,
У ей ѣгодицы былѣ да как мѣковицы,
У ей цѣрны глаза да как у сокола,
У ей цѣрны брови как у соболя?“
Ище тут все за столом да приуныли,
25 Старший-от кроетѣя за среднего,
А средний хоронитѣя за мѣньшого.
Из того из стола из-за заднего
Выставаѣт Добрынюшка на резвѣ ногѣ:
„Ну позволѣ-ко, князь Владимир, да слово мѣлвити,
30 И не битѣ меня зѣ слово, не вѣсити,
Не ссылатѣ меня в ссылки да ле дальния,
Не садитѣ меня во темнѣ погрѣбы“.
— „Говори, говори да цѣгѣ знаш говори,
Не скажу тебе ни одного слова сѣпротив“.
35 — „У тя есь во подпогрѣбе посадницек,
Он сидит не много не мало — тридцѣть лет,
Он бывало жил-ходил по инѣм странѣм,
И был он жил у короля литѣвьского,
И во том в царѣсве во проклѣтом же.
40 Ищо было у его две доцери хорошия,
Одна Настасѣя королевичня,

¹ Этот стих сказан, а не спет.

- И такá паленíца приудалая
 (На войне всё виш стрелят!),
 А другá Опраксея да королевичня,
 И можнó будёт тебе назвать царицею
 45 И королю назвать да королíцею.
 А белým она белá да ле рóстом высокá,
 И косá у ей русá тут до пóеса,
 И ещó ягодицы у ей как мáковицы,
 Ясны глаза как у сокола,
 50 Цёрны брови как у соболя".
 И тут бохатырьско сердце да роскипелосе,
 И горяция кровь да розгорелосе.
 — „Вы подите-ко, слуги, скоро наскоро,
 Отмыкайте вы погреб крúто нáкруто,
 55 Вы берите Дунаюшко за белы руки¹
 И ведите Дунаюшко пред моих оцёй".
 И побежали тут слуги скóро нáскоро,
 Отворяли погреб крúто нáкруто:
 „Выходи-тко, Дунаюшко, на светую Русь,
 60 Ищó к нашему князю да ко Владимёру,
 И зовёт он тебя на почесён пир".
 И выходит Дунай да ле вон из погреба,
 И берут Дуная за белы руки,
 И привели они Дунаюшку на почесен пир.
 65 — „Перво место тебе да во большóй угол,
 А второ те место середь лáвицы".
 — „Никúда я не седу, седу к брату крестовому,
 К своему Добрынюшки Микитицу".
 И наливают ему цяру да зеленá винá,
 70 Не малу не велику — полтора ведра.
 — „А всем была служба явлена,
 А на тебя, Дунай, да опрокинута".
 (Это невесту искать.)
 Отвечáет Дунаюшко ему тут тут:
 „Я сидел во погребѣ тридцетъ лет,
 75 Бывáт я забыл всё, призапамятовал".
 — „Ну бери ты силы себе сколько тебе надобно,
 Выбирай коней бытто лучше всех".

¹ Этот стих не спет, а сказан.

- „Мне не нать твоя сила сильняя,
Я возьму только брата крестового“.
- 80 И пошли на конюший двор — коней выбрали,
Оседлали они да поехали.
Приеждяют ко царьсву ко литовьскому,
Вяжут коня за стену да городовую.
Добрынюшка осталса здесь за воротами,¹
- 85 А Дунаюшко отправилса прямо к царю,
Отправилса к ему на широкой двор.
И тут стоят да приворотники,
У дверей стоят да ле придверники,
Он идёт у них ницего не спрашиваёт,
- 90 И заходит к царю он и сам на лице:
„Уж ты здравствуй, король да литовьской!“
— „Уж ты здравствуй, Дунай сын Ивановицы!“
— „Я хожу к тебе о добром деле о сватовсьве
На твоей же на доцери королевичне,
95 Как по имени Опраксеи королевичне“.
— „Кабы ты у меня, Дунаюшко, не служивал,
Не сидел бы у меня в лавке за товарами,
Уж я сек бы у тебя да буйну голову.
(Там своих солдаток кликнул)
Берите вы за белы руки,
100 Вы ведите Дунаюшку вон из дверей!“
Подхватили Дунаюшку за белы руки,
Потащили ёго да вон из светлицы,
Он рукою трехнул — всех убил.
И заходит он к королю второй након:
105 „Уж ты добром мне не отдаш — возьму силою“.
Отпираёт он у ей двери железныя,
Отмыкает у ей вторы двери
(Она за вторыми дверями там у его сидит).
И тут Опраксея да испугалася,
И под лавоцку она да пихалася.
110 — „Ну, срежайся, Опраксея да королевичня,
Ты за нашего князя да за Владимира
Во замужество“.

---

¹ Стих этот не спет, а сказан.

Она и говорит:

„Кабы была у меня да родна́ сестра́,
Как Настасья да королевичня,

- 115 И она у нас палениця да приудалая,
Не запусти́ла она вас да в наш горóд“.
— „Ну срежайсе и только розговору нет“.
И воткнул он свою саблю вострую,
Воткнул саблю свою во кирпичну печь
(*Вот тебе, если не поедеш!*).

- 120 И среди́лась Опра́ксея королевичня.
„И пусти меня к батюшку бла́гословитисе,
Бла́гословитисе с им проститисе“.
Не спустил тут Дунай её с глаз бо́льше,
Повё́л её да по широку́ двору́,

- 125 И повё́л её по ихнему граду.¹
Выводит он ей из широка́ двора́,
И садит он ей к брату крестовому:
„Поеждай-ко ты премы́м путём
И премы́м путём прямо князю Владимиру,
130 А я поеду дорогой окольница
И буду искать Настасью королевичню“.
И ездил, да ездил, да съехали́сь.
И стал он тут с ей всё равно как воевать.²
И пала Настасьюшка на сыру́ землю́,

- 135 И розбо́рвал латы железны́я,
И усмотрел он у ей пёльки женския,
И то́гда они с ей да побра́тались.
И поехали да ле с ей во сто́льный град,
И приехали оны к князю Владимиру,
140 И приехали оны к ему да на почесен пйр.

- И вси на пиру да хва́стались,
И вси на пиру да прихва́стались,
И тут Настасьюшка слово да мо́ввила:
„Ваши ти русские биться только па́лицами,
145 А меня горозни стреле́ти нет“.
И тут Дунаюшку слово не пондравилось:
„Выходи ты, Настасьюшка, из стола выходи
(*Я забыла нонь, не клейко выходит*),

---

¹ Стих этот сказан, а не спет.

² То же.

Мы поедем с тобой во чисто́ полё“.
И тут она стала слёзно плакати,
150 Ищо стала его да уговаривати.
Тут цярская кровь да розгореласе,
У Дунаюшка сердце да раскипелосе
(Он ее зовёт стрелятьсе).

— „Не поедём, Дунай да сын Ивановиць,

Ты застрелишь меня, у меня в нутроби два младеня зародилися. Они ведь уже сообщилисе“.

Нунь не верит Дунай сын Ивановиць.
155 — „И садись ты, Настасьюшка, на добра коня!“
И сели они тут и поехали.
Ищо выехали да во чисто́ полё
И стали друг дружку стрелятися.
В первóй раз стрелѝл — не дóстрелил,
160 Второй раз — не дóстрелил,
Третий раз-от стрелѝл — за́стрелил.¹
Тупым то концём да во сырú землю,
А вострым то копьём в ретивó сердце:
„Протекай от меня да как Дунай река,
165 А от моей жены вырастай кипарисно дерево!“

---

¹ Стихи 159—161 не спеты, а сказаны.

ИВАН ИВАНОВИЧ ПОЗДЯКОВ

Иван Иванович Поздяков — в 1928 г. крестьянин, 57 л., из д. Малые Нисогоры Лешуконского района, — большой любитель и почитатель былин и, по словам некоторых односельчан, „как один, так много ребятам поет“. Но на людях петь стеснялся, боясь насмешек. Иван Иванович женат на дочери Александра Михайловича Большого (Мартынова), от которого А. Д. Григорьевым записаны были в 1901 г. 4 былины (Григ., III, стр. 609—632). Ив. Ив. Поздяков вместе с тестем рубили лес, ходили в гости, вместе выпивали. Мартынов пел, а Поздяков ему подпевал. От Ивана Ивановича научился былинам его двоюродный брат Данила Семенович Поздяков, одного с ним возраста, и с тех пор они стали петь вместе. Однако у Ив. Ив. Поздякова в 1928 г. уже не было настоящего полноценного знания. Это были или крайне сокращенные тексты, или отрывки былин, связанные прозаическими пересказами. Стихотворный текст нетвердый, при повторении сильно варьировался. Исполнитель обильно вставлял комментарий. В текстах есть своеобразные детали — как результат свободной импровизации на усвоенные мотивы. Кроме публикуемых былин, записана еще от него, частично в прозаическом пересказе, былина о сорока каликах. Раньше знал еще былины об Илье Муромце и Святогоре и об Издолище. В репертуаре Поздякова интересна местная пародия.

Иван Иванович Поздяков в 1928 г. жил с сыном и снохой, имел двух внучат. Неграмотный. На военной службе не был. Из городов бывал только в Архангельске.

ЕЩЕ ЕХАЛ ИЛЕЮШКА ИЗ ЦЕРНИГОВА

- Еще ехал Илеюшка из Цернигова,
 Ах еще тою дорожкой премоезжею,
 Заросла была дорожка ровно тридцать лет,
 Ах еще не было проезду молодецкого,
 5 Еще не было пролёту соколиного.
 Как поехал Илеюшка из Цернигова,
 Он поехал Илеюшка от заутрени,
 Да пришлось Илеюшке повстрѣтить же,
 Как С'ловьюшка сидит на девяти дубах.
 10 Он подъехал Илеюшка ровно за семь вѣрст.
 (и свиснул Солóвьюшка ровно в полсвиста,
 Как упал у Илѣюшки на колѣнцы конь.
 Тогда хлопнул Илеюшка добра коня,
 Он и хлопнул его по крутым ребрам:
 15 „Уж ты, конь мой конь, трояной мешок!
 Уж ты сам собой похваляишься,
 Уж ты мной ли, конь, подпираешься.
 Неужели ты, конь, не слышал того,
 Да того ли, конь, п. . . . . бабьего?“
 20 Ах тогда же Илеюшка брал тугой лук,
 Он накладывал Илеюшка калену стрелу,
 Еще той же стрелы приговаривал:
 „Ты лети-ко, лети да калену стрела,
 Еще прямо лети да Соловьёшку,
 25 Да Соловьёшку лети прямо в правый глаз,
 Да лети-ко-се, стрела, прямо в правый глаз!“
 Тут свалился С'ловьюшка с девяти дубов.
 Как насккивал Илеюшка на Соловьёшка,

- Тут брал Словьюшка Илеюшко,
30 Он прикаивал Илеюшко к седёлушку,
Уж к тому седлу ко черкасьскому.
И заскакивал Илеюшка на добра коня,
И поехал Илеюшка ровно в Киёв град.
Ах он приехал Илеюшка в стольный Киёв град,
35 Он приехал к обедни воскресеньскую.
Он заходит во церковь да во божью церковь,
Богу молитса Илеюшко по учёному,
Еще крест кладёт по писаному.
Да подходит к Илеюшку Владимир князь,
40 Да говорит князь таковó слово:
„Уж ты здравствуй, доброй молодец,
Ты коёй земли, коёй рóдины,
Ты коёго отца, коёй матери?“
— „Ах как не умной, князь ты Владимёр же,
45 Теперь не то поют, не то слушают,
Как поют теперь обедню воскресеньскую,
Как слушают пеньё церковное“.
Тогда отошел князь от Илеюшки.
Когда отошла обедня воскресеньская,¹
50 Тут пришол князь к Илеюшке:
„Ну, пойдём, гость, ко мне пообедати“.
И пошли же они из божьей церкви,
Как ко князю Владимиру пообедати.
А подходят ко дому княжеску,
55 Говорит ле Илья да таковó слово:
„Уж и ты, князь, князь Владимир ле,
Как куда же мне везать добра коня?“
— „Ты вежи-ко, гость, ко стóлбышку,
Ко стóлбышку, ко точёному,
60 Ко колéчушку ты вежи, ко золочёному“.
Да заходят же ведь гости во гринюшку,
Все бохатыри сидят за столом давно.
Они все же сидят да по редóцику,
По редóцику сидят, да по заслуги же.
65 Уж старой-то сидит во своём месте,
А ещё млáдшой сидит всех пониже ведь.

---

¹ Стихи 48—49 не спеты, а сказаны.

А садилса Илеюшка на сутыцки же.
Ах и еще шол князь в тёмны погрёба,
Тут и брал князь братыню медную,
70 В котору входило братыню полтора ведра,¹
А не много, не мало — да полтора ведра.
Он и нёс эту братыню к гостю же,
Ах выпивал Илеюшка на единый дух.

Он и за второй братыней побежал, князь Владимир.

Ах выпивал Илеюшка втору ведь он,
75 Пошол ведь князь за третей же,
Он приносит братыню третью же.

Он выпил половину третьей братыни.

А как подсел князь близ к Илеюшки:
„Ты откуда ле, удалой добрый молодец?
Ты коёй земли, коёй матери?“
80 Тогда сказывать стал Илеюшка таковы слово:
„Я из того из города из Мурома,
Из того из села Карачарова“.
— „Ах, ты куда же едёш, куда путь держиш?“
— „Ах еще еду, еду в стольней Киев град,
85 Постоесть я еду за Киёв же,
Послужить я еду божьей церкви тут,
Постоять за веру православную“.
— „А какой же ехал ты ноньче дороженькой?“
— „Уж я ехал дорожкой прेमоезжую,
90 Заросла дорожка ровно тридцать лет,
А еще не было проезду молодецкого.
Я проехал из Чернигова от заутрени,
Я проехал в Киёв-град да как к обедёнки“.
(Кругом то нздо ехать было три месяца.)
Они тогда и засмеялись все:²
95 „От того ле вина ты нажогалса,³
Еще стал ты хвастать да захвастывати“.
— „Ах вы пойдёмте, товарищи, на краснó крыльцё,
Я привёз Соловьёшко нонь,⁴

¹ Этот стих не спет, а сказан.

² Стих сказан, а не спет.

³ Вариант: Ах ты выпил винця дорогого же.

⁴ Вариант: Вы посмотрите у меня таковы гостя.

Он прикован у меня у седёлушка“.

(Они не верят тут.)

- 100 А они стали ведь да ещё вон пошли,
Тут князь с имѣ ведь Владимир же,
Еще вы́шла тут Опраксея Васильёвна.
А подходил же Илеюшка к добру́ коню
И приказывал Соловёюшку:
- 105 „Уж ты свисни, Соловьёушка, ровно полсвиста“.
А засвистел Соловьёушка ровно полсвиста,
Еще старые строеньичка посыпались,
Все бо́хатыри с крыльця свалились.
Ухватил Илеюшка князя под пазуху.
- 110 Ещё князя под пазуху под правую,
Кнегиню-то взял всё под левую.
Надувалса С'ловьёушко ведь в по́лон дух,
Засвистел Соловьёушко во весь ведь свист.
Ах просил же князь Владимёр Илеюшку:
- 115 „Ты уйми-ко-се, гость, таковѣ гостѣ!“¹
А Соловьёушко надувается в по́лон дух.²

Потом Илеюшка взял свой меч, сашку и срубил Соловьёу голову. Тем и окончилось, более всё.

40

[ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СЫН]

Ездил Илья Муромец, розгуливал и нашол себе невесту и с ей пожил. Паленица была удалая. Он прижил с ей сына или дочь. Когда стали он с ей расставаться, она сказала ему, что она стала беременна. „Вот, — говорит, — если родится дочь, на тебе перстень золотой, именной; если сын, на тебе крест золотой, именной“.

Илья уехал на старое место. Дело пришло, она родила сына. Сына родила, имя дала ему Сокольник. Вот он и растет, этот сын. Прошел год, два, три, четыре, может пять. Стал этот сын у них порядочный. Вот там восемь годов, десеть, стал знать всё.

¹ Вариант: Говорил Илеюшко таковѣ слово:

„Станови-ко, Соловьёушко, свиста же!“

² Этот стих не спет, а сказан.

А парень был удалый. Ребята стали драться между собой, его дразнить: „Ты сколодной“. Ему это не по нраву. Вот приходит он к матери и говорит: „Вот, никого не зовут сколодным, а меня зовут. Есть, нет ли у меня отец кто?“ А она сказала: „Есть“. — „А кто такой есть отец у меня?“ — „Есть у тебя отец — Илья Муровец, старый козак“. — „А где он проживает?“ — „В городе в Киеве“.

Вот он собрался: „Дай мне, мама, коня и всё вооружение: латы бохатырские“ (*сам двенадцати лет*), „также палицу боевую, меч, копье и коня“. Вот это вооружение она не давала ему. — „А если ты добром не даш, то силою возьму!“ Вот, значит, она не могла его удержать. — „Я, говорит, поеду, убью Илью Муровця“. Ну, вот, тут он и собрался. И вот там неизвестно из какого села

- Снаряжался он скорёхонько,
Сподоблялся скоретово,
Выходил на конюшен двор,
Выводил себе добра коницка,
5 Накладывал седёлышко черкасское,
Двенадцать подпружечек подпрёгивал,
Сам этим подпружечкам приговаривал:
„Это не для басы — ради крепости,
Ради крепости бохатырской“.
- 10 Тут много людей собиралось
Смотреть поездку бохатырскую.
Не видели бохатырской поездецки,
Только видели — Сокольник в стременах скочил.
Тут долго ли скоро Сокольник ехал до Киева,
- 15 Подъехал Сокольник к Киеву.
И объезжает Сокольник кругом Киева,
И выбрасываёт Сокольник своё копейцко.
Вострым концом на Киев град,
А тупым концом к себе,
- 20 А сам копьё приговариваёт:
„Старого седатого Илью Муровця убью
И весь Киев град розорю“.

В то время, в ту пору ихней братии был бохатырь (*мы их называем станицники*). Вот из их, из станицников, приходит в белой шатер и говорит таковое слово:

- „Не пора ли нам, робятушка, вставать,
 Не пора-ли нам, робятушка, завтракать?
- 25 И есь у нас во полюшки невзгодушка,
 Кому же итти и ехати,
 Невзгодушку попроведати?“
 Надо же ехать Олёшеньке Поповичу очередь.
 Но Олёшеньке Поповичу невзгодушка великая:
- 30 Не съехаться ему, не поздороваться,
 Пропадёт у Олёшеньки буйна голова не за денежку.
 Тогда надо послать Добрынюшку Микитича —
 Тот может сойтись и съехаться и поздороваться
 И розознать, на кого эта невзгодушка налетят.
(А мать-то ему рассказала всё, какого кто поведения.)
- 35 Вот Добрынюшка Микитич снарежался скорёхонько,
 Сподоблялся скоретово,
 Выходил Добрынюшка на конюшен двор,
 Выводил Добрынюшка добра коницка,
 И вот накладывал седлушко черкаское,
- 40 Садилса Добрынюшка на добра коня
 И выезжал Добрынюшка на цистó полё.
 И видит Добрынюшка — едет Сокольник-розбойник.
 Слезывал Добрынюшка с добра коня,
 И брал Добрынюшка пухову шляпу в праву руку,
- 45 А коня в леву руку,
 Тут-то Добрынюшка низко кланелса:
 „Здрастуй же, удалой доброй молодец,
 Гостенёк ты неожиданной!“
 А тогда Сокольник-розбойник ему отвечал:

„Вы кто такие есть? Добрыня Микитич или кто такие?“ *(ему уже кажется, что Добрыня Микитич).* — „Да, он говорит, Добрыня Микитич“. — „Вы, говорит, мне, Добрыня Микитичь, не нужны. А нужен мне старый, горбатый, седатый старый козак Илья Муровец. Я его убью и Киев град розорю“.

Тогда Добрынюшка Микитич накладывал пухову шляпу и за-скакивал на добра коня и поехал в стольный Киев град обратно. И заходит к станицникам. „Ну, товарищи, братья! Я Сокольник-розбойнику не нужен. Надо Сокольнику-розбойничку старый, седатый старый козак Илья Муровец: «Я старого козака Илью Муромца убью и Киев град розорю!»“.

- 50 Тонда-то у Илеюшки сердце розгорелосе,
 Могуции плечи росходилисе,
 Срежалса Илеюшко скорёхонько,
 Выходил Илеюшко на конюшен двор,
 Выводил Илеюшко добра коницка,
 55 Накладывал Илеюшко седёлушко черкасское,
 Да двенадцеть подружечек подпрегивал,
 Сам подпружечкам приговаривал,
 Тринадцату подпружечку протягивал через спину лоша-
 диную,
 Што не для басы — ради крепости,
 60 Ради крепости бохатырскойей.
 Много людей собиралосе
 Смотреть поездку бохатырскую,
 Не видели поездочки бохатырскойей,
 Только видели — Илеюшко в стремёна скоцил
 (*Молодой стал как я!*).
 65 Не две горы во полюшки сокатались,
 Не два молодца удалых соезжалось,
 Вот тут они бились-дрались суточки трое,
 Вострыми копьями,
 Копейца по носадочкам извихалисе,
 70 А тем боём друг дружку не ранили.
 Бились они дрались суточек трое вострыма саблями,
 Сабелка о сабелку прищербалися, —
 В том бою друг дружку не ранили.
 И бились они дрались боёвыми палочками,
 75 Палочка о палочку окорналися
 И друг дружку не ранили.
 Тонда соскоцили с добрых коницков,
 Схватилися они в охабоцку на рукопашный бой.
 Тонда-то у Илеюшки права ножецка приокатицась,
 80 А лева руценька приокользнулась,
 Тонда-то пал Илеюшко на сыру землю,
 И тонда-то въехал Сокольник-розбойник на
 Илеюшку.
 Въехал на Илеюшку и сел на белы груди,
 И стал расстёгивать булатные застёжечки,
 85 Хочет пороть белую грудь,
 Вымать ретиво сердце.

Видит Илеюшко — видно конецъ приходит,
И взмолился Илеюшко пресветой матери божией бохо-
родицы:

„ной еси, мать пресвета божья бохородица!
90 Смерть мне во поле была не писана,
А теперь мне-ка смёрточка приходит верно“.
А Сокольник-розбойник хватился — в ножнях булат-
ного ножика нет,
Потенул Сокольник Илеюшку по чисту полю
(Потенул, розыскиват ножик-то).

А Илеюшко тоҥда почувствовал в себе, что силы у его
прибыло:

95 Розмахнулса он своима белыма руками, —
Слетел Сокольник-розбойник с белой грудй.
Выскакивал Илеюшко тоҥда на резвы ноги
И клал он Сокольника добросовестно на сыру землю.
Тоҥда-то и садилса Илеюшко Сокольнику на белую грудь
100 И стал спрашивать:
„Откуда ты, удалый добрый молодец?
Коёй ты землй, коёй родины?
Коёго отца, коёй матери,
Какого ты цяря, какого города?“
105 А Сокольник отвечал:
„Кабы я сидел у тебя на белых грудях,
Не спрашивал бы ни отца, ни матери,
Ни цяря, ни города“.
Вот тоҥда-то Илеюшко стал расстёгивать застёжечки
110 Хотел пороть белую грудь, [булатные,
Вынимать ретивó сердце.
Ростегнул застёжечки булатные
И увидел свой крест именной.

Тоҥда-то Илеюшко признал, что сын его, и заплакал: „Милое
мое цядо! На что ты напускаш на старика?“ Поставил его на резвы
ноги, поцеловал на три стороны. И вот тоҥда сели, посидели
и посоветывали. Тоҥда-то Илеюшко поставил белой шатёр и на-
сыпал коням белойровой пшеницы, а сам повалился в шатёр спать.

Вот Илеюшко тоҥда заснул после такой битвы крепким сном
бохатырским. А Сокольнику-розбойнику не спитса. Сокольник
встал, сел на коня и отправился домой.

Едет к дому очень грусен, печален, а мать уж там дежурит его. Вышла на балхон, стретает его и говорит: „Ох ты сыночек! Што же ты невесёлый едеш, побил видно ты отця-родителя?“ Этот Сокольник подъехал к балхону да вострым копъём вцепил в мати в белую грудь да вьзвел да бросил о землю. А тогда Сокольник повернул коня обратно и снова в стольней Киев-град.

Приехал к белу шатру, а Илья всё спит сном бохатырским. Тогда зашел Сокольник Илеюшки во шатёр, видит, што спит Илеюшко крепким сном бохатырским, взял вострым копъём да в белую грудь и всадил. А тогда у его под латами был крест золотой, который был подарён князем Владимиром, двадцать восемь фунтов. Вот тогда-то проснулся Илеюшко от крепкого сна и вскочил на резвы ноги, схватил Сокольника за резвые ноги, тут его и розорвал.

41

ВО СТОЛЬНЕМ ВО ГОРОДЕ ВО КИЕВЕ

- Как во славном во городи во Киеве,
Как у ласкова князя да у Владимира,
Собиралосе пированиё-столованье,
Собиралсe ведь пир да пир почестён стол.
- 5 Ещё много на пиру гостей собиралосе,
Ещё много гостей да соеждалосе,
Еще все ли на пиру гости напивалисе,
Еще все ли на пьяном да наедалисе,
Еще все ли на пиру гости были вёсёлы,
- 10 Еще все ли на пиру гости гóворны,
Еще все ли на пиру гости прирoсхвастились.*
Умный хвастат родной матерью,
А безумной хвастат молодой женой,
А бохатой хвастат золотой казной,
- 15 А сильный, могучий хвастат своимà плечьмí,
А наездник хвастат добрым конём.
А тут-то князь Владимир по гринюшке похаживал,
Сапог о сапог поколачивал,
Куньей шубоцкой полáми прирозмахиват,
- 20 Кудрями-волосáми принатрэхиват.
И говорит-то Владимир таковó словó:
„Все у нас в городе молодци споженены,

- Красны девушки замуж сповыданы,
Только я, удалой добрый мóлодец, холост хожу́.
- 25 Нельзя ли, ребятушка, найти богосужену?
Лице беленько у ей как у лебедя,
А ясны оци у ей как у сокола,
А цёрны брови у ей как у соболя,
А ростом и волосом ровнó как я“.
- 30 Тут-то удалы добры молодци
Призагорюнились.
Старший кроетце за среднего,
А средний кроетце за младшего,
А от младшего князю и ответу нет.,
- 35 Вот князь Владимир и во-вторых спросил:
„Што же, ребятушка, как будет дело
Найти-то мне боһосужену?“
Старший кроетце за среднего,
А средний кроетце за младшего,
- 40 А от младшего князю и ответу нет.
Вот то҃гда-то князь спросил в третьѣх:
„Как же мне найти боһосужену?“
Старший кроетце за среднего,
Средний кроетце за младшего,
- 45 А от младшего князю ответу нет.
То҃гда-то сидел Васютка, горький пьяница, пониже всех,
Да был-то этот Васютка похуже всех
(Не нарядный был, пьяница из пьяниц).
И стал-то Васютка на резвы́ ноги,
И сказал князю Владимиру:
- 50 „Ох ты ой еси, Владимир князь, красно солнышко!
Розрешите вы сказать мне, князь, та́ковó слово,
За это ты, Владимир князь, меня не казни, не вешай“.
То҃гда-то князь Владимир и говорит ему:
„Говори, Василий, горький пьяница“.
- 55 — „Вот, князь Владимир, я жил в царьсве грецеском
у двѣх братѣев,
А у их есь сестра Опраксея Васильевна.

И рассказал:

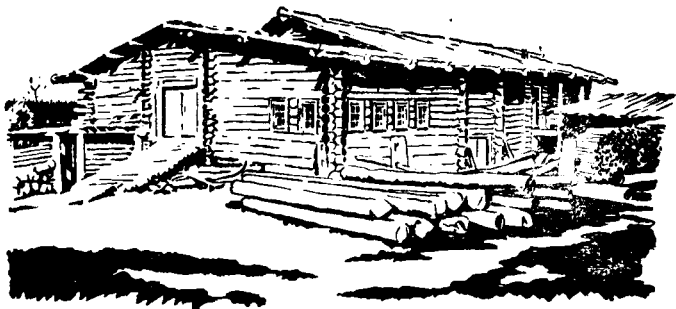
Бело лиценько у ей как у лебедя,
А ясны оци у ей как у сокола,

- А цѣрны брови у ей как у соболя.
60 А ростом и волосом как ровно князь Владимир“.
Вот тогда-то князь Владимир и согласилсе:
„А как бы ей достать?“
И вот тогда князь Владимир розрешил:
„Из вашей братьи бери кого тебе нужно“.
65 И вот он стал выбирать Василий горький пьяница:
Во-первых стал просить Дуная Ивановича,
Во-вторых Добрынюшку Микитичя,
А в третьих Олѣшеньку Поповича для храбрости.
(Он не столь силен был, но храбрый).

КАК ВО СЛАВНОМ ВО НИЖОВЕ

- Как во славном во городе Нижове
Собиралисе ребятушка молоко хлѣбать.
Ещё много людей да собиралисе,
Ещё много людей соеждялосе,
5 И все на пиру молока досыта нахлебалисе.
И все были гóворы, и все были вѣселы,
А одной Куроптѣмнушки за бѣду пошлó,
Она хватилась — Прокопья нет.
Побежала в тѣмны погребы,
10 Прибежала в погребы — Прокопий сидит
У обреза листовничьнего,
Тут Прокопию славы поют.

ФЕДОР ВАРЛАМОВИЧ ПОЗДЯКОВ

Ф. В. Поздяков, из д. Малые Носогоры Лешуконского района, в 1928 г. — глубокий старик, 80 л., уже в большой мере растерявший знание былин. Когда-то знал про Илью: „как приходили к нему два старичка, как дороги от Соловья-разбойника чистил, про 12 богатырей у моря и поляницу преудалую, как с поляницей спознался Илья, как был сын у него — Сокольник“. Обо всем этом „попевал маленько“, а теперь забыл. Правда, готов был сейчас же начать рассказывать, но рассказывал сбивчиво, путано.

Из былин, которые он еще помнил, образовалась у него загрязненная былина на сюжеты „Иван Годинович“ и „Дунай“ с сильным воздействием и сюжета о Василии Игнатьеве. Былину эту он пел, причем каждый раз по-разному, текст не определялся в законченную форму. Сказать словами былин совсем не мог. Получалось впечатление, что былин он тут же импровизирует. Поэтому записывать было крайне трудно, тем более, что пел он быстро, а когда я пробовала останавливать, то он забывал, что пел, и начинал опять по-иному. Былины перенял от стариков на морских промыслах.

Кроме былин, Поздяков знал сказки (от него записано несколько сказок И. В. Карнаухова) и раньше знал стих про Егория Храброго.

Поздяков неграмотный. Овдовев, снова женился. От второй жены имел пять сыновей. От первого брака у него был один сын и две замужних дочери.

ПРО ЛАСКОВА КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА

- А у ласкова князя да Владимира
Заводилось пирóваньё-столóваньё,
Заводилось же тут да почесен пир
А про многих же купцей, гостей торговых,
5 А про тех же про сильниих про бохáтырей,
А про тех же нонь хрисьянушок прожитоцних.
Ище же все де на пиру напивалисе,
Ище все же на чесном наедалисе,
Они все же стали пьяны да как бы вёселы.
10 Ище все на пиру тут приросхвастались,
Ище все ли на чесном да разбохвалились.
А бохатой-ет хвáстáт золотóй казнóй,
А ведь сильный-ет хвáстáт своей силой,
А наезник-от хвастáет добрым конём,
15 А как глупой-ет хвастат дак молодóй жонóй,
Неразумной-ёт хвастат молодóй сестрой,
А как умной-от хвастат старой матерью.
А Владимир-от по гринюшки похаживат,
А сапог о сапог поколачиват,
20 А русыми кудрями принатрéхивал,
А шобольей-то шубоцкой розмахивал,
А белым-то руками как розмахивал,
А злачёныма-то персями принабряживал.
А один-то доброй молодец не пьёт не ест,
25 Он не пьёт не ест, не кушáет,
Ище белой-то лебёдушки не рушáет,
А по имени Иван сын да Горденовиц,
А он не пьёт, не ест, не хвастáет.

- А Владимир-от тут как выпрашивают:
- 30 „Уж ты што же, Иван да сын Горденович,
Обнесли тебя братыней нонь да пивом пьяным,
Залишили тебя чаркой зеленым вином?“
— „Уж не обнесли меня братыней нонь да пивом пьяным,
Не залишили меня чяркой зеленым вином.
- 35 Ох ты хой еси, Владимир да кнезь стольне-киевской,
Уж ты позволь мне, Владимир, слово сказать,
Слово сказать да слово молвити.
У те в городе все да спожонены,
А красны-то девушки взамуж выданы“.
- 40 — „А одна у нас девушка не выдана,
А по имени Овдотья да лебедь белая,
А из коски в коску мозг переливайтце,
А румянец-от в плечи забегаетце,
Ишо то нонь тебе до боһосужона“.
- 45 — „Ище та ка' мне-ко невеста не надобна,
Я поеду ко королю да Вахрамеиву,
Я поеду за Федосьей тут да лебедь белою“.
А за столом ему вить говорят ему:
„Не жена тебе будет, да змея лютая,
- 50 Змея лютая будет едучаё“.
Ишо ему слово за беду стало,
За великую ту досаду показалосе,
Он стовал-то Иван з-за того стола,
Из-за того стола з-за окольнего,
- 55 Из-за окольнего из-за дубового,
Питенья-еденья расплескалисе.
А пошол-то Иванушка из-за того стола,
Отпирал двери с петы на пету,
А как новы-то хоромы пошаталисе,
- 60 А как стары-то хоромы да рассыпалисе,
А не видели у молодця поездоцки,
Только видели ведь как молодец на коня скакал,
А завидели в цїстом поли будто курёва́ стоит,
А курёва́-то стоит, дым столбом валит,
- 65 А пламя-то ведь пашет бытто огненно.

(Дородно едет!)

Приеждает к королю да Вахрамеёву.
Да выходит-то король-от на краснó крыльцо:

„Уж ты здравствуй-ко, Иван да сын Горденовиць!

(Он с малолетства жил в услугах.)

Ты по старому приехал, по прежнему,

70 У ворот-то ведь стоеть приворотником,
У дверей-то ле тебе стоеть придверником?“

— „Я приехал нонь не по старому,

Не по старому я приехал, не по прежнему,

Я приехал-то о добром ведь деле — о сватосьви,

75 Я приехал за Федосьей да лебедь белою“.

— „А Федосья-то у мя ищо просватана,

А просватана она за поганого за Издолища,

А сидит она ведь в горниці у мя замкнута“.

А пошол де Иванушко во горницю.

80 У дверей стоят тут как придверники,

Придверников он отталкивал,

Отрывал де замки железные,

Заходил же ведь тут в горницю.

А Федосья тут да поздоровалась:

85 „Уж ты здравствуй-тко, Иван да сын Горденовиць,

Уж ты откуда же взелся, куды поехал же?“

— „За тобой я приехал во замужесьво“.

— „Я ведь тут просватана за поганого Издолища“.

Она бросилась ему Иванушку за белу шею:

90 „А как хош, Иван ты сын да Горденовиць,

Я просватана за поганого Издолища,

Я пропаду, ты пропадеш не за денежку“

(Дела тут будет многого!).

Он взял Федосью, повёл за белы руки из горницы вон,¹

Посадил Федосью на добра коня,

95 Ищо сам позади заскакивал.

Выходил-то король да Вахрамеевич:

„Ты пошто Иван да сын Горденовиць,

Ты хоть чаю-то напилса да тогда поехал бы“.

— „А на приезди ты гостя не употчёвал,

100 А на поёзди-то гостя да не употчёвать“.

Да простилса Иван и поехал же.

Тут ведь ехал, ехал да прискучилось,

Отдохнуть-то Ивану да захотелосе,

¹ Этот стих не спет, а сказан.

- А роздернул шатёр да белоярхотный,¹
105 А везал да ле коня к белú шатру́,
Надавал де пшеници да белояровой,
Ищо лёг он отдыхать крепко на́крепко,
Уж как тут заспал крепко на́крепко.
А она слышит там ведь едет погонюшка,
110 Она будит да не можот рóзбудить.
А падёт слеза на правó плечо,
Ищо тут он ото сну да пробужается,
Поскорёхонько Иван да умываетце,
Поскорей того да утираетцэ
(А тут уж близко погоня),
115 А скорёхонько Иван да на коня скакал,
А поехал Иван силе-погонюшки на стрету ведь,
А погоня тут едет близко же.
Тут он с силушкой-то съехалса,
А как саблей-то махнёт, да-ко тут улица.
120 А копьём-то подёрнет — то переулками,
Еще бил-то ведь силу прибил-при́рубил,
А конём-то тут по ней топтал:
„Не оставляю вам поганому Издолищу на сéмена!“
А которы не попали, не доехали,
125 Те назад уехали к Издолищу,
А там силы приготовлено вдвоём болё,
А Иван-то лёг опять отдыхать вёдь,
Еще заспал-то он крепко на́крепко.
А там-то ведь погонюшка опять идёт,
130 А опять эта сила в сугóн отправлена.
А Федосья его будит, будит, рóзбудить не мóжот же,
Да падёт слеза да на правó плещё,
А скорёхонько Иван да пробужаетце,
А скорёхонько-то тут умываетце,
135 Поскорей-то того обтираетца,
А скорёхонько Иван на коня скакал,
Да опять поехал погонюшки настрету ведь.
А как саблей махнёт — тут и улица,
А копьём приворотит — переулками,
140 Ище бил-прибил да притоптал он всюо:

¹ Вм. „белобархатной“.

- „Не оставляю силу на сѣмена!“
 А он опять зашел отдыхать ведь лёг,
 А там силы-то приготовлѣно втрое болѣ.
 Она будит, будит, разбудить не мѡжет же,
 145 Ище плацет [слезами] да горькими,
 Ище падѣт слеза да на правѡ лицѣ.¹
 Тут Иван опеть да пробужаетце,
 Поскорей-то того умываетце,
 Поскорѣхонько того да обтираетце,
 150 А поскорей-то того Иван да поезжѡт теперь.
 Пуще.....² разгорѣцѣлся,
 Очень силы-то наехало видно много же.
 А как саблей-то махнѣт — тут и улица,
 А копьѣм-то подѣрнет — так переулками,
 155 А как силу-то топтал — всю прибѣл.
 А потом Ивану отдыхать уж некогда,
 Тут ведь-то Иван поезждать стал.
 Посадил ту Федосью на добрѡ конѣ,
 Ище сам ведь заскакивал позади ей,
 160 А повѣз-то Федосью во Киев град,
 А увѣз-то Федосью в Киев град,
 А погано-то Издолищѡ ницего сделать не мѡгло же.
 (*Богатырь был тоже!*)
 А у Владимира тут всё же пир [идѣт],
 А Владимир как тут выпрашивѡт:
 165 „А мне не знаете ли вы как боѡсужону?“
 А как большой-от хоронитса за среднего,
 А средней-то хоронитса за меньшѣго,
 А от меньшѣго-то ведь долго ответу нет.
 А Владимир-от выпрашивѡт второй раз:
 170 „А не знаете ле кто мне боѡсужонѡй?“
 А большой-от хоронитса за среднего,
 А средней-то хоронитса за меньшѣго,
 А от меньшѣго-то ведь долго ответу нет.
 А выпрашивѡт Владимир третьей раз.
 175 А от большой хоронитса за среднего,
 А ведь средней хоронитса за меньшѣго,

¹ Очевидно, оговорка вместо „плечѡ“, см. стихи 111 и 132.

² В рукописи пропуск.

- А от меньшѣго-то ведь долго ответу нет.
 А выставал из-за того стола окольнѣго
 А удалой доброй молодець,
 180 А Добрынюшка да сын Микитич млад:
 „А у те всё это, Владимир, народу пúстельга,
 А на эти дела да не свѣдуши.
 А у тя есь во городе Василий да горька пьяница.
 Где-то на церѣвом большом кáбаке,
 185 Ищó спит он на печке прикуталса“.
 Владимир ле того слова не ослышилса,
 Прибегат на церѣв кабак,
 Прибегат к цумаку целовальнику:
 „У тебя есь удалой доброй молодець,
 190 Ище есь какой на печке да там прикуталса“.
 Тут Владимир будит, будит, розбудить не можот, он
 покрикиват:
 „Ты вставай, вставай, Васильюшко,
 Наливай себе чяру зеленá вина,
 Не велику, не малу — полтора ведра!“
 195 Наливáт да чяру — подаёт ему,
 А Владимир ему подаёт же там
 А на печку-то там на кирпичную.
 А берёт-то Василий на еднú рукú,
 Выпивáт-то Василий к едномú духú.
 200 — „Наливай-тко чяру да зелена вина,
 Да не велику не малу — полтора ведра!“
 Да берёт же Владимир во белб́и рукí,
 Подаёт-то Василью на кирпичну пéченьку.
 А Василий-ёт берёт на еднú рукú,
 205 Выпивáт-то Василий к едномú духú.
 А тоhда Василий-то слезывáт ведь,
 Заходил-то Василий пó полу,
 А пол-то тут за [шаталса] ведь.
 Наливат-ко тут ему чяру да зеленá вина,
 210 Не велику, не малу — полтора ведра.
 Ещó ведь эту Владимир подает чяру же.
 Как выпил-то Василий к едномú духú,
 Ещó стал-то Владимир звать ёго,
 Ещó звать-то стал на почестен пир.
 215 — „У меня итти ко пиру не в чем ведь,

- У меня латы боһатырские да как пропиты,
У меня конь-то пропит ведь,
У меня платье всё заложёно,
А заложено всё во семистах рублей“.
- 220 А Владимир деньги вынул да целовальнику отдал,
.....¹
И пошли они на почесен пир.
Да сажал Василья на почесен пир,
Тут поил-кормил, стал выспрашивать:
225 „Не знаш ты как мне да боһосужоной?“
— „Знаю я тебе да боһосужону“.
— „А бери себе подарки сколько надобно“.
А говорит Василий: „Нищего нам не нать,
Только дай мне два удалых молодця:
230 А Добрынюшку мне ведь да Микитичя,
Да Олёшу тут ведь дай Поповичя,
Ну а золотой казны сколько надобно“.
И поехали удалы молодци в город там подальше же,
А не в нашем то было королесьви же,
235 А приехали тут они в город же,
Останавливались среди города,
А серёди тут ведь было города же,
А фатеру тут опразновали,
Да ведь выслали сукна красныи.
240 А стояли тут месяц два же,
А поили гули² они кабацкие,
А поили то они всё безденежно,
А тут ведь стали они у их выспрашивать:
„Ище как нам эту девицу взять-то?“
245 — „А пойдут тут девушки к обедни как,
А вы встаньте во край дороги же,
А мы будем шататьця по дороге же,
Мы пёхнём Василью ведь в руки же“.
Так это дело они сделали.
250 Приноровили в краю дороги же,
А идут девицы в церковь ту,
Ухватили красавицу Василью в руки,

¹ В рукописи пропуск.

² Вместо „голи“.

Тут Василий подхватил на добрѣ коня,
А пристѣгнул коня крепко накрепко,
255 И поехали ребята на уход всё.
А ещо ведь молодци ехали не дорогами,
Не дорогами тут ведь не воротами,
Ищо прямо через стену да городовую.
А у заднего-то ведь лошадь заделѣ струны,
260 А струны те запели — зазвонили колоколы:
„Увезли, увезли красну девицу!“
Уехали молодци во чисто поле,
Тут когда же королю весь ¹ падѣт.
Подъезжает он к Киеву,
265 А в чистом поле ездит девица паленица
(Она сестра её была),
А невежа-то кака непохожая.
Отдает Василий молодцам невесту ту:
„Повезите вы ко князю Владимиру,
Я поеду в чисто поле за паленицей“.
270 Приеждят паленица приудалая,
Это взял Василий, пристегнул к себе
И поехал тоже во Киѣв град.
И Владимиру привезли невесту ту,
Да Иван привѣз и невесту себе,
275 Ищо Василий привѣз невесту себе,
И гуляли-то они трое сутокки.
А сказал Владимир.....²
А штоб с Василья денег нѣ брали,
Ищо тем и покончилось.

¹ ВЕСТЬ.

² В рукописи пропуск.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ПАЛКИН

Об А. И. Палкине, 75 л., по прозвищу „Олюшка“, из с. Большие Нисогоры Лешуконского района, как о хорошем стариннике, я услышала еще в Малых Нисогорах сразу же по приезде туда. И в дальнейшем каждый, с кем приходилось говорить о старинах, указывал на „Олюшку“, как на знатока, противопоставляя другим сказителям. „У Василия Филипповича Иванова (см. заметку о нем, стр. 324) духу такого нехватит, как у Олюшки, у того слово слово родит“, так отзывались о нем. Особенно отмечалась любовь Александра Ивановича к былинному искусству: „Кто его попросит, так сам не свой. Хош маленький ребенок попросит, сейчас запоет; две рубашки сменит, полдня поет, сперва тихо, потом как заберёт, заберёт!“ Мне не удалось самой записать от него, былины: жил он не в самой деревне, а на почтовом тракте, километрах в 15, и постоянно ездил „с почтой“. Во время моего пребывания в Нисогорах он как раз был в отъезде. По моей просьбе от него записала старины И. М. Левина которая осталась еще на несколько дней в Нисогорах после отъезда всей экспедиционной группы.

Кроме записанных, Александр Иванович, по регистрации И. М. Левиной, знал еще: „Об Илье Муромце и каликах“ („Сорок калик“ или „Илья Муромец и Идолище“?), об Илье Муромце и Соловье-разбойнике, о Добрыне и Олеше, „которые домовище нашли“. Но эти былины знал из книг и петь их не мог. Таким образом вопреки ожиданиям репертуар А. И. Палкина оказался довольно ограниченным. Но записанные варианты отличаются полнотой, стройностью композиции и большой картинностью, так что Палкина, по качеству текстов, несомненно, следует считать одним из лучших современных представителей мезенской традиции. Рассказы его о любви к былинам подтверждались. Он пел И. М. Левиной охотно и с большим увлечением, сопровождая исполнение комментариями. Для того чтобы запись была совершенно точной, он по предложению Левиной сперва сказал тексты словами, потом спел. При этом текст

оказался твердым, при пении вставлялись по ритму напева лишь некоторые словесные частицы и маленькие слова. Одной из наиболее характерных особенностей исполнения А. И. Палкина явилась последовательно проведенная вставка гласных (булатыный, солытаң и т. п.).

Обе былины знал от старика Магвоя Яковлевича Иванова, умершего 105 лет от роду (см. о нем в заметке о В. Ф. Иванове).

А. И. Палкин был женат, имел двух дочерей и двух сыновей (третий сын средний, убит в японскую войну). Грамотный.

[ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КУДРЕВАНКО]

Из-за далé далéчѣ, да из чистá поля,
 Да што из того же широкого раздольица,
 Да из проклетой орды,
 Да поднимался-то вор-собака, злой неверной пан,
 5 Злой неверной пан да молодой солтан да сын Солта-
 новиц,

Кудреван да царь да Кудревановиц.
 Де он со многою силой войска многа множеством,
 Де сорок королей, сорок королевичей,
 Де сорок же князей, сорок князевичей.
 10 Кáженому королю и королевицу
 Де как довал он войска-силушки тысящей по сорóк,
 Де кáжыному князю и князевицу
 Де как давал же войска-силушки тысеча по сорок,
 Де под самим-то, под собакой, цисла-смету нету.
 15 Де и как пошел вор-собака де он под Киев град,
 И не путём он шол да не дорогою,
 Де как шол дорогами шол посторонима,
 Посторонима да прямоезжима.
 Де как полотном мать сыра земля от войска изгибалася,
 20 Да на зелénыя луга вода от грузу розливалосе,
 Де солнышко и луна нонце померкла,
 Де што от духу человекаго,
 Де свѣтла мѣсяцо как и померкло же
 Де всё от пару от лошадиного.
 25 Де подошел вор-собака де он под Киев град
 И становился он да на чистом поли,
 Де как и роскидывал он да тут белы шатры,

- Де как белы́ шатры, то́нки поло́тнены.
 Де становили они окольный стольни́цок,
 30 Де тут писали они да скорый ерлык,
 Де скорый ерлык да скорописцотый.
 Не пером оне писали да не цёрнилами,
 Де как писали-то красным золотом,
 Красным золотом да всё ордынским.
 35 Тут просили они у Владимира-та князя
 От хорода от Киева да отступитесь,
 Без бою да без драки и без сечения,
 Да без большого такого кроволити́ця.
 Тут и прираздвинется да мать сыра земля,
 40 Де как приужжот она силушку Кудрёванку.
 Де как посылали они ведь тут скорá посла,
 Де ехал и скорой посол на широкой двор,
 Остановилсе он да у красна́ крыльця,
 Де тут привязывал да он резва́ коня за колецушка
 булатныя,
 45 И де што за ту же он привязку бохатырьскую.
 Де сам и неко́го он тут не спрашивал,
 Де ни подворотников, ни придверников,
 И заходил и он во съветлу гриднюшку.
 Ведь он невежа бо́гу-то не молитце,
 50 Де со Владимиром князём да не здороваеце,
 Он и тут целом не бьёт...¹
 И у Владимира князя во светлой гриднюшке
 Стоял окольный стольни́цок,
 И подходил он ко стольни́цку,
 55 Де как выбросил он де тут да скорый ерлык,
 Де как сам назад он петился,
 Да ище скоро и вон пошол.
 И у Владимира князя в то времё никого не погоди́лосе,
 Де погодился только как один Олёшенька Попови́ць
 блад.
 60 — „Уж и ты ой еси, Олёшенька Попови́ць блад!
 Да ты бери-тко-ся скорый ерлык да скорописчатый,
 Да ты скорей да распецятывай,
 Да поскорей ищо да ты прочитывай,

¹ пауза

- Да и поскорей ишо Владимиру-ко вѣстку дай“,
- 65 И как брал он тут скорый ерлык,
И скоро он да распецывал,
И скорѣхонько он да тут процитывал,
И поскоре ишо Владимиру он вѣстку дал:
„Уж вы ой еси, Владимир князь,
- 70 Владимир князь да стольнѣ-киевский!
Как во цистом-то поли-то у нас деется нехорошо:
Де подошел и к нам вор-собака да злой неверной пан,
Де злой неверной пан, да молодой салтан,
И молодой солтан, да сын Салтановиць,
- 75 И Кудреванко царь да Кудревановиць,
И он со многою войска многа множеством,
И он и просит и у вас от хорода от Киева да отступитца
Всѣ без драки и без сѣченья,
И де без большого таково кроволитиця“.
- 80 — „А уж и ты ой еси, Олѣшенька Поповиц блад!
Ты поди-тко на конюшей двор,
Да ты оседлай-ка два резвых коня,
Да на поедѣм-ка с тобой смотреть да силу Кудреван-
кову“.
- Де тут пошел Олѣшенька на конюшей двор,
- 85 И выбирал и он да два резвых коня,
Де как накладывал и он да два седлышка,
Де два седлышка да всѣ черкальские,
Да тут и застѣгивал он двенадцати прядоцек серебряных
Да двенадцать же прядоцек жемчужных,
- 90 И ведь тринадцату прядоцку через хребетунцу,
Де ту не для ради басы, а для ради крепости,
Де штобы бродягами нам не набродитесь.
Де уж видели мы тут посѣдку молодецкую,
Де не завидели мы поездки бохатырские,
- 95 И де только в цистом поле-то пошла куревá столбом.
Де как отъехали от хорода от Киева,
Де тут завидели силушку Кудреванкову.
Де устрашились поворота дале да и назад едут.
Де на красном крыльци стоит Опракся да королевишня.
- 100 — „Уж вы здорово ли, добрые молодцы, ездили?“
— „Уж ты ой еси, Опракся королевишня!
Де мы оступимся-ко с тобой хорода-то Киева,

- Мы побѣжим-ко на горы на высокия,
 Да што на те же мы горы на окатисты,
 105 Де што на те же мы дорожки прямоезжия,
 Де што на те же ростѧни боѧатырьскіе“.
 — „Де уж вы ой еси, Владимир князь,
 Да Владимир князь да стольнѣ-киевскій,
 Как пошто же нам с тобой бежать до дельшка?
 110 Де ты пойдѣ-ткѣ-сь во божью церьков,
 И ты молись-ка боѧам нашим могуцим:
 Спасу да де прещистому,
 Де пресветой девы-то матери божьей боѧородице
 Де не помилуёт ли нас госпѡдь?“
 115 Де тут пошел он во божью церьков,
 Де как молился он спасу тут прещистому,
 Де пресвятой девы-то матери божьей боѧородице,
 Де помолился — из церкви-то вон пошел.
 А де как настрѣцу ему идѣт старой-старенькой,
 120 И старѣй-старенькой да Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ да сын Ивановичъ:
 „И уж вы здрастѣуйте и Владимир князь,
 Владимир князь да стольнѣ-киевскій!“
 — „Уж и здрастуй же и старѣй-старенькой,
 125 Старѣй-старенькой Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ да сын Ивановичъ!“
 — „Иуж вы што же, Владимир князь, у нас да не по ста-
 рому?“
 Всѣ не по старому да не попрѣжнему?“
 — „Уж ты ой еси, старѣй, старѣй-старенькой,
 130 Старѣй-старенькой Илья Муромецъ,
 Да Илья Муромецъ, сын Ивановичъ,
 Как где же мне быть по старому?
 Де же мне быть ноне по старопрѣжнему?
 Как во чистом поле у нас деется нехѡрошо:
 135 Как подошел к нам злой собака, злой неверной панъ,
 Да злой неверной панъ, да молодой солтанъ,
 И молодой солтанъ да сын Солтановицъ,
 Кудреван то царь да Кудревановицъ,
 И он со многою войска многим множества,
 140 И просит и у нас-то хорѡда-то Києва,
 Да отступиться да без драки да всѣ-без сѣченья,

- Да без большого таково кроволитиця“.
- „Уж вы ой еси, Владимир князь стольне-киевской!
Уж как ты про эфто да мне не сказывай:
- 145 Да ездил я смотрел силу Кудреванкову
Де из подзорной трубочки да три дни я и три ночи,
И де как не мог я тут цисла-смету дать.
Де как откати ты мне сорок бочек да зеленá вина,
Де как откати-ка де сорок бочек пива пьяного,
- 150 Де сорок бочек мёда сладково“.
- „А де уж ты ой еси, старой-старенькой,
И старой-старенькой да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сын Иванович!
Как всё преже от тебя было не заперто,
- 155 Так и ноне от тебя всё не замкнуто,
То ты бери-тко-сь сколько тебе надобно“.
- Тут он пошел старый-старенькой да ко резвú коню,
Де как поехал он де ' цистó полё,
Де он роскидывал да тут белóй шатёр,
- 160 Белóй шатёр тонкой полóтненой,
Де откатил он сорок боцек да зеленá вина,
Де сорок же боцёк да пива пьяного,
Де сорок же боцёк да мёда сладково,
Де сам поехал он на горы да на высокия,
- 165 Де што на те же горы да на окатистые,
Што на те же он дорожки прямоезжия,
Де што на те же он ростáни бохáтырьския.
Де как роскидывал он да тут скорý ерлыцки,
Де собиралосе добрых молодцев во белóй шатёр.
- 170 Де семьдесят без ёдного, —
Де старый-старенькой семидесятой был,
Де они 'де пили-ели де тут и спать легли.
Де как у старого-то старенького
Зазнобушка была на серци,
- 175 Де как стовал он поутру ранёхонько:
„Уж вы ой еси, братцы вы добрые молодцы!
Де мы поедемте-ко-ся сбить силу Кудреваньку,
Де поезжаете вы с фланку правого и левого,
А я поеду в серединушку силушки Кудреванковой.
- 180 Де как засвистит моя вострая сабелька,
Де затальцят мои серебряны колечушка,

- Так уж вы бейте, секите, кто сколько можете.
 А как не засвистит моя вострая сабелька,
 Де как и не сбрыкают мои серебряны колечушка,
 185 Так вы не задевати лучше силушки Кудреванковой,
 А поезжайте вы хыть хто куды знаите".
 Де как поехал старый-старенькой
 К серединушки силушки Кудреванковой, —
 Де в то время было ему старенькому лет ста семи-
 десяти.
 190 Как заехал в серединушку силушки Кудреванковой,
 И одной рукой подал Кудреванку скорый ерлык,
 Де как другой рукой он успел Кудреванку снять
 и голову.
 Де засвистела тут вострая сабелька,
 Де зательцели тут серебряны колечушка,
 195 Де бились они дрались три дня и три ноци,
 Де без питенья, да без ёденья,
 Де победили тут силушку Кудреванкову.
 Де собрались опять дсбры молодцы во белой шатёр,
 Де опеть де пили де ели тут и спать легли.
 200 Де старой-старенькой он ставал да тут ранёхонько,¹
 Де выходил и он да из белá шатра́,
 Де тут смотрел он в подзорную трубочку.
 Де увидал и он в цистом поле да два удалых,
 Два Ивана, да два Ивановича,
 205 Де потешаются они булатной палочкой:
 Де как выбрасывают ей туюц выше лесу дремучего,
 Де туюц пониже облака ходёчего,
 Де похваляютца они да не больми словами:
 Де как первдой-от гóворит:
 210 „Кабы был-стоял в матери сырой земли да колокольный
 столп,
 Де поворóтил бы и я всю мать сыру́ землю".
 Де как друхой-от гóворит:
 „Кабы стояла бы на небо лестница,
 Дак там бы я залез и всех присек".

---

¹ После этого стиха исполнитель сказал, обращаясь к сидящей в избе жонке:
 „Тридцать три года рука не шевелилась, всё сидел... Теперь
 какой!" Жонка заохала: „Вот беда!"

- 215 — „Да как за эфто нас хосподь да не помилуёт“.
Да тут восстала опеть силушка Кудреванкова,
Де кого били и сѣкли нá двое де тех двоё стало,
Де ко кого били, сѣкли нá троё, да тех троё стало.
Де опеть съехались добрые молодци,
220 Де они бились и дрались шесь дней и шесь ноцей,
И де без пѣтенья да всё без ёденья,
Да тут стали резвы кони брѣдить в крови до резва
брюха.
Де тут прираздвинулась и мать сыра земля,
Де как прожрала она всю силушку Кудреванкову.

Ну больше конець.

45

[ДУНАЙ]

- Што во том же во хороди во Києви,
Што у ласковово князя да у Владимира
Был собран стол, почѣсен пир,
И розоставлѣны были столицки дубовыя,
5 И усланы скатерти шелковые,
Да уношены яствы-то сахырны,
Да и розоставлѣны напитки разные.
За столом-то и все сидели князя и бѣйяра,
Все сильнее храбрые могущие бохатыри.
10 За столом ы все да наедалися,
Да за чесным все напивалися,
Да все были пѣяны-весѣлы.
Да Владимир князь похаживал
Да по светлой гриднюшке.
15 Да и он сапог о сапог да поколачивал,
И он златыма-ти перстнеми да как пощалкивал,
И русыма кудрями-ти он спотрехивал,
И тихую рецѣньку-то он спроговѣрил:
„Уж и вы ой еси, князя и бѣйяра,
20 Все сильные храбрые бохатыри,
Да уж все вы у меня в хорode поженены,
И красные девици замуж все повыданы,
Да только я блад ясѣн сокол холѣст жожу.

- Где вы не знаите ли ка мне да молодой жены,
 25 Молодой жены да полюбовнице,
 Штобы походука была у ей гусиная,
 Да тѣха рець да лебединая,
 А де оци-ти ясны де как у сокола,
 Да цѣрны брови штобы были у соболя?
- 30 Штобы мошно мне-ка назвать молодой женой,
 Молодой женой да полюбовницей".
 За чеснѣм столом все да приумолклисе,
 Да старшой-от кроется за среднего,
 А средней-от кроется за младшого,
- 35 Где как от младшого и от ответу нету.
 Да за чеснѣм столом сидел Добрынюшка Никитич блад.
 И выставал он де на резвы ногѣ,
 Де и тиху реценьку ту спрото́ворил:
 „Уж и вы ой еси, да Владимир князь,
 40 Да Владимир князь стольно-киевский!
 Уж вы позволите мне-ка слово вымолветь,
 Слово-то вымолветь, да рець прогото́ворить.
 Уж вы ой еси, Владимир князь,
 Да Владимир князь стольно-киевский!
- 45 Как есь у вас во хороде во Києви,
 Де сидит тут сорокасажоно́м подгрѣбу
 Тут названѣй да мой братечко,
 Да Задунай да сын Иванович.
 Он знат да вам де молоду жону,
 50 Молоду жону да полюбовницу".
 А тут и*были посланы к подгрѣбу предверники,
 Де отворили двери-ти у подгрѣба,
 Тут Задунай-то да сын Иванович
 Он и седѣт читат свето евангелиѣ.
- 55 — „Уж ты ой еси, Задунай да сын Иванович!
 Ты выходи ты-ко вон из подгрѣба,
 И жалует Владимир князь вас да на почѣсен пир".
 Он одну ногѣ прикорчил — другѣ приростянул же,
 И выпрыгнул вон из подгрѣба,
- 60 Как лев ы зверь из вертепа же,
 Де сам и волосом оброс весь до по́еса,
 И пошел он да ко краснѣ крыльцю.
 Да пошел он да на чесно крыльце,

Да ступень да ступеня от ёво огибайтце
(Бычок же от видно был!),

- 65 Де во светлы сени зашол и сени те пошаталисе.
Де заходил он во светлу гриднюшку,
Де он ббһу тут молитца,
Де крест-от тот кладёт по писаному,
Де как поклоны-ти ведёт он по уцёному,
70 Де тут садили его да за чеснй столы,
Де тут подносили ему чару зеленá вина,
Де как не вéлику ни малу да полтретья ведра.
Тут принимает он чару ту одной рукой,
И выпивает он чару ту за единый дух.
75 И приносили ему вторую чару де зеленá же вина,
Как не вéлику не малу да полтора ведра.
Тут принимает он чару ту одной рукой,
И выпивает он чару за единый дух.
И тут оци-ге ясны замутилисе,
80 И все-ка могущие плечи да расходилисе,
И се тут подходил к ему Владимир князь:
„А уж ты ой еси, Задунай да сын Иванович,
Где ты не знаш ты мне-ка где молодой жоны,
Молодой жоны да полюбовницы?
85 Штобы походецка была у ей гусиная,
А и тихá рець да лебединая,
А и оци ясны как у сокола,
Де цёрны брови штобы были у соболя,
Да штобы мошно было бы мне и назвать ей да моло-
дой жоной,
90 Молодой жоной да любовницей“.
— „Ой да уж вы ой еси, Владимир князь,
Владимир князь да стольно-киевский!
Как жыл я проживал во хорode во Волхове,
Што у тоho же короля и Волхóвницкого
95 Де тридцать трй годицка,
Где как и есь у ёho две доцери:
Де первая доць — Настасья да королевешня,
Та только приудалая злая полениця же,
Де как есь вторая же доць, Опраксия королевешня,
100 Та только сидит-содёржитца
За двенадцатима дверьми запертыма,

- За двенадцатима замками замкнута крепкими,
 А де тут при ей стоит стража превеликая.
 Де у той-то походецка гусиная,
 105 Де и тиха-те рець да лебединая,
 Де оци-ти ясны де как у сокола,
 Де цёрны брови да как у соболя,
 И ту бы не стыдно было вам назвать де молодой жоной,
 Молодой жоной, полюбовницею".
- 110 — „Ой уж ты еси, Задунай да сын Ивановец,
 Ты поезжай-ко ей сватаисе,
 Де ты бери-тко-си у меня да сколько чего тебе надобно,
 Да золотой казны бери-тко сколько тебе хочется,
 Или войска бери сколько тебе требуетце".
- 115 — „Ой де уж вы ой еси, вы Владимир князь,
 Да вы Владимир князь стольно-киевский!
 Мне ничёго вашо ненадобно.
 Де только дайте мне с собой названого братика,
 Добрынюшку Никитича,
- 120 А да возвратите-тко-сь мне старого резва коня
 Моево коня да бохатырскова.
 Да возврати-тко-сь вы мне сбрую мою бохатырскую"
 — „Де уж ты еси, Задунай да сын Ивановец,
 Как некуда ничево твоё не дёвано:
- 125 Твой конь и старой да стоит во стоилах
 И ес он пшеницу"...¹
 Уже получаёт он коня старого,
 И получаёт он всю свою сбрую бохатырскую,
 Де одеваютца во латы во жалезные,
- 130 Да отправляютца тут оне да в путь-дороженьку.
 Де как поехали с Добрынюшкой со Никитицём,
 Еще к тому же хороду к Волковницку,
 Еще ехали оны дорогами прямоезжима,
 Да как подъехали ко хороду Волховницкому,
- 135 Да остановились они да на чистом поли,
 Де тут соскакивали они со резвых коней,
 Оставляет он Добрынюшку Никитича а деу резвых коней,
 А сам он ' хород то пешком пошол.
 И подходил он ко красну крыльцю,
- 140 Да заходил он да на краснó крыльцё,

¹ пауза.

- А де заходил он во светлу гриднюшку.
 Тут ведь он боу молитце,
 Да крест тот кладёт он по писаному,
 Де как поклоны ти ведёт он по учёному:
- 145 „Де здрастуйте вы, король Волхонскей!“
 — „Да здрастуй же, Задунай сын Ивановичь!
 Де уж ты ой еси, Задунай да сын Ивановичь,
 Де как куда же у те лёжит путь-дороженька?
 Или по старому ты-ко по прежнему ко мне служити-
 пришол?“
- 150 — „А де уж вы ой еси, король Волховницкий,
 А я не по старому не по прежнему, не служить пришол.
 Я пришол к вам о добром деле, да все о сватовстве:
 Де как есь у нас во хороде во Киеви,
 Да как Владимир князь де стольно-киевской,
- 155 А как есь у вас доци то. Опраксия-то королевишня,
 Да как не мошно ли их в место свести,
 А с вами-то род и завести“.
 — „А де уж и ты ой еси, Задунай да сын Ивановичь..
 Как предложение твоё мне не пондравилось,
- 160 И мош поворот-та отдати да и вон итти!“
 Он повернулсе да и вон пошол.
 И зацал он да рвать замки крепкия,
 Де зацал он отворёт да двери заперты,
 Тут зацал же он битъ стражу сильную,
- 165 Де прирывал он все тут замки-то крепкия,
 Де приотворил да двери запертыя,
 И де ка' прибил он всю ту стражу сильную,
 И де заходил и он ко Опраксии королевишни.
 — „Да здрастуй, доць Опраксея королевишна!“
- 170 — „Де здрастуй же, Задунай да сын Ивановичь!“
 Тут берёт он ей да за праву руку,
 И де как повёл он ей вон да из светлой светлицы.
 Де тут доць и та Опраксея королевишна
 Де-ко она да расплакалсе,
- 175 Де отцю-матери да приразжалобилсе:
 „Де как в добрых-то людех ведь дётсе —
 Да отдают дочерей своих в замужество де пиром да:
 сваёбным,
 А вы отдавати да меня кроволитиём превеликием“.

- И подходят же к ему на встреченьку,
180 На златѣхъ блюдахъ подносятъ яства сахарныи,
Да на другихъ подносятъ напитки разные.
Де ка' поклоны-те ведутъ ему до земли,
И жалуютъ его да на почесѣн пир.
Отвѣчаетъ онъ ему с дерзосью превеликою:
185 „Де на приезде вы гостя не употчовали,
Дакъ на отъезде вамъ ѣво не употчевате“.
Де подходилъ онъ ко Добрынюшке Никитичу,
Де ка' Никитич-то ждать да весь соскущился,
Де тутъ садились они да на резвѣхъ коней,
190 Какъ поехали ко хороду-то ко Киеву,
Де тутъ дощъ Опраксея королевича де какъ она да при-
расплакалесе:
„Кабы была бы дома у меня да роднѣ сестра,
Де дощъ Настасья да королевична,
Да бы наверно бы не была я у васъ в рукахъ“.
195 Ахъ и тутъ в то времецко Настасья-то королевична,
А де-ко она домой вернулесе,
Да не застала она домой родной сестры,
Де тутъ Опраксии королевични.
Да бросилась она в догонюшку превеликую
200 Де Задунай до сынъ Ивановича.
Онъ в пути-дорожки пристановилсе,
Де какъ соскакивалъ онъ да со резвѣ коня,
Де какъ припадывалъ онъ и ухомъ к матери сырой земли,
Де какъ тутъ учулъ онъ топотъ-отъ кониный,
205 И де какъ узналъ онъ надъ собой догонюшку.
„Де ужъ-ты ой еси, Добрынюшка Никитичъ бладъ,
Де ты бери-тко-ся Опраксею королевичну
Де поезжай ты-ко с ей ко хороду ко Киеву,
А я поеду настрѣю ту догонюшки“
(Где в охоту, а онъ в догонюшку).
210 Де повернулся онъ поехалъ онъ настрѣеньку,
Де какъ завидѣлъ снъ Настасью королевичну,
Де гонитъ она своёво-то резвѣ коня,
Де из-подъ копытъ-то кониныхъ и выворачивається
Мать сыра земля какъ лютые пещеньки,
215 Де изъ ушей и отъ коня тутъ паръ столбомъ стоитъ,
Де изъ ноздрей у коня да искры сыплютсе.

- Де съехались они, приостановились,
 Де стрéлил Задунай он да сын Ивановичь,
 И он цёрёз ей тут да перéстрелил.
 220 Де стрéлила как Настасья та да королевешня,
 Де ка' правой глаз да у его тут выстрелила,
 Де как съехались они ударили друг дружку копьeми ти
 вострыма,
 Де у обeх у их копьa поломалисе.
 Де съехались они ударили опeть друг дружку кóнцыми
 тупыма же,
 225 Де как она его из седла тут вышыбла.
 А тут соскоцили они со резвých коней,
 И как схватилиси дратцe на рукопашной бой,
 И у Настасьи-то королевешне де как ухватка была
 женская:
 Де как у ей одна нога приукатиласе,
 230 Де как другá нога приобломиласе,
 Де тут она на мать сырú землю взвалиласе.
 Де как подходил да Задунай да сын Ивановичь,
 Стал разворацивать латы-ти жалезные,
 Де ка хочёт он у ей пороть-то тут белы груди,
 235 Да и розворотил он латы-ти жалезныя,
 А де увидел он тут да и у ей титки женскии,
 Де ка' берёт он ей да за правú руку,
 Де поднимает он от матери сырой земли,
 Де как и целует он у ей да уста сáхарны:
 240 „Де уж ты здрастуй, дочь Настасья да королевешня“.
 — „Да ты здрастуй же, Задунай сын Ивановичь“.
 — „Уж ты ой еси, Настасья да королевешня,
 Де как идёш ли да ты за меня замужество?“
 — „Де уж ты ой еси, Задунай да сын Ивановичь,
 245 Да когда я тепериця у вас в руках,
 Дак делай же ты надо мной што тебе требуйтце“.
 Де тут сaдились они да на резвých коней,
 Тут поехали ко хорóду ко Киеву,
 Де как подъехали ко красну крыльцу,
 250 Де остановились они да у красна крыльца.
 Выходил к им настречу Владимир князь, с Опраксией
 с королевешной.
 „Уж ты здрастуй же, Задунай сын Ивановичь,

- Здрастуй же, Настасья да королевешна!“
 — „Да здрастуйте вы, Владимир князь,
 255 Владимир князь да стольно-киевский,
 Да здравуй же, доци Опраксия королевешня!“
 Де заводили их во светлы светлицы,
 Да как садили их да за пировы столы,
 Де Задунай-от да сын Ивановиць,
 260 За пировым столом он принапился,
 Де принапился да приросхвастывлся:
 „Да ка' нет на свете меня сильнее,
 Да нет на свете меня стрелка метнее,
 Да нет на свети сделисте-сметисте“.
 265 Де у Настасьи то королевешны
 Как бохатырское то серце разгорелосе,
 Де не могла она во словах да воздържатисе:
 „Де уж ты ой еси, Задунай да сын Ивановиць!
 Как хвастыш ты да пустымá словьми,
 270 Де как и мы с тобой на встречи-то да съехались,
 Да как ты меня стрелил, через ведь перестрелил,
 Де я тебе стрелила, — правой глаз да у ти выстрелила,
 Да съехались мы, ударили друг дружку копыми ти
 вострыма,
 Де как у нас с тобой копыа те поломалися,
 275 Де съехались опеть, ударили друг дружку копыми
 тупыма же,
 Де как я тебе из седла то тут вышыбла“.
 Де у Задуная-то сына Ивановиця
 Как бохатырское сердце раскипелосе:
 Де как задумал он ехать в цисто поле то стрелетисе,
 280 Де всё без лат да без жалезных,
 Де поставить-ти на hlavу златой перстень,
 И как который сквозь перстень прострелит,
 Да и с головы де перстень же сронит же.
 Тут стрелила Настасья же королевешна,
 285 Де как она сквозь перстень прострелила,
 Де на главы перстень не трохнулсе.
 Де стрелил и Задунай да сын Ивановиць,
 Де через он ей тут да перестрелил,
 Де как другой-от раз стрелил да ей не дострелил.
 290 Да тут Настасья да королевешня

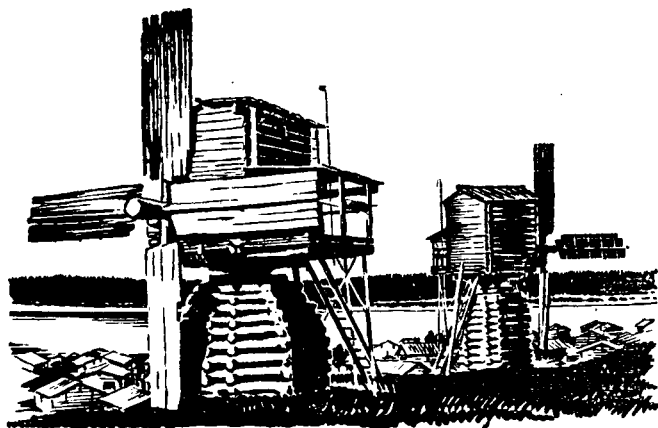
Де как она ему взмолиласе:
 „Де уж ты ой еси, Задунай да сын Ивановиць,
 Да ты прости-тко меня в моей глупости,
 Де ты во словах моих да невоздержных,
 295 Де ты в прискорбности моей да превеликой.
 Перво прѣстрелил ты меня — цѣрез перѣстрелил,
 Да как другой раз-от стрѣлил ты меня — не дѣстрелил,
 Де как третій раз ты стрѣлиш ты мне-ко во белы
 груди,
 Де во белых грудях и есь у меня от вас зачат младень,
 300 Де по локоть да руки в золоте,
 Де по колен да ноги в серебри“.
 Де у Задуная та сына Ивановиця
 Как бохатырское сердце не укротилосе,
 Де третьей-те раз стрѣлил он ей белы груди,
 305 Де тут Настасья-те королевишна,
 Де она на мать сыру землю взвалиласе.
 Де подходил и к ей Задунай-от да сын Ивановиць
 И распорол он у ей бѣлы груди,
 Да во белых грудях нашол у ей младеня же,
 310 Де по локоть да руки в золоти,
 Де по колен да ноги в серебри.
 Де у Задуная да сына Ивановиця
 Как бохатырьско сердце розгорелосе:
 Де как поставил и он своё востро копье,
 315 Де как тупым концом-от к матери сырой земли,
 Де как острым концом верху уже,
 Де навалился своей он да белой грудью да на востро
 копье,
 Де заколол он тут да сам себя.
 Де как от крови от евонную,
 320 Де протѣклá да тут быстра река,
 Де назвáлась она да Задунай-рекой.

Больше конецъ!

(Сколько знал — всё рассказал.)

ВАСИЛИЙ ФИЛИППОВИЧ ИВАНОВ

В. Ф. Иванов — тот самый сказитель из с. Большие Нисогоры, про которого, сопоставляя его с А. И. Палкиным, говорили: „У его и духу такого нехватит, как у Олюшки“ (см. заметку о Палкине). И действительно, это был слабый, больной, страдающий сердцем старик, 74 л. Жил в 1928 г. одиноко со своей женой старухой. Всю свою когда-то большую семью растерял. Старший сын служил на железной дороге и с язи с отцом не поддерживал. Средний в 1919 г. погиб на гражданской войне, в рядах красных. Младший около трех лет тому назад как ушел из дому, и о нем не было вестей.

Василий Филиппович — хорошо грамотный. Отслужил 7 лет во флоте. Плавал на клипере „Жемчуг“. По его словам „в семи державах был“. Последние годы во флоте служил ротным писарем. Любитель чтения. Читал романы: „Юрий Милославский“ и др. Былины перенял от дедушки Матвея Яковлевича Иванова, славного в Нисогорах, кроме своего сказительства, еще долголетием — жил 105 лет. У Василия Филипповича еще с детства была большая связь с дедом — он ходил с ним на охоту, „на путик“.

Первую былинку Василий Филиппович спел. Напев его был однообразен, беден и не отличался строгой ритмичностью, что позволяло вкладывать в него местами совсем прозаический текст.

Тихий и кроткий, благожелательно настроенный к людям, исполнитель и в образе Ильи Муромца особенно подчеркивал черты миролюбия, великодушия и бескорыстия.

ВО СТОЛЬНЕМ ВО ГОРОДЕ КИЕВЕ

- Во стольнем-то городе Киеве,
Што у ласкова у князя у Владимира,
Было пиrowанье-стол, почёсен пир.
Вси на пиру напивалисе,
5 На чесном пиру наедалисе,
Все были пьяны и вёселы.
Тут Владимир-от князь распотешился,
Стал по гринюшке похаживать,
Сапог о сапог поколачивать,
10 Белыма руками приразмахивать.
Говорил-то Владимир таковы́ слова:
„Уж вы ой еси, все князья-бóера,
Все уж мо́ущие бо́хатыри.
Палéницы все удалые.
15 Вы не знаете ли мне полюбовницу,
Полюбовницу мне красну́ дéвицу?
Таку бы — девица рóстом ровна́
(Как Вы),
Ростóм ровна́, повысока́,
Коса бы руса́ у ей бы до пóеса,
20 Очи ясны были у ей как у сокола,
Брови чёрные у ей как у соболя,
Штобы могла она поклониться кнезья́м всем бóерам,
Всем могучим бо́хатырям
И поленицам всем удалым“.
25 Из-за того ли из столика серéдного,
Из-за столика булатного
Вставал тут удаленькой добро́й молодец.

- Вставал он на резвы́ ноги,
Дунай сын Иванович:
- 30 „Уж ты батюшко король леховинское,¹
Позволь мне слово сказать, слово вымолвить,
Я не столько живал на святой Руси,
А я больше живал ведь в проклятой Литвы.
У того у короля леховинского
- 35 Есть тут любимая дочь Опраксея королевичня,
Та ростом ровна́, ростом высока́,
Коса́ руса́ у ей до по́еса,
Очи ясны у ей как у сокола,
Брови чёрные у ей как у соболя“.
- 40 Спроговорил же король да ляховинской же:²
„Уж ты ой еси, Дунай свет Иванович,
Ты бери-ко силы сколько надобно,
Когда с добром — бери её,
А не даст, так возьми силою“.
- 45 Спроговорит Дунай сын Иванович:
„Мне не надо силы — своей сметы нет,
Только дай мне названого брата́лка,
Добрынюшку Микитича“.
Скоро коней осёдлали,
- 50 Поехали добры молодцы,
По чисту́ полю куре́ва пошла.
Приехали они к королю да ляховинскому.
Они пра́вили стеню́ да не дорогою,
Они ехали чрез стены те городовыя,
- 55 Поставили добрых коней на кнеженецкой двор
Не связанных они и не привязанных.
Пошел тут Дунаюшко с Добрынею
Во светлы гринюшки к королю леховинскому.
Оставил Добрыню во светлых сенях,
- 60 Сам зашел к королю ведь ляховинскому.
Спросил его король ляховинской же:
„Зачем ты, Дунай, пришел, приехал же?
За торго́м иль за това́рами,
Иль попрежнему служить мне?“

---

¹ Оговорка исполнителя вместо обращения к князю Владимиру.

² Та же оговорка.

- 65 Спроговорит Дунай да свет Иванович:
 „Не за торгѡм я к тебе да не за товарами,
 А приехал я за любимую дочерью Опраксеей короле-
 вичней
- За нашего князя за Владимира“.
- Спроговорит король ляховинской же:
- 70 „Уж ты ой еси, Дунаюшко,
 Кабы не жил у меня, я бы отсек по плѣчам гѡлову“.
 Спрогѡворил Дунай во вторѡй-от раз,
 Не получил ответу от его.
 Спрогѡворил он третій раз,
- 75 То вскричал король ляховинской же:
 „Вы вставайте, петнадцать тотаровей,
 Вы берите Дуная за праву́ руку́,
 Вставайте, другая петнадцать,
 Вы берите Дуная за леву́ руку́,
- 80 Вы ведите Дуная во глубѡк погрѣбѡ!“
 Махнулса Дунаюшко правѡй рукой,
 Упали тотарове без памяти.
 Отмахнулсе Дунаюшко левѡй рукой,
 Взял тут Дунаюшко дубинку подорожную,
- 85 Стал по гринюшке помахивать,
 Король по застѡлью стал побѣгивать.
 Тут скопилось силы во двор и смету нет.
 Выходил ле Дунаюшко во светлы сени,
 Брал он Добрынюшку с красна крыльця́,
- 90 Они брали тотаровей за́ ноги:
 Махнутса — так и улица,
 Отмахнутса — с переулками.
 Увидала тут Опраксея королевичня,
 Выходила она к батюшку:
- 95 „Уж ты ой еси, батюшко король ляховинское,
 Оставь ты тотаровей на се́мена!
 Дѡбри-ти отцы да дѡбрых дочерей
 Отдавают с пивом-брѡгою,
 А верно мне быть за имѡ“.
- 100 Тогда вышел король на краснѡ крыльцо́,
 Говорил таковы́ речи:
 „Оставь мне, Дунай, татар на се́мена,
 Бери Опраксею королевичню“.

Зашол Дунай, брал он Опраксею на рѹки.

105 Она началá слéзно пла́кати:

„Зови ты, батюшко, на угощенье их“.

Тогда сказал король ляховинской же:

„Заходите, Дунаюшко, во свѣтлицы,

Не угодна ли тебе пива пьяного?“

110 Сказал тут Дунай-от Иванович:

„На приезди нас не употчѣвал,

На отъезди не учествовать“.

Сажал Дунаюшко Опраксею королевичню

На добра коня наза́д себѣ,

115 Поехали они рысью бо́хатырскую.

Приехали они во своё полѣ чистоѣ,

Увидал тут Дунай-от Иванович,

Што ездит храбѣр добрый молодец,

Копья кидáт кверху, на подъезде подхватывáт.

120 Не честь была хвала молодецкая

Не узнать тут Дунаю добра мóлодца.

Передаёт он Опрáксею королевичню

На добра коня Добрынюшки Микитичю,

Приказал отвезти князю Владимиру,

125 Сам отправилса к дóбру мóлодцу

(Встречу).

Они рыцарски стали тѣшиться,

Сабли пощорбалисе и копья извихнулися,

Стали тенуться через гривы лошадиныя

(У их мода была).

У соперника нога окáтилась, пал он нá землю.

130 Тут Дунай свет Иванович

Ростегнул он латы железныя,

Увидал тут титки женския,

Тогда сказал он: „Ну, Настасья королевичня

(Сестра Опраксеи),

Сестра твоя за Владимиром, а ты быдь за мной“.

135 Спрогóворит Настасья королевичня:

„Кабы я не здесь была — теперь воля ваша же!“

Они сели на добрых коней

И поехали к стольнему городу Киеву.

Тут устроен был у Владимира великий пир,

140 В чести́ был Дунай сын Иванович.
Повы́пил, стал хвастать он:
„Нет на свете си́льней меня,
И нет на свете умне́е меня,
Как и в стрелочку собо́льнею метне́е меня“.

145 Тут спроговорит Настасья королевичня:
„Не добро́м ты хвасташ: си́льнее тебя есь —
Илья Муромец,
Умнее тебя — Добрынюшка Микитич ведь,
А во стрелочку собо́льнею я метне́е тебя“.

(Какая!)

150 Тут Дунай Иванович не вытерпел,
Пожелал с ей на стрельбу выйти.
Они вышли в чисто́ полё,
Стали в означенное место,
Положили златы́ перси́ на го́лову.

155 Стрела́ Настасья королевичня,
Сквозь перстень прострели́ла — перстень не урони́ла,
А стрели́л Дунай сын Иванович,
Первый раз он не до́стрелил,
Второй раз он пе́рестрелил

(Пьяненький видно был).

160 Тут взмолилась Настасья королевичня:
„Ты прости́ меня, Дунай сын Иванович,
Первый раз ты не до́стрелил,
Вто́рой раз ты пе́рестрелил,
А третий раз ты за́стрелишь.

165 Не губи́ ты меня — в утробе е́сть младе́нь хорош“.
Не поверил Дунаюшко Иванович,
Застрелил Настасью королевичню,
Разрезал грудь — уви́дал младе́нь хорош.
Не стерпел тут Дунай Иванович:

170 Поставил копьё во сыру́ землю —
На во́стрый конец стал грудью нава́ливать.
Проговори́л Дунаюшко таковы́ слова́:
„От младенца выра́сти ракитов куст,
А от моей крови́ горя́чей будь Дунай-река“.

Так и скончался он тут.

Боле и всё.

ПРО ИЛЮ МУРОМЦА

- Во славном было городе во Муроме,
 В селе Карачарове
 Жил крестьянин Иван Тимофеевич.
 У него было любимое чадо,
 5 Его звали Ильёй,
 Сидел он седунóm тридцать лет.
 Как минулось ему тридцать лет,
 Стал ходить он на ногах крепко,
 Почувствовал в себе силушку великую
 10 И сделал себе конскую сбрую,
 Оседлал коня доброго бохатырского,
 Пришел к отцу к матери
 Просить благословения
 Ехать в Киев град богу помолиться,
 15 Князю поклониться,
 Опраксею королевичню посмотреть и себя показать.
 Дают благословения и говорят такие речи:
 „Сын наш любезный, не делай обиды, не проливай
 крови хрисьянской“.
 Видели Илью Муромца на коня садилса,
 20 А на поездке только куревá пошла.
 Приехал он во лесá тёмны, табóр разбойницкий,
 Стали наступать человек по десять и по двадцать,
 Хотят коня отнять.
 Илья Муромец снял с плеча тугóй лук, спустил в сырой
 дуб,
 25 Стрела началá рвать в мелкие черёнья.
 Тогда эти испугались, взмолились ему:
 „Удалой добрый молодец!
 Бери за нашу вину сколько надобно:
 Платье цвётное или табун лошадей“.
 (*Ишь сколько нагреблено было!*)
 30 Илья Муромец усмехнулся: „Если этим мне брать,
 некуда будет девать“.
 А сказал им: „Вперёд этим отважьтесь“
 (*Чтобы не грабили*),
 Приехал он в Чернигов город.

Чернигов-город сила басурманская город окружила. Хотя силушку повырубить, божьи церкви под дым спустить.

Илья Муромец подумал себе: „Не честь-хвала бохатырская отдать Чернигов-град на поруганье“. Поворотил коня на правую руку, начал саблей рубить, конём топтать, всю силушку повырубил. А на главнокомандующего, голову отсек, воткнул копьё и поехал в город. Горожане отворяют городские ворота. На одном блюде несут золотые ключи, а на другом золотую казну. Берут его за белые руки и вводят в белокаменные палаты, угощают разными кушаньями и говорят таковы речи: „Удалый добрый молодец, живи у нас“. Он спросил у их: „Где у вас прямая дорога ехать в Киев-град, которая была закладена Соловьём-розбойником тридцать лет?“

Он и поехал. Приехал он на реку Смородину за двадцать вёрст от Соловья-розбойника. Услышал Соловей-розбойник, стал свистать. Подъехал Илья Муромец ближе, а Соловей-розбойник начал свистать пуще прежнего. Подъехал Илья Муромец под самое Соловьиное гнездо, которое было на двенадцати дубах (*в картинах Вы не выдали?*). Конь на окарачь. Но бохатырское сердце не устрашилось. Стал бранить: „Ох ты, волчья сыть травеной мешок! Не бывал ты во чистом поле, не слышал ты вороньего карканья“. Тогда снимал он с плеч тугой лук, накладывал он каленую стрелу, пускал в сырой дуб; стрела попала ему в правый глаз. Соловей-розбойник свалился с гнезда, как овсяной сноп. Илья Муромец подхватил его и приковал к столбу дубовому.

На пути у Соловья-розбойника было три дочери, и было принято три зятя на их. Старшая дочь взгленула в трубочку подзорную и сказала: „Вот наш батюшко с добычей едет, мужика везёт“. Другая сестра взгленула: „Нет,—говорит,—нашего батюшку везут у стремени прикована“. Стали просить: „Мужья наши милые! Подите и отоймите нашего батюшка у мужика“. Конечно, были богатырский кони добры. Едут навстречу к Илье Муромцу. Соловей-розбойник был хитёр, сказал: „Зетья мои милые, не троньте и не дразните такую сильного бохатыря; лучше вам от его смерть не принять, а зовите лучше пиво-вару пить“. Зетья соскочили с добрых коней и стали просить: „Удалый добрый молодец! Пожалуйте пиво-вару пить“. Тогда он поворотил коня на въезд (*на взвоз*) и увидел, что железная подворотня поднята на цепях над воротами (*убить умышляли*). Хотели его убить. Тогда Илья Муромец увидел неправду, ткнул её копьём. Подворотня пала, а он поехал в Киев.

Приехал он ко Владимиру-князю во двор. Поставил коня не связанного, не привязанного. Зашол он во светлѹ гридню, молитса спасу пречистому, бил челом князю Владимиру, Опраксеи королевичне, всем могучим бохатырям и палѣницам преудалым. Спросил тут Владимир-князь: „Какой ты, куда едешь?“ — „Я города Мурома, села Карачарова, Иванов сын“. — „Што ты править едешь?“ — „Я ехал мимо Чернигов-град, силу басурманскую очистил, с собой привѣз Соловья“.

Тогда вскричал Владимир-князь: „Што ты меня омманываеш? В тридцать лет никто не мог, а ты привѣз!“ А он утверждает. Тогда Добрыня Микитич и Алѣша Попович попросили узнать, ответили, што есть. Тогда Владимир-князь приказал принести бохатырскую чару. Ещо хотел себя испробовать. „Подите, Добрыня Микитич и Олѣша Попович, ведите его сюда!“ Пошли они, хотели его взять, он зашипел: „Не ваше пью-кушаю, не вас и слушаю“. Пришли, сказали Владимиру, што мы не можем. Тогда Илья сказал Муромец: „Идите, скажите, што я велел“. — „Соловей-розбойник, тебе Илья велел ведь“. — „Сейчас готов“, говорит. Те привели его в кнеженецкие полаты. Сказал Владимир-князь: „Ильюшка, хотя бы он засвистал“. Тогда попросил Илья Муромец кнеженецкую кунью шубу (*не надеялся на него окаян-ного*). На себя надел ей, Владимир-князя взял под правую мышку, Опраксею-королевичню под левую. И говорит: „Ну, Соловей, свисти в полсвиста, а не во весь свист“. А Соловей-розбойник начал свистать во всю мочь. Хотел убить всех своим свистом. Все пали. Владимир-князь говорит: „Скажи, што полно“. Илья вскричал, но Соловей-розбойник не остановилса. Тогда он взял его за уши, ударил о пол и убил: „Таких неверных слуг я не люблю“. Владимир-князь почтил его первым бохатырѣм и назначил пир.

На пиру Илья Муромец и Добрыня Микитич назвались названными братьями. Поехали в чистое полѣ себе супротивника искать. Ездили три месеца. Приехали на ростани: одна из Чернигова города, другая — из Киева. Из Киева города идѣт калічка пере-хожая. Костыль у его кося сажень, шляпа бытто в тридцать пудов (*дедка говорил*). Илья Муромец увидел его, слез с коня и стал пошиньгивать. — „Не тронь меня, старый козак Илья Муромец! Не знаш, што в стольнем городе деется. Приехал в стольный Киев поханный Издолищо (*брат Соловья-розбойника*), сидит у Владимира-князя за столом, а Владимир-князь слугой ходит. И спрашиват тебя, Илья Муромецъ. Отнял он звонѣ колокольные,

четырь-пять черковные. И не велит просить милостыню ради христа, а велит просить ради поганого Издолища.

Тогда сказал Илья Муромец: „Каличищо, дай платье каличье, бери у меня платье бохатырское, на коне поѣзди, а я схожу“. Сказал калика: „Кабы Добрыне Микитичу или Олёше Поповичу (а Добрыня тут же!) — не дал бы без бою без драки, а тебе старому слову нет“. Когда поменялись одеждою, Илья Муромец посадил калику на коня своего и сказал: „Ходи ступою бродовою, а не ходовою“. Сам пошел во Киев-град. Пришел перед кнеженецкия полаты, закричал громко: „Батюшко Владимир стольне-киевский князь! Пошли мне милостыню ради христа!“. Все испужались. Поганое Издолищо вздрогнуло. „Што тако каличищо мало-громогласно! Поди, зови его сюда!“ Князь вышел и говорит: „Калика, зайди в избу“. Илья Муромец зашел, поздоровался с Владимиром князем, с Опраксеей-королевичней, со всеми могучими удалыми бохатырями, поганому Издолищу челом не бьет. Спросил поганный Издолищо: „Ходишь, бродишь по чисту полю: не видал ли там Илью Муромца?“ — „Видал“, говорит. „А какой он есть?“ — „А такой же, как и я“. — „Экою у вас Ильюшка, я на одну долонь положу, другой притяпну!“ Илья Муромец не ответил, а встал к кирпичной печке, как калика. Поганный Издолищо попросил есть. Принесли ему очень много, он всё съел. Попросил он пить. Принесли ему большой котёл воды, он взял за уши, весь выпил. Тогда Илья Муромец не утерпел: „У моего у батюшки, — говорит, — у попа у ростовского, жила была корова обжорчива; ходила по поварням, оловину жрала да издохла, тебе тотарину та же честь будет“.

Тогда он схватил кнеженецкий булатный нож, его кинул. Илья Муромец увернулса. Тогда Илья Муромец вынул из-за пазухи шляпу. „Ну, поганный Издолищо, сиди, не вертись!“ Кинул шляпой этой через кнеженецкие полаты, попало в голову и два простенка вышибло. Тогда Илья Муромец сказал: „Ну, убирайте“. Тогда пошел искать калику, обменялись одеждою. Илья Муромец подарил его золотом, приехал ко Владимиру-князю. Владимир-князь сделал великий для его пир.

После пиру, когда все улеглись, Илья Муромец стал по кнеженецким полатам похаживать, стал похвастывать. Снял он с плеч собольню шубку и шубку стал попинывать, к шубке приговаривать: „Вот как я пинаю свою кунью шубку, так бы я пинал поганого Издолища туловище по чисту полю“. Снял он шапочку

собольню, стал под мѣтицу подкидывать, к шапке приговаривать: „Как я пинаю шапочку, так я бы пинал голову поганого Издолища по чисту полю“. Тут были слуги нестерпчивы, сказали Владимиру князю, што Илья Муромец пинал шубку, к шубы приговаривал: „Как я пинаю шубочку, так стал когда ле бы пинать Владимира туловище“. Пинал шапочку собольню и приговаривал: „Как я пинаю шапочку, так бы стал пинать Владимира голову“. Владимир-князь этому поверил, приказал посадить Илью Муромца во глубок погреб, задрнуть решетками железными и закатать камнями серыми.

Опраксея-королевичня была хитра и мудра, приказала сделать ходы подземельные и тайно кормить его. Как минуло тридцать годов, наехала на город сила басурманская. Хотят силу повyrубить, Опраксею-королевичню в полон взять. Владимир-князь остался в печали великой. Однажды сидел он с Опраксеей королевичней наединке и думал: „Как, сдать город или итти войной?“ Спроговорит Опраксея-королевичня: „Ой еси Владимир-князь! Не жив ли у нас ещо старик Илья Муромец?“ Спроговорил Владимир-князь: „Кабы я не в любви с тобой жил, отсекал бы по плеч тебе голову“. Повторила Опраксея-королевичня во второй раз. Сказала Опраксея-королевичня и в третий раз: „Не жив ли у нас старик Илья Муромец?“ Тогда он приказал разрыть глубокий погреб. Откатили камѣня серые, отдернули железные решетки, увидали — он читает книгу евангелѣе. Тогда спроговорил Владимир-князь: „Прости меня, Илья Муромец, выручи же из неволюшки великой!“ Илья Муромец не вымолвил. Спроговорит Опраксея-королевичня: „Ох ты ой еси, старик Илья Муромец! Выручи нас из неволи великой“. Тогда он вскочил, как ясѣн сокол: „Ну, Опраксея-королевичня, будь ты мне вторая мать. Выручила ты меня из смерти напрасной“. Тогда он попросил на три дня одуматься. Уговорил полки. Пошли против неприятеля войной, очистили всю силу неприятельску.

Боле и всё:

ФИЛИПП ВАСИЛЬЕВИЧ ГОЛЬЧИКОВ

Ф. В. Гольчиков — в 1928 г. крестьянин, 40 л., д. Лебской Лешуконского района. Грамотный. Был на действительной службе в Варшаве, в империалистическую войну побывал и за границей.

Кроме печатаемых здесь побывальщин, назвал еще в качестве известной ему былину о Чуриле Пленковиче. Сказал, что раньше „маленько знал“ еще про Дюка и слышал про Добрыню и Алешу, „как сказкой сказывается“. Вообще к былинным сюжетам проявлял всегда живой интерес.

О балладах же в роде „Братьев-разбойников“ отзывался пренебрежительно, называя их „робяцыми“.

Побывальщины он усвоил от стариков, главным образом от известного в свое время сказочника д. Лебской Ивана Попова, отчасти и из книг. Побывальщины эти носят все черты сказки — и по содержанию, включая чисто сказочные мотивы, и по стилю. Заметна наклонность к психологическим и реально-бытовым деталям (см. примечания к отдельным текстам).

1

[ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК]

В селе Карачарове жил был Иван Тимофеевич. Был у его сын Илья и сидел он без ног тридцать лет. И вот однажды во время пошел он Иван Тимофеевич на сенокос со своей хозяйкой. Илья остался дома, лежал на кровати. В это время пришли две калики перехожие под окно к ему и колотятся в окно. Прсят его милостыню подать. Он и говорит: „Рад бы подать, да не могу — ног нет“. Потом они заходят к ему в комнату и говорят: „Довольно тебе, Ильюша, нежиться, вставай, протягивай, говорят, одну ногу“.

И он протянул, потом вторую протянул. И вот он стал на резвы ноги. Побежал он в глубокий погреб. Налил там чару пива хмельного и подносит каликам. Они оборачивают ему, говорят: „Ильюша, сам выпей“. Он выпил сам эту чару, побежал за другой, притащил вторую чару в полтора ведра и подносит. Они опять отворачивают ему. Вот он и выпил. И спросили: „Как себя чувствуешь, много ли силушки имеешь?“ И вот он говорит: „Было бы небо и золотое кольцо в столбе, я бы поворотил небо к земле“.

И тогда калики подумали, что силы много Ильюше дали. „Ну, — говорят, — иди и опять принеси пива хмельного“. Он взял братию и опять принёс им. Они опять поворачивают ему, говорят: „Выпей!“ Он выпил. „Ну как чувствуешь в себе силу?“ — „А силы у меня в половине убыло“. — „Ну, — говорят калики, — тебе этой силы довольно, более тебе смерти в поле не писана“.

Эти калики переходящие потерялись в это время. Тогда он вышел на улицу. Был у них холм крутой, он его спихнул и засыпал всю муравку землёй. Силушку свою испробовал. Потом отец с мамашей приходит домой и видят — Ильяша ходит на своих резвых ногах, и они удивились. Вот он рассказал: так и так, как было дело. Ну он чувствует себя богатырём. Нужна его богатырская сбруя. Купил он у одного мужичка шелудивого жеребенка. *(Старцы ему сказали про него, я давеча забыл вам сказать, что там-то купил.)*

Вот этого жеребенка пустил в поле, до трёх зарях выкатал, выкормил, он кормил его белоёрым зерном. Потом богатырскую сбрую себе приобрел что полагаетца: меч-кладенец, шашку, стрелы, палицу боевую в сорок пуд, лук. Задумал он ехать в Россию в столице-Киев-град к солнышку князю Владимиру.

И вот он снаряжился. Отец с матерью благословение дали, и он поехал. И поехал он тем путём, по той дороге никто не проезжал тридцать лет, все сгнили мосты. И на той дороге жил Соловей Рахматович, не допускал никого, духом отшибал. Идёт он по дороге, едет, одной рукой мосты стелет, другой коня ведёт по болотам. Услыхал тут Соловей Рахматович за тридцать вёрст богатырский топот. Зашипел по змеиному, засвистел по соловьиному, ряхнул по куриному. У Ильи конь на колени пал. Тогда Илья сказал: „Уж ты конь мой конь, травяной мешок, не слышал ты свиста соловьиного, крика звериного?“ Садился Илья на коня, вынимал стрелочку калёную, приговаривал: „Лети, моя стрела, не спрашивай, лети прямо Соловью в правый глаз, который Соловей сидит на двенадцати дубах“.

Сам в это время, как взвыла стрела, пролетела, он припустил. Попала стрела к Соловью в правый глаз, он пал с двенадцати дубов. Подъезжал он, схватил за волосы, кольцо продел в губы, приковал к седлу. И поехал по дороге дальше, а он тащит дальше по дороге. Подъезжает он к еговому дому, вокруг дома ограда, на каждом столбике по головы сидят. Увидала его жена. Восходит солнце красное. Видит — богатырь тащит мужа. Побежала она к своим детям. „Вставайте, вашего папашу богатырь везёт. Берите подарочки, выкупайте его!“

Дети не верят. А он подъезжает к ограды. Ничего она не могла добиться. Выбежала навстречу, встала в подворотню. Он подтёхал, привязал коня к столбу и пошел к ей в комнаты. Выбежала его встречать, жалует, в гости пригласила, подарочки вынесла на золотом блюде, хозяина выручить стремится. Он идёт за ей, в колндор, а там была подворотня. Он в эту подворотню сунул палицу, подворотня хлопнула. Она махнула шашкой по головы, а он увернул. Он сейчас ее тут схватил, розорвал, по чисту полю разбросал, детей убил, дом зажег, дальше поехал, а Соловья с собой повёз.

Едет он дальше, подъезжает к городу Чернигову. Кругом города Данило Белый, войско стоит, никак не подъедешь к ему. Он это, значит, войско чисто всё прогнал. Кого убил, Данило Белый на уход ушел. Черниговские идут встречать, ворота открыли. Черниговский царь оставлял его здесь, но он не остался. „Я не служака вам, а поеду дальше в Россию“.

Подъезжает он к городу Киеву. Прямо коня пришпорил, через стенущку городовую махнул. Привезал коня к кольцу на заставе богатырской. Заходит он в палаты белокаменны князя Владимира. Крест кладёт по писаному, поклон ведёт по учёному, княгине кланяетца во особину. В это время у князя Владимира вёлся бал *(балы у него всё тогда были)*. Посадил его за столы. Видит, что человек не простой приехал. Подносит, заставляет ему налить чару пива хмельного в полтора

ведра. Выпивает он за единый дух. Стал князь Владимир спрашивать: „Каких городов, роду-племени, какого отца-матери, какую дорожкой ехал?“

Вот он и говорит: „Я отца не славного. Из города Мурома, села Карачарова, Илья Муромец, крестьянский сын“. — „Каким путём ехал?“ — „Я ехал прямым путём“. Они не верят: „Тем путём не проехать, там же Соловей Рахматович“. — „Ну, если не верите, он у меня на площади у коня прикован. Можете посмотреть, какой есть“.

Действительно, те убедились, сходили посмотреть, что есть, доложили. Они захотели свисту соловьиного послушать, как он заревёт.

— „Прикажи-ка ему зареветь!“ Он его отковал, отвёл в комнату, приказал ему: „Только зареви в полсвиста соловьиного, во весь свист не свищи!“

А он закричал, зашипел, засвистал во весь свист, ряхнул по куриному. В это время Илья Муромец князя и княгиню прикрыл куньей шубой. А другой народ весь в бесчувствии, кто кончился, а кто без памяти ползает. Он хотел их всех убить своим свистом, а сам уйти. Тогда рассердился Илья Муромец, схватил его за жёлты кудри, вытащил в чисто поле, и розорвал и раскидал на куски по чисто полю. Этим и кончилось.

2

ПРО ЕГОРА-СВЯТОГОРА

- Ехал стар по за-городу,
Ехал стар по за-Киеву,
Наехал стар на три рóстань,
И на тех рóстанях лежал камень,
5 И на том камне подписано и подрезано
По правой дороге — богату быть,
По другой дороге — женату быть,
По третьей дороге — убиту быть.
И вот он сел на этот камешок и призадумался:
10 „Для чего мне на старость богатство, мне не в диковинку,
А женатому мне быть не ко младости,
Поеду я по той дороге по убитой.
Нажился я стар казак на белóм свету,
Много от меня старого жон вдовеет,
15 Много от меня малых детей сиротает“.
Поехал стар по той дороге по убитой.
Едет стар казак по чистóму полю,
Наехал стар казак на площадь,
Дороги наделаны широкии,
20 И поехал он на святые горы.
Поехал стар по дороге,
Наезжает стар казак на богáтыря
Вскричал он богатырским голосом — не огленулся,
Пáлицей ударил — не огленулся,
25 Оглянулся да в карман запихнул
(С конём со всем).
Богатырь едет дальше.

Конь и проговорил: „Ну, Егор-Светогор, не могу двух богатырей взять, есть у тебя богатырь не хуже тебя“. Тогда он вспомнил, вытащил этого богатыря из кармаша, он спросил, каких городов, какого племени. И назвались они братьями. — „Давай, говорит, поедem к моему папаше в гости“. Приезжают к егоу папаше в гости. Служанки на обед приготовили что было. Сели, стали они попивать. А у его отец слепой был. И вот говорит этот сын: „Вот я, папаша, русского богатыря привёз в гости“. — „Ладно, привёз, так угощайте. Каковы у русских богатырей ручки? Я, тебе, grit, пощупаю“. А этот Егор предупредил: „Не давай ему руку, давай палицу“. Он дал ему палицу. Он жал, жал, пережал через и говорит: „Мяконьки русские руки“.

Ну вот, долго ли, коротко ли сидели. Егор-Светогор говорит: „Ну, Илья, нам некогда сидеть. Последний у нас сегодня решительный бой, женщина у нас палиница воюет. Который которого перебьёт, замуж возьмёт“. — „Так давай, говорит Илья, поедem с тобой в чистое поле“.

Тридцать лет они бьются с им. Вот они где место попали, где бьются, она рыщет там, разбегает, шпорами коня ох как подбедивает. Вот Егор-Светогор говорит Илье: „Ты поезжай, если можешь сбить — твоё золотое кольцо“.

Тот, делать нечего, сел на коня и поехал, а этот остался за кустиком. Подбегает он к ей. Она увидала. „Ох, Егор-Светогор кого послал, комара какого! Я дуну, так костей не найти“. Она дунула — он сидит. Она и плюнула — он всё сидит. — „Ах, говорит, вот какой подбегал!“

Она выхватила саблю да махнула. А Илья на это был увёрточный. Сейчас под коня, она копьём рассекла, а он копьём под грудь поддел, она и свалилась с коня. Он в это же время на ейного коня соскочил, конь стал носить по чисту полю. *(Он этому коню лёгко показался, вот и носит.)* А он дёржытца. Долго ли коротко ли он таскал, только всётаки укротёл. Подбегал он к этому туловищу, ну и Егор-Светогор подбегал. — „Раз ты победил, у ей есть кольцо, перстень самоцветный, можешь получить. Из-за этого кольца я тридцать лет бился“.

Вот стал он это кольцо снимать. Она рукой махнула. Он под эту ейную руку попал и встать не может. Егор видит Светогор, что Илья не может выбиться, он схватил ее за руку и с пальцем это кольцо оторвал. Илья встал, он это кольцо ему передал.

Вот сели на лошадей и поехали дальше по горам. Ехали, близко ли высоко, низко ли далёко, два старца гроб делают на горах. Егор-Светогор спросил: „Кому вы этот гроб делаете?“ — „А не знаем, кому угодить. Ты хоть ложись, нам всё равно“.

Тогда Егор-Светогор говорит: „Я ляжу, так весь гроб раздавлю у вас“. Егор-Светогор с коня слез и лёг в этот гроб. Как он лёг, так сейчас крышка налетела наверх. Ну, ладно. Он ослаб весь в гробу, встать не может.

— „Ну, Илья-брат, бей палицей по гробу!“ *(Эти старцы в это время потерялись; как крышка налетела, а их и нету.)* Когда этот Илья палицей ударил, обруч железный налетел. Тогда Егор-Светогор сказал: „Ну, Илья, наверно мне это смерть, не бей больше“. Тогда Егор-Светогор говорит: „Ну, Илья, прямо против лица дырку вырежи, мне дух выпустить. Когда я первый дух выпущу, тот дух смотри не бери, второй — не бери, третий — немного хвати“.

Вот он захрапел, спустил воздух, густой пошёл *(сила, значит, пошла)*. Он того не смел хватить, потом второй спустил, он второго то хватил. Вот в ём сила не может поместиться. Вот он бросился на лес, деревья стал с корнями рвать.

Когда немного укротил свою силу, тогда он могилу выкопал и этого Светогора похоронил. Коня в чисто поле отправил евоного, спустил.

Поехал к егѹму отцу, к слепому старику с известием, что сына его похоронил. Тогда отец сказал: „Ты злодей, погубил ты у меня сына“.

Поехал он обратно к стольне Киев-граду. Едет он, близко ли далѣко, низко ли высоко, Киев-город недалекѹ. Встречается ему староста Микула. Он спросил его: „Что у нас нонь в городе никаких новостей?“ — „У нас в стольном городе Кieve всё не по старому, всё не по прежнему: населлся чудовище великое к князю Владимиру в дом. Князь Владимир прислугой живѣт, а княгиня Апраксея у него на коленях сидит. Ко одной выти быка съедает.“

Он всё тут расспросил, как что ведѣтся, поехал далѣше. Приезжает в город. Там на стенишку городовую, где застава стоит, не поехал. А перерядился каликой перехожей, взял клюку и пошел.

Вот он приходит к князю Владимиру на дворец, где это чудовище живѣт, а все придворные знают, что старѣй идѣт, пропуск дают. Заходит он в комнаты. Как раз этот чудовище сидит у его обедает. Князь Владимир тут ему на тарелке поднашивает в роде лакея, а княгиня Апраксея сидит на коленях, а он жрѣт. Князь Владимир видит, что стар казак зашел (*добром не видит*), а сам не говорит. Это чудовище сидит и жрѣт.

— „А много ли у вас стар казак съедает нараз к выти?“ Князь отвечает, что он очень мало ест. А он говорит: „Какой же это богатырь? Вот мне бык на раз“.

А Илья стоит под порогом, а он не знает, калика и калика. Илья и говорит: „У нас ведь была обжористая корова, обжралась и пропала, и так ты пропадѣшь“.

Он сейчас в это время спѣхнул Апраксею, нож схватил и ножом его свиснул эту калеку. А Илья на это был увѣрточный. Он схватил шляпу, на его была в сорок пудов, швырнул в его, он с простенком и улетел вон, весь там расшибся. Тем и закончилось.

3

[ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ]

Жил Никитушка не старился, а сейчас преставился,

Осталася у Никитушки любима семья, молода жена беременна.

И вот родила она сына, вот нарекли ему имя Добрыня Никитич. Он не по годам рос, а по минутам, росла она его до трѣх лет, он уже большой стал. Отдала она его в школу учиться, разные науки бохатырския: по поднебесью ходить ясным соколом, по воде — ярым гоголем. Он учился и всё учение произошол. Ходит в городе и шутит шутки непомерные над боярскими детьми. Кохо хватит — нога прочь, кохо хватит — рука прочь. Приходят к матушке, заявляют на сына: „Шутит шутки непомерные, многих побил“.

Матушке сына отдавать жалко стало, а велят из города выселять далѣше. Ходит Добрыня, загорюнился и запечалился. Однажды идѣт Добрыня по загороду. Выбегает к нему старушка. „Что же ты загорюнился, запечалился, ходишь не весел?“ — „Ходи ты, старая чертовка!“ Она обежала дом, да опять к ему навстречу. Он и подумал: „Что это бабушка бежит?“ — „А вот, говорит, бабушка, хожу, не могу себе коня выбрать“. Вот она ему и сказала: „А вот у твоего батюшка есть в чистом поле дуб, и под этом дубе плита, а под плитой погреб,

а в погребѣ конь. И тут же в саду дом стоит, и в ѳм вся бохатырская сбруя сложена. Можешь этой плитой владать, можешь этим конѳм владать“.

Пошел он в чистое поле, отыскал этот дуб, где он стоит. Схватил с коренѳем со всем, вытащил, бросил. Плиту носком поддел, отвиснул. Конь выскочил из погребѣ, пал на колѳнца. Хлопнул коня по тучнѳм ребрам: „Конь ты конь, травной мешок! Как батюшку служил, так и мне послужи“.

Пришел под передний угол, признал его кверху, одной рукой держит, другой вынимает саблю, меч-кладенец, копьѳ долгомерное, седло турѳцкое. Обседал, обуздѣл коня, седѳлко турѳцкое, вдоль по спинушке ремешки — не ради басѳ, ради крепости. Снарядился, сѳл на коня и поѳхал, к матушке своей. Приѳхал он к матушке, привезѣл к золотому кольцу. Матушка испугалась: „Какой бохатырь приѳхал незнакомѳй?“ Стѣл он просить у ѳй благословѳния ѳхать в чистое поле послужить, себя показѣть, князю Владимиру в стоѣльне Киев-град. Так матушка сперва не давала. — „Дѣш — поѳеду, не дѣш — поѳеду!“

Ну матушке дѣлѣть нечего. Подорожников напекла и снарядила в дорогу. Ещѳ при поѳездинах вынесла ему плѣтку-трѳехвостку. И вот сказала ему: „Вот ты поѳедѣшь в чисто поле, в брянские горы. На всрѳходе солнѳе красного нападѣтъ на тебя лѳнь и захочѣтся тебе покупѣтьсѳ в тихих заводях. Перва то заводь отрывчѣта, вторая то заводь зла-отнѳсчивѣ, под жилище змеинѳе тебя отнесѣтъ. Вот налѳгит на тебя змѳя лютѳе, огнѳм опалит, в хобѳтѣ возмѣтъ. А вот отец-родитель этой плѣткой отдувался от ѳей“.

Взял эту плѣточку, завернул в карман, положил. Вот Добрыня тут сѣдился, не видели как в стремѳна вступил, а только в поѳездѳчку пыѣль столбом стоит поѳхѣл в чистое поле. Вот он ѳзѣл, близко ли дѣѳко, низко ли высоко по чистѳму полю. На восхѳде солнѳе красного, на закатѣ светлого мѳсяца напѣла на него тоска-кручина лѳнь. Тягоѳит ѳго, в сон клонит, и захотѣлось ему покупѣтьсѳ. И поѳхѣл он к морю. Приѳѣзѣет он к морю, поставѣлет коня и раздѣлѣс и купнѣлся в перву заводь, нырнул. Вынурнул у второй заводѣ, унесло. Нырнул второй раз. Вынурнул под змѳиным горѳй-жилищем. И вот нырѣт тут, гарѣтся под змѳиным жилищем. Увидѣла там пѣлѳница зла-удѣлая из своего терѳма и летит из своего терѳма прямо на ѳго, о двѣнадцѣти хобѳтах змѳя.

Вот говорит: „Святыѣ отцы писѣли-прѳрѳчили, что мне от Добрыни смѳрть, а тепѣрь Добрыня у мѳя в руках. Хошь я тебя, Добрыня, в хобѳты сожму, хошь я тебя, Добрыня, ѳскрой зѣсыплю, хошь я тебя, Добрыня, дымѳм зѣдымѣю“. Тут Добрыня ѳтѳвет ѳй держѣтъ: „Не ѳтерѣбила дѣ сварѣла, не сварѣла, а сѳушѣла“.

Нырнул, значит, Добрыня в перву заводь, голову показѣл, а нырнул второй раз — она ѳго и потеряѣла; ярѳм гоголем ѳбернулсѣ. Сейѳас он выскѳчил на бѳрег, надел рубѣшкѣ и подшѣтѣники. И вот эта змѳя увидѣла ѳго на бѳрегу и летит с горы. Вот он сапог песку черпнул, дѣ ѳй встѳрету и кѣтнул. У ѳй половину хобѳтов ѳтѳиб. Тѳгда ѳни схватѣлись с ѳй в рукопѣшный бѳй. Много ли мало ли с ѳй бѣлись, трѳе сутокѣк. Тѳгда Добрыня ѳспѳмнил эту плѣтку. И выхватѣл из кармана ѳй эту плѣтку. Дѣвай этой плѣткой лупить и дуть. Дѣвай ѳна ѳзвивѣтьсѣ. Тѳгда ѳна змѳолилась: „Не бѣй, Добрыня, буду я тебе слугѳй верной и неизмѳенной. И поѳѳѳѳм, грѣт, ко мне в дом. У мѳя ѳсть дѳчъ прѣкрасная, могу за тебя замѣж ѳтдѣть“.

Тѳгда Добрыня согласѣлся, в живнѳсти ѳставѣл и поѳхѣли с ѳй во дворец. Приѳѣзѣют ѳни, собрѣла ѳна тут, что ѳму требѣѣтъ, пѣтъ, кушѣнья, поставѣла что ѳму нужно на стол. Поднѳсит ѳму чѣру зеленѣ вина. Смотрѣт ѳн в эту чѣру,

видит — по середине змея лежит, а по краям ключи кипят. Катнул он эту чару за окно и услышал топот на улице. Выбежал — змея под ногами извивается. Забежал, копьём ей схватил, вытащил в чистое поле, разорвал, разбросал по чисту полю. Тут девушка у ей была. Девушка стала плакать: „Вот ты у меня мамашу убил, а я куда деваюсь, как буду жить?“ — „Нет, это тебе не мамаша, не помнишь ли ты, откуда взята, не помнишь ли родителей хоть немного?“ Вот тогда она и говорит: „А как будто немного помню. Вышла я с няньками, а ветер тогда подхватил и унёс“. — „Вот, говорит, срежайся и поедem со мной“.

Вот она сродилась. Он это жилище змеиное сожог и повёз в стольний Киев-град. Не доезжая он до городу, раскинул он шатёр и эту девушку оставил в шатре на кровати. А она не остаётся, плачет: „Ой, меня кто унесет!“ А он говорит: „Нет, никто не унесёт, оставайся покамест“.

Ну вот, он поехал в стольне Киев-град. Припустил коня через стенущку городовую, поставил на площади, к золоту кольцу привезал. Заходит, караульщики, часовые пропускают. У князя Владимира идёт бал. Крест кладёт по писаному, поклон ведёт по учёному, поклон ведёт на все четыре стороны, князю со кнегиней во особицу. И вот князь Владимир посадил его за стол, подносит ему пива хмельного, чару в полтора ведра. И стал князь его выпрашивать, каких городов, какого отца-матери, племени. Вот он рассказал: „Добрыня Микитич, из такого то места, приехал к вам в услужение. Нельзя ли вам послужить?“ И каким путём ехал — всё расспросил. И вот князь Владимир говорит: „Ты тем путём ехал. Не видел ли девушки, не собирает ли ягоды? Она как лет петнацать потерялась. Не видал ли, не слыхал ли?“

Вот тогда Добрыня Никитич говорит: „В одном месте видел — девушка ходит, ягоды собирает на пустом месте“. — „А не можешь ли эту девушку привезти?“ — „А это могу“. Ему принесли чару. — „Войска ли не надо?“ — „Нет не надо мне войска“.

Приезжает он к белому шатру, а она спит на кровати. Давай он ей будить потихоньку. Разбудил, а она плачет, а она ей говорит: „Давай, поедem в город“.

Вот он приезжает, привозит ей. В охалке всё всё. Привозит, тут встретил князь Владимир, узнал, что дочь. Со молебствием, со звоном, весь город собрал, все пировали. Я тут был, мёд-пиво пил, вместе пировал.

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВИЧ

Жил Буслай, жил и помер. Осталась у его жена беременна. Родила она сына. Этот сын рос не по годам, не по часам даже, по минутам значит. Матушка грамоты его выучила на разные науки. Этот сын ходит там в городе, грезит, ребят обижает, сил в ём играет. Не может сходить в город, чтоб там не напроказить. Матушке там приходят жаловаться, что ты там не отпускай сына в город, все ей поносят, смотрят, что вдова она.

Долго ли время он жил, стал он сильный, могучий. В одно время братчина там собралась, пива варили. Эта матушка евоина пошла на братчину, в складчину складываться, а ей там на братчине не принели, ей там и челом не бьют, как будто не поч тна стала. Потом, значит, приходит к своему сыну и рассказывает: „Вот меня на братчину не пускают, вы тут обижаете детей боярских, а мне никто и челом не бьёт“. Вот тогда его сердце розгорелось: „Пойду, весь город

разнесу на каменья, ничего не оставляю". Ну матушка стала его уговаривать, не спускает: „Не ходи, значит". Худо ли, нет, уговорила этот раз.

Тогда што же делать? Придумал дружину выбрать. Пива сварили, все там собрались, народ. У его были (*вот как звали — не помню*) Костя-Лостя, девка чернавка (и *третий кто?*), Потанюшка первый был. Палкой ударял. У него была палка. Если кто подходит к этому ведру и выпивает чару пива хмельного — и ударит палкой. Подходит Костя-Лостя. Он его ударил. Он и не шелохнулся. Подходит девка-чернавка. Он ее ударил — она и не шелохнулась.

(*Кто ударяет, я не могу припомнить. Сам он ударяет — дружину по себе выбирает.*)

Долго ли коротко ли гуляли, выпили, на город понеслись, всю публику розогнали. Ну он пьяный напился. Он заспал. В это время народ собрались и обошли весь дом, войцко значит. Тут речка, Волхов, и по этой речке дом. Дружина его не спала. Вышла, и на мосту началась битва. А девушка-черनावушка пошла по воду. Увидела, что дружина бьётся, едва отбилась, бросилась к Василию Буслаевичу: „Что же ты спишь? Твоя дружина по колена в крови".

А мать заложила все двери, чтобы Василий Буслаевич не вышел. Тогда Василий Буслаевич проснулся, спросонья все двери с крюков снял, бросило на улицу, схватил ось железную (*ничего в руки не попало*) и побежал на Волхов мост, где дружина евонна бьётся, из сил выбивается. Попадаете ему навстречу старец Викула, крёстный его, и колокол на головы несёт. Езыком его отвёл, Василия Буслаевича, на Волхов реку — колдун был. Тогда выплыл Василий Буслаевич из реке и старосту Викулу ударил по колоколу этой осью и нараз его убил. И пошёл он на Волхов мост и бьёт осью, кого в реку, кого куда, на обе стороны хлещёт. Мало стало народу. Там матушке кто-то доложил: „Там твой сын, уйми, хоть на семена оставь!" А матушка думает, что сын всё ещё спит в горнице.

Матушка сейчас вскочила, побежала, посмотрела — все двери с крюками сняты. Тогда побежала на Волхов мост, где Василий с дружиной бьётся. Матушка прибежала, сзади бросилась, захватила плечи. „Ох ты чадо, оставь в городе хоть на семена, не бей больше народ!" Тогда он руки опустил и больше народ не стал бить, ослаб, послушался.

И пришол он со своей дружиной. Трое суток спал без просыпа. Когда он проспался, тогда и чувствует: „Много беды я нагрезил в своем городе. Поеду я в Ерусалим в своих грехах прощаться, со своей дружиной". У матушки стал прощения просить: „Поеду я в Ерусалим-город молиться. Много я нагрезил много детушек, много вдовушек осиротил, много крови пролил".

Матушка не даёт благословенья, не спускает: „Один ты у меня сын, как ты оставишь, некому будет и похоронить меня". — „Дашь матушка — поеду, и не дашь — поеду. Сердце моё бьётся, жить здесь не могу". Матушке делать нечего, дала благословенье. Стали корабль снарезать, итти в Ерусалим, итти далеко.

Вот значит средился и пошли на корабль. Все бегут сзади, девицы ревут (*он красивый был такой, кудрявый*), все ревут, не спускают. Он пошёл на корабль, матушку носком несут, итти не может.

Вот они зашли на корабль, паруса подняли, от берега оттолкнулись, пошли. (*Вот что тут на пути было — забыл.*)

Долго ли коротко ли шли, год ли два. Вот в Ерусалиме стали видать блестят кресты, маковки волощёные, далёко видать стало. Вот они пришли в Ерусалим,

в церковь там сходили, к мощам приложились. Вышли из церкви. А тут святая вода, пьют воду, моются. Василий Буслаевич розделся и давай купаться в этой воды, ныряет, купается. Потом голос гласит: „Ах, Василий Буслаевич, неладно делаешь, здесь только помыться да воду брать. В пути-дороге несчастен будешь“.

Василий Буслаевич на это не глядит, пуще прежнего галитця-купаецця. Вот значит он вышел из этой воде. Снарядился и пошел с дружиной на корабль. *(Потанюшка Хроменький, теперь вспомнил!)* Вот они на пароход зашли и пошли в обратный путь.

Мало ли много ли времени они прошли. Пароход остановился, более ходу нет. Как они тут бились не бились — ходу нет, Василий Буслаевич приказал пароходу в берег итти. Что за чудо, что пароход не идёт? Вышли на берег и пошли по берегу. Потом увидали камень, очень огромный. И на том камню подпись подписана и подрезана: „Кто этот камень скочит да отскочит — тот будет в Новогороде, а кто скочит да не перескочит — тот не будет“. Тогда Василий Буслаевич сел на этот камень и заплакал: „Все мои дружина скочим и перескочим, только у нас Потанюшка Хроменькой останется здесь, не перескочит“. Тогда значит Костя-Лостя скочил и отскочил обратно задом, не хватил никаким местом. Девка-чернявка скочила и отскочила, никаким местом не хватила. Потом дело пришло по Потани Хроменького. Потаня скочил и отскочил всех легче. Тогда дело пришло Василию Буслаевичу скочить, ему очередь. Василий Буслаевич скочил, вперёд легко перескочил, а обратно — каблуками о камень чирнул, ударился головой, тут и помер.

Тогда дружина закручинилась, запечалилась. Все поплакали: „Что тут делать? Предводитель у нас погиб“: Тогда они взяли его тут похоронили и на корабль дошли, корабль шибко побежал. Бежит, не остановится. Пришли они в Новгород. Тут донесли матушке, что пришел Василий Буслаевич, с дружиной приехал. Матушка уж стара стала. Выбежала встречать сына своего.

Дружина с корабля вышла, тут смотрит, а Василия Буслаевича и нет. Потом, значит, сказали: твой сын похоронен, погиб, в каком месте, где и как.

У матушки сердце раскололось, и она тут и померла на месте, на пристани. И ей похоронили. И всё тут кончилось. И дружина распалась.

П Е Ч О Р А

САВЕЛИЙ ДЕМЕНТЬЕВИЧ ЧУПРОВ

С. Д. Чупров — в 1929 г. крестьянин, 62 л., с. Замежного на р. Пижме Усть-Цылемского района. Раньше занимался скотоводством, на промыслах бывал мало и вообще от дому далеко не ездил. На военной службе также не был. В городе не бывал.

С. Д. Чупров — малограмотный, но большой любитель чтения. Бережно хранил любимую свою затрепанную и разорванную книжку Робертса „Охотник красной скалы“ (Библиотека для детей младшего и среднего возраста), подаренную ему когда-то учителем. „Уж очень интересная сказка, длинная“. Былин, однако, в книжках никогда не видел и научился им от стариков и в пожилом уже возрасте: „Стал сесть, тогда и выучился“. Пел их больше дома вместе с Афанасием Ивановичем Чупровым.

Этот радушный, очень простой и ласковый старик сразу же, как я только объяснила, зачем пришла к нему, стал вспоминать былины, несмотря даже на сильную головную боль, которой он страдал в этот день, и старался рассказывать и петь их как можно лучше. При исполнении былины „Про старого“, которую он помнил плохо, сказал: „Уж врать-то нечего, а эти (т. е. „Добрыня и Дунай“ и „Скопин“) правильно сказал“. Очень беспокоился, что не мог вспомнить „правильного“ напева былины о Садко. Он даже уходил несколько раз на поветь, чтобы одному вспомнить, и слышно было, как он пытался уловить напев. В конце концов ему это удалось, но оказалось, что это тот же напев, которым поется в Замежном „Добрыня и Дунай“, только несколько перестроенный. „Скопина“ же он исполнял на другой напев. Кроме того, хорошо знал „Про белого“ (Бутман) и пел его тем же напевом, что и Еремей Чупров.

Тексты его, сильно сокращенные, иногда представляют лишь отрывки. Чертами деградаций отличаются и напевы, приближающиеся к песенным. Любопытна склонность к современным словам и понятиям: „три адреса“ на расстояниях, „петриринный“ (ветеринарный), оказывающий помощь Скопину. Кроме былин, Чупров знал и пел старинные песни, сказок же не рассказывал.

ПРО СТАРОГО

Поехал старóй козак по дороге по широкой,
 Дорога была — косá сажень,
 Приезжает старóй козак да к ростáням,
 Написано на ростáнях три áдреса:

- 5 На одном адресе написано — женату быть,
 На другом адресе написано — богату быть,
 На третьем адресе написано — живому не быть.
 — „На что мне на стары дни женату быть,
 А на что мне на стары дни богату быть?

- 10 А вот я лучше поеду по дороге премоюзей,
 Лучше мне живому не быть“.

(Не было у него родных, тридцать лет сидел калекóй.)

Едет он по дорожке премоюзей,
 Приезжал старóй ко сырú дубú,
 Засвистал Соловей в полсвистá, —

- 15 Спотыкнулся конь ретивой,
 Засвистел тогда Соловей в полный свист —
 Пал конь его на коленки.

— „Конь ты мой конь, травеной мешок!
 Не видал ты, — говорит, — побегу зверино́го,

- 20 Не слышал ты полétу тетерьего?“
 Напрягал тогда старóй тугóй лук,
 Направлял стрелú калёную,
 Вот он стрелил тогда Соловьá в правый глаз

(Он на семи дубах сидел).

Тогда он вылётывал из гнезда, как овси́ный сноп. Брал старóй его на добра́ коня. Поехал к его двору. Он подъезжал к ворóтам высоким. Выходила его ронна́ жена, просила его:

„Ой вы еси, добрый молодец! Оставь, — говорит, — моего мужа на покаяние, дам тебе золотой казны“.

Подъезжал старой к воротам высоким. Тут заметил — стоит сторожа. Тогда поехал старой в стольне Киев-град и увёз с собой.
(Дальше не знаю.)

[ДОБРЫНЯ И ДУНАЙ]

- Хороша была поездка молодецкая,
Хорошо была побежка лошадиная:
Вот не видели как на коня ах вскочил,
Да не видели как он в стремя вступил,
5 Только видели в чистом поле курева́ стоит,
Курева́ стоит, дым столбом валит.
Выезжает Добрыня во чисто поле,
Вынимал он да нову трубу да подзорную,
Он смотрел да на все четыре стороны.
10 Там-то стоёт лёсы тёмныя,
Там-то стоёт горы высокия,
Да и стояло да поле чистое,
Да во чистом поли да шатёр стоит.
Да как у наших у русьских у богатырей
15 Как стоели шатры белополотнны,
Ах там да стоит шатёр да чернобархатный,
Поезжает Добрыня ко черну шатру.
Приезжает Добрыня ко черну шатру,
Не привязывал коня ах и не приказывал,
20 Заходил Добрыня ах и во черной шатёр.
Стоели а столы всё а дубовыя,
А выкладыны столесины кедровые,
А подёрнуты а скатёрочки шелковые,
А наставлены а ества сахарныя,
25 Да стоели е тут ведра с зе...ах и с зелёным вином,
Лежал тогда ерлык да скорописчатой,
Ах и написаны е угрозы да бога... да богатырския:
„Уж и кто попёт-поест а покушает,
Не уехать и живому да из... ах из чиста поля“.
30 Оттуле Добрыня по...ах и поворот даёт.

- Выходил Добрыня во... да вон на улицу,
 Садилсы Добрынюшка на... ах и на добра коня,
 Доезжаёт Добрыня до ко Невой реки,
 Он и кормил-поил да ко... ай и коня доброго,
 35 Думучись Добрыня прираз... ах да призадумалса:
 „А приеду я в стольней Киёв град,
 Станут богатыри всё испрашивать,
 А и станут вси русьские всё выведывать,
 А што им я скажу, што ах поведаю?
 40 Не честь-хвала молодецкая,
 Да не выслуга богатырская“.
 А оттуле Добрыня поворот даёт,
 Доезжаёт Добрыня ко ай ко чернү шатрү.
 Он привязывал коня ко сы... ах ко сыромү дубү,
 45 Ко сыромү дубү да к зо... ах да к золотү кольцю.
 Заходил тогда Добрынюшка во... ах и во черной шатёр
 Ах и садилса Добрыня* за дубовый стол,
 Он и пил тут ества сахарныя,
 Он и напилсы Добрынюшка ах и зеленá винá,
 50 Он и розьлил Добрынюшка зеленó вино,
 Он розорьвал скатёрочки шёлковыя,
 Расколол столесинки кедровыя,
 Розломал е столики ах дубовыя,
 Розорьвал шатёр черно... ах и чернобархатный.
 55 Выходил тогда Добрынюшка во... ах и вон на улицу,
 Пал коню своему под ноги.
 Да едет Дунай из чистá поля,
 Завидел шатёр да не по старому,
 Не по старому шатёр да не по прежнему.
 60 Приезжаёт Дунай ко своему чернү шатру,
 Да выдёргивал чинжалищю предолгоё,
 Хотел он пороть Добрыни груди белые,
 Думуцись Дунай прироздумалсэ:
 „Не честь-хвала моя молодецкая,
 65 Да не выслуга моя богатырская —
 Сонного мне бить равно мёртвого,
 Лучше побудить да потегатися,
 Да силушки своей да попытатися.
 — Ох ты ой еси, ты удалой добрый молодец!
 70 Да будет тебе спать — пора вставать,

От великого сну пробужатисѧ,
От великой хмелинки просыпатисѧ!¹
Разбужался Добрыня от великого сна,
Садилса Добрыня на добра коня,
75 Поехали они во чисто поле.

Они тогда съехались. Добрыня победил Дуная. Как тут было, не знаю. Три раза съезжались.

Выпадывал Дунай из седёлышка,
Скокал Добрыня с добра коня,
Расстёгивал латы железныя,
Порол Добрыня груди белыя.

50

САДКО

Да во стольнѣм во городе во Киѣве,
Да у ласкова князя у Владимира
Да было пирѡваньѣ-столѡваньѣ,
Да про многих про русьских богатырей,
5 Про купцей удалцей про богатыих,
Про злых полениц да преудалых.
Да день-то идѣт нынѣ в полуднѣ,
Да пир-то идѣт нынѣ в полпирѧ,
Да все-то на пиру да напивалися,
10 Да все-то на пиру да наедалися,
Да все на пиру да приосхвасталися.
Да иной-от хвастат красным золотом,
Да иной-от хвастат чистым серебром,
Да иной-от хвастат шубой куньѣей,
15 Да иной-от хвастат шляпой чѣрной,
Да иной-де хвастат лѹком тѹгим,
Да иной-де хвастат каленой стрелой
(Стрелы ведѣ тогда были),
Да умный-от хвастат старой матерью,
Да глупой-от хвастат молодой жонѡй.
20 Из-за того из-за стола из-за переднѣго,

---

¹ До этих пор спел. Конец передал словесно.

- Со той же скамеецьки дубовой,¹
 Становилса Садко купец богатыи.
 Он по полу да он похаживаѣт,
 Тихо-смирную рець да выговариваѣт,
 25 Белым-ти руками да приразмахиваѣт,
 Ясным-ти оцям да принаваживат.
 Говорил-то Садко да таковыя слова:
 „Во Новом гради все товары повикупаю,
 Да тридцать кораблей да все понагружу,
 30 Да на Волгу на матушку повывожу“.
 Из-за того из-за стола из-за переднего,
 С той же скамеецьки дубовой,
 Становилса поп отец духовный.
 Он по полу да он да похаживат,
 35 Тихо-смирную он рець да выговариват,
 Да белым-ти руками приразмахиват,
 Да ясными оцями принаваживат.
 „Бьюсь я с тобой о велик заклад,
 Не о ста рублей не о тысячу,
 40 О своих-то я бьюсь о буйных головах:
 Во Новом граде все товары не выкупить,
 А тридцать кораблей тебе все не нагрузить,
 А на Волгу на матушку не вывозить“.
 Тогда-то Садко пошел в Новый город,
 45 Тогда берёт-то Садко день поры,
 Да Садко же берёт второй день поры
 Да Садко же берёт третей день поры —
 Во Новом граде товару больше старого,
 А у Садка-то казны мало можитца.
 50 Тогда пошел Садко да во божью церковь,
 Поклон он ведёт по писанному,
 Крест кладёт он по учёному,
 Молитву творил полну Иусову,
 Молилса Николе он светителю,
 55 Просил он у Николы золотой казны.
 Пошел тогда де Садко во Новый град,

¹ Данный стих варьировал так:

1) Со той же кроватоцьки дубовой.
 2) Из-за того стола из-за дубового.

Берёт-то Садко день поры,
Берёт-то Садко второй день поры,
Берёт-то Садко третей день поры,
60 Во Новом гради товару мало можитца,
А у Садка казнй больше старого.

ПРО СКОПИНА

„Много Скопйн по землям бывал,
Много Скопин да городов бирал,
Не боялся Скопин да двадцети пети,
Двадцети пети полков да тысячных.
5 Да Малюту Скопин да во служанки брал,
Во служаноцьки брал да чяшки-ложоцьки мыть,
Чяшки-ложоцьки да поварёноцьки“.
Да тогда-то Малюты за преку стало,
За досаду за великую показалоси.
10 Да пошла Малюта во темны погребá,
Налива́т цяру зеленá вина́,
А не малую цяру да полтора ведрá.
Подсыпала сала змеиного,
Подаёт Скопину сыну Ивановичу:
15 „Ох ты ой еси, Скопин сын Иванович!
Да вчерась я с тобой мы кумилися,
Сегодня надо крестника проздравити!“
Да примаецца Скопин да еднóй рукой,
Говорил тут Скопин да таковы слова́:
20 „Если цяра не пить — виновату слыть,
А если цяра пить, так живому не быть“.
Да примаецца Скопин да единóй рукой,
Выпивает цяру за еднóй дух.
„Ой еси слуги мои верныя!
25 Тащите меня вон на улицу,
Посадите меня на добра коня́
И спроводите меня к своему двору,
К своему двору да высоку терему“.
Бросалса Скопин вон на улицу

- 30 И сѣдѣлся на добрѣ коня,¹
Поезжал он к своему высокѣ терему,
Тогда увидѣла матушка родимая —
Едет Скопин не по старому,
Не по старому едет, не по прежнему,
35 Тогда бросалась вон на улицу,
Побежала она тут к петинарному².

(Лечить).

Тут его и вылечили.

---

¹ До сих пор спел, дальше сказывал.

² Ветеринарному.

АФАНАСИЙ МАКСИМОВИЧ ЧУПРОВ

А. М. Чупров — в 1929 г. крестьянин, 75 л., с. Замежного на р. Пижме Усть-Цылемского района. Неграмотный. В больших городах (Ленинград, Архангельск) не бывал.

Былинам он научился от тетки своей Катерины Михайловны Поздеевой („тетки Кати“), сестры его матери. Она же усвоила их от своего приятеля Минея — по всем отзывам хорошего старинщика. А. М. Чупров знал „Анкуху“, т. е. Анкудина Ефимовича Осташова, от которого в 1901 г. Н. Е. Ончуков записал 8 былин, и „певал с ним“. Помнил также и известного в свое время на Печоре сказителя „Васю Малого“ (Онч., стр. 66), который приходился ему дядей. Бывало, рассказывал А. М., уговаривал старик своих внучек: „Не ходите, девки, на посидки, старину стану сказывать“.

О себе Чупров говорил, что раньше он пел много, но вот теперь „остарел“ и все забыл. Былину „Добрыня и Дунай“ передал мне словами, петь отказался, так как „голосу не стало“. Пытался вспомнить еще одну былинку, „про корабль“ (очевидно, про Соловья Будимировича): „Хорошая была старина, да не вспомню“. Чупров хорошо запомнил приезд в „Замегу“ Ончукова и его работу по записи былин. О Федосье Чуркиной, от которой тогда были произведены записи, отзывался, что она „нескладно пела“.

Сказок А. М. Чупров не знал и не любил.

[ДОБРЫНЯ И ДУНАЙ]

- Хороша была поездка молодецкая,
Хороша была поездка лошадиная.
Как не видели — Добрыня на коня скочил,
Только увидели — Добрыня в стремяна ступил.
- 5 И поехал Добрыня во чистó полё.
Вынимал тогда трубу подзорную,
И здрел-смотрел во чистó полё
И увидел в чистóм поле шатёр стоит,
Шатёр стоит белобархатный.¹
- 10 И подъехал Добрыня ко чернó шатру.
И не привязывал коня и не приказывал,
Заходил тогда Добрыня во белóй шатёр.
Стоят в шатрѣ столы дубовыя,
Розоставлены столы кедровыя,
- 15 Подёрнуты скатертью шолковою,
Розлиты напитки всё разныя.
Тут лёжыт ерлык да скорограмотный,
Написаны угрозы богатырския:
„Кто попьёт и поест и покушаёт, —
- 20 И не уехать тому из чистá полѣ“.
Оттуль Добрыня поворót давал.
Поехал тогда Добрыня в стольный Киев град.
Доехал Добрыня до Невой реки.
Думуци сам он прироздумался:
- 25 „Я приеду в стольный Киев град,
И станут у меня богатыри спрашивать,

¹ Очевидная оговорка вместо чернобархатный, см. следующий стих.

- И станут русьскіи выведывать,
Што в чистомъ поли там деетце,
И не честь будет да молодецкая,
30 Не выслуга будет богатырская".
И оттуль Добрыня поворот даёт,
И приехал тогда ко чернѹ шатрѹ.
Заходил тогда да во чернѹй шатѣр,
Наливал тогда стакан да зеленá винá,
35 И пил тогда через край до днá,
И закусывал ѣства сахáрные.
Розорывал тогда весь белѹй шатѣр,
Розломал тогда столы дубовыя,
Розодрал тогда скатерти шолковыя,
40 Выходил тогда он вон на улицу
И лежылся спать да коню пѹд ноги.
Едет Дунай да из чистá полá,
Здрел-смотрел да во трубу подзорную
И увидел шатѣр стоит не по прежнему,
45 Не по прежнему да не по старому.
Приехал тогда да ко чернѹ шатрѹ,
Вынимал тогда чинжалишо предолгоѣ
И хотел рубить у его да бѹйну гѹлову,
Думуци себе да прироздумалси:
50 „Мне не честь-хвала да молодецкая,
Не выслуга будет богатырская.
Не пора ли тебе стать да разбужатися,
С великим хмелем да росстоватися!“

(Дальше не помню хорошо.) Тут они дрались целы сутки.
Стар казак приехал, учул, што они дерутця и их рознял.

АННА МАКСИМОВНА ПОЗДЕЕВА

Крестьянка 70 с лишним лет с. Замежного на р. Пижме Усть-Цылемского района, сестра А. М. Чупрова. Замужняя. Неграмотная. Былинам научилась еще в молодые годы от Минея Григорьевича Торопова и его подруги Катерины („тетки Кати“), которых называли как своих учителей и другие исполнители Замежного — А. М. Чупров, Т. Г. Торопова.

А. М. Поздеевой случалось петь вместе с Иваном Емельяновичем Чупровым из д. Аврамовской (см. стр. 375). Кроме записанных былин, она знала раньше еще былины о Чуриле, о Добрыне и Дунае, но в момент записи припомнить их не могла.

Н. Е. Ончуков упоминает о ней в примечании к былине „Бутман“, записанной от Устины Чупровой (Онч., № 14), и передает досказанный ею словами конец этой былины (Онч., стр. 62). Приезд Н. Е. Ончукова и его работу смутно помнит и сама Поздеева: „Приезжали с Сибири записывать“.

ПРО СТАРОГО

- Кабы ездил де стар да по чисту полю,
 По широкому роздольицу розгуливал,
 Он гонял лисиц да серых заецей,
 Он крыластых, перастых, перелетистых.
- 5 Тут наехали на старого станишники,
 Вековецьны они подорожники.
 Как хотят старика а бити-грабите,
 Как с конём-животом розлучить хотят.
 —„Вы поедьте, робята, вы назад домой!
- 10 Только есь де у вас да молоды жоны,
 Только есь де у вас да отци-матерй.
 А взеть у мя вам нецего:
 Золота казнá с собой не везта,
 А ведь дома у мя не осталосе“.

[БУТМАН]

- Как про белого сказать будто про бедного,
 Про удалого сказать дородня молодця.
 Он ли ходит на царевом на большом кабаке,
 На кружали ли он ходит государевом,
- 5 Он и пьёт много дитина зеленá вина,
 Он не цярами пьёт да не стакамами, *
- Он откатыват большй сороковками.
 Во хмелю сам детина забываитцэ,
 Из рецёй детина вышибаитцэ:

- 10 „Уж я силушкою буду царя сильней,
Уж я сметоцькою буду царя сметлѣй“.
Пригожались у царя люди придворные,
Как придворныя люди губернаторы,
Губернаторы люди толстобрюхие.
- 15 Они скоро пошли царю доносили:
„Уж выходит детина на царѣв кабак,
Он ли много пѣёт да зеленá вина,
Он не цѣрами да не стаканами,
Он откатывáт и большій сороковками.
- 20 «Уж силушкою буду царя сильней.
Уж я сметоцькой буду царя сметлей»“.
А посылал царь трёх слуг немилосливых
Немилосливых слуг, не жалóсливых
Как сковать-связать удаля дóбра молодцá.
- 25 —„Постойте-ко, робята, помоните-ко,
Я повыпью цѣру зеленá вина,
Я не малу не большú — полторá ведрá.
Не укатила у меня цѣра ретивó серцѣ,
Не звеселила у мня цѣра бúйну голову.
- 30 Я поеду нынѣ к царю да на почестен пир,
Перовати-столовать да есва кушате“.
—„Уж ты ходиш, детина, на царев кабак,
Ты ле много пѣш, детина, зеленá вина,
Ты ле цѣру пѣш да ле стаканами,
- 35 Ты откатывáш и большій сороковками.
«Уж я силушкою буду царя сильней,
Уж я сметоцькою буду царя сметлей»“.
— „Думай-ко, надѣжа православный царь,
Был ле когда ты во той земле,
- 40 Как во той ле земле да проклятóй орды,
Еще кто тебя оттуле на свет спустил,
Еще кто тебя оттуль повыручил,
Еще кто тебя оттуль повыкупил?“
—„Не пустыми рѣцами похваляешся.
- 45 Я ле дам за то золотóй казнý,
Я ещё тебе дам коня доброго,
Я ещё ле тебе да сбруню богатырьскую,
Я ле дам тебе городи да с пригорóдками,
Я ле дам тебе большій селá да со деревнями“.

- 50 — „Мне не надо твоя сбруня богатырская,
Мне не надо твоя золотá казнá,
Мне не наб твои селá да со деревнями.
Лучше дай мне ка ле пить вино безденёжно,
Как безденёжно ле вино да бескопейчно.
- 55 Напиши мне ерлыки да скорограмотки,
Отошли на все четыре стороны,
Щобы дали мне-ка пить вино беждежно“.

Взял пошел в кабак, сороковку выпил, взял под пазуху, унёс,
дружéй поить стал.

ТАТЬЯНА ГРИГОРЬЕВНА ТОРОПОВА

Татьяна Григорьевна Торопова — крестьянка, 77 лет, уроженка и постоянная жительница с. Замежного на р. Пижме Усть-Цылемского района. Неграмотная. Обеим былинам научилась от покойного брата Минея Григорьевича Торопова. У него была приятельница — Катя (Екатерина Кузьминична) — одна из лучших тогда в Замежном песельниц, которая „всех учила петь“. С Минеем она вместе пела былины и стихи (см. в заметке об Афанасии Чупрове упоминание его о Минее и Кате, которую он называл Катериной Михайловной).

Былины Тороповой отличаются краткостью. Кроме былин, спела мне еще отрывок из стиха о Егории и Елисафии. (Рукоп. хранил. Фолькл. ком., колл. VI).

ЧУРИЛА

- Нападала порóха снегу белого,
Да не во пору порóшиця, не во время,
Да серёдка ле лета о Петрова дни.
Приходит Чурило да к широку дворóу,
5 Да заходит Чурило да на крутó крыльцо,
Да стуцит-громит да золотым кольцом,
Выходила Окулина да Миколаевна,
Хватала его да за белы́ руки:
„Уж ты здраствуй, да удалый добрый мо́лодець,
10 Молодой де Чурило да младо-Плёнкович!
Да давно я ждала тя да дожидалася“.
Повела его она да по новы́м сеня́м,
Завела она да во тёплу ложницу.
Тут и за́жил Чурило по домашнёму.
15 Свешал всё плати́цё на грядо́цьку,
Кабы шапочку, перчято́цьки на лаво́цьку,
Да зелён кафта́н, сапожки да под кровато́цьку,
Сам лёжитса спать на кровато́цьку
Со цюжо́й жоной же с Переме́тиной.
20 Да поцюла де девушка чернаво́цька,
Переметина верная служано́цька.
Побежала ёна да по но́вым сёням,
Забегала ёна да в тёплу лёжницу:
„Уж ты здраствуй, удалый добрый молодец,
25 Молодой де Чурило да младо-Плёнкови́ць!
Уж ты зажил Чурило по домашнёму,
Уж ты свешал всё плати́цё на грядо́цьку,
Кабы шапочку, перчято́цьки на лаво́цьку,

- Да зелён кафтан, сапожки да под кроватоцьку,
30 Сам лёжилса спать да на кроватоцьку
Со цюжой де жоной да с Переметиной —
Париш кишку во цюжом горшку.
Уж я пойду-схожу да Сперметы скажу“.
— „Ты не сказывай, девушка чернавоцька,
35 Перемётина верная служаноцька,
Я куплю те, куплю да алу лентоцьку,
Кабы стоила лента двадцеть пять рублей“.
— „Мне не надо твоя да ала лентоцька,
Уж я пойду-схожу да Сперметы скажу“.
40 — „Ты не сказывай, девушка чернавоцька,
Перемётина верная служаноцька,
Я куплю те, куплю да шубу кунюю.
Кабы стоила шуба да петьдесят рублей.
Кабы потянута шуба хрущатой камкой“.
45 — „Мне не надо твоя шуба кунья“.
Да со тих рецей девка вон и пошла.

(Боле не знаю.) Она пошла, сказала. Он пришол и его убил.
К жене лёг. Она обняла его, сперва рукой. Он сказал: „Мне сама
ты надо, не надо твоей руки“. Отсек. Губы, всё отсек.

56

[БУТМАН]

- Как про бённого сказать да про бёлого,
Про удалого сказать дородного молодца.
Он ходит на царевом бёльшом кабаке,
На кружале ён ходит государевом,
5 Ён пьёт много детина зеленá вина,
Он не цярюю пьёт он не стаканами,
Он откатывát бочьки сороковоцьки.
Ох и во хмелю сам детина похвалеитцэ,
Из рецей сама детина повышибаитцэ:
10 „Уж я силушкою буду царя сильней,
Уж я сметоцькою буду царя сметлей“.
Пригожáлисе у царя люди придворные,
Как придворныя бояре толстобрюхия.
Они скоро пошли царю донóсилэ:

- 15 „Уж ты ной еси, надежа православный царь,
Ты со ярости царь сын Олексевиць!
У тя ходит на царевом бóльшем кáбаке,
На кружале ле ходит государевом,
Он и пьёт много детина зеленá вина́,
20 Ён не цярою пьёт он не стаканами,
Ён откатывáт бочки сороковоцьки.
Во хмелю то сам детина похваляйтцэ,
Из редей сама детина вышибаитцэ“.
Не ювидел надежа свету белого.
- 25 Как могущие плечи росходилисе,
Горецея его кровь раскипелася,
Писал ерлык скорограмотку.
Ён послал слуг немилосливых,
Как немилосливых слуг да нежалосливых,¹
- 30 Штобы скоро его доставили:
„Как сковали, связали да ко мне подать!“
Как пришли к ему да низко кланелись:
„Пойдём ко царю на почесен пир,
Пировать-столовать, ества кушати“.
- 35 Заходил он в палаты белокаменны,
Он ставал ко царю на резвý ногі:
„Уж ты ой еси, надежа православный царь!
Ты зацём меня зовёшь, на што требуёш?
Уж ты был во орды да во поганой,
- 40 Уж кто ле тебя там повыкупил,
Кто тебя оттуль повыручил?“²
— „Уж дам тебе города с пригородками,
Как большие тебе селá со деревнями“.
— „Мне не надо города да с пригородками,
- 45 Как больши тебе селá да со деревнями.
Мне-ка дай вина́ пить безденежно,
Мне безденежно да бескопеецно“.³
Послал он ерлык скорограмотку,
Штобы пить зеленá вина безденежно.

(Боле не знаю. Надо быть и нет боле ницего.)

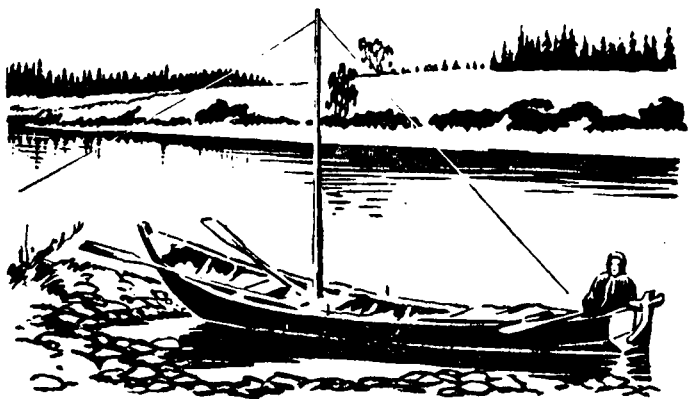
---

¹ Здесь задумалась, стала затрудняться.

² Тут опять забыла, „как извинялся“...

³ До сих пор спела. Сказала: „Не знаю боле“.

ЕРЕМЕЙ ПРОВОВИЧ ЧУПРОВ

Встреча с Еремеем Чупровым — одно из самых глубоких впечатлений печорской поездки. Это настоящий самородок, артист в полном смысле этого слова. Совершенно незабываемым является переезд в лодке по Пижме из д. Аврамовской в с. Замёжное, когда Еремей, сидя у руля, пел свои былины и песни.

Тогда, в 1929 г., Еремею Чупрову было 39 лет. Это был высокий, худощавый крестьянин-охотник из д. Аврамовской, промышлявший, подобно многим пижемцам, пушным зверём.

Еремей Чупров — правнук Абрама Чупрова — первого поселщика деревни, которая и получила от него свое наименование. В роду Чупровых, как старинщики, славились два брата деда Еремея — Емельян Абрамович и Василий Абрамович, по прозвищу Вася Малый. Последнего застал еще в живых Н. Е. Ончуков в 1901 г., но сказитель был уже очень стар, многое позабыл, и Ончуков записал от него лишь отрывок былины о Василии Игнатьеве (Печорские былины, № 17, о самом сказителе — на стр. 66).

От Васи Малого перенял былины старший брат Еремея Егор, от брата научился и Еремей, когда ему было около 20 лет. Отец же Еремея былин не пел. Во время промыслов на низовьях Печоры, как рассказывал Еремей, „интересовались старинами“. Егора, как знатока, заставляли петь, „а ему одному трудно, ну и мне приказывали подсоблять“. По словам Еремея, и тогда, когда мы работали на Печоре, былины еще бытовали на промыслах: „И сейчас на промысловьях, в лесной избушке, между делом, в праздник особенно, старинами, сказками и песнями забавляемся“.

Былины в фольклорном репертуаре Еремея Чупрова занимают сравнительно незначительное место. Он перенял от брата только две былины „и то не с краю, а самое необходимое“, причем одна из них, „Бутман“, по напеву приближается к песне. Кроме того, он вспомнил еще отрывок былины о Чуриле (Фон.-арх. Фольк. ком.) Еремей, вместе со своими двумя братьями Яковом и Климентием,

сыном Ларионом, 17 лет, и двоюродным братом Малафеем Ивановичем Чупровым составляли замечательный певческий коллектив, исполнявший с исключительным мастерством печорские песни. От них записан ряд номеров. Хранятся в Рукописном хранилище Фольклорной комиссии, колл. VI, п. 7, № 1—13 и в Фонограмм-архиве, фоновалики № 646—656. Песни эти в их исполнении — настоящее высокое искусство.

Артистическая натура Еремея сказалась и на исполнении былин. Он выделяется среди известных мне старинщиков именно своим исключительно артистическим, высоко художественным исполнением.

Былинных напевов у него три. Когда он пел дома, ему всегда подпевал Ларион, как и отец, обладающий прекрасным голосом. Совместное пение былин обоим доставляло большое наслаждение, и они просили меня записать им текст былин о Скопине, которую они слышали в Усть-Цыльме, но не могли сразу „понять“. Возможно, что с годами (как это не раз бывало) Еремей станет расширять свое знание былин, и из него выработается настоящий мастер-старинщик.

В 1929 г. Еремей был неграмотным. Он остро ощущал этот недостаток и детям своим стремился дать образование. Семья у Еремея большая. В 1929 г. у него было 6 детей (три мальчика и три девочки) и, кроме них и жены, на его руках были еще старуха мать и припадочная сестра.

ПРО СТАРОГО

- Ай да не близко от города не далёко ж не,
 Не далёко от Киева за двенадцать вёрст,
 Там и жили на заставы бугатыре.
 Караулили, хранили стольнёй Киев да град,
 5 Не видали не конного, не пешёго,
 Не прохожёго ой ни да ле приезжёго.
 Да не серой-ёт волк не прорыскиват,
 Да не черной медвед не прохаживат.¹
 Э да их было двенадцеть всех богатырей.
 10 Да за старшого был Илья Муромечь,
 Под им был Самсон да Колыбановичь,
 Ай Добрыня да был у ёго во писарях,
 А Олёша жил во конюхах.
 Кабы Мишка Торопанишка чашки-ложки мыл,
 15 Чашки-ложки мыл да поварёночки.²
 Да вставаёт старой да по ютру ранё,
 Дай выходит старёй да вон на уличю,
 Да берёт де старёй подзорную трубочку. *
 Да он и смотрит под сторону под западню —
 20 Кабы там да стоят горы ледяныя.
 Посмотрел под сторонушку под северну —
 Кабы там да стоит морё синёе.
 Посмотрел под сторону обедничну —
 Кабы там стоит да полё чистое,
 25 Ай ведь ездит бохатырь забавляетца,

¹ Вариант: пробегиват.

² Стихи 9 — 15 при пении на фонограф были пропущены.

Чупровы, певческий ансамбль из дер. Аврамовской.

В первом ряду братья Чупровы: Еремей, Яков и Климентий Прововичи (звездочкой отмечен Еремей). Во втором ряду Малафей Иванович Чупров и Ларион Еремеевич Чупров (отмечен звездочкой).

- Кверху он стрелочку постреливат,
На сыру землё он стрелку не юраниват,
На лету ту стрелочку подхватыва́т.
На одном-то колене держа́т чернильницу,
30 На друго́м-то колене дёржа́т гумажечку,
И пишет богаты́рь скорограмотку.
Ай подъеждаёт богаты́рь к белу́ шатру,
Подбрасывает грамотку старо́му казаку.
А и берёт старо́й эту грамотку,
35 Да заходит старо́й во белой шатёр,
Заревел, закричал громким голосом:
„Не́ время нам спать, пора встова́ть,
От великого вы сону пробужатися,
От великого хмелю просыпатися!“
40 А вот скокали ребята на резвы́ ногй,
Умывались ребята ключевой водой,
Утирались чистым полотенышком.
Вот и стал читать ста́рый скорограмотку:
„Уж я еду де к вам в стольный Киев град,
45 Греметь-шурмовать у вас в стольнем Киеве,
Ста́ра казака к себе в полон возьму,
Молоду́ его кнегину за себя возьму,
Добрыню Микитичя во писари,
А Олёшу Поповиче во конюхи.
50 Как бы Мишку Торопанина чашки-ложки мыть,
Чашки-ложки мыть да поварёночки.
Белой я шатёр у вас на дым спущу,
А светые иконы на попла́в воды“.
Ай вот и стал старо́й их выпрашивать:
55 „Да кого мы пошлём да во чисто́ полё,
Во чисто́ полё пошлём да за богаты́рем?
А послать нам Мишку Торопанишку,
А у нас Мишка роду торопливого —
Заевид потеря́т свою буйну го́лову.
60 А пошлём мы Добрынюшку Микитичя,
Добрыня роду у нас вежливого:
Он умеет с богаты́рем съехаться,
Он умеет богаты́рю ве́дь честь возда́ть“.
Вот и стал тут Добрынюшка срежатися.
65 Только видели как Добрыня ны коня вскочил,

- Только видели Добрыня в стремена ступил,
 Только видят в чистом полё куревá стоит,
 Куревá стоит да дым стобом валит,
 У коня из роту пламя мечетца,
 70 У коня из ноздрей искры сыплютца,
 А и хвост трубой да завиваетца.
 Подъезжает Добрыня да ко богатырю,
 Заревел тут Добрыня во пёрвой након:
 „А и куда ты едёш, куда путь дёржыш?“
 75 А на его богатырь не ёслушался.
 Заревел-закричал ны второй након:
 „Ах ты лётиш, ворона пустопёрая,
 А и ты лётиш, сорока загумённая,
 Не воротиш к нам на заставу караульную!“
 80 А на его богатырь поворот даёт.
 Налетел тогда богатырь на Добрынюшку,
 Сосвистнул он Добрыню со добра коня,
 Да и дал ему по ж... два потяпыша,
 Да и прибавил ему два алабыша.
 85 Посадил его назад на добра коня:
 „Поеждяй ты, Добрыня, во белой шатёр,
 Да скажи от мене старичку низкой поклон,
 Да пускай вами г..... не заменеецца,
 Самому ему со мной не поправитца“.
 90 Ай видят идёт Добрыня не по старому,
 А и конь-то бежит не по прежнему,
 Повеся он дёржыт буйну голову,
 Потопя он дёржыт да очи ясныя.
 Подъезжает Добрыня да ко белу шатру,
 95 Да заходит Добрыня во бело́й шатёр.
 Вот и стал его старой выпрашивать,
 А и стал ему Добрынюшка рассказывать:
 „Да послал он тебе со мной низкой поклон,
 Не велел он г..... заменятися,
 100 Самому ему со мной не поправитца“.
 А ю старóго тут плеча да расходилися,
 Да и глаза у его да помутилися,
 Заревел он закрычал громким голосом:
 „Вы уздайте-седлайте коня доброго,
 105 Коня доброго уздайте его со восьми чепей!“

- Не успеете вы, говорит, горшкá сварить,
Привезу я татарьску буйну голову“.
Вот и стал тут старой тут срежатисе,
Да и стал тут старой надеватисе.
- 110 Надеваёт он латы тут богатырские,
Надеваёт он шляпу на одно ухó,
На правóм-то плечí чернóй ворóн,
На левóм-то плечí всё орёл сидел.
Ай да не видели старика как на коня скоцел,
- 115 Только видели старóй в стремянá ступил,
Ай да увидели в чистом поли куревá стоит,
Куревá где стоит да дым столбом валит,
У коня из роту пламя мечитцэ,
У коня из ноздрей да искры сыплютцэ,
- 120 Ах хвост трубой да завиваетцэ.
Полетел старичок во чистó полё.
Подъезжает стырóй да к богáтырю.
Заревел тут старóй да во пёрвой након:
„А куда же ты едёш, куда путь дёржыш,
- 125 Не воротиш к нам на застáву?
Ай неужели нас богáтырей ничем зовёш?“
Ай на ето богáтырь не ослушелся.
Заревел тогда стырóй на вторóй након:
„Ах ты летíш, ворóна да пустопёрая,
- 130 Ах ты летíш, сорока загумённыя!“
А на ето богатырь поворот даёт.
А не две тут тучи столкнулисэ,
Два богáтыря тут съезжалисэ.
Задрожала то҃нды мать сыра земля,
- 135 Они бились-хвостались целы суточки.
У их палицы до рук до обломалисэ,
Они бросили тот бой о сырú землю,
Схватили копейца оны булатныя,
Они тыкались-дрались вторы суточки,
- 140 А копейца у их да изломалисэ.
Они бросили тот бой о сырú землю,
Да скочили то҃нды со добрых коней,
Да схватились ёни во охабочку.
Они бились-боролись да третьи суточки,
- 145 А похвальнѣе слово старóго спутало,

- Одна-то нѣгá-то подкатнуласѣ,
 А другая ногá-то подломиласѣ,
 Вот упал то҃нды стáрой на сырú землю.
 Заскочил ему то҃нда богáтырь на белы́ грудí,
 150 Он розбóрвал ведь латы богатырския,
 Да и вытащил чинжалищó булатноѣ,
 Замахнулса ему да во белы́ грудí.
 Ай да взмолилсѣ старóй да богородицы:
 „Пресветая ты мати да богородиця,
 155 Почему ты меня да это выдала
 Черны́м воро́нам да на расклёваньѣ,
 А лю́тым зверя́м на растёръзаньѣ?
 А стоял я за веру за христовую,
 А молилсѣ все҃гда да бо҃городицы“.
 160 А не ветру полоска тут ма́хнула,
 Вдвое-втрое у стáрого силы при́было.
 Сосвисну́л он богáтыря со белы́х грудёй,
 Заскочил он ёму на белы́ грудí.
 Он розбóрвал латы да богатырьския,
 165 Да и вытащил чинжалешчó булатноѣ,
 Замахнулсѣ ему да во белы́ груди,
 В плече его рука́ да застояласѣ.
 Вот и стал его стáрой то҃нда расспрашивать:
 „Да какого ты роду, какого племene,
 170 Но как же тебя зовут по имени?“
 —„А ко҃гда был я у тебя на белы́х грудя́х,
 Я не спрашивал ни роду ни племene“.
 Замахнулсѣ стáрой на вторóй након —
 В локтю рука да застоялосѣ.
 175 Вот и стал его стáрой выпрашивать:
 „Да какого же ты́ роду какой племene,
 Но как же тебя зовут по емене?“
 —„А ко҃гда был я у тебя на белы́х грудя́х,
 Я не спрашивал у тя ни роду ни племene“.
 180 Замахнулсѣ стáрой на третей након,
 В заветы́е рука да застоялосѣ.
 Вот и стал его старик выпрашивать:
 „Да какого роду какой племene,
 Но как же тебя зовут по емене?“
 185 —„Ай я еду из-за мо́ря богáтырь же,

А мне не много веку, только двенадцеть лет.
У мня мати богатыриця полениця уже,
А отец мой он прохожий молодець“.

Тогда скочил старой со белых грудей и поставил его на резвы ноги и поцеловал его дважды: „И ты будешь мене сынок, и я тебе буду татенька. Поедем со мной во белой шатёр“. А он сказал ему: „Не еду я с тобой во белой шатёр. Поеду назад за синё морё. За синё море поеду, — говорит, — кронной матушке И приедем мы обои с матерью“. Распростелись и приеждает кронной матери, встретила его родима матушка: „Где же ты, дитятко, побыл, чего же ты, дитятко, повёдал?“ — „Был я в стольнем Киеве и видел там базыкову коровушку, и она зовет тебя б....., а меня выб.....“. Вытащил чинжалищо и шарнул матери в груди. И завернул коня и поехал опять в стольный Киёв град. Подъезжает ко белу шатру. Соскочил со добра коня и забежал во белой шатёр. А старой со великого устатку спит богатырским сном, не слышит. Вытащил он чинжалищо булатное и шарнул старому во белы груди. Погодился у старого на груди старинный чуден крест. Угадал он в этот самый крест. Соскочил тогда старой на резвы ноги, схватил Сокольника за белы кудри, хвоснул его о дубовый пол, на одну руку наступил, другую оторвал, наступил на одну ногу, другую оторвал и выбросил его на улицу и опять лёг спать.

Тут конець пожалуй.

ПРО БЕЛОГО

- Как про белого сказать царя, сказать про бенного,
Про юдалого сказать да добра молодца.
Ах да ты хой еси, ой юдалой доброй молодец,
Ах ты часто ходиш на царев кабак.
- 5 Он ведь помногу де пьёт да зеленё вина,
Он и не рюмками пьёт да не стокаными,
Ён откатыват бочки да сороковочкэ.
Во хмелю-то сам детянкэ не сурядливой,
Ез речей-то детинка вышибаетцэ,
- 10 Он ведь силушкою он да выхваляйтцэ: *
„Уж как силушкою-то я буду царя сильней,
Уж как сметочкою-то буду я его посметливе“.

- Погодились у царя люди придворные,
Придворные были люди губернаторы,
15 Вот и пошли они скоро царю долóжиле.
Вот призвал тогда царь да слúгов верьных,
Слúгов верных позвал да неизменных
Вот и сковать-связать доброго молодця:
„Идите вы сходите на царев кабак,
20 Завезите вы поймайте горьку пьяницу,
Приведите его на допрос ко мне!“
Вот пошли тогда тотара толстобрюхия,
Увидали там Бутманз добра молодца:
„Ах ты ой еси, Бутман да добрый молодец!
25 Пойдём с нами к самому царю,
Звал тебя царь-ка на почестен пир“.
Вот пошел тогда Бутман на лицо к царю,
Вот е стал его ведь царь тогда выпрашивать:
„Ах ты часто ходиш ли ты на царев кабак,¹
30 Ах и много ли ты много пьёш зеленá вина,
Из речей ето, Бутман, вышибаешсе,²
Эх и силушкою своей да похваляешсе,
Батто силушкою да ты мене смелей,
Батто сметочкою ты мене посметливей?“
35 — „Ах ты ой еси, наш солнышко Вылодимер князь!
А когда была война-у те со турками,
Тогда хто тебя от смерти повыручел?“
— „Уж я дам тебе все города со пригорóдками,
Я отдам тебе все корабли да всё со шляпками,
40 А ты будёш царём, я и слугой твоей“.
— „Мне не надо города со пригородками,
И не надо коробли твои со шляпками,
Лучше мне дай вина пить безденёжно“.

---

¹ Вариант при словесной передаче:

Почему же ты, дурачонок, ходишь на царев кабак?

² Вариант:

Из речей, дурачонок, вышибаешсе.

ИВАН ЕМЕЛЬЯНОВИЧ ЧУПРОВ

Иван Емельянович Чупров (в 1929 г. около 80 лет) из д. Аврамовской на р. Пижме Усть-Цылемского р. принадлежит к старшему поколению современных потомков того Абрама Чупрова, который положил начало самой деревне Аврамовской (см. заметку об Еремее Чупрове). Иван Емельянович его родной внук, сын его четвертого сына Емельяна. Из семи сыновей Абрама Емельян и Василий младший были известны как старинщики. Об Емельяне старики пижемцы отзывались так: „Пироватый (т. е. выпивший на празднике) певал, с ним вместе спевали“. Но Иван Емельянович своим непосредственным учителем считал не отца, а дядю своего „Васю Малого“ (см. Онч., стр. 66 и заметку о Еремее Чупрове).

Былины Ивана Емельяновича очень характерны для современного состояния печорской традиции: в них еще более усилена вообще свойственная Печоре тенденция к крестьянскому, обыденно-житейскому колориту, к сокращению и упрощению повествования.

Кроме записанных былин, по словам исполнителя, он знал в 1929 г. еще про Садко купца богатого и „про Олёшу“ (не удалось выяснить сюжет последней былины). Но петь больше не соглашался: Да и записанные былинам удалось получить с большим трудом и после длительных уговоров.

При этом серьезной мотивировки отказа не было. Иван Емельянович был свободен, но петь ему просто не хотелось. Исполнял он былины нехотя, лежа на постели, все на один напев. Кроме былин, мною записана от него песня о смерти Александра I, до сих пор еще довольно распространенная на Печоре („Отправлялся Александра свою армию смотреть“). Несколько сказок записано от него И. В. Карнаухова.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СТАНИЧНИКИ

- Кабы ездил старóй по чисту́ полю́,
 А и стрелял гусей, белых лебедей,
 Аще побивал малых утёнышков.
 Наеждяют на старóго станичники-подорожники,
- 5 Да хотят старика бити-грабити,
 А с конём с животом розлучить хотят.
 Говорил им старóй го первóй након:
 „Уж вы ой еси, робята вы станичники,
 Вековы вы собаки да подорожники!
- 10 А и бить ведь меня старóго не за что,
 А и взеть-то у меня нонече нечего:
 Кабы дело моё заезжее,
 Кабы хлебцы у меня есь завозные,
 Золотой казны́ у мяя с собой нё взето,
- 15 Только есь у мяя да худа гунюшка,
 Худа гунюшка есь да кунья шубонька,
 Не много стоит она — всего петъсот рублей“.
 А на то де станичники не варуют,
 А хотят старичка бити-грабити,
- 20 Да с конём-животом розлучить хотят.
 Говорил им старóй вторóй након:
 „Уж вы ой еси, робята вы станичники,
 Вековы вы собаки да подорожники!
 Уж вам бить меня вовсе не за что,
- 25 А и взеть у мяя нынде нечего“.
 А на то де станичники не варуют,
 Поблизёшенько ко старому подбираются.
 Кабы взял нонь старóй тугóй лучок,

Да направил он калену стрелу,
30 Да и стрéлил старой нонь в сырой дуб,
А разбил дуб в мелки дребезги.
Кабы тут де станичнички умолкнули,
Приумолкнули вси да удрогнули,
А увидили они промежу себя много мёртвых есь.

МИКИТА, СЫН РОМАНОВИЧ

А да жыл был Микита сын Романович.
Состарилса Микитушка представилса,
Осталася у его молода жена,
Молода жена да любима семья.
5 Осталася она беременна.
Немного времечки миновалоса,
Немного времечки прокатилоса,
Прошло не прошло сорок недель,
Сорок недель, десеть месяцев.
10 Родила она еди́но чадо́,
Еди́ное чадо, единакое.
Да пошла она по попа отця,
Нарекли его имя Добрынюшкой.
Вырос Добрынюшка годов шеснаццать,
15 Стал просить у матушки во чисто поле
Посмотреть могучих богатырей.
Говорит ему родимая матушка:
„Поезжай, мое чадо милое.
Не бери ты коня отцовского,
20 А бери коня троелеточка,
Да возьми плётку троехвосточку.
Приедешь ты до Несей-реки,
Увидишь горы высокие.
Нападут на тебя тёплые ма́рева,
25 Пригреет тебя красно солнышко,
Захочеш, Добрынюшка, купатися.
Поплывёш ты, Добрыня, за перву́ струю —
Пёрва струя обманчива,
И поплывёш ты, Добрыня, за втору́ струю —

- 30 А втора́-то струя тоже обманчива.
Поплывёш и за третью́ струю —
Третья струя относѣва.
Отнесёт тебя под горы под высокіе,
Под ты же жилища под змеинныя.
- 35 Налётит на тебя змея лютая,
Не бери ты саблю вострую,
А бери плёточку троехвосточку“.
Поехал он во чисто поле,¹
Налетела змея лютая.
- 40 „Светы́ отцы писали-описали,
А дьяки читали-оцита́ли,
Говорили: от Добрынюшки смерть вѣзьму,
А теперь я Добрыню стопчу-сожру“.

Она вынесла его на землю. Он нагрёб колпак земли, бросил и убил. Никакая смерть ему и не случилась.

61

[ДОБРЫНЯ И МАРИНКА]

- Ай во стольном городе во Киеве
Да жил Добрынюшка Микитич млад,
Да во ключниках жил ровно три́ года,
Да в подносчи́чках жил тоже ровно три́ года,
- 5 Да во писарях жил тоже три́ года.
Не бывал он по улицам широкиим,
Да по тем по частым переулочкам.
Говорил Добрынюшка Микитич блад:
„Уж ты ой еси, солнышко Владимир князь!
- 10 Да позволь мне сходить вдоль по городу,
По тем по улицам широкиим,
По тем по частым переулочкам“.
Говорил солнышко Владимир князь:
„Ах ты ой еси, Добрынюшка Микитиць блад!
- 15 Да ходи ты по городу по Киеву,
Да по тем же ты по улицам по широкиим,

---

¹ Эпизод купанья исполнитель пропустил сознательно, сказав, что он в точности повторяет предыдущий отрывок.

- Да по тем же по цястым переулочкам.
Не ходи ты в Андрейцку малу улицу,
Да во тот же Маринкин переулочёк“.
- 20 Да пошел тут Добрыня вдоль по городу,
Да идёт тут по улицам широким,
Да по тем по цястым по переулочкам,
Да заходит во Андрейску малу улицу,
Да во тот же Маринкин переулочек.
- 25 Да увидел Маринушкин высок терем.
Хорошо он у ей был построенный,
Тридцети пети красками изукрашенный.
На жолобе сидят у ей два голуба,
Да целуютца они право милуютца,
- 30 Золотыма крыльяма обнимаютца,
Кабы то была Маринкина забавушка.
Да как взял тут Добрыня тугой лучок,
Да натягивай тетивочку шолковую,
Да стрелил Добрыня этих голубов.
- 35 По Добрынину несчастью тут случилось,
Да левá ногá подкатилася,
Да правá рукá скатилася,
Полетела стрéла ниже жолоба,
Залетела в окошечко косевщето,
- 40 Пробило стеколушко хрустальнее,
Залетела во нову во горницу,
Да из новой горницы во спальницу,
Да розорвал завесу полотнenu,
Да попала татарину в белую грудь,
- 45 Да убил татарина поганого.
Учула Маринушка люта́ грозá,
Люта́ грозá да лиха змей:
„Да што у меня за шум шумит,
Да што у меня в спальне за гром гремит?“
- 50 Прибежала она в свою спальницу
Да увидела татарина убитого,
Побежала она вон на улицу
Да увидела Добрынюшку Микитыча,
Ругала она его всяко всячески:
- 55 „Да зло ты дитя, зло проклятое!
Убил ты у меня мила дружка,

- Возьми, говорит, тут меня взамуж".
Говорил тут Добрынюшка Микитыч блад:
„Не возьму я тебя за себя взамуж:
60 Жила ты с поганим тотарином,
А все груди у тя приулёжаны,
Все губы у тебя исцелованы,
Межножье у тебя всё исколечено".
Ай тут Маринке за беду стало.
65 Обернула Маринка серым туром
Да спустила его во чисто поле.¹

Бабушка задворенка узнала, что Добрыня обёрнутый. Побежала к Маринке: „Отверни назад добра молодца! А то отверну тебя сукою волочажною или кобылой водовозной и будешь возить воду на весь город". Устрашила ее, и она обернула.

62

[СОРОК КАЛИК]

- От того ле озера Баслеева,
Из того же из царства из Ефимова
То де шли-прошли сорок калик,
Кабы сорок калик со каликою.
5 Становились они да на чистом поле,
Клюки-посохи в землю все потыкали,
Берещаты сумы они розвешали,
Говорят тут калики промежу собой:
„Мы пойдём ноньце, робята, в стольный Киев град,
10 Мы положим заповедь тежолую,
Мы тежолую заповедь, нелёгкую:
Кабы кто из нас да заворуитце,
Кабы кто из нас заблюдуитца,
Кто пойдёт за бабьей прелестью,
15 А того мы судити своим судом,
Не водить его ко князю ко Владимиру.
Копать будем мы в землю до поеса,
Говорок-езык вынем теменём,
Оци ясны его да вон косицами,

---

¹ Дальше не хотел петь, сказав: „Тут как-то не ловко".

- 20 Ретивó сѣрьцѣ промеж два плеча“.
Да оттуль ле калики вперёд пошли,
Кабы стретилсѣ солнышко Владимир князь.
Вдруг не белые лебеди воскликали,
Да просили милостыню христа ради.
- 25 Говорил им солнышко Владимир князь:
„У меня дело тут заезжее,
У меня хлебци те завозные,
Золотой у мня казны нѣ взето.
А пойдите, робята, в стольный Киев град,
- 30 А зайдите во гриню во столовую ко Опраксеи —
Напоит она, накормит, на дорогу даст“.
Говорят калики да перехожая:
„Не накормит, не напоит, не спустит нас“.
А говорит им князь: „Дам пухов колпак,
- 35 Немного стоит — петьсот рублей“.
(Один был набóльший, молодой.)
Да пошли ле они в стольнѣй Киев град,
Да заходят во гридню во столовую,
Да просят ли они да христа ради,
Да христа ради да царя небесного.
- 40 Говорит кнегина да мати Опраксея:
„Красота ты, Касьян да сын Степанович,
А пойдѣм ты со мной в нову горницу,
А на дорогу дам тебе золотой казны“.

ПРО СКОПИНА

- „Я много ли Скопин по землям бывал,
Я много Скопин да городов бирал,
Не боялсѣ Скопин да двадцети полков,
Двадцети пети полков да сорокатысецных.
- 5 Малютину князя в услужанье брал,
А Малютюшку брал во служаночки,
Во служаночки брал чашки-ложки мыть,
Чашки-ложки мыть, поварѣночки“.
Да брала Малюта да золоты ли ключи,
- 10 Открывала Малюта кованы ларцы,

Розбирала Малюта посуду хрустальною.
 Да повыбрала цяру самую бóльшую,
 Пошла Малюта в тёмны по́греба,
 Наливала она цяру да зеленá вина,
 15 Да подсыпала она да зелья лютого ли,
 Зелья лютого — зелья змеиногo.
 Подавāт Скопину сыну Ивановицѹ:
 „Ох ты ой еси, Скопин да сын Ивановиць!
 Вцера мы с тобой покумилися,
 20 А сегодня надо нам проздравитьце,
 А проздравитьця надо нам оправитьця“.
 Скочил Скопин да сын Ивановиць:
 По краям у цярочки ключи кипят,
 По серёдке-то ключа огонь горит.
 25 Говорит-то Скопин да сын Ивановиць:
 „Уж мне цяру пить — живому не быть.
 А цяру не пить да виновату быть“.
 Говорит-то Скопин да сын Ивановиць:
 „Ох ты ой еси, дружинушка хоробрая,
 30 Хоробрая да заговорная!
 Да выпью я цяру да сам вон пойду.
 Спроводите меня вон на улицу,
 Посадите меня на добрá коня,
 Привежите меня на добрá коня,
 35 Прогоните меня к моему двору,
 Ко моей ли матушке родимоей“.
 Да и выпил он цяру да зеленá вина,
 Спроводили его русьские богáтыри,
 Посадили его на добрá коня,
 40 Привязали его ко добру́ коню,
 Ко тому же ко стремени турецкому,
 Прогонили его ко его двору.
 Да увидела его матушка родимая,
 Да едет Скопин не по старому,
 45 Под им конь бежыт да не по прежнему,
 Да Скопин на коне едва жив сидит.
 Да приехал конь ко краснѹ крыльцѹ.¹
 Сорвал все пуйны шолковые,

---

¹ До сих пор пел. С этого стиха до конца сказывал.

- Соскакивал он со добра́ коня,
50 Заскакивал на краснó крыльцо́.
Выходит его мати родимая,
Отворяет она двери на́ пету.
— „Уж ты здравствуй, моя мати родимая!
Ещё привёл бог свидетьца“.
55 — „Уж ты чядо моё милоё,
Уж тебе пир был не по́ уму?“
— „Пир был мне ' по́лпиру,¹
Да невежа надо мной посмеялся,
Зла Малюта́ дочи Скурлатовна.
60 Сходи, мати, по по́па-отця,
Надо мне покаяться,
Сказать три греха тяжкие“.

Она привела по́па. Он тут ли каялся. Тут ему смерть
случилась.

---

¹ Очевидно, оговорка, вм. „по́ уму“.

ГАВРИЛА ИВАНОВИЧ ЧУПРОВ

Гаврила Иванович Чупров — в 1929 г. крестьянин д. Аврамовской на р. Пижме Усть-Цылемского района, в возрасте около 50 лет.

Грамотный, но былин читать не приходилось. Усвоил же их от дяди своего Василия Абрамовича („Васи Малого“) и от дяди Емельяна Абрамовича Чупровых (см. заметку о Еремее Чупрове). Отец же старин не пел. Перенял Г. И. былины, будучи 15 лет, когда ходил в дом дяди Василия „на посадку“: „Вместе спевали“. О былинах Г. И. отзывался так: „К примеру так говорят — старина, а это небылица“.

У Гаврилы Ивановича оказалось два напева: одним пел былины „Василий Игнатьев“ и „Дунай“, другим — былины „Соловей Будимирович“ и „Добрыня и Дунай“. По его словам, на Пижме напевы песен и былин близки к усть-цылемским, так что петь вместе пижемцам и усть-цылёмцам было нетрудно.

Кроме записанных текстов, он знал еще былину „Про старого“ (Сокольник), но, узнав, что я уже записала эту былину от Еремея Чупрова, ни за что не согласился спеть ее. Также отказался петь или сказать словами „Про Соловья-разбойника“, говоря, что „не знает хорошо“.

Во время исполнения работал, выделял грабли.

Все тексты Г. И. Чупрова заключают характерные черты печорских традиций.

Кроме былин, знал песни, которые раньше пел часто, а из сказок мог припомнить только одну — „Про Ивана-царевича, Ивана-девичка да Ивана Быковича“.

[ВАСИЛИЙ ИГНАТЬЕВ]

- Ай по матушки по Волге по Невы реки
 Кабы плыли-выплывали два гнеда турá,
 Ах как на встречу туриця златорогая:
 „А уже вы здравствуйте вы, туры да дети малыя!“
- 5 — „Уж ты здравстуй, туриця да златорогая!“
 — „Уж вы где вы, туры, были побыли?“
 — „Уж мы были, матушка, во Шахове,
 А погулели, сударушка, во Ляхове,
 Сорочинско чисто полё поперёк прошли,
- 10 Стольный Киев-град с угла на угол,
 Некакого мы чуда-то не видели,
 Только видеили чудо не малое:
 Аще серёдко ночи тёмной
 Отворелися ворота городовыя,
- 15 Ах выходила девица блада-красная,
 А в онной она рубашоцке без поеса,
 А в онных она башмачиках без чулочиков,
 Забродила она во Почёв реку,
 Клала она книгу на горюч камень,
- 20 Сколько читала, вдвое плакала.“
 — „Уж вы ой еси, туры да дети малыя,
 Не девиця выходила блада-красная,
 Пресвета то мать Богородица,
 Она цуела в бродом-то невзгодушку,
- 25 Она цует нах Киевом да не малую:
 Кабы Курла царь да подымаетца,
 За им собакой силы множество.
 По праву руку собаки сорок тысяцей,

- По леву руку собаки сорок тысецей,
30 Позади его собаки числа-сметы нет".
Становилсѧ он собака во чистѧм полѣ.
Хорошо ли он собака шатры выставел,
Хорошо ле он собака верхи выкрасил.
А и сам по силушке похаживат,
35 А и сам ле по силушке посматривал.
Выбирал он удала добра молодца,
А садилсѧ за стол, за дубовой стол,
А писал на ем ерлыки да скорограмотки.
„Поеждѧй ты теперъ во стольне Киев град.
40 А не спрашивай у ворот приворотников,
Не спрашивай у дверей ты придверников,
Церез стену едь ты городовую,
Церез башенку ты едь да наугольную,
Не привязывай ты коня не приказывай,
45 Заходи ты во гриню во столовую,
И богу не молись, ты челом не бей,
А клади ерлыки ты на дубовой стол".
А на ето ле он не ослышилсѧ,
А поехал ле он в стольне Киев град.
50 Церез стены он едет городовыя,
Церез башьни он едет наугольния,
А заходит во гриню во столовую,
А и клал он ерлыки на дубовой стол.¹
Сходили по Добрынюшку Микитича,
55 Читал он ерлыки да скорограмотки,
Что у собаки было написано,
Да что у него да напечатано:
„Дают город добром, так я добром возьму,
Не дают город добром, так я буѣм возьму.
60 Великой дракой кроволичычем.
Божьи церкви я на дым спущу,
Чудны образы-иконы на поплав воды,
А кнезьѧ я под мечь склоню,
А кнегиню за себя возьму".
65 Тут князь да запечалился,
Повесѧ держыт да буйну голову,

---

¹ До сих пор спел, потом стал сказывать.

- Потопя́ очи во мать сыру́ землю́.
 Говорит-то кнегиня мать Опраксея:
 „Уж ты ой еси, солнышко Владимир князь,
 70 Поди ты топерь да вдоль по городу,
 Нет ли где наеждего богатыря“.
 На это ли князь не ослышился,
 Пошел он вдоль по городу.
 Стрѣтилась ему мѣньшая пастушенка.
 75 — „Уж ты ой еси, меньшая пастушенка,
 Не знаш ты где наеждего богатыря?“
 — „Не знаю я наеждего богатыря“.
 Оттуль Солнышко опять вперѣд,
 Стрѣтилась средняя пастушенка.
 80 — „Уж ты ой еси, средняя пастушенка,
 Ты знаш ли где наеждего богатыря?“
 — „Не знаю я наеждего богатыря“.
 Оттуль князь да опять вперѣд.
 Стрѣтилась бѣольшая пастушенка.
 85 — „Уж ты ой еси, бѣольшая пастушенка!
 Не знаш где наеждего богатыря?“
 — „Знаю я наеждего богатыря:
 На том же кружалѣ государевом,
 На той же на печке на муравленке
 90 Лежыт-то Васенька Игнатьевич.
 Он пропи́лся-прое́лся весь до ниточки,
 Не креста у него не поеса,
 Не туга́ лука, не калено́й стрелы“.
 На это князь да не ослышился.
 95 Пошел ле он да на царев кабак,
 Стал Васеньку он побуживать,
 Будит он Ваську во первой наконъ,
 Спит Васька не пробудитса.
 Будит Ваську во вто́рой наконъ,
 100 Спит-то Васька не пробудитса.
 Будит Ваську во третей наконъ,
 Тут Васька пробуждаться стал,
 Говорит-то Васька таковы ре́чи:
 „Болит-то у меня да буйна го́лова,
 105 Болит-то у меня да ретиво́ сердце“.
 На это князь был догадливый,

- Наливает он цярú зеленá винá,
 Не велику не малу — в полторá ведра́,
 На закуску колачик мелкокрипищатый,
 110 Турий де рог да мёду сладкого.
 Подавает князь обема рукам,
 Берёт-то Васенька единой рукой,
 А пьёт-то Васька к едину духу́,
 Сам де за цярóй да выговариват:
 115 „Не омыло у Васьки ретивó серце́,
 Не звеселило у Васьки буйну голову́“.
 Наливает тут князь ему другú цярú,
 Не велику не малу — полторá ведра́.
 Пьёт ле Васька к едину духу́,
 120 Сам ле за цярóй выговаривает:
 „Не омыло у Васьки ретивó серце́,
 Не звеселило у Васьки буйну голову́“.
 Наливает князь ему третью цярú.
 Берёт-то Васька единой рукой,
 125 Пьёт-то Васька к едину духу́,
 И сам ле за цярóй выговаривáт:
 „Оммыло у Васьки ретивó серце́,
 И звеселило у Васьки буйну гóлову,
 Сколь я рад нынче чяры пить,
 130 Столь же я рад за кнезя́ служить,
 За кнезя́ служить хош голову́ сложить“.
 Говорит-то Васька таковы́ речí:
 „Уж ты ой еси, солнышко Владимир князь! •
 Нету у меня нынче тугá лука́,
 135 Нету у меня нынче и калено́й стрелы́,
 Нету у меня и коня доброго,
 Всё у меня нынче заложено.
 На царевом бóльшем ка́баке“.
 Приказал князь дать безденежно.
 140 Выходит тут Васька вон на улицу́,
 Натягает он свой тугóй лучо́к,
 Направляет он стрелочку калёную,
 Подёрнул он тетивочку шелко́вую,
 Сам ле ко стрелке наговаривает:
 145 „Лети-ко, стрелочка калёная,
 Повыше дерева шарового,

- Пониже облака ходящего,
Залети ты стрелочка калёная
Тому же Скурлу во чѣр' шатѣр,
150 Залети ты, стрелочка калёная,
Тому же Киршаку во правый глаз,
А вылети стрелочка калёная лѣвым ухом".
Говорит тут Скурла таковыя реці:
„На кого была надея, того чорт побрал".
155 Тут в поле сила взволновалася,
Поехали они да в стольне Киев град,
Греметь да шурмовать стольне Киев град,
А нострецу Васенька Игнатъевич.
А сколько он сам бил — вдвое-втрое конѣм топтал,
160 Ухватил он тотарина кокой побольше всех,
На ту ле руку махнѣт — то ле улица,
На другу руку махнѣт — переулочек.
Сам ле ему да приговаривал:
„Едрѣн на жылѣх да ты не сѣрвешся,
165 А сух де на костях да ты не сломишся".
И перебил он всю силушку скѣрлану.
Собиралися тут бояра толстобрюхые,
Стали делить да золотѣ казнѣ,
Делят они на трѣ части:
170 Оннѣ часть на церковь божію,
А другѣ часть князю со кнегиною,
А третью часть боярам толстобрюхиим,
А Ваську Игнатъевича обделивают.
Говорит-то Васенька Игнатъевич:
175 „У боѣ у драки Васька первый был,
А у делѣ Васенька последний стал".
Говорят ему бояра толстобрюхы
„Тебе сказано, Васенька, отказано".
Говорит Васька во второй након,
180 Говорят бояра толстобрюхия:
„Тебе сказано, Васенька, отказано".
Расходилися у Васьки могучі плечѣ,
И разгорелосѣ у Васьки ретиво серце,
Пошел он в стольне Киев град,
185 Шурмовать-греметь стольне Киев град.
И заскакивал во гриню во столовую,

- И хватал столешнику дубовую,
И хотел убить князя со кнегиною.
Ускакивал князь под столик тот
190 И умаливал Васеньку Игнатьевича:
„Уж ты ой еси, Васенька Игнатьевич!
Бери ты города с пригородками,
И селá с присёлками,
Оставь ты только меня во живности“.
195 Говорит-то Васенька Игнатьевич:
„Не надо мне города со пригородками,
Не надо мне селá с присёлками,
Только позволь мне пить вино безденежно“.
Тут и конецъ.

[ДУНАЙ]

- А во стольнѣм во Києве во городе,
Как у ласкова князя ю Владимира
Было пирóваньѣ-столóваньѣ.
Про тех ли царей, царевичей,
5 Как про тех ли кнезей, кнезевичей,
Как про тех ли купцев торговых,
Как про русских богатырей могучих.
Собирались они да соеждались,
И все на пиру да напивались,
10 И все на чесном да наедались,
И тут на пиру да приросхвастились.
Иной хвастал золотой казнóй,
А иной хвастал чыстым жамчугом,
А иной хвастат конём добрым,
15 А иной хвастат сбруей лошадиной.
А глупый хвастат молодой женой,
А мудрый хвастат старой матерью.
Выходит тут князь на кирпищат пол,
Говорит-то он да таковы рецї,
20 С ножки на ножку переступыват,
Сапог о сапог покалачиват,
Гвоздѣк о гвоздѣк да он пощалкиват:

- „Уж вы ой еси, удалы да добры молодцы!
Уж все вы сидите нынче веселёшеньки,
25 И вы все сидите нынче пьянёшеньки,
И все вы живите нынче споженены,
Красны девушки за вас были повыданы.
Один я нынче холост хожу,
Холост хожу да не женат живу.
- 30 Не знаете ли мне да соеprужницу,
Не знаете ли мне да полюбoвницу?“
Тут де ребята да приумолкнули.
Меньший хоронитца за среднего,
А средний хоронитца за старшего,
35 А у старшего ныне ответу нет.
Из того из угла из переднего,
Из-за того же стола из-за среднего,
Ставает удалой добрый молодец,
По имени Дунай да сын Ивановичь:
- 40 „Уж ты ой еси, солнышко Владимир князь!
Позволь мне теперь да слово вымолвить,
Не позволь мне за слово скоро сказнѣть.
Бывал я за морем за синним
У того же Семёна Леховитого,
45 Чёстя его да знаменитого.
Есть у его две дочери:
Больша-то Овдотья дочь Семёновна,
Зла поленица преудалая,
А меньша Опросенья дочь Семёновна,
50 Станом она статна да полна возрастом,
Волосом она руса да лицём бела,
Коса у ей руса до поеса,
Скрозь платье у ей тело видится,
Из костки в костку мозг переливца“.
- 55 Поехали они нынче свататьца.
А стречает их Овдотья дочь Семёновна во чистом поли
Тут они с Дунаем сразилися,
Сразилися и потом помирился,
Поехали топеря свататьца,
60 Сосватали себе Опросенью дочь Семёновну.

И тут и конецъ.

[ДОБРЫНЯ И ДУНАЙ]

- Кабы ездил Добрыня по чисту полю,
 А стрелял он гусей да белых лебедей,
 А ещё он стрелял да серых утицей.
 Увидел Добрыня во чистом полё,
 5 Во чистом поле тут шатёр стоит.
 Думучи Добрыня прираздумался:
 „Кабы русьский богатырь был — был белой шатёр,
 А как неверный богатырь — чёрн шатёр“.
 Приезжал тут Добрыня ко чёрну шатру,
 10 Слезывал Добрыня со добра коня,
 Спустил Добрыня к еговому коню своего коня:
 „Какой мой конь отгонит его — я побью его в чистом полё,
 А его конь отгонит, тогда он меня побьёт в чистом полё“.
 Тут кони поладились.
 15 Заходит Добрыня во чёрной шатёр.
 Тут де столы да розоставлены,
 И скатёртки на них подёрнуты,
 И питья-кушанья всякия разноличныя,
 Стоят тут бадьи мёду сладкого.
 20 Лёжыт тут удалый добрый молодец
 И вешня сабелька вострая.
 И хотел Добрынюшка отсекчи голову у его.
 Думучи Добрыня прироздумался:
 „Сонного убить — всё равно как мёртвого“.
 25 Стал он богатыря побуживать,
 Поехали они да во чистое полё,
 Бились-дрались да трое суток,
 Не ранились они да не кровавились.
 Говорит-то Добрынюшка Микитич блад,
 30 Стал его выпрашивать:
 „Какого ты роду, какого племени.
 Как тебя зовут по имени?“
 — „Зовут меня Дунай Иванович,
 Русский богатырь я“.
 35 Встават Добрыня и берёт его за руку:
 „Если русьский богатырь, мы побратуемся“.

(Больше-то пожалуй я и не знаю. Там ещё что-то было.)

[СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧ]

- Широка мать да Волга под Казань пошла,
 Под Казань пошла да под Вастрахань.
 Протекала-пролегалась мать быстра река,
 По прозванью речка Смородинка.
- 5 Она устьем пала в Волгу матушку,
 Волга-матушка пала во синё море.
 По синю морю тут кáрабль б жит,
 Бáско-хорошо корáбль изукрашенный:
 Нос да корма позолочены,
- 10 У того у кáрабля черленаго
 Вместо очей да было резано
 По тому по камню самоцветному,
 Вместо бровей было прибивано
 По тому же бобру по осистому,
- 15 Вместо ресниц было приклеено
 По тому ли соболу заморьскому,
 Вместо ушей было пришивано
 По той же лисице по бурнастой,
 Вместо хвоста было привязано
- 20 По тому ли волку по рысучему.
 Кабы весь де корабль да по звериному,
 Хобот-от мецет по змеиному,
 Не флюгер на дереве шатаётся,
 Будто лютая змея да извивается.
- 25 На том на корабле да на черленном
 Бежит тут Соловей Будимирович.
 Бежит он во землю во Литовскую
 К тому же королю ко литовскому,
 Он не торги торговать, не житьём пожить,
- 30 А о добром о деле о сватовстве
 На той же Аннушке Потатесне.
 А забелели тут пáрусы полотнены,
 Забегали во гавани во тихия,
 На тыи на якоря булатныи,
- 35 Выпускали де сходи на берег.
 Стал тут Соловей снарезаться,
 Берёт тут Соловей царю подароцьки:

- Берёт он лисиц парú,
Ещё он берёт ему другú парú,
40 Ещё он берёт ему третью парú,
А королевны он берёт хрущатой камки.
И пошел тут Соловей Будимирович.
Впереди его Соловья тут сукна стелят,
А под пегу Соловью во трубу вертят.
45 Во первой терем зашел — тут щокцят-моцят,
Щокцят де моцят да богу молятца.
Во второй терем зашел — тут щокцят-моцят,
Щокцят де моцят да богу молятца.
Во третьей терем зашел — тут щокцят-моцят,
50 Щокцят де моцят да богу молятца.
Стал тут Соловей короля дарить:
Дарил ему он лисиц парú,
Дарил ему ещё другú парú,
Дарил ему нынче третью парú,
55 А королевны он дарил да хрущатой камки.
Эти подароцьки им пригленулися,
Пригленулися им да всё в любви пришли.
Тогда тёплая вода у Аннушки по петам пошла,
Тапериця Аннушка домой пошла.
(Тут я больше не знаю. Сосватали должно быть.)

ИГНАТИЙ ДМИТРИЕВИЧ НОСОВ

Крестьянин, 62 л., д. Коровий Ручей, близ Усть-Цыльмы. Семейный. Малограмотный. Все его знание в области эпоса — былина о Василии Игнатьеве, которую он усвоил от отца своего Дмитрия Игнатьевича Носова. Былину эту, которую он называл стариной, передал словами, спев только самое начало.

Напев его беден, захватывает всего один стих наподобие напева духовных стихов. При пении вставлял не только частицы для ритма, но дополнял текст повторениями и вставками. По его словам, знал прежде еще „Про старого казака Илью Муромца“. Былину о Василии Игнатьеве он постоянно „рассказывает“ ребятишкам.

Былину исполнял в присутствии сына, молодого парня, и еще одного молодого крестьянина. Оба несколько раз пробовали делать вставки и исправлять — ясное свидетельство живого отношения к былине на Печоре еще в 1929 г. Оба они также употребляли термин „старина“.

[ВАСИЛИЙ ИГНАТЬЕВ]

- „Уж вы ой еси, да дети малыя,
Малые деточки глупыя!
Уж вы где были пооббыли?“
— „Уж мы были, наша матушка, во Шахове,
5 Уж были, матушка, нынче во Ляхове,
Стольней Киев град поперёк прошли.
Видели, матушка, не чудо ли,
Не чудо ли видели, не диво ли:
Как серёдка ночи ноченьки темной,
10 Как серёдка той ночи осенной,
Тёмной ночи осенной
Отворились ворота стольне-киевьские,
Выходила из ворот красна девушка
В одной де рубашечке без поеса,
15 Как в онных башмачках без чулочиньков,
Как несла она в руках божью книгу,
Уж божью книгу ивангелье.¹
Шла она по синю морю,
Брела она по полуколено,
20 Ещё того поглубже до поеса,
Ещё того поглубже до белых грудей.
Прикатилса к ней сер-горюч камень.
Клала нынче она божью книгу
На тот нынче-ка на сер горюч камень,
25 Стала читать да слёзно плакати,
Кабы безумна-то матушка — с ума сошла,

---

¹ До сих пор спел. Дальше рассказывал.

- А умна-то матушка — расплакалась".
Говорила им нынче родна матушка:
„Уж вы ой еси, да дети малыя!
- 30 Малыя детушки глупыя,
Вы не красну нынче девушку видели,
А видели матерь богородицю.
Учула она матушка невзгонушку:
Поднялся Егор да нынче Скóрляк царь,
35 Со Киршенком с зятелком с любимым,
Со Коньщиком с товаришшам с любимым.
А у их у собак да силы множество:
Поперёди собак да сорок тысячей,
По левой то руки да сорок тысячей,
40 По правой руки да сорок тысячей,
А позади-то собак числа-сметы нет".
Говорил нынче-ка как Скурлак царь:
„Уж вы ой нынче, мои дружья-приятели!
Кто же бывал на светой Руси,
45 Ёще кто говаривал по русьскому,
И кто толмачил по немецькому?"
Тут выходит тотарище старое,
Старо татарище, седатое.
Говорил ему нынче Скурлак царь:
50 „Вот бери-тко ерлык да скорограмотку,
Вот неси-тко ерлык да в стольне Киев град,
Ко тому ли ко солнышку Владимиру".
Он берёт де ерлык да скорограмотку
И несёт ерлык в стольне Киев град,
55 Ко тому ко солнышку Владимиру.
Не спрашивал у ворот приворотничков,
У дверей нынче придверничков,
Берёт он двери за скобу,
Отворяет он двери на пету,
60 Ихним богам он богу не молитця,
Челом не бьёт и головы не гнёт,
Кладёт ерлык скорограмотку
На свой скорописчат стол.
Оттуль тотарищо поворот даёт.
65 Берёт ерлык скорограмотку
Солнышко Владимир князь,

- Берёт ерлык он распечатывают,
Читал ерлык и запечалился.
О ту пору о то времечко
- 70 Подошла к ему свет Апраксея,
Говорит солнышку Владимиру:
„Што ты сидиш не по старому,
Што гледиш не по прежнему,
Повеся держыш да буйну голову,
- 75 Потупя держыш очи ясные,
По белу лицу слёзы катятця?“
Говорил нынче солнышко Владимир князь:
„Уж как мне нынче не печалитьце,
И как мне нынче не кручинитьця?
- 80 Подступил к нашему городу ко Киеву
Тот де Скурлак царь Смородович
Со Кишенком с зятелком с любимым,
Со Коньщиком племянником товаришшам.
У их у собак силы множество:
- 85 Попереди собак да сорок тысячей,
По левой руки да сорок тысячей,
По правой руки да сорок тысячей,
Позади-то собак числа-сметы нет“.
Говорил солнышко Владимир князь:
- 90 „Ой мои служаночки верныя,
Несите мне платычке чёрное,
Чёрное платычке пешеходное“.
На то служаночки были послушливы,
Несли ему платычке чёрное,
- 95 Чёрное платычке пешеходное.
Надевал нынче как платычке чёрное,
Чёрное платычке пешеходное,
Пошел вдоль по городу по Киеву.
Идёт навстречу подца-подсушина¹ шатаетця.
- 100 Говорил ему солнышко Владимир князь:
„Уж ты ой, подца-подсушина!
Где же ты нынче был, чего же чул?
Нету ли в городе наеждего,
Нету ли в Киеве напольного?“

---

¹ Пьяница. Объяснение исполнителя.

- 105 Говорит нынче подца-подсушина:
„Не с нами вы нынче думу думаете,
Не с нами вы толки толцете,
Думаете с татарами с боярами,
Ищо всё с людьми со бохатыма“.
- 110 Опять Солнышко вперёд идёт
Вдоль по городу по Киеву,
Опять стретилась подца-подсушина,
Идёт шатаецця, с боку на бок валяетця.
Говорит солнышко Владимир князь:
- 115 „Ой же ты, подса-подсушина!
Где же ты нынче был, чего же чул?
Нету ли в городе наеждего,
Нету ли в Киеве напольного?“
— „Был я нынче во черёвом¹ большом кабаке.
- 120 Пили мы тут гуляли трое суточки,
Со тим со Васенькой Игнатъевичем,
Пропили его всю золоту казну,
Пропили его платье чвѣтное,
Пропили его сбрую богатырьскую.
- 125 Забился Васенька Игнатъевич
На печку на муравленку,
Нечем Васеньке оправитьця“.
Пошел тут Солнышко прямо во черёв кабак.
Говорил чумачкам да человальничкам:
- 130 „Уж вы ой, чумачки да человальнички!
Наливайте-ка цярю² зеленá винá,
Не велику не малу — полтора ведра,
Всё со водочкой да со наливочкой,
Всё со крепкими со напитками,
- 135 Поднесите-ко на печку на муравленку
Ко тому де ко Ваське Игнатъевичу“.
Принимает де Васька единой рукой
И пьёт эту цяру за единый дух,
Тут за цярой-то Васенька выговаривает:
- 140 „Окатило у Васьки ретивó серце,
А не звеселило у Васьки буйну голову“.
Говорил тут солнышко Владимир князь:

---

¹ Царевом.

² Чару.

- „Уж вы ой, чумачки да человальнички!
 Наливайте-ко цяру зеленá вина,
 145 Всё со водочкой да со наливочкой,
 Всё со крепкими со напитками,
 Отнесите ко Васеньке Игнатьевичу“.
 На то чумачки были послушливы.
 Наливали цяру зеленá винá,
 150 Не много не мало — полторá ведра,
 Всё со водочкой со наливочкой,
 Всё со крепкими со напитками.
 Подносили де ко Васеньке Игнатьевичу.
 Принимает де Васенька едицой рукой,
 155 Пьёт эту цяру за единый дух,
 За цярой-то Васька выговариват:
 „Окатило у Васьки ретивó сердё,
 И звеселило у Васьки буйну гóлову“.
 Стал Васенька пó полу похаживать.
 160 Говорил солнышко Владимир князь:
 „Уж вы ой, чумачки да человальнички!
 Отдайте вы Ваське платьє чвётное,
 Отдайте Васеньке сбрую богатырьскую“.
 На то чумачки были послушливы,
 165 Отдавали де Ваське платьє чвётное
 И отдавали сбрую богатырьскую.
 Пошли Солнышко с Васенькой вон на уличю,
 И стал ему тут Солнышко рассказывать:
 „Уж ты ой еси, Васенька Игнатьевич!
 170 Подступил-то к нашему городу ко Киеву
 Тот нынчека вор Скурлак царь
 Со Киршенком с зятелком с любимым,
 Со Коньщичком с племянником товаришшэм.
 А у их у собак силы множество:
 175 Поперёди собак да сорок тысячей,
 По левóй руки да сорок тысячей,
 По правóй руки да сорок тысячей,
 Позади то собак числа-сметы нет.
 Тут вымал Васенька Игнатьевич
 180 Из своего кармана свой тóгой лук,
 Тóгой лук да каленú стрелу,
 И стал он свой тóгой лук натягиват

- И калену стрелу стал накладывать,
Сам стрелы стал приговаривать:
- 185 „Уж ты ой еси, моя стрела калёная!
Калёная стрела, перёная!
Полети-ко повыше лесу дремучего,
Пониже облачка ходячего,
Залети ко Скурлаку во черной шатёр,
- 190 Убей его родимого зятелка!“
Полетела стрелочка калёная
Повыше леса тёмного,
Пониже облачка ходячего,
Убила его любимого зятелка.
- 195 Тут писал Скурлак царь Смородович,
Он писал ерлык скорограмотку,
Отсылал он в стольне Киев град
Ко тому солнышку Владимиру:
„Кто у вас убил любимого зятелка
- 200 Без всякого бою, без кроволития,
Отдайте мне того виноватого“.
Тут они стали думу думати
С татарами с боярами,
С людьми да со бохатыма:
- 205 „Кохо мы пошлём виноватым?
Послать нынче нам Васеньку Игнатъевича,
Он эту грезу нагрёзил, пускай отгрезыват“.
Послали Васеньку Игнатъевича.
Идёт Васенька из городу и одумался,
- 210 Опеть Васенька воротитьце,
Ещё у ворот и колотитьце:
„Ещё я вам Васенька понадоблюсь“.
На то Васеньке ответу нет.
Опеть Васенька вперёд идёт,
- 215 Опеть Васенька одумался,
И опеть Васенька нынче воротитьце,
И опеть у ворот колотитьце:
„Ещё я вам Васенька понадоблюсь“.
Они на то ему отвечают:
- 220 „Нам больше Васеньки не надобно“.
Тут пошел Васенька во чисто полё,
Скликал своего коня доброго,

- Поехал он ко чернѹ шатрѹ,
 Заехал он в силу-рать великую.
 225 Наступила на его сила-рать великая,
 И тут он бил-рубил эту силу челы суточки.
 Много силушки повырубил,
 Остальня сила на убог ушла.
 И поехал Васенька в стольне Киев град
 (*Ещо он не сердится*).
 230 Наеждает он ко городу ко Киеву,
 Перескакиват он эту ограду высокую,
 Тут все ныне его стречают,
 Солнышко Владимир князь и все вельможи,
 Встречает его тут и молодая дочь
 (*Вот не помню имени, бат Милитриса Кирбитьевна*)
 235 У того у места у высокого,
 Заводит его во гриню во столовую.
 Тут и стали они пировать-столовать,
 И говорит нынче солнышко Владимир князь:
 „Уж ты ой еси, Васенька Иһнатъевич!
 240 И чего же от меня тебе Васеньке надобно
 За такую ослугу за великую?
 Надо тебе терем высокий —
 Поставим тебе терем против дворца“.
 Он говорит: „Не надо мне терема высокия“.
 245 Он говорит: „А если тебе надобно жениться,
 Дам тебе невесту каку надобно“.
 Васенька говорит: „Не надо мне красну девицю,
 Не хочу я пожениться“.
 — „А чего же тебе нынче надобно?
 250 Или надо тебе золотой казны?“
 А он говорит: „Не надо мне золотѧ казнѧ“.
 Говорит нынче Васенька Иһнатъевич:
 „Дай ты мне тако нынче дозволенъичко,
 Ходить пить зеленѧ вина
 255 По твоим черевам большим кабакам
 Безденежно до моей смерточки“.
 И тут пошли пьянюшки с Васенькой Иһнатъевичем,
 Тут пили-гуляли трое суточек.
 Я тут же был, мѣд-пиво пил, да дома остался.
 Тут всё, больше ничего нет.

САМОЙЛО МИХАЙЛОВИЧ НОСОВ

С. М. Носов — в 1929 г. крестьянин, 59 л., д. Карпушевка Усть-Цылемского района. Неграмотный. Мог сообщить только одну былинку об Илье Муромце и Соловье-разбойнике. Былинку усвоил от покойного отца. В семье С. М. Носова знал былины еще дядя Семен Евдокимович Носов, с которым Самойло Михайлович вместе пел в артелях. В данный момент мог былинку только сказать словами, но показал, на какой напев она исполнялась. Напев этот близок к тому, на котором пел свою былинку о Дюке В. П. Носов (см. напев XI).

Кроме былины, знал еще сказки про попов.

ПРО СТАРОГО

- Поехал старóй в стольней Киев град
Посмотреть князя со кнегиною,
Купцёй и людей торговых,
Всех христиан православных.
- 5 Стар был на коне наусед седой,
Под старым был конь наубел белой.
Выезжал он на ростани на широкия,
Лежыт на ростанях сер горючъ камёнъ,
Есь тут на камешки подписано,
- 10 Подрезами в камешек зарезано:
„Есь тут от камешка три дорожецки:
По одной дорожке ехать — быть богатому,
По другой дороге ехать — быть женатому,
По третей дорожке ехать — живому не быть“.
- 15 Тут стал старой, прираздумался:
„Ехати мне в ту дорожку, где быть богатому, —
На старость богачество — души пагуба;
Ехать мне дорожецку, где быть женатому, —
На старость мне жениться — чужа корысть;
- 20 Лучше я поеду в ту дорожецку,
В котóру живому не быть“.
- Заростала та дорожка тридцать лет,
Заселила тут Сóловей Рахматович.
Кто в эту дорожецку заезживал,
- 25 Тот обратно не выезживал.
Поехал старой в ту дорожецку,
Где живому не быть.
Одной рукой коня ведёт,

- Другой рукой сыры́ дубы́ рвёт,
30 Верьсто́вые столбики он повыставил,
Калиновы мостики повымостил.
Приеждает ко за́ставе ко первой:
Нако́паны тут по́гребы глубокие,
И наставлены ко́пья вострые.
- 35 У ста́рого конь тут обрушился,
Соскакивал старо́й со добра́ коня
И бьёт по круты́м бедрам:
„Ох ты конь мой конь, травяно́й мешок,
Зачем ты обрюшился?“
- 40 Вытаскивал старо́й тут добра́ коня́,
Опе́ть поехал вперёд по дороже́чке.
Подьеждает ко за́ставе ко второ́ей.
Сидит тут Солове́й Рахматович,
Сидит Со́ловей на двенадцети дубах,
- 45 На тринадцати мелких па́ддубков.
Засвистел Со́ловей по соловьиному,
Зашипел по змейному,
Тут у ста́рого конь на колёнца пал.
Бьёт старо́й по круты́м бедро́м:
- 50 „Ох ты конь ты конь, травяной мешок,
Не слышал ты граю вороньего?“
Тут и стал старо́й свой туго́й лук
Зарежа́т тут калену́ стрелу́
(Прежде бога́тыри с стрела́ми ездили),
Стал стрелки наговаривать:
- 55 „Ты лети, стрелка, выше лесу, выше тёмного,
Ты лети, стрелка, ниже облака ходячего,
Не падай ты, стрела, ни на́ воду, ни на́ землю,
Полети ты, стрелка, Со́ловью прямо в правый глаз,
Правым глазом, стрелка, за́лети,
- 60 А ле́вым глазом, стрелка, вы́лети!“
Правым глазом стрелка за́летела,
Ле́вым глазом стрелка вы́летела, —
Тут и пал Со́ловей на сырую землю.
Посадил тут он Со́ловья на степ лошадиную,
- 65 Путал пу́тами шелко́выми,
Поехал опять он тут вперёд по дороже́чке.
Были у Со́ловья семь дочерей родимых

И семь зятевей любимых.

Едет-подъезжает к дому ихнему Соловьиному,

70 Увидала тут дочи бóльшая,

Говорит: „Отечь-от едет — мужика везёт“.

А увидела тут дочи меньшая,

Говорит: „Мужик-от едет — отчя везёт“.

Тут и начали они зарезать тугі луки зятевья его.

75 Говорит Соловѣй тут Рахматович:

„Не натегайте тугі лукі,

Не зарежайте калені стрелы,

Просите лучше у дóбра молодця меня к себе,

Сулите злата-сѣребра“.

Он не приворотил, поехал в стольный Киев-град посмотреть кнезя со кнегиною. Приезжает тут в стольне Киев-град. Тут идёт пирóванье-столованье на весь мир. Он тут тоже сел. Он старой-от козак велел засвистеть в полсвиста, а он засвистал во весь свист. Старóй осердился, привезал Соловья за хвост коню и пустил в чистое поле.

(Дальше и не знаю. Чуть ли и не кончилась тем стáринка.)

Так он и очистил дорожку прямоезжую.

ВАСИЛИЙ ПРОКОПЬЕВИЧ НОСОВ

В 1929 г. В. П. Носов — крестьянин 65 л., из Усть-Цыльмы. Кроме занятия своим крестьянским хозяйством и рыбной ловлей, делал лодки. Был женат во второй раз. От первого брака у него остались сын Игнатий, живший со своей семьей в другой половине дома, и две взрослых замужних дочери, от второго брака — шесть детей: пять девочек и сын на втором году. Чтобы поддержать эту свою вторую семью, Василию Прокопьевичу приходилось очень много работать. В дни нашего пребывания в Усть-Цыльме он вместе с братом своим Яковом выполнял большой подряд — несколько лодок. Возвращался домой страшно усталый и мне с большим трудом удалось уговорить его петь былины. В. П. Носов немного грамотный, в школе не был, но учился дома. На военной службе не был, из городов жила только в Архангельске. Дома у Василия Прокопьевича было бисто, виден был некоторый достаток. Сам В. П. небольшого роста, с рыжевато-чородой, голубыми глазами на всегда изнуренном, усталом лице. Приветливый, очень любит своих детей и ласков с ними.

О Василии Прокопьевиче, как хорошем сказителе, говорили мне многие в Усть-Цыльме: „Василий Прокопьевич как выедет из лодочки (на рыбную ловлю), так и запоеет, так и слышно“. И сам В. П. не скрывал, что любит петь старины и поет их. Обыкновенно он пел вместе с братом Яковом, который всего на два года моложе его, или с племянником Иваном Григорьевичем Носовым. При этом начинал Василий, Иван Григорьевич или Яков, у которого, по его словам, память плоха и который повтому не мог петь самостоятельно, подхватывали. Конец колена Яков протягивал с замысловатой фиоригурой. На такое совместное пение я была специально приглашена Василием Прокопьевичем в один из выходных дней, причем в качестве слушательницы приглашена была и большая приятельница семьи Носовых Анна Петровна Чупрова, старая девица, знаток старообрядческих духовных стихов и большая любительница слушать пение старин.

Василию Прокопьевичу подпевала также старшая дочь его от второго брака Марфа, 15 лет, которую отец обучал своему искусству. Былину о Дюке Марфа уже довольно хорошо знала и удачно подпевала во время исполнения ее отцом. Слегка подпевала и присутствовавшая в это время тринадцатилетняя внучка В. П. Носова Татьяна Игнатьевна. Таким образом в младшей части семьи В. П. намечались его возможные преемники, сын же Игнат и старшие дочери старин не знали.

Своими учителями в области былинного мастерства Василий Прокопьевич считал дядю своего Игнатия Михайловича Дуркина и Игнатия Васильевича Торопова, которые пели на осеновьях (лов белой рыбы осенью на озерах артелями. Об условиях работы на осеновьях см. Онч., стр. XXIII). Пел также и отец Василия — Прокопий Носов. Былины Василий Прокопьевич называл „старинами“. Но он не был вполне уверен, было ли на самом деле все то, о чем рассказывается в былине. Пел былины на два „ясака“: на один, более медленный, исполнял „Дюка“, „Сокольника“ и „Скопина“, на другой, более быстрый, который, по выражению В. П., „полегче“, — „Дуная“ и „Маринку“. Все былины записаны от него прямо с пения. Записанное он потом прослушивал, но вставок и исправлений, кроме как в двух-трех случаях, не делал.

Василий Прокопьевич из печорских сказителей — лучший представитель классического стиля, хотя и не избежал, в известной степени, общей печорской тенденции к снижению образов и к обыденно-житейской их окраске (см. в особенности былину о Маринке). Тон былин В. П. Носова — спокойный, ровный, эпический. Это особенно воспринимается при сопоставлении стиля его былин с динамичным, полным движения, порывистости и стремительности, стилем Еремея Чупрова. В былинах В. П. соблюдается „обрядность“, тексты отличаются большой художественной и детальной разработкой отдельных картин (см., напр., вступительную часть былины о Дюке).

При этом В. П. Носов — носитель оригинальных обработок былинных сюжетов, довольно сильно отличающихся от других печорских редакций тех же сюжетов (см. примечания к отдельным сюжетам). Но, не имея текстов, послуживших источником для В. П., мы не знаем, за чей счет отнести это своеобразие, и в какой мере именно Василий Прокопьевич был творчески самостоятелен в деле оформления сюжетов.

Яков Прокопьевич Носов, 63 л., грамотный, был на военной службе.

Василий Прокопьевич Носов.

СОКОЛЬНИК

- Ай на горах на горах крутых,
 Ай на шоломах на горах юкатистых,
 Ай-я за́стали там на за́ставы бо́хатыри.
 Ай-я берегли-стерегли да стольнёй Киёв град,
 5 А не много тут богáтырей — тридцеть три.
 А и во перьвых старой казак Илья Муромец,
 Во вторых Дунай да сын Иванович,
 Ай-я во третьих Олёшенька Попович блад,
 Ай-я во четвёртых Добрынюшка Микитивич,
 10 Ай-я во пятых была тут Васенька Окулович,
 Во шестых Васенька Буслаёвиць,
 А и как всех по имени не в́ысказать,
 Ах и как по изотчине не звéличать.
 Ай-я по утру нонь было по рáному,
 15 Ай-я старой казак провожаетця,
 Ключевой ле водой е умываетця,
 Аж он браным полотенцем вытираетця.
 Вынимал ле трубочку подзорную,
 Он смотрел ле гледел во чистó полё,
 20 А-на ювидала во чистóм поле доброго молодца..
 Кабы ездит молодец потешаитце,
 А-на калёную стрелочку подстреливат,
 А на землю ту стрелку не ранивал,
 На полёте сам стрелочку подхватыват.
 25 А ще как это старому за беду стало,
 За досаду великою показалосе:
 „А ще как нас то богáтырей ничем зовёт,
 Как ницем ле зовёт, ми во что кладёт“.

- Ай-я говорил ле старой да таковы́ слова́:
30 „Мы кого же нонь пошлём за молоды́ем?
Ай-я пошлём нонь Добрынюшку Микитича:
Аж Добрынька у нас да вежлива,
А ще как вежлива роду была учестлива,
Ёна умеет с людьми съехаться,
35 Ёна юмеет с людьми да поздороватьце,
Ёна умеет Добрыня людям честь воздать“.
А ще как и стал Добрынюшка срежатися,
Ай как скоро наш Микитич сподоблятися,
А берёт своего коня доброго,
40 А кабы берёт он его за шолко́в повод,
А налаживал на своего коня шолко́в повод,
Стремена наступил да на коня скочил,
А да поехал-погонил во чисто́ полё,
А да ювидели во чисто́м поле курева́ стоит,
45 Курева́ стоит да дым столбом валит.
Ён ле скоро пригонил к добру молодцу,
Говорил Добрынька таковы́ слова́:
„А ще ты здраствуешь, да доброй молодец!
Ты ле едзиш, гуляш, потешаишсе,
50 А как ту ле стрелочку постреливаш,
На полёти ле стрелочку подхватываш,
А на землю ту стрелочку не раниваш,
А ще как наших богатырей ничем зовёш,
А ничем нас зовёш, ни во что кладёш“.
55 А подъезжает ко Добрыньке ко Микитичу,
А снимает со добра́ коня,
Аж как дал на ж... ту потёпышу,
На другую дал ему по ёлабышу,
Ай-я посадил Добрыньку на добра коня́:
60 „Поеждя́й назад, Добрынька, на за́ставу,
Ты скажи теперь старому Илье Муромцу,
Аж как после старой г..... не заменеецца,
Если хочет, пусть едет во чисто́ поле
Побитися со мной поратися,
65 Попробовать силы молодецкия“.
Ай-я приехал Добрынька ко белу́ шатру,
А и тут стал Добрынька им рассказывать.
А ю старо́го тут очи ясны помутилисе,

- Могучи плечи его да расходилисе,
70 А ще как и стал старой скоро срежатися,
А и скоро ле старóй стал сподоблятися.
А-на берёт свою приправу да богатырскую,
А и как сабельку берёт ён булатною,
Ай-я копейцо берёт да бурзамецкоё,
75 А бурзамецкоё копейцо да долгомерное,
Ай-я палицу ту буёвую,
Ай да стал ён тут седлать коня доброго,
А наложивал седёлышко черкальчето
А-на ле клал на брюхо пята подпругов,
80 А и шестой он полóжил через хребétину,
А и не для ради басы, ради крепости,
Штоб не оставил добрый конь во чистом поли.
Ай-я и стрёмена наступил, на коня скочил.
А ще и отправилса-поехал во чистó полё,
85 А-на ювидели во чистом поли куревá стоит,
Куревá то ле стоит — дым столбóм валит.
А и да скоро пригонил к добру молодцу,
А ще сразу ле с ним съехались
Как на те нонеце на сабельки булатные.
90 Ани бились тут махались добры молодцы,
Ай-я по насадоцкам сабельки измахалисе.
Ай-я во вторóй раз ребята еще съехались
Как на те нонеце копейца долгомерныя.
Ай-я копейца да те изломалися,
95 По насадочкам копейца да извихалисе.
Ай-я они съехались на палицы буёвые,
А ще как палицы опять у них сломалисе,
По насадочкам они извихалисе.
Ай-я скозили робята со добрых коней,
100 И схватились они на рукопалочку.
А ще бились тут робятушки боролисе.
А кабы бились тут робятушки трое суток,
Ай-я до колена о землю прибилисе.
Ай-я по старому бесчастью по великому
105 Кабы правая нога подскользилася,
Кабы левая рука опустилася,
Как упал ле старой на мать сыру землю.
Налетел Сокольник ему на белы груди,

- А-на выхватывал кинжал свой булатный нож,
110 А-на взмохнул тут старому во белы́ груди,
А ле старому по бесчастью по великому,
Ай-я попало старому во чуден крест.
Ай-я взмолился старой богородице:
„А ще ты, пресвета мати богородиця,
115 А ще ты выдала меня да на поруганьё,
Ай-я на поруганьё, на покор?“
Ай-я лежит старой сам чувствует —
А ще как много силы прибыло.
Ай-я стрепеснулса старой как белой куропат,
120 А ще скочил старой да стал на резвы́е но́ги,
А ще хватил Сокольника за жолты кудри,
А и подымал ёго выше буйно́й головы,
А опустил его на матушку на сыру землю,
А и садилса старой ему на белы́ груди.
125 Ай-я вынимал кинжал свой булатной нож,
А-на взмахнул своей рукой правое,
Ай-я завид-рука у старого застоелоса,
А ще говорил ле старой да таковы́ слова:
„А ще ты ой еси, юдалой молодец,
130 А ще коей ты земли да коего города,
А ще которого отца, которой матушки,
А ще как ты 'молодца ёменём зовут?“
Ай-я говорит Сокольник, ответ дёржы́т:
„Кабы я был у тя на белых грудях,
135 Я не спрашивал ю тя роду-племени,
Я не спрашивал ю тя да ё́тца-матушки,
Есле хочёшь пори мои белы́ груди“.
А ще взмахнул старо́й во второ́й након.
А ще в локтю у его рука застоеласа,
140 А ще говорил ле тут старо́й да таковы́ слова:
„Да ты хой еси, юдалый доброй молодец,
А ще которого отца, которой матери,
А уж как отца именём зовут?“
А ще говорит ле Сокольник, ё́твет дёржы́т:
145 „Кабы был я ко́гда у тя на белых грудях,
А ще не спрашивал ю тя роду-племени,
А не спрашивал ю тебя отца-матушки,
Есле хочёш пори мои е белы́ груди́.

- Ай-я взмахнул ле старой на третей раз —
150 А ще в плече у его рука застоялосе.
А ще говорил ище старой его спрашивал:
„А ще ты ой еси, удалой молодец!
А ще как ты молодца да ле именем зовут,
А ще как тебе величают по ётечеству?“
155 А говорит ему Сокольник, ётвет дёржыт:
„Аж зовут меня да добра молодца,
А зовут то меня право Сокольником.
А ще как есь у меня матушка родимая,
А ще как та нонече палениця право Златыгорка“.
160 А берёт его старой за праву руку,
А ще целует его в уста ле да во сахарные,
А ще называет его право своим сыном,
Аж как тут молодцы да ле помирились,
А ще назвались они братьема ронными то,
165 А ще поехали теперь далеко ко белым шатрам.

71

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

- Ай во етоей ай да во Нижной Малий да Галицое,*
Ай да есь ле да там живёт пречесна вдова,
Как по емени ай Ёмельфа да Темофеевна.
А-сь да как есь у ей да едино чадо,
5 Ах да молоды да Дюк да Степановець,
А да немного е от рожденьица да двенадцать лет.
Ах да предумалосе ему да приохотилосе
А-сь как съездить да сходите ко синю морю,
А на ти нонеце да крутые да баские бережка,
10 А на те нонеце ай пески е жолтые да макарёвские,
А пострелят-то там гусей, белых лебедей,
А-сь как серых маленьких ютёнышов.
А стал он просить у матушки благословленьица
А от буйной головы да до сырой земли,
15 А дала ему да мати благословленьице
А-сь как съездить-сходите ко синю морю,
А на те нонеце крутые да баские бережка,
А на ти нонеце пески жолты макарёвски.

- Ай да стал тут нонеце Дюк право срежатися,
20 А молодый как стал собиратися,
А набрал тут свой право тугой лук,
А набрал ту ле стрелоцки калёныя,
А калёныя а ле стрелоцки перёныя,
А не простым оны перьём всё ёрлинским,
25 А не простого ле ёрла да сезокамьского,
А-сь сезокамьска ёрла право заморьского.
А пошел Дюк ле на конюшен двор,
Брал юздечку он тесменную,
Юздал он коня да троелетоцька,
30 А юздал ле тут право налаживал,
Ай седёлко на его право накладывал,
А-сь стрёмена наступил да на коня скочил.
А-на поехал-погонил да ко синю морю,
А на те нонеце крутые да ле баськие бёрежка,
35 А на ти нонеце жолтые пески макарёвские,
Ай пострелял тут он гусей да белых лёбедей,
Ай кабы серых да маленьких ютёнышов.
А оттуль ле Дюк понеце поворот даёт.
А-на поехал ле на горы да высокия,
40 А на те нонеце ле окаты на прекрасныя,
А станювил он своёго коня доброго,
А вынимал он тут ле трубоцьку подзорную.
А смотрел ле под сторону под северну, —
А ён видал там ле море ледовит окиян,
45 А стоят ле там ледá там ледяны горы,
А смотрел ле он под сторона под летноя, —
А да видать там што ли знаменуеця,
Ай ровно стольнё Кеев град оказуетца.
А направил ле своего коня доброго
50 Аж ко тую ле нонеце стóронну куда путь лежыт.
Ай говорил ле тут да его доброй конь,
А говорил ён ёзыком человеческим:
„А-сь ты ой еси, молодый Дюк¹ Степановиць,
А не могу я тя нести до стольней Кеев град:
55 А корьмил миня травой право осочною,
А поил миня водой право болотнаю.

---

¹ Ю в слове Дюк звучит иногда почти совсем как ё.

- Поеждй назад ты да в Нижнюю Галицю,
 Ай-яй¹ поставь меня да на рели на высокия,
 А насыпь мене пшено белояровое,
 60 А попой миня водое право ключёвоей.
 Ай-яй да не много время пройдёт, право шесь дён,
 А поезждй тогда на мне да во стольнёй Кеёв град,
 А не будут нас дёржать реки быстрые,
 А не будут нас дёржать ручьи прегрóbлые:
 65 Аж² как быстрыя ти реки на скоку скоцйм,
 А прегрóbлые да руцьи шага шагнём“.
 Аль поехал тут ле Дюк в Нижнюю Галицу,
 Он превёз домой гусей право лёбедей,
 Аж как серых тут малых ютёнышов.
 70 Ай поставил ён своёго коня доброго,
 А на те нонеце на рели на высокия,
 А насыпал ~~ж~~ пшено белоярово,
 А налил ле воды право ключёвоей,
 А-на сам тут пьёт да сам кушаёт.
 75 А да немного прошло времецко как шесь ле дён,
 А придумалось Дюку да приохвотилось
 Аж как съездить ему дале в стольнёй Киев град
 А посмотреть князя да со кнегиною,
 Аш как всех тут русских богатырей.
 80 А да не белыя берёзынька да загибаетца,
 А не малиновы листоцики да расстилаютца,
 А упадывал ле Дюк да сын Степановиць,
 Ай ко своей родимой да право матушки.
 Он просил у ей и благословеньицэ,
 85 А ён от буйной головы до сырой земли.
 А не даёт ему мати благословеньица,
 А и говорит Омельфа да таковы слова:
 „Аж молоды ты Дюк да сын Степановиць,
 А да не в полном ты во полном вóзрасте,
 90 Ай куда же ты поедеш да куда путь найдёш?“
 А говорит нонеце ле Дёк, ответ держйт:
 „Аж ты ой еси, родима моя матушка,
 А по емени Омельфа Темофеевна!

¹ я близко к е, иногда ай-ей.

² ж в частице аж у В. П. Носова не совсем переходит в ш.

- Аж ты даш ты мне право благословленьца,
95 Ай не даш ле мне ты благословленьца,
Аж да поеду ле ноне да в стольней Кеїв град".
Ай да даёт ему мати благословленьца,
Ай от буйно́й головы до ле сырóй землй.
Ай да стала ему мате да тут наказывать,
100 Аж как стала тут родима наговаривать:
„Аж ты ой еси, молодые Дюк Степановець,
Аж ты приедёшь можот скоро в стольней Кеїв град,
Ай и князя да ноне да не случитца ведь,
А он уйдёт ко обедне воскресеньской".
105 Ай да стал ле тут нонь Дюк право срежатися,
А молодья нонь тут сподоблятися.
А надел ле на себя да шубу кунюю,
Он да взял да тут да припра́ву да богатырьскую,
Аж как брал ле он да сабельку булатную,
110 А копейцо ле брал он борзومهцкоё,
А борзومهцкоё копейцо долгомерноё.
А-на как брал ле палицу буёвую,
Ай да брал ён за тонкий [конец],¹
А и пошол право на конюшен двор,
115 А юздал там седлал коня добраво,
Он привёл ко крылецику перёному,
А да выходит тут б' матушка,
Она стала тут ле ему правó наказывать,
А дорогим тут ле стала наговаривать:
120 „Аж ты ой, молодьи Дёк Степановиць!
Ай посадят тебя да можот на почестен пир,
А ты не пей тут много зеленá винá,
А да не хвастай ле сам своим богатесвом,
А не хвастай своими конями добрыми,
125 А не хвастай своим платьем цвeтнým,
А не хвастай ле да своей золотой казной,
Не хвастай много старой матушкой".²
А да стал ле тут он снарежатися,
А сам садилса на добра коня,
130 А стремена наступил да на коня скочел,

---

¹ В рукописи неразборчиво.

² Этот стих был вставлен дополнительно.

А да поехал-погонѣл да во чистѣ полѣ.
 А ювидали тут да ле в поле куревá стоит.
 А куревá ле то стоит да дым столбом валит.
 А ле скоро пригонѣл да в стольно Кеѣв град,
 135 А до ко тем ле ко полатам кнеженецким,
 А до ко тем ле ко дворам кнеженецким.
 А-на не спрашивал у ворот приворотников,
 А-на не спрашивала у дверей придверников,
 Ай да приехал-пригонел да ко красну крыльцу,
 140 А становилса тут да ле Дюк к дубову столбу.
 А соскакивал да ле Дюк да со добра коня,
 А-на вязал коня к винтову кольцу,
 Ай-я к винтову кольцу да золоцѣному.
 Ай-я заходит тут ле Дюк на красно крыльцо,
 145 А ле со красна крыльця заходит да во новѣ сени,
 А-ей заходит ён во гриню во столовую.
 А да богу ту молитца по писáному,
 А-на поклон да ле ведѣт да ле по учёному,
 А да молитву творит да ле полну 'сусову,
 150 А во вси стороны кругом да ле поклоняитця,
 Аш как матушке кнегины да во особицу.
 — „А ты здравствуй, удалый добрый молодец!
 А ты откуль нонеце едеш, куды путь дѣржѣш?
 А не видать то ле тебя в стольнем Кеѣве,
 155 А не слыхать то ле тебя добра молодца“.
 Ай говорит нонеце Дюк да ле ответ держѣт:
 „А из той ле из Нижней Малой Галицы,
 Из той же из Карелы из богатой,¹
 Аж дак там живѣт пречесна вдова,
 160 А да по емени Омельфа Темофеевна,
 А молодая нонь я Дюка сын Степановицъ,
 А да не многого рожденьица мне — двенадцать лет“.
 А да стал нонеце ле Дюк кнегины спрашивать:
 „Аж да где ваш солнышко Владимир князь?“
 165 Ай-йй говорит кнегина а ответ держѣт:
 „А-на шол ко заутрене христовой,
 А ко той к обедни воскресеньской,
 А да стоит тут ле ён на правом крылосе,

¹ Вставил при проверке.

- А по праву́ руку́ стоял его право старо́й козак,
170 А по леву́ руку́ да ле Дунай да сын Ивановиць“.
А да походит да ле нонь Дюк да во божью церкву,
А да ко той ко обедне да воскресеньскойей,
А да заходит да нонь Дюк во божью церковь,
А ён богу тут ле молитца по писанному,
175 А-на поклон ле ведёт по ючёному,
А да молитву ёна творил полну Исусову,
А во все стороны ён поклоняетца,
Ай-я да Владимиру кнезю да во особицу,
А-на подходит ко кнезю ко Владимиру,
180 А-на ставает ему да под леву́ руку́.
Ай говорит ле Чурилко да таковы́ слова:
„А да какое тут зашло за невежищо,
Аш как всех он стеснил русськех богатырей,
А да миня Чурилка да вовсе с места сжыл“.
185 А ей говорит а ле Дюк право ответ держы́т:
„А не то ноньце поют, не то слушают,
Аж как служат обедню воскресеньскую“.
Ай-яй говорил тут ноне Чурило во второ́й након:
„Ай-яй какое пришло тут невежищо,
190 Аж как всех он стеснил русськех богатырей,
Ай-яй мя-то Чурилка да вовсе с места сжыл“.
А говорил ле тут нонь Дюк да таковы́ слово:
„Ай-яй не то поют да не то слушают,
Аж как тут служат обедню воскресеньскую“.
195 А говорил тут Чурилко во третьёй након:
„Ай-я да какое зашло невежищо,
Аж как всех стеснил русськех богатырей,
А да меня то ле Чурилка да вовсе с места сжыл“.
Ай-я говорил тут нонеце Дюк да сын Степановиць:
200 „А не то нонеце поют, не то слушают,
Аж как служат нонь обедню воскресеньскую“.
Ай да отходит обедня воскресеньская,
А да выходят да нонеце все из божией церкви.
А молодые тут Дюк да сын Степановиць
205 А пораньше он всех пошел из божией церкви,
А становилса она в ворота церковныя,
Аж как всем ле наша Дюк да поклоняетца,
А да Чурилку да ле Дюк головы не гнёт.

- Ай пошол-то ле она за князем да за Владимиром,
210 А все сильнии да русские богатыри
А пошли ёни все ко кнезю ко Владимиру,
А сели за столы за дубовыя,
А за питъя за есва они сели за сахарныя.
Аж как все тут на пиру, да напивалисе,
215 Аж как тут на чесном да наедалисе,
Аж как тут на пиру стали пьяны-веселы.
Ай говорит тут нонь Чурила благо-Плёнкович:
„Ай-яй какое ле сидит за невежищо,
Ай-ей бел крупичат колачик ён розламыват,
220 А серёдку колачика выкусыват,
А-на как верхнюю короцку наверх стола кладёт,
А как нижнюю короцку под стол мечёт“.
Ай-я да это Чурилку не понравилось,¹
Говорил Чурилко да таковы слова:
225 „Аж ты ой еси, солнышко Владимир князь!
Какое у тя сидит невежищо:
А-яй колачика он розламыват,
Серёдка колачика выкусыват,
Ай да нижнюю короцку под стол мечёт,
230 Да верхнюю короцку на стол кладёт“.
А-яй говорит солнышко Владимир князь:
„Ты ой еси, Дюк да сын Степановицы!
Ай-я ты сидиш ю миня на чесном пиру,
А над божьим даром искитаеши:
235 Ай-я колачики ты у нас розламываш,
Серёдка колачика ты выкусываш,
Ай-я нижну ту короцку под стол мечёш,
А верхнюю короцку на стол кладёш“.
А говорит ле Дюк, тут ответ держыт:
240 „Да верхняя короцка пахнет сосенкой,
Ай-я нижняя короцка пециноцкой.
Ай-я у моёй родимоей матушки
А есь у нас пеценька муравлена,
А есь сподики у ей всё медляны,
245 А помёлышко у ей шолкóвое,
А-яй колачика съеш — другой пуще хочетця,

---

¹ Начиная с этого стиха спел на следующий день.

- А по другому колацику душá горйт“.
- Ай говорит ему солнышко Владимир князь:
„Ты ой еси, удалой доброй молодец“.
- 250 Ай подходит Чурилко да бладо-Плёнковичь,
Нападает на Дюка на Степановиця,
Ай-я говорит ле Чурило да таковы́ слова:
„Ай ты ой еси, да Дюк Степановиць!
А мы юдарим с тобой о велик заклад,
- 255 Не о ста рублей не о тысеци,
А о своей ле право буйной головы́.
А съкакать через реку Енисей-реку,
А съкакать право на добрых конях“.
- 260 Ай тут ударились юдалы добры молодцы,
А юдарились они не о ста рублях,
А не о ста ле рублях не о тысеци,
О своих ле о буйных право го́ловах.
Ай-я тут стали ребятушка срезатися,
Да стали юдалы да сподоблятися,
- 265 А поехали ёни на добрых конях
А ко той же Енисей-реке.
А тут много народу собиралось
А смотреть юдалых добрых молодцов.
Ай-я говорит Чурилко да таковы́ слова:
270 „Уж ты ой еси, Дюк да сын Степановиць,
А ле поеждй наперёд ты, Дюк Степановиць“.
- Говорит ле тут Дюк ответ дёржйт:
„Аж ты ой еси, Чурило да бладо-Плёнкович!
Не моя была право находоцка,
- 275 А твоя была право нападоцка,
Поеждй право наперёд ты“.
- Ай поехал-погонйл доброй молодец
По имени Чурило да бладо-Плёнкович,
Ай-я обрюшился среди реки его доброй конь.
- 280 Ай-я погонйл тут право Дюк Степановиць,
А хватал он Чурилу за жолты́ кудры,
А ён вытащил его через . . . . .,¹
А говорил ле Дюк ему да таковы́ слова:
„А ой ты, Чурило да бладо-Плёнкович,

---

¹ Пропуск в рукописи.

- 285 Ай-ей я срублю у тя да буйну голову“.
Ай говорит ле ему Чурило таковы́ слова́,
Да таковы́ слова́ да низко кланяетця:
„А во пёрвой вине да прости меня“.
Да на ето-то Дюк да соглашаетця.
- 290 А поехали они ко Владимиру,
Да сели опять да на почесен пир,
А до пьяна ребята да напивалиесе,
А во хмелю они да похвалялиесе,
А говорит опять Чурило да бладо-Плёнкович:
295 „А ты ой еси, Дюк да сын Степанович!
Ай которой мы можом'. . . . .¹,
Да пойдём туда во божью церковь,
А юдаримсѧ с тобой о велик заклад,
Не о ста ле рублей ле о тысяеци,
- 300 Ай о своей ле буйной да буйной гóловы“.
А на это Дюк да соглашаитця.
Да ударились ребята о велик заклад,
А-яй не о ста рублей да не о тысяци,
О своей-то о буйной гóловы.
- 305 Ай говорил то ле Дюк да сын Степановиць:
„Уж ты ой еси, Чурило да бладо-Плёнкович!
А у меня то дело приезжее,
Да у меня надо ехать за чистó полё,
А-ей достать платьє право цвѣтнóе“.
- 310 Да сдумал ле Дюк да сын Степановиць
Написать ле написать да скорограмотку
Ко своей ле матушке родимоей,
А-ей попросил у ей да таковó словó:
„Уж ты ой еси, моя мати родимая!
315 Ты пришли мне ли платьє цвѣтнóе,
Да цвѣтнóе платьє да самолучшеё,
Да в которое хожу во божью церкву.
Да в которое молитця хожу да осподу“.
Написал он ерлык да скорограмотку,
- 320 Выходил он ле Дюк да на юлицу ко добру коню,
Он полóжил седёлышко черкальское,
Он и правил своего коня доброго

---

¹ В рукописи пропуск.

- А во ту ле свою да Нижну Галицу,
Ко своёй ко родимой ко матушке,
325 Да конь везёт — только земля дрожит.
Да скоро пробежал поле чистоё,
Ай-яй прибежал он в Нижну Малу Галицу,
Ай-яй прибегает его право доброй конь,
А стал да конь ко красну крыльцу,
330 Ай-яй выходит да его ронна матушка,
Да по емени Ёмелфа да Сtimoфеевна,
Да смотрит седёлышко черкальское,
Да есь там ерлык да скорограмотка,
Да процитала ерлык да скорограмотку,
335 А покачала своей да буйной головой,
Ай-я покачала, сама заплакала:
„Уж ты ой еси, молодьи да Дюк Степановиць!
Уж и что я тебе право наказывала:
Да ты не пей много зеленá винá,
340 Да не хвастай да своим богачесвом“.
Ай-ей побежала она во кладовые богатые
Да за той за шубой право кунией.
А полóжила она на добрá коня́,
Да на тое седёлышко черкальское,
345 А отправила она его в путь дорожецьку,
А и конь бежит — только земля дрожит.
А и скоро пробежал нонеце чисто́ полё,
А прибежал в стольней Кеёв град,
А и становитца конь да ко красну крыльцу.
350 А и становитца конь, копытом бьёт.
Ай-ей выбегает тут Дюк да сын Степановиць
Ко своёму тут право да добру коню.
А и снял с себя право шолков поес,
А привезал его ко дубову́ столбу,
355 А ко дубову́ столбу да к винтову́ кольцу.
Да берёт с седёлка да шубу кунию,
А заходит во грини во столовые,
А говорит ле Дюк да таковы́ слова́:
„А ты ой еси, Чурило да бладо-Плёнкович!
360 А мы станем теперь да срежатися,
Ай-ей да станем с тобой да сподоблятися.
А пойдём мы с тобой богу молитися,

- А пойдём во божью церковь,
А да станем мы с тобой да по́ ряду,
365 Аж как по́ ряду станем да по́ близку.
Ай-ей пошли тут ребята да во божью церкву.
А-ей много народу собиралосе,
А-ей смотреть юдалых добрых молодцов.
А тут станут ребята роздеватися,
370 А тут станут ребята розболакатися,
А говорил тут Чурило да таковы́ слова:
„А ты ой еси, Дюк Степановицы!
А роздевай свою шубу куню“.
А говорит ему Дюк право ответ держит:
375 „А не моя была находоука-нападоука,
А раздевайся, Чурило да бладо-Плёнкович“.
А да стал тут Чурило да роздеватися,
А да стал тут юдалый да розболакатися,
А всё ли пошло тихо нáтихо,
380 Да всё ли прошло бáско нáбаско.
Ай-е да стал Дюк тут роздеватесе,
А ле Солнышко берёт да под праву́ руку,
А старóго берёт под леву́ руку,
А ле говорил Дюк да таковы́ слова:
385 „А ой еси, юдалы да добры молодцы!
А вы не бойтесь песенок разных,
А не бойтесь вы песенок змеинных“.
А и провёл по пуговкам своёй рукой,
А и кажна пуговка распоялася,
390 Ай-я из каждой пуговки вылетала змея,
Вылетали тут змеи право разные,
А закричали-запели разным голосом.
Ай-я божья церковь да пошатилася,
А и все тут ле народ упал,
395 А и все тут дьяки да причётники,
Ай-яй Солнышко стоит под право́й руко́й,
А старóй стоит под левóй руко́й.
Аж как стали тут Дюку наговаривать,
А и стали тут Дюка упрашивать:
400 „Да ты уйми змеёв разных,
А ле страху от них множество“.
Ай-ей повёл тут Дюк по пуговкам,

- На те змей да право разные,
 Ай-ей ото сну тут вси да пробудилисѧ.
 405 А отошла тут обедня да воскресеньская,
 Да пошли тут ко князю да ко Владимиру,
 Они сели за столы да за дубовыя,
 А за питья-ества да за сахарныя,
 А ёни стали тут пить да веселитися.
 410 Говорит тут Дюк да таково слово:
 „Уж ты ой еси, Чурило да благо-Плѣнкович!
 Да нельзя ли у тебя срубить да буйну голову?“
 А ле стали тут Дюка все юпрашивать,
 А и стали тут Дюка юговаривать:
 415 „А да во перьвой вины право ты простил,
 А во второй вины ты опять прости“.
 А на ето-то Дюк да соглашаетсе,
 Говорит только да таково слово:
 „А пускай не находит на меня Чурило да благо-Плѣн-
 кович,
 420 А пускай не находит право третиеей раз“.
 Ай-яй сидят тут ребята да забавляютьца,
 Да и стали опять пьяны-веселы,
 Ай-я все они ребята и приросхвастались.
 Ай-я подходит тут Чурило да благо-Плѣнкович
 425 Ко тому ле Дюку Степановицу:
 „Уж ты ой еси, Дюк да сын Степанович!
 Мы побѣмся с тобой о велик заклад,
 Ай-я не о ста рублей не о тысеци,
 А о своей ле право буйной головы:
 430 Да у которого больше будѣт богачесва,
 Да у которого больше будѣт имущесва,
 Ай-я у которого будѣт больше золотой казны,
 Золотой казнѣ да бесчѣтной“.
 Да все на пиру сидят задумались,
 435 Ай-я назначать стали писарей,
 А купили чернила на петьсот рублей,
 Да гумаги взяли они на тысецу,
 Ай-я да поехали они Чурилу описывать,
 А и всё ли его право имущесво.
 440 А описали Чурила всё имущесво,
 Да выдержали чернила да на петьсот рублей.

А гумаги издержали на тысецу.
 Да пришли тут ребята на почесен пир,
 А и стали ёни вси рассказывать:
 445 „Описали мы Чурила благо-Плѣнковиця,
 Да всё его житьё всё имушесво,
 Ай-я повыдержали чернила на петьсот рублей,
 Да гумаги повыдержали на тысецу“.
 А и говорил ле тут Солнышко да таковы́ слова:
 450 „А уж ой еси, Дунай сын Ивановицы!
 Поеждяйте теперь в Нижнюю Галицу,
 Ко тому ле Дюку Степановичу,
 А описывайте [там всё имушесво“.
 А и скоро тут ребятушка срежались,
 455 А и брали чернила на петьсот рублей,
 Ай-яй гумаги берут ёни на тысецу,
 А да поехали юдалы добры́ молодцы,
 А да в ту Нижнюю Малу Галицу,
 А и в ту ле Карелу пребогатую.
 460 А да скоро они проехали по чисту́ полю,
 А проехали ребята поле чистоё,
 Ай-я приехали они в Нижнюю Галицу,
 А к тому ле дому Дюкову.
 Ай-ей становились ребята ко красну крыльцу,
 465 Ко красну крыльцу да ко дубову́ столбу,
 А ко дубову́ ле столбу да к винтову́ кольцу,
 Да к винтову́ ле кольцу да золоцёному,
 Ай-я заходят то ребята да на краснó крыльцо,
 А и заходят во гриню столовую:
 470 „Ай-я здравствуй, Ёмельфа Темофеевна!“
 А говорит тут девушка служаноцка:
 „А не Дюкова ведь я тут матушка,
 Я ле Дюкова право служаноцка,
 А ушла ёго матушка во божью церкву,
 475 А ушла она богу помолитися,
 Да ко той ле заутрене ко христовой,
 Да ко той ле обедне воскресеньской“.
 Да отходит обедня воскресеньская,
 Ай-я видать там идёт Дюкова матушка,
 480 А впереди ле идут молоды́ молодушки,
 Они стелят сукна право красные,

- Позади тут идут да красны девушки,
 А завёртывают сукна да право в трубочку.
 А пришла Дюка ронна матушка,
 485 А и сидят во грине добры молодцы,
 А добры молодцы да поздоровались,
 А и низко сама им поклониласе.
 А и становили тут столики дубовыи,
 А нанесли тут питья-есва сахарныи,
 490 А поили тут юдалых добрых молодцов,
 А нанесли тут разных напитоцьков,
 А принесли тут братынецку немалую,
 А у ей братынецки двадцать пять рожков,
 Ай из каждого рожка разные напитоцки.
 495 А говорит Дюка матушка после этого:
 „А уж вы ой еси, юдалы добры молодцы!
 Зацем сюда нонь пришли да приехали?“
 Ай-яй говорят тут юдалы добры молодцы:
 „Мы от Солнышка князя посланники
 500 Ай-яй мы описывать тут всё твоё имущесво,
 А мы описывать тут всё твоё богачесво“.
 Ай-яй говорила Ёмельфа тут, ответ держйт:
 „А уж ой еси, юдалы добры молодцы!
 А уж как у Дюка право трёх дома,
 505 Да ле три ле стали высокй теремá,
 А хорошо они баско изукрашены,
 А да разными . . . . . изнаряжены,
 Ай-яй на крыше у нас . . . . . ¹
 Ай-яй есь у нас стоит ещо конюшен двор,
 510 А есь там стоят кони добрыи,
 А и вся там сбруя лошадиная.
 А да пишите перво конюшен двор,
 Пишите-цените коней добрых,
 Да и всю ныне сбрую лошадиную“.
 515 А пошли тут ребята на конюшен двор
 Да описывать всё их имущесво.
 А писали они ценили коней добрых,
 А всю нонеце сбрую лошадиную,
 А ценили-писали право конюшен двор.

¹ Пропущено собирателем.

- 520 Зашли опять во гриню во столовую,
А и стали описывать право перьвой дом,
А в котором живёт Дюк Степанович,
А в котором всё его платье цвётное.
А описали ёни право перьвой дом,
525 А повыдержали чернила на петъсот рублей,
Да гумаги издержали да на тысецу.
Ай-я тут молодцы скоро поворот держат,
Да и тут с Омельфой роспростилисе,
Ай-яй поехали скоренько во стольней Кеев град.
530 А и скоро проехали поле чистое,
А и скоро приехали во стольней Кеев град,
А заходят ко князю ко Владимиру.
А и все тут ребята собиралисэ,
А и все тут снова на почесен пир,
535 Аж как стали тут ребята рассказывать
Как про Дюково всё про именище:
„А мы повыдержали чернила на петъсот рублей,
А гумаги издержали на тысецу,
Ай-я описали ю Дюка только конюшен двор,
540 Ай-я да первое-ет дом стали описывать,
В котором живёт Дюк Степановиць,
Ай-я не стало у нас право чернила ведь,
Не хватило у нас право гумаги то.
А мы сидели у Омельфы на чесном пиру,
545 А в той ле во грине во столовая,
Ай-я нанесли питья-есва сахарныя,
А и разныя напитокки хмельныя,
Ай-яй принесли братыньку двадцать пять рожков,
А из каждого рожка разныя напитокки,
550 А напитокки ети всё хмельныя,
А етой братыньке не могли оценки дать“.
А сидит тут Чурила запечалилса,
А опустил свою буйну голову,
А в землю глядят оци ясные.
555 А ишшо говорит ле Дюк да таковы слова:
„А ты ой еси, Чурило благо-Плёнкович!
А выходи-то теперь на юлицу,
А ставай-ко-ся на площадь на широкою,
А срублю я ю тя буйну голову“.

- 560 Ай-я как стали тут все тут юпрашивать,
А и стали тут вси да юговаривать.
А и говорил ле Дюк да таковы слова:
„А не могу я прощать больше в трётрей раз“.
А уж как брал тут Дюк саблю вострую,
565 А и смахнул тут Чуриле буйну голову,
Говорил ле ещё да таковы слова:
„Пускай не находит на меня третий раз“.

[ДУНАЙ]

- Ай-я во стольнем во городе во Кееве,
Ю ласкова князя ю Владимира
Заводилса право почестен пир.
Про всех про русских богатырей,
5 Про всех палениц удалых,
Про всех ле купцов людей торговых,
Про всех ле бояр толстобрюхих,
Про всех ле крестьян православных.
Да все на пиру да напивалися,
10 А да все на чесном да наедалися.
А ще из-за того ли стола из-за переднего,
А ще из-за тое лавки со дубовой,
А ще встаёт ле солнышко Владимир князь.
А ще выходит серёд на кирпичат пол,
15 А ще Солнышко по пиру похаживает,
А ще сапог о сапог покалчивает,
А как гвоздик о гвоздик ён пощёлкиват.
Буйной ле ён главой он покачивает,
Ай-я жолтыми кудрями ён потряхиват,
20 Ай-я белыми руками размахиват,
Ай-я злачныма перстнями он побрякиват,
Ай-я тихо-смирную речь да выговариват:
„А ще вы все тут руськие богатыри,
А ще вы все сидите тут поженены,
25 А у всех вас жоны повыбраны“.
Аж как все сидят да приёдрогнули,
А как приёдрогнули да приужахнули.

- А как старший хоронетця за среднего,
А средний хоронетця за младшего,
30 А от младшего ответу нет.
Ай-я един Дунай право весёл е сидит,
Весёл сидит, высоко гледит,
Ай-я говорит ле Дунай да таковы́ слова:
„А ты ой еси, солнышко Владимир князь,
35 Ай-я не буду ле за слово вешаной,
А я не буду ле за слово в ссылку сосланой,
А я не буду право расстреляной“.
А и говорил право Владимир солнышко князь:
„Столько же, Дунай, да не упадывай
40 Не единого словечка не утаивай,
Ай-я не будёш ю меня казнён-вешаной,
А не будёш ю меня в ссылку сосланой,
Ай-я не будёш ю меня право расстреляной“.
Ай-я говорит ле Дунай да таковы́ слова:
45 „А и прежде досель в молодú порú,
Ай-я бывал я живал в земле дальней,
А и в дальней земле да в турецькой,
А и в турецькой земле да в королевской,
А и в королевской земле да юидейской,
50 Ай-я у того я у князя юидейского,
У того ле Семена да Леховитого.
Ай-я три года жил ю него во конюхах,
А я три года жил ю него во писарях,
А я три года жил ю него во стольниках.
55 Как миновалось пора-временчко,
Немного прошло, право деветь лет.
Ай-я да было у Семена две дочери:
Большая да дочь Овдотья Семёновна,
Да зла паленица да приудалая,
60 А меньшая то дочь Опрасенья дочь Семёновна.
А не бывала Опрасенья на светой Руси,
На светой Руси да в каменной Москвы
А и сидит ёна в крепкой тюрьме,
А и в крепкой тюрьме в каменной,
65 Ай-я сидит за семима стенами каменными,
За семима дверями за железными,
За семима замочками немецкими,

- Ай-я за семима околєнками хрустальныма,
 Сидит она на стульчаке ремещатом.
- 70 Ай-я статным она статна́ полна возраста,
 Волосом она руса́, лицом бела,
 Ай-я сквозь ейну рубашку тело видетця,
 Ай-я сквозь ейно тело да кости видятця,
 Ай-я сквозь ейны кости мозг переливаетця,
- 75 Не скачєн ли жєньчуг перекатаєтцє.
 А щє как можно перєд кнєжєм стоять.
 А щє как можно кнєгиною звать“.

МАРИНКА

- Ай-я предумалось Добрыньке да приохвотилось,
 Как пройти Добрыньке вдоль по городу,
 Ай-я пройти ле Добрыньке вдоль по Кееву,
 Ай-я по тем переюлкам по Маринкиным.
- 5 А щє ювидал Добрынька да сїзых голубов,
 А ле на том на высоком право тереме,
 А щє на том ле на тереме Маринкином,
 Ай-я предумалось да приохвотилось
 А щє подстрєлите сїзых голубов.
- 10 А щє натегаєт Добрынька свой тугой лук,
 А-на накладывает свою стрелочку калєную,
 А щє стрелочку калєную да ле перєную.
 По еговому по бесчаштью по великому
 А щє правая нога подскользиласє,
- 15 А щє как лєвая рука да потрєхнуласє,
 А щє как ле влетала Добрыньки да калєна стрєла
 Во раму во хрустальную,
 Ай-я розбила-розломала раму хрустальную,
 Розорвала занавесочку шолковую,
- 20 Ай-я прострєлила Маринкина милого дружка,
 А-щє прострєлила єму да ле правой глаз.
 Ай-я идєт Добрынька запєчалилсє,
 Запєчалилсє Добрынька, закручинилсє:
 А и к Маринке итти єму не хочєтсє,
- 25 Ай-є со стрєлкой розосташьсє єн не можєтцє.

- Ай-я пошол Добрынька Никитиеч блад,
 Ён и зашол к Маринушке люта́ грозá,
 Он и станóвилса ко печечке ко муравленке,
 А ще и говорил Добрынька тут да таковы́ слова:
 30 „А ще ты ой еси, Маринушка люта́ грозá!
 Ты отдай-ко-се мне стрелочку калёную,
 А ще калёную а ле стрелочку перёную“.
 Ай-я говорит да ле Маринка да таковы́ слова:
 „Ты возьми меня да за себя взамуж,
 35 Я ётдам тебе то́гда калену́ стрелу́,
 А не возьмёш меня за себя взамуж,
 А ще как есь у меня во чистóм поле девéть турóв,
 А ты будёш у меня турóм ноне десятым,
 А над туром ты будеш тур злоторогия“.
 40 А и Добрынька стоит да призадумалсэ:
 А и Маринку взять ту не хочетца,
 Ай-я со стрелкой розостатьси он не можетце.
 А ще говорит ему Маринушка люта́ грозá:
 „Ах ты ой еси, Добрынюшка Микитыч блад!
 45 А ще ты будеш у меня туром десятым,
 Ай-е над турами будёш тур злоторогия“.
 Ай-я да была у Добрыньки его крёсненька,
 А ще по емени бабушка-задворенка.
 Ай-я да брала она ле книжечку волшебную,
 50 А ще смотрела она читала книгу волшебную,
 А ще увидела своего любима кресничка:
 Ходит он гуляет да во чистóм полé,
 А как ходит ён турóм да злоторогием,
 А ще злоторогой тур над турами тур.
 55 А ще как бабушка та была догадлива,
 Ай-я побежала к Маринушке лютой гроза,
 Ай-я забежала во гриньку во столовую,
 А ще становитцэ ко печечки ко муравленке,
 А ще говорит старушка да таковы́ слова:
 60 „Ах ой еси ты, Маринушка да люта́ грозá!
 А ще отдай ты мне-ка любима крестника,
 А ще ты не отдаш мне любима крестника,
 Поверну я тебя сукой волочажливой.
 А ще как станут за тобое всие бегати,
 65 А ще как станут за тобое всие лаети“.

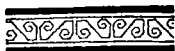
- А ще говорит Маринушка люта́ гроза́:
„Он прострѣлил ю меня право мила́ дружкѣ,
Он прострѣлил право его во правой глаз“.
Ай-е говорит тут бабушка задворенка:
70 „А ще ты ой еси, Маринушка люта́ гроза́!
А ще ты отдай мне любима крестеника.
Ты не отдаш любима крестеника,
Оберну я тебя кобылой да водовозной“.

ПРО СКОПИНА

- А ще как ноньце сидят все на честном пиру,
Аж Искудра по полу́ похаживат,
А таковы́е слова он выговариват:
„А ще ты хой еси, солнышко Владимир князь!
5 А ще как все ю тебя сидят на честном пиру,
А ще енного Скопина́ нету“.
Ай-я говорит тут солнышко Владимир князь:
„А ще кого нам послать Скопина́ позвать?
Ай-я пошлѣм нонь Добрыньку Микитиця:
10 А ще Добрынька ю нас до роду вежлива,
А-на ле вежлива роду — оцеслива.
А-на ёмеет с людьми съехаться,
А-на ёмеёт с людьми поздоровкаться“.
Ажь на то нонь был Солнышко догадливой,
15 А ще наливаёт нонеце чяру зеленá вина,
Ай-я приполниват турий рог мѣду сладкого,
Ай-я подносит ле Добрыньки Микитицю.
А да берѣт Добрынька во праву́ руку́,
Аж ка' пѣт Добрынька к едину́ духу.
20 Аж ка' стал тут нонь Добрынюшка срежатися,
Аж как удалой стал нонь сподоблятися,
А выходил ле ён вон на юлицу,
Он отвязывал свояго да коня добраго,
Он наложил на коня свой шодков повѣд,
25 А ле струмена ступил да на коня скочил,
А ще ювидели во чистом поле куревá стоит,
А ще ле куревá стоит да дым столбом валит.

- Аж как скоро прогонил полё чистое,
 Аще приехал да пригонил во Чернигов град,
 30 Он ле становится Добрынька ко красну крыльцу,
 Он слезавает Добрынька со добра коня,
 Он и вяжет коня ко дубову столбу,
 Ай-я к дубову столбу да к винтову кольцу,
 А к винтову кольцу да золочёному.
 35 Ай-я заходит Добрынька на краснó крыльцо,
 А и краснó крыльцо ле да по новым сениям.
 А-на заходит во гриньку во столовую,
 Она как богу тут молитца по писаному,
 А-на как поклон ле ведёт по учёному,
 40 А-на ле молитву тут творил полну 'сусову,
 А-на челом ле бьёт, низко кланеетца:
 „А ще ты здравствуй, Скопін да сын Иванович!“
 — „Аж ты здравствуёш, Добрынюшка Микитич блади!“
 А ще говорит Добрынька да таковы слова:
 45 „Аж ты ой еси, Скопин да сын Иванович!
 А ще я послан нонь послом право скорым,
 А как скорым послом право ворóвым.
 Аж просил ле тебя нонь солнышко Владимир князь,
 А и просил ён да низко кланелса
 50 Ай-я посидети ле право на честном пиру“.
 Ай-я ле тут Скопин тут собираетца,
 А ще как ле Скопин снарежаетца,
 Она и выходит вон на юлицу,
 Он и пошел Скопин на конюшен двор,
 55 Он е брал юзденочку-от тесменую,
 Ён налаживал коня да нонеца добраво,
 Ён накладывал седёлышко черкальчето.
 А наложил на коня да свой шолков повод,
 Ай-я струмена ступил да на коня скочил.
 60 Ай-я да скоро пригонили в стольней Кеев град.
 Как зашли во гриню во столовую,
 Ай-я посадили Скопина за дубовой стол,
 За дубовой ноньце стол за передний.
 Аж как вси на пиру да напивалеса,
 65 А да все ле да на чесном да наедалисэ,
 Аж как все на пиру да приросхвастались.
 Ай-я говорит ле Скопин да таковы слова:

- „А у Искудры на коленях сиживал.
Уста те ее право целбевал.
- 70 А ще белы́ груді́ в белых руках держивал“..
А ще Искудры эти слова не понравилось,
А за великую доса́ду да показалосе.
А ще наливаёт Искудра цяру да зеленá винá,
А кабы кладёт да в цяру зелья лютого,
- 75 Зелью лютого само-змеино́го.
А ще подносит Скопину сыну Ивановичу.
А кругом этой цярочки всё ключи кипят,
А посреди цярочки огонь горит.
Ай-я го́ворит ле Скопін да таковы́ слова:
- 80 „Ох ты ой еси, солнышко Владимир князь!
А ще не пить мне-ка цяры — виновату быть,
А ще как выпить мне цяру — живому́ не быть“..
А ще как берёт Скопін во праву́ руку,
А ще как выпил Скопін к едину́ духу,
- 85 А ще как стало Скопинá тут помётывать,
А ще как стало Скопинá ле тут подбрасывать,
Аж как стало Скопинá ле тут подхватывать,
Ай-я подхватывать да всё тут помётывать.
А ще бросилса Скопін вон на юлицу,
- 90 А ще скочил скоро Скопін на добра́ коня,
Ён направил ле коня куда путь держы́т.
Ён ле скоро прогоні́л поле чистоё,
Ён приехал-пригоні́л в Чернигов-град,
А ще встречает его да молода жёна.
- 95 А ще как едёт Скопін да не по старому,
А ще сиді́т ле Скопін да не по прежнему,
А на приехал-пригоні́л да ко своему дому,
А-на соскакивал со своего коня доброго,
Он бросилса в свою гриню столовую,
- 100 А ще упал тут Скопін на кирпищат пол.
А и скоро ле тут Скопину́ смерть случилася.

ИВАН ГРИГОРЬЕВИЧ НОСОВ

Иван Григорьевич Носов или Ваня Грушин (уличное прозвище по матери Аграфене) — в 1929 г. сорокалетний высокий, с гривой темных волос, красивый и ласковый крестьянин Усть-Цыльмы. Большой любитель чтения, причем грамоте учился у одного ссыльного и какой-то старушки. На военной службе вследствие слабого зрения не был.

Былины он пел обычно вместе с Василием Прёкопьевичем Носовым. Самостоятельно же мог спеть мне только былинку о Чуриле и отрывок былины о сорока каликах. Первую былинку сперва сказал словами, а потом спел, при этом изменений, кроме вставки особых частиц для ритма, почти не вносил. Былины усвоил от покойной матери Аграфены Терентьевны Носовой и дяди Ивана Родионовича Кислякова, на которого ссылался также и другой сказитель Усть-Цыльмы И. П. Поздеев (см. заметку о нем). Начал И. Г. Носов интересоваться былинами еще в детском возрасте и к 15—16 годам уже мог немного петь.

Говорил, что поет для себя: „От скуки, когда зимой едешь за дровами или летом на лодке“, „руками работаю и пою“.

Былины его примыкают к типичным печорским редакциям.

ПРО ЧУРИЛУ

- Ай-я выпадала де пороша снегу бѣлого,
 Ай-я не во пору во пору да не во времѣ,
 Ай-я серѣдки де лета да о Петрова дне.
 Ай-я по той де по порохе да по белу снежку
 5 Ай-я не сер горносталь да тут пропрядывал,
 Ай-я не бѣлый де заюшко а проскакивал,
 Проезжал тут Чурило да младо-Плѣнкович
 Ай-я ко тому де Перметѣ да к молодой жоне.
 Перметѣ де-ко дома не случилось,
 10 Он ушол де служить да во божью церковь,
 Он служить де обедню воскресеньскую.
 Ай-я спускал де е Чурило коня да в зеленѣ луга,
 Заходил на крылечико о тесовое,
 Ан стучал де гремел да в золотѣ кольцо.
 15 Выходила тут Настасья дочь Калашница
 Во одной тонкой е рубашечки без поеса,
 Во одних тонких чулочиках без башмачиков.
 Ай брала кабы Чурилу за бѣлы руки,
 Ай вела кабы его да во теплу спальню.
 20 Кабы зажил Чурилка да по домашному.
 Он пухов де колпак да клал на грядочку,
 Ай-я перчатки барановы на поличку,
 Он и шолков кушак вешал на спичику,
 Зелѣн де кафтан вешал на спичику,
 25 Ай-я сапожки сафьяновые а под лавочку,
 Он и лежылся на кроваточку о тешовую,
 Ай-я на те де на перины да пуховые,
 Ай-я на те де на подушки на шелковы,

Иван Григорьевич Носов.

- Ай-я под то де од'яло под соболиное,
30 Ай-я с тоё де со Настасьей дочь Калашницей.
Айя была де у их тут право служаночка.
Говорит де служаночка да таковó словó:
„Ох ты гой еси, Чурило да младо-Плёнкович!
Ай-я ты не парь де кишку а да во чужом горшку.
35 Я пойду де схожу дак Перметы́ скажу,
Перьметы́ де скажу право о нажалуюсь“.
Говорит ей Чурило да младо-Плёнкович:
„Ох ты гой еси, девушка черनावушка!
Не ходи ты да право не сказывай,
40 Я куплю тебе в косу да право ленточку,
Заплачу я а за ленту рублей двенадцети“.
Ай-я на то кабы девка не соглашаетцэ:
„Я пойду де схожу да Перметы́ скажу“.
Говорит ей Чурило младо-Плёнкович:
45 „Я куплю тебе на головушку шолков платок,
Заплачу я за а платок двадцеть пять рублей“.
Ай-е на то кабы девка не соглашаетцэ:
„Ай-я пойду схожу право Перметы́ скажу“.
Говорит Чурило да таковó словó:
50 „Не ходи ты право не сказывай,
Я куплю тебе шубейку да соболиную,
Заплачу за шубейку да петьдесят рублей“.
Ай-я на то кабы девка не соглашаитцэ,
А пошла да ёна тут во божью церковь.
55 Ай-я тут служил Перметá де обедню да воскресеньскую,
Он стоял Перметá на правом крылосе.
Подходила она к ему да со прáва плеча,
Говорила тут она ему да таковы́ слова́:
„Ох ты гой еси, да Перметá дак сын Иванович!
60 Уж ты молишься право спасаешься,
Над собой де невзгодушку не ведаеш.
Как у нас кабы в доме да не по старому:
Заскочил кабы в сады право чужой конь,
Он стоптал де пшеницу да белоярову“.
65 Ай-я на то Пермета да был догадливой.
Он накидывал да шубейку де на одно плечó,
Он бежал де скорей на улицу,
Он бежал во свой право высок терем,

- Заходил он на крылечико тесовое,
70 Стучал да гремел в золотó кольцó.
Выходила тут Настасья да дочь Калашница,
Заводила де его дак во теплú спальнú,
Говорит Перметá да таковы́ слова:
„Ох ты хой еси, Настасья дочь Калашница!
75 У нас чей де в садáх право чужой там конь?
Это чей де колпак лежыт на грядочке?
Это чей де кафтан висит на спíчике?
Это чей де е кушак вéсит на спíчике?
Это чьи де е перчаточки на полочки?
80 Это чьи де е сапожочки под лавицой?“
Говорит де Настасья да дочь Калашни́ца:
„Я была де во городе во Кieve,
Я видала там купцов людей торговых,
Они носят кабы едакую да одежду там,
85 Я купила де для вас всю одежду же,
Кабы ездить вам во божью церковь“.
На то де Пермета да был догадливый,
Он раскидывал зановесь шелкóвую,
Он раскидывал одеяло да соболиноё —
90 Как лежал де Чурило в одних подштаниках.
Он хватал де Чурилу да за желты́ кудри́,
Он вытаскивал Чурилу да на серёдку пол,
Он вытаскивал Чурилу да вон на улицу,
Привезал да ко хвосту да лошади́нному,
95 Пускал де коня да во чистó поле,
Растаскал да кабы конь по чистú полю́.
Заходил тут Перметá да во теплú спальнú,
Говорил де своей право да молодой жене:
„Ох ты гой еси, Настасья дочь Калашница!
100 Ай-я чего тебя да ещё надобно?“
Ай-я на то ему Настасья ответ держыт:
„Ай-я куда полетел дак млад есён сокол,
Ай-я туда де летí вот белá лёбедь“.
Он вытаскивал ей дак вон на улицу,
105 Бросил её да во чистó полё,
На одну ногу ступил да другу оторвал.
Ай-я служаночку взял за себя взамуж.

АГАФЬЯ РОДИОНОВНА ОВЧИННИКОВА

В 1929 г. — еще очень бодрая и подвижная, несмотря на свои 62 года, довольно крупная и полная женщина, казавшаяся значительно моложе своих лет. Вдова. Грамотная. В Усть-Цыльме она была известна как исполнительница духовных стихов „по стиховникам“. Но очень любила и немного знала и былины, являлась постоянной и активной участницей специальных собраний для совместного пения усть-цылемских любителей эпической старины (см. об этом в статье, стр. 47). Об ее любви, почти страсти к пению, живо говорит следующий факт. Когда от ее приятельницы Анны Петровны Чупровой послали по моей просьбе за ней, „чтобы пришла петь“, Агафья Родионовна моментально прибежала, бросив все свои неотложные домашние дела, стряпню и пр. Пела она с большим увлечением. В фонограф петь сперва долго отказывалась, как и другие, мотивируя боязнью „греха“, но потом так распелась, что трудно было остановить.

В двух записанных от Овчинниковой былинах скрестились влияния, идущие и от устной традиции и из книги. Былину „Дунай“ она слышала от стариков, но видала и в сборнике Н. Е. Ончукова. Спев часть былины, она сказала: „Больше не знаю, по книге там до конца как наб“. Былину же о братьях-разбойниках заимствовала из какой-то книжки и стала распевать ее на подобранный ею самой напев. Раньше она слышала много былин: „про Олешу“ и др. — „Баские эти старины пелись!“ От нее записан еще стих о Лазаре, единственный из стихов, который она усвоила из устной традиции — от стариков нищих, а не из книги.

И тексты и исполнение обнаруживают в Агафье Родионовне Овчинниковой исполнителя с большим художественным вкусом, чутьем и чувством поэтического стиля и ритма. Пела она сильным приятным голосом; когда пела вместе с другими, то запевала.

[ДУНАЙ]

- Как во стольнѣм во городе во Киѣве,
 Как у ласкова у князя у Владимира,
 Как было пированіе-столованіе¹
 Как на русских на могучих богатырей.
- 5 Все на пиру да напивалися,
 Да как все ли на честном наедались,
 Да как все ле на пиру да пьяны-веселы,
 Да как все ле да на чесном да приросхвастались.
 Как енѡй ле хвастат да красным золотом,
- 10 Как енѡй ле хвастат да чистым серебром,
 Как енѡй ле хвастат своим добрым конѣм,
 А как умной ле хвастат отцом да матерью,
 Как ле старым отцом да старой матерью,
 Как глупой хвастат да молодой женой,
- 15 Как да глупее-то хвастат ле детьми малыма.
 Как уж вышел ле солнышко Владимир князь
 Да как на те ли полы да на дубовыя,
 На честы ле мелкі да перекладинки,
 Он-на сапог ле о сапог да поколачиват,
- 20 Он-на гвоздѣк о гвоздѣк да всё пощёлкиват,
 Он-на ле куньей ли шубой прирозмахиват,
 Он-на белыма те рукама прирозваживат,
 Он ле злачьныма перснями всё побрякиват,
 Он-на желтыма ле кудрями принатряхиват,
- 25 Как умну речь да выговариват:²

¹ Вариант при первоначальной словесной передаче:
 Заводился у князя почестен пир.

² Вариант при словесной передаче:
 Тихую-смирную речь да приговариват.

- „Вы уж ой еси, удалы добры молодцы!
Все вы сидíte-ка все пьяны-веселы,
Уж как все вы на пиру сидите поженены,
Как красны девушки у всех у вас повыбраны,
30 А как уж я Солнышко холóст хожу,
Холóст хожу да не женат живу.
Вы не знаете ли мне да сплюбовницу,
Сплюбовницу мне да молодую жону?“¹
Как тут все ле на пиру да призамолкнули,
35 Как все ле тут на чесном да приутихнули,
Как большой ле от хоронится за среднёго,
Как уж среднёй ле хоронится за меньшего,
Как уж от меньшего от бельнего ответу нет.
Как из-за того ле стола из-за перьвого,
40 Из того ли ведь угла из переднёго,
Тут выставает ле удалой доброй молодец,
Как по прозваньицю Васенька Окулович,
Говорит ле ведь он да таково́ слово: .
„Как уж я прежде досель в млоду пору,
45 В молодую пору да я с измалых лет,
Я жывал ведь да бывал за синим морём,
У того ле я Семёна да Лиховитого,
Лиховитого Семёнушка, страховитого.
Уж я три ле года жывал я во конюхах,
50 Уж три ле года жил я во стольниках,
Уж как три ле года жил я во писарях.
Уж ведь есь у него нынче да две дочери,
Как одна да дочь Овдотья Семёновна,
Она во чистом ведь поли ездит богатырем,
55 А друга ле есь Марина да лебедь белая,
Она статным ведь статна да полным возраста,
А лицом-то бела да руса волосом,
Она ходит да нонче в тонкой белой рубашечке,
В одних-то чулочках без чоботов,
60 Как уж сквозь рубашку да тело видетца,
Как уж из кости в кость мозг переливаетца,
А из кости в кость жемчуг пересыпаетца“.

---

¹ Вариант при словесной передаче:

Сплюбовницу мне да супротивницу,
Супротивницу да молодую жену.

ВДОВА ПАШИЦА

- Как жила да была вдова пашица,
 Как у той было вдовы пашицы
 Много детушок да мало деушок.
 Как девётъ сыновей все в разбой пошли,
 5 Едину сестру да замуж выдали,
 Замуж выдали да за синё морё,
 За синё морё да красовитоё,
 За того ле за купца за богатого.
 Уж я год жила да не стоснулася,
 10 Я другой ле жила да в умáх не было,¹
 А на третий год да потоснуласе
 По родимоей моей по сторонущке.
 Я у свёкрушка да я спросиласе,
 Я у свекровушки да доложиласе,
 15 С мужем сдумали да мы поехали.
 Выезжали мы да на синё море,
 На синё море да красовитоё.¹
 Тут ле тученька де с нёба выпала,
 Не белы́ снежкí тут повыпали,
 20 Приставали тут да к кру́ту бережку.
 Нападали тут на нас разбойни́цьки,
 Денны-нощны да подорожни́цьки.
 Мужа взяли да ле у меня зарезали,
 А и мальчика да в воду бросили,
 25 А как саму меня да пообидели.
 Наступала ле тут да ночка тёмная,
 Ночка тёмная да ночь осённая,
 Все разбойни́цьки спать полóжились,
 А уж как я да бла́да да поросплакалась.
 30 Одному ле разбойнику не посыпáлося,
 Стал он меня выпрашивать,
 Стал выпрашивать, выпытывать:
 „Ты скажи-ко да скажи, да молодá вдова,
 Ты какого роду ты племени,
 35 Ты господского роду ле поповьского,²

¹ При переспросе сказала: страховитое.

² Вставила потом, при переспросе.

Ты поповьского ле роду боярского?“
— „Уж как я блада́ роду крестьянского.
Как было у меня да де́веть братьей,
Как де́веть братьёв все в разбой пошли,
40 Меня одну сестру́ замуж повыдали.
Меня да выдали да за синё море,
За того за купца за богатого“.
— „Уж вы вставляйте, братья родимые!
Мы каку ле беду мы наделали:
45 Зятя взяли мы да зарезали,
А племянника мы да в воду бросили,
А родну сестру всё пообидели“.
Тут вставляли все разбойни́цьки.
Все вставляли да поросплакались.¹

---

¹ Два последних стиха потом вспомнила и сказала.

ИВАН ПЕТРОВИЧ ПОЗДЕЕВ

Иван Петрович Поздеев, которому в момент записи было 64 г., — сын известного усть-цылемского сказителя Петра Родионовича Поздеева. От последнего в 1901 г. Н. Е. Ончуков записал 10 былин, одну пародию и пять исторических и бытовых песен — больше, чем от кого-либо другого на Печоре.

Былинная традиция в роду Поздеевых уходит далеко вглубь. Отца Петра Родионовича Родиона Поздеева усть-цылемы называли Ончукову, как выдающегося старинщика, от которого многие научились старинам. Ончуков подчеркивал исключительную память Петра Родионовича, однако с качественной стороны расценивал его как исполнителя былин не очень высоко. „Старины он поет плоховато, — писал он, — гораздо хуже, чем Ф. Чуркина, Вокуев, Марков и др. Все старины поет Поздеев чуть ли не одним «ясаком», чего хороший старинщик никогда не позволит себе да и не сумеет. Все происходит у него в Киеве при князе Владимире, куда он отнес и старину про Долгорукова с ключником; во все старины вносит однообразные факты, фразы и целые действия“ (Печорские былины, стр. 78).

Кроме Петра Родионовича, известным в Усть-Цыльме старинщиком был его родной брат Семен. От отца и дяди Иван Петрович Поздеев и научился старинам. Кроме того, в качестве своего учителя, он называл еще некоего Ивана Родионовича Кислякова, на которого ссылались и другие исполнители в Усть-Цыльме (см. заметку об И. Г. Носове). В книгах же он не видал былин. Иван Петрович — грамотный, служил много лет сельским писарем, потом на почтовом тракте, был на фронте в империалистическую войну на нестроевой должности, а с начала революции поселился окончательно в Усть-Цыльме. Женат не был.

Усть-цылемы не считали Ивана Петровича хорошим старинщиком: „Мало знает, всю старину, пожалуй, не скажет“, и выдвигали другого сына Петра Родионовича, жившего верстах в 140 от Усть-Цыльмы в д. Камгурай: „Тот старинщик!“ Былины свои Поздеев мне сказал словами, петь не согласился,

несмотря на все мои просьбы. По его словам, „в писарях пел“, теперь же поет редко. В былинах его обращает внимание сильная тенденция к убыстрению темпа повествования. Следуя в общем композиционной структуре отцовских былин, он выключает все осложняющие эпизоды, сокращает или совершенно пропускает описания. Но существенных изменений в саму композицию, которые бы ее пере-страивали, он не вносит. В отношении же стилистического оформления, наоборот мы видим значительный отход от отцовских текстов. Точных совпадений стихов почти нет. В исполнении И. П. Поздеева былина даже в тех вариантах, где она сохраняет стихотворную структуру, несет явные признаки разложения этой структуры и перехода в сказку, не говоря уже о первой былине „Про первую поездку“, которая совершенно превратилась в сказку.

Когда работал в Усть-Цыльме Н. Е. Ончуков, И. П. Поздеева не было дома. Но через несколько лет проезжал, по словам И. П., через Усть-Цыльму какой-то старик-миссионер, которому он сам записал и передал несколько былин. Может быть это и были те начала 10 былин И. П. Поздеева и его дяди Семена, о которых говорит Ончуков в своей заметке о Петре Родионовиче (Печорские былины, стр. 77).

[ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИЗДОЛИЩО]

Шла калика перехожая
Из города из Киева.

Настрету ей калике

Старой козак Илья Муромец.

5 — „Здраствуй, добрый молодец!“

— „Здраствуй, калика перехожая,

Откуль идёшь, откуль путь держишь?“

Говорит ему калика перехожая:

„Я иду из города из Киева,

10 От того от князя от Владимира“.

— „Всё ли у вас в городе по старому,

Всё ли у вас в городе по прежнему?“

Отвечает калика перехожая:

„У нас в городе не по старому,

15 У нас в городе не по прежнему:

Завезалось Издолище поганое

Ко тому ко князю ко Владимиру во гриню во столовую.

Сидит он меж князём да меж кнегиною,

У кнегине держит руки да в пазухе

20 Пониже пупа около щёрева,

А князь не смел ему слова вымолвить“.

Говорит тогда старой козак Илья Муромец:

„Ох ты ой еси, калика перехожая!

Сменяемся мы с тобой платьем цветным“.

(У калики како уже платье!)

25 Говорит калика перехожая:

„У меня платье каличие,

У тебя платье молодецкое,

- Не меняю я с тобой“.
- Просит его козак во второй након.
- 30 На это калика опять не соглашается.
Стал просить его в третьей након.
Тут калика соглашалась,
И поменяли они платье, которо можно было.
Поехал старой в стольне Киев град,
- 35 Не доеждает до города — слезавал с добра коня,
Спустил коня в чисто поле,
Сам пошел в стольне Киев град.
По первости зашел на царев кабак:
„Здравствуйте, чумаки-целовальники,
40 Опохмелите мня калику с пути-дорожецки!“
Говорят чумаки-целовальники:
„По разговору стоишь оправить тебя,
По платью не стоишь ни одного гроша“.
Были тут голи кабацкие.
- 45 — „Ох вы ой еси, голи кабацкие!
Уж вы сложьтесь по гривенке,
Опохмелите калику с пути-дорожецки!“
На это были голи ухватливы да и догадливы,
Сложились они все по гривенке,
- 50 Купили зеленá вина,
Чару в полтора ведра,
Подали калике перехожей.
Брал он чару единой рукой,
Выпил он чару к едину духу,
- 55 Звеселило тогда его ретивó сердце,
Скилевал с себя чунный крест,
Который стоил ему петьсот рублей,
И говорит он голям кабацким:
„Ох вы ой еси, голи кабацкие!
60 Вы снесите мой крест,
Заложьте в лавку торговую,
Заложьте его в двухстах рублях“.
На то голи были ухватливы,
Потащили его крест в лавку торговую
- 65 И заложили его в двухстах рублях,
И притащили денежки и отдали калики перехожаей.
Пил он вина по надобью и голей поил,

- Напилса он дѡпьяна,
И зашол на печку на муравленку,
70 И спал-храпел богатырским сном
Целы трое сутокки.
Стали его будить чумаки-целовальники,
Ото сну он то҃гда пробужаетця,
Соскакивал он на кирпичен пол,
75 Схватил чумака за чернѣ кудрѣ,
Прѣзнял он его выше буйной головы,
Спустил он его на кирпичат пол,
Тут чумаку смерть случилася.
— „Ну беду сделал, надо другу сделать,
80 Не буду я в городе виноватый“.
Выходил он скоро вон на уличю,
Стоптал и сломал двери подвальных,
Стал выкатывать бочки сороковочки с зеленым вином
На площадь на кабацкую.
85 Сказал голям кабацким:
„Пейте, голи, вина сколько надобно,
Не буду я в городе виноватый“
Побежали чумаки-целовальники
Ко князю с желобѡю.
90 Говорят чумаки-целовальники:
„Ох ты ой еси, Владимир князь!
Пришла к нам калика перехожая,
Пила она сколько надобно,
Убила чумака-целовальника,
95 Выкатила бочки сороковочки
На площадь на кабацкую
И поила голи кабацкие“.
А князь им слова не вымолвил,
Узнал князь: эта калика — не худа блоха.
100 Скричал он своих слуг верных:
„Запрегайте вы тройку лошадей
На царев кабак,
Зовите вы калику перехожую
Хлеба-соли кушать и переваров питы!“
105 На то слуги были догадливы,
Запрегли они лошадей и поехали на царев кабак,
Зовут они калику перехожую

- Ко князю ко Владимиру.
 Отвечает калика переходя:

110 „Мне не надо ваших лошадей да я пешком иду“.

И приходит он ко князю ко Владимиру.

Заходит он во гриню во столовую,

Молитця он, на все стороны поклоняетця,

А князю со кнегиней во особицу,

115 А поганому Издолищу челом не бьёт, головы не

гнёт.

Попоносят ему на стол лебёдушку не кушанную не

рушенную,

На нож ее воткнул и в гортань пихнул,

С щоки на щоку лебёдку переваливал,

Нижней щокой косьё вываливал.

120 Говорит тогда калика переходя:

„Помниш ли, князь, помятуеш ли?

У попа была у отца собака у Ростовского,

По сметьям она собака таскалася да костью подавилася“.

Понесли ему коврижечку хлеба тоже не кушану и не

рушану,

125 С щоки на щоку коврижечку переваливал,

Нижней щокой корки вываливал.

Говорит тогда калика таковó словó:

„Помниш ли, князь, помятуеш ли?

У попа у отца у Ростовского была коровища,

130 По сметьям шаталася да шалом подавилася“.

Издолищо сидит поглядыват да осержаетця.

Принесли ему Издолищу ушат воды,

Выпивал он этот ушат воды.

Говорит тогда калика таковó словó:

135 „Помниш ли, князь, помятуеш ли?

У отца у попа у Ростовского

Была кобыла водовозная,

Много она пила воды и захлебнуласе,

То же будет и этому Издолищу“.

140 Схватил он булатный нож Издолищо поганое,

Бросил в калику переходящую булатным ножом самым

остриём,

На полёте нож калика подхватывал за самый черешок,

Говорить стал калика князю таковы слова:

- „Можно ли, князь, гриню твою кровавити?“
145 И положил нож в пухов колпак,
И свернул пухов колпак на три угла,
Бросил он в Издолище поганое,
И попал он в Издолище поганое,
И повалился Издолище на улицу со всем с простенком.
150 Выскакивал он на улицу калика переходя,
Онну ногу оторвал Издолищу и бросил воронам на
съедение.

[ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СЫН]

- Стояли на заставе богатыри,
Стерегли-берегли они стольней Киев град.
Не много их было добрых молодцев,
Тридцать три богатыря,
5 Во главе стоял самый старой козак Илья Муромец.
Поутру рано старый пробужался,
Кунию шубу надевал на одно плечо,
Пухов колпак на одно ухо,
Чаблеты одевал на босую ногу,
10 Выходил вон на улицу из белая шатра,
Припадал к матушке сырой земле правым ухом,
Не дрожит ли матушка сыра земля дубровушка зеленая,
Уж слышал он, што дрожит матушка сыра земля.
Вынул он свою трубку подзорную,
15 Стал он смотреть в чисто поле.
Увидел он в чистом поли
Поежживат доброй молодец,
Каленую стрелу он постреливат,
И на полете он стрелу подхватыват,
20 Заходил он вновь во белой шатёр,
Разбужал он добрых молодцов:
„Ставайте вы, добры молодцы!
Будет вам спать, пора вставать,
Во чистом поли стоит негодущка:
25 Поеждиват там доброй молодец,
Каленую стрелу он постреливат,

- И на полёте он стрелу подхватыват,
Кого ле бы послать — узнать,
Какой он земли, какой орды,
30 Какой отчины, какой отцовщины?
Пошлём мы Олёшу Поповича —
Олёша был роду вежливого и очесливого,
Умел как с людьми сойтись и съехаться“.
И отправили Олёшу Поповича
35 Расспросить доброго молодца.
Поехал Олёша во чисто полё.
Подъезжают он к добру молодцу,
Сиздалі кричит он добру молодцу:
„Ох ты ой еси, добрый молодец!
40 Какой ты земли, какой орды,
Какой отчины, какой отцовщины?
Стоим мы на за́ставе богатыри,
Берегём-стерегём стольней Киев град“.
А доброй молодец с им говорить не желат.
45 А подъезжают к нему,
Говорит ему таковó слово добрый молодец:
„Старого я козака возьму у вас во писари,
Добрыню Никитича во конюхи,
А Олёшу Поповича во кучеры“.
50 Дал Олёше потяпышу,
И прибавил по алабышу.
Поехал Олёша ко белú шатру,
Едва на коне сидит.
Стречают Олёшу добры молодцы,
55 И видят — Олёша сидит да не по старому.
Говорит Олёша таковы́ слова:
„Добрый молодец говорил —
Старого я козака возьму у вас во писари,
Добрыню Никитича во конюхи,
60 А Олёшу Поповича во кучеры“.
Закипело у старого ретивó сердце кровью горячей.
Скоренько он стал снаряжаться во чисто полё,
Брал он всю свою приправу молодецкую,
И садилса он на добра́ коня скоренько,
65 И погоніл в чисто поле к добру молодцу.
Не братались тут, не здоровались,

- А прямо стрелились копьями бурзameцкими.
У старого по бесчастью по великому
Права рука промáхнулась,
70 И вылетел он из седла вон и пал на сырую землю.
Приеждий добрый молодец ткнул его в ретивó сердце
Копьём да бурзameцким.
Был у старого на груди чуден крест серебряный,
О крест копьё его остановилосе и притупилосе.
75 Тогда старой взмолился господу богу:
„Стоял ведь я за веру православную,
За церкви божи,и,
Выдал меня господь татарину богатому“.
Проевилось тут у старого силы множество.
80 Соскочил он со сырóй земли,
Сронил проеждего доброго молодца с добра коня
И ткнул его в ретивó сердце копьём бурзameцким.
В плечи рука его остоялась.
Стал он спрашивать доброго молодца:
85 „Скажи мне, добрый молодец,
Какой ты земли, какой орды,
Какой отчины, какой отцовщины,
Как тебе именём зовут?“
Отвечал ему добрый мóлодец:
90 „Как был я у тебя на белых грудях,
Не спрашивал твоего роду-племени,
Прямо порол груди белыя“.
Ткнул старой второй раз во черны груди,
Во локтю опять его рука да остоялася,
95 И опять стал спрашивать старой козак доброго молодца.
Отвечает добрый молодец по старому.
Занёс тогда старой козак во третей након копьё
бурзameцкое,
В заведи рука его да остояласе.
Тогда стал отвечать добрый молодец:
100 „ Я от того от моря от студёного,
От того от камешка от серого,
От той матушки от Златыгорки“.
Тогда старой соскакивал с белых грудей,
Брал доброго молодца за белы руки,
105 Подымал с сырóй землй,

Стал говорить таковы́ слова:
„С твоей матушкой родимой
Стояли мы три года — тега́лись,
Собственный ты мой ронно́й сын,
110 Оттого и рука у меня оста́ивалась“.

(Больше ничего не слышал.)

ПРО СТАРОГО КАЗАКА, ПРО ПЕРВУЮ ПОЕЗДКУ ИЛИИ

Во Муроме во городе, в селе Карачарове, у крестьянина Ивана Тимофеевича было чадо малое, чадо хворое, без рук, без ног. Отец с матерью ушли в поле работáть. А к ему пришла старушка просить милóбстыню ради христа, по старинному. А он ответил: „Я не могу подать, рад сам от тебя взять.“

Затем она вынела краюшку хлеба, дара божьего, отрезала горбушку ему и той горбушкой помаза́ла его руки, ноги резвые и скралася.

Тогда ставал старой на резвы́ ногí, почувствовал он себя здоровым, вышел тогда вон на улицу и пошел в чисто полё к отцу к матери. И стал им помогать работáть. Они этому удивились, што у их сын стал здоров и потом пошли с поля домой.

Не в долгое время старóй козак стал просить у отца-матери благословления ехать в стольней Киев-град посмотреть князя со кнегиной. Тогда дали ему благословления отец с мати. Сказал ему отец: „Иди на конюшен двор. Там есть глубок погреб, накрыт плитой железной. Эту плиту соймёш, там есь конь добрый, этим конём завладаш“.

Пошел он на конюшен двор, снял он плиту железню, аки перо (*показалось она ему лехкой*). Тогда за́ржал в погребу конь и выскочил вон из погреба. Тогда старóй схватил его за гриву. Хвост-грива была у его белая (*долго стоял верно, побелел*). Обуздал, оседлал добра коня. И стал проеждать в стольне Киев-град. Только видели, как он в стремена ступил, только видели, как он на коня скочил, а не видели поездки молодецкия. Только видели в поле курёва́ стоит, дым столбом валíт.

Подъехал он к трём дорогам — росстаням. На этих росстанях стоял столб, на столбе было написано: „По правой дороге

поедешь — бо́хатой будешь, по лево́й дороге поедешь — жено́й будешь, а по средней дороге поедешь — живо́й не будешь“.

Думал долго старый, по какой дороге ехать, раздумался: „На што мне старо́му богату быть? На што мне старо́му женату быть? Поеду-ка я старо́й по дороге, где живому не быть.“

На той дороге были три за́ставы великия. Первая за́става ему повстречалася — болота зыбучия и леса тёмныя. Слезывал он с добра́ коня, взял коня за шолков поя́с. Лево́й руко́й коня ведёт, право́й дубья рвёт да мосты́ мостит. И проехал перву за́ставу. Садилса на коня и поеждял вперёд. И подъеждяет ко второ́й за́ставе. Видит — стоят мужики новото́кмена. Стали имать его добра коня. То́гда он стал говорить: „Ох вы, мужики новото́кмена! Бить мя не́зашто и грабить нечего, то́лько есь у мя кунья шуба, кото́ра стоит семьсот рублей.“

А мужики стали пу́ще приниматься, штобы с его содрать. То́гда соскочил старо́й со добра коня и схватил мужика новото́кмена, кото́рый был побольше и потолще, за резвы́ но́ги и стал мужиком помахивать, и стал мужиков побивать. Пра́ву руку махнё́т — лежит ули́я, леву́ руку — так с переулками. И всех перебил до единого. И отту́ль поехал вперёд.

Видит он — гнездо Соловья сына Рахматова, которо́е стоит на двенадцати дубах, на тринадцатом поддубушке. Засвистал э́тот Соловей по змеиному, заревел по туриному. Пал у старо́го до́брый ко́нь на колени. Соскочил старо́й с добра́ коня́ и закричал на него: „Ох ты ой еси, ко́нь да травяно́й мешок! Не слы́хал ты граю воро́ньего, свисту змеино́го, крику зве́рино́го?“. Вы́нел то́гда старо́й сво́й ту́гой лу́к и калену́ стрелу́ и направи́л свою́ калену́ стрелу́ в Соловья сына Рахматова. Полетела его́ каленá стрела́ в Соловья́ и попала́ Соловью́ прямо́ в право́й гла́з, и повалился Соловей с дуба́ прямо́ как овся́ный мешок. Взя́л Илья́ Соловья́, привеза́л к сбруе лошадино́й и поеха́л дале́. Уви́дели Соловья́ сына Рахматова́ моло́да жена́ и доче́ри его́. Доче́ри гово́рят: „Везёт Соловей́ мужика́“, А жена́ гово́рит: „Де́ти, неправду́ гово́рите, мужи́к Соловья́ везёт“. Выбе́гали вон на ули́цу, проси́ли оста́вить им Соловья́, обеща́ли злата́ сколько́ надобно́. Отказа́лса старо́й: „Не на́до мне ва́шего злата́-серебра́. Повезу́ Соловья́ в сто́льные Кие́в-гра́д“. •

Приеха́л он в сто́льные Кие́в-гра́д ко́ей ко́ грине́ княже́нецко́ей. Слеза́вал он со добра́ коня́, привеза́л коня́ к дубову́ столбу́, к дубову́ столбу́, к золоти́у ко́льцу́. И пошо́л он то́гда во гриню́ княже́нецкую́. За́шол он в гриню́ княже́нецкую́. Бо́гу помоли́лса,

поклонился во все стороны, князю со кнегиней во особицу. В то время у князя Владимира вёлся почесен пир. Посадили его за дубовый стол попить да поить с пути с дороженьки. Стали его выпрашивать: „Откуль ты, добрый молодец?“ Отвечал он им: „Я из города из Мурома, из села Карачарова, сын Ивана Тимофеевича.“ — „Покуль ты шол, добрый молодец, покуль ехал?“ — „Я шол-ехал премой дорогой в стольней Киев-град.“ — „Как ты мог проехать, потому што дорога залегла ровно тридцать лет, ведь три за́ставы на ей великия?“ — „А я проехал прямо, в сырых местах болотистых мосты намостил, мужиков новотокменных побил, Соловья-розбойника сюда привёз“. Тут все зарадовалися и захотели посмотреть Соловья сына розбойника. Пошли вон на улицу смотреть Соловья сына розбойника. Тогда сказал Илья Муромец Соловью сыну розбойнику: „Засвисти ты полúсвистом, зареви ты полúревом“. А Соловей-розбойник обратно заревел во весь рёв и засвистал во весь свист, ажно сыра мать земля задрожала. Все попадали. А князя с кнегинею старóй козак он в руках продержал. Осердился Илья Муромец и убил Соловья-розбойника.

(Больше ничего не знаю.)

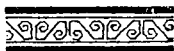
ВАСИЛИЙ ИГНАТЬЕВ

- Пропил Васенька свой тугой лук,
Заложил каленú стрелú,
Лежит он на печке на муравленке
В одной рубашке без поеса,
5 В одних чаблетах без чулочиков.
Во то пору в это времечко
Поднялся на стольне Киев град
Скурлак сын Смородович
Со своим он со зятелком со Киршалком.
10 Сопечалился, сокручинился
Солнышко Владимир князь.
В эту пору, в это времечко
Не было во Киеве богатырей,
Идёт он по городу по Киеву,
15 Повеся несёт буйну голову,
Потупи держит очи ясные.

- Увидала его бабушка задворенка,
Выбегала ему встречу:
„Здрастуй, солнышко Владимир князь!
20 Што ты так запечалился?“
Князь слово ей не вымолвил.
Обежала она — опять идёт стрету,
И опять здороваецца бабушка задворенка,
И он опять слову не вымолвил.
25 Обежала она в третей након,
И опять идёт стрету,
И опять здороваецца:
„Здрастуй, солнышко Владимир князь!
Што ты так запечалился,
30 Што ты так закручинился?“
Тогда князь говорит ей таковó слово:
„Как мне не печалитьця,
Как мне не кручинитьця?
Напал на стольне Киев град
35 Скурлак сын Смородович
Со своим зятелком со Киршалком.
У его собаки силы много-множество,
Впереди его идёт сорок тысячей,
И по праву руку его по сорок тысячей,
40 И по леву руку по сорок тысячей,
А позади его собаки числа-сметы нет,
А у мя в городе нету защитника“.
Говорит тут ему тогда бабушка задворенка:
„На царевом на большом кабаке,
45 На кружале государеви
Спит-храпит там добрый молодец,
Тот Васенька Игнатьевич“.
Тогда Солнышко возрадовалсе
И побежал на царев кабак.
50 „Здрастуйте, чумаки-человальники!“
Стал он будить доброго молодца на печке на муравленке:
„Ставай-ка, добрый молодец!
Будет тебе спать, пора вставать:
Напал на стольней Киев град
55 Скурла сын Смородович
Со своими со зятелком с Киршалком,

- У его собаки силы много-множество“.
Тогда пробужался добрый молодец:
„Опохмель меня добра молодца!“
- 60 Брал князь чару зеленá вина,
Чару не малу — в полторá ведра.
Брал Васенька единой рукой,
Выпил к едину духу
И сказал таковы слова:
- 65 „Окатило у меня ретиво сердце,
Не звеселило буйну голову“.
Подавал князь ему втору чару в полторá ведра
И подавал добру молодцу.
Брал Вася единой рукой,
70 Выпил к едину духу,
Попросил еще Вася третью чару.
Подавал ему солнышко князь третью чару.
Брал Вася единой рукой,
Выпил Васенька к едину духу.
- 75 Тогда соскакивал Васенька со печки со муравленки,
Попросил он тогда тугой лук и калену стрелу.
Подали ему тугой лук и калену стрелу.
Натягивал он свой тугой лук,
Налаживал калену стрелу,
80 И сам стрелил да наговаривал:
„Ты лети, моя калена стрела,
Выше лесу темного,
Выше лесу стоячего,
Пониже облака ходячего,
85 Попади Киришаку прямо в правый глаз!“
Полетела его калена стрела
Выше лесу темного
Ниже облака ходячего,
Попала Киришеку в правой глаз,
90 Тут Киришеку и смерть случилась.
Тут сказал Скурла сын Смородович:
„Время мне воротитьца от города от Киева,
На кого была надея, того леший взял“.

(Всё, боле не знаю.)

ДМИТРИЙ КАРПОВИЧ ДУРКИН

Дмитрий Карпович Дуркин — в 1929 г. крестьянин 83 лет из Усть-Цыльмы. Неграмотный. В 1901 г. от него было записано Н. Е. Ончуковым 8 былин, но знал он значительно больше (см. заметку о нем в книге „Печорские былины“, СПб., 1904, стр. 184). Мне же удалось записать от него всего три былины, из которых лишь одна „Про князя Долгорукова“ представляет запись псевдотворную, две же другие Ончуковым записаны не были. Однако Дуркин помнил еще несколько былин, но записать их не пришлось вследствие ограниченности времени пребывания экспедиции в Усть-Цыльме при наличии более ценного былинного материала, который необходимо было собрать. Вот список известных Дуркину былин, который он сам мне дал: 1) „Про князя Владимира, как он женился“, 2) „Про старого казака“ (про исцеление и Соловья Рахматовича), 3) „Про Дюка“, 4) „Про Чурилу“, 5) „Про Скопина“, 6) „Про Васеньку Игнатьева“, 7) „Про калик пере-хожих“, 8) „Про Дуная“ („не всё“), 9) „Про Василия“ (Буслаева), 10) „Лука Данилович“, 11) „Про Олешу Поповича и про Пермьт“, 12) „Про Садко“.

Как видно из списка, Дуркин по ошибке называл иногда два раза один и тот же сюжет — очевидный результат утери четкого знания.

Из былин, спетых в 1901 г. Ончукову, три („Фатенко“, „Иван Грозный“, „Данило Борисович“) совсем забыл. Кроме былин, знал еще раньше стих про Алексея и немного про Агрика, но ко времени нашей записи „потерял все слова“. Былины же, по его словам, „уж 50 лет, как не певал — так лежали они“ (т. е. хранились в памяти), и мне мог только сказать словами.

Д. К. Дуркин относится к типу сказителей-импровизаторов, о чем свидетельствует и сопоставление двух записей одной и той же былины и воспоминания Н. Е. Ончукова (см. подробнее в статье, стр. 83). В настоящее время былины Дуркина несомненно в стадии деградации — сильные сокращения касаются даже мотивировочных моментов, ст чего страдает композиционная четкость.

Из своей многочисленной семьи (2 сыновей, 5 дочерей) Дуркин не мог никого назвать, кто бы знал былины. Усть-цылемы же называли в качестве старинщика одного из зятей Дуркина Филиппа Васильевича Вокуева, 55 лет, который в это время был вне Усть-Цыльмы „на угодьях“ (на лугах, куда на целое лето отправляют скотину). Кроме того, усть-цылемы помнят, что покойные братья Д. К. Дуркина тоже пользовались славой старинщиков.

[ДОБРЫНЯ И ДУНАЙ]

- Ездил Добрыня по чисту́ полю
 И приворачивал к летным тихим за́водам,
 И стрелял гусей-лѣбедей,
 Околачивал серых малых утѣнышков.
- 5 Наездилса Добрынюшка да наохвотилса,
 Отъехал от тихих малых за́водей,
 Выехал Добрыня на чистó полѣ,
 Поехал по полю по чѣстому.
- Завидел на́ поле черной шатѣр,
 10 Черной шатѣр да чернobarхатной,
 Задумал приворотить к шатру да чернobarхатну.
 Шатровы двери за́перты,
 За́перты двери да за́мкнуты,
 Над дверями подпись подписана,
- 15 Да подрезь подрезана,
 И с угрозою шатѣр оставленный:
 „Кто приворотит к тому шатру,
 Кто отопрѣт мои двери шатровыя,
 И попьѣт, поест, покушает,
- 20 Не уедет тот от черна́ шатра.
 Хоть уедет он от черна́ шатра,
 Не уедет он из чиста́ поля;
 Нагоню я на поле на чистое,
 Под мечь склоню и голову́ срублю“.
- 25 Добрынино дело не выклое,
 Не выклое дело, не бывалое:
 Не бывал Добрыня по чистѣм полям,
 Не видал шатров чернobarхатных,

- Чернобархатных шатров да с угрозами.
- 30 А поехал Добрыня против черна́ шатра,
Немного проехал он и прираздумалса,
Прираздумалса Добрынюшка промеж собой:
„Я приеду нонь да в стольней Киев град,
Зайду ко князю ко Владимиру,
- 35 У князя можот сидит старóй казак,
Старóй казак да Илья Муромец.
Он и спросит у меня старóй казак да таковó
словó:
- «Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитичь блад!
Ты уж где бывал да што слыхал,
- 40 Што слыхал да кого видывал?»
У меня старому сказать будет нечего.
«Видел только, скажу, на поле
Чернóй шатёр да со угрозою,
Не посмел отворить двери шатровые».
- 45 Што мне скажет на то старой казак?
«Полно тебе, Добрыня, ездить да во чистó полё,
Дома живи да ты с бабами,
Почищяй ты у их да .....
И подпирай у их ты .....»“.
- 50 Воротилса то́гда Добрыня ко черну́ шатру́,
Поставил коня к дубу́ сы́рому,
Где насыпано пшена да белоярова,
Подошел Добрыня к дверям шатровым,
Сорвал замочьки он заморския,
- 55 Отопрал дверй он шатровыя,
Зашол Добрыня он во чернóй шатёр.
Во шатри стóлик стоит поставлений,
На столи кушанья всякия разныя,
Стоят графины с водкой разною.
- 60 Стал Добрыня тут кушати,
Стал водоцьки покушивать,
Наелса-напилса Добрыня досыта.
Омманула водка Добрынюшку Никитичя:
Не мог Добрыня уехать от черна́ шатра́,
- 65 Свалилса спать он во чернóм шатрэ.
Долго ли спал ли корóтко ли,
Наехал тут шатровый хозяин,

- Разгоречился на Добрыню Никитича.
Соннóго убить всё равно как мёртвого,
- 70 Закричал только ярým голосом:
„Кака приехал тут за невежа же?
Сóрвал мои замки весучия,
Я срублю у тебя да буйну голову!“
Будил-клíкал его до трёх разóв.
- 75 Стал его попинывать,
Попинывать и пошевеливать.
Пробудилса Добрыня от крепкого сна,
Скочил Добрыня на резвý ногй,
Ушол Добрыня из чернá шатрá.
- 80 Садилса Добрыня на добрá конй,
Поехал Добрыня от чернá шатрá.
Сзади настиг хозяин его в чистóм поли:
„Кака ты приехал за невежа такая,
Не спрашиваш ты ни дедины и ни вотчины и не
хосеина,
- 85 Наелса и напилса допьяна
И уехал от чернá шатрá!“
Ехали они, знаш, до Киева,
Приехали они в стольней Киев град,
Зашли ко князю ко Владимиру.
- 90 У князя сидит старóй казак,
Старóй казак да Илья Муромец.
Говорит Илья да таковó слово:
„Откуда взелись да такй молодцы?“
Оба старому стали жалитьця,
- 95 Один объявляет ему жалобу,
Што приехал к его шатру, напилса, наелса,
А другой отвечает таковó слово:
„Зачем ты оставляешь шатёр с угрозою?“
Говорит им на то старóй казак:
- 100 „Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитич блад,
Али ты Дунай да сын Ивановичь!
Помиритесь, согласитесь вы,
Делить вам нечего:
Один оставил шатёр с угрозою,
- 105 А другой хоть попил-поел — не унёс ничего“.
У князя пир идёт уж трое сутокки.

ПРО ВАСЕНЬКУ ВИКУЛОВА

- За морем было за синиим,
 В земли в страны было во неверной,
 У царя Васеньки Викулова
 Завёлся пир на трое сутокки.
- 5 На турзув-мурзов да на поганных,
 На пановья да на улановья,
 По русьски сказать на русьских на богатырей,
 На купцов людей торговых.
 Пир идёт у их да о полупира,
- 10 Стол идёт у их да о полустола,
 Василий ходит о полухмеля,
 О полухмеля да в полурадости.
 По полю Василий похаживāt,
 С ноги на ногу он переступывāt,
- 15 Тиху-смирну речь он выговаривāt:
 „У мя все на пиру сидят пьяны-веселы,
 Молодцы все поженены,
 Красны девушки замуж все повыданы,
 Один я Васенька холост хожу,
- 20 Холост хожу да не женат живу.
 Не знат мне кто полюбовницу,
 Полюбовницу мне-ка супротивницу?
 Статнѡм статнѹ, пѡлну возрастом,
 Лицѣм белѹ да волосѡм русѹ,
- 25 Рецѣ-говѡрю тихо-смирную,
 Тихо-смирную рецѣ-говѡрю со умилкою,
 Можно кому перед царѣм стоять,
 Можно царю кому честь воздать,
 Честь воздать и женой назвать?“
- 30 Все на пиру то҃гда приумолкнули,
 Приумолкнули, приудрогнули.
 Бѡльшенький хоронитця за среднего,
 Средний хоронитця за меньшего,
 От меньшего большому ответу нет. .
- 35 Не много времени миновалосе,
 Со той лавки со дубовой скамьи
 Вставал де Мишка Пивоваренин,

- По прозванию вор-Торокан да сын Заморенин,
Подходил к Василью он Окулову,
40 Поклонился Михайло Василью низёшенько:
„Уж ты хой еси, Василий Викулович!
Дозволиш ли мне слово вымолвить,
Не позволь за слово сказнить меня повесити.
Я бывал в земле русьскойей,
45 В руськой земле светорусьскойей,
У Солóмана царя да у премудрого,
У Солóмана царя много жон,
Полюбовниц больше старого.
У его полюбовница душка Маринка лебедь белая,
50 Красавица она по всему свету́,
Таких красавиц не видал я по всему свету́.
Можно ее царицей звать,
Царицей звать и перед тобой стоять,
Перед тобой стоять и честь воздать,
55 Честь воздать и жоной назвать“.
Говорит Василий сын Викулович:
„Уж ты хой еси, Мишка Пивоваренин!
Хочеш ты жену отнять у Солóмана премудрого — не
Говорит Мишка Пивоваренин: [полюбовницу“.
60 „Уж ты хой еси, Васенька Викулович!
Направь-ко ты три корабля черлѣнии.
Первый корапь со товарами шолковыма,
Второй корапь с водочками напиткама,
А третьей корапь с нóвостями, которых в России нет.
65 И дай мне людей рабочиих.
Побежу я тремя кораблями в землю русьскую,
Стану я на пристань корсбельную,
Станут заходить ко мне покупать товары разные,
Я стану их оманывать,
70 Сладкой водкой стану их угáщивать,
Привыкнет народ и примáкнется ко мне,
И станут ходить ко мне пóчаству,
Завлеку их и напою дóпьяна,
И отправлюсь во полуночня за море,
75 Увезу то́гда я красных девушек“.
То́гда Василий сын Викулович
Направил три корабля черленни.

- Перво́й корапъ со товарами,
С разными шолко́выми припасами,
80 Вто́ро́й корапъ со сладкой водочкой,
Третий корабль со тыми заморскими но́востями.
То́гда Миха́йло отпра́вилсѧ за синё морё.
Прибежал в землю русьскую,
На пристань корабельную,
85 Зае́вился к царю Со́ломану,
Объявил товары свои разные.
То́гда стал ходить народ покупать товары разные,
Стал приглашать, угощать людей, потчевать
Сладкой водочкой, всякими напитками,
90 И ходить народ стал безвыходно.
Женщины и девицы стали мне показивать,
Прельщать стал я их и оманывать.
Приходит Со́ломана царя служанка и женщина,
Всех их угацивал и напайвал,
95 Напоил их допьяна,
И прошло времени до полуно́чи,
Дал мне бог ти́шину способную,
Увёз я Маринку за синё море.
Прибежал Мишка за синё морё,
100 И прихвати́лась душка Маринка лебедь белая:
„Уж ты хой еси, Мишка Пивоваренин,
Торокан сын Заморенин!
Куда ты нас повёз на чужу сторону?“
Говорит Мишка Пивоваренин:
105 „Везу я тебя за синё море
Женой царю Васи́лию Оку́лову“.
Перебежали море синее,
Прибежали в землю неверную
К Васи́лию царю Оку́ловичу.
110 Привезли Маринку душку лебедь белую,
Красавицу по всему свету извесную.
Доспели пир как на весь ли мир,
Поженили царя Васи́дия Оку́лова.
Немного время миновалосе,
115 Неско́лько поры да прокатилосе,
Прохватилсѧ Со́ломан мудрой царь —
Нету Маринки душки лебедь белая.

- Погонилса Солóман за синё морё,
За синё морё в землю неверную,
120 К самому царю Васеньке Окулову.
Солóман евилса один к Василью Окулову,
Василья в тую пору дома не пригодилось,
А душка Маринка лебедь белая одна.
А потом идёт Василий Окулович,
125 И увидела Маринка душка лебедь белая.
Говорит Солóман премудрый царь:
„Куда же я теперь деваюся?“
Говорит Маринка душка лебедь белая:
„Отворочю я перину пуховую,
130 Ложис на перину пуховую“.
Заходит Васенька Викулов царь,
Говорит Маринка душка лебедь белая:
„Уж ты хой еси, Василий сын Викулович!
Кабы был здесь нонь Солóман царь премудрый,
135 Што ты стал с им делать?“
Говорит Василий сын Викуловичь:
„Я срубил бы ему да буйну голову“.
Открыла он перину пуховую.
Солóману — деватьця некуда,
140 Василий Окулович хочет хватать свою саблю вострую
Отсечь-отрубить Солóману главу с плечь.
Говорит Солóман царь премудрый:
„Уж ты хой еси, Васенька Викулович!
У нас так не делают.
145 Есь у тебя реля высокая,
И повешена можот у тебя петля шолкóвая,
И собери всех своих подданных,
Как известно было всем,
Што повесил Василий Викулович
150 Премудрого царя Солóмана“.
Говорит душка Маринка лебедь белая:
„Уж ты хой еси, Василий царь Викулович!
Не продолжай время и ты не мешкайся,
У Солóмана много мудростей,
155 Много мудростей, много хитростей,
Не спроведать его всех хитростей“.
Говорит Васенька Викулович:

- „Глупа баба неразумная,
Теперь Солóман у меня в руках,
160 Што хочу, то с ним и сделаю“.
У Солóмана за полем слуги оставлены.
Говорит Солóман Василью Викулову:
„Уж ты хой еси, Васенька Викулович!
Таперь я у тебя да в твоих руках,
165 Не торопись вести к петле шелковой“.
Повторят опять Маринка душка лебедь белая:
„Уж ты хой еси, Васенька Викулович!
Омманет тебя Солóман премудрый“.
Повели Солóмана к рели высокия,
170 К рели высокия к петелке шелковыя.
Василий идёт и Маринка душка лебедь белая.
Говорит Солóман премудрый царь:
„Одно колесо катитце и друго не останетце“.
Говорит Василий Викулович про Солóмана премудрого:
175 „Говорят, Солóман хитёр-мудер,
Я споведал теперь про Солóмана,
Никак у его нет хитростей:
Два колеса они на онной оси,
Куда же онно от другого останетце?“
180 Заходить Солóман стал на релю на высокую,
Где вёситця петля шолковая,
Говорит Солóман самому царю Василию Викулову:
„Уж ты хой еси, Василий царь Викулович!
Дай мне сроку сыграть в турий рог,
185 Штобы знали все люди твои подданные“.
Первый раз заиграл Солóман во турий рог,
Пять минут или десять помешкали,
Потом просит заиграть во второй након.
Торопит Солóмана Маринка душка лебедь белая:
190 „Уйдёт от тебя Солóман своей хитростью“.
Заиграл Солóман во второй након,
Накопился народ к рели высокия,
Гледят на рели на высокия.
Прошло времени так можот пять минут ле десяти,
195 Заиграл Солóман третьей раз —
Налетели у Солóмана слуги верныи,
Верныи слуги, неизменныи.

(Забыл сказать: Солóман велел повесить три петли шолкóвыя: одну про Василия Викулова, вторую про Маринку душку лебедь белую, третью про Мишку Пивоваренина, который увёз ее.)

Приказал Солóман схватить царя Викулова
И найти Маринку душку лебедь белую,
200 И слез сам с рели высокия;
Стали подымать царя Василия
В первую петлю шолкóвую,
Потом стали подымать Маринку лебедь белую
Во вторую петлю пеньковую,
205 Потом Мишку Пивоваренина
Во третью петлю лiпеную.
И повесили всех.

Конец старины.

(Дело устроилось, Солóман объехал их всех.)

84

ПРО КНЯЗЯ ДОЛГОРУКОВА

Живёт-то ключник много времени
У князя Долгорукого,
Ключник князю вверился,
Залюбила его боярыня Долгорукова.
5 Пьёт он ест с онногó стола,
Платье носит он с онногó плеча,
Всё его доверено.
Доверены ему золоты́ ключи,
Доверены ему кованы́ ларцѝ,
10 Золотá казна да Долгоруковья.
Почасту стал ключник ходить на царёв кабак,
Заниматьця стал сладкой водочкой,
Научился водку пить, зеленó вино.
Ключник, знаш, похаживат,
15 В кабаке таки речи выговариват:
„Я живу у князя много времени,
Я живу у князя Долгорукова.

- Всё мне поверено, всё мне дозволено,
Не знаю я казны прибыли,
20 И не знаю я казны убыли,
И с кнегиною живу ровно три года,
И про это никто не знат".
Привелись бояра толстобрюхие,
Толстобрюхие бояра они подмолщики,
25 Подмолщики они да подговорщики
Соврать-солгать, прибавити, рострой сделати,
Дошла эта весть до самого князя Долгорукова.
Потом послал Долгоруков князь за ключником,
Приказал князь Долгоруков повесить в петлю шелкó-
вую.
30 Ключник в петелке легаецця,
Кнегина в тереме кончатця.

ПАВЕЛ ФЕДОРОВИЧ ДУРКИН

Крестьянин, 54 л., из Усть-Цыльмы. Мог сообщить мне только одну, уже полузабытую им, былинку на сюжет „Дуная“. Он сам говорил, что памяти у него совсем нет, да и уж несколько лет как он не пел. Когда был в Усть-Цыльме Ончуков, то П. Ф. Дуркина, по его словам, даже и не звали исполнять былины, потому что „много настоящих старинщиков было“, а он „как бы младшим считался“.

П. Ф. Дуркин — грамотный. Беседуя со мной о былинах, он вспомнил, что в местной школе была „толстая книга: «Былины»“ (очевидно, „Печорские былины“ Н. Е. Ончукова; о существовании нескольких экземпляров этого сборника в Усть-Цыльме я слышала и от других). Однако свою былинку он усвоил от стариков и в книжке ее не видал.

От него я получила интересное сведение о том, что в Усть-Цыльме обычно пели былины вместе, считая более трудным петь в одиночку.

У П. Ф. Дуркина — взрослые сыновья, но былин они не знали, не слушали, вообще ими не интересовались.

ПРО ТАРОКАНА, СЫНА ЗАМОРЕНИНА

- Как во стольнѣм во городе во Киѣве,
Как у ласкова князя да у Владимира,
Как у ласковой ой кнегины Апраксеей
Тут заводитсѧ у Солнышка а почесее пир,
- 5 Как на всех де бояр да на толстобрюхиих,
Как на всех и де крестьян да православных,
Как на всех на русских могучих на богатырей.
Кабы стол-от идѣт тут у них в полу́стола́,
Кабы пир-от идѣт у них в полу́пирѧ,
- 10 Кабы Солнышко ходит среди пола.
Все де на пиру да напивалися,
Все де на честном да наедалися,
Уж как все на пиру да прирасхвастались.
Умный-от хвастает старым отцом,
- 15 А разумный-от хвастает старой матерью,
Уж как глупый-от хвастает молодой женой.
Солнышко ходит среди пола́,
Он в одной де рубашке да сам без поеса,
Он в одних де чеблетах да без чулочиков,
- 20 Он каблук да о а каблук и да поколачивѧт,
Тихо-смирную речь да выговаривѧт:
„Ох вы как все вы на пиру сидитѣ поженены,
Добры дочери за вас да всё повыбраны,
Уж я один да хожу да не е женат живу,
- 25 Кабы кто мне нашол а нонче супружницу,
Как супружницу-у нашол е да сполюбовницу.
Кабы можно было да мне её замуж взять,
Кабы можно-о де было женой е назвать“.

- Уж как все де на а пиру да тут приюмолкнули,
30 Кабы все де на честном да призадумались,
Кабы старой-от хоронитсэ э за среднего.
Кабы средьней-от хоронитсэ за меньшего,
Аж меньшей-е-от хоронитсэ за пришлого,
Кабы у пришлого у низшего нонь ответу нет
(Никто отвечать не хочет).
- 35 Из того де из-за столика а передьнёго,
Как со той ли скамьи-лавки ай да всё дубовой,
Тут встаёт а удалой доброй молодец,
Тарокан-от де встает да сын да всё Заморенин,¹
Он тихохонько ко князю подвигаетца,
40 Перед самым де он князем да становитца,
Тихо-смирную речь да выговаривает:
„Ох ты хой еси, солнышко Владимир князь!
Ты позволь-ка мне, князь, слово молвити,
Но за это за слово не казнить меня,
45 Не казнить меня да не вешати“.
Говорит тут солнышко Владимир князь:
„Ох ты хой еси, Тарокан да сын Заморенин!
Говори ты слово, не утаивай,
За собой речь ты не удерживай,
50 Не будеш казнён, не будеш вешаный“.
Говорит тут Тарокан да сын Заморенин:
„Я бывал де живал за синім морём,
За тем де за морем за хвалынским,
У того де Семёна да Леховитого,
55 Леховитого де Семёна да страховитого.
Уж как три де года жил я да во конюхах,
Уж как три де года жил я во стольниках,
Уж как три де года жил я во ключниках,
Поверена мне была да золотá казнá.
60 Есь у Семёнушка три дочери:
Перьвая дочка есь Настасьюшка,
Она злая паленица да преудалая,
Ездит Настасья ко синю морю,
Стреляет гусей да белых лёбедей,
65 А промёж тем малых серых утёнышков.

---

¹ До сих пор спел, дальше отказался петь.

- Уж как вторая дочь да есь Апраксея,
Она статным де статна́, полна возраста,
Русыкоса́ да полна вóлосом,
Из косточки в кость мозг переливается,
70 Скатной да жемчюг перекатается,
Сквозь белую рубашку тело всюду е видитьсе.
Уж как можно Апраксею тебе замуж взять,
И можно Семёнову женой назвать“.
Говорит тогда солнышко Владимир князь:
75 „Ох ты хой еси, Тарокан да сын Заморенин!
Поеждй-ка ты теперь да за сине море,
К тому де Семёну да Леховитому,
Леховитому Семёну да страховитому,
Привези ты мне дочь Апраксею,
80 Наделю я тебя да золотой казной,
Города тебе дам да с пригородками,
Сёла дам да со присёлками“.
Говорит тогда Тарокан да сын Заморенин:
„Уж ты хой еси, солнышко Владимир князь!
85 Снареди-ка ты мне да три кораблика,
Три кораблика да три червлёных,
Нагрузи-ка их ты товарами.
Ты товарами да всё заморскими.
Дай ищо мне три богатыря:
90 Старого казака да Илью Муромца,
Добрынюшку сына Никитича,
Смелого Олёшу Поповича,
Добром не дадут — мы силой возьмём,
А не силою возьмём — смелостью,
95 А не смелостью так хитростью“.

(Дальше немного забыл. Они привезли силою её. С Настасьей бились. Добром не дали. Для того и богатырей взяли. Илья Муромец тот сильный богатырь, Олёша — смелый. Они силой и привезли. Пир был, всё хорошо было.)

ГРИГОРИИ ВАСИЛЬЕВИЧ ПОЗДЕЕВ

Крестьянин, 45 лет, из д. Рошинский Ручей, близ Усть-Цыльмы. Неграмотный.

Мог спеть только одну былинку про Илью Муромца и Скурлыка и несколько первых стихов былин о Чуриле, Сокольника и Соловье Будимировиче. Былинам Поздеев научился от тестя своего Лариона, жившего у него и знавшего, по его словам, много старин и сказок. Поздеев пел за нгм. Старик умер около двух лет тому назад, и Поздеев совсем перестал петь.

От Г. В. Поздеева записана еще песня о Ваньке-ключнике в редакции, идущей от стихотворения Крестовского.

[ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СКУРЛЫК]

- Как гора с горой да знаменуетца,
 Не Скурлык в поле да подымаетца
 Как во то во поле да во Куликово,
 Как во том во роздолье да во широкоё
 5 Подымалась сила вора Скурлыка,
 Подымаетца сорок зятевей, сорок шуринов,
 Как на каждого зятя и на шурина
 По три тмы да по три тысени.
 Он писат ерлык да скорограмотку,
 10 Посылал он тут да в стольний Киев град:
 „Ты не прикаивай да не привязывай,
 У дверей не спрашивай придверников,
 У ворот не спрашивай приворотников,
 Заходи во грини да княженецкия —
 15 Как целом не бей да головой не гни,
 Как клади ерлык на дубовый стол,
 На дубовой стол да сам прочь поди“.
 Он поехал тут да в стольней Киев град.
 Не прикаивал да не привязывал,
 20 У ворот не спрашивал приворотников,
 У дверей не спрашивал придверников,
 Заходил во грини да кнеженецкия,
 Как кладёт ерлык на дубовой стол,
 На дубовой стол да сам прочь пошол.
 25 Тут сидит старой в переднем углу,
 Говорит ему таковó слово:
 „Это кто зашол да не обтёсанной,
 Не обтёсанной да не обстроганной?

- Как целом не бьёт да головой не гнёт,
30 Как ле глазища да большие чашища,
Как ле ушища да большие блюдчища,
А как ножища — больши кичйжища,
А как ручища как больши граблища,
Голова как пивной котёл,
35 Как пивной котёл — сорока ведёр“.
За беду ему да показалосе,
За досадушку ему да за великую,
Как ле вон пошол, плечьми ободверины вывёртывал,
Повернуть хотел вверх дном хоромину.
40 Не сидел бы старóй в переднём углу,
Повернул бы вверх дном всю хорóмину.
Велел Олёше распечатывать.
Бросил он ерлык о дубовой стол,
Не мог он сломать печать татарскую.

Сам старóй взялся за ерлык и начал читать ерлык скорограмотку.

(Хорошая старина то, можно любоваться на неё, да вот не пел, забыл.)

- 45 Солнышко князь просит старóго:
„Как стена моя да городовая,
Как заложёчка да воротовая,
Пособи мне думу думати,
Со умом со крепким разумом“.
50 — „Ты не с нами ныне думу думаёш,
Ты ле думаеш с боярами да с толстобрюхами“.

Опять его просит:

- „Как стена моя до городовая,
Как заложёчка да воротовая,
Пособи мне думу думати,
55 Со умом со крепким разумом“.
— „Ты не с нами ныне думу думаёш,
Ты ле думаёш с боярами да с толстобрюхами“.

Опять третьей раз его просит

(Слово то же).

Как берёт ерлык да скорограмотку.
Как сломал ту печать татарскую,

60 Как читат ерлык ту скорограмотку.
— „Ох ты, солнышко Владимир князь!
Вывози сорок сороков зеленá вина,
Вывози сорок сороков мёду-сахару,
Собирай нонече всех русских могучих богáтырей“.

Пили-гуляли они трое суток. Прохватались, сила Скурлы обошла на окрúг их. Вот они одевались скорёшенько, умывались белёшенько, пошли в поле воевать, стали эту силу секчи. Силу всю эту превысекли. Были два брата Долгополых. Они похвастались: „Было бы в земле кольцо — всю бы землю перевернули. А была бы на небо лесница — всю небесную силу превысекли“. Всё это войско повалилось, которые были пересечены нáдвое — двое стали, а нáтрое—трое. И давай снова эту силу рубить все русские могучие богáтыри. Опять всю эту силу яревысекли. Тогда эти два брата Долгополые, которые похвастались, после этой войны не оказались. Не оказались, после стали их искать — они под своими кóнями под носами лежат мёртвые два.

НИКОЛАЙ САМСОНОВИЧ ТОРОПОВ

Н. С. Торопов, 79 л., — неграмотный крестьянин-старообрядец из д. Климовки Усть-Цылемского района, куда во время экспедиции 1929 г. мы попали случайно, захваченные на Печоре „севером“.¹ Это был крупный старик с чрезвычайно живописной наружностью: с голубыми глазами, совершенно седой головой и большой белой бородой, бодрый, живой, веселый. С гордостью говорил о своей „крепкой, могутной породе“ и показывал свою срезанную огромную рыжую бороду, которую хранил, чтобы по старинному обычаю старообрядцев положить в гроб.

Про него, как старинщика, в деревне говорили: „Старик Миколай Самсонович поет, когда придется. Сядет на печку и запоет“. Он сам мне перечислил все былины, которые знал. Однако записать от него оказалось очень трудно: то ему было некогда — надо было кого-то итти хоронить, или вязать веники, а „две работы делать нельзя“, то некому подпевать, а „одному трудно“ — быстро устает, то просто не было расположения. Поэтому из перечисленных им былин не удалось совершенно записать „Про Солóмана и Ваську Окулова“ и „Про Садка, купца богатого“ (последнюю былинку, по его словам, он знал лишь „так, немножко“); про Дюка Степановича он спел только начало, а былинку о Василии Игнатьеве сказал лишь „рóсказью“. Зато, когда заехал в нему его молодой приятель Михаил Александрович Поздеев, 33 лет, из села Берёзова, который ему мог подпевать, Николай Самсонович сам послал за мной и, выпив с приятелем домашнего хмельного пива, спел мне былинку о Сокольнике.

С М. А. Поздеевым они когда-то вместе „наймывали“ — клали печи. Поздеев и приучился ему подпевать. Вообще старик не любил петь один и заставлял подпевать себе то сноху Татьяну Федоровну Торопову, 45 лет, то внука Игнатия, 16 лет. Пение совершалось так: старик запевал, затем бросал конец стиха, кото-

¹ Ветер с Ледовитого океана, несущий шторм.

рый подхватывался подпевающим. Все былины Торопов пел на один напев, характерно былинный, отличающийся от усть-цылемских и пижемских напевов. К сожалению, не имея с собой фонографа, мы не могли записать этот напев. Относительно былины о Дюке он заметил, что ее петь следует на другой напев, но ему тяжело, и потому он поет на тот же, что и другие старины. Текст былины у Н. С. Торопова настолько устойчив, что когда я, чтобы проверить, после исполнения переспрашивала отдельные стихи, он повторял их почти без всяких изменений. Несколько более других варьировался текст былины „Про Матвея про Луку“. При исполнении изредка вставлял комментарии.

Былинам научился от стариков на осёновьях. Своими учителями называл Корнила Афанасьевича Чупрова и недавно перед тем умершего брата своего Ивана Максимовича Торопова, крестьянина той же Климовки. Из сыновей Николая Самсоновича пел старины покойный Зиновий, грамотный, бывавший в Ленинграде. Из других видов фольклора Торопов знал немного духовные стихи (про Алексея и про Егория — „немножко слов“). Сказок же вовсе не знал и относился к ним пренебрежительно, называя их „враницами“. Не имея вариантов тех же сюжетов из Климовки, вообще располагая весьма скудными сравнительными материалами по деревням ниже Усть-Цыльмы, тем более не зная тех вариантов, которые явились источником знания Н. С. Торопова, совершенно невозможно говорить об индивидуальных моментах в его творчестве. Несомненно одно, что записанные тексты несут отпечаток художественного мастерства, и что некоторые из них принадлежат к лучшим по стройности и полноте из записанных на Печоре (Илья Муромец и сын, Василий Игнатьев). Все тексты — в плане печорских традиций. Характерная для Печоры тенденция к фантастической расцветке, к усилению сказочно-эпических черт, затушевывающих древнюю историческую основу, выражена очень ярко („Скопин“, „Про Матвея, про Луку, сыновей Петровичей“). Замечается и некоторое смешение различных былин (тоже момент частый на Печоре) с перенесением из одной былины в другую отдельных эпизодов (начало былины о Дюке).

НЕДАЛЕКО ОТ КИЕВА

- Недалёко от города от Киева
А стоит ле тридцеть три богатыря.
А пасли-стерегли они да стольней Киев град.
Во первы́х-от у их был да стар козак,
5 Во вторы́х у их Добрынюшка Микитич блад,
Во третьи́х у ех Дунай да сын Иванович,
Во четвёртых-то Самсон да сын Колыбанович,
А во пятых Олѣшенька Попович блад,
Во шестых два брата да Долгополых,
10 Долгополы два брата полонѣнные.
Как инá братья вся была схожея.
Отаманом да был стар козак,
Податаманьѣм Добрынюшка Микитич блад,
А во писарях был Дунай да сын Иванович,
15 А во пóварах Самсон был да Колыбанович,
А во кóнюхах Олѣшенька Попович блад.
Поутру́-то ле утру ле было ра́ному,
На зачине тут было да свету белого,
На подъѣме тут было да красна солнышка,
20 А старой-от козак пробуждаетца,
Ключевой водой да старо́й умываетца,
Полотѣнушком старо́й обтираетца.
Одеваѣт ступеньца на босú ногú,
Надеваѣт кунью шубú на онно плечó,
25 Надеваѣт ле колпак на онно́ ухó,
А выходит старо́й да вон на юлецю.
Как гледел ле смотрел на все сто́роны,
В мороку в тумани нынь худо видитца:

- То ле летит блад ясён сокóл,
 30 То ле едет там удалой доброй молодец.
 Едет винно собака потешаетцэ:
 Впереди его собаки да бёжыт серый волк,
 Позади его собаки да звери всякии,
 На правóм-то плечé сидит ясён сокóл,
 35 На левóм-то плечé дак сидит бел кречёт.
 Едет винно собака да потешаетцэ:
 Подверьх он стрелочьку постреливат,
 Кабы нá пол ту стрелку не юраниват,
 Он в руки возьмёт — пламё мечетца,
 40 А вокруг-то повернёт — искры сыплютцэ.
 Кабы едёт собака да потешаетцэ:
 На правóм-то колéни держыт гумажечку,
 Он гумажечку держыт да гербовой гист,
 На левóм-то колени держыт чернильницу,
 45 Во рука́х-то держыт перо ёрлиное,
 Не того же орла да сизакрылого,
 Да того ле орла́ сизокамьского,
 А не тот был орёл — на лесу сидит,
 А бы тот орёл — на корню сидит,
 50 А гнездо-то он вьёт да на сёр камень,
 Он бы пищу доставāt из синя́ моря.
 Он бы пишет ёрлык да скорограмотку:
 „Я поеду молодёць да в стольней Киев град,
 Я поеду молодёць да там поздороватьцэ.
 55 Я силушку всю во грезь стопчу,
 Я бы князя́ там Владимира под мечь склоню,
 Я бы матушку кнегиню с собой возьму“.
 А помётыват ерлык ко за́ставы,
 А старóй-от берёт, во шатёр пошол,
 60 Кабы будит дружину всю заговорьнюю:
 „Вы встаньте-ко, дружина заговорьная!
 А будёт спать — ста́ла порá вставать,
 Ты вставай-ко, Добрынюшка Микитич блад,
 Ты вставай-ко, Дунай сын Иванович,
 65 А цитай етот ерлык да скорограмотку,
 Ка' да щё у собаки есь написано,
 Ка' да щё у собаки напечатано“.
 Как цитайт Дунэй, сам рассказы́ват:

- „Я поеду молодець да в стольней Киев град,
 70 Я поеду молодець там да поздороватьцѣ,
 Я бы силушку хочю да всё во грезь стопчу,
 Я кнезя ле Владимира под мечь склоню,
 Кабы матушку кнегину да то с собой возьму“.
 А на его старой да осержаетцѣ,
 75 Выбирать он стал кого в сугон послать:
 „А послать нам Олѣшу Поповица —
 А Олѣша Поповичь роду невежлива,
 А невежлива сам роду да не оцеслива,
 Кабы роду-то Олѣша поповьского.
 80 А послать-то ле двух-от братьев Долгополыхъ,
 Долгополыхъ-то братьов полонѣнных же.
 А от не нашей земли они, неверьные,
 А доспеют бы изменушку великую.
 А послать ведь Добрынюшку Микитичя —
 85 Кабы тот ле детинка роду вежлива,
 Да вежлива детинка роду оцеслива“.
 А не видели поездки да молодецкое,
 А увидели Добрынюшка на коня скочил,
 На коня-то он скочил да в струмена ступил,
 90 А увидели да во поле куревá стоит,
 Куревá стоит да дым столбом валит.
 Нагонил-натоптал скоро наскоро:
 „А какой же ты ле едѣш богатырь же?
 Есле русской богатырь, то поворот даю,
 95 Есле не русской богатырь, да я напѣс держу“
 (Сзади хочет ехать).
 А на третье раз да как ругатьцѣ стал:
 „Ты какá летиш ворона да пустопѣрая,
 Да какá же сорока позагубиста?“
 А оттуль ле молодец поворот даѣт.
 100 Кабы даѣт Добрынюшке потяпышу,
 А прибавил бы Добрыни по алабышу,
 А едва ле Добрыня на коне сидит,
 А оттуле Добрынюшка поворот даѣт.
 А увидел старой козак Илья Муромец —
 105 А бы едет Добрыня да не по старому,
 А сидит он на коне да не по прежнему.
 Осержаетцѣ старой да сам срежаетцѣ:

- „Не сварить вам без меня пивнѣ котлѣ,
Привезу вам головѹ вам тотарьскую“.
- 110 Как отправилса старѡй козак Илья Муромец,
Нагонѣл-натоптал скоро нѣскоро:
„Ты какой же нонѣ едѣш за богѣтырь же?
Есле русьской богѣтырь, да поворот даю,
А не русьской богѣтырь, да я напѹс возьму“.
- 115 А на третье ле раз ругатыцѣ стал:
„Ты какѣ летиш ворона да пустопѣрая,
Да какѣ летиш сорока да позагубиста?
Ты ницем зовѣш нас тридцать богѣтырей“.
А оттуль молодецъ да поворот даѣт.
- 120 Кабы съехались два удалых добрых молодцѣ,
Кабы секлись сабѣлками вострыми,
А сабѣлки те у их прищербалисе,
А тыкались копенками бурзамеческими,
А копейца у их да извихалисе,
- 125 А соскакивали робята да со добрых коней,
А хватались робята да в охабоцкѹ,
Кабы бились-боролись да трое суточьки,
А пробили они до колен землѹ.
По бесчесью тут да по великому
- 130 У старѡго-то правѣ рукѣ да промѣхнулась,
А левѣ-то ногѣ да прокѣтилась.
Кабы пал старѡй на матушку сырѹ землѹ.
А садилса Соколик на белы груди,
Он и хоѣт пороть да груди белые,
- 135 Он и хоѣт смотреть его ретивѡ серыцѣ.
А взмолилса старѡй дак да господѹ богѹ:
„Пресвета ти ли мати богородицѣ!
А стоел я за веру за христовѹ,
Я держалса того креста распятого,
- 140 А повыдала поганому Издолищу,
Ты повыдала ему дак на руганьщѣ“.
У старѡго вдвоѣ да силы прибыло,
Он скакал со матушки сырой земли,
А взметал-то Сокольника на матушку,
- 145 А на матушку метал его на сырѹ землѹ,
А садилса ему он да на черны груди.
Замахнулса пороть его черны груди,

- Посмотреть он хождёт его ретиво серьцё,
Застоялась у старого во плече рука.
- 150 — „А скажи е то удалай, добрай молодець,
Откуль идёш да откуль едёш же,
Ты какого отця да какой матери?“
Говорил е удалой да доброй молодець:
„Не роздражай меня удалого,
155 Ты пори скорее мои да груди чёрные,
Посмотри моё ты ретиво серьцё“.
Замахнулся старóй дак во вторóй након,
Застоелась его дак во локтю рука.
— „Ты скажи-ко, удалой да доброй молодець!
160 Ты какого отця да какой матери?“
— „Я сидел когдэ у тя на белых грудях,
Я не спрашивал роду у тя не племени,
Я отця не спрашивал не матере,
Ты пори скорее да груди чёрные,
165 Ты смотри моё да ретиво серьцё“.
Замахнулсэ старóй да во третей након —
Застоелась у старóго да в заведи рука.
— „Ты скажи-ко, удалой доброй молодець,
Ты какого отця да какой матери,
170 Ты откуль нонь идёш да откуль правишся?“
— „Я иду молодець да от синя моря.
Кабы матушка моя да Златыгорка,
А Златыгорка она да полениця же,
Полениця она да преюдалая“.
175 А соскакиват старóй да со черных грудей,
А хватил его молодца за белы руки,
Целовал бы его он в уста сахарные:
„А твоя ле мать б . . . . . ,
А бы то молодець есь ты выб . . . . . ,
180 А любимой ты мой ноньце сын же ведь.
Ты поедь-ко, удалой да доброй молодець,
Привези матушку родимую,
Окрестим-приведём в веру христовую,
А не будёт тебе в поле поединщика“.
185 А разъехались удалы да добры молодцы,
А приехал как молодець ноньце к матушке:
„А ты ой еси, матушка родимая!

А бы ездил-ходил во чистом поле.
 Я бы видел собаку серу седатую,
 190 Он зовёт тебе да право б.....,
 А меня-то кличѣт да выб.....".
 Говорит его ле матушка родимая:
 „Не пустым-то молодецъ похваляетцѣ".
 Он хватил ле тут матушку родимую,
 195 Он хватил ле за косы женьски долгиа,
 А метал-то он ей о кирпичет пол,
 А давал он ей тут да скору смёрточку.
 Погонил на тот право белой шатёр,
 А бы ткнул копьём да во белой шатёр,
 200 Он бы ткнул старому во белы груди.
 У старого на груди был бы чуден крест,
 А попало ему право в чуден крест.
 Просыпаетцѣ старой дак скоро наскоро,
 Выбегает старой да вон на улецю.
 205 Он хватил Сокольника за буйну главу,
 Он оторвал да тут буйну главу.
 А бы туловище отвѣз он во чисто поле,
 А бы воронам да на граенщицѣ,
 А зверем бы его да на тасканщицѣ.

ПРО МАТВЕЯ, ПРО ЛУКУ, СЫНОВЕЙ ПЕТРОВИЧЕЙ

„А Лука де Матвей дети е Петровичи
 А не ездите, робята, да в русьску сторану,
 Ко Митрею не ездите по ронну сестру!
 А Митрий Обраньский он хитёр-мудёр,
 5 По поднебесью летат да ясным соколом,
 По синю по морю ходит рыбой щукою,
 А по чистым де полям и бегат да серым волком,
 А черными грезями чорным да медведём,
 Он густымма новолоками горносталяйником".
 10 А на то ле Лука, Матвей не сдаваютцѣ,
 Итти они ехать да там собираютцѣ.
 Говорил им тут ле дедюшка во второй након:
 „Вы Лука ле Матвей, дети Петровичи!

- А не ездите, робята, да в русьску сторону,
15 Вы ко Митрию не ездите по ронну сестру.
Кабы с Митрием мы на за́ставы
А стояли с Обраньским ровнѡ тридцеть лет.
По окончению того году тридцатого,
Кабы клали с им заповеди великия,
20 Не ё ста рублей клали ле ё тысячи,
Ё своих клали да о буйных го́ловах:
А которой на которого мы наступим же,
У инного по колѣн ноги выломать,
У другого изо лбу дак оци выкопать“.
25 А на то бы Лука, Матвей не сдаютутце,
А итти-ехать да всё срежаютцѧ.
А отправились робята да в русьску сто́рону,
А ко Митрию отправились по ронну сестру.
Кабы ехали они с утра день до ве́чера,
30 На сквозю де ночь тѣмну до белѧ свету.
Приеждяют робята во Обраньской горѡд,
Кабы Митрия дома не случилось,
А Обраньского ле дома не погодилосе,
А уехал во чистѡ полѣ за охотою,
35 Как стрелеть бы гусей да бѣлых лѣбедей,
Кабы ле маленьких да ён утѣнышков.
А бы начали робята да разорѣть горѡд,
А молодых-то молѡдушек всех лѣтѣцами,
Кабы да красных-то девушек всех толпѣцами,
40 Кабы старых-то старух гнули коробицами,
Кабы старѣх старикѡв на ко́лья вѣшали,
Кабы светые церкви соборны держ’ли конюшенки.
Кабы пресвету ту мать богѡродицю,
А спускале они ей на конѣц воды,
45 У светителя Миколы да всё Можайскѣго
Пеленѡй ту пеленали да коней добрыих.
Добирались бы до Митрия роннѡй сестры,
А сидела за трема дверьми за железнима,
За трема бы замками за немецкими,
50 Отрывали бы замки немецкие,
Стпирали они двери все железные,
А сидѣт тут да Митриева ронна сестра,
А сидѣт ёна слезно заплакалась.

(Город ронной розорили, как не уплакаться!)

- Брали они ей за белы руки,
55 Повели бы её да вон на улицу,
А садились робята на добрых коней,
Тут отправились робята да назад домой.
Кабы ехали с утра ёни день до вечера,
На сквозю ночь тёмну до белá светá,
60 А с того с уstatку со великого,
Придумлось молодцам де опочинитьцэ.
Развернули они да свой черной шатёр,
Заходили робята да во черной шатёр.
А бы были у Митрия три ле ворона,
65 Три ле ворона да как кормлёные.
Полетели искать они ласкова хозяина,
А нашли бы во чистём поле белой шатёр.
А э перьвой-от ворон сел на сырой дуб,
А другой-от ворон сел на матушку,
70 А на матушку ле сел на сырú землю,
А третей ворон да сел на бел шатёр.
На дубу-ту ле ворон да стал спрограивать
Кабы сырой-ёт дуб стал пошатывать,
Вершинка с вершинкою сплеталися
75 И к зёмле приклонялися —
Кабы спит тут ле Митрий не пробудитця,
С богатырским сном не розлучитця.
На земли тут ворон стал спрограивать,
Мать сыра земля стала придрагивать —
80 Кабы спит тут ле Митрий да не пробудитця,
Со великим сном спит не розлучитця.
На шатру-то ле ворон да стал спрограивать.
Бел шатёр-от стал да заполаскивать —
Пробужаетцэ тут Митрий нань Обраньский,
85 А выходит ле Митрий да вон на улицу,
Он увидел тут воронов кормлёных:
„Винно есь у меня над горóдом невзгодушка,
Винно есь у меня над Обраньским великая“.
Ёбернулса Митрий тут ясным со́колом,
90 Уж поднялса он да по поднёбесью,
А налетел бы на свой дак на Обраньский горóд.
А стоит ле нонь город розорённый весь,

- А бы Митрия сестра увезёная.
Полетел бы тут Митрий во чисто поле,
95 Он нашол бы стоит там чёрной шатёр,
Ёпускался ле Митрий ко чёрну шатру,
Ёбернулса да горностаальциком.
Как заскакивал он дак на чёрной шатёр,
А глядел бы он тут . . . . .¹
100 А сидит бы ронна сестра заплакалась,
А лежат бы да на колёнях да два татарина.
Кабы начал он тут поскакивать,
А приправу как ихну стал присматривать,
А шелковы-те ерканы все на клуб смотал,
105 А сабёльки востры все повыщербал,
Как тугих-то луков струны повыел все,
Э калёных у стрел уши сколупывал,
А копейца бурзомечески все повывихал.
А выходит бы Митриева ронна сестра,
110 Увидала следки да горностаальёвы,
А идёт бы в шатёр дак усмехантца.
Говорят бы ле тут два татарина:
„Кабы что же ты, красавиця, усмеханшьсе?“
— „Ронной брателко у меня тут поскакиват“.
115 Вылетали татары вон на улицу,
А хватались за ерканы шелковыи —
А шелковы же ерканы на клуб все смотаны.
А хватались за сабли вострыи —
А сабёльки те и повыщербаны.
120 А хватались бы за туги луки скорешенько —
А тугих луков струны все повыены.
А хватались за стрелки за калёныи —
А у стрелок ушей все сколупаны.
А хватались за копейца бурзомечески —
125 А копейца те с носадками вместиа лежат.
Опустили молодцы руки белые,
А обёртывалса Митрий да добрым молодцом:
„Уж вы здравствуйте, да удалы добры молодцы!!
Вам не сказывал ле разве ронный дедюшка,
130 А у нас клажены с им заповеди великия:

¹ В рукописи неразборчиво.

- А которой на которого наступим же,
Э у инного по колен ноги выломать,
У другого изо лбу оци выкопать?“
Уж как он изо лбу оци выкопал.
135 У другого по колен ноги выломал,
Безногого посадил как на безглазого на плеча:
„Безглазой неси, безногой указывай,
Подьте к дедюшке со выслугой!“

ДВА ТУРА, ДВА ГНЕДЫХ ТУРА

- Выплывали два гнеда и два тура,
Настрещу туриця златорогая:
„Здраствуйте, туры да дети малые!“
— „Здрастуй, туриця златорогая“.
5 — „Где же вы, туры, были-побыли,
А што же вы чули, што деяли?“
— „Были, матушка, мы во Шахове,
Были там во Лякове,
Полдён прошли да поле чистое,
10 Поперёк плыли да море синее,
Полночь пришли да в стольный Киев град,
Видели тут чудо мы великое:
Серёдка осённой ночи тёмной
Отпирались ворота городовья,
15 Выходила девиця красавиця
В онных щиблетах без чулочиков,
В онной рубашечке без поеса,
Выносила она на руках книгу,
На руках книгу четырехугольною,
20 Забродила она да во Почей-реку,
Еще поглубже до белых грудей,
Клала книгу на сер горяч камень,
Читала эту книгу четырехугольную,
Не цитае столько, сколько плацет“.
25 — „Уж вы ой еси, туры да дети малые,
Уж вы ой еси, туры да дети глупые!
Какá вам выходила тут девиця,

- Каку вам книгу выно́сила?
 Выходила пресвета мати богородиця,
 30 Выносила книгу евангелъе.
 Чует над городом невзгодушку,
 Чует над Киевом великую:
 Скурло сын Смородович подымаетца,
 У Скурла сына у Смородовича силы много множество,
 35 Некак не можно умом подумати.
 Сорок детей, сорок зетей,
 Сорок королей, сорок королевичей,
 Сорок кнезей, сорок кнезевичей,
 На каждого сына на каждого зетелка,
 40 По три тмы по три тысеци.
 На каждого кнезя кнезевиця
 По три было тмы по три тысеци.
 На каждого короля королевиця
 По три было тмы по три тысеци".
 45 Немножко прошло да поры времечка —
 Наганивал Скурла силу-армию ко Почей-реки,
 Становит силу на том поле на Ольховоем.
 Потемнело тут да красно солнышко,
 Потемнел млад светёл месяц
 50 От того духу человеческого,
 От того пара лошадиного.
 Вёшние дни долгие чёрну ворону вокруг силу не
 облететь,
 Осенние дни тёмные серу волку всю силу кругом не
 обежать,
 А у Скурла сына у Смородовича
 55 Была кобыла старопегая,
 Бегала она скорей пули огненной.
 Садилса он на эту кобылу старопегую,
 Поехал вокруг силу заговаривать,
 Не брала штобы пуля оловянная.
 60 Не брало чтобы копейцо бурзомеческо.
 Заговорил он силу-армию,
 Выбирал из силы сорок королей,
 При сорока выбирал четыре их,
 Пovýбрал он тогда короля Бурлинского,
 65 Дал ему ременчат стул,

- Дал ему бумагу белоярову,
Дал чернильницу ему хрустальную,
Дал пёрышко ему орлиное:
„Пиши прямо князю Владимиру:
70 Добром даст царьсво — мы добром возьмём.
Добром не даст царьсво — мы силой возьмём,
Поезжай ты в стольный Киев град,
Едь не путём не дорогою,
Заеждяй в город не воротами,
75 Станови коня к дубову столбу.
А не вежи коня к золоту кольцу,
Заходи в грини кнеженчески.
Ихним богам богу не кланейса,
Кнезю с кнегиной поклон не дай,
80 Меци ерлык эту грамотку на ременчат стул“.
Во ту пору в то время
Лежал старой на печке на муравленке.
Пропилса старой и прикрылса худой рогозиной,
Пропил свой чуден крест.
85 Заложил кунью шубу,
Заложил пухов колпак.
И говорит старой козак Илья Муромец:
„Ох ты ой еси, солнышко батюшко Владимир-князь!
Какой это зашел болван нетёсаной,
90 Нетёсаной, нестроганой,
Нашим богам богу не молитца,
Челом не бьёт, кнезю с кнегиной поклон не даст“.
На ето король Бурлипской осержаетца,
Выходил вон на улицу,
95 Подпадывал под угол передний,
Хотел гриню кнеженецкую опружить,
Не мог пошевелить.
„Не пуста та весть идёт про кнезя со кнегиною,
И загружены полаты кнеженецкие“.
100 Берёт-то солнышко батюшко Владимир князь,
Берёт золотой казны сколько надобно:
„Пойдём, старой, повыкупим кунью шубу,
Повыкупим пухов колпак,
Повыкупим чуден крест“.
105 Повыкупили кунью шубу,

- Повыкупили пухов колпак,
А в кресте чумак поператься стал.
Берёт он чумака-целовальника за жёлты кудри,
Метал его о кирпичат пол,
110 Давал скоро смёрточку.
Под праву-то пазуху берёт бочёночек,
Под леву руку сороковочку,
Третью ногами он выкатывают:
„Подьте голи кабацкие, пейте зеленó вино безденежно!“
115 Стар козák натегае свой тугой лук,
Кладёт он калену стрелу,
Ко стрелочке приговарива́т:
„Лети, моя каленá стрелá,
Пониже облака ходячего,
120 А повыше лесу тёмного,
Залеті Скурлу во правый глаз!“
Тут Скурлу смерть случилася.

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

- Ай из Нижней из Малой Галицы,
Из той же Карелы пребогатой
Еждает удалой да доброй молодец
А по имени Дюк дак сын Степановеч.
5 Ётьеждает от Нижней Малой Галицы,
А от той ле Карелки пребогатой,
Да Дюк отъеждает за двенадцеть вёрст.
Выеждает на горы да на высокия,
На те же на шоломя на укатисты
(Дюк-то Ильин он выб....).
10 Становил своёго коня да доброго,
Говорил ле он ле сам с собой:
„Кабы ето местечько повыше всех,
Кабы ето местечько покраще всех“.
Вынимаёт сам трубочку подзорную,
15 А глядил-смотрел во все стороны.
Во первы́х-то смотрел сторону под северну,
А во трубоцьки ему тогда знаменуи́тця,

- А в подзорну удалу оказуитця, —
А стоят ле там ледяны́ горы;
20 А глядил бы в стор'ну в подвосточную, —
А стои́т там стольне Киев град;
Гледел бы да во ту стор'ну в подобедицну, —
А стои́т ма́рева баски-кудрявые,
А кудрявые ма́рева хлебородные;
25 А гледел бы под ту стор'ну под летную, —
А стои́т ле там да поле чистоё,
А на том ле поли право на чистоём
Кабы ездят могу́ци русьски богáтыри,
А бы ездят молодци-та потешаю́тцэ;
30 А гледел под ту стор'ну под западну, —
А стои́т там Нижня да Мала Галиця,
А и та же Карелка прибогатая.

ПРО СКОПИНА, СЫНА ИВАНОВА

- А во стольнём городе было́ во Киеви,
А у ласкова князя было́ у Владимира,
А столóваньё у князя было́ у него пирóваньё
Как про многих купцей людей богáтых,
5 А про многих про русьских да про богáтырей,
А про многих палени́ць славных приюдалых,
А про многих про татар толстобрюхи́х.¹
Все ле на пиру сидят пъяны-вёсёлы,
Все сидят да прирасхвастались.
10 Умной хвастат ста́рой матерью,
Да глупой хвастат молодой жоной,
Иной хвастат золотóй казнóй,
Иной хвастат могу́тóй-силóй,
Иной хвастат да конём добрым,
15 Иной хвастат теремом хороши́м,
А Скопин-от хвастат порóй прежнему:
„Прежде досель да в молодú порú
Не боялся Скопин сорока полков,

---

¹ До сих пор спел. Дальше сказывал „ро́сскэзью“.

- Сорока полков да сорок тысячных.
- 20 Города ти брал я с пригорóдками,
Селá те деревни брал с приселеньями,
А Малюту прежде во полóн бирал,
Три года держал я калачьницей,
Три года держал подручьницей,
- 25 Три года держал сполюбовницей.
Сыпал у Малюты на правóй рукий,
Целóбевал Малюту в уста сахáрные,
Бра́живал Малюту ниже чéрева“.
На́ то были злы люди донóсчики,
- 30 Донесли́ они Малюте Скурлатишне.
На́ то зла Малюта была обманьчи́ва,
Осержается Малюта дочь Скурлатишня,
Подходит князю к Владимиру:
„Уж ты ой еси, наш солнышко Владимир князь,
- 35 Солнышко Владимир князь да стольно киевской!
Позволь мне взять своей чяры позолоченой.
У нас все на перу сидят да пьяны-вёселы,
Они все сидят да расхвастались,
Один Скопин сидит у нас не пьёт, не ест, не хвастает.
- 40 Не бо́лит ли у него да буйна го́лова,
С того похмелья со вчерашнего?
Не оправитьца ли он от меня кумы,
Не для ради кумы, ради крестника?“
Позволил наш солнышко Владимир князь
- 45 Взять чяру позолочену,
Берёт-то чяру цярскую,
Спускается во глубóки по́гребы
И заходит во узеньки чуланчики,
Наливает чяру зеленá вина́,
- 50 Подливает во чяру зелья лютого,
Зелья лютого, са́ла змеинного.
Приполняет во чяру ро́гу ту́рьею
И ме́ду сладкого,
На закуску колачик бел крупичатой.
- 55 Выходит из узеньких чуланчиков
И вздымается из глубóких по́гребов,
Берёт-то чяру во праву́ руку,
Во леву́ руку берёт кресника,

- Подходит к столам дубовым,
60 Поклоняится Скопину сыну Иванову:
„Скопин сын Ивановичь,
Любимой ты мой кумушко!
Не болит ли твой буйна голова,
С того похмелья со вчерашнего,
85 Не оправился ли ты от меня кумы,
Не для ради кумы, ради крестника?“
Говорит Скопин сын Ивановичь:
„Гледите, дружья-братья-приятели во чяру позволочену!
По бокам-то у чяры огонь горит,
70 По середочке чяры ключ кипит.
Если не пить эту чяру — виновату быть,
А если пить эту чяру — живому не быть“.
Понадеялся Скопин на могуту силу,
Берёт-то чяру рукой правою,*
75 Перелаживат в руку левую,
Крестилса рукой правою:
„Пресвета божья мати богородиця!
Пособи мне-ка нести такой тягости.
Стоял я за веру за христовую,
80 Держался креста распятого“.
Пьёт-то чяру ко едину духу.
Немножко прошло да поры времечка,
Помутились у Скопина де очи ясныя,
Подрожали ка' ноги резвяя.
85 „Уж вы ой еси, дружья-братья-приятели!
Ведите поскорей да вон на улицу,
Садите меня да на добра коня“.
Во праву руку берёт крестовой брат,
А под леву руку берёт стар казак,
90 Повели Скопина сына Иванова вон на улицу.
— „У меня душа надо спасти, с душа грех свести:
Молодую пору было много бито-граблено,
Понопрасному обижено“.
Садил Скопина да на добра коня,
95 Куды конь бежит, туда Скопин едет.
Увидела матушка родимая из высока нова терема,
Ткнуло ейно ретиво сердце,
А прострелило груди белые:

- „Едет Скопин у меня не по старому,
 100 Сидит на коне да не по прежнему“.
 Побежала вон на улицу,
 Хватала Скопина да за белы руки,
 Целовала в уста сахарныя.
 Говорит Скопин сын Ивановичь:
- 105 „Уж ты ой еси, матушка родимая!
 Сходите скорей по отця попа духовного,
 Надо душа спасти да с души грех свести —
 Молодú пору бито было граблено,
 Повопрасному много было обижено“.
- 110 Как Скопин покаелса, так Скопин представилса.
 Хоронили Скопина сына Иванова,
 Украшали его по заслуге его:
 Во буйнú головú клали мечь кладенець,
 Во правú рукú да саблю вострую,
- 115 А во левú рукú клали тúгой лук с каленой стрелой,
 А во резвы ноги копéицо бурзомéческо.
 Похоронили Скопина сына Иванова.
 У его-то матушки родимые
 Заплывчиво было серцё паленическо.
- 120 Не могла снести такой тýгости,
 Скакала-падала на добра коня,
 Погонíла во город искать виноватого.
 Пригонíла во стольно Киев град:
 „Господа вы подворотники,
- 125 Отдайте мне виноватого!“
 — „У нас нету в городе виноватого —
 Уехала во чисто полё на троичьки“.
 Соскакивала со добра коня,
 Смотрела ископыт лошадину —
- 130 Пролегла ископыт лошадина во чисто полё.
 Погонíла в сугон сзади,
 Натоптала скоро наскоро:
 „Уж вы ой еси, молодцы ямщики!
 Вы мне не виновáтые,
- 135 Отдайте мне виноватого!“
 Соскакивала со добра коня,
 Хватала за косы за долги за женьския,
 Метала о матушку сырú землú,

Давала ей да скоро смёрточку,
140 Вязала коню за долгой хвост,
Потащила по чисту полю,
Где рука, где нога, где буйна голова.
Сына не оживила, а всё же ей нарушила.

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ ТОРОПОВ

В 1929 г. — 57-летний крестьянин д. Климовка Усть-Цылемского района. Жил вдвоем с женой в небольшой избе, рядом — сын, с ним разделившийся. Внуки были постоянно в избе около деда, который, видимо, их очень любил. Грамотный. Физически слабый человек.

От него записаны побывальщина про Илью Муромца, начало ее (исцеление Ильи), спетое в виде былины, былина „Садко“ и начальные стихи былины об Иване Годиновиче. Исчерпывается ли этим его былинный репертуар — выяснить не удалось. Исполнение его характерно в том отношении, что он совершенно не может передать текст былины словами, он или поет, или рассказывает былинку как сказку. Пересказав мне таким образом побывальщину про Илью Муромца, Торопов сказал, что поет ее всю, но спел лишь самое начало, очень близкое к тексту начала побывальщины не только по содержанию, но и по словесному его оформлению. Добиться, чтобы он спел всю былинку, так и не удалось. Вообще записывать от него было очень трудно, так как он непрестанно отвлекался, вступал в разговоры с заходящими в избу и т. п. По словам исполнителя, былины усвоил от отца, который их пел. Сам П. И. Торопов быстро устаёт от пения и требует, чтобы ему помогали присутствующие, подхватывая за ним напев. Дома ему таким образом подсобляла жена Анна Григорьевна Торопова, 52 л. Кроме былин, П. И. Торопов знал и рассказывал разные сказки.

ПРО СТАРОГО

- Ай когда сидел старóй на печки на муравленке,
Он сидел кабы старый как без рук без ног,
Он сидел ровнёшенько, братья, ровно тридцать лет.
Приходили как к ему калики убогия,
5 Кабы сумочьки к ему да переносныя.
— „Как сижy я, старóй, на печке на муравленке,
Я сидел-ко ровнёнько право тридцать лет“.
— „Ты вставай-ко старóй со печке со муравленке,
Ты подай-ко милосыню спасённую!“
10 Говорил кабы старóй каликам преюбогим:
„Как не действуют у мня руки-ножецьки“.
Уж и 'друг скодил старóй со печки со муравленки.
Говорят-ко ему калики как убогия:
„Ты спустисе-ко, старóй, в рен... да в ренски по́греба,
15 Ты налей-ко себе цярочку зе... ой да зеленá вина,
Ты не малую кабы цярочку ой кабы полтора ведра́“.
Ой подносил каликам нонь ой да преюбогим.
Ой говорят калики ой да преюбогии:
„На выпей-ко цяру да зеленá вина́,
20 Кабы ты выпил нонь, старой, цярочку ой да зеленá
вина́“.
Тут спросили калики ой да преюбогия:
„Кабы много и чувствуеш могуту-силу?“
— „Во мне силушки эй стало ой да много множество“.
— „Ой ты налей-ко, старóй, ещё цярочку ровно два
ведра́“.
25 Он спускаетце эй старинка да в ренски по́гребы,
Ай он налил кабы стар эй да зеленá вина́,

Он бы выпил, старóй, он эту цярочку эй да на едiн дух.
Ай тут спросили у старого калики нынь ай нынь
убогия:

„Ай ты много ли, старой, чувствуеш ай да могуты-
силы?“

30 — „Ай да кабы был столб таперичя столб ай да ко сырóй
землi,
Ай дó неба, я поверну́л, старóй, нижнóй конéц“.

ПРО СТАРÓГО

Отец старóго был Муромец, а мать — Анастасея Софеевна. Отец и мать его засеяли, он и родился. Он у их рос до тридцати лет без ног, без рук, сидел на печке на муравленке, отец и мать его всё кормили. Отец и матери его в то время в зимнее время раз-ной работой занимались, а в летнюю пору поля разнимали. Целых тридцать лет сынок нездоров был.

Сидит он на печке на муравленке — отец с матерью дома не жили — сидит он на печке на муравленке, старóй козак Илья Муромец. И вот заходят три сиротины. „Здравствуй, говорят, старóй козак Илья Муромец“. — „А, говорит, здравствуйте, калики убогие, сумки да переносные“. И говорят калики: „Старóй козак Илья Муромец! Поддай милóсыню спасенную“. Он и подал мило-сыню спасенную. Они и говорят: „Старóй козак Илья Муромец, вставай с печки со муравленки!“ А он и говорит: „А и ой еси, калики убогие, сумки переносные! Я сижу на печке муравленке ровно тридцать лет. Я встать, говорит, не могу“. А калики гово-рят: „Вставай, старóй, не омманывай!“ Говорят до трёх раз, всё не верят ему. Старóй козак Илья Муромец, как они глазами взвели, вскочил с печки со муравленки. Откуда взялись руки и ноги у старóго козака Ильи Муромца.

Говорят эти калики убогие: „Спустись-ко ты в ренские погреба глубокие, налей цяру зеленá винá и принеси к нам сюда“. Вот он спускался и вино им поднял, не велику цяру, не малую — равнё-хонько полтора ведра. И калики и говорят: „Ну-ка, выпей, Илья Муромец, эту цярочку в полтора ведра на единый дух“. Вот он и эту цярочку выпил на единый дух и не прикорчился. Вот он и подвыпил. А калики его и спросили: „Много ли чувствуеш

силушки?“ А он и ответил: „Во мне силушки много множество“. — „А ну-ко ещо, старой Илья Муромец, спустись в ренские погреба, подними цяру зеленá винá, не малу, не велику, а в два ведра ровнѣхонько“.

Вот он и спустился, опять налил вина виноградного два ведра и подал. Калики опять приказали выпить. Он и выпил. Они спросили: „Много ли чувствуешь могуты-силы?“ — „А во мне, говорит, силы стало много множество. Было бы в матушки во сырой земли столб от земли до неба, а в столбу колечко золотое заверчено, поворотил бы нижний конец вверх, а верхний вниз“. Эти калики оворят и в третий раз: „Спустись ты, Илья Муромец, в ренские погреба, налей цяру зеленá винá не малу, не велику, в три ведра ровнѣхонько“. Вот он понял третью цяру вина. А они и говорят: „Выпей-ко эту цяру в три ведра“. Вот он эту цяру выпил, третью-то. А калики его на третий раз спрашивают: „Много ли чувствуешь могуты-силы богатырской?“ — „А во мне стало, говорит, силушки — половинушка“.

Тогда он бросился в кут по милосыню. А вернулся — калик нет, двери не отворялись, а каликѣ потерялись. Старой же козак Илья Муромец выскочил на улицю, хотел калик догнать. На улице нет никого. Выхватил из кармана трубочку подзорную, посмотрел в поле, где отец и мать в поле занимаются. Тогда же он в то поле побежал дубѣ рвать. Стал он из земли дубѣ рвать-крошить со всем с кореньѣм. Отец-мать тридцать лет поле рознимали, а он в три часа поле очистил, старой козак Илья Муромец, ихнее детѣще. А отец-мать увидали: „Экой богатырь их поле рознимает“. А он в то время забежал в ѣзбу, лёг на койку, где отец с матерью спят, отдыхать. Вот отец и матери пришли, зашли с поля в ѣзбу, а на кровати их сын спит, старой козак Илья Муромец. Вот отец и матери поймались ему на шею и заплакали: откуда ему бог руки-ноги дал? Тогда же он сказал: „Не плачьте, отец и мать, дал мне руки-ноги бог“. Вот он тогда на ноги стал.

И стали из города приходить посматривать старого козака Илью Муромця. Он тогда и говорит, старой козак: „Отець мой родитель, пояждий в стольной Киев-град, купи бурушка троелеточка“ (*по нашему — коня*). Вот тогда отец его Егор Тимофеевич пошел в стольный город Киев-град (*такой же, как Питер был*). Вот отец сходил в город и купил там коня бурушка косматенького троелеточка. Илье Муромцу конь понравился. Вот Илья Муромец коня взял и дал отцю денег тридцать златниц злата и серебра.

Тогда же старóй козак Илья Муромец оседлал своего коня, обуздал, поеждает в чисто поле, пробует, каков конь у его. Вот сколько ли поездил, долго ли, коротко ли, — приеждает к своему отцу Егору Тимофеевичу. Тогда же он, старóй козак Илья Муромец, снимает доспехи богатырские, палицу буёвую, и все шелко́вые арканы, копьё долгомерное и саблю вострую. (*Товаришши носят шапки, а богатыри сабли.*) Ставил своего коня и кормил пшеном белояровым.

Вот он тогда, козак Илья Муромец, коня спустил и роздёрнул шатёр белобархатной (*у русских богатырей белые шатры, у чужих — чёрные*).¹

И заходил Илья Муромец в свой белой, шатёр, поставил столики дубовые, роздёрнул скатерти белобархатные. Тут старóй козак Илья Еремеевич попил, покушал, стал во полухмелью. Вот старóй ложился спать и заснул сном богатырским. Спал старóй в шатре двенадцать суточек. На тринадцатые сутки старóй пробужается. Одевался, вымывался ключевой водой, утирался тонким чистым полотёнушкой, молился госпóду богу, сел, попил, покушал за столики дубо́вые. Выходит старóй козак Илья Муромец вон на улицу и имал своего добра́ коня. Садился на добра́ коня и отправилса старóй козак к отцу-матери в свой родимый град.

Вот он приехал к отцу-матери. Снимали отец-мати со добра́ коня старóго козака Илью Муромца. Заходил старóй к отцу с матерью. Прожил с ними месяц, более. Вот он задумал ехать. Говорит отцю-матери: „Сдумал я ехать в стольной Киев-град“. Вот он отцю в ноги пал. Отец и спустил его. Вот он и матери родимой Анастасеи Софеевне в ноги. Анастасея Софеевна не спускает: „Не ездí в стольной Киев-град, не дам благословения“. А он лежит, и плачет, и просит. Ну, она и спустила. Только говорит: „А подорожных людей не убивать, а безвинных не ворошить!“ Мати его подняла с полу. Он и вышел старóй козак Илья Муромец на улицу. Он и клал двенадцать подпругов на коня, штобы конь из седла не выронил, а тринадцатую клал через кониную степ для всякой всячины. Собралса народ смотреть, много народу скопилось, хотят смотреть поездку Ильи Муромца, как он поедет. Никто не мог увидеть, как старóй скрылса из глаз, уехал из города. Скопотíл все желты пескí макарёвьски, куревá идёт, дым

---

¹ На этом месте рассказ был прерван хозяйственным разговором с пришедшей женщиной.

столбом валит. Вот старóй козак Илья Муромец — не видать схода красна солнышка: всё чисто скопотил всю землю матушку. Вот, значит, какое дело.

Тогда же старóй козак Илья Муромец выехал в поле, по полю трое суток кáтит. Подъезжает он к дубову столбу на трактовóй дороге, а на столбу золоты подписи велики подписаны. Старóй козак Илья Муромец близёхонько подъехал и видит: „По премóй дороге ехать — быть богатому. А по левой дорожке ехать — быть женатому. А по правой дорожке ехать — быть убитому“. Вот Илья Муромец и призадумался: „А на што мне старóму на стáры дни богачество, на што злато-сéребро? А щё мне старому жениться? А женитьця на стáры дни — чужá корысть. *(А он еще не старой, тридцать лет.)* А поеду я по той дорожке по правой, где мне быть убиту“. Вот старóй козак Илья Муромец отправился в стольной Киев-град по той дорожке, где быть убитому.

Вот он долго ли, коротко ли ехал, больш́й те речки плавуном плывёт, а мелкие речки промеж ног берёт. Вот он приехал во чистó поле. Много в чистом поле стоит силы-армии. Стоят разбойники-подорожники. А эта дорога запала-залегла ровно тридцать лет. Никто по ней не ежживал. Вот заезжает старóй Илья Муромец в эту армию, в самую серёдо́чку. Остановил коня в самой серёдке. И говорит-то козак Илья Муромец: „Уж вы здравствуйте, удалы добры молодцы, всё сыновья-дети отечьские!“ Они ему никакой ответ не дают. Вот они начали друг дружку глазами помаргивать, хотят Илью Муромца убить. А Илья Муромец на коне сидит, ни к чему не ведаёт. Он и говорит: „Уж вы удалы добры молодцы, сыновья-дети отечьские! Уж и взять с меня, старóго, нечего. Есь у меня сорок калёных стрелочек, и каждая стрелочка стоит по рублику, и всего-то это выйдет сорок рубликов. А есь у меня с собой пухов колпак, если продать, стоит он петьсот рублей. А есь у меня с собой кунья шуба. Конь у меня простóй — без числа сметы нет — столько стоит“. Вот эти разбойники-подорожники хотят старóго убить, голову срубить. А отец, мать благословения не дали людей убивать.

Вот Илья Муромец снимает тугóй лук и кладёт калену стрелу в тугóй лук. И спускает калену стрелу во чистó полё во матушку во сыру землю. Залетела эта стрелочка во сыро́й дуб. И был этот дуб вышиной в десеть сажень, а шириной в три охвата мусьские. И залетела калена в дуб и весь дуб раскрошила в мелкие дребезги. От этого страху от великого все разбойники пали на

землю и лежали трое суток. А старóй козак эти трое суток всё на коне высидел, ждёт, как встанут. Тогда на четвёртые сутки все проспались, встали на резвы́ но́ги. Вот тогда эти разбойники все кланяются старóму козаку Илье Муромцу. Говорит старóй козак Илья Муромец: „Уж вы ой еси, разбойники, удалы добры молодцы! Будете вы подорожничать, с онного разá сниму у всех головы с плеч, всех побью“.¹

Ну вот ланно, хорошо. „Обернитесь вы на восточну сторону, помолитесь вы богу и станьте добрыми людьми, не подорожничайте, и я тогда вас прощу“. Вот они тогда стали, помолились богу на восточну сторону: „Што и станем мы, разбойники-подорожники, станем стоять за веру за крещёную“. Тогда старóй казак Илья Муромец оставил их в живых и сам поехал от'их прочь.

Долго ли ехал ли коротко, доехал до большого болота зыбучего, тут был калинный мост. По тому мосту русские богатыри ездили всё. Некоторые мостовины по этому мосту выгнели, некоторые свалились. Вот он тогда спустил коня во чисто поле. Начал ладить мост. Этот мостик, мостовинки он повыстал, столбики повыстановил, а мост весь повыладил. На столбы́ разных птиц повесадил. Тогда вскочил старóй козак Илья Муромец на добра́ коня и отправился опять в путь-дороженьку по этому мосту. Долго ли, коротко ли ехал. Едет по чистому полю, коня не поит, не кормит и сам не ест, всё едет в путь-дорожку. Вот он долго ли, коротко ли ехал. А тут Соловей-разбойник, самый главный подорожник, на дубах на великих гнездо свито. Не допускал он на двенадцать вёрст, страхом-рёвом людей убивал. Тогда же Соловей Рахматович засвистел по-змеиному, заревел по-звериному. У старóго козака Ильи Муромца конь на все четыре коленца пал, а старóй сидит. Тогда старóй вытаскивает плёточку шелко́вую, коня одёрнул шелко́вой плёткой; скочил он на резвы́ но́ги, по ста́рому стал. Тогда старóй козак Илья Муромец сымал со плеч тугóй лук свой, лук подорожной. И стрели́л он по матушке сырой земле в сторону, где Соловей сидит. Перву-то он стрелочку не до́стрелил, ниже она ушла; кладёт он другу в лук, стрелят во матушку сыру землю. Другу-то стрелочку стрели́л, прома́ху опять сделал. Кладёт он третью стрелочку в тугóй лук и метит в Соловья Рахматовича и спустил каленú стрелу. Полетела каленá

---

¹ Рассказ опять был прерван посторонними разговорами с пришедшими женщинами.

стрела и залетела Соловьёю прямо в правый глаз. И полетел Соловей Рахматович со тех дубов с матерящих со великих на матушку на сыру зёмлю. А старóй козак начал погáнивать коня к Соловьёю-разбойнику, и подгонíл, и схватил за бёлы руки, и завезал к седлу и подвесил ногами подвeрх, головой испод, так его и везёт.

Вот едет к его́вú двору, где его жена. Дети малые бегают, играют. Прибежали, говорят: „Мамонька, едет наш татетка, везёт русского богатыря— ногами наверх, головой испод“. Тогда же мати говорит: „Нет, дети мои любезные. Едет Илья Муромец, везёт вашего татетку головушкой испод, ногами вверх“. *(Она уж знает.)*

Вот Илья Муромец подъезжает к их высокому терему. Там стоит столб, на нем три колечка. Одно колечко менно, друго серебрено, третье злато. Он за все три колечка коня завёзал. Заходил тогда в палаты ейны кнеженецкие поганные. Ихним богам богу не молитца, целом не бьёт и головы не гнёт. Тогда сейчас дети малые и сама она в ноги кланяютца: „Прости нас, старóй козак, мы виноваты, что подорожничали“. Старóй козак простил, не убил понапрасному егову жену и детей. У его ещё были три дочери змей. Две дочери пришли, простились, старóй их не убил, а третья не пришла, спряталась. Тогда старóй козак Илья Муромец вышел на улицу, сел на коня и ладит поехать. А у их было трое воротá подмазаны. Вот старóй под эти воротá подъехал. Вот он проехал эти ворота, што двое сестер простились, а под третьи подъехал, сам и конь полетели в яму. А у коня были под собой бумажные крылья, старóй и не знал, он и поднялся и удержался. Тогда он заскочил в ейный шатёр, она в ём и сидит, некуда ей деваться. Заскочил в шатёр, схватил за волосы за долгие за женские и хватил ее о пол. Тут ее убил, разлетелись ее кося по матушке по земле, а тых оставил в живых.

Вот тогда старóй козак поехал в стольной Киев-град. *(Раз поехал, нужно доехать.)* Долго ли, коротко ли ехал, одержал коня, заехал на высоко место, на холм. Посмотрел в трубочку подзорную во все стороны, где стольной Киев-град.

Вот он тогда посмотрел под сторону под летнюю— стоят одни поля зелёные, одни луга прекрасные; поглядел под сторонушку под западну— увидел снёги глубокие, ничего не увидел, ничего не знаменуетця; поглядел он под сторону под зимнюю— увидел там большие велики льды непроходимые.

Потом посмотрел в тёплую сторону — стоит стольной Киев-град. В знаменах знаменуетця, в трубочку оказуетця. Тогда старóй козак Илья Муромец сел на коня и поехал вперёд. Поехал до Киева-града. Долго ли, коротко ли ехал, доехал до Киева-града. Ворота все поперты, стены все повыкладены, штоб в город никто не проехал, всё закреплено. Да тогда старóй козак Илья Муромец одёрнул коня: „Неси меня, конь, через стены городовые!“ Хватил он плёточкой шелкóвой. Скочил конь через крепости городовые, да вот тогда старóй козак по городу едет. Заеждает к дворцу хрустальному кнеженецкому. Заеждает в ограду. В ограде столб, на столбе подписи подписаны, золоты буквы: „За менно кольцо везать людям мещанам городовым, кресьянам всем; а за серебрено кольцо везать людям торговым, купцям всем, людям чиновным; а за золото кольцо везать кнезьям, русьским богатырям, поленицям преудалым“. А Соловей Рахматович всё у седла висит, всё живой ещё. Соскочил тогда старóй со добра коня, сымает шелкóв повод, снимает доспехи богатырские, все сбрую лошадиную. Вот старóй Илья Муромец насыпал пшены-муки белояровой, налил баскóй воды медляной, наложил шелкóвой травы. Тогда заходит старóй козак в палаты кнеже-нецкие, поклон-то он ведёт по учёному, а молитву творит по исáному, на все на четыре стороны покланяетця, князю и кнегине в особицу. У князя почестен пир, народу много множество. Тут вси кнези, русьские богатыри. И вот князь Владимир его принимает. Сымает с его дорогú шубу енóтову. Посадил его за дубовой стол за перёдний. Вот его начали спрашивать: „Откуль, добрый молодец? Куда путь правишь?“

Вот и стал рассказывать: „Еду я из города Карачаева, зовут меня старóй козак Илья Муромец“.¹

Вот и стали его спрашивать: „Покуль ехал, какой дорожкой?“ — „Я ехал той дорожкой прямоеждею, и всех видел я розбойников и всех подорожников. А ежели вы не верите, я привёз Соловья Рахматовича с собой“. — „Ну, если привёз, так неси с собой Соловья Рахматовича“. *(Все ведь добрыи князи, богатыри, и я там был, под поро́гом сидел.)*

Вот тогда он и занёс, старóй, Соловья в избу. Все на Соловья смотрят, у Соловья стрелá так в правóм глазу и сидит, кровь бежит. Князь и говорит: „Старóй козак Илья Муромец!“

---

¹ Рассказ снова прерван.

Я на веку не слышал свиста соловьиного, рёва змеиного, пусть Соловей засвистит, заревёт“. Ну вот ланно, хорошо. Старой козак и приказывает: „Засвисти, Соловей, в полсвиста, зареви в полрева по-соловьиному да по-змеиному“. Ну, вот, значит, он и заревел, засвистал во весь свист. Только весь княженецкий дворец задрожал. И заревел по-змеиному во весь рёв. Все попадали. А князя да княгиню Илья Муромец за руки держал, так они дрожали.

Вот всё это время прошло, народ стал шевелиться. Илья Муромец схватил Соловья Рахматовича и потащил вон на улицу из палат княженицких. Вытащил, бросил о землю, тут он и убил.

Вот он тогда зашел на почесен пир. Вот тогда стали подпаивать зеленым вином. Подле правой руки сидит Самсон Колыбанович, а подле левой руки — Дунай сын Ивкович. Вот народ стал на пиру все пьяны. Отецкой сын хвастает золотой казной, а новый хвастан высоким теремом. Вот тут на пиру доспелись, народ пьяный, все разошлись кто куда на улицу, в чисто поле, сделали шатры и легли спать. Богатыри-то спят, а курзы-мурзы городовые стали князю сказывать: „Старой шибко хвастает: «Я все дороги проехал, приехал в стольной Киев-град. Стольной Киев-град весь возьму, силу всю повысеку, князь Владимира возьму в работники, а княгиню-государыню возьму за себя замуж»“. Тогда же князь Владимир крепко осердился. А княгина этого дела не знает, ещё спит. Владимир-князь приказал: „Курзы-мурзы, копайте яму долину сорока локот, и в ширину сорока локот, и в глубину сорока локот, и посадите старого Илью Муромца в эту яму со всем с конём. Накладите шлеги железные наверх, положьте плиту железную на эти матицы. Навалите матушки сырой земли. А на матушку сырую землю навалите дикого камня серого“. (А старой в поле спит, ничего не знает.) „И залейте всю цементом. Тогда придите ко мне обратно“. Вот они пришли обратно. Старого посадили, он сидит лет тридцать. Думают — помер. А княгина свет-государыня доспела подкопы, и она там поила-кормила его тридцать лет, и никто не знал.

Вот на этот город нашла сила-армия несметная, поганая. Поганый Идолишко приезжает. Приходит посол: „Пусть князь со мной добром мирится, а княгиню замуж за меня отдаст!“ (Вот какие разбойники-подорожники пришли!) Вот пришла сила, а князь сильно запечалился: некого послать воевать. А княгина подошла и говорит: „Дозволь мне слово молвить супротив себя.

Ой же ты солнышко Владимир-князь! У нас живóй в яме сидит Илья Муромец“. А Владимир собрал силу большую против Издолиша, никто не может одолеть. Ну вот князь и приказывал: „Курзы-мурзы, идите откапывайте Илью Муромца и ведите ко мне на лицё, буде живой“. А князь думает: „Какой богатырь! До сих пор живой в землѣ“. Вот пошли, каменья свалили, плиту сняли. Сидит Илья Муромец на дубовом столе, на столе книга-евангелъе и читат старóй, сам бел и конь бел. Вот эти курзы-мурзы кланяютца: „Просит тебя солнышко Владимир-князь, тебя на почестен пир“. А старóй головы не поднимает, не гнёт, сидит, читает книгу-евангелъе. Тогда раскопали яму. Курзы-мурзы пошли к Владимиру и сказали: „Да, действительно, Илья Муромец сидит, читает книгу-евангелъе, челом не бьёт, головы не гнёт, своей буйной головы о стол. Сам бел, как бел кúропат, сам бел и конь бел“.

Князь поехал на лошади, кучер повёз. Не подымат старóй буйной гóловы, ничего не разговариват. Вот приехал и начал рассказывать всем русьским богатырям и своей кнегине. И говорит кнегины: „Ты, моя хозяйка, пойди, попроси, может послушает тебя, подымет свою буйну голову, приедет на почесен пир“.

Ну вот кнегина и поехала. Кучера тоже повезли. Вот она подъехала, с коляски слезла и подошла к этой ямы. Вот подошла, кланяетца: „Здравствуй, старóй козак Илья Муромец! Напала на наш град рать-сила несметная, хочет весь град огнём сожгать, весь народ полонить, меня взять в куфарочки. Не можешь ли оборонить стольной Киев-град?“ Тогда старóй козак Илья Муромец вскочил на резвы ноги, пал кнегины в ноги и говорит: „Рад, кнегина, тебе служить, еду в ваши палаты княженецкие, к кнезю Владимиру на почесен пир“. Вот кнегина не успела приехать, а Илья Муромец уж едет на своём коне ко ласкову князю Владимиру, опять к тому столбу, опять привезал коня.

Опётъ зашел, поздоровался, и его посадили в передний угол на то же место, где он сидел, когда из города своего от отца-матери уехал.

Тогда князь говорит: „Ой же ты, старóй Илья Муромец! Стена наша городовая, дума наша крепкая, задвирочка наша золочёная, пособи нам горе мыкати!“ А старóй говорит: „Ой же ты, князь Владимир! Не со мной ты пил-кушал, не со мной думу думал, а с погаными татарами кособрюхими“. Подошла кнегина и говорит: „Пожалей, старóй козак, Илья Муромец! Заступись за наш стольной Киев-град. Побей, покоси силу-рать несчётную, поганую!“ Вот как

кнегина и сказала, все русские богатыри от князя вон пошли. Вот все они ошатились в поле, в оном шатре двое, в оном — трое.

Долго ли, коротко ли спали, все собрались в онном месте, начал старой с ними толковать. Говорит старой всем русским богатырям: „Вот таперича я, говорит, поеду в поле один, послушаю силу великую. А вы ждите, слушайте. Тогда я буду косить силу-армию несчётную. Зазвонит моя сабля вострая, забрякат моя поклюшкa золочёная (*у саблѣ*), тогда не ездите во чисто поле. А буде не забрякат моя сабля вострая, не зазвонит поклюшкa золочёная, — выеждяйте ко мне в поле чистое, помогите, пособи́те косить армию великую“. Вот тогда старой и поехал в поле. А богатырь Самсон и другие к землѣ приникли, ушми припали.

Старой заеждает в серёдку силы-армии несчётной поганой, и начал косить-рубить силу-армию несчётную безобразную. Зазвонила сабля вострая, забрякала поклюшкa золочёная. Тогда не поехали к старому пособи́ть. Вот старой косил силу-армию татарскую суточкѣ без питеру, без едеру, безо снѣ.

Ну вот ланно, хорошо. Остальные богатыри выехали рубить, всех покосили, остальные, кто мог, на кораблях ушли. Вот тогда перекосили, стоят, толкуют, кони побрели. Вот тогда в поле выехали, свалились в шатры спать. А в городе флаги весёлы навесили, кабаки новы царёвы отворили — вино пить безденежно. Вот эти богатыри вставали на резвы ноги, умывались ключевѣй водой, богу молятца, утираютца чистым белым полотёнушкой. Тогда в город приехали, заеждют в новы царевы кабаки, стали пить вино безденежно.

Тут и конец.

ПРО САДКА

Ай заводилсѣ у Садка купця почесен пир,
Кабы те оне на пир бы люди собиралисѣ,
Кабы те Садку на почесен со... ай да соезжалисѣ.
Как берёт Садко в руки гусли ба... ай да баско звонкиѣ,
5 А как да начал он на гусёлышках поигрывать,
Ать да не зандравила Садка игра на чесном пиру,
Ай пошел Садко он вон на юлицу,

- Ай он пошол Садко купець он ко синю́ морю,
Ай он садилса Садко он да на горючъ камень.
- 10 Он и начал у синя́ моря разыгрывать,
Вдруг-ко сине море ко... ай до колыбаецца,
Кабы из моря вѳдьян царь да поднимаетца.
Говорит Садку да водяной ле царь:
„Подводи-ко ты, Садко, червлѳны корабли,
15 Я те много дам, Садко, денег множество“.
А подводил Садко скорей кораблицки,
Тут много множество денег пожертвовал.
Тогда сдумал Садко купець богатое
Он ведь сдумал бежать Садко за синѳ морѳ.
20 Он берѳт с собой слуг своих верныхъ,
Он берѳт пѳд руки слугу верную,
Он с которой пѳѳт ку... ай да теперъ кушаѳт.
Побежал Садко в путь-дорожецку,
Выбегат стали наперво в море синѳѳ.
25 Да бежал Садко купець да по синю́ морю́,
Выбегат стали на другѳ море,
Выбегат стали да по белу́ морю́,
На третьѳ морѳ стали на ѳткрытоѳ.
Они долго ле бежали по морю открытому,
30 На четвѳрто море стали да на чѳрное.
Они долго ле бежали по черну́ морю́ —
Да берѳт Садко в руки да трубочку да баску подзорное,
Посмотрел Садко да на все четыре стороне,
Да во трубочку чѳрен град таперъ да знаменуетца.
35 Прибежали теперъ да ко черну́ граду,
Да ставали они на пристань корабельные,
Опускали паруса тонки полотнены,
Да выкладывали сходенки дубовыя,
Да вылаживали коряги булатныя.
40 Тогда говорит Садко да сын заморьския,
Он берѳт с собой слуг да ой да слуг верныхъ,
Кабы верных слуг не отлыжныхъ,
Не ѳтлыжных да не отклицныхъ.
Приходили они к царю заморьскому,
45 Принимат их царь с чесью-радосью.
А тут делал царь заморьской почесен пир
Для Садка купца для заморьского.

- Тут много на пир людей скопилось.
 Говорил нынче Садко купецъ пребогатое:
- 50 „Я хочу у вас повикупить товары все заморьские“.
 Тут писали записи топерь эй великия,
 Не о ста рублей писали, не о тысеци,
 А о своих ле они писали о буйных го́ловах:
 „Ежли выкупит Садко купецъ товары все нынче за-
 морьские,
- 55 У меня живого царя руки выломать,
 У мя живого царя да ноги выломать,
 У мя живого царя а да язык выдернуть,
 У мя живого царя а да глаза выкапать.
 А ежли не будёт у тебя, Садко, да золотой казны теперь.
 бесчётной,
- 60 Как останетса товар на лишечке,
 Я у тебя у живого у Садка руки слóмаю,
 Я у тебя у живого у Садка ноги слóмаю,
 У живого у Садка а язык выдерну,
 Я у живого у Садка а да глаза выкопну“.
- 65 Походить Садко стал со чесна пирá,
 Да открыли нынь большу торговлю ту,
 Они нач'ли торговать светлой дэницей,
 Да насквозь они торгуют тёмну ноценьку,
 Тёмну ноценьку торгуют до белá светá.
- 70 Торговали целы сугкí . . . . .
 А и мало у Садка стало золотой казнý.
 Выходил Садко́ наверх на черлен корап,
 Заходил он на мачты на высокия,
 Посмотрел нынче из трубки из подзорныя:
- 75 А со всех сторон товар везут извозами,
 Да извозами везут топерь телёгами.
 Устрашилса тут Садко́ купецъ богатое:
 „Потерял я головушку не за денежку“.

(Его страх и забрал. Товару везут порату много. Ему и не выкупить.)

- А тут взмолилсэ Садко госпуду богу,
 80 Он взмолилсэ Микола-свет-Можайському:
 „Пособи-ко, Микола, товары выкупить!
 Я когда приеду Садко ай да домой приеду,
 Я построю те це . . . ой да церкву белокаменну“.

- Да спустился Садко́ на церлен корап,
 85 У Садка втрое денег больше прѣбыло,
 Они наѣли торговать снова наново,
 Торговали да сѹтки да на целы.
 А тогда кончаетца торговля как великая,
 Да не стало больше в гради товаров заморьских, —
 90 У Садка осталось денег много множество.
 Приезжает тогда цярь заморьское,
 Он выпрашивает у Садка́ у купця заморьского:
 „У тя есь ли казнá топерь налишеска?
 Да не стало у меня да товаров заморьских“.
 95 Нынѣ зовѣт Садко цяря в кораблички:
 „Посмотре-ко у меня да золотѹ да казну а большѹ
 несчѣтную“.
 Да заходит цярь топерь со слугами,
 Он смотрел золотѹ казнѹ у Садка богатого.
 Он топерь у цяря а да руки выломал,
 100 Он топерь у цяря а да ноги выломал,
 У живого ю цяря да глаза выкопал,
 У живого ю цяря а да ѣзык выдернул,
 Да выкинули цяря со корабликов.
 Он приказываѣт Садко́ заморьский:
 105 „Поскоренько обирайте товары торговьи,
 Обирайте сходенки дубовые,
 Обирайте екоря скоро булатныя,
 Подымайте паруса а тонкі полотенны,
 Направляйте паровѹ скорѣ машинушки“.
 110 Побежали нынѣ опять черленѹ корабли,
 . . . . . ¹ поганушка великая,
 Да больша нынѣ погана да великая.
 Вдруг напал туман да со синѹ морѹ —
 Да остались поганые сугонушка.

Ну вот, значит, эти корабли и остались. Садко бежит по синю морю.

(Потом вдруг остановились корабли, дальше не пошли).
 „А вы слуги мои верные, берите ли храпы долгомерные, нет ли злой кошки подвонной?“ Вот смерили — никакой кошки нет. Го-

¹ Пропущено собирателем.

говорит Садко купец богатой: „Ой вы, слуги мои верные! Сделайте вы жеребья хлебные“. Вот они взяли, кинули жребий. Все плывут поверх, а у Садка идёт ко дну. Пожалели оставить. Вот Садко и говорит: „Ещё мы сделаем жеребья полегче из берёсты. Бросим во сине море“. Сделали по жеребью по берёстову, бросили в синё море. У всех жеребья плывут поверх воды, только у Садка берёста тонет.

(Садко приходится спуститься в море. Бросают дощечку, и Садко спускается).

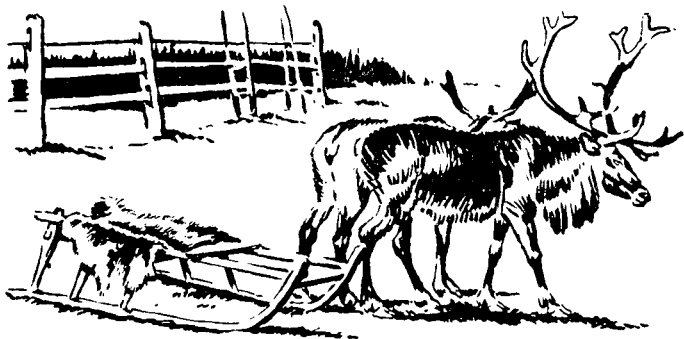
Бросили, побежали кораблики вперёд. Садко-купец остался среди моря. Вдруг случилась погодушка. Начало хлестать. Садко полетел в сине море в чёрное. Вдруг появился водяной царь, заташил в свои палаты. „Здравствуй, Садко купец богатой“. — „Здравствуй, водяной царь“. — „А не угодно ли тебе здесь царством царствовать?“ Он и отвечал. Посадили на лавку. Сорок девушек привели. — „А не угодно ли здесь спожениться?“ А он и говорит: „Ой ты ой еси, водяной царь! Уложи спать. Я усну и подумаю, что мне во сне увидится“. Положили на ту кровать под перины. Ложился Садко-купец спать. Во сне увиделся Микола Можайский. — „Изведи из той неволи из вечной! И построю я церковь каменную, верх бархатный, с золочёными иконами старообрядческими. А выпишем попов-дьяков из Новá-града и Чернигова“. Вот Садко купец пребогатой спит как порог шумит.

(Пробуждается Садко у себя в палатах.)

А на корабле повесили флаги чёрные, туманные.

Вот он тогда прохватился. Начал строить церкви всё каменные. И обил все бархатом. И накупил икон всех старообрядческих. И выписал попов-дьяков из Чернигова. И стал жить по-старому, по-прежнему.

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА ДИТЯТЕВА

В 1929 г. — это слепая старушка 69 лет, из д. Великая Виска, в низовьях р. Печоры. Ослепнув с полутора годов, она жила раньше с братом и матерью, после их смерти осталась совсем одинокой: „Теперь все родные, сколько были, в земле лежат, вот и живу я сиротиною“.

Былинам П. И. Дитятева научилась от брата Алексея Ивановича, от которого, тоже слепого старика, Н. Е. Ончуков в 1901 г. записал две былины: об Иване Горденове и о Скопине (Онч. № 80 и 81).

Ни той, ни другой Прасковья Ивановна не знала. Мною записаны от нее пять публикуемых здесь былин, по первоначальным словам самой исполнительницы — весь ее репертуар. Однако потом, после моих расспросов, она призналась, что „маленько знает“ еще про Потыка и сказку о Добрыне, но записать этот материал мне уже за неимением времени не удалось.

Н. Е. Ончуков тоже знал П. И. Дитятеву как сказительницу, но записал от нее лишь одну „Небылицу“ (Онч. № 83), зарегистрировав остальной ее репертуар. Из перечисленных им шести былин мною записаны четыре, остальные две — это как раз те, которые она помнила лишь „маленько“. Кроме того, записана мною былина о состязании конями, не зарегистрированная Н. Е. Ончуковым.

П. И. Дитятева — худенькая, болезненная старушка, чрезвычайно ласковая и приветливая. Былины она пела с большой охотой. По словам окружающих, к ней частенько заходили ребята и девушки слушать старины и сказки. И сама Дитятева говорила, что старины поет, „когда попросят, вот вроде тебя кто и свои тоже“. Но чаще всего пела для себя: „Утешаюсь“. Из сказок, известных ей, она назвала сказки про Еруслана и про Ивана-царевича.

Записывать от Прасковьи Ивановны было очень трудно и прямо „с голоса“ совершенно невозможно, так как пела она чрезвычайно быстро. Приходилось сперва записывать текст и затем выправлять его при пении. Тексты П. И. знала довольно твердо, но при пении несколько изменяла. Очень сильно разошелся

сказанный ею текст последней былины „Сорок калик“ с текстом спетым. Вообще, видимо, эту былинку П. И. помнила слабее, при исполнении немного путала. Сама П. И. говорила, что былины „позабывает“. Однако она путала только имена, весь же ход событий и все подробности в общем передавала стройно. Все былины исполняла на один напев.

В репертуаре Дитяевой преобладают новеллистические былины из тех, которые не дают особенно широких социальных обобщений. В нем отсутствуют популярные еще в 1929 г. на Печоре героические былины о Сокольниках и о Василии Игнатьеве и такая былина, как „Дюк Степанович“, представляющая широкое полотно историко-социальных столкновений. Впрочем, влияние этой былины сказалось, правда, лишь внешне, на былинке о первой поездке Ильи Муромца, где действие вначале происходит в Кареле пребогатой, и где в обстановку дома Ильи Муромца переносятся черты быта матери Дюка Степановича.

По своему характеру былины П. И. Дитяевой отступают от строго классического былинного стиля. Эпическая обрядность не выдерживается: троечность нередко заменяется повторением двукратным: в обращении Чурилы к девушке-чернавушке, в эпизоде выпуска жеребцов против Добрынина бурушки; в былинке же „Фатенко“ обращение Овдотьи к голям Дитяева совсем не повторила, а, сказав: „И пошла Овдотья вдоль по городу“, прибавила: „Дальше те же слова, всё то же“. На деталях описательных Прасковья Ивановна тоже не задерживалась. Вообще в былинах ее заметна тенденция к передаче лишь тех моментов, которые движут самое действие. Так, из былины о Чуриле исключен диалог мужа с неверной женой, и разгневанный Пермята сразу же срубает голову Чуриле. Характерно однако, что в той же былинке сильно развернут последний эпизод убийства жены введением троекратно высказанного решения мужа простить ее. Смерть ее таким образом, в трактовке Дитяевой, является результатом нежелания ее повиниться. Передав слова Маремьяны мужу: „Да куда полете блд ясён сокол, да куда же лети лебедь белая“, П. И. заметила: „Вот какую грубость сказала!“ Это стремление к некоторой морализации видно и в былинке о состязании конями, в которую включен конец — единственный лишь в данном варианте: наказание Добрыни буркой за его похвальбу.

Во время исполнения сказительницей в избылиии давались комментарии, иногда преследовавшие цель не простого разъяснения, но и определенной мотивировки того или иного эпизода. Так, в комментариях к былинке о сорока каликах была внесена интересная деталь, отсутствующая во всех других известных вариантах, о былой связи Самсона с Апраксией, чем и мотивирована настойчивость последней.

П. И. Дитяева любит пользоваться в былинах формулами типа сказочных: „Долго поётся, скоро сказывается“, „немного время миновалось“, „жила-была“.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

- Эх во той же Маленькой во Галицѣ великой,
 Во той Корелы пребогатой
 Да жила была вдова благочестивая,
 Да по имени Ёмелфа Тимофеевна.
- 5 Кабы было у ей цадо милое,
 Да по имени Илья сын Иванович,
 Да сидел-то Илеюшка на печеньки,
 Он на той жо на печке на муравленке.
 Кабы не было у Ильи по колен ножок,
 10 Кабы не было у Ильи по локот ручок,
 Кабы не было у Илеюшки очей ясных,
 Не видел Илеюшка свету белого,
 Свету белого не видел, солнца красного,
 Солнца красного, добрых людей.
- 15 Много того время миновалось,
 Как того прошло время тридцать лет.
 Как приходит калика перехожая,
 А заходит в гридню теплую,
 Уж и крест ли кладёт по писаному,
- 20 Поклон ведёт по учёному,
 Из речей калика выговаривает:
 „Уж здравствуй ты, Илья и сын Иванович!
 Сотвори мне милостыньку душевную“.
 Говорит Илейко таковó слово:
- 25 „Уж ты здравствуй, калика добрый молодец!
 Я сию теперь на печке на муравленке:
 Кабы нет у меня по колен ножок,
 Нет у меня по локот ручок,

- Нет у меня очей ясных,
30 Не вижу я свету белого,
Не вижу я солнца красного,
Не вижу я да людей добрых.
Если видиш, то на полке сам возьми,
Ты возьми своей рукой правой“.
- 35 Говорит калика таковó слово:
„Уж ты ой еси, Илья и сын Иванович!
Ты сойди-ко-ся со печки со муравленой,
Те не даст ли тебе бог ноги резвые,
Те не даст ли тебе бог руки белые,
40 Те не даст ли тебе господь очи ясные,
Не ювидиш ли ты сонця красного?“
То немного время миновалось,
Вот содвинулся Илеюшка со печеньки.
Поевились у Ильи ноги резвые,
45 Оказались у Ильи ручки белые,
Оказались у Ильи очи ясные,
Увидел Илеюшко свету белого,
Свету белого увидел, солнце красное,
Увидел Илеюшко людей добрых.
- 50 Спустился Илеюшко со печечки муравленой,
Берёт со спици шубу енотову,
Отдаваёт калики дóбру молодцу.
А хотел на калику ладом посмотреть,
А не видел — калика из виду ушел.
(*Это калика Миколой светым пришол.*)
- 55 Заслышал Илья в себе силы множество,
Он приходит ко своей ко матери родимой:
„Уж ты ой еси, моя мати родимая,
Ты чесна вдова Ёмелфа Тимофеевна!
Уж дай мне-ко благословенья великого.
- 60 Захотелось мне-ка съездить в стольный Киев-град.
А захотелось себя показать, людей посмотреть,
Посмотреть солнышко Владымира“.
Говорит его матушка такие рецї:
„Я не дам тебе благословеньица великого,
65 Я с буйной главы да до сырой земли:
А в город ехать — дальний путь.
Премой дорогой ехать тебе три года,

Кривою дорогой ехать тридцать лет,
Протенут твои да молодѣ летá.
*(Тридцать лет сидел на печи, да тридцать лет
ехать, вот сколько!)*

- 70 А премою дорогой — есть за́ставы великия,
Есть три за́ставы великия:
Одна за́става великая — есь мостики колёные,
А колёные мостики нынѣ по́дгнили,
Не переехать будет тебе реченьку,
- 75 Утупи́ш своего коня доброго.
Другая есь за́става великая —
А стоит тут рать-сила великая,
А не мала не велика — сорок тысячечей,
Не пройти тебе будѣт, не проехати.
- 80 А третья есть за́става великая —
Тут сидит Соловеюшко Рахматьевич,
Ах на трёх де дубах да на трёх по́ддубах.
Зашипит Соловейко по змеиному,
Закричит Соловейко по звериному,
- 85 Упадѣт твой конь на о́карач“.
Говорит Илья таковó словó:
„Уж ты ой еси, моя матушка родимая!
Хош ты даш благословленьицо — поеду я,
Хош не даш благословленьицо — опять поеду я“.
- 90 Кабы тут его горькая матушка расплакалась,
Из рецей она да выговаривала:
„Уж ты чадо моё горькое,
Ты горькое мое дитя, сладкоё!“
Не могла отбитьця от Илеюшки.
- 95 Надевала на себя кунью шубу,
На босú ногú башмачки надѣргивáт,
Брала она с собой золоты́ ключи́,
Выходила она вон на улицу,
Отмыкала она всё подвалы великие,
- 100 Выносила она сбрую лошадиную,
Выводила она его коня до́брого.
А уздает-седлает он коня доброго,
А двенадцеть по́дпруг кладѣт шолко́вых,
А тринадцатую кладѣт через хребѣтну кость,
- 105 Не ради басы — ради крепости,

- А ради припрежи лошадиныя,
 Штобы не оставил его конь во чистом поле.
 Ён берёт палицу буёвую,
 Ён берёт с собой тугой лук,
 110 Тугой лук с каленой стрелой.
 Не видели никто — Илья на коня ступил,
 На коня ступил да в стремяна вскочил,
 Только видели во поле курева́ стоит,
 Курева́ стоит да дым столбом валит.
 115 Он ведь клал меж собой свой вели́к залог:
 „Штобы мне до города не слезть с коня“.
 Уже едет Илья нынче чистым полем,
 Ну подъехал ко тем мостикам калённым.
 Заплелась травá во резвы́ ноги,
 120 И тут-то Илья остановился жо.
 Из редей же сам Илья выговариват:
 „Хош я клал меж собой вели́к залог,
 А ведь то будет мне разрешить свой вели́к залог“.
 Он спускатця Илья с коня́ доброго
 125 На ту на матушку на сыру́ землю.
 Он уж левою рукою коня́ ведёт,
 А правою рукою сыро-дубьё рвёт,
 Сыро-дубьё де рвёт да он мост мостит,
 Перевёл ён своего коня доброго.
 130 Уж скоро садитця на добра́ коня́,
 Поехал Илья во чистó поле,
 Он завидел во поле рать великую,
 Да не малу не велику ровно сорок тысячей.
 Сосчитал он всех людей до единого,
 135 Не оставил и единого не счислёного
 (*Сорок тысяч человек было, а всех сосчитал!*).
 Подъезжает Илья ко этой ко силе великой:
 „Уж вы здравствуйте, удалы добры молодцы,
 Уж сорок тысяч удалых молодцев!
 Укажите мне дорожку препопутнею,
 140 Препопутнею и премоезжую“.
 Не могли они указать дорожки препопутней,
 Ёни взяли Илью посередке себе,
 Стали Илеюшку поширгивать,
 Стали Илеюшку ведь подёргивать

(Побеждать хотят!).

- 145 Кабы тут Илейке за беду́ стало,
За великую досаду показалосе,
Кабы взял он палицу буёвую,
Сколько он бьёт палицей буёвой,
А вдвое-втрое топчет своим конём,
150 Победил ён всю рать великую,
Не оставил в живых ни единого.
Оттуль-то Илеюшка поворот даёт.
А завидел он в полюшки Соловеюшка
На трёх дубах на трёх по́ддубах.
155 А зашипел Соловейко по змеиному,
А заревел Соловей по звериному,
Как упал у Ильи конь на о́карачь.
Как хватил Илья в руки палицу буёвую,
Начал бить коня по тужим ребра́м:
160 „Ах ты волчья же сыт, травеной мешок!
Неужели не слышал ты крику звериного,
Не слышал ты всё свиску змеиного?“
Соскочил его конь на резвы́ ногы.
А берёт Илья в руки свой право ту́гой лук„
165 Берёт тугой лук право́й рукой,
Натегает у ту́га лу́ка верёвочку,
Накладыват калену́ стрелу́,
Ко стрелы Илья да приговарива́т:
„Ты лети, моя стрела да всё калёная!
170 Не падай ни на́ землю ни на́ воду,
Розлетись Соловеюшку во правой шар,
Роздроби его всю буйну го́лову“.
Полетела́ стрела как люта́ змея,
Она не пала ни на́ землю ни на́ воду,
175 Розлетелась Соловеюшку во правой шар,-
Роздробила его всю буйну го́лову.
А подъехал Илья сын Иванович,
Кабы скоро хватил Соловеюшка,
Привезал Соловеюшка к добру́ коню,
180 Привезал коню под брюшицу.
Поехал Илья сын Иванович во чисто́ поле..
Долго поётця — скоро скажетця.
(Уже третей год едет.)

- Завидел Илья во поле терем стоит,
Не много время миновалось.
- 185 Во этом терему великом сидели его деточки родимые.
У этого Соловеюшка Рахматьева
Кабы была любимá семья,
Любимá семья да дети малые.
Старша дочь в окнó бросíлася:
- 190 „Татушка едет — мужика везёт“.
А друга дочь бросíлася в окошечко,
Тоже говорит:
„Татушка едет — мужика везёт“,
А мáла дочь бросíлася в окошечко:
- 195 „А мужик-от едет — отца везёт“
(*Близко стало — так видит*).
Побежали эти дочери во чистó поле,
Старшая дочь бежит с мутóвкой,
А вторая дочь бежит с поварёнкою,
А кабы мáла дочь бежит — она ковш тащít.
- 200 Тут сидит Илья да усмехаетца.
Говорит Соловеюшко Рахматьевич:
„Уж вы ой еси, мои дети любимые!
Не дразните юдала добра молодца,
Вы катите-ко сороковку красна золота,
- 205 Откупите у его отца-родителя“.
Он на то Илья не ослышился,
Отворачивáт коня как лютым зверём,
Едет Илья во чистó поле.
Долго поётца, скоро сказываетца.
- 210 Приеждает Илейко в стольный Киев град
Ко тому ко солнышку Владимиру.
Оставляет своего коня на улице,
Заходит ко солнышку Владимиру во свётлые покои.
Крест-от кладёт по писáному,
- 215 Он поклон-от ведёт по учёному,
Из речей Илья да выговаривáт:
„Уж здравствуй, солнышко Владимир князь,
Ты Владимир князь да стольне-киевский!“
Говорит солнышко Владимир князь:
- 220 „Уж здравствуй, Илья сын Иванович!“
Собирает князь пир великий

- Для того Ильи сына Ивановича.
Говорит Владимир таковó словó:
„Уж ты ой, Илья сын Иванович!
225 Ты позволь завести нонь Соловеюшка,
Завести во грини светлые“.

Илья и говорит:

- „Заводите вы в свѣтлые свѣтлицы“.
Из речей Владимир выговариват:
„Уж вы ой еси, слуги верные!
230 Выйдите на крылечушко на прекраснóе,
Заводите Соловеюшка Рахматьевича
Во мои покои во светлые“.
На ёто слуги не ослышились,
Как выходят на крылечушко прекрасное,
235 Но не смеют спуститьця на сырú землю.
Из речей ёти слуги выговариват:
„Уж ты ой еси, Соловеюшко Рахматьевич!
Как просил тебя солнышко Владимир князь
Как во свою во светлую нонь свѣтлицу“.
(Сами не смеют подойти.)
240 Отвѣцает нонь Соловеюшко Рахматьевич:
„Я не царьско нонь ем-пью-кушаю,
Не Владимира ноне слушаю.
Уж я пью-ем-кушаю Илеюшки,
А Ивановича я нонь и слушаю“.
245 Отнесли ёти слуги слова царю:
„Пью-ем-кушаю Илеюшки,
А Ивановича нонь и слушаю“.
Говорит царь таковó словó:
„Уж ты ой еси, Илеюшка Иванович!
250 Заводи ты Соловеюшка Рахматьевича
Во те во грини светлые“.
Тогда Илья вышел вон на юлицу,
Ён заводит Соловеюшка Рахматьевича.
Говорит Владимир таковó словó:
255 „Уж ты ой еси, Соловей Рахматьевич!
Засвисти, Соловеюшко, по соловьиному,
Закричи, Соловей, по змеинному,
Зареви, Соловеюшко, по звериному“.

- Говорит Соловейко таково́ словó:
260 „Не твоё я ем-пью-кушаю,
А не Владимира солны́шка и де слушаю,
Пью-де ем-кушаю Ильи́ Ивановича,
И ёго слушаю“.
Говорит Владымер таково́ словó:
265 „Уж ты ой еси, Илья сын Иванович!
Уж ты позволъ-ко спеть Соловеюшку“.
На то Илеюшка не ёсслышился,
Говорит Илья сын Иванович:
„Уж ты ой еси, Соловей Рахматьевич!
270 Вполовину засвисти по соловьиному,
Вполовину засвисти по змеиному,
Вполовину зареви по звериному“.
Не послушался Соловеюшко хозяина,
Зашипел-заревел Соловеюшко во всю прыть.
275 Испужались вси гости на чесном пиру,
Кабы все упали как бубно́ лежат.
Тогда Илеюшко рассёрдился,
Вывел Соловеюшка Рахматьевича вон на улицу,
Броси́л Соловеюшку о сыру́ землю,
280 Тут Соловеюшку смерть случилася.

Тут и конецъ.

(А девки ти обратно укатили то золото. Хотели откупить, да не могли.)

[СОСТЯЗАНИЕ ДОБРЫНИ С КНЯЗЕМ ВЛАДИМИРОМ]

- Э во стольнеем городе во Киеве,
Ю ласкова князя ю Владимира
Да было пирóванье-столóванье
Про многих бояр людей добрых,
5 Про сильных могучих богатырей,
Про тех королей королевских.
Тут вси на пиру напиваютца,
Да вси на чесном наедаютца.
Тут ходит нонь солнышко Владымыр князь
10 По тому же полу дубовому,

- Сапог о сапог постукиват,
 Каблук о каблук поколачиват,
 Белыми руками розмахиват,
 Златыми перстнями побрякиват,
 15 Русыми кудрями потряхиват,
 Ясными очами поваживат.
 Из речей Владимир выговариват: ¹
 „Уж вы ой есі, мои гости приезжие,
 Приезжие вы гости дальние,
 20 Приезжие гости всё прихожие,
 Уж сильные могучие богатыри!
 Кто бьётся со мной о велик залог?
 Я бьюсь теперь о велик залог —
 Съездить от города да города,
 25 От Киева града и до Чернигова,
 Да три девеноста равномерных вёрст,
 Межу утреней съездить меж обеднюю.
 Я сто кладу рублей со тысячей,
 А кто бы о своей буйной головушке?“
 30 Выставляет удалой доброй молодець
 Из того стола из середнего, ²
 По имени Добрынюшка Микитич блад,
 Встаёт он да на резвы ногі
 И кланеетца Владимиру челобитием: ³
 35 „Ты солнышко батюшко Владимир князь!
 Я съездю от города до города,
 От Киева града и до Чернигова,
 Да три девеноста равномерных вёрст
 Межу ютреней и меж обеднюю.
 40 Клади-тко ты сто рублей со тысяцей,
 А я о своей буйной головушке“.
 Отошел у Владимира почесен пир,
 Пошел Добрынюшка вон на юлицу.
 Приходит ко своей лошади доброей,
 45 Из рецей Добрынюшка выговариват:

---

¹ Вариант при словесной передаче:

Говорит солнышко Владимир князь.

² Пропущен при пении.

³ Стихи 33—34 пропущены при пении.

- „Ты, маленький бурушко косматецько,
 Да добрый конь сеголетоцек.
 Да ты можош ли сходить от города до города,
 От Киева града и до Чернигова,
 Три девеноста равномерных вёрст
 Между ютреней межу обеднюю?
 Я билса с князем о велик залог,
 Да князь кладёт сто рублей со тысяцей,
 А я о своей буйной головушке“.
- 55 Говорит то ему добрый конь,
 Маленький бурушко косматецько,
 Говорит ему таковы слова:
 „Уж ты Добрынюшка Микитич бла!д!
 Уж мы съездим от Киева града до Чернигова,
- 60 И три девеноста равномерных вёрст
 Между ютреней и межу обеднюю,
 А не выгаст-ка Владимир денежки выгодно,
 А выгодно денежки и выездно“.
 Обуздает-седлает добра коня,¹
- 65 Поехал Добрынюшка из чиста поля в стольный Киев
 град;
 И приеждает он ко церкви ко божьей же.
 Да скоро он скачет со добра коня,
 Заходит Добрынюшка во церковь во божью,
 Из рецей-то Добрынюшка выговариваёт:
 70 „Уж вы ой еси, попы ётцы духовные!
 Вы служили заутреню воскресеньскую,
 Роспишитесь вы-ко мне скорограмотку,
 Не ударживайте вы, удада добра молодца в чистом
 поле.
 Я билса-то с князем о велик залог,
 75 Да сто кладёт князь рублей со тысяцей,
 А я о своей буйной о головушке:
 Мне съездить от города до города,
 От Киева града до Чернигова,
 Да три девеноста равномерных вёрст
 80 Между ютреней и межу обеднюю,

¹ Вариант при словесной передаче:

Садитса Добрынюшка на добра коня.

- Мне не съездить — голову сложить“.
Да то попы не ослышались,
Росписались они ему скорограмотку,
Да скоро Добрыня вышел вон на юлицу,
85 Взял Добрыня скорограмотку,
Пошел детина вон на юлицу,
Садился на коня на доброго,
Поехал Добрынюшка во чистó полё.
Маленький бурушко косматецько,
90 Добренький конь сеголетоцьк
Начал он ехать по чисту полю.
Стал ускоки скакать не малыньки.
Первый ускок скочил за десять вёрст,
Второй ускок скочил за двадцать вёрст,
95 А третий ускок скочил за тридцать вёрст.
Начал маленький бурушко ростешился,
И добренький конь распотешился.
Начал он скакать с горы на гору,
Со щели скачет он на щелину,
100 С окатици катитца он на окатицу,
Мелкие ёзеры хвостом покрыва́т,
Быстрые речки перескакива́т,
Зыбучи болота промеж ног берёт.
Не долго поётца, скоро скажетца.
105 Приехал Добрыня во Чернигов град,
Оставляет своего коня доброго,
Заходит во церковь во божию,
Служит обедню воскресеньскую,
Из рецей-то Добрынюшка выговариват:
110 „Уж вы ой еси, отцы-попы духовные,
Вы причётники церковные!
И роспишитесь мне скорограмотку,
Не ударживайте вы меня добра́ молодца.
Я билса с князем о велик залог,
115 Да князь кладёт сто рублей со тысящей,
А я о своей буйно́й головушке:
Мне съездить от города до города,
От Киева града до Чернигова,
Да три девеноста равномерных вёрст
120 Межу ютрений и межу обеднюю“.

- На то попы отци духовные не ёслышались,
 Росписались удалу добру молодцу,
 Топеря Добрыня пошел вон на юлицу.
 Да скоро садилса Добрыня на добра коня,
 125 Поворачивал коня как лютым зверём,
 Поехал Добрынюшка во чистом поли.
 Да маленький бурушка косматецько ростешился,
 Добренький конь распотешился,
 Начал он скакать с горы на гору,
 130 Со щёлы он скачет на щёлину,
 С окатицы катитца он на окатицу
 (Отдохнул, так снова стал скакать),
 И приехал Добрыня в стольный Киев град.
 Приеждает Добрынюшка к церкви ко божией,
 Заходит во храм божий
 135 И служит заутреню воскресеньскую
 (И там служил и здесь приехал — служит, вот как ездит!),
 Увидел он солнышко Владимира,
 Говорит Добрыня таковó словó:
 „Уж ты, солнышко Владимир князь!
 Отдай-ко мне денежки выездны и выгодны,
 140 Да сто рублей клади со тысяцей:
 Я-де съездил от города до города,
 С Киева града до Чернигова“.
 (Тут-то росписались и там росписались.)
 Говорит ему солнышко Владимир-князь таковó словó:
 „Прошу милости, Добрынюшка, ко мне на почесен пир“..
 145 Пошел-то у Владимира почесен пир
 Для Добрынюшки Микитычя.

Долго ли пировали,

- Говорит-то Добрыня таковó слово:
 „Уж ты солнышко батюшко Владимир князь,
 Владимир князь стольне-киевский!
 150 Клади-тко ты денежки выгодны,
 Выгодны денежки, выездны,
 Сто рублей клади теперь со тысяцей:
 Не съезди я от города до города,
 Ты ссек бы у меня буйну голову“.

- 155 Говорит ему царищо¹ таковó словó:
 „Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитич блад!
 Продай-ка мне маленького бурушка“.
 Говорит Добрыня таковó словó:
 „Не продам я бурушка ни за какі деньгі,
 160 Несёт-то тысячу на буйно́й головы“.
 Тут-то Владимиру за беду сталó,
 За великую досаду показалосе.
 Говорит-то Владимир таковó словó:
 „Уж вы ой еси, мои слуги верныи,
 165 Верные слуги неизменные!
 Сходите-ко, слуги, на конюшен двор,
 Выпускайте тридцетъ жéребцей неучённых,
 Пушдай .побежат эти жéребцы в чистó полё,
 Пушдай заедат его бурушка косматецька“.
 170 На то его слуги не ослышались,
 Побежали эти жéребцы во чистó полё,
 Да стали жеребцы покусывать.
 Да маленький бурушко ростешилсЯ,
 Да начал скакать по чисту́ полю,
 175 Да все эти кони испужались,
 Да все кони пали, как бубны́ лежат
(Все пропали).
 Опять Добрыня стал просить деньги:
 „Я не съездил бы от города до города,
 Ты бы ссек бы у меня буйну голову.
 Ты клади-тко денежки выгодны,
 180 Выгодны денежки, выездны“.
 И говорит Владимир таково слово:
 „Продай-ка мне бурушка косматецька“.
 Говорит-то Добрыня таковó словó:
 „Не продам я тебе бурушка ни за какі деньгі“.
 185 Да тут Владимиру за бедú стало,
 За великую досаду показалосе.
 Из рецей-то Владимир выговаривал:
 „Выпускайте трёх добрых лошадей²,
 Пусть заедат бурушка в чистом поли“.

¹ Слово „царищо“ вместо „Владимира“ вставлено при пении.

² В словесной передаче вариант:

Выпустите трёх жеребцей неучённых.

- 190 На то его слуги не ослышались.
Побежали жеребцы во чистó полё,
Теперь от этих коницков вести нет.

Просит Добрыня денег:

- Говорит Добрыня таково́ словó:
„Уж ты солнышко батюшко Владимир князь!
195 Клади-тко ты денежки выгодны,
Выгодны денежки, выездны,
Да сто рублей клади со тысящей:
Не съезди я от города до города
Три девеносто равномерных вёрст,
200 Ты ссек бы у меня буйну голову“.
Никто по детину не выставляет же,
А выставляет два удалых добрых молодца.
Ёдин — стар казак Илья Муромец,
А во вторых Самсон Колыбанович.
205 Из рецей эти молодца выговарива́т:
„Уж ты ой еси, Владимир князь,
Ты солнышко князь стольне-киевский!
Отдай ты денежки выгодны,
Ты выгодны денежки, выездны:
210 Не съезди он от города до города,
От Киева града до Чернигова,
Ссек бы буйну голову“.
Пришлось князю отдать денежки выгодны,
А тут от Владимира ответу нет.
215 А вынимал Владимир все денежки.
Пошел Добрыня во чистó полё
Ко своёму ко маленькому бурушку.
Маленькому бурушку за беду стало́,
За великую досаду показало́се.
220 Тут-то бурушко косматецько россёрдился,
Хватил-то Добрыню за кунью шубу
И бросил Добрыню на сыру́ землю́.
Лежал-то Добрынюшка три часа замертво.
Говорит-то конь таково́ словó:
225 „Ты, молодой пурхай, не попархивай,
А маленький детина не похвастьвай!“
(Этò за то, что хвастал, а они его кусать хотели.)

[ЧУРИЛА И НЕВЕРНАЯ ЖЕНА]

- Да не во-времё порошка снегу выпала,
 Оже выпала пороха о Петрови дни.
 Што не серой-то заюшко прорыскивал,
 Не белой-то горнасталюшко проскакивал,
 5 Проходил тут Чурила бладо-Плёнкович.
 Он статным-то статней в полном возрасте,
 Лицо его как белый снег,
 Очи его ясна сокола,
 Брови его чёрна соболя,
 10 На ножецках обутки сафьян-сапог,
 На головушке шапочка чурванка.
 Кабы шуба на ём да всё куня,
 Опоясочки его да троешолковые,
 Троешолковые да петишолковые,
 15 На ручечках перчаточки серебряные.
 Вот идёт-то Чурила вдоль по городу,
 Идёт-то Чурила по чисту полю,
 Заходит Чурило в стольней Киев град,
 Ко тому же Пермету сыну Степановичу.
 20 Заходит на крылечушко прекрасное,
 Он колотится в колечико серебряное,
 Уж заперты ворота крепко накрепко.
 Выходила Маремьяна вон на юлицу,
 Отпирала ворота шире на пету,
 25 Из редей Маремьяна выговаривāt:
 „Три годá красно солнышко не вздыбывалось,
 А вздынулось красно солнышко в четвёртый год.
 А не белый кúропат налётывал,
 Ясный сокол всё прилётывал,
 30 Вот пришол-то Чурила бладой Плёнкович“.
 Да взяла его за ручушки за белыя,
 Цёловала его уста сахарныя,
 Проводила во гридню тёплу спальнюю.
 Вот розделса Чурила по домашному:
 35 Ён козловы сапожки под кровать кладёт,
 Он кушак с рукавицками на дубовый стол,
 Кабы кунью шубу весит на спицюшку.

- Он ложится спать на кроватку на тесовую,
На ту же на перину на пуховую,
40 Он на то же изголовье на косявщето,
Он со той же Маремьяной со Микулишной.
Тут выходит нонь девушка чернавушка,
Из рецей эта девка выговаривāt:
„Ох ты ой еси, Чурила благо-Плѣнкович!
45 Как же ты разделса по домашнему?
Я пойду девка во божью церковь,
Я скажу Пермету сыну Степанову“.
Говорит ле Чурило таковό словό:
„Уж ты ой еси, девушка чернавушка!
50 Не ходи-тко ты, девушка, во божью церковь,
Не сказывай Пермету сыну Степанову —
Я куплю тебе платье во петьсот рублей“.
На реци бы девка не сдаваетца,
Из рецей эта девка выговаривāt:
55 „Уж ты ой еси, Чурила благо-Плѣнкович!
Уж как же ты розделса по домашнему?
Я пойду ле девка во божью церковь,
Я скажу Пермету сыну Степанову“.
Говорит нынь Чурило таковό словό:
60 „Не ходи-тко, девушка, не сказывай,
Я куплю тебе шаль и во шесьсот рублей“.
На реци девка не сдаваетца,
Надевала на себя платье цвѣтное,
Пошла эта девица вон на юлицу.
65 Заходит девушка во божью церковь,
Она крест кладѣт по писаному,
Поклон-от ведѣт по учёному,
А молитву творит полну Исусову,
Уже кланятца на все цетыре стороны,
70 Из рецей эта девка выговаривāt:
„Уж ты здраствуй, Пермята сын Степанович!
Уж ты служиш обедню воскресеньскую,
Уж цитаеш книжки божии,
У тебе во городе не по старому,
75 Ах во Кѣеве граде не по прежнему:
Заселилса конь чужой нонь в чистό поле,
Сн ведь топцѣт твою траву шолковую,

- Он ведь пьёт твою воду медвяную".
Уж на то Пермьята догадетца,
80 Запирал ён скорей книжки божии,
Выходил Пермьята из божьей церкви,
Заходит на своё крылечушко на прекрасное,
Он колотится в колечико серебряно,
Уж заперты ворота крепко накрепко.
85 Кабы тут-то Пермету за беду стоёт,
За великую досаду показалосе.
Ноги резвыи его да расходилися,
Могущи его плечи расшевелилися,
Руки белыя его да розмахалися,
90 Лицо белое его да помутилосе,
Оци ясные его помутились жё,
Ретивó его сердце розъерилосе,
Сомешалася кровь его со пёченью.
Топцу́л он ногóй во двери,
95 Уж он вышиб двери с ободверинами.
А заходит во гридню тёплую,
От хватил в руки саблю вострую,
Кабы ссек Чуриле по́ плеч голову,
Кабы брóсил его во чистó поле,
100 Кабы тут Чурилу смерть случилася.
Говорит-то Пермьята таковó словó:
„Уж ты ой есь, Маремьяна дочь Микуличьна!
Я прошу же тебя во первóй вины“.
Говорит Маремьяна таковó словó:
105 „Уж ты вор жё ты, Пермьята сын Степанович!
Кабы была бы у меня в руках сабля вострая,
Я бы ссекла у тя по́плеч голову“.
А на реци Пермьята не сдаваетца,
Из рецей-то Пермьята выговарива́т:
110 „Уж ты ой еси, Маремьяна дочь Микулишна!
Я прошу тебя во первóй вины“.
Говорит Маремьяна таковó словó:
„Уж ты вор Пермьята сын Степанович!
Кабы было копьё бурзомецкое,
115 Я сколола бы тебя вора Степанова“.

(Как ещо его ругат!)

А на реци Пермьята не сдаваетца,

- Из рецей-то Пермьята выговарива́т:
„Уж ты ой еси, Маремьяна дочь Микулишна!
Я прощу-то тебя во первой вины“.
- 120 Говорит Маремьяна таковó слово:
„Да куда полетел блад ясён сокол,
Да туда же леті лёбедь белая“.
(Вот какую грубость сказала!)
- Кабы то Пермьате за бедú встаёт,
За великую досаду показалосе.
- 125 Ссек у Маремьяны по́плеч голову,
Бросіл Маремьяну во чисто́ поле,
Кабы тут Маремьяне смерть случилася.
Он взял эту девушку за себя взамуж.

ФАТЕНКО

- Во стольнеем городе во Киёве,
У ласкова князя ю Владимира
Да было пирóваньё столóваньё,
Про многих бояр кособрюхиих,
5 Про тех про мещан лю́дей добрых,
Про всех ли русьских богáтырей,
Про тех палениц преудалых.¹
Тут сидели две вдовы благочестивые,
За тем ли столóm за середниим,
10 На той же скамеечке дубовой.
Ёдна Овдотья Чусовá вдова,
Другая Маремьяна Блудовá вдова.²
Посваталась Маремьяна у ей ко дочери
За любимого своёго за Фатенушка.
- 15 Обругала 'она у ей сына Фатенушка:
„Да муж у тебя был блудищо,
Да и сын у тя будет чудищо.

¹ При первоначальной словесной передаче после данного стиха следовало:

Сидят на пиру напиваются.

² После данного стиха при словесной передаче следовало:

У Овдотьи была дочь прекрасная красавица,

У Маремьяны был сын тоже красавец.

- По улице ходит слепой курицей,
По подстолью слепá куриця валяется,
20 Когда жёрнышко найдёт, тогда сыт живёт,
Когда жёрнышко не найдёт, тогда голодом“.
Да тут-то Маремьянушке за беду встаёт,
За велику досаду показалосе.
Выходила Маремьяна из-за дубова столá.
25 Из-за дубова столá вон на юлицу.
Ступила ногой о кирпичет пол,
Пошатнулось у его гриньское царьское
(*Весь дом пошатнулся*),
Из-за стола пítья-кúшанья поплескались.
Увидал тут солнышко Владимир князь:
30 „Уж ты ой еси, Маремьяна Блудовá вдовá,
Уж как же ты походиш рано со чеснá пирá!
Али местом тебя приюнили,
Али цярой тебя приёбнесли?“
Говорит Маремьяна таковó словó:
35 „Уж ты батюшка солнышко Владими́р князь!
Уж местом меня не приюнили,
Уж цярой меня не обнесли.
Мы сидели две вдовы благочестивыя,
За тем за столом за середним,
40 На той же скамеечке дубовой.
Ёдна была Овдотья Чусовá вдова,
Друга Маремьяна Блудовá вдовá.¹
Я посваталась у Овдотьи на дочери
За любимого своёго за Фатенушка.
45 Обругала она у меня Фатенушка:
«Да муж-то у тя был-де блудищо,
Да сын у тя чудищо.
По улице ходит слепой курицей,
По подстолью слепá куриця валяется,
50 Когда жёрнышко найдёт, тогда сыт живёт,
Когда жёрнышко не найдёт, тогда голодом»“.
Пошла Маремьяна вон на юлицу.

---

¹ После данного стиха при словесной передаче было сказано:

У ей была дочь любимая,
У меня сын Фатенушко.

- Да долго поётце, скоро сказываетце.¹
Да приходит Маремьяна к своему двору,
35 Увидал-то ей свой Фатенко сын
Сквозь околenu хрустальную,
Выходил-то Фатенко вон на улицу,
На круто на прекрасное крылечушко.
Из рецей Фатенко выговариват:
50 „Уж ты ой еси, Маремьяна Блудовá вдовá,
Ты как же идёш рано со чеснá пирá!
Али местом тебя приюнизили,
Али цярой тебя приобнесли?“
(Спрашивает так же, как и Владимир.)
Говорит Маремьяна таковó словó:
65 „Ох ты ой еси, любимый сын Фатенушко!
Да местом меня не онизили,
И цярой меня не ёбнесли,
Мы сидели две вдовы благочестивыи
За тем за столом за середним
70 И на той жа скамеечке дубовой,
Одна была Овдотья Чусовá вдовá,
Вторая была Маремьяна Блудовá вдовá.
Я посваталась у ей на дочери
За любимого своёго за Фатенушку,
75 Ёбругала она у меня Фатенушка:
«Да муж у тя был блудищо,
Да сын у тя теперь чудищо,
По улице ходит слепой курицей,
И по подстолю слепа куриця валяетце,
80 Когда жёрнышко найдёт, тот день сыт живёт,
Когда жёрнышко не найдёт, тот день голодом»“.
Да тут-то Фатенку за бедú встаёт,
За велику досаду показалося.
Ноги резвы его да расходилися,
85 Могучи плечи его расшевелилися,
Руки белые его да розмахалися,
Очи ясны его помутилися.
Да скоро выходит на конюшен двор,

---

¹ После данного стиха при словесной передаче:

Идёт-то Маремьяна чистым полём.

- Выводит себе коня доброго,
90 Уздаёт, седлаёт коня доброго
Во седёлушко черкальчето, }
Во узду во тацьяную.
Двенадцеть кладёт подпруг шолко́вых,
Тринадцату кладёт на хребтову кость,
95 Не ради басы — ради крепости,
Ради припрежи лошадиныя,
Не оставил бы его конь в чистом поли.
Берёт-то он с собой палицу буёвую,
Садитца Фатенко на добра коня,
100 Видели Фатенко на коня ступил,
И скоро стремена скочил,
Да только видят в поли курева́ стоит,
Курева́ стоит — дым столбом валит
(*Не мог потерпеть — поехал воевать*)~
Да едет Фатенко вдоль чистым полём,
105 Да скоро поётце — долго сказывается.
Подъезжает Фатенко ко Овдотьюшке,
Бросил он палицу буёвую,
Вскрыл у Овдотьи двор по тёсу же.
Да тут Овдотье за беду встаёт,
110 Говорит-то Овдотья своей дочери:
„Уж ты ой еси, моё чядо милоё,
Выйди-тко ты вон на улицу!
Не буйны-то ветры нас сповянули,
Да вскрыли ю нас двор по тёсу же?“
115 { Кричит-то Фатенко поединшика:
„Уж ты ой еси, Овдотья Чусова́ вдова́,
Давай-ко во поле поединшика!
А не даш во поле поединшика,
Сворочу у тя дом со дна́ на́верх!“
(*Вверх дном, видишь, хоти́т повернуть дом.*)'
120 Тут-то Овдотьюшке за беду́ встаёт,
За великую досаду показалосе.
Надевала на себя платье цвётноё,
Надевала шубу на ёдно плечо,
На босу ногу башма́чки сафьян-сапог,
125 Брала ёна с собой золотой казны много множества,
Пошла Овдотья вдоль по городу,

Зашла ёна к голям кабацкиим:
„Уж вы ой еси, голи большебрюхии!
(Обругала их виш.)

Берите казны много множества,
130 Уж вы идите к Фатенку в поле поединшиком“
На то голи-кабаки не ослушались,
Брали казны много множества,
Пошли к Фатенку во поле поединшиком.
Фатенко едет на добрым конё,

135 Они сзади его пеша идут.
Фатенко их как косой косит,
Косой-то косит да всё травой берёт,
Да всем голим смерть случилася.
Да свезал их волосы за волосы
140 И бросил Овдотьё за огорód,
Да бросил он палицу буёвую,
Вскрыл у Овдотьи двор по потолóку.
(Добра не будет!)

Кричит Овдотья снова дочери:
„Вскрыл двор по потолóку!“
145 Тут кричит Фатенко поединщика.
Овдотьюшке за беду встаёт,
Опять надевает платье цвётноё,
Надевала шубу на ёдно плечо,
На босу ногу башмáчки сафьян-сапог,
150 И брала ёна с собой золотой казны много множества,
И пошла Овдотья вдоль по городу
(Дальше те же слова, всё то же).
Бросил палицу буёвую,
Вскрыл двор по ёошкам же.
Тут-то Овдотьюшке за беду встаёт,
155 Опять просит Фатенко поединщика:
„Давай-ко мне в поле поединщика,
А не даш во поле поединщика,
Сворочу ю тя дом со дна наверх же!“
Тут-то Овдотьюшке за беду встаёт,
160 За великую досаду показалосе.
Да было у Овдотьи семь сынóв,
Написала она писёмицько,
Отослала она семи сынам,

- Да штоб ехали к Фатенку в поле поединшичком.
- 165 Отписали дети ей тогда письмо:
„Не едем мы Фатенку в поле поединшичком,
Потеряем мы свои буйны́ го́ловы
За ту же за ж... всё за бабью жо“.
Тут-то Овдотье за беду встаёт,
- 170 За велику досаду показалосе,
Да тут-то Овдотьа расплакалась,
Из рецей Овдотьа выговарива́т:
„Цем мне-ка было спородить семь сынов,
Лучше бы я спородила восемь камешков,
- 175 И бросила камешки в синё морё,
Да сделала бы кошечки подбойные,
Розбивала-розгребала чорны́ кара́бли“.
Не могла она отбиться от Фатенушка,
Ётдала она свою дочь за Фате́нку замуж.

[СОРОК КАЛИК]

- Собирались съезжались добры молодцы,
Да тридцать юдалых добрых молодцев,
Исподелали они себе клюки-посохи,
Испошили себе шубы бархатны,
- 5 Да сорок калик со каликою.
Пошли они в Ерусáлим град,
Богу молитья и светой гробнице поклонитья.
Идут-то калики чистым полём.
Да долго поётця, скоро скажетця.
- 10 Навстречу едет солнышко Владимир царь,
Да конь под им серым серой,
А сам на коне белым белой.
Да шли вси молодцы приюдалые,
Увидали солнышка Владимира,
- 15 Испотыкали клюки-посохи
Во ту же во матушку сыру́ землю́,
Исповесили шубы бархатны на свои клюки,
Кланяются Владимиру челобитием:
„Уж ты здраствуй, солнышко Владимир князь,

- 20 Владимир князь стольне-киевский!
Сотвори нам милосыньку подушевную,
Хош единую нам золотую гривнѹ“.
Да спрашивает солнышко Владимир князь:
„Уж вы ой еси, калики перехожие,
25 Куды вы идёте, куды правите?“
Отвечают как добры молодцы:
„Идём мы в Ерусáлим град,
Богу молитыця, светой гробнице поклонитьця“.
Говорит Владимир таковó слово:
30 „Уж вы ой еси, калики перехожие,
Нет у меня при себе ницего.
Пойдите вы в Ерусáлим град,
Приворачивайте в стольней Киев град,
Ко той же кнегины матери Опракsee,
35 Подаст вам милосыньку подушевную,
Хош единую она вам золотѹ гривнѹ“.
Распростились удалы добры молодцы,
Да взелі они шубы бархатны,
Да взелі они клюки-посохи,
40 Идут в чистом поле и приговаривāt,
Клали они меж собой велик залог:
„И кто у нас в городе соврёт и солгёт,
Да кто у нас в городе заворуется,
И кто у нас в городе заб.....,
45 Того нам судить правó своїм судом,
Закопáть его ноне по грудям в землю,
Езык-от его вынеть теменем,
Да ясные оци вынеть косицами“.
Заходят удалы добры молодцы
50 Во той же славный Киев град,
Ко тому двору княженецкому,
Ко тому же окошечку косявшету.
Из рецей калики выговаривāt:
„Ой еси, кнегина мать Опраксея!
55 Сотвори нам милосыньку подушевную,
Единую нам ты золотѹ гривнѹ“.
Говорит ли мать Опраксея таковó слово:
„Един калика был как есён сокол“.¹

¹ При пении стих пропущен.

- Вскрывает мать кнегина Опраксея окошечко косявщето:
- 60 „Да милости прошу во гридню светлую“.
На то ле калики не ослышались,¹
Посылали они Самсона Колыбановича.
Заходит удалый добрый молодец
Во ту ли он в гридню в светлую.
- 65 Ей крест ле кладёт по писаному,
Поклон-от ведёт по учёному,
Молитву творит полну Исусову,
Он кланяетця во все четыре стороны:
„Уж ты здравствуй, кнегина мать Опраксея!
- 70 Сотвори ты нам милосыньку подушевную,
Хош единую ты нам золоту гривну“.
Говорит ли мать кнегина Опраксея:²
„Заходи ко мне по прежнему, по досельному“
(Она прежде его-то знала).
— „Ой ты ой еси, кнегина мать Опраксея!
- 75 Нейду я во гридню тебе спаленку“.
Говорит кнегина таково слово:
„Дай мне суму бархатну,
Нейдёш в гридню тёплу спаленку,
Положу я в суму золоту гривну“.
- 80 Положила же чару золотую во сумочку.
Пошел юдалый добрый молодец,
На тое же крыльцо на прекрасное,
Пошли юдалы добры молодцы во чисто поле.
Да долго поётця, скоро сказываетця.
- 85 Приехал солнышко Владимир князь из чиста поля,
Заходит во гридню тёплу спаленку,
Хваталса он своей золотой цярй,
Без которой он не пил не ел.
Говорит Владимир таково слово:
- 90 „Ой ты ой еси, кнегина мать Опраксея!

---

¹ При словесной передаче следовало:

„Нельзя нам на двор войти,
Есть у нас заповедь великая:
Кто у нас в городе соврёт-солгёт и т. д.

² При словесной передаче далее повторялись слова Опраксеи:

„Милости просим во гридню во светлую“ и затем ответ Самсона полностью, повторяющий рассказ о заповеди.

- Куда ты девала золоту цярú,
Без которой я не пью не ем?“
Говорит мать кнегина таково́ слово:
„Приходили калики перехожие,
95 Украли у тя да золоту цярú“.
На то Владимир не ослышался,
Из рецей Владимир выговариват:
„Уже ты ой еси, Олѣшенька Попович блад!
Пойди-ко, Олѣшенька, на конюшен двор,
100 Выводи себе коня доброго,
Поедь-ко, Олѣшенька, во чисто́ поле,
Настиги́ калик перехожих,
Спроси у их ли спровѣдай же,
Не попала ли к им золота цярá“.
105 На то де Олѣшенька не ослышилсѣ,
Пошел-то Олѣшенька вон на улицу,
На тот же пошел на конюшен двор,
Выводил себе коня доброго,
Садился на коня доброго,
110 Поехал Олѣшенька во чистое поле.
Настигает калик добрых молодцев,
Из рецей-то Олѣшенька выговариват:
„Ох вы ой, калики перехожие,
Уж вы же та сорока загумѣнная!
115 Вы зацем упрятали у Владимира
Да ту цярú золотую,
Без которой князь не пѣт и не ест?“
Да тут калики остановилисе,
Поворотили от Олѣшеньки назад глаза,
120 Сняли Олѣшу с добра́ коня,
Нахлестали Олѣшеньку по ж . . . ,
Дали всё по алабушу.
Посадили Олѣшу на добра коня,
Едва Олѣша на конѣ сидит.
125 Приехал Олѣша в стольный Киев град,
Ко тому же крылечку прекрасному,
Ко тому же солнышку Владимиру,
От того же Олѣшеньки ответу нет.
Говорит-то солнышко Владимир князь таково́ слово:
130 „Ох ты ой еси, Добрыня Никитич млад!

- Снаряди своего коня доброго,
Поедь-ко, Добрыня, в поле чистое,
Настиги калик переходящих,
Спроси у их споведай же,
135 Не попалась ли моя золотая цярá,
Без которой цярý я не пью не ем“.
На то де Добрынюшка не ослышался,
Скоро ставал с лавочки дубовой,
Надевал на себя платьє цвѣтное,
140 Да выходил Добрыня вон на улицу.
Выводил себе коня доброго,
Снаряжал коня доброго,
Садился на коня ён на доброго,
Поехал Добрыня во чистó поле,
145 Настигает Добрынюшка калик переходящих.
Увидал ён калик добрых,
Кругом объезжают калик же,
Вставаёт каликам наперёд же.
Спускается Добрыня с добра коня:
150 „Вы здравствуйте, калики добры молодцы!
Вы скажите нынеча споведайте,
Куды поехали, куды направились?
Ох вы ой еси, калики добры молодцы!
Вы были у нас в городе в Киеве,
155 Не попалась ли вам цярá золотая
Того же солнышка Владимира,
Без которой цярý он не пьёт не ест?“
Обыскали они свои сумы де бархатны,
Нашли у Самсона Колыбановича
160 Да ту же нонь цярó золотую
Да отдали Добрыне Микитичу.
Закопали Самсона Колыбановича по грудям в землё.
Распростился Добрыня Микитич млад,
Поехал Добрыня в стольный Киев град,
165 Идут калики чистым полем,
Зашли калыки в Ерусáлим град
В ту же церковь божию.
Увидали во церкви добра молодца,
Того же Самсона Колыбановича,
170 Самсон сын Колыбанович стоит богу молитця,
Тут ему в ноги пали, стали прощатися.

**ЗАМЕЧАНИЯ О НАПЕВАХ
МЕЗЕНСКИХ И ПЕЧОРСКИХ БЫЛИН**

★

ПРИМЕЧАНИЯ

★

УКАЗАТЕЛИ

М Е З Е Н Ь

I

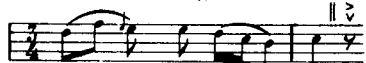
ПОДСОКОЛЬНИК

(к тексту №2)

ЛЕВСКОЕ.
Гольчиков, Яков
Евдокимович.
(Фотопрамм-архив №327)

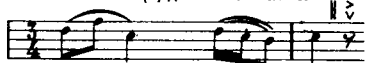
1. АЙ, НА ГО — РАХ ТО, ГО — РАХ, ГО — РАХ ВЫ — ЛО. ВЫ —
4. АЙ, ТУТ СТО — Я — ЛА ЛИ РУ — СЬКА ДА НА — ША

— СО — КИ — ИХ,
ЗА — С(Ы) — ТА — ВА,

2. АЙ, ШТО НА ТЕХ ГО — РАХ ВЫ — ЛО, ГО — РАХ О —
3. АЙ, ВО ПЬ — РЬВЫХ ТУТ Я СТО — Я — Л(Ы) ДА И — ЛИ — Я

— КА — ТИ — СТЫХ,
МУ — РО — МЕЦ,

3. АЙ, НА О — КА — ТИ — СТЫХ ГО — РАХ ВЫ — ЛО НА У —
6. А ВО ВТО — РЫХ ТУТ ДО — В(Ы) — РЫ — НЮ — ША МЕ

— ВА — ЛИ — СТЫХ,
— КИ — ТИН — МЛАД.

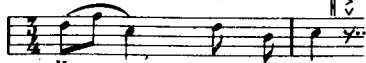
7. А ВО ТРЕ — ТИХ ТО О — — ЛЕ — ШИ — Н(И) — КА ПО —

— ПО — ВИ — Ц(И) МЛАД.

8. АЙ ВЕ — РЕ — ГЛИ СТЕ — РЕ — Ф(Ы) — ЛИ ДА С(Ы) — ТО — ЛИ — ИИ

КИ — Е — В(Ы) ГРАД,

II

ПРО ТАТАРСКОЕ НАШЕСТВИЕ

(К ТЕКСТУ N12)

УСТЬ НИЗЕМА.
АНТОНОВ МАКСИМ
ГРИГОРЬЕВИЧ
(ФОНОГРАММ-АРХИВ N361)

A. $\text{♩} = 66$

1. По — ды — ма — лось чу — ди — що не — ма — ло — ё.

B.

2. Да ка-к(ы) не — ма — ло — ё, да не — ве — ли — ко — ё.

C.

3. Да го — ло — ва у не-го да как пи — вной ко — тёл,

D.

4. Да ка-к(ы) гла — за у не-го да как пи — вны ця — ши,

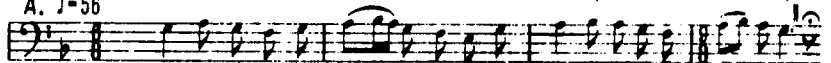
III

ПОЕЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА

(К ТЕКСТУ N13)

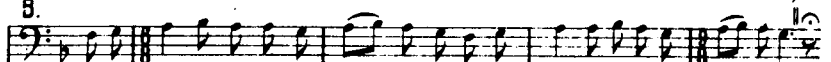
УСТЬ НИЗЕМА.
АНТОНОВ МАКСИМ
ГРИГОРЬЕВИЧ
(ФОНОГРАММ-АРХИВ N361)

A. $\text{♩} = 56$

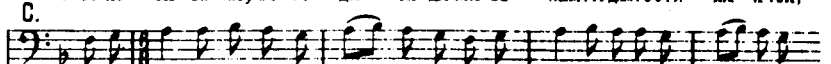
1. Е-хал стар по ци — сту по-лю, 2. По то — му ро-здо-лющи — ро-ко-му,

B.

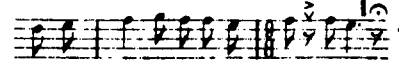

3. Го-ло — ва ве-ла, во-ро — да си-да 4. По ве — лым гру-дырости — да-и-тси,

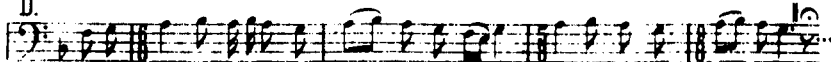
C.

5. Как ска-тен же-мюг ро-ссы — па — и-тси, 6. Да под ста-рым конь на-ю — вел велой,

D.

7. Да бель хвост и грив на-у — цёр цёрна

8. Как на — е-хал ста-р(ы) на ста — ни — чни-ков, 9. На но — чных уж по-до — ро-жни-ков,

IV

[ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СЫН]

(К ТЕКСТУ N20)

ЗАСУЛЬЕ.
МИХЕЕВ, ЕГОР
МАТВЕЕВИЧ.
(ФОНОГРАММ-АРХИВ N350)

A. $\text{♩} = 100$ Var. $\text{♩} = 100$

По за — сто-ди-не-му го — ро-ду по за Ки — е — ву,
по за Ки — е — ву, да по за три — ста верст.

V

ИВАН ГОДИНОВИЧ

(К ТЕКСТУ N29)

БЕЛОЩЕЛЬЕ.
СЕМЕНОВ, ПИКИФОР
КАЛИНОВИЧ.
(ФОНОГРАММ-АРХИВ N402)

A. $\text{♩} = 80$

1. Он во сто-ди-не-м во го — ро — ди-ны-ло во Ки — е — ви,
2. Да у ла-ско-ва кня-зя да у В(ы)-ла — ди-(и)-ме³ — ра,
3. За-во-ди-ло-се пи — ро — ва-ни-е, с(ы)-то — ло — ва-ни-е,
4. За-во-ди-ло-се сто — ло — ва-ни-е, по — че — (е)-сте-ны пир,

VI

СТАРИНА ЗАБАВНАЯ

(К ТЕКСТУ N36)

ЦЕНОГОРЫ.
СЕМЕНОВ, ГАВРИЛО
МИХАЙЛОВИЧ.
(ФОНОГРАММ-АРХИВ N400)

A. $\text{♩} = 66-69$

1. Ста-ри — ну ска-зать, да . ста-ро — пре — жно — ю,
2. Ста-ро — пре-жно-ю, ста-ро — до — се — ли-не — ю,

С.
3. На си — нём мо-ри о — вин — н(ь) го — рит ,

Д.
4. По во — дне-ве-сю ме — две-дъ ле — тит ,

Е.
5. Ка — ми — ла-в(а)-ми по — ма — хи — ват ,

Р.
6. Це — рньм хво-сты-шком по — пра — вли — ват ,

Г.
7. На ко — лу сука о — шша — ня — ти — лась ,

З.
8. Ча ду — бу ко-вы-ла ве-д(ь)-ку з(ь) — ла — я — ла .
Выкрик

Н.
9. Ку — ри — ця во сто — ги се — но ест .

VI

ВО СТОЛЬНЁМ В ГОРОДЕ ВО КИЕВЕ

(К ТЕКСТУ N41)

МАЛЫЕ НИСОГОРЫ.
Поздяковы, Иван Иванович
и Данило Семенович.
(ФОНОГРАММ-АРХИВ N426)

А. J-72
1. Как во сла-вном во го-ро-ди во Ки — е — ве ,

В.
2. Как у ла-ско-ва кня-зю да у в(ь)-ла — ди — ме — ра

Var.
С.
3. Со-ви-ра-ло-се ги — ро-ва-ю-е сто-ло — ва — ньё ,

ПЕЧОРА

А. Селения по реке Пижме

VIII

[БУТМАН]

(к тексту N54)

ЗАМЕЖЬЕ.

ПОЗДЕЕВА, АННА МАКСИМОВНА.
(ФОНОГРАММ-АРХИВ N845)

A. J-112

1. КАК ПРО ВЕ-ЛО-ГО СКА-ЗАТЬ ВУ-ДТО ПРО ВЕ-ДНО-ГО,

2. ПРО У-ДА-ЛО-ГО СКА-ЗАТЬ ДО-РО-ДНЯ МО-ЛО-ДЦА,

3. ОН ЛИ ХО-ДИТ НА ЦА-РЕ-ВОМЫ НА ВО-ЛЬШОМ КА-ВА-КЕ,

4. НА КРУ-ЖА-ЛИ (З) ЛИ ОН ХОДИТ ГО-СУ-ДА-РЕ-ВОМ,

IX

ПРО СТАРОГО

(к тексту N57)

АВРАМОВСКАЯ.

ЧУПРОВЫ ЕРЕМЕЙ, КЛИМЕНТ
И ЯКОВ ПРОВИЧИ,
ЧУПРОВ ЛАРИОН ЕРЕМЕЕВИЧ.
(ФОНОГРАММ-АРХИВ N 656)

A. J-88

1. АЙ ДА НЕ ВЛМ-ЗКО(У) ОТ ГО(У)-РО-ДА НЕ ДА-ЛЕ-КО-(У) Ж, НЕ...

2. НЕ ДА-ЛЕ-КО(У) ОТ КИ-Е-В-А ЗА ДВЕ-НА-ДЦАТЬ ВЕРСТ,

C.

3. ТАМ И ЖИ-ЛИ НА ЗА-СТА-ВЫ БУ-ГА-ТЫ РЕ.

D.

4. КА-РА-У-ЛИ-ЛИ, ХРА-НИ-ЛИ СТО-ЛЬНЕЙ КИ-ЕВ-ДА ГРАД,

Ver.

X

ПРО БЕЛОГО

(К ТЕКСТУ N 58)

АБРАМОВСКАЯ.
ЧУПРОВЫ ЕРЕМЕЙ, КЛИМЕНТ
И ЯКОВ ПРОВИЧИ,
ЧУПРОВ, ЛАРИОН ЕРЕМЕЕВИЧ.
(ФОНОГРАММ-АРХИВ N 656)

A. J=80

1. КАК ПРО БЕ-ЛО-ГО(У-О) СКА-ЗАТЬ ЦА-РЯ, СКА-ЗАТЬ ПРО БЕ-ДНО-ГО,

B.

2. ПРО Ю-ДА-ЛО-ГО СКА-ЗАТЬ, ДА ДО-БРА МО-ЛО-ДЦА:

C.

3. Ах, да ты НОЙ Е-СИ, ОЙ Ю-ДА-ЛОЙ ДО-ВРОЙ МО-ЛО-ДЦА,

1) В конце первой строфы исполнителем импровизационно вставили одно лишнее слово, нарушив этим соотношение ударного слога текста с сильным временем напева, сохранившееся во всех последующих строках. Согласно метрической структуре остальных строф подтекстовка первой строфы должна была быть такой:

КАК ПРО БЕ-ЛО-ГО СКА-ЗАТЬ, ЦА-РЯ ПРО БЕ-ДНО-ГО,

Б. Селения по реке Печоре

XI

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

(к тексту №1)

УСТЬ-ЦЫЛМА,
НОСОВЫ, ВАСИЛИЙ
ПРОКОПЬЕВИЧ И
ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ.
(ФОНОГРАММ-АРХИВ №598)

$\text{♩} = 92$

АЯ ВО Е — ТО — ЕЙ АЙ ДА ВО

НИ — ЖНОЙ МА-ПО-ЕЙ ДА ГА-ЛИ-ЦИ

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВЫЛИНА „ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВИЧ“
В РАСПЕВЕ МЕЗЕНСКИХ КОМИ.

ЛАТЬЮГА (НАР. МЕЗЕНИ).
БУКИН, ИВАН КИРИЛЛОВИЧ.
(ФОНОГРАММ-АРХИВ №320)

$\text{♩} = 118$

A

1. Жыл вы-лы Бу — слав де-вя-но-сто лет, 2. Не(я) ста-ры-д(ы)-ся Бу —

— слав, пе-ре — ста-ви-лю-ся,

B.

3. О-ста-лаось у е — го лю-ви-ма сем(е) — я, 4. Лю-ви-ма — я сем(е) —

— я, мо-ло — да же — на,

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О НАПЕВАХ МЕЗЕНСКИХ И ПЕЧОРСКИХ БЫЛИН

Из двенадцати былинных напевов, помещаемых в настоящем сборнике, восемь мезенских являются известным дополнением к 55 напевам мезенской былинной традиции, опубликованным в 1910 г. А. Д. Григорьевым.¹ Напевы печорских былин, как известно, до настоящего времени никогда не были записаны (ни на слух, ни на фонограф). Поэтому четыре фонографических записи напевов печорских былин (напевы VIII—XI) впервые показывают печорскую былинную традицию с ее музыкальной стороны.

В противоположность Григорьеву, широко развернувшему фонографические записи былинных напевов и опубликовавшему их в значительном количестве, вне зависимости от того, что они зачастую повторяли друг друга (в его публикации мезенских былин один и тот же напев дается более чем в двадцати вариантах), — музыкальные записи, вошедшие в настоящий сборник, были сделаны в значительно более скромном масштабе и поэтому не могут претендовать на большой охват музыкального материала, данный в сборниках Григорьева.

При записи былинных напевов, вошедших в настоящий сборник, напевы, объединяющие в репертуаре одного сказителя несколько текстов, фиксировались лишь с одним текстом. Один и тот же напев записывался по несколько раз только в тех случаях, когда он повторялся в репертуаре различных сказителей. Так, напевы I („Подсокольник“), V („Иван Гоудинович“) и VII („Во стольнѣм во городе во Кieve“) представляют варианты одного и того же напева, распространенного по всей Мезени. Точно так же напевы VIII („Бутман“), X („Про белого“) и XI („Дюк Степанович“) — варианты одного из печорских былинных напевов, типового для Усть-Цылемского района.

В двенадцати публикуемых записях представлены *три* типовые группы напевов, известных в северно-русской былинной традиции.

---

¹ А. Д. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни, т. I, ч. 1: Поморье, ч. II: Пинега, М., 1904; т. III: Мезень, СПб., 1910.

К первой группе относятся напевы, чаще всего связанные со старым слоем героических былин; это напевы типа, описанного Масловым, „полного эпического размера“.¹ Под „полным эпическим размером“ Маслов подразумевает 12—14-сложный стих с тремя основными ударениями (речь идет об ударениях только в стихе, а не в напеве). В мезенско-печорской былинной традиции этот стих ритмизуется напевом, в основе которого лежит не столько тонический, сколько квантитативный принцип, т. е. ударные слоги текста выделяются сменой длительностей — более кратких на более длинные:

1	1	1	2	2	2	2		1	1	2	2	4	2	2
Ай тут сто -я-ла ли рý-ська да на-ша зá-ста-ва														
(„Подсокольник“)														
1	1	2	2	2	2	1	1	1	2	4	2	4		
Да у лá-ско-ва кнй-зя да у Вла -дй-ми-ра														
(„Иван Годинович“)														
2	1	1	1	2	1	2	2	2	1	2	1	2		
Про у -дá-ло-го ска -зátь да до-бра мó-ло-дца ²														
(„Про белого“).														

Другая особенность напевов „полного эпического размера“ в мезенско-печорской былинной традиции: напев всегда соответствует одной строчке текста и при исполнении никогда не расчленяется. Эта особенность мезенско-печорских напевов отличает их, например, от напевов заонежской былинной традиции, где неравносложные строчки текста поются не только на весь напев в целом, но и на различные сочетания его частей.³ Отсюда в заонежской былинной традиции на напев приходится не одна, а несколько строчек текста, тогда как в мезенско-печорской — неравносложные строки укладываются всегда по одной на нерасчленяемый напев путем дробления или стяжения музыкальных длительностей.

К „полному эпическому размеру“ относятся: мезенский типовой напев⁴ — в трех вариантах (I, V, VII) и печорский (устыцлемский) типовой напев, также в трех вариантах (VIII, X, XI).

¹ А. Л. Маслов. Былины, их происхождение, ритмический и мелодический склад. Труды Муз. этногр. комиссии Общ. люб. естествозн., антропол. и этногр., т. II, М., 1911, стр. 315—319.

² Цифры над текстом указывают на соотношение „долгих“ и „кратких“ музыкального и поэтического размеров былин, выраженное в „морах“ („мора“ — наименьшая единица длительности напева, приходящаяся на один слог).

³ Членение былинного напева и исполнение на напев не одной, а нескольких строк текста подтверждается многочисленными материалами фонографических записей заонежских былин, хранящихся в Фонограмм-архиве Института этнографии Академии Наук; в былинной литературе оно нашло отражение в расшифровках рябининских былин, приложенных к сборнику Ляцкого (Евг. Ляцкий. Сказитель Иван Трофимович Рябинин и его былины, М., 1895. Нотное приложение: напевы, расшифрованные А. С. Аренским с фоногр. записей Ю. И. Блока).

⁴ Данный мезенский напев мы называем типовым, так как в сборнике Григорьева из общего количества 55 записей — 24 представляют собою варианты

Вторую группу составляют напевы, связанные чаще всего с былинами поздней скоморошьей традиции, типа, описанного Масловым, „скоморошьего размера“.¹ Под „скоморошьим размером“ Маслов подразумевает короткий (восми — одиннадцатисложный) стих с двумя основными ударениями и, соответственно, более короткий напев.

Напевы этого типа (в наиболее чистом виде со скоморошьими же текстами сохранившиеся на Пинеге)² отличаются от мезенско-печорских напевов „полного эпического размера“ следующими особенностями:

1) более сжатая форма самого напева, обусловленная более короткой строкой текста;

2) чередование тонического и количественного принципов ритмизации текста напевом, т. е. уравнивание иногда „долгих“ и „кратких“ с выделением ударного слога музыкальным акцентом (формула „долгих“ и „кратких“ сохраняется чаще всего в концовках);

1 1 1 1 1 1 2 2 1

Во Та | -ў-ли-и во | го-ро | -де

(Григорьев I, „Кострюк“, напев № 48).

3) быстрый темп исполнения, порой приближающийся к речитативу-скороговорке;

4) произвольное варьирование количества слогов в строке текста путем дробления или стягивания длительностей напева.

1 1 2 1 1 2 1 1 2

У Те | -рѣн-тъя жо | -на мо-ло | -да

1 1 1 1 3 1 1

| Под ве-чер не | -дў-жна | вся

(Григорьев I, „Герентий муж“, напев № 5).

На Мезени „скоморошьи“ напевы в чистом виде, с характерной для них скороговоркой, встречаются редко. Чаще мезенский напев „скоморошьего размера“ представляет своеобразный с смешанным тип, соединяющий в себе каноны напевов „полного эпического размера“ с канонами размера „скоморошьего“.³ Вместе с тем на Мезени как чистый „скомороший“, так и смешанный типы напева соединяются не со скоморошьими былинами, а с былинами-новеллами, иногда же — с героическими былинами.

этого же напева, записанные Григорьевым на протяжении всей Мезени, от Дорогой Горы вверх вплоть до Больших Нисогор (см.: Григорьев, т. III, № 1, 2, 4, 5, 9, 13, 14, 23, 24, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 38, 40, 41, 42, 45, 50); наши варианты дополняют записи Григорьева в том отношении, что они дают варианты того же напева выше Больших Нисогор вплоть до Лебского, т. е. почти до границы русских селений на Мезени.

¹ А. А. Маслов. Былины. . . , стр. 316.

² См. Григорьев, I, „Кострюк“, текст № 23, напев № 19; там же „Вавила и скоморохи“, текст № 85, напев № 53, и т. д.

³ Общее количество напевов „скоморошьего“ типа в сборнике мезенских былин Григорьева — семь (Григорьев III, напевы № 11, 16, 18, 19, 20, 21, 44), т. е. около 15⁰/₀ всех записей.

К мезенской разновидности напева „скоморошьего размера“ относятся напевы III („Поездка Ильи Муромца“), IV („Илья Муромец и сын“) и VI („Старина забавная“).

В напеве IV („Илья Муромец и сын“) 14-сложный стих „полного эпического размера“ сжат напевом „скоморошьего размера“, благодаря дроблению „моры“ приемом скороговорки. Наоборот, в напеве III („Поездки Ильи Муромца“) текст, в отличие от других опубликованных мезенских вариантов той же былины (см. Григорьев III, тексты №№ 8, 56, 59), имеет размер восьмисложного „скоморошьего“ стиха; напев же короткого „скоморошьего размера“ на протяжении всей былины сохраняет одну и ту же квантитативную ритмическую формулу, что сближает его с напевами „эпического“ размера.

2 1 1 1 1 2 1 1
| Ё-хал стар по чи | -сту по-лю, '
1 1 2 1 1 1 2 1 3
По то | -му раз-до-лю ши | -рб-ко-му.

Напе VI („Старина забавная“) представляет своеобразное использование — уже в гротескно-пародийном плане — ритма и интонаций традиционного мезенского напева „полного эпического размера“ в „скоморошьем“ напеве и со „скоморошьим“ текстом.

Третью группу напевов мезенско-печорской былинной традиции составляют напевы, интонационно связанные с песенным жанром, чаще всего с интонациями свадебных величальных песен, иногда же лирических. Сюда относится стоящий особняком напев II („Про татарское нашествие“), не связанный в ритмо-интонационном отношении с традиционными мезенскими былинными напевами.

Возникновение былинных напевов из песенных интонаций, повидимому, характерно для мезенско-печорской традиции вообще, причем в большей степени для печорской, чем для мезенской. Проникновение интонаций песни в былинный жанр сказывается не только в самой мелодике, но и в традиции хорового многоголосного исполнения былин, в особенности типичного для Печоры. Формы бытования хорового исполнения былин на Мезени и на Печоре различны. На Мезени хоровое исполнение былин не может быть названо многоголосием в строгом смысле, так как подголоски отклоняются от унисона не как сознательные подголосочные разветвления, а большею частью как случайные несовпадения с унисоном. На Печоре же при хоровом исполнении былин наблюдаются именно сознательные подголосочные разветвления, в особенности на концовках, т. е. та же многоголосная фактура, которая имеет место в печорской песенной традиции.

Все публикуемые напевы записаны на фонограф и расшифрованы Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд. В записях напевов использованы следующие условные обозначения, принятые в публикациях Фонограмм-архива Фольклорной комиссии при Институте этнографии Академии Наук СССР:

- 1) двойной скрипичный ключ означает звучание на октаву ниже обычного,
- 2) двойные лиги между нотами — медленное портаменто,
- 3) направленная вниз двойная лига от последней ноты перед паузой — нисходящее глиссандо на выдохе,
- 4) две вертикальные черточки над нотоносцем — конец музыкальной строфы,
- 5) $\checkmark$ — перемена дыхания; такой же знак над паузой в скобках — остановка при перемене дыхания, нарушающая метр,
- 6) + над нотой — повышение менее полутона,
- 7) — над нотой — понижение менее полутона.

Е. Гиппиус, Э. Эвальд

ПРИМЕЧАНИЯ

В библиографии я пользуюсь рядом сокращений, список которых приводится особо. Относительно библиографии сюжета надо иметь в виду следующее: 1) отдельные записи былин и былины в небольших собраниях, вошедшие позже в сводные издания Тихонравова и Миллера и Вс. Миллера (Шайжин, Богораз, Истомин-Дютш и др.), указываются лишь по этим сводным изданиям; 2) перепечатанные тексты, помещенные в сборниках Киреевского, Соболевского и Миллера „Исторические песни“, указываются в скобках при основном источнике и больше не повторяются, напр.: К. Д., 9 (Кир., V, стр. 14); 3) курсивом в скобках, рядом с номером из сборника „Песен“ Рыбникова отмечены былины на тот же сюжет и от того же исполнителя в сборнике Гильфердинга, напр.: Рыбн., I, 72 (*Гильф., 103*); 4) при номерах в скобках ставится условное сокращение: (к.) — обозначает, что данный вариант представляет контаминацию с другим сюжетом, (пр.) — что сюжет передан как прозаический рассказ или сказка, (отр.) — обозначает отрывок.

Новые записи былин учтены лишь кончая 1935 г. В 1936 — 1938 гг. произведен еще ряд записей в д. Зимняя Золотица Приморского р. Архангельской обл., в Карелии и на Дону. Но поскольку составитель не располагал еще исчерпывающими данными об этих и других новейших записях, он их в обзор новых записей не включил.

Кроме исследований, указанных в примечании к отдельным сюжетам, следует иметь в виду еще ряд работ общего характера, суммирующих в отношении отдельных сюжетов результаты прежних исследований. К таковым относятся: J. Máchal. O bohatýrském epose slowanskem. V Praze, 1894; М. Сперанский. Русская устная словесность. М., 1917; М. Сперанский. Былины, т. I, М., 1916, т. II, М., 1919. Памятники мировой литературы; А. П. Скафтымов. Поэтика и генезис былин. Москва — Саратов, 1924 (в части библиографического обзора: гл. IV); J. Krzyżanowski. Byliny. Wilno, 1934; R. Trautmann. Die Volksdichtung der Grossrussen, I, Das Heldenlied. Heildelberg, 1935. Поскольку они касаются почти всех представленных в книге сюжетов и по большей части не дают самостоятельного освещения, они не включаются в библиографию по отдельным сюжетам, за исключением некоторых случаев, когда их замечания имеют самостоятельное значение (напр. см. стр. 554 и др.).

АЛЕША ПОПОВИЧ И СЕСТРА ПЕТРОВИЧЕЙ (СБРОДОВИЧЕЙ)

Былина-новелла, возникшая в тот поздний период развития эпоса, когда определился тип Алеши Поповича как „бабьего прелестника“. Известна, главным образом, в вариантах более северных районов: Терского и Зимнего берегов (по 1 варианту), Печоры (1 вар.) и Пинеги, где она была особенно популярна (12 записей). Есть варианты из Шенкурского края (1), Средней России (2) и Белоруссии (1). В Якутии сюжет контаминировался с близкой по содержанию былинной об Иване Дудоровиче и Софье Волховичне. Олонецкий край этой быliny не знал совсем.

Кир., II, стр. 64, 66, 67; Григ., I, 54, 72, 78 (отр.), 81, 83 (пр.), 85, 97, 100, 104, 118, 128, 173; Марк., 7, 93; Онч., 3; Шейн, Белорусские нар. песни, 453. См. также Этногр. Обзор., 1913, 1—2, стр. 220.

Новых записей 3: с Мезени (1928 г.), Зимнего берега (1934 г.) и из северной Карелии (Кемский р., 1935 г.).

Былина рассмотрена А. Н. Веселовским, который считал ее позднейшей переработкой старой быliny на международную тему Цимбелина и аналогичных рассказов. Следы этой быliny он находил в сказках о Даниле Бессчастном (Афан., 178, 179; Рыбн., II, 203, и др.) и предполагал, что имя Данилы как раз и принадлежало этой древней, не дошедшей до нас быльи. Характерно, что впоследствии действительно был записан вариант с именем Данилы (Григ., I, 72). Другие ученые (Сперанский, напр.) в основе быliny об Алеше и сестре Петровичей видели, в противоположность Веселовскому, безыменную песню-балладу, подтверждая свое предположение указанием на наличие былин с героем — добрым молодцем. В общем и после указанных работ генезис данной быliny недостаточно ясен. Очевидно лишь то, что редакции с именем Алеши сложились в более позднее время.

Ор. Миллер. Илья Муромец, стр. 446—447; Веселовский. Южно-русские быliny, XI, стр. 331—401; Лобода. Русские быliny о сватовстве, стр. 75—84; Сперанский. Быliny, I, стр. 98; Сперанский. Русская устная словесность. М., 1917, стр. 266; Tгаутманн, стр. 403—405.

Из северных вариантов наибольшей простотой композиции отличаются пинежские. Некоторые из них очень кратки. В двух (Григ., I, 72, 81) героем является безымянный добрый молодец, в одном (54), очевидно по аналогии с близкой былинной о неверной жене, — Чурило. Имя героини меняется, чаще всего — Елена, Оленушка, Елена. Братья Петровичи только в одном варианте (72) заменяются Данилом Васильевичем — именем, которое Веселовский как раз приписывает старинной, не дошедшей до нас песне. Заключительная часть варьируется в деталях: то Алеша с согласия братьев везет героиню к венцу, то отнимает ее у братьев, то выкапывает ее из земли и увозит и т. п. В варианте 118 Елена старается под разными предлогами оттянуть время казни. Но самый конец всегда благополучный: „грех“ прикрывается венцом. Первая и центральная части (похвальба и раскрытие связи сестры с Алешей) довольно устойчивы. Есть варианты, почти дословно повторяющие друг друга (128 и 173).

Оба беломорских (к ним примыкает и один пинежский, Григ., I, 104) осложнены включением мотива неверности жен, который в терском варианте (Марк., 7) разворачивается в новый, заключающий былинный эпизод — проверку верности жен и убийство их за измену. На эпизоде сказалось сильное влияние быliny о Чуриле

и неверной жене не только в сюжете, но и в деталях (имена персонажей — Перемётушка, Чурила; „перчаточки“ Чурилы в качестве улик и др.). Своеобразными чертами отмечен печорский вариант, выводящий Илью Муромца, как мирного посредника между обеими сторонами, устраивающего свадьбу (Илья Муромец фигурирует и в терском варианте, Марк., 7, но менее выделен). В отличие от всей группы северных вариантов тексты из Средней России (московский и орловский, Кир., II, стр. 64 и 66) и белорусский (Шейн, 453) имеют трагический исход: смерть девушки, запятнавшей фамильную честь. Несмотря на малое количество вариантов с такою развязкой, именно ее скорее можно считать изначальной, так как она аналогична развязкам других песен и былин на тему измены и нарушения семейной чести („Чурила и неверная жена“, „Князь, княгиня, старицы“). Позднее конец был изменен под влиянием общей тенденции северного крестьянства к смягчению развязок (см. примеч. к былине об Иване Годиновиче, стр. 587).

№ 21. Запись 29 июня 1928 г. от Варлама Матвеевича Михеева, 69 л., Лешуконский р., д. Засулье.

Текст интересен, во-первых, как единственная запись, произведенная на Мезени; во-вторых, — сохранением воспоминаний о старинной трагической развязке изложенного конфликта; это — исключительный случай среди северных вариантов, имеющих благополучный исход.

БРАТЬЯ-РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА

Принадлежит к числу самых популярных баллад из круга близких к былинам. На севере осознается населением как жанр, отличный от песни и приближающийся к былине. В Заонежье и Поморье чаще всего именуется „стихом“ и исполняется на напевы, родственные напевам духовных стихов. На Мезени, наоборот, говорят: „Это не стих, а самокладка, бывальщина, старина“. Баллада эта на севере в настоящее время — почти исключительное достояние женских репертуаров.

В прежние годы известна в большом количестве записей из разных мест Средней России, Поволжья, Зап. Сибири, Северного края. Точное перечисление местностей, где были произведены записи, см. в сборнике В. И. Чернышева „Русская баллада“, Изд. сов. писат., 1936, стр. 384—385.

Рыбн., 37 (Соб., 185), 112 (Гильф., 176; Соб., 180); Гильф., 28, 167 (Соб., 184), 176, 248 (Соб., 182), 294 (Соб., 183); Агр.-Слав., стр. 119; Григ., I, 30, 42, 46, 49, 53, 57, 67, 75, 77; III, 25, 120; Марк., 27, 114; Марк.-Богосл., II, стр. 89, 90. Соколов. Былины, историч. песни и пр., 15; Васнецов, стр. 128; Добровольский, ч. 4, стр. 593, № 14; Даль. Соч., I, 1897, стр. 181; Кир. Новая серия, вып. 2, ч. 1, № 1446; Соб., I, 178, 179, 181, 186—193; Милл. Ист. песни из Сибири, стр. 60; Жив. Стар., 1915, прилож., стр. 40; в б. Псковской губ. баллада эта была записана А. С. Пушкиным. Изд. „Academia“, 1936, т. II, стр. 491—492; то же „Рукою Пушкина“, подготовили М. А. Цявловский, Т. Г. Зенгер и Л. Н. Модзалевский, 1935, стр. 454—456. Особая версия: Варенцов. Сборник песен Самарского края. СПб., 1862, стр. 221 (Соб., 194). Сведения о вариантах, записанных в прежнее время и хранящихся в рукописном виде, см. у В. И. Чернышева, „Русская баллада“, стр. 385. Сюжет баллады использован в ряде колядок, см. А. Потебня, „Обзор поэтических мотивов колядок и щедровок“ (Русск. Филол. вестн., № 4, Варшава, 1885, гл. LXXII).

В период 1926—1935 гг. на Севере записано более 40 вариантов основной версии. Наиболее распространена она в Прионежье, где ее знают и взрослые, и молодые, и дети. 5 вариантов записано на Мезени, 2 на Печоре, 1 — в Поморье и 1 на Зимнем берегу. На Пинеге, в местах нашей работы, этой баллады не знают. (Записи Григорьева на Пинеге относятся к низовьям реки.)

Разбойничество в данной балладе-былине, подобно былинам о Соловье-разбойнике и о встрече Ильи Муромца со станичниками, трактуется как бытовой грабеж, как общественное зло, от которого страдает мирное трудовое население. Акцент делается на мелодраматической ситуации. Однако подчеркивание в ряде вариантов социального происхождения разбойников („род крестьянский“, „у вдовы у пашницы“, или „пашичи“, „у крестьянина у нужного“) вместе с указанием иной социальной принадлежности зятя (гость богатый, боярин, торговщик) дает некоторый (хотя и слабый) социальный налет и перекидывает мост к так называемым „разбойничьим песням“ социального протеста. Дальнейшее использование данного социального момента, уже в плане песен социального протеста, находим в одном саратовском варианте (Соб., 190), где разбойники после узнавания сестры в отчаянии говорят: „Мы не барина зарезали“, „мы не барченка в воду бросили“, „нам не барыня в полюбовницы на посмешище попадалась“.

Всеволод Миллер указал на близкие мотивы в карельской руне о Куллерво (М и л. л. Ист. песни из Сибири, стр. 62—66).

Содержание песни в ее основной версии очень устойчиво, варьируются лишь детали: место действия (за морем, в Киеве, в Новгороде, в Саратове, на Подоле и т. п.), наименование мужа (морянин, гость богатый, боярин, торговец), способ путешествия (на лодке по морю, на лошадях), происхождение братьев и сестры (рода небогатого, у крестьянина у нужного, у вдовы, у пашницы, у богатой вдовы, в одном варианте — у короля), число братьев, идущих в разбой, формы убийства мужа и ребенка (мужа зарезали — ребенка в воду бросили, мужа закололи — ребенка в котле сварили, мужу отрубили голову — ребенка убили о землю, и т. п.). По наличию тех или других из указанных деталей можно наметить основные районные типы этой баллады: 1) заонежскую (к которой примыкают поморские и записанные нами печорские варианты), 2) пинежскую, 3) нижнемезенскую (к которой примыкает и один пинежский вариант: Григ. I, 67), верхнемезенскую (к ней относится и пинежский вариант: Григ., I, 77). К нижнемезенским близко стоят варианты с Зимнего берега, отличаясь значительно большей развернутостью всех подробностей происшествия.

Наиболее значительные вариации касаются конца, особенности которого, однако, не закрепляются в той или иной группе и представляют выражение индивидуального момента. Самый обычный конец: разбойники, узнав сестру, — в ужасе от содеянного. Но иногда к этому прибавляются: укоры сестре, зачем она не открылась им раньше, просьбы о прощении, утешения с ссылкой на свое богатство, попытки отыскать в море тело зятя, решение возвратиться к матери, раздача именина-богатства по сиротам и церквам. В одном пинежском варианте (Григ., I, 75) мальчика прибывает к острову, корабельщики спасают его, мать и сын встречаются. В качестве проявлений личного творчества в большей или меньшей степени поэтизируются отдельные эпизоды: набег разбойников, диалог и т. п.

Втягивание поздних эпических песен в киевский цикл сказалось и на данной былине-балладе в перенесении действия в Киев (Григ., I, 67; III, 25, 120; Марк.,

27, 114; Соб., 178, 190, 193). В беломорских обработках заметно влияние былины „Козарина“ (сестра оказывается дочерью Петра Коромыслова — Марк., 114) и „Дунай и королева“ (сестра именуется Настасьей королевичной, Марк.-Богосл., II, стр. 89). В заонежских вариантах следует отметить постоянную тенденцию к местному приурочению действия („Онегушко страховитое“, „шумяче, гремяче Онегушко“) и некоторые характерные бытовые детали (см. примеч. к былинам, т. II). Все мезенские варианты, записанные нами в верховье, отличаются от обработок, записанных Григорьевым по нижнему течению, подчеркиванием крестьянского происхождения братьев и сестры и приурочиванием действия к морю Хвалынскому.

Кроме публикуемых, записаны нами еще варианты из Мезени в д. Вожгоры от Татьяны Михайловны Лешуковой, 63 л., и от Анюты Ляпуновой, 11 л. (1928 г.), на Печоре в Усть-Цыльме от Елены Ивановны Ермолиной, 44 л. (1929 г.), см. примеч. к № 77. Указанные записи в Рукоп. хранил. Фолькл. ком., колл. IV и V

№ 8. Запись 26 июня 1928 г. от Степана Васильевича Гольчикова, 44 л., Лешуконский р., д. Лебская.

Редкий случай, среди позднейших записей на Севере, записи этой былины от мужчины. В соответствии с характером фольклорного репертуара исполнителя (Степан Гольчиков по преимуществу сказочник), мы и здесь видим потерю ритмической четкости, стремление перейти на прозаический пересказ, характерные вставки комментария и включение сказочных моментов („тридевять морей, тридесатое царство“).

№ 9. Запись 21 июня 1928 г. от Марины Ивановны Совковой, 60 л., Лешуконский р., д. Пустынь (близ Вожгор).

Из всех записанных в верховьях Мезени вариантов данной былины — самый, полный. Подчеркивается социальное происхождение героев: „Как у бедного, у нужного“. Названа былина исполнительницей „старыной“.

№ 10. Запись 20 июня 1928 г. от слепой старушки Насти, Лешуконский р., д. Вожгоры.

Приводим конец данной былины в варианте Анюты Ляпуновой, 11 лет, которая усвоила былинку от бабушки Насти. После 18-го стиха:

Как убили-то, убили моего мұжа,
Да роднұ-то сестрұ во полон ввели,
Во полон ввели да на корабль снесли.
„Выставайте, выставайте, родны брателки!
Как убили-то, убили мы своего зятелка,
А родну сестру во полон ввели, на корабль снесли“.

№ 77. Запись 1 июля 1929 г. от Агафьи Родионовны Овчинниковой, 62 л., Усть-Цыльма.

Текст интересен, как образец печорских вариантов: в записях Н. Е. Ончукова данной былины не имеется. По словам исполнительницы, она заимствовала былинку из какой-то книжки, напев же подобрала сама. Вариант близок к заонежской группе. Подчеркнуто крестьянское происхождение героев. Второй вариант из той же Усть-Цыльмы почти полностью совпадает с данным. Характерно, что

и на Печоре баллада известна под заглавием „Вдова пашица“, как обычно именуют эту балладу в Заонежье. 2-й вариант записан от Елены Ивановны Ермолиной, 44 л., и Татьяны Ивановны Носовой, 36 л. (пели вдвоем).

БУТМАН

Поздняя по времени возникновения (не ранее XVIII в.) и редкая былина. До последних лет была известна лишь в двух записях узко ограниченного района (р. Пижма печорская).

Онч., 14, 16.

В 1929 г. оказалась попрежнему популярной в том же районе и за пределами его нам не встретилась. Записана в трех вариантах. Чрезвычайно интересен факт записи этого сюжета (в одном варианте и в прозе) экспедицией бр. Соколовых в 1926 г. в Кижях, Заонежского р. Вероятно, здесь — позднеешее занесение былины, возникшей в другом районе, так как ни одним из прежних собирателей данный сюжет в Онежском крае зарегистрирован не был, хотя, как показало исследование, сама былина и создавалась на основе олонецких преданий.

Былина „Бутман“ исследована Вс. Миллером. Вс. Миллер объяснял имя героя былины влиянием олонецких преданий о Бутмане — владельце заонежских чугунных и меднолитейных заводов времени Петра I — Андрее Бутенанте фон Розенбуш. Бутенант поставлял Петру оружие и лично был близок к царю. В населении он оставил вместе с недоброй памятью о своей жестокости также воспоминания о своей власти и могуществе (см. Е. В. Барсов, „Петр Великий в народных преданиях Северного края“, М., 1872). Вс. Миллер правильно отмечает, что в былине от исторических преданий сохранились лишь имена и отголосок воспоминаний о сильной личности Бутмана, кроме того, смутные реминисценции легенды о каком-то покушении на жизнь Петра I в Шведской земле (см. Песни на эту тему у Кир., 8, стр. 164—166).

Таким образом связь с Бутманом олонецких преданий чисто внешняя. По своей же основной идее „Бутман“ примыкает к былинам, в которых в образе центральной фигуры воплощены народные представления о силе и значении богатырей, связанных с народными массами. Эта сторона „Бутмана“ исследованием не была достаточно оттенена.

Вс. Миллер. Очерки, т. II, стр. 385—405.

В „Бутмане“ важна и ценна именно его общая направленность. Бутман близок к голям. Похвальба его тем, что он сильнее и сметливее царя, оправдана конкретным фактом важной услуги царю — освобождением его из плена. По явному сочувствию к герою, по снижению образа царя и резко отрицательному отношению к придворным былина должна быть поставлена в один ряд с былинами о Василии Игнатьеве и об Илье Муромце и голях. Идеологическая и сюжетная близость этих былин привела к контаминации их в варианте № 16 собрания Ончукова.

Записанные нами тексты все восходят к редакции ончуковского варианта № 14, но отличаются большей сжатостью и динамичностью повествования.

„Бутман“ пелся и поется на особый напев, приближающийся к песенному.

№ 54. Запись 12 июля 1929 г. от Анны Максимовны Поздеевой, 70 л. с лишним, Усть-Цылемский р., с. Замезное.

Данный текст наиболее полный из всех записанных нами вариантов „Бутмана“. Восходит к редакции варианта № 14 у Ончукова из того же села, повторяя дословно целый ряд стихов, но почти наполовину сокращает повествование. Сокращение падает, главным образом, на стихи, поясняющие, кому из действующих лиц принадлежит та или иная речь, или на детали описания, напр. в эпизоде прихода Бутмана к царю.

Напев VIII.

№ 56. Запись 12 июля 1929 г. от Татьяны Григорьевны Тороповой, 87 л., Усть-Цылемский р., с. Замежное.

Текст словесно почти в точности повторяет вариант А. М. Поздеевой, лишь еще более сокращая изложение. Например выпущены укоры царя. Но сохранены описание прихода Бутмана, чего нет у Поздеевой. „Губернаторы“ заменены „боярами толстобрюхими“, более привычным и традиционным печорским образом.

Былину Торопова сперва сказала словами, потом спела. При пении текст сильно изменяла. Напев такой же, как у Еремея Чупрова и А. М. Поздеевой.

№ 58. Запись 10 июля 1929 г. от Еремея Прововича Чупрова, 39 л., Усть-Цылемский р., д. Аврамовская.

Вариант Еремея Чупрова, хотя и восходит к той печорской редакции, что и другие тексты на данный сюжет (Онч., № 14), но заключает и некоторые индивидуальные моменты в своем словесном оформлении. Кроме того, вариант представляет дальнейший отход от исторических преданий о Петре и Бутмане, легших в основу сюжета. Вместо Петра фигурирует князь Владимир — быть может простая оговорка, но характерная для процесса втягивания поздних былин в киевский цикл. Освобождение из плена в „орде поганой“ заменено спасением от смерти на войне с турками.

Напев X. На этот напев поют все исполнители „Бутмана“ (ср. VIII). В исполнении Чупрова он пленяет артистической игрой звуками, которой вообще отличается пение этого замечательного певца.

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ

Былины о Василии Буслаеве принадлежат к числу былин-новелл, отразивших события городской жизни и ее социальные отношения. Густо насыщенные (в особенности былина о борьбе с новгородцами) чертами исторической обстановки Новгорода XIV—XV вв., они получили распространение исключительно в областях, связанных с новгородской колонизацией на севере и северо-востоке: в Прионежье (наибольшее количество вариантов), в Шенкурском крае, на Пинеге, Мезени, Печоре, Зимнем берегу Белого моря и в Зап. Сибири. Фрагмент из Москвы (Тих.-Мила., II, 64) является лишь пересказом нескольких отрывков текста былины № 9 сборника Кириши Данилова. Имеется еще полузабытый вариант из б. Новолодожского у., б. Петербургской губ. Оба сюжета былины о Василии Буслаеве (о борьбе с Новгородом и паломничестве в Иерусалим) встречаются и в качестве отдельных самостоятельных былин и, как позднейшая обработка, в контаминации друг с другом. Более распространена была первая былина. В соединении с ней вторая обычно сильно сокращает повествование. Имеются и сказочные обработки с XVIII в.

В последующей библиографии сюжета одной звездочкой отмечены былины на первый сюжет, двумя — на второй. Неотмеченные являются контаминацией.

К. Д. 9* (Кир., V, стр. 14), 18** (Кир., V, стр. 23); Кир., V, стр. 3*, 8*; Рыбн., I, 17, 64*, 65**, 72* (Гильф. 103*), 125* (Гильф. 54), 150*, 151**, 169*, 198; Гильф., 30*, 44, 54, 103*, 141, 259, 284, 286*; Марк., 52; Григ., I, 39; III, 3, 18, 74**, 86**; Онч., 11** (к), 28**, 48** (отр.), 74, 88*, 89**, 94*; Шайж., стр. 60; Тих.-Милл., 61, 62, 63, 64*; Прилож., стр. 289*; Милл., 93*, 94**.

Сказочные обработки: Кир., V, Прилож., стр. I, III*, XIII*.

Новые записи произведены в Заонежье (3 варианта), Пудожском крае (3), на Кенозере (2), Зимнем берегу (1) и Мезени (2, из них одна — вариант, разложившийся в прозаический рассказ).

Яркий новгородский колорит вызвал внимание ряда историков, вскрывавших в былинах черты реального исторического быта. Основное исследование написано И. Н. Ждановым, проведшим тщательное сопоставление фабулы, эпизодов, мотивов и образов былины с документальными историческими материалами. В первой былине он показывает отражение воспоминаний о борьбе общественных партий в XIV—XV вв., во второй — воспоминаний об „ушкунничестве“. Жданов правильно видел в былине обобщение целого ряда впечатлений и не пытался обязательно отыскать конкретные события в качестве основы былины. Упоминание же о смерти новгородского посадника „Васка Буслаевича“ в летописной заметке (Никоновский свод XVI в., под 1171 г.) он справедливо трактовал как позднейшее занесение из устного творчества. Но попытка исследователя установить некоторые литературные влияния (в частности, связать былину с западными сказаниями о Роберте-дьяволе) не убедительна. С. К. Шамбинаго, опираясь на следы влияний XVI в. в обрисовке некоторых образов, пытался истолковать былины как исторический памфлет на Ивана Грозного, разгромившего Новгород в 1570 г. Во второй былине он видел „песнь о нераскаянной кончине“, использовавшей реальное событие путешествия Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь. Неубедительность концепции С. К. Шамбинаго вскрыта была В. С. Миллером.

Ор. Миллер. Илья Муромец, стр. 785—789; Веселовский. Калики, стр. 707—708, 720—722; Jagić, стр. 102; Веселовский. Разыскания, III, стр. 3—4, 42—45, XIII, стр. 250—252; С. Соловьев. История России, т. III, гл. 1; Н. И. Костомаров. Северно-русские народоправства, т. II, стр. 118—140, 370; Буслаев, стр. 129—134; Владимиров, стр. 240—243; Веселовский. Мелкие заметки, XIV, стр. 14—15; А. Н. Веселовский. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе. П., 1921, стр. 217—219; Жданов. Русский былевой эпос, стр. 193—424; В. С. Миллер. Очерки, I, стр. 227—232; II, стр. 240, 328—383; Потанин, стр. 208, 319, 452, 643, 653—654; С. К. Шамбинаго. Песни-памфлеты XVI в., М., 1913; С. К. Шамбинаго. Песни времени царя Ивана Грозного. Сергиев посад, 1914, стр. 98—251; В. С. Миллер. Песни-памфлеты XVI в. (Исследование С. К. Шамбинаго.) Вестн. Евр., 1913, V; В. Брим. Былина о Василии Буслаеве в Исландской саге (Язык и литература, т. I. Л., 1926, стр. 311—322); Б. М. Соколов. Русский фольклор, вып. I, М., 1931, стр. 50—51.

Былины о Василии Буслаеве представляют огромную ценность не только яркими зарисовками старого новгородского быта, но и тем, что в них дан образ большого художественного обобщения. Тип Василия Буслаева А. М. Горьким причислен к наиболее ярким мировым образам. Особенно четок этот образ

в варианте Кириши Данилова, лучше других сохранившем и весь новгородский колорит произведения. В ряде других вариантов этот колорит значительно понижен: отсутствует братчина, пир происходит то у старосты, то у мужиков новгородских; в двух вариантах — у князя Владимира; взаимоотношения отца Василия, Буслая, с городским населением часто совсем не указаны. Образ Василия в основном тот же, но в некоторых вариантах и он снижен до фигуры обыкновенного озорника и буйна.

В композиционном отношении варианты чрезвычайно разнообразны. Четких областных групп нет. В Прионежье преобладает первая былина. Вторая, в качестве самостоятельной, почти отсутствует. В контаминированных (одна треть всех вариантов) второй сюжет передается обычно кратко. Обе части иногда связываются внутренне: во второй вспоминается буйное прошлое Василия Буслаева; присоединяются новые мотивы, характеризующие буйную натуру героя. Некоторая противоречивость в оценках героя обеих былин снимается контаминацией, и обрисовка героя достигает большей цельности и завершенности. На Мезени и Печоре, обратно, преобладает вторая часть. Содержание ее часто пополняется рассказом черепа о своем прошлом. В отдельных эпизодах замечается дальнейший отход от старейших редакций (см. у Григ., III, 18, замену камня — огненной горой). В печорских обработках первой былины отсутствует озорство Василия на улицах. Осуждение Василия Буслаева, как силы, не направленной на служение народу, вызывает тенденцию к более четкому противопоставлению Василия массам. В варианте с Зимнего берега (Марк., 52), Василий Буслаев — богатый князь, который „дворянскими забавами да забавляетце: малых деток на улки пообиживат“. Это и вызывает у мужиков новгородских желание его убить. Особняком стоит один пудожский вариант (Рыбн., II, 150), где герой противопоставлен высшим классам и в соответствии с этим возвышен и прославлен.

№ 14. Запись 30 июля 1928 г. от Максима Григорьевича Антонова, 59 л., Лешуконский р., д. Усть-Низема.

Былина контаминирует оба сюжета былины о Василии Буслаеве и является самым полным из всех записанных на Мезени вариантов (680 стихов; самый длинный вариант у Григорьева, III, 3—220 стихов). Из четырех вариантов у Григорьева только один с нижнего течения р. Мезени (№ 3) заключает оба сюжета; два (со среднего течения, №№ 74 и 85) только рассказывают о путешествии и смерти, четвертый (№ 18) сильно трансформирует сюжет, из второй былины сохраняя лишь эпизод смерти на какой-то огненной горе. Вообще все варианты знаменуют несомненный отказ от основной сюжетной схемы. В № 3 отсутствует эпизод заклада, и избивание мужиков сводится к уличному озорству Василия Буслаева. В № 85 пропускается эпизод с черепом, и смерть дается не на обратном пути, а по дороге в Иерусалим, и т. д.

Текст Антонова подробно разрабатывает все основные эпизоды, очень развернут центральный — борьба с новгородцами. Подробно описано ученье с перенесением черт Волха Всеславьевича (оборотничество), что в дальнейшем отчасти оправдано (во время боя оборачивается гоголем). Вторая часть характеризуется подробными и яркими описаниями (корабль, прощание с матерью, впечатления от красоты Василия — перенесено из былины о Чуриле, остановка корабля в море и др.). На всей былинке — отпечаток большого и яркого таланта Антонова с его страстью к живописной детализации.

Моментами, общими другим мезенским вариантам, являются: рассказ черепа о своем прошлом (что совершенно отсутствует в прионежских записях), имена дружинников Василия, в числе которых указывается и девушка-чернавушка, противопоставление Василия Буслаева и Потанюшки Хроменького в конечном эпизоде. Остановка в море, несмотря на попутный ветер, следствием которой и оказывается вынужденное приставанье к горам — месту гибели, встречается и в печорских вариантах (Онч., 74), являясь использованием известного мотива из былины о Садко.

№ 4. Приложение. Запись 28 июня 1928 г. от Филиппа Васильевича Гольчикова, 40 л., Лешуконский р., д. Лебская.

По сюжетному наполнению сказка Гольчикова близка к былине М. Г. Антонова (№ 14). Исключен только эпизод с костью, а предупреждение и укор неведомой старушки заменены „голосом“. Из индивидуальных особенностей рассказчика отметим тенденцию к психологизму и бытовым подробностям, см. разработку образа матери, обиду Василия за мать, проводы Василия. Интересно появление в былине „парохода“. Тот же сказитель, слушая исполнение своим братом былины о братьях-разбойниках и сестре, фразу „На корабль свели“ поправил: „На пароход свели“.

ВАСИЛИЙ ИГНАТЬЕВ

Входит в героический цикл былин о борьбе с татарами, примыкая к группе песен о неожиданном спасителе. Одна из наиболее социально-острых былин. Из общего количества известных вариантов (30) половина принадлежит б. Олонецкому краю. Распространена была также на Мезени (6 вариантов) и на Печоре (4 вар., один из них не закончен). Имеются еще: одна запись с Пинеги, две из б. Нижегородской губ. и одна из Зап. Сибири. Зачин былины (о турах златорогих) — осколок старинной легенды об охране Киева богородицей — в качестве отдельной песни получил распространение в Поморье и среди казачества.

Кир., II, стр. 93; Рыбн., 81 (*Гильф.*, 116), 161 (*Гильф.*, 66), 174 (*Гильф.*, 60), 194, 209; *Гильф.*, 18, 41, 60, 66, 116, 181, 231, 258; Марк., 77; Григ., I, 105; III, 10, 15, 20, 33, 59, 65; Онч., 4, 17, 18, 87 (отр.); Тих.-Милл., 38, 39, 40; Милл., 47. Ср. также К. Д. 24; *Гильф.*, 186, Афанасьев, вып. VI, 62.

„Туры“. Григ., I, 33, 36; Марк., 13; Марк.-Богосл., II, стр. 75, 76; Милл. 48, 49 (Соб., I, 484), 50, 51, 52.

Новые записи — из Печорского края (4) и из Пудожского р. Карелии (4). Мотивы „Василия Игнатьева“ находим в печорской былине № 86 настоящего сборника.

В былине исследователи справедливо видели песенную обработку преданий времен татарщины. А. Н. Веселовский рассматривал ее как переработку более древней былины о юном Михайле Даниловиче. Вс. Миллер источником былины считал старую, не дошедшую до нас песню о разгроме Киева Батыем в 1240 г., отмечая в ней также отзвуки предания об Евпатии Коловрате. В этой части его концепция достаточно убедительна, но большой натяжкой является предположение о связи имени героя с воспоминаниями о князе Василии Констан-

тиновиче, взятом Батыем в плен при Сити (1237 г.). Рассматривая „Василия Игнатьева“ как „образчик бытовой модернизации старшей былины“, в частности, отмечая черты скоромошней отделки, исследователи не указали ее большого социально-исторического значения. Выделяя в качестве героя-спасителя Киева представителя „голи“, былина преломила оппозиционные настроения масс. Вс. Миллер же видел в ней лишь „изделие“ „грубой среды любителей кружала государева“, смакующих, по его выражению, „кабацкие сцены“, „зелено вино“ и т. п., хотя в аналогичных былинах о ссоре Ильи Муромца с князем Владимиром и о „голях кабацких“ он правильно вскрыл преломление протеста казачьей среды начала XVII в. На оторвавшемся от былины запеве „Турь“ останавливаются А. Д. Григорьев, указавший влияние старообрядцев в поморских обработках, и Вс. Миллер, который рассмотрел казачьи переделки и отметил в них реально-бытовые черты. Художественная функция запева в самой былине отмечена Д. П. Скафтымовым.

Л. Майков. О былинах Владимиров цикла. СПб., 1863, стр. 129—130; Ор. Миллер. Илья Муромец, стр. 686—694, 714—715; Антонович и Драгоманов, стр. 156—157. Веселовский. Южно-русские былины, I—II, стр. 48—53; III—IX, стр. 265—274; Халанский. Великорусские былины, стр. 84—87, 105—110; Владимиров, стр. 226—227; Вс. Миллер. Очерки, I, стр. 305—327, 353; II, стр. 375—381; III, стр. 283—285. Архангельский, стр. 919—921; А. Веселовский. Разыскания о греческих богатырских былинах средневекового периода Гавриила Дестуниса (Ж. М. Н. Пр., 1884, июль, стр. 144—145); А. Д. Григорьев. Архангельские былины, т. III, стр. 13—14; Скафтымов, стр. 108—109; Грушевский, стр. 278—280.

Варианты былины распадаются на две четко обозначенные группы: онежскую и мезенско-печорскую (к последней примыкают варианты пинежский и золотницкий). В онежских сюжет более прост и четок. В Киеве при нашествии Батыги не оказывается богатырей. Василий „упьянсливый“, „голь кабацкая“, стреляет по шатру врага и убивает „три лучшие головушки“: Батыга требует выдачи виновного. Василий едет к Батыге, обещает отдать ему Киев, получает от него рать и избивает ее. В мезенско-печорских вариантах сюжет осложнен взаимоотношением Василия и князя с боярами, в силу чего былина насыщается элементами социального протеста. Он выражен в следующих основных ситуациях: 1) бояре негодуют на то, что князь Владимир угощает Василия; при этом подчеркивается полное обезличение князя („ничего говорить не смет“). Василий Игнатьев ведет татар на Киев с условием, чтобы они не трогали князя с княгиней и не разоряли Киевград, а лишь грабили и убивали бояр. См., напр., Григ., III, 65, стихи 285—289; Онч., 4, стихи 205—209. Особенно социально четко дан этот момент в варианте Григ., III, 59, стихи 229—232: „А бар-то у нас казните-вешайте“; в одном нижегородском варианте (Милл., 47, стихи 113—115): „Я тебя введу в Киевград на три часа, бей князей, бояр, а до черни дела нет, а за княжеский двор и не глядя“; у Марк., № 77, стихи 141—148: „Я не дам-то тебе розбить, розорить да красен Киевград... да вам дам только обирать князей, бояр же“ и т. д. Так трансформируется эпизод военной хитрости героя онежских вариантов. Затем Василий ссорится с татарами и избивает их; 2) бояре настаивают на выдаче татарам Василия Игнатьева, убившего зятя Скурлы, дальше следует то же; 3) Василий Игнатьев побеждает татар, но оскорбленный боярами, которые отказывают в награде („нам боле Васенька не надобно“), избивает самих бояр. Кроме того,

в печорский вариант вводится еще „подсушина“, один из „голей“, который не хочет князю Владимиру указать нужного ему богатыря, так как он не с ними „думу думает“, а „с боярами толстобрюхими“. Вообще наибольшей остротой отличаются печорские варианты. В мезенских выпадает самая мотивировка отъезда Василия Игнатьева к татарам. Кроме того, в них он иногда противопоставляется не только боярам, а и другим богатырям. В печорских вариантах четко выделен и мотив беспомощности князя вместе с его подчиненностью боярам. В одном варианте (№ 17) гнев Василия обрушивается и на него, он прячется под стол и вымаливает пощаду. Все печорские варианты записаны Ончуковым на р. Пижме (единственный пустозерский не окончен); из наших записей два из Усть-Цыльмы и один из низовьев Печоры. Имя врага меняется: в онежских он сохраняет историческое имя — Батыга (Батый), на Пинеге, Мезени и Зимнем берегу именуется Кудреванко (от Кудрияница, персонажа духовного стиха о Егории), на Печоре — Скурла, Скурлык (отголосок ненавистного имени Малюты Скуратова); названия зятей или сыновей — „Артак“, „Сартак“, „Конщик“ — отзвуки воспоминаний о половецком хане Кончаке (может быть, и Отроке) и о сыне Батыя — хане Сартаке.

№ 64. Запись 10 июля 1929 г. от Гаврилы Ивановича Чупрова, 50 л., Усть-Цылемский р., д. Аврамовская (р. Пижма).

Текст Чупрова словесно очень близок, с одной стороны, к варианту № 18 в записях Ончукова, почти дословно повторяя целый ряд мест (запев о туре, угощение Василия и др.), с другой стороны — к № 4 тех же записей (эпизод бужения Василия). Заметна общая тенденция к большей динамичности повествования, напр. трехкратное обращение князя к подсушине сводится к двум, сильно сокращен эпизод снаряжения Василия Игнатьева. Ставшее непонятным наименование „подсушина“ (явно социальный образ) этимологически переосмысливается и превращается в „пастушенку“. Социальный элемент в данном варианте очень силен. Особенного внимания заслуживает чрезвычайно остро поданный конец: мотив дележа (см. Онч., № 4) используется здесь в плане резкого обличения князя и бояр, которые делят полученную добычу на три части: „на церковь божию“, „князю со княгинею“ и „боярам голостобрюхиим“, Василия же — виновника победы — обделяют; жалкая фигура князя, прячущегося под стол и умоляющего о пощаде, еще более усиливает социальный акцент этого варианта.

С пения записано только начало былины. Но и потом, когда перешел на сказывание (со стиха 54), текст оставался твердым, и сказитель почти нигде не срывается с ритма.

№ 68. Запись от 3 июля 1929 г. от Игнатия Митрича Носова, 62 л., Усть-Цылемский р., д. Коровий Ручей.

Текст И. М. Носова является самым полным из всех вариантов на данный сюжет, записанных нами на Печоре. Ближе всего он примыкает к ончуковскому варианту № 17, с которым объединяет его центральный эпизод: требование татар выдать того, кто убил Скурлака, и намерение бояр выдать Василия Игнатьева. Но конец иной: нет отъезда Василия и расправы с боярами и князем. Василий Игнатьев избивает татар, победителя князь Владимир торжественно

встречает и награждает. Однако классовая направленность этой былины все же выражена очень четко.

Обычная формула ответа подсушины Владимиру: „Ты не с нами думу думаешь, а с боярами“ дополняется стихом: „ищо всё с людьми со богатыма“, что придает ей еще больший социальный акцент. Любопытна чисто сказочная концовка.

№ 81. Запись 5 июля 1929 г. от Ивана Петровича Поздеева, 64 л., Усть-Цыльма.

Вариант представляет образец оформления уже полузабытой былины. Характерные его особенности: убыстренный темп повествования, пропуск запева и всех осложняющих эпизодов, показ героя в самом начале былины, внедрение сказочного персонажа — „бабушки-задворенки“. (У отца исполнителя, Петра Родионова, „бабушка-задворенка“ фигурирует в былине о Добрыне и Маринке, Онч., 21).

Былину И. П. Поздеев усвоил от старинщика Ивана Родионовича Кислякова. От Петра Родионовича она записана не была.

№ 89. Запись 19 июля 1929 г. от Николая Самсоновича Торопова, 79 л., Усть-Цылемский р., д. Климовка.

Совершенно особая редакция с участием вместо Василия Игнатьева Ильи Муромца. Идеологическая близость былин о Василии Игнатьеве и об Илье Муромце и голях кабацких привела к включению мотива голей в былину о Василии с соответствующей заменой героев. В былину введен эпизод попытки посланца-татарина перевернуть хоромы (перенесен из былин о Калине-царе и Мамаевом побоище, см. Онч., 26, стихи 230—233).

В варианте Торопова выделяются яркие и своеобразные художественные образы: картина наступления татар (стихи 48—53), по своей выразительности мало уступающая знаменитому изображению нашествия в былине о Калине-царе из сборника Кириши Данилова (24), образ быстроты конского бега („Бежала она скорее пули огненной“, стих 56); заговор на вражескую „силу“ (стихи 58—61).

Былину исполнитель сказал словами; петь отказался, ссылаясь на свою занятость.

ГЛЕБ ВОЛОДЬЕВИЧ

Былина о Глебе Володьевиче, донесшая смутные отголоски древних преданий о княжеских походах в чужие земли, до сих пор была известна только в двух записях 1899 г. с Зимнего берега. Некоторые мотивы былины были обнаружены еще в одной песне терских казаков (известны два ее варианта).

Марк., 50, 80, ср. Милл., 80, и Вестн. Харьк. Истор.-филол. общ., вып. 2, 1912 стр. 42.

В 1928 г. записан вариант былины на Мезени, в 1934 г. — на Зимнем берегу.

Главные работы о былине принадлежат Вс. Миллеру и А. В. Маркову. В связи с общей своей научной концепцией оба исследователя пытались связать сюжет с определенным историческим событием — с походом князя Владимира Святославовича на Корсунь и его женитьбой на греческой царевне Анне в 988 г. (первоначальное мнение Вс. Миллера) и с походом князей Глеба Святославовича, новгородского

и тмутараканского, с Владимиром Мономахом на Корсунь в 1077 г. из-за притеснений, творимых там русской торговле (А. В. Марков, с ним согласился Вс. Миллер). Все эти приурочения к определенному историческому факту все же остаются гипотетическими. Если же в основе былины можно действительно предполагать смутные отзвуки преданий о походах русских на Византию, то во всяком случае эта основа коренным образом переработана при помощи целого ряда сказочных и песенных мотивов.

Вс. Миллер. К былине о князе Глебе Володимировиче (Ж. М. Н. Пр., 1903, июнь, стр. 304—321); Вс. Миллер. Очерки, II, стр. 294—298; III, стр. 57—58, 267—263; А. В. Марков. Из истории русского былевого эпоса, вып. 1, стр. 30—66; Грушевский, стр. 168—171.

Оба варианта с Зимнего берега мало отличаются друг от друга, лишь дополняют один другой. В варианте № 50 указан Новгород, откуда князь Глеб, но нет Корсуни, которая заменена „Арапской землей“; в нем же князь едет на выручку кораблей один, а в № 80 — с „силой“. В варианте № 50 еще вводится Илья Муромец в качестве друга Маринки (см. объяснение „Муромца“ от „Мурина“ — арапа у Маркова и убедительное возражение ему: Вс. Миллер, Очерки, II, стр. 297). Вариант № 80 Вс. Миллер вполне резонно считал более архаическим. В современном эпитетическом варианте, записанном от дочери Аграфены Крюковой — Марфы Семеновны, фигурируют „страны восточные“ и город „Консырь“, а Глеб оказывается князем московским.

№ 15. Запись 1 июля 1928 г. от Максима Григорьевича Антонова, 59 л., Лешуконский р., д. Усть-Низема.

Вариант в особенности интересен развернутой картиной осады и взятия города, которой нет ни в одном из вариантов с Зимнего берега. Такие эпизоды, как перехватывание подкопов, через которые происходит снабжение провиантом осажденного города, выход с „ключами“ для сдачи города принадлежат к древним эпическим мотивам, ср., напр., летописный рассказ о взятии князем Владимиром Корсуни: Владимир запирает подкопы, через которые осажденные получали воду, и таким образом заставляет сдаться. Принадлежал ли данный эпизод старейшей редакции былины, или привнесен впоследствии, быть может, самим исполнителем, переработавшим былинку при помощи известных ему эпических мотивов, сказать нельзя, не имея достаточного количества вариантов для сопоставления. Возможно предполагать и реминисценции песен о взятии Казани (мотив подкопов и выступление пушкаря, в нашем варианте — „рядового солдата“ — персонажа старых солдатских песен). К эпическим мотивам, связанным с темой сдачи города, следует отнести и эпизод с поднесением отравы, встречающийся во всех трех вариантах. См. рассказ первоначальной летописи о взятии Олегом Царьграда (под 6415 г.): Олегу выносят вино, он не берет, зная, что оно отравлено. Поэтому совершенно необязательно рассматривать (как это делал Вс. Миллер) эпизод с чарой в данной былине, как позднейшую деталь, втянутую в нее именем Маринки. Позднейшей является лишь фантастическая раскраска эпизода (от зелья загораются земля и грива лошадиная); этой детали в нашем варианте нет. Вообще, данный текст более „историчен“, т. е. крепче связан с древнейшими историческими преданиями об осаде и взятии городов. Отличается он от марковских вариантов еще тем, что оба похода в Корсунь совершает сам князь (Лев вм. Глеб).

ДОБРЫНЯ И АЛЕША

Самая популярная былина-новелла. Количество опубликованных вариантов достигает почти сотни. Была распространена в одинаковой мере и у певцов-мужчин и у певиц-женщин. Известна в записях из всех мест, где производилось собирание былин. Наибольшее число вариантов из б. Олонецкого края (почти около половины всех записей). Из северных районов наименее известна была на Печоре (Омч. — один вариант). Пользовалась популярностью и среди казачества разных районов, но в казачьих вариантах сюжет уже лишен четких контуров и подробностей разработки, о чем см. ниже.

К. Д. 20 (Кир., II, стр. 18); см., также 1 (к.); Кир., II, стр. 4, 11, 14, 17, 30; Тихонова в. Летописи русск. литер. и древн., IV, 1862, стр. 8; Рыбн., 8 (к.) (Гильф., 80), 26, (Гильф., 149), 41, 129, 155, 160, 178 (Гильф., 222), 193; Гильф., 5 (стр. 53), 23, 26, 33, 38, 43, 49 (к.), 65 (к.), 80 (к.), 100, 107, 118, 145, 149, 157 (к.), 168, 187, 198, 206, 211, 215, 217, 222, 223, 290, 292, 306, 315, 319; Барс., стр. 551, 559; Агр.-Слав., стр. 127; Марк., 6, 62 (к.), 112; Григ., I, 3, 19, 52, 109 (к.), см. также 124 (к.); Григ., III, 1, 35 (к.), 38 (к.), 47 (к.), 49, 57, 67, 83, 97, 105, 119; Марк.-Богосл. I, стр. 57 (к.); II, стр. 47, 48, 53; Тих.-Милл., 22, 27; Прилож., стр. 279, 281; Милл., 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38; Прилож., 4, 5; Чекан., стр. 91, 96; Макар., 3, 6 (пр.); Сокол., стр. 301, 303 (к., пр.); Сав., стр. 75.

Ср. сказочные обработки аналогичного сюжета — Андр., 891.

Новых записей более 50, преимущественно из Прионежья и прилегающих к нему районов.

Исследователи видят в былине сравнительно позднюю (не ранее XV в.) песенную обработку распространенного международного мотива о муже на свадьбе своей жены, с использованием целого ряда других эпических мотивов (узнавание при помощи кольца, голуби-вестники и др.). В работах о былине указаны многочисленные поэтические параллели в античном, югославянском, западном и восточном фольклоре (Одиссея, турецкая сказка об Ашике-Керибе — имеется обработка у Лермонтова — немецкая народная песня XIV в. „Von dem edlen Möringen“, сказание о Карле Великом в хронике Энкеля — XIII в., польская песня о пане Домброве). Однако вопрос ставился односторонне, исследование ограничивалось сопоставлениями, самые же корни основного мотива остались не выясненными. Сюжет приурочен к Добрыне Никитичу в силу его популярности и к Алеше Поповичу вследствие тех отрицательных черт, которыми наделяется его позднейший образ. Время и место сложения былинны точно не установлены.

Ор. Миллер. Илья Муромец, стр. 487—504, 513, 521—545; G. Schambach u. W. Müller. Niedersächliche Sagen und Märchen aus dem Munde des Volkes gesammelt und mit Anmerkungen und Abhandlungen herausgegeben. Göttingen, 1855, стр. 389—419; Дашкевич. Былины об Алеше Поповиче, стр. 237—245; Кирпичников. Поэмы Ломбардского цикла. М., 1873, стр. 13, 58, 179, 181—182; Wollner, стр. 67—70; Веселовский. Южно-русские былины, XI, стр. 377—380; В. Миллер. Экскурсы. Прилож., стр. 22—25; Халанский. Великорусские былины, стр. 37—42. Владимиров, стр. 224; Н. Ф. Сумцов. Муж на свадьбе своей жены (Этнограф. Обзор. 1893, № 4, стр. 1—25 и 151); И. П. Созонович. К вопросу о зап. влиянии на славянскую и русскую поэзию. Варшава, 1898; И. Н. Жданов. Разбор сочинения И. П. Созоновича

„К вопросу о зап. влиянии на славянскую и русскую поэзию“. СПб., 1902; А. Л о б о д а. К былинам о сватовстве (Этногр. Обзор., 1896, 2—3); Bolte-Polivka. Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm, 2, S. 348; А. Н. В е с е л о в с к и й. Поэтика (Соч., т. II, вып. I, 1913, стр. 30); А. Н. В е с е л о в с к и й. Три главы из исторической поэтики. СПб., 1913, стр. 272, 416—417, 429—434; П о т а н и н. Монг. сказ., стр. 123—129; В с. М и л л е р. Очерки, II, стр. 159—160; III, стр. 268—273; Г р у ш е в с к и й, стр. 116—117.

Тема былины требовала в большей мере, чем в других былинах, развертывания психологических моментов. Отдельные эпизоды, из которых строился сюжет, давали большие творческие возможности в деле создания и поэтической разработки образов. Включение, в качестве активного участника интриги, Владимира сообщало определенную социальную остроту. В лучших вариантах мы имеем увлекательную стихотворную повесть с мастерски очерченными характерами, высокохудожественными изобразительными и эмоциональными образами. Все это обусловило большую популярность былины. Вследствие широкого ее распространения находим большое количество композиционных вариаций. По преимуществу использованию тех или иных мотивов обособляются некоторые группы, хотя резко очерченных областных типов нет.

Наибольшим разнообразием композиционных комбинаций отличаются варианты заонежские и пудожские. Среди них — самые художественные, полные и разработанные тексты. Отметим мотив голубей-вестников, как присущий только заонежским и пудожским вариантам, хотя они используют также и другие мотивы получения вести Добрыней (через коня, калик, или просто: „доходили весточки нерадостны“). В беломорских вариантах встречаем перенесение из баллады „Князь княгиня, старицы“ — стариц в качестве вестников несчастья. Многочисленная группа мезенских вариантов передает содержание кратко, начиная обычно сразу с наказа жене. Только в одном (Григ., III, 1) дается начальная жалоба Добрыни на свою участь — обычная в прионежских вариантах. Действие развивается быстро, сухо, без живописных деталей; приезд Добрыни дается внезапно, без рассказа о том, как он узнает о случившемся. В некоторые варианты вводится роль Ильи-свата (Григ., III, 57, 105). Иногда и весть о гибели Добрыни тоже привозит Илья; это свидетельствует уже об искажении традиции. Илья Муромец оказывается в конце и примирителем, вступаясь за Алешу Поповича. Вообще в отношении и разработки персонажей и всей композиции мезенская группа значительно уступает прионежской. Последняя выделяется также и четкостью социальной сатиры. В большинстве прионежских вариантов (больше двух третей) роль Владимира, поддерживающего сватовство Алеши, очень определена. Характерно, что в одном варианте — Гильф., 65 — обман приписывается самому князю Владимиру. Сватовство князя дается как насилие. Поэтому в конце обычен укор Добрыни, обращенный к князю. В мезенской группе, к которой в этом отношении примыкают другие северные варианты — поморские, золотицкие, пинежские и печорский, — элемент социальной сатиры значительно ослаблен. Из 11 мезенских только в одном находим угрозы Владимира отдать замуж насильно (Григ., III, 38) и в одном — конечные укоры Добрыни (Григ., III, 57). В большинстве же вариантов Владимир вообще в стороне, а если и выступает в роли свата, то сам обманут Алешей, и вся вина падает или на Алешу, или на саму Настасью (иногда даже мать Добрыни, которая ее приневоливает, хотя чаще мать горюет, кто ее будет „кормить, одевать“). В отношении Алеши Поповича следует отметить

включение в некоторые мезенские варианты его характеристики, как представителя „поповских родов“, чем и мотивирует Добрыня свой запрет выходить замуж за Алешу (см. Григ., III, 57, стихи 20—27).

Среди былин о Добрыне и Алеше есть контаминированные с другими сюжетами. Контаминация вызвана желанием мотивировать отъезд Добрыни и заполнить реальным содержанием время его отлучки. Чаще всего соединение происходит с сюжетом змееборства; интересно искусное переплетение былинны с сюжетом „Добрыня и Василий Казимирович“ у сказителя Трофима Григорьевича Рябинина (Рыбн., 8, Гильф., 80, см. также т. II книги „Былины Севера“).

Особую группу составляют казачьи варианты, в которых сюжет замужества „от живого мужа“ понежнему стирался, изложение сокращалось, выдвигался мотив отъезда, службы и возвращения домой, и былины стали близки к бытовым песням, „поющим об отъезде или возвращении казаков с царской службы“ (В с. М и л л е р).

№ 24. Запись 3 июля 1928 г. от Александра Антиповича Оксенова, 78 л., Лешуконский р., д. Палошеле.

Представляет пример того состояния разложившейся былины, при котором сохраняется лишь один голый сюжетный остов. Все описательные и психологические элементы откинута. В противоположность варианту Лыбашевой (№ 37) подчеркивается роль Алеши-обманщика. Имя Владимира в соответствии с общемезенской традицией этой былины отсутствует. Обычная на Мезени насмешка над Алешей Поповичем заменяется комическим сожалением самого Алеши о понесенном им убытке.

№ 37. Запись 10 июля 1934 г. от Прасковьи Степановны Лыбашевой, 77 л., Лешуконский р., д. Малые Нисогоры.

Вариант типичен для мезенской традиции этой былины, по которой интриги совершенно исключена роль князя Владимира. Примыкает к тем мезенским вариантам, в которых смягчена и отрицательная роль Алеши Поповича: обмана нет, нет также насилия; Настасья сама, по своему желанию, идет за него замуж; при этом шаг ее в данном варианте мотивируется психологически: „Никто на Настасью боле не сватаитце“. В соответствии с этим нет в конце и расправы с Алешей, как в прионежских и вологодских вариантах, и былина оканчивается, как обычно на Мезени, лишь насмешливой фразой Добрыни Никитича: „Ты здорово женился“, „тебе не с кем спать“. Характеристика Алеши Поповича, данная в звещании Добрыни: „Силен не силен, только напúском смел“, тоже наиболее традиционна для Мезени.

Вариант относится к той редакции этой былины, которая в записях Григорьева представлена вариантами № 97, 105 и 119 и сокращенным вариантом № 83 (об этой редакции см. Григорьев, т. III. Обзор вариантов, стр. 694). Все эти варианты были записаны по среднему течению Мезени, между д. Юромой и Нисогорами включительно. Наш текст наиболее близок к № 119 из д. Большие Нисогоры, дословно повторяет отдельные места этого варианта, отличаясь от него лишь двумя деталями (плата по пяти рублей придверникам и выскакивание Настасьи из-за стола — стихи 88—89), в последней детали текст смыкается с вар. № 105 из Тиглявы, откуда родом и тот старик, от которого Лыбашева переняла былины. С этим вариантом тоже целый ряд дословных совпадений. Подобно

указанным вариантам, характеризующим традицию средней Мезени, дается причитание матери при уходе невестки: „Ищо кто же меня будет поить-кормить“ и т. д., еще более усиливающее бытовую, крестьянский колорит этой редакции, лишенной в значительной степени сильных мелодраматических моментов. Крестьянский колорит быliny поддерживается и мелкими изменениями пересказа, напр. заменой гридни — „избушкой“ (стих 31) и др.

Текст записан непосредственно с пения. Отличается разговорным, сказовым характером. Исполнение сказительница сопровождала комментариями, из которых не все удалось записать.

ДОБРЫНЯ И ДУНАЙ

Былина на редкую в русском эпосе тему о столкновении двух русских богатырей друг с другом. Аналогичная тема в былине „Бой Ильи Муромца с Добрыней“. Сюжет „Добрыня и Дунай“ принадлежит к числу малоизвестных. Имеется лишь 7 печатных вариантов: 5 с Мезени, один с Печоры и один с Зимнего берега. В Заонежье он входил, в качестве вступительной части, в сводную былинку о Добрыне и Алеше, и в роли Дуная выступал Алеша Попович.

Гильф., 49 (к.); Марк., 99; Григ. III, 6, 17, 37, 108, 112; Онч., 7. Ср. близкий эпизод у Кир., IV, стр. 109.

В современных записях имеется лишь с Печоры (4 варианта).

Исследователи почти не касались этой быliny, отмечая лишь ее неоригинальность, использование в ней типических ходячих мест других былин. Указывались также черты московского периода XVI—XVII вв. — в отношении богатырей к князю Владимиру и в изображении суда над богатырями.

С пер а н с к и й. Былины, т. I, стр. 12; С пер а н с к и й, стр. 247; Траутманп, стр. 147.

Тема о столкновении русских богатырей, очевидно, возникла из замысла объяснить последующее сближение этих богатырей. Возможно, что она оформлена была в начале лишь как эпизод — вступление быliny о совместных похождениях двух богатырей (Гильф., 49). Заключение эпизода — примирение и начало дружбы. В дальнейшем, с образованием отдельной быliny, изменилась и развязка. Характерна роль Ильи Муромца-примирителя, соответствующая облику любимого богатыря:

„А укротите вы да сердце богатырское,
А назовитесь вы да братьями крестовыма,
А лучше вы крестамы побратайтесь“. (Гильф., 49.)

Замена Ильи Муромца в одном мезенском варианте (Григ., III, 112) Алешей — результат дальнейшего разрастания быliny, когда решение вопроса о том, кто из богатырей прав, с „чиста поля“ стало переноситься на суд Владимира (в других вариантах Алеша лишь посылается Ильей Муромцем к дерущимся богатырям узнать, в чем дело — Григ., III, 17).

Записанные нами на Печоре в 1929 г. варианты примыкают к записи Н. Е. Ончукова 1901 (Онч., 7) и вместе с ней составляют особую группу, отличающуюся от вариантов мезенских и беломорского, близких друг к другу. Главное и основное различие — в развязке. В мезенских и беломорском Дунай осуждают и Илья Муромец и князь Владимир. Последний велит посадить Дуная в погреб,

иногда на определенный срок (Марк., 99), иногда он в погребѣ и „кончается“. В одном мезенском варианте (Григ., III, 108) Добрыня, по приказу Ильи Муромца, убивает Дуная тут же на поле битвы. Самая четкая мотивировка такого осуждения дается в мезенском варианте № 112:

„Ище наши-ти ведь руськи да ездят по чисту полю,
Дак не ставят бы они дак тут черных шатров...“

В других Дуная осуждают за написание „угроз“.

В печорских былинах развязка благополучная, как и в варианте Гильфердинга. Оба богатыря с богатырской точки зрения оказываются правы: Дунай — что не оставил шатер без угроз, Добрыня — что не побоялся угроз. Столкновение кончается братанием. Примиритель — Илья Муромец. Исключение — одна новая запись (№ 49), см. примеч. к ней.

№ 49. Запись 13 июля 1929 г. от Савелия Дементьевича Чупрова, 62 л., Усть-Цылемский р., с. Замежное (р. Пижма).

Восходит к редакции единственного варианта у Ончукова (Онч., 7), отличаясь от последнего лишь некоторым словесным переоформлением, а от всех печорских вариантов — необычным для печорской традиции концом: убийством Дуная. Конец этот, возможно, Савелий Дементьевич, позабыв настоящий, тут же придумал. (См. слова самого исполнителя: „Как тут было, знаю“.) Но быть может исполнителю когда-нибудь и пришлось слышать ~~былину~~ с трагическим концом. (См. в общей заметке о мезенских вариантах.) Пел на тот же напев, что и былину о Садко. Напев этот близко стоит к песенным напевам, и местами он так же разбивает отдельные слова, как это делается в песне.

№ 52. Запись 12 июля 1929 г. от Афанасия Максимовича Чупрова, 75 л., Усть-Цылемский р., с. Замежное (р. Пижма).

Текст, как и другой вариант из той же деревни от С. Д. Чупрова, восходит к редакции этого сюжета, зафиксированной в записях Ончукова (Онч., 7). По словесному оформлению оба варианта из Замежного чрезвычайно близки, что объясняется частым совместным исполнением. (См. заметку о Савелии Чупрове.)

Позабыв в подробностях конец былины, А. М. Чупров помнит все же, в противоположность Савелию Чупрову, о благополучном исходе и о роли Ильи Муромца.

„Невой-река“ — очевидно, переосмысление непонятной „Несей-реки“.

№ 66. Запись 10 июня 1925 г. от Гаврилы Ивановича Чупрова, 50 л., Усть-Цылемский р., д. Аврамовская (р. Пижма).

Текст примыкает к другим печорским вариантам, характеризующимся благополучной развязкой, но включает и своеобразные мотивы: Добрыня гадает по коням, кто кого побьет; он застаёт обладателя шатра спящим; в конце Добрыня и Дунай братаются; роль Ильи Муромца забыта.

Спел только три первых стиха, чтобы показать напев, потом сказывал словами.

№ 82. Запись 5 июля 1929 г. от Дмитрия Карповича Дуркина, 83 л., Усть-Цыльма.

Из всех текстов этой былины, записанных нами на Печоре, данный вариант — самый развернутый. Примыкает к печорской группе обработок данного сюжета

своим благополучным концом. Есть своеобразные черты, не встречающиеся в других вариантах: Добрыня возвращается к вражескому шатру, боясь, главным образом, покура Ильи Муромца, — мотив, подчеркивающий высокий авторитет Ильи Муромца среди богатырей; Добрыня, разбуженный Дунаем, не бьется с ним, а едет в Киев, Дунай — за ним; Илья Муромец мирит их у князя Владимира.

Выделяется трактовка Ильей Муромцем происшествия: „Делить вам нечего: один оставил шатер с угрозами, а другой хоть попил-поел — не унес ничего“. Ср. с соответствующим местом записи Ончукова (Онч. 7, стихи 136—139).

Былина на данный сюжет от Д. К. Дуркина Н. К. Ончуковым записана не была.

ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ

Принадлежит к старейшему слою героических былин. Имеются записи (больше 30) из всех северных районов (за исключением Поморского берега), из Зап. и Вост. Сибири, б. Новгородской губ. (в прозе) и Среднего Поволжья. Из последнего — всего два отрывочных варианта. Наибольшее распространение имела в б. Олонецком крае. Часто контаминировалась с другими сюжетами о Добрыне, преимущественно — с сюжетами женитьбы Добрыни на Настасье Микуличне и с былинной „Добрыня и Алеша“.

К. Д., 45; (Кир., II, стр. 49); Кир., II, стр. 23 (к.), 40 (к.); VII, Прилож., стр. 10; Рыбн., I, 25 (к., *Гильф.*, 148), 40 (*Гильф.*, 93), 193 (к.); Гильф., 5 — стр. 38 (к.), 59, 64, 79, 93, 123, 148 (к.), 157 (к.), 191, 241 (к.), 289; Этногр. Обзор., 1894, № 4, стр. 140; Марк., 5, 73; Григ., I, 52 (к.), 87, 114 (*Озар.*, стр. 53); III, 35 (к.), 38 (к.), 47 (к.), 66, 104; Онч., 59; Марк.-Богосл., I, стр. 57 (к.); Этнограф. Обзор., 1905, № 4, стр. 45 (*Марк.-Богосл.*, II, стр. 46); Тих.-Милл. 21 (к.); Милл., 21; Макар. 2; Сокол., стр. 302 (к., пр.); Озар., стр. 53. (См. еще мотив былины у Марк. 112.)

Новых вариантов с 1921 по 1934 г. — 10: из Заонежского р. (3), Пудожского (2), Кенозера (1), с Мезени (2), Печоры (1) и Зимнего берега (1).

Несмотря на обширную литературу, генезис былины не может считаться выясненным. Сюжет, несомненно, уходит корнями в период родового общества, и с этой стороны он не изучен. Главные же исследования (Вс. Миллера, Маркова и др.) были направлены на установление связи былины с фактом крещения Новгорода. В основе былины видели легенду о борьбе с язычеством, приуроченную к Добрыне в силу существования старинного предания о крещении Новгорода историческим Добрыней, дядей князя Владимира, совместно с воеводой Путятгой (сохранилось в отрывке Якимовой летописи, переданной Татищевым). Исследователями привлечен большой сравнительный материал духовных стихов о святых-змееборцах и византийской агиографической литературы. На самом же деле тема змееборчества, очевидно, вошла в былинку непосредственно из древнейших дохристианских представлений. Она была приурочена к Добрыне, как к старейшему популярному богатырскому имени.

Ор. Миллер. Илья Муромец, стр. 426—438; Стасов, стр. 998—1013, 1021; Кирпичников. Поэмы Ломбардского цикла. М., 1873, стр. 197—199; Wollner, стр. 47—57; Веселовский. Разыскания, II, стр. 159—169; Ровинский, IV, стр. 74—79; Потанин. Монг. сказ., стр. 129—130; Потемня, стр. 288, 359 и след. Вс. Миллер. Экскурсы, стр. 32—54; Дашкевич. Разбор, стр. 25—29; Владимиров, стр. 223—224; Вс. Миллер. Очерки, I,

стр. 144—148, III, стр. 23—24; А. Марков. Из истории русского былевого эпоса, вып. 2, 1907, стр. 1—92; V, стр. 54—92; А. Лобода. Русские былины о сватовстве, стр. 53—59; В. Данилов. Отзвук былины о змееборстве Добрыни Никитича в украинском фольклоре (Киевск. Стар., 1905, IX); А. Рыстенко. Легенда о св. Георгии и драконе в византийской и славянской русской литературе. Од., 1909; С. Шувалов. К вопросу о Добрыне Змееборце (Сб. Общ. ист. литер. в Москве, I, М., 1915); Скафтымов, стр. 83—85; Грушевский, стр. 110—114; А. Brückner. Russische Literaturgeschichte (Arch. 41, стр. 61); Н. Сидоров. Заметка к былинам о Добрыне-Змееборце („Памяти П. Н. Сакулина“, М., 1931).

Все северные варианты былины образуют три больших областных группы прионежскую, беломорскую (Зимний и Терский берега) и северо-восточную (Пинега, Мезень, Печора). Композиция прионежских вариантов отличается четким распадением былины на две части, посвященные двум битвам со змеем. Первый бой происходит на реке Пучай, куда едет Добрыня купаться, второй — при выполнении поручений князя Владимира — освободить плененную змеем племянницу или дочь. Изображение второго боя, как подвига, и является основной характерной особенностью этой группы. В ней можно различить три редакции: первая (Гильф., 5, 148, 157) контаминирует былину с сюжетом женитьбы Добрыни на Настасье Никуличне, вводит роль Алеши, который указывает на Добрыню, как на лучшего исполнителя поручений, и которому Добрыня затем поручает отвезти освобожденную Забаву Путятишну в Киев. Из отдельных характерных мотивов первой редакции присущ мотив поглощения землей змеиной крови по небесному голосу свыше. Во второй редакции, в общем близкой к первой, введены в первую часть портomoйницы, предупреждающие Добрыню о том, что следует купаться в сорочке (Гильф., 79, 93, 123, — последний вариант имеет своеобразные индивидуальные черты). Отличием третьей редакции, пудожской (Гильф., 59 и 64), является то, что Добрыня едет с товарищем или слугой (в № 64 это — Михайло Потык), угоняющими коня и уносящими оружие. В деле одоления змеи играют роль платок и плеть (с употреблением последней для змеи, как средства укрощения, а не для коня, как в первой редакции).

При устойчивости основной композиции прионежские варианты дают большое разнообразие в разработке отдельных частей. От прионежской группы очень сильно отличается северо-восточная. В ней стерта первоначальная основа былины — подвиг. Освобождение девицы если и происходит, то в качестве выкупа со стороны побежденной змеи, налетевшей на Добрыню во время купанья. Она предлагает последовательно коня, платье, девицу (см. Григ., I, 87, 114; III, 104). При этом в мезенских вариантах Добрыня змею убивает, а в пинежских — отпускает. В печорском варианте (Онч., 59) этот эпизод получает дальнейшую трансформацию (см. примеч. к № 60). Пучай-река в вариантах этой группы отсутствует. Купанье происходит обычно в море (в № 114 — в „меньшой“ реке, затем Добрыню относят в море). Некоторые варианты вносят дальнейшие видоизменения, используя сказочно-легендарные мотивы. Выделяются мезенские варианты 38 и 47 (Григ. III). В первом фигурируют вода живая и мертвая и ковер-самолет. На нем Добрыня, убив змею, летит к коню. Во втором — рассказ о бое со змеем вставлен в былину о неудачной женитьбе Алеши и вложен в уста Добрыни, рассказывающего о своем подвиге на пиру. В мезенский вариант № 35 вносится сжигание гнезда змеи. Беломорские варианты объединяются мотивом посылки

за водой для умывания — к морю или к Пучай-реке. Начинаются они с изображения пира. Как в прионежских, в них дается два боя со змеем, но четкого разделения на две части нет: второй бой и освобождение переданы очень кратко. Добрыня едет на подвиг по собственному почину, узнав о несчастье, а не по поручению князя. В двух вариантах находим мотив траура по случаю похищения племянницы Владимира.

Таким образом северо-восточная группа представляет отход от старейших редакций, выражающийся в насыщении сюжета сказочно-легендарными мотивами и в трансформации эпизода освобождения.

№ 23. Запись 3 июля 1923 г. от Александра Антоновича Оксенова, 78 л., Лешуконский р., д. Палошеле.

Былина о Добрыне и змее, мало распространенная на Мезени уже во времена Григорьева, в настоящее время совершенно позабыта. Нам удалось записать лишь один неоконченный вариант ее. Отличается чрезвычайной сжатостью и лапидарностью. Композиция былины второй сохранившейся части, — обычная для Пинеги и Мезени. Название реки „Оманал“ — в других вариантах не встречается. В начале былины, в порядке смешения двух былин, введено наставление матери, включаемое обычно в былинку о Добрыне и Маринке.

№ 60. Запись 10 июля 1929 г. от Ивана Емельяновича Чупрова, 80 л., Усть-Цылемский р., д. Аврамовская.

Былина о Добрыне и змее — редкая на Печоре. В собрании Ончукова известна лишь в одной записи из д. Родинский Ручей близ Усть-Цыльмы. Печорский вариант примыкает к пинежско-мезенским, сильно отличающимся как от прионежских, так и от беломорских. (См. общее примечание к сюжету.) Печорский вариант представляет дальнейший отход от старейших редакций: освобожденная девушка становится женой Добрыни Никитича — развитие сюжета в плане сказки о спасении красавицы, похищенной чудовищем. Былина использует и другие сказочно-легендарные мотивы: змея обещанные награды-выкуп: — казну, коня, девицу — выблевывает. Вместо плети, которую во всех других вариантах дает мать, Добрыня берет, по совету матери, три прутка; ими он бьет змею — мотив известного заговора против лихорадок-трясавиц, которых укрощают таким же образом. О непосредственном влиянии этого древнего образа говорит и то, что Добрыня при расправе хватает змею „за косы“ (Онч., 59, стих 113).

Печатаемый вариант представляет, видимо, остатки другой редакции, с более старым концом — поражением змеи при помощи колпака, наполненного землей. Вместо позднейших прутьев, фигурирует плеть — „трехвосточка“. Начало развертывается так же, как и в варианте у Ончукова.

№ 3. Приложение. Запись 27 июня 1928 г. от Филиппа Васильевича Гольчикова, 40 л., Лешуконский р., д. Лебская.

Публикуемая побывальщина еще более, чем остальные тексты Ф. В. Гольчикова, включила элементы сказки и в содержание и в стиль. Чисто сказочным является способ добывания богатырского коня и всего воинского снаряжения из погребца. Совершенно перестроен в сказочном плане эпизод освобождения дочери князя Владимира. Характерно присоединение сказочной концовки.

Описание детства и молодости Добрыни находит параллель в некоторых мезенских вариантах о Добрыне и о Сокольнике, в которых на данных героев пере-

несены черты Василия Буслаева (см. Григ., III, 42, 55, 88). Кроме того, на Добрыню переносятся черты и Вольги — оборотничество, что художественно оправдывается в дальнейшем развитии действия: Добрыня, когда налетает змей, оборачивается ярым гоголем. (Ср. в былине М. Г. Антонова „Василий Буслаев“ аналогичное изображение Василия.)

Сказка впитала и реально-бытовые черты крестьянской обстановки: в дорогу Добрыне мать печет подорожники.

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА

Довольно популярная былина-новелла на сказочную, широко распространенную, тему о чародейке-любовнице, превращающей героев в животных. Наибольшее количество опубликованных записей из Прионежья и ближайших к нему восточных районов (Кенозера, Моша) — 15 вариантов. Известна еще в записях с Мезени и Печоры (по 2 варианта), из 6. Вологодской губ. (2), из Зап. и Вост. Сибири (3), Средней России и Поволжья (5) и из казачьих районов (4). На Пинеге и на берегах Белого моря найдена не была.

К. Д., 8 (Кир., II, стр. 53); Кир., II, стр. 40 (к.), 43, 45, 48; Рыбн., II, 143, 188, 192; Гильф., 5, 17, 78, 122, 163, 227, 241 (к.), 267, 288, 316; Григ., III, 55 (к.), 75; Онч. 21, 35; Тих.-Милл., 23, 24, 25, 26 (ср. Гильф., 316), 27 (к.); Милл., 22, 23, 24, Прилож. 6; Мякутин, вып. II, стр. 9; Мякушин, стр. 3 (ср. Железновы, Песни уральских казаков, 1899, стр. 4). А. Пруссак. Былины, бывальщины и три песни, Жив. Стар., 1915, вып. III.

Ср. сказочные параллели, Андр., 449.

Новых записей 10 — из Прионежья, Кенозера, Мезени и Печоры (см., кроме наших публикаций, указания в статье „À la recherche des bylines“, Revue, XII, 3—4, стр. 214). Кроме того, в Заонежском районе записана контаминация данной былины с сюжетом „Трех поездов Ильи Муромца“ (см. „Былины Севера“, т. II).

Исследования были направлены, главным образом, на отыскание аналогий и параллелей. Подробно рассмотрены сказки разных народностей о жене-чародейке (Сумцов), мотивы талмудической легенды о Давиде и Вирсавии (Вс. Миллер) и др. В результате факт сложения былины на основе сказочного материала не вызывает сомнений. Неясным остается приурочение сюжета именно к Добрыне и время сложения былины. Последний вопрос решался различно. Вероятнее всего, что окончательное формирование, как это и доказывал Вс. Миллер, произошло не ранее XVII в., так как женскому персонажу во всех вариантах присуще имя Маринки, очевидно навеянное преданиями о Марине Мнишек.

О р. М и л л е р. Илья Муромец, стр. 414—429; С т а с о в, стр. 1012—1013, 1022; К и р п и ч н и к о в. Поэмы Ломбардского цикла, М., 1873, стр. 203—204; W o l l e n p e g, стр. 57—64; В е с е л о в с к и й. Разыскания, II, стр. 103; В е с е л о в с к и й. Южно-русские былины, X, стр. 374—380; П о т а н и н. Монг. сказ., стр. 126 и след.; В с. М и л л е р. Эскизсы. Прилож., стр. 20—22; Н. Ф. С у м ц о в. Былины о Добрыне и Маринке и родственные им сказки о жене-волшебнице (Этногр. Обзор., кн. XIII—XIV, 1892, стр. 143); Н. Т. Рец. на статью С у м ц о в а „Былины о Добрыне и Маринке“ (Жив. Стар., 1893, III, стр. 403); В с. М и л л е р. Очерки, I, стр. 153—159; II, стр. 288—297; III, стр. 265—267; И. М а н д е л ь ш т а м. Садко-Вейнемейнен (Ж. М. Н. Пр., 1898, 2); Р о в и н с к и й, IV, стр. 79—85; Л о б о д а. Русские былины о сватовстве, стр. 120—125; В. Н. А н д е р с о н. Роман Апулея

и народная сказка, т. I, Казань 1914; Рец. на кн. В. Н. Андерсона „Роман Апулея“ (Этногр. Обзор., 1914, № 3—4, стр. 196—197); Грушевский, стр. 114—116.

Варианты довольно сильно отличаются в деталях, сохраняя основную композиционную схему. Наиболее полные и стройные варианты — из Прионежья, с Кенозера и Моши. Они включают старейший мотив былины — колдовские действия Маринки со следами Добрыни, некоторые содержат и самый заговор и изображение любовной тоски Добрыни (см. в особенности Гильф., 5, 227, 267, 316; Тих.-Милл., II, 26; Милл., 23). Данные мотивы подробно разработаны также в варианте Кирши Данилова (№ 8), но он отличается от указанных текстов особыми, нигде более не встречающимися эпизодами (вечеринка у Маринки, хвастовство ее на пиру и др.). От прионежской и вологодской композиций значительно отходят мезенские записи Григорьева: в них отсутствует описание любовных чар, превращение же в тура в варианте № 55 совершается непосредственно после стрельбы Добрыни, в № 75 опущен и самый эпизод стрельбы. В обоих отсутствует эпизод убийства любовника Маринки. Печорские варианты тоже лишены органической стройности прионежских и вологодских. Так, колдовство над следами дается как средство обертывания в тура и, таким образом, стирается подлинная колдовская функция данного акта. В обоих вариантах отсутствует расправа с Маринкой, — они заканчиваются лишь „отвертыванием“ Добрыни. Кроме того, печорский № 21 и мезенский № 55 (более полные варианты) предпосылают сюжету о Маринке описание детства и молодости Добрыни, причем в мезенском оно развернуто под воздействием былины о Сокольнике в обстоятельный рассказ с самостоятельным сюжетным стержнем (озорство Добрыни, жалоба на него Владимиру, оправдание Добрыни и определение его на службу к князю). Южные варианты, отличаясь друг от друга заключительным эпизодом, объединяются образом Маринкина терема с частоколом, утыканным головами погубленных Маринкою молодцов — дальнейшего развития образа Маринки в стиле русских волшебных сказок.

№ 7. Запись 24 июня 1928 г. от Ефрема Матвеевича Лешукова, около 70 л., Лешуконский р., д. Лебская.

Текст Лешукова, как и другой, записанный нами на Мезени (№ 17 — от М. Г. Антонова), свидетельствует о том, что отсутствующие в записях Григорьева мотивы былины входили и в мезенские редакции. В данном варианте сохранено изображение колдовства на любовь (сожжение следов Добрыни), с приведением самого заговора. Вариант включает детали, объединяющие его с печорскими вариантами: девушки ищут ягоды, к ним ласкается плачущий тур. Включение бытовых штрихов (Маринка ищет у друга в голове) характерно для былины, разложившейся в сказку,

№ 17. Запись 1 июля 1928 г. от Максима Григорьевича Антонова, 59 л., Лешуконский р., д. Усть-Низема.

Как и в тексте Лешукова (№ 7), сохранен эпизод колдовства, хотя и не в развернутом виде и без приведения самого заговора.

Одинакова и конечная расправа с Маринкой, аналогичная расправе Ивана Годиновича с неверной женой. В записях Григорьева — другие виды расправы. Перенесение действия в Новгород — единственный случай в обработке данного сюжета, обусловленный общей тенденцией данного сказителя приурочивать действие своих былин к Новгороду.

№ 61. Запись 10 июля 1929 г. от Ивана Емельяновича Чупрова, около 80 л., Усть-Цылемский р., д Аврамовская (р. Пижма).

Как все печорские варианты этой былины, и данный текст отличается более обыденным, житейским колоритом. См., напр., диалог между Добрыней и Маринкой относительно замужества. Вариант представляет единственную запись на Пижме (у Н. Е. Ончукова нет). В основном близок к усть-цылемским вариантам, но более краток. Подобно другим печорским текстам заканчивается „отворачиванием“, расправы с Маринкой нет. Опущено и колдовство. В развязке фигурирует популярный в печорской былинной традиции сказочный персонаж — бабушка-задворенка.

№ 73. Запись 7 июля 1929 г. от Василия Прокопьевича Носова, 65 л., и Якова Прокопьевича Носова, 60 л., Усть-Цыльма.

Публикуемый текст, подобно другим печорским, заканчивается „отворачиванием“ Добрыни (здесь этот эпизод не закончен) и опускает обычную в других районах расправу Добрыни с Маринкой. Нет также изображения колдовства на след. В то же время наблюдаются характерные для позднейшего этапа развития былины выдвигание и разворачивание психологических моментов. Таковы колебания Добрыни — идти или не идти к Маринке за стрелкой (стихи 22—25), и второй раз: жениться или не жениться на Маринке (стихи 40—42), оправдание Маринки перед бабушкой-задворенкой: „Он прострелил ю меня право мила дружка“. Вследствие этого обыденно-житейский колорит, характерный вообще для печорских обработок, в данном варианте особенно выделяется.

КНЯЗЬ ДОЛГОРУКИЙ И КЛЮЧНИК

Былина-баллада, представляющая местную обработку сюжета о Ване-ключнике. Сюжет обычно приурочен к имени князя Волхонского. Баллада имела широкое распространение. Известна во многих вариантах из разных районов. Преобладают среднерусские варианты. С именем князя Долгорукого баллада известна только на Печоре.

Онч., 12, 52. Ср. Кир., V, стр. 128, 130, 132, 133, 134, 136, 137, 138, 140, 141, 143, 144, 146, 147, 149, 152, 154, 156, 157, 159, 160 (2 варианта), 161, 162; Рыбн., I, 56; Шейн. Чтения, стр. 24, 27, 28, 31, 34, 36; Соб., I, 25—29, 33, 35, 45—47 (остальные: 30—32, 34, 37—44, 48 — перепечатки из Рыбникова, Шейна и Киреевского); Линева, II, 17; Милл. Ист. песни из Сибири, стр. 70; Сокол., стр. 323, 324 (2 варианта); Чернышев, 41.

Обзор вариантов и некоторые соображения о происхождении сюжета см. у Чернышева, „Русская баллада“, стр. 386—392.

Печорская обработка, сохранив основную сюжетную схему, ввела детали, характерные для печорской былинной традиции: связь героя с голями, похвальбу в кабаке (ср. „Бутман“), донос чумаков-целовальников (Онч., 52) или „бояр толстобрюхих“ (12 — ср. „Василий Игнатьев“, „Бутман“).

№ 84. Запись 5 июля 1929 г. от Дмитрия Карповича Дуркина, 83 л., Усть-Цыльма.

Текст является повторной записью: данный сюжет от того же сказителя записан в 1902 г. Н. Е. Ончуковым (Онч., 52). Импровизаторские наклонности исполнителя, которые отмечены были еще Ончуковым (Онч., стр. 184; см. в настоящей

книге, стр., 83), сказались и на данном тексте, который почти не сохранил в дословной передаче стихов первой записи. Кроме того, Дуркин в 1929 г. уже в значительной степени растерял арсенал былинных приемов, общих мест и пр., а также полузабыл и самый сюжет. Отсюда — сильное сокращение былины (с 99 стихов до 31). Выкинут весь обширный эпизод шествия ключника к месту казни мимо терема княгини. Отметим замену в новой записи доносящих на ключника целовальников — боярами и социально-острую их характеристику (стихи 23—26) в духе печорской традиции. В другой записи (Онч., 12) доносчики тоже бояре, а в варианте П. Р. Поздеева — „придворные“ (Онч., стр. 219).

ДУНАЙ

Одна из самых сложных былин с переплетением героических и романтических мотивов, искусно контаминирующая два сюжета на популярную в фольклоре тему добывания невесты. Относится к числу наиболее распространенных. В прежних записях известно более 50 вариантов из разных районов Севера и из Сибири. Найден отрывок у терских казаков. Из Средней России и с Волги записей нет. Наибольшее распространение имела в Заонежье и на Мезени, откуда имеем лучшие варианты.

К. Д., 10 (Кир., III, стр. 70); Кир. III, стр. 52, 58; Рыбн., I, 9 (*Гильф.*, 87), 23, 42 (*Гильф.*, 94), 70 (*Гильф.*, 102), 83 (*Гильф.*, 108); *Гильф.*, 34, 81, 94, 102, 108, 125, 139, 214, 212; Марк., 9, 10, 75, 109; Григ., I, 37, 63; III, 5, 41, 58, 63, 73, 80, 94, 99, 116; Онч., 45, 86; Марк.-Богосл., II, стр. 57 (к.), 60 (к.), 65 (к); Тих.-Милл., 32, 33, 34 (отр.), 35, 36; Милл., 61, 62 (к.), 63, 64, 65; Сокол., стр. 305. Ср. *Гильф.*, 50, (*Рыбн.*, 121), и Кир., III, стр. 56.

В сказочной обработке — Сокол., стр. 197; см. еще Зеленин, Пермские сказки, 96.

Новых записей больше 20. Наилучшая сохранность попрежнему в Заонежье и на Мезени. На Пинеге, где Григорьевым ниже района нашей работы было записано два разрушенных варианта, следов былины нет.

Литература о былине была направлена, с одной стороны, на выявление сходных сюжетов и мотивов других народов — югославянских, древнегерманских (сказания о Нибелунгах и Тидрек-Саги о женитьбе Аттилы), ломбардских, иранских и др. Но сходство ошибочно объяснялось или единством мифической основы (Ор. Миллер), или заимствованием (Кирпичников, Халанский и др.), в то время как сравнительный материал как раз именно по данному сюжету — о добывании жены военной силой — с достаточной определенностью говорит нам о социально-исторической обусловленности его у разных народов в феодальное время. С другой стороны, пытались отыскать историческую основу былины. Ее видели в исторических преданиях о женитьбе князя Владимира Святославовича на полоцкой княжне Рогнеде, в которых большую роль играл исторический Добрыня (Вс. Миллер), или в факте сватовства Владимира к византийской царице Анне и похода князя Владимира на Корсунь (Лобода). Наличие в древней летописи рассказов о женитьбе Владимира с ясными чертами поэтических сказаний, действительно не оставляет сомнений о связи данного сюжета с преданиями о женитьбе, опирающимися на конкретные исторические факты. Связь былинного Дуная с историческим Дунаем — известным воеводой волынского князя второй половины XIII в., Владимира Васильевича (концепция Вс. Миллера), тоже вполне вероятна. Имя

Дуная не раз упоминается летописями по поводу отношений названного князя — то дружественных, то враждебных — с поляками и литовцами. Обе части былины (добывание невесты для князя Владимира и женитьба Дуная) исследователи рассматривают как отдельные былинные сюжеты, объединенные в более позднее время. Конечный эпизод второй части некоторые склонны считать позднейшим добавлением к истории Дуная и Настасьи, под влиянием самостоятельной былины о Доне и его жене Непре (Вс. Миллер), но возможно и обратное предположение о возникновении последней на основе былины о гибели Дуная и протекании реки из его крови.

О р. М и л л е р. Илья Муромец, стр. 331—358; С т а с о в, № 4, стр. 675—687; А. И. К и р п и ч н и к о в. Поэмы Ломбардского цикла, 1873 г., предисловие, стр. 163 и сл.; К и р п и ч н и к о в. Кудруна, Харьков, 1874; В е с е л о в с к и й. Отр. Визант. эпоса, стр. 773—774; В е с е л о в с к и й. Южно-русские былины, V, 117—118; В е с е л о в с к и й. Русский эпос, стр. 160—161; Н. П. Следы сев.-русс. эпоса, стр. 378—382; К а л л а ш. Мелк. этнол. заметки (1839, стр. 200—207); М. Х а л а н с к и й. Южно-славянские сказания, II, 1894, стр. 397 и сл.; В с. М и л л е р. Экскурсы, стр. 17—19; В с. М и л л е р. Очерки, I, стр. 128—142, 148—153; II, стр. 24—25; Л о б о д а. Русские былины о сватовстве, стр. 233—284; Б. М. С о к о л о в. Эпические сказания о женитьбе князя Владимира (Уч. зап. Сарат. унив., 1923, I, вып. 3, стр. 69—122); L ö w i s o f M e n a r. Die Brünhildsage in Russland, Leipzig, 1923; Г р у ш е в с к и й, стр. 109—110, 159—164.

„Дунай“ принадлежит к числу тех былин, которые не дают резко очерченных традиционных районных композиций. Отдельные ее эпизоды варьируются во всех районах. Об этом говорил еще Григорьев: „Вследствие частого пения этой старины на Мезени и влияния одного вида ее на другой, разбить на резкие группы мезенские варианты ее довольно трудно“ (Григ., III, стр. 095). Все же можно наметить некоторые особенности, которыми преимущественно отличаются областные группы. **Заонежская:** о невесте для князя Владимира говорит сам Дунай; участником предприятия чаще всего является один Добрыня; мотивы отказа короля очень разнообразны, только в заонежских находим мотивировку отказа сватанием меньшей дочери, а не старшей; роль Апраксии крайне пассивна, за исключением варианта Трофима Григорьевича Рябинина (81), где она говорит, что „три года молила выйти за Владимира“; мотив чудесных младенцев неизменно присутствует; почти всегда былина заключается эпизодом протекания двух рек; связь с былинной „Дунай и королевна“ наиболее (из всех районных групп) слабая. **Мезенская:** о невесте первый говорит Добрыня, он ссылается на Дуная, который заключен в погребе; с Дунаем едет Добрыня, часто и Добрыня и Илья Муромец, Алеша Попович — редко; король не просто отказывает и угрожает Дунаю, а бранит и унижает Владимира; иногда приехавшие сразу прибегают к насилию; Апраксия более заметна и активна, чем в заонежских. Она или плачет, что отец не отдал ее „честью“, или жалеет, что нет сестры-заступницы; Дунай едет за паленицей, так как видит „ископаты с угрозою“; мотив детей не всегда облекается в образ: „по колен в серебре“ и т. д., но на отроке во чреве часто „подпись“ о его силе и уме; протекает лишь одна река от крови Дуная; связь с былинной „Дунай и королевна“ сильнее. **Беломорская золотицкая:** по началу былины примыкает к мезенской; участвуют в поездке Добрыня и Алеша, иногда и Илья Муромец; мотив отказа — просватана за Идолище (мотив былины „Иван Гоодинович“); этот мотив находим в одном тольвуйском и в одном

кенозерском вариантах; дети во чреве убитой Настасьи — обыкновенные; протекания рек нет. **Поморская** (с Карельского и Терского берегов): по началу близка к заонежской; отсутствует мотив рек; обычно — контаминация с былиной „Дунай и королевна“. **Печорских** вариантов в прежних записях всего два, они без начала. Поэтому говорить о печорской традиции нельзя, тем более что полный вариант записан от Д. К. Дуркина, склонного к импровизации. Выделяются общие моменты обоих вариантов: отсутствие концовки о протекании рек, характерной для заонежских и мезенских вариантов; встреча Дуная со старшей дочерью происходит в шатре, где он и вступает с ней в связь еще до поединка с ней (мотив этот находим еще в одном мезенском варианте). Кроме того, обе былины включают ряд более поздних бытовых черт, придающих более обыденный характер. Король в обоих вариантах носит имя Семена Лиховитого.

Записанные нами печорские варианты или не закончены, или со скопанным концом, передают только первую часть былины. Среди заонежских и мезенских есть прекрасные полные варианты.

Кроме публикуемых вариантов, имеется еще запись 1929 г. от старика Василия Евдокимовича Носова из Усть-Цыльмы (только начало, кончая рассказом Дуная об Опракsee, всего 45 стихов. Рукоп. хранил. Фолькл. ком., колл. VI).

№ 3. Запись 24 июня 1928 г. от Якова Евдокимовича Гольчикова, 61 г., Лешуконский р., д. Лебская, близ Вожгор.

Запись эта, сделанная в местах, откуда до сих пор нам варианты данной былины известны не были, не может быть отнесена ни к одной из известных нам мезенских редакций. Но в ряде элементов она повторяет некоторые преобладающие именно на Мезени черты: напр. характерно начало с выступлением Добрыни, указывающего на сидящего в погребѣ Дуная, как на лицо, знающее подлинную для князя невесту и могущее ее добыть; унижение королем князя Владимира: „его мала земля ныне и бедна же“ и некоторые другие.

В развитии сюжета использованы эпизоды, связанные обычно с другими былинными сюжетами: угощение вином нужного для данного подвига богатыря, у которого „застоялась кровь горячая“ (Василий Игнатьев), разгром кабака и угощение голей (Илья Муромец и голи кабацкие), состязание с иноземным королем-врагом в игре в шахматы (в данном варианте — „в пешки“) и в стрельбе из лука (Былина о Василии Казимировиче). К числу оригинальных моментов разработки принадлежат: последовательное использование в разворачивании действия всех трех товарищей Дуная, приезд Дуная и Настасьи к Владимиру уже в качестве счастливых супругов после свадебного пира в Ляхове. Следует отметить опускание в концовке мотива протекания реки, что в мезенских вариантах редко (см. Григ. III, 41, 116), но обычно для печорских и беломорских. Влияние традиций печорских и беломорских на мезенскую и обратно обусловливается частым соприкосновением сказителей этих районов друг с другом через морские проходы.

№ 18. Запись 1 июля 1928 г. от Максима Григорьевича Антонова, 59 л., Лешуконский р., д. Усть-Низема.

Вариант разворачивает лишь первый эпизод „Дуная“ — обращение князя Владимира к богатырям и рассказ героя. Самый же эпизод добывания невесты заменен кратким сообщением об исполнении взятого на себя поручения. Имя

Потыка вместо Дуная вызвано внешним моментом сходства былин: эпизодом поездки за невестой.

Интереснейшие ремарки сказителя удалось записать полностью благодаря участию в работе И. М. Левиной.

№ 27. Запись 6 июля 1928 г. от Никифора Калиныча Семенова, 75 л., Лешуконский р., д. Белошеле.

Текст, соприкасаясь в некоторых моментах с мезенскими обработками, сильно сокращает сюжет и представляет уже иную редакцию. Так, отсутствует постоянный на Мезени эпизод освобождения Дуная из погреба, о невесте говорит Добрыня от своего лица, а не ссылаясь на Дуная, совершенно выпускается весь эпизод женитьбы и гибели Дуная. Как в ряде мезенских вариантов, едут к королю трое: Илья Муромец, Добрыня и Дунай (Григ., III, 5, 73, 99; см. также Марк., 109), но главная роль в поездке с Дуная переносится на Илью Муромца. Увоз совершается как обычно — посредством насилия, но так как нет сцены избития слуг, то не мотивирован страх короля и его запоздавшее гостеприимство.

Начало былины близко к варианту № 5 у Григорьева, но потом расходится. Как и в былине об Илье Муромце и Соловье-разбойнике, при полном расхождении композиций вариантов Н. К. Семенова и М. В. Семенова, между ними есть некоторая переключка. Былину Никифор Семенов начал сразу петь, потом остановился, так как помнил дальше нетвердо (со стиха 29) и сказал словами, после чего спел всю до конца. Напев другой, чем в былинах о Дюке и Иване Годиновиче, и очень интересен.

„Бугригорьевич“, как и в былине об Иване Годиновиче, попал из сказки о Еруслане Лазаревиче.

№ 34. Запись 5 июля 1928 г. от Максима Васильевича Семенова, 56 л., Лешуконский р., д. Белошеле.

Былина в ряде деталей отличается от других мезенских вариантов. В некоторых частях она близко соприкасается с заонежской былинной Горшкова, см. „Былины Севера“, т. II (введение в качестве персонажа вступления Бермяты Васильевича вместо Добрыни; ответ Апраксии Дуною — стихи 127—128, см. также Гильф., 81; формула сватовства Дуная; упоминание о других богатырях в возражении Настасьи на похвалу Дуная). Но в целом — это совсем особый тип разработки данного сюжета, имеющий некоторые общие моменты и с заонежскими и с мезенскими вариантами, что еще раз подтверждает разнообразие композиционных типов этой былины.

№ 38. Запись 10 июля 1928 г. от Прасковьи Степановны Лыбашевой, 77 л., Лешуконский р., д. Малые Нисогоры.

Былина Лыбашевой разворачивает сюжет в плане его мезенских разработок. Но образы этой былины и общий ее тон в пересказе Лыбашевой в значительной степени опрощены, и он приобрел колорит обыденности (см., напр., слова Дуная: „Быват я забыл всё, призапмятовал“, испуг Опраксеи — „И тут Опраксея да испугалася, и под лавоцку она да пихалася“ и т. д.). Сама Лыбашева говорила, что эту былинку она теперь не поет — „она долгая, поворотов много“. Когда пела, с трудом подбирала слова, все хотелось перейти „на рассказ“. Исполнение былины сопровождала комментарием.

№ 41. Запись 13 июля 1928 г. от Ивана Ивановича и Даниила Семеновича Поздыковых, по 57 л. каждому, Лешуконский р., д. Малые Нисогоры.

Былина была сказана Иваном Ивановичем, начало спето вместе, см. напев VII. По словам Поздыковых, они исполняют лишь ту часть былины, которую они дали: „как они снаряжаются“. Эту часть они только и слышали от стариков и чем кончилось — не знают. Интересно, что и в печатаемом отрывке, как в былине Федора Варламовича Поздыкова (№ 43), роль Дуная переносится на Василия-пьяницу.

№ 45. Запись (И. М. Левиной) 15 июля 1928 г. от Александра Ивановича Палкина, 75 л., Лешуконский р., д. Большие Нисогоры.

Былина представляет полный и стройный вариант в соответствии с главными характерными особенностями мезенских разработок данного сюжета. Но ни с одним из опубликованных мезенских вариантов не совпадает ни в композиции ни в словесном оформлении. Из наиболее интересных индивидуальных особенностей данной разработки следует отметить влияние образа заточенного в погребе Ильи Муромца (стих 54) и изображение коня Настасьи-королевны в духе образа Сокольника (стихи 212—216). Таким образом в данном варианте, как и в другой былине Палкина, мы видим сильные следы воздействия других былин.

Кроме того, заметна тенденция к психологическому реализму: Дунай ставит главным условием — возвращение своего богатейшего коня; Настасья в ответ на хвастовство Дуная напоминает ему поражение его в поединке и т. п.

Вообще текст свидетельствует о несомненном мастерстве данного исполнителя.

№ 46. Запись 12 июля 1928 г. от Василия Филипповича Иванова, 74 л., Лешуконский р., д. Большие Нисогоры.

Былину эту, по словам самого исполнителя, он усвоил от дедушки своего Матвея Яковлевича Иванова, от которого перенял ту же былинку и Александр Иванович Палкин. Сопоставление обоих текстов, однако, показывает огромную разницу. Это не только разные редакции, но два совершенно различных композиционных типа. В былине Иванова отсутствует традиционный на Мезени эпизод — освобождение Дуная из погреба по указанию Добрыни, что именно Дунай знает невесту. В данном варианте говорит о невесте на пиру сам Дунай (из григорьевских записей такую вариацию мы имеем лишь в № 80). Совершенно отсутствует в рассказе Дуная упоминание о Настасье. К королю едут не вдвоем, а лишь вдвоем с Добрыней. Король отдает приказание заключить Дуная в погреб. Дунай встречает Настасью в поле, в то время как у Палкина Настасья сама гонится за ним, и т. д. В духе мезенских обработок разорнуги эпизоды: жалоба Опракsei королю на то, что он отдает дочь „кроволитиём“, и запоздавшая попытка короля угостить сватов. Последняя часть, начиная с победы над Настасьей, и далее описание пира у Владимира — хвастовства, состязания и гибели Дуная и Настасьи, композиционно более близка к версии Палкина, но передана значительно более кратко и упрощенно. Ср. хотя бы описание у Палкина чудесного младенца (стихи 299—301) с кратким и прозаическим стихом Иванова: „Не губи ты меня — в утробе есть младень хорош“ (стих 165).

По словесному оформлению былина Иванова тоже далека от палкинского варианта, совпадают всего лишь несколько отдельных стихов (напр., стихи о похвальбе Дуная). Из этого очевидно, что если оба сказителя не ошибаются,

указывая в качестве источника былинку одного и того же исполнителя, то в процессе дальнейшего бытования оба варианта или один из них отходят от исходного текста, впитывая элементы других обработок данного сюжета и отражая черты индивидуального творчества. Во всяком случае, совершенно ясны обе фигуры сказителей: Палкин — с большим художественным вкусом, с умением развернуть эпизод и представить его в яркой картине, владеющий законченными эпическими образами, Иванов — с тенденцией к упрощенности, к более быстрому повествованию, к переходу на сказ.

Из своеобразных мотивов укажем вопрос короля — приехал Дунай „за торгом иль за товаром?“ (ср. у П. С. Лыбашевой стихи 96—97: „Кабы ты у меня, Дунаюшко, не служивал, не сидел бы в лавке за товарами“); замечаем и введение реально-бытовых деталей в самый текст или в комментарий: Дунай сажит Опраксею „на добра коня назад к себе“ (как ездят мужчина с женщиной на Мезени и Печоре); когда Дунай „второй раз перестрелил“, исполнитель добавляет: „Пьяненькой, видно, был“.

№ 65. Запись 10 июля 1929 г. от Гаврилы Ивановича Чупрова, 50 л., Усть-Цылемский р., д. Аврамовская (р. Пижма).

Как и в других вариантах, записанных нами на Печоре, здесь сохраняется воспоминание лишь об эпизоде добывания невесты для Владимира, второй же сюжет этой былины — женитьба Дуная — не донесен, сохранилось лишь смутное воспоминание о битве со старшей дочерью — Авдотьей.

Исполнитель говорил, что другого конца он и не слышал, „чтобы Дунай взял Овдотью за себя“: „Ведь он не за себя ходил свататься, а за князя, за князя и взял“.

№ 72. Запись 7 июля 1929 г. от Василия Прокопьевича Носова, 65 л., и его брата Якова, 60 л., Усть-Цыльма.

Былина не окончена. Исполнитель сказал, что дальше „как следует“ не знает, и потому петь не будет. Но записанная часть отличается той же обстоятельностью и полнотой, как и все былины В. П. Носова. Некоторые подробности своеобразны и оригинальны: образ Дуная на пиру („Ай-я один Дунай право весел сидит, весел сидит, высоко глядит“), наименование земли, где служил Дунай (стихи 47—49). Интересно изображение затворничества младшей дочери — мотив, встречающийся в заонежских вариантах.

№ 76. Запись 1 июля 1929 г. от Агафьи Родионовны Овчинниковой, 62 л., Усть-Цыльма.

Вариант, как и другой усть-цылемский, записанный от В. П. Носова (№ 72), не закончен и останавливается на описании невесты. Редакция та же. Но возвращена сцена сватовства, отсутствующая у Носова. На варианте сказались влияния других сюжетов в замене имен героев: вместо Дуная — Василий Окулович, вместо Опраксен — Марина лебедь белая — очень популярное вообще на Печоре имя женского персонажа. Влияние „Чурилы“ отозвалось на описании невесты. Былинку сперва сказала словами, припоминая текст, затем пела и очень складно. По этому поводу сама заметила, что вообще, когда поется, „так складнее, а сказываешь, так как сказку“. Былинку слышала от стариков, но видела и в книге.

№ 85. Запись 5 июля 1929 г. от Павла Федоровича Дуркина, 54 л., Усть-Цыльма.

Былина испытала воздействие другой былины — о Соломане, выразившееся во-первых, в замене Дуная „Тароканом“, во-вторых, в просьбе о снаряжении трех кораблей с заморскими товарами. Вообще былина уже полузабыта и доскаывается кратко словами. Эпизод женитьбы Дуная и гибели его и жены — забыт. Видны черты московского периода в обращении к князю: „Но за это за слово не казнить меня, не казнить меня, да не вешати“. Отметим еще употребление традиционного на Печоре эпитета — „бояре толстобрюхие“ в перечислении пирующих.

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

Вместе с былинами „Садко“ и „Василий Буслаев“ образует группу былин-новелл с большим социально-историческим содержанием, разрабатывающих темы внутренних общественных отношений, отличаясь этим от новелл психологическо-бытового характера, как „Добрыня и Алеша“, „Чурила и Катерина“ и некоторые другие. По мастерству композиции и разработанности изобразительной части былины о Дюке принадлежат к лучшим созданиям былинного новеллистического жанра.

Наибольшее распространение получили в Прионежье (в прошлом больше 30 вариантов), откуда имеем и лучшие, наиболее полные и художественные варианты. Совершенно отсутствуют записи из Средней России, с Поморского берега и с Пинеги. У терских и донских казаков и на Урале сохранилась лишь вступительная часть былины — выезд Дюка.

К. Д., 3 (Кир., III, стр. 101); Кир., III, стр. 100 (отр.); Рыбн., I, 29 (*Гильф.*, 152), 63, 88 (пр.); II, 106, 130, 131, 144, 172, 181 (*Гильф.*, 225), 184, 197, 202, 216; Гильф., 9, 20, 85, 115, 128, 152, 159, 180, 213, 218, 225, 230, 243, 279; Барсов. Памятники, стр. 530 (к.), 583 (Тих.-Милл., 52); Марк., 15, 101, 113; Григ., III, 34 (к.); Онч., 24; Марк.-Богосл., I, стр. 88; II, стр. 78; Тих.-Милл., 49, 50, 51, 53 (отр.); Милл., 55, 56, 57, 58 (отр.), 59 (отр.), 60 (отр.); Научно-литературный сб. Галицко-русс. матицы 1906, т. V, кн. I, стр. 68—71; см. также Марк.-Богосл., I, стр. 33.

Новые записи преимущественно из Заонежского и Пудожского районов Карелии и из Кенозера (более 15 вариантов). Три варианта с Печоры, где, очевидно, в начале века былина была довольно популярна, хотя Ончуков и записал один вариант. С Мезени, где и во времена Григорьева былина была редкой, имеется лишь одна запись.

Все исследователи былины сошлись в заключении о зависимости ее от византийского памфлета „Сказания об Индии богатой“, доказывавшего превосходство Индийского царства над Византией и известного в русской письменности в XIII в.

Стойкость упоминаний Волинца и Галича, как родины Дюка, а также имя и отчество героя, ведущие к Византии, югославянским землям и Венгрии, с которыми Галицко-Волинская земля находилась в постоянных сношениях, побудили Вс. Миллера отнести сложение первоначальной былины к Галичу. Социально-историческую основу былины он видел в соперничестве богатых и независимых галицких бояр с князьями, что и обусловило использование замысла и фабулы переделок „Сказания“. Так определилось и время сложения — XII — XIII вв., период пышного расцвета Галича и параллельного ослабления Киева. В обрисовке

Дюкова имения Халанский, а вслед за ним и другие видели отражение московских бытовых черт XVI в. Таким образом установление определенных литературных влияний не снимает признания самобытности этой замечательной былины как в ее основной идее, так и в бытовой раскраске.

О р. Миллер. Илья Муромец, стр. 587—616; Н. Баталин. Сказание об Индейском царстве. Воронеж, 1876; А. Кирпичников. Св. Георгий и Егорий Храбрый. Спб., 1879, стр. 170—171; Потеня, стр. 150, 250, 552, 612, 735; Жданов. К литер. истории, стр. 232—239; Веселовский. Южно-русские былины, VI, стр. 125—254; Веселовский. И. Жданов, стр. 382—396; Веселовский. Разыскания, IV, стр. 47—67; Халанский. Великорусские былины, стр. 187—207; Веселовский. Русский эпос, стр. 158; М. Халанский. К былине про Дюка Степановича (Русск. Филол. Вестн., 1891, № 4, стр. 165—172); В. Истрин. Сказание об Индейском царстве, М., 1893; Владимирцов, стр. 233; В. С. Миллер. Очерки, I, стр. 97—122; III, стр. 49—50, 276—278; С. Шамбинаго. Древне-русское жилище по былинам (Юбил. сб. в честь В. Ф. Миллера. М., 1900, стр. 129—149); Н. И. Коробка. Чудесное дерево и вещая птица (Жив. Стар., 1910, III, отд. I, стр. 189—203); Грушевский, стр. 139—148; А. И. Лящепко. Былина о Дюке Степановиче (Изв. ОРЯ и Сл., 1925, XXX, стр. 45—142); A. Brückner. Ein Arpaden-Held russischer Balladen? (Ungarische Jahrbücher 1926, B. VI, H. 4, S. 427—433); Солов. о в. Новейшие труды, стр. 9—18.

Наиболее отчетливые отголоски социально-исторических отношений находим в прионежских вариантах, в особенности в кижских. Центр тяжести в них — в сопоставлении Галича-Волынца и Киева, богатств Дюка и Владимира. Чурила является представителем Киева. Порой именуется „самолучшим богатырем стольно-киевским“. За него ручается весь Киев. Иногда на состязание Дюка с Чурилой побуждает сам Владимир (см., напр., Гильф., стр. 779, 821). Поражение Чурилы является и посрамлением князя Владимира. Вообще же в ряде прионежских вариантов эпизод состязания с Чурилой заслонен эпизодом оценки Дюкова имения. Оценка эта предпринимается обычно не вследствие вызова Чурилы, а в силу недоверия к похвальбам Дюка. Поэтому характерным моментом является выражение недоверия князей-бояр при первом же появлении Дюка („мужицище-деревенщина“, убил кого-то, украл платье, коня и т. п.). Характерна в этом плане концовка варианта № 20 у Гильфердинга: „А й покорил он стольного князя Владимира“. В некоторых вариантах за Дюка ручается Илья Муромец, Добрыня или „голи“. Это еще более свидетельствует о симпатиях исполнителей. Устойчивость отмеченных социально-исторических черт обусловлена крепостью прионежской традиции в направлении сатирического изображения князя.

Со стороны композиции следует отметить мотив „трех застав“, через которые проезжает Дюк. Встречается только в заонежских вариантах (хотя и не во всех). В некоторых сохраняется вступление — описание Дюка и его снаряжения с мотивом орла сизокамского, уронившего перья, которыми „перены“ стрелы Дюка. Вводится мотив отвода при выборе послов Дюка, причем используется социальная характеристика Алеши Поповича: „его глазухи озáрятся“.

Вторая областная группа — варианты терские и золотицкие. В них состязание в богатстве Дюка и Владимира, как и в прионежских, выдвинуто на первый план. Но они значительно более кратки и композиционно более просты и бедны. Во многих из них Чурилы вообще нет. Начинается былина с описания родины

Дюка. Выезд Дюка не развернут. Описания снаряжения нет, так же как и мотива застав. Мезенский вариант (Тих.-Милл., II, 51) интересен агрессивной ролью Владимира: он посылает послов „отнять“ имение. Спор происходит между Дюком и самим князем Владимиром. Печорский вариант (Онч., 24) выделяется тем, что переводит конфликт в план личного столкновения Дюка и Чурилы. Социальный же элемент заключается в противопоставлении Дюка социальной верхушке: за Чурилу поручаются князья и „боiare толстобрюхие“, Дюка поддерживает Илья Муромец. Таким образом в печорском варианте совершенно стерты древнейшие отголоски исторических социальных отношений, указанные выше.

№ 30. Запись 5 июля 1928 г. от Никифора Калиновича Семенова, 75 л., Лешуконский р., д. Белошелье.

Единственный записанный нами на Мезени вариант былины о Дюке, крайне сокращенный и смятый. Об эпизоде состязания сохранились лишь самые слабые следы. Лучше, хотя тоже в очень кратком виде, сохранен эпизод похвалы. То же видим мы и в варианте, записанном А. Д. Григорьевым в 1902 г. в низовьях Мезени (Дорогая Гора) от Домны Потруховой, 27 л., и представляющем контаминацию этой былины с отголосками былины о Ставре (Григ., III, 34). Таким образом единственно сравнительно полным вариантом остается текст из г. Мезени (Тих.-Милл., 51). Но и в нем оба состязания — платьями и конями — тоже сокращены и искажены (с Дюком в прыжках через реку неудачно состязаются богатыри Илья Муромец, Добрыня и Алеша).

№ 71. Запись 1 и 2 июля 1929 г. от Василия Прокопьевича Носова, 65 л., Усть-Цыльма.

Подобно записи Ончукова 1901 г. (Онч., 24), и данный вариант разрабатывает тему в плане личного столкновения Дюка с Чурилой. Самая оценка Дюкова имения передается как третье состязание с Чурилой, на которое он сам и вызывает Дюка. Князь Владимир почти незаметен. Однако при общей направленности вариантов, они представляют разные редакции, хотя и близкие по ряду эпизодов. Только в них находим эпизод высматривания Киева в подзорную трубу — аналогичный эпизоду осматривания окрестностей Ильей Муромцем в печорской редакции былины о бое с сыном. Почти одинаково передается первое столкновение Чурилы и Дюка в церкви (ср. стихи 190—198 со стихами варианта Ончукова 95—103). В обоих вариантах встречаем только им присущий мотив бесценной братины и т. д. Но есть и существенные расхождения. В текст Поздеева введена роль Ильи Муромца. Ему Дюк, по совету матери, привозит „барановы перстяночки“. В дальнейшем Илья при каждом новом закладе поручается за Дюка, в то время как за Чурилу стоят князья и „боiare толстобрюхие“. Илья же дает и мирную развязку состязаниям. Наш вариант кончается убийством Чурилы. В порядке нарастающей трюичности, после первого состязания о пощаде просит сам Чурила, после второго — все присутствующие, и в третий раз Дюк срубает Чуриле голову, причем эта развязка четко мотивируется поведением Чурилы. Поручительства ни за того ни за другого нет. Порядок состязаний иной (у Ончукова сперва платьями, потом конями). Есть отличия и в обрисовке героев. У Поздеева активная роль вначале принадлежит Дюку: он теснит Чурилу в церкви, он сам начинает похвалбу, тогда как в нашей записи его вызывают на эту похвалбу Чурила и князь Владимир, первый — приставами, второй —

укорами. В тексте Поздеева интересен четко выраженный социальный мотив в словах матери: „Княженевски пиры злы омманчивы“ (стих 49).

Кроме того, текст Носова значительно более развернут и художественно разработан. Он включает вступление — выезд Дюка на охоту. Сохранен мотив чудесных орлиных перьев. Все эпизоды гораздо более детализированы, эпическая обрядность выдерживается в большей степени. Поэтому по размеру наш вариант вдвое больше (567 стихов против 256 у Ончукова).

Былину о Дюке В. П. Носов перенял от Игнатия Васильевича Торопова на осеновьях. Спел былину в два приема — 1 и 2 июля. См. напев XI. Вторую часть (со стиха 223) пел на другой, более быстрый напев и вследствие сильной усталости пел вяло и нехотя. Ему подпевала дочь Марфа, 15 лет, и внучка Татьяна, 13 лет.

Былина записывалась непосредственно во время пения, отчего в записи есть пропуски, которые потом не удалось восстановить.

№ 90. Запись 19 июля 1929 г. от Николая Самсоновича Торопова, 79 л., Усть-Цылемский р., д. Климовка.

К сожалению, удалось записать только начало. По началу это — редакция, близкая к варианту П. Р. Поздеева (Онч., 24). В нашем варианте интересны следующие два момента: 1) как и в вариантах Поздеева и Носова (71), подробно развернуто описание вида, открывающегося с гор — явно характерная принадлежность печорских редакций, 2) примечание исполнителя о происхождении Дюка, явившееся следствием влияния былины о Сокольниках.

Пел на тот же напев, что и другие былины; говорил, что надо петь на другой, но ему тяжело.

ИВАН ГОДИНОВИЧ

Подобно другим былинам на сюжет добывания невесты (Дунай, Михайло Потык), принадлежит к тому промежуточному былинному жанру, который характеризуется переплетением мотивов новеллистических с героическими. Известна былина в общем количестве около 30 вариантов почти из всех районов Севера (исключая Поморский и Карельский берега), Зап. и Вост. Сибири и с Сев. Кавказа (б. Терская обл. и Донской окр.).

К. Д., 15 (Кир., III, стр. 20); Кир., III, стр. 9; Рыбн., I, 10 (*Гильф.*, 83), 93; II, 122 (*Гильф.*, 51), 145, 195; *Гильф.*, 51, 83, 179, 188, 194, 256, 275, 293; Марк., 14, 78; Григ., I, 170; III, 71, 110; Онч., 80; Марк.-Богосл., II, стр. 76, 77 (отр.); Тих.-Милл., 42, 43; прилож., стр. 283; Милл., 73 (отр.), 74, 75, прилож., 12 (отр.).

Новые записи — из Онежского края (4, экспедиция ГАХН 1927 г.) и с Мезени (2, 1928 г.). В 1934 г. найден вариант В. П. Чужимовым на Зимнем берегу.

По общему признанию большинства исследователей, былина является сравнительно поздней (около XVI в. или позже) обработкой сказочных мотивов о неверной жене, наиболее близкой к обработкам аналогичных мотивов у южных славян, украинцев, поляков и в старом индийском сказочном эпосе Сомадева. В литературе отмечено, кроме того, использование эпизодов и мотивов старших былин, а также песенных свадебных мотивов. В последних Лобода даже видел основное ядро былины (осложненное темой соперничества претендентов), в противоположность другим исследователям, которые с гораздо большим основанием именно сказочную тему о неверной жене считали главной сюжетной опорой.

О. р. Миллер. Илья Муромец, стр. 369—379, 403—408; Wollner, стр. 59—62; М. Халанский. Великорусские былины, гл. XI, стр. 111—126; Веселовский. Русский эпос, стр. 145—146; Веселовский. Мелк. заметки, X, стр. 35—38; Máchal, стр. 172—175; Халанский. Южно-славянские сказания, III, стр. 594—607; Потёбня, стр. 280—281, 340—351; Потанин, стр. 660—692; Лобод'а. Русские былины о сватовстве, гл. V; стр. 203—231; Козаковский, стр. 108—127, 145—158. В. Миллер. Очерки, III, стр. 279—280; Грушевский, стр. 185—190; A. Brückner. Michajlo*Potyk und der wahre Sinn der Bylinen (Zeitschrift für slavische Philologie, B. III, Leipzig, 1926, S. 375—379).

Сложившись на основе ряда сказочных и былинных мотивов, былина и в дальнейшем легко впитывала отдельные детали других былин и сказок. Поэтому варианты различаются главным образом в таких подробностях, как наименование земли, куда едет за невестой герой, наименование соперника, состав свадебной свиты Ивана Годиновича, прием у отца невесты и т. п. Некоторыми общими композиционными чертами отличается от прионежских северо-восточная группа: мезенские и зимне-золотицкие варианты, к которым примыкает и единственный печорский. Главное их отличие — изображение расправы с коварной невестой. Расправа эта происходит всегда у воды, и ей предшествует приказ Ивана Годиновича дать ему напиться. Тот же мотив находим и в шенкурском варианте, помещенном у Киреевского (вып. III, стр. 9). Отметим, что и в сибирском варианте из Барнаула (Тих.-Милл., II, 42) вода тоже играет роль, но в другом плане: Иван Годинович дает приказ жене перед расправой: „Обмой тело грешное“. Черта, объединяющая только мезенские варианты — жалоба уводимой невесты, что отец не умел „ладом ее замуж выдать“, встречающаяся в мезенских же обработках „Дуная“. Своеобразными особенностями, отличающими его от старших редакций, отмечен печорский вариант (Онч., 80): героиня носит наиболее традиционное на Печоре женское имя — Маринки-лебедь белой; Добрыня по приказу князя Владимира пишет ярлык, сзывая богатырей в помощь Ивану Годиновичу; тот платит князю за вино, еду, товары; Алеша Попович и Добрыня в роли сватов; отец под влиянием угрозы Ивана Годиновича заставляет Маринку под страхом расправы идти за героем; вводится мотив трех кровавых дорожек для того, чтобы мотивировать отъезд от Ивана Годиновича богатырей — трансформация мотива охоты вариантов выгозерских и мезенских, предпосылаемого в них эпизоду сватовства. Необычен конец — отъезд героя в пещеры молиться богу. Особую группу составляют варианты Терского берега (за исключением одного — из Варзуги. Милл., 75), к которым близок единственный пинежский: бой соперников кончается поражением врага, Настасья помогает Ивану Годиновичу, рассказ замыкается поездкой „к венцу“. В пинежском — Иван Годинович с самого начала оказывается спасителем, освобождающим невесту от ненавистного ей чудища. На этих вариантах печать влияния сказочного эпоса о добывании красавицы. В этом отношении характерен и мотив кенозерских вариантов — предложение Кашея Трипетовича (в одном варианте — „Кашея бессмертного“) боем решить, кому достанется невеста (см. Гильф., 256, 275, 293). Обработка отдельных деталей включает порой яркие и своеобразные индивидуальные черты, характеризующие определенного исполнителя (см., напр., в терском варианте от Аграфены Крюковой, Марк., 14, развернутые уговоры Настасьи врагом и оригинальную трактовку ее

плача: „От того бережку ведь я отстала-то“ и т. д. Казачьи варианты представляют лишь отрывки — один начала, другой — конца былины).

№ 29. Запись 5 июля 1928 г. от Никифора Калиновича Семенова, 75 л., Лешуконский р., д. Белошеле.

Вариант в отдельных деталях довольно сильно отличается от записанных Григорьевым в 1902 г. двух текстов этой былины: невесту Иван Годинович едет брать не в Чернигове, а у короля ляховинского (то же в зимне-золотичских вариантах. Марк., 78, Тих.-Милл., 44); включается эпизод просьбы у отца о разрешении жениться, что в других вариантах отсутствует; опускаются укоры Настасьи отцу, вставляются упрощения отца и невесты попить-поесть и отказ Ивана Годиновича (ср. Марк., 78, Тих.-Милл., 44, — то же в былинах о Дунае). Исключительный интерес представляет изображение жениха „арапом заморским“, в виду наличия данного мотива в южнославянском народном эпосе. Гибель арапа и освобождение Ивана Годиновича даны, в отличие от традиции, без участия чудесных голубей; отсутствует обычная мотивировка уговоров арапа не приносить мужу кинжала: показ тех перспектив, которые ждут ее в замужестве с ним (напр. см. стихи 228—229 у Григ., III, 110, или стихи 204—205 у Григ., III, 71). В основном же текст следует обычной композиции этой былины. В соответствии с мезенской (и вообще с северо-восточной традицией в отношении данного сюжета) расправа с неверной происходит у воды и в связи с приказом дать напиток, самая картина расправы дается очень подробно.

Пел былинку исполнитель на тот же напев, что и былинку о Дюке. Напев V.

№ 43. Запись 10 июля 1928 г. от Федора Варламовича Поздякова, 80 л., Лешуконский р., д. Малые Нисогоры.

Текст представляет контаминацию былин об Иване Годиновиче, Дунае и Василии-пьянице, объединенных темой добывания невест. Первая часть былины восходит к варианту Григорьева, т. III, 110, отличаясь в передаче содержания лишь в отдельных деталях. Так, рассказ об Овдотье-лебедь белой приписывается Владимиру; Иван Годинович едет не за Овдотьей, а за Федосьей; едет к королю Вахрамееву, а не к „муралиньскому“; Федосья бросается на шею Ивану Годиновичу, а не подчиняется насилию. Так же, как и в варианте Семенова, из былины „Дунай“ перенесено запоздалое угощение королем приехавшего богатыря. В дальнейшем же эпизод встречи с Издолищем передан совершенно иначе и, вероятно, под воздействием стиха о Егории и Елисафии, который исполнитель, по его словам, раньше знал хорошо (слезы жены пробуждают Ивана Годиновича три раза от крепкого сна). Развязка дана благополучная — Иван Годинович привозит невесту в Киев. (Ср. благополучные развязки в пинежских и терских обработках сюжета: Григ., I, 170, Марк., 14, Марк.-Богосл., II, стр. 76.)

Вторая часть является пересказом сюжета „Дунай“ с героем Василием Игнатьевым вместо Дуная. Сказочных элементов еще больше (способ добывания невесты, звон струн при перескоке похитителей через стену городовую). Имя Василия втягивает в былинку сцену упрощения Владимиром героя в кабаке. Эпизод встречи Дуная с паленицей и победы над ней дан крайне сокращенно. В заключении — опять мотив из былины о Василии Игнатьеве (разрешение ему пить безденежно).

Былина была спета, но все время ощущалась тенденция к переходу на рассказ.

ИВАН ГОСТИНЫЙ СЫН (СОСТЯЗАНИЕ КОНЯМИ)

Былина имела географически довольно широкое распространение, но не была особенно популярна (меньше 20 вариантов). Имеются в прежних записях всего 3 варианта из Прионежья, 1 из Мошенского края, 3 с Пинеги, 1 с Печоры, 3 из Сибири, 1 краткий и незаконченный — из б. Новгородской губ. и отрывок отсюда же, 6 вариантов из Саратовского края и 2 от южных казаков. На Мезени и берегах Белого моря найдена не была. С именем того же героя существует на севере еще одна былина, но на совершенно иной сюжет. (Продажа матерью сына, за непослушание и распутство.)

К. Д., 7 (Кир., III, стр. 4); Кир., III, стр. 1, 3 (отр.); Рыбн., I, 97; Гильф., 133, 135, 307; Григ., I, 126, 163, 165; Онч., 22; Тих.-Милл., 55; Милл. 72, 90, 91; Листопадов, 4; Пивоваров, 4; Соколов. Былины, истор. и пр. песни, стр. 6; Пятьдесят песен русского народа. Р. Г. О., М., 1907, 2; Тр. Сарат. учен. арх. ком., вып., 25, 1909, стр. 244.

Записи после Октября: в 1921 г. в Саратовском крае начальный отрывок (см. Б. Соколов, „О былинах, записанных в Саратовской губ., „Культура“, Научн. прилож. № 1, январь 1922, стр. 11—12), в 1921 г. 1 вариант от приамурских казаков (записан на фонограф М. К. Азадовским, Фонограмм-архив, Фолькл. ком., № 2158), в 1927 г. — 3 варианта на Кенозере, в 1929 г. один, публикуемый здесь вариант с низовьев Печоры.

Былины рассмотрены А. Н. Веселовским и Вс. Миллером. Первый, привлекая оба сюжета об Иване Гостином сыне (состязание конями и продажа матерью), а также былинно-сказку о Ваньке Удовкином сыне (Рыбн, II, 126), сопоставляет их с старофранцузским романом об Ираклии и пытается реконструировать первоначальный тип былины. Источником ее он считает какую-то неизвестную обработку сюжета об Ираклии, близкую к рассматриваемому роману. Обе песни об Иване Гостином сыне считает результатом позднейшего распада старшей былины. Эта концепция вызвала возражения Вс. Миллера, правильно указавшего на ее искусственность и неубедительность и подчеркивавшего самостоятельность каждого из сюжетов с именем Ивана Гостиного сына. Сам же Вс. Миллер отмечал в былине „новгородские“ черты: „купеческий“ элемент (герой — гостиный сын, гос:и-корабельщики на пиру и т. п.), пониженную роль князя и значение черниговского владыки и др. и относил сложение былины к Новгороду XV—XVI вв. В эпизоде состязания видел отражение воспоминаний о конском спорте князя Владимира Мономаха, любителя коней и скачек. Ему возражали Архангельский и Грушевский, правильно указывая, что многие из так наз. „новгородских“ черт — черты общеэпические в русском эпосе. Вопрос об источниках, месте и времени сложения былины остается, таким образом, нерешенным.

О р. Миллер. Илья Муромец, стр. 379—385; Стасов, стр. 1033—1040; A. Vesselofsky. Beiträge (Arch. III, стр. 549—587); Веселовский. Южно-русские былины, IV, стр. 37—68; Потеня, стр. 694—695; Вс. Миллер. Эскурсы, стр. 30—31; Вс. Миллер. Очерки, I, стр. 232—262; III, стр. 37—39, 278—279; стр. 905—923; Грушевский, стр. 190—196.

Пафос былины — в посрамлении князя. В одном из вариантов (Гильф., 135) конь говорит Ивану: „Князя Владимира к стыду приведу“. Этой стороной былина примыкает к таким новеллам, как „Ставр“ и „Дюк“. Картины общего испуга напоминают соответствующее изображение в былине о Соловье-разбойнике.

Все северные варианты (за исключением печорского) и сибирские по основной композиционной схеме близки друг к другу. Во всех вопрос о поражении князя Владимира решается тотчас же по приводе Иваном своего коня. Последний разгоняет коней князя и пугает его и бояр (олонецкие и пинежские варианты) или даже просто своим видом вынуждает князя признать себя побежденным (барнаульский). Лишь один вариант из Кижей (Рыбн., 97) имеет продолжение, несомненно позднейшее дополнение: Иван, по просьбе князя, дарит ему коня, но после того, как конь бьет всех жеребчиков, князь сам от него отказывается. Самого состязания — скачки нет. Та же схема выдержана и в поволжских — саратовских вариантах. Пинежские варианты, близкие в общем к олонцким, безыменны.

В печорском, так же как и в южных, сохранившихся у казаков (Листопадов, 4, Милл., 72), происходит самое состязание. Только в печорском скачут не оба, как в казачьих вариантах, а один Иван. Эпизод с жеребцами приобретает в печорском варианте другую композиционную функцию: их выпуск дается не в плане сопоставления коней, а в качестве отместки герою, отказавшему князю в просьбе — продать коня. К обычной черте князя — трусости прибавляются еще черты злобности и жадности, последняя выражена в троекратном отказе отдать проигранный заклад (отказ отдать заклад находим еще в варианте К. Д.). Этот резко отрицательный образ князя поддерживается в печорском варианте еще обращением героя в начале былины с просьбой „не казнить головы“, „не ссылатъ в ссылки“ и т. д. В качестве традиционной черты печорского эпоса, говорится о поручительстве бояр за князя, в то время как за Ивана поручаются богатыри (поручительство бояр за князя дано еще только в варианте у Кирши Данилова). В печорском варианте также с большей силой, чем в других, отразился сказочный образ бурка «ещега каурки».

№ 96. Запись 23 июля 1929 г. от Прасковьи Ивановны Дитяевой, 69 л.; Ненецкий нац. окр., д. Великая Виска.

Вариант является всего лишь второй записью на Печоре и единственной записью в низовьях Печоры. В собрании Ончукова — только один вариант из Усть-Цыльмы от П. Р. Поздеева. Наша запись дает возможность поставить вопрос об особой, печорской, обработке. Несмотря на ряд отличий от поздеевского варианта, они оба представляют особую группу, значительно отличающуюся от всех остальных известных нам вариантов. Главная их особенность — большая динамичность и драматичность, а также включение эпизода самого состязания, см. в общей части примечания разбор варианта Поздеева. Вариант Дитяевой менее подробен. В нем отсутствуют такие общие места, как хоронение друг за друга, обращение героя: „Не вели казнить“, поручительство, просьбы о сроке и т. п.

Выпуск жеребцов делается без предупреждения. Троечность в передаче этого эпизода сменяется двукратным повторением. Отсутствует предложение осмотра коня. Общая сумма стихов всего 225, в то время как у Поздеева 462. С другой стороны, имеются новые интересные подробности. Включен эпизод наказания героя буркой, которого ни в одном из вариантов больше нет. Требование богатырей к князю, чтобы тот отдал заклад, еще более оттеняет образ князя, желающего уклониться от уплаты.

Отметим приурочение этой былины к личности Добрыни — очевидно, по аналогии с былинами, где именно Добрыня вызывается выполнить поручение князя.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ (сводная былина)

Стремление к более полному изображению подвигов любимого народного героя привело к сложению контаминированных, сводных былин. Но обычна контаминация лишь двух-трех сюжетов. Рассказу о первой поездке (Соловей-разбойник) часто предпосылается сюжет об исцелении, к ним иногда присоединяется еще какой-нибудь сюжет (см., напр., Григ., III, 89; Онч., 19, 53; другие комбинации: Кир., I, стр. 77; Рыбн., 51 (пр.); Гильф., 171, 210, 232; Григ., I, 8, 129, 166, 180; III, 8, 51; Шайж., стр. 94; Милл., 3). Былин, сводящих в одну песню-поэму весь цикл сюжетов об Илье Муромце, или хотя бы многие из них, мы в прежних записях не имеем. Самый большой свод—запись Гильфердинга от В. Щеголенка (Гильф., 120), объединяющая следующие сюжеты: исцеление, встречу с разбойниками, победу над Идолищем и поражение Соловья-разбойника (во втором варианте этого свода — Тих.-Милл., 7 — отсутствует первый сюжет). Объединение многих сюжетов находим в сказках. Библиографию и обзор их см. у В. С. Миллера, Черки, I, стр. 362—386. Кроме того, см. еще: Онч., Северные Сказки, 136; Зеленин, Вятские сказки, 99; Зеленин, Пермские сказки, 16; Н. А. Иванецкий, Материалы по этнографии Вологодской губ., М., 1890, 3; Тр. Сарат. уч. арх. ком. 1908, XXIV, стр. 124; И. А. Чеканинский, Об Илье Муромце (Этногр. Обзор., 1912, № 3—4, стр. 110) и др. (Андр., № 650, I). Сводные сказки или представляли свободный пересказ ряда былинных сюжетов, известных из устной традиции, или складывались на основе лубочных пересказов былин об Илье Муромце, а также искусственно сделанных былинных „сводов“, издаваемых с XIX в. в дешевых изданиях для распространения в народе (см., напр., „Сказ об Илье Муромце“, изданный под ред. О. Ф. Миллера и выдержавший несколько изданий: 3-е изд., СПб., 1899). В таких сводах не только произвольно объединялись отдельные былины об Илье Муромце, но и самые былины подвергались переработкам и дополнениям и представляли часто тоже своды ряда вариантов на один и тот же сюжет.

Литература по былинам об Илье Муромце указывается в примечаниях к отдельным сюжетам. Здесь приводятся лишь работы, имеющие общее значение для изучения образа Ильи Муромца.

Л. Майков. О былинах Владимирова цикла. СПб., 1863, стр. 113—120; Ор. Миллер. Илья Муромец; Müllenhoff. Zeugnisse und Exsurse. Zur deutschen Heldensage (Haupt's Zeitschrift, XII, стр. 344); Стасов, стр. 1108—1128; А. Кирпичников. Поэмы Ломбардского цикла. М., 1873, стр. 109—111; Н. Квашин-Самарин. Русские былины в историко-географическом отношении („Беседа“, 1871, V); О. Ф. Миллер. Великорусские былины и малорусские думы (Труды 3-го археол. съезда в России. Киев, 1876, стр. 285—306); Буслеев, с 102-й стр.; В. Ягич. О славянской народной поэзии (Слав. ежегодник, Киев, 1878, стр. 216—221); Ровинский, IV, стр. 1—64, 113—127; Веселовский. Южно-русские былины, I, стр. 61—64; А. Веселовский. Исполни Илья Муромец у Луиса де Кастильо (Ж. М. Н. Пр., 1883, апрель, стр. 216—220); Веселовский. Мелкие заметки, XIV, стр. 6—18, XVII, XVIII, стр. 81 и след.; J. Damborg. Versuch einer Geschichte der russischen Ilija-Sage. Helsingfors, 1887; В. С. Миллер. Эскизцы, стр. 176—179, 181—182; Máchal, стр. 156—158; Веселовский. Разыскания VIII, XXII; Каалаш. Мелк. этнол. заметки (1889, стр. 204—205; 1890, стр. 248—252, 256—257); Потанин, стр. 692—727; Владимиров, стр. 217—222; Д. Иловайский. Богатырь-казак Илья

Муромец как историч. лицо (Соч., ч. 2-я, М., 1897, стр. 102—127); А. С о б о л е в с к и й. Богатырь-казак Илья Муромец как историч. лицо. Д. И. Иловайского (Жив. Стар., 1893, вып. II, стр. 253—254); V. J a g i ć. М. Халанский. Южно-славянские сказания о краевиче Марке (Arch., 16, стр. 229—234); Д а ш к е в и ч. Разбор, стр. 36—37; М. С h a l a n s k y. Iľjas von Reussen und Iľja Muromec (Arch., 25, стр. 440—451); А. С о б о л е в с к и й. О типе Ильи Муромца (Жив. Стар., год 2-й, II, вып. II, стр. 118—119); А. Л о б о д а. Русский богатырский эпос. Киев, 1896 стр. 13—96; А. Л о б о д а. Былина про Илью Муромца (Киев. Унив. изв., 1898, № 10); А. Веселовский. Русские и вильтины, стр. 27—79; А. М а р к с в. К вопросу о прозвище Ильи Муромца (Этногр. Обзор., 1900, I, стр. 159—161); М. Х а л а н с к и й. Отношение былин об Илье Муромце к сказаниям об Олеге Вещем (Ж. М. Н. Пр., 1911, сентябрь); St. R o ž n i e s k i. Varægiske Minder i den russiske Heltendigtning., Kopenh. 1914, стр. 176—188.

Публикуемые здесь сводные былины и сказки представляют различные образцы и по количеству охваченных сюжетов, и по приемам композиции и по степени переработки самих сюжетов.

№ 47. Запись 12 июля 1928 г., от Василия Филипповича Иванова, 74 л., Лешуконский р., д. Большие Нисогоры.

Былина усвоена исполнителем от деда его Матвея Яковлевича. Но „дедка как будто пел“, а он уже передавал в форме побывальщины. Значение данного текста в том, что он исходит от живой устной традиции, а не от книжного текста, как очень многие сводные побывальщины об Илье Муромце. Хотя какое-то лубочное издание сказки или былины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике исполнитель знал (см. его вопрос относительно изображения Соловья на картинке).

Ясные следы устной традиции видны и в самом рассказе, так как отдельные эпизоды определенно примыкают к типичным мезенским обработкам — мотив милостыни в былине об Идолище, традиционный для пинежско-мезенских вариантов (см., напр., у Григ., III, 19 и 51), вся композиция рассказа о ссоре (ср. с № 98, Григ., где этот сюжет контаминируется с сюжетом о нашествии Кудревана; в тексте Иванова — кратко о том, что Илья „уговорил полки“, и они очистили всю силу).

Обращает внимание ярко выраженная тенденция к выделению в образе Ильи Муромца черт великодушия и бескорыстия в соответствии с заветом матери в начале былины (стих 18).

№ 93. Запись 20 июля 1929 г. от Павла Ивановича Торопова, 57 л., Усть-Цылемский р., д. Климовка.

Вариант усвоен от отца, который былин у пел. Пел ее, по словам исполнителя, и он. Однако он спел мне лишь самое начало (см. № 92). Данный же текст представляет типичную сводную сказку, где былинные эпизоды, восходящие к определенным редакциям, перемежаются со сказочными мотивами, подробностями, придуманными самими исполнителями и т. п.

В побывальщине обращает внимание четко выдержанный образ богатыря оберегающего родину, свято выполняющего завет матери: „подорожных людей не убивать, а безвинных не ворошить“. Так, он щадит разбойников и лишь пугает их, заставляет их дать обет сделаться „добрыми людьми“ и не „подорожничать“

У Соловья-разбойника он убивает лишь коварную дочь-змею, которая пыталась убить его, и оставляет в живых всю остальную семью. Заканчивается сказка наивысшим подвигом — освобождением Киева от иноземного нашествия. Но изображение обстановки не выдержано: в доме отца Ильи Муромца — „ренские погреба“, и Илья приносит каликам не пиво или воду, а „виноградное вино“. Илья высмагивает в трубочку подзорную работающих в поле родителей. Из города приходят смотреть чудо исцеления сидня, богатырский конь покупается для Ильи отцом в Киеве и т. п. Вообще отход от известных былинных редакций очень силен и обусловлен, вероятно, влиянием какого-то книжного источника. Из переработок отдельных эпизодов интересен рассказ о починке моста (стр. 504), представляющий своеобразное переосмысление известного намащивания „моста“ Илей при его проходе по болотам. Сказка во время исполнения пересыпалась комментариями. Исполнение прерывалось несколько раз хозяйственными разговорами с женой и другими женщинами, заходившими в избу.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ДОБРЫНЯ

Одна из поздних былин, возникших на основе героических мотивов старших песен. Варианты известны лишь с Пинеги (3), Мезени (2) и Зимнего берега (4). Краткий вариант, записанный в Московской обл., занесен был в нее с севера.

Марк., 46, 71, 108; Григ., I, 113, 129 (к.), 186; III, 47 (к.) 87; Марк.-Богосл., I, стр. 53; Тих.-Милл., 15; Милл., 20; Озар., стр. 46.

В последние годы сюжет встретился на Зимнем берегу (1934 г., запись В. П. Чужимова) и на Мезени.

Былина была рассмотрена Вс. Миллером. Он правильно определил ее как позднее создание северных крестьян, возражая Квашнину-Самарину, который относил былинку к старой суздальской традиции. Вс. Миллер отметил и те эпизоды и мотивы старых былин, которые были по преимуществу использованы северными слагателями (Бой Ильи Муромца с сыном и северные обработки сюжета о Добрыне-змееборце, в части описания детства, воспитания и молодости Добрыни).

Н. К в а ш н и н - С а м а р и н. О былинах, содержащихся в сборнике П. Ефименка (Изв. Общ. люб. естеств., антр. и этногр., т. XXX, вып. 2, стр. 1—9); Вс. М и л л е р. Очерки, III, стр. 148—158.

Однако, отказывая вообще крестьянству в „праве“ на создание былин, Вс. Миллер, а вслед за ним и некоторые другие (напр. Сперанский), чрезмерно подчеркивает несамостоятельность и компилятивность данной быliny. Лишь в отношении части вариантов, преимущественно пинежских и мезенских и варианта из Коломны, можно говорить об эпигонстве. В них сильнее реминисценции быliny о бое Ильи с сыном, вплоть до повторения конечного эпизода с матерью и с покушением на убийство Ильи (см. Григ., I, 113), и в некоторых действительно наблюдается известное искажение образа Ильи Муромца (в особенности в московском варианте) и перестановка позиций богатырей (Илья называет Добрыню „большим братом“, Добрыня одолевает Илью). В золотницких же вариантах старый эпический материал использован с достаточным тактом и искусством. Образы сведенных в бою по замыслу быliny старого и молодого богатырей

выдержаны. В стиле героических былин дана концовка варианта Аграфены Крюковой, передающая всегдашнюю готовность богатырей стоять „шьчо за землю ту нам шьчобы Святоруськую“ (Марк., 46, см. стихи 145—151). Характерно для поздней былины, в частности же для беломорских обработок, создание психологического образа матери, обеспокоенной за исход встречи молодого богатыря с опытным и искушенным в бою Ильей Муромцем.

Вообще, как несомненный продукт творчества северных крестьян, былина заслуживает большого внимания. Возникновение ее, как и былины о столкновении Добрыни и Дуная, обусловлено стремлением дать начальный момент сближения и последующих взаимоотношений двух популярных богатырей. Почти все варианты заканчиваются братанием, некоторые совместной поездкой в Киев к князю Владимиру.

№ 26. Запись 4 июля 1928 г. от Кирилла Николаевича Новикова, около 60 л. и его брата Павла Николаевича, 60 л., Лешуконский р., д. Конеццелье.

Печатаемый текст — единственный сохранившийся в местах нашей работы обломок данной былины о бое Добрыни с Ильей Муромцем. Он дает новый вариант столкновения двух богатырей, поводом к которому оказывается хвастовство на пиру. (В обычной композиции этого сюжета слава о силе Добрыни доходит до Ильи Муромца, и он приезжает на родину Добрыни, чтобы сразиться с ним. См., напр., Григ., III, 87; I, 129, 186 и др.).

Вариант явился следствием забывания былины и смешения ее с другими. Подобную формулу хвастовства с ее своеобразным стихом: „А беспелюга хвастат да молодой женой“, мы находим в былине об Иване Годиновиче (Григ., III, 110, стихи 19—22). Также в процессе забывания рассказ о молодости Добрыни и проявлении его силы, создавшийся на основе былин о Василии Буслаевиче, отнесен к моменту состязания. Характерно присоединение к былине пародийного запева (см. начало „Небылицы“, Григ., III, 78).

Пение былины перемежалось со словесным пересказом.

Спев данную былинку, исполнители стали вспоминать еще отрывки той же былины, как они ее раньше пели. Отрывки эти близки соответствующим местам пичежско-мезенской редакции (Григ., I, 129, 186; III, 87).

Приводим эти отрывки:

1. Не состарился Никитушка — преставился,
Осталась у него любимá семья,
Любимá семья да молода жона,
А молода жона да двое детошк.
2. А пошла тут славущка по всей землй
А по всей землй. . . . .
А дошла славущка до старóго козака,
До старóго козака до Илью Муромца.
Да как старой козак за столом сидел,
За столом сидел. . . . .
Он вскочил-то старой на резвй ногй,
Еще тут он вскочил как на резвй ногй,
Ище старóй козак запохаживал,
Он своима плечами зашевеливал.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ

Один из самых популярных сюжетов, известный в обработках различных районов Севера и встречающийся в рукописных записях XVIII в. (Тих.-Милл., I, стр. 22 и 49).

Кир., I, стр. XXI, XXXIV; IV, стр. 18, 22; Рыбн., I, 6, 24, 62 (*Гильф.*, 144), 87 (пр.); II, 118, 140; Гильф., 4, 22, 48, 63 (к.), 120 (к.) (*Тих.-Милл.*, 7), 144, 178, 186, 196, 218 (к.), 232 (к.), 245; Марк., 43, 44 (к.), 69 (к.), 92 (пр.); Григ., I, 90, 112, 138 (к.); III, 19, 45 (к.), 51 (к.), 114 (к.); Онч., 20 (к.); Тих.-Милл., I, стр. 22, 49; II, 7 (к.), 13; Милл. 3 (к.), 4, Прилож. 9; Озар., стр. 38; Этнография, 1927, 2, стр. 313; см. также сводные сказки, указанные выше (стр. 50).

В современных записях в качестве самостоятельной былины известна в немногих вариантах — из Прионежья и с Печоры; как часть контаминации, данный сюжет входит в сводную былинку П. Г. Горшкова из Космозера Заонежского р. („Былины Севера“, т. II) и в побывальщины Е. М. Лешукова из Лебской и В. Ф. Иванова из Больших Нисогор, Лешуконского р.

Все исследователи данного сюжета исходят в своих построениях из сопоставления былины об Илье и Идолище с былинкой об Алеше Поповиче и Тугарине и устанавливают между ними тесную генетическую связь. Наличие ряда эпизодов этих былин в рукописном памятнике XVIII в. „Сказание о киевских богатырях“ привело Веселовского к предположению о том, что обе былины — продукт разложения более древнего сказания. В противоположность ему Вс. Миллер предполагает обратный процесс — более позднее сложение былины „Илья Муромец и Идолище“ на основе материала ранней былины об Алеше и Тугарине, в которой он видел отголоски исторических преданий о столкновениях русских с кочевниками (конкретно — с половецким ханом конца XI в. Тугорканом). Другую концепцию предложил Б. М. Соколов, рисовавший чрезвычайно сложный путь развития обеих былин из местной ростовской легенды о борьбе с язычеством, воплощенным в образе Идола. Однако совершенно бесспорно, что в Тугарине-Идолище дан именно образ врага-кочевника, и былины об Илье Муромце и Идолище входят в основное ядро героического цикла о борьбе с иноземными насильниками.

О р. М и л л е р. Илья Муромец, стр. 739—763; Р о в и н с к и й, IV, стр. 42; Веселовский. Южно-русские былины, I, стр. 53—60, VIII, стр. 287—289, X, 341—380; Х а л а н с к и й. Великорусские былины, стр. 88—93; Веселовский. Мелкие заметки к былинам (Ж. М. Н. Пр., 1890, III, стр. 7—8, 14, 16, XX, стр. 61—73); Веселовский. Разыскания, XXII, стр. 149—166; Л о б о д а. Русские былины о сватовстве, стр. 71—75; Вс. М и л л е р. Очерки, II, М., 1910, стр. 87—168; Б. М. С о к о л о в. Былины об Идолище поганом (Ж. М. Н. Пр., 1916, № 5); С к а ф т ы м о в, стр. 74—80; Г р у ш е в с к и й, стр. 129—130.

Былина встречается в двух основных версиях: более архаичной с перенесением действия в Царьград, где насилью подвергается Константин Боголюбов, и — позднейшей, с обычным местом действия в Киеве, где унижение терпит князь Владимир. Основное сюжетное ядро былины — мена Ильи Муромца с каликой платьями, диалог Ильи и Идолища о том, каков Илья, и насмешки Ильи над прожорливостью Идолища, бросание последним кинжала или ножа в Илью и расправа Ильи Муромца — в основном устойчиво и отличается в различных вариантах большей или меньшей степенью разработанности. Наибольшим вариациям подвергается начало (как Илья Муромец узнает об Идолище, и при каких обстоя-

тельстввах происходит встреча с каликой) и конец-развязка — формы расправы с Идолищем. Наибольшей четкостью отличаются прионежские варианты, где данный сюжет чаще облечен в самостоятельную былинку и лишь изредка контаминируется с другими сюжетами, чаще всего — с сюжетом о голях кабацких.

Наоборот, более северные варианты: с Пинеги, Мезени, Печоры и Зимнего берега — чаще дают сложный контаминированный тип былинки. Объединение происходит в большинстве случаев с сюжетом голей, затем с сюжетами ссоры с князем Владимиром, встречи со Святогором, женитьбы на греческой княжне. Также в северных вариантах сюжет чаще осложняется отдельными дополнительными деталями. Наиболее традиционна в пинежско-мезенских вариантах (встречается также и в золотницких) разработка мотива о милостыне: запрет Идолища просить милостыню ради Христа и ради Ильи Муромца и нарушение Ильей Муромцем данного запрета — очевидный результат позднейшего развертывания образа Ильи Муромца-калики.

№ 78. Запись 5 июля 1929 г. от Ивана Петровича Поздеева, 64 л., Усть-Цыльма.

Источник печатаемого текста — былина „Илья Муромец, голи кабацкие и Угарище“ отца исполнителя, Петра Родионовича Поздеева, записанная Н. Е. Ончуковым в 1901 г. (Печорские былины, № 20). В отношении общей композиции и конкретного фактического наполнения И. П. Поздеев почти не вносит личного творчества. Отметим лишь использование жалобы чумака на Илью Муромца для дальнейшего развертывания действия. Владимир-князь никак не реагирует на жалобы чумака, говоря: „У миня у самого да на дому беда“. Появление далее у князя Ильи Муромца в платье калики — у Петра Родионовича никак не связано с предшествующим эпизодом о голях. Иван Петрович же этим эпизодом мотивирует обращение князя за помощью к калике („Узнал князь, что калика не худа бляха“ и дальше стихи 100—111). Таким образом эпизод о голях более органически связан с сюжетом Идолища у И. П. Поздеева. Образ обжоры дополняется еще, кроме поглощения ковриги и лебедя, поглощением ушата воды.

В отношении стилистической обработки видно, наоборот, свободное отношение И. П. Поздеева к тексту отца. Точных совпадений стихов не имеем. Свободно перефразирует, делая стиль более прозаическим. Иногда усвоена лишь идея, формулировка дана иная (ср., напр., стихи 89—91 у Ончукова и 42—43 нашей былинки). Отдельные места сильно сокращены, (напр., уложение голей (стихи 159—178 у отца, 81—87 у сына), или расправа с Идолищем (322—338 у отца, у сына — всего 6 стихов: 145—151). Иногда описание не сокращается, а совсем опускается (внешний образ Идолища, 19—29 ст. у Ончукова). Пропускаются повторения. Таким образом вся былина становится гораздо короче (вм. 333 стихов всего 151) и динамичнее.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН-ЦАРЬ (Кудреванка, Скурла и др.)

Былины о татарском нашествии, с Ильей Муромцем в качестве главного или одного из главных героев, являются наиболее сложными композициями героического цикла. Сохранились они только на Севере и в Сибири. В указанную группу былин входят три сюжета: 1) Илья Муромец и Калин (иногда с заменой Калина Кудреванкой, Баданом и др. — наиболее распространенный сюжет), 2) Илья Муромец, Ермак и Калин (известный почти исключительно в Прионежье),

и 3) Гибель богатырей (Камское или Мамаево побоище — сюжет в чистом своем виде самый редкий). В виду того, что даны сюжеты близко соприкасаются друг с другом, совпадая в ряде эпизодов и мотивов, мы объединяем рассмотрение их в одном примечании, в библиографии же распределяем варианты по группам, обозначая буквами А, Б и В (соответственно данным выше номерам, промежуточные между 1-м и 3-м при объединении к первым с отметкой звездочкой).

К. Д. А: 24 (Кир., стр. 70); Кир. А: I, стр. 56; IV, стр. 38; Б: I, стр. 58; В: IV, стр. 108; Рыбн. А: II, 141 (*Гильф.*, 304), 205 (*Гильф.*, 57); Б: I, 7, 39 (*Гильф.*, 92), 74 (отр., *Гильф.*, 121); II, 120; Гильф. А: 57, 75, 170, 257 (к.), 296, 304, 320; Б: 69, 92, 105, 121 (*Тих.-Милл.*, 10), 138; Марк. А: 2; В: 81, 94 (к.), 104 (отр.); Григ. А: I, 111; III, 90*, 98*, 111; Онч. А: 2, В: 26; Тих.-Милл. А: 9, 11, 12; Прилож., стр. 274; Б: 10; В: 8; Милл. А: 5; Озар. А: стр. 27.

Среди новых записей — вариантов группы А и Б — 12 из Прионежья и Водлозера; промежуточных типов с Мезеня 3, с Печоры 1; В — 3 (Пудожский край, Кенозеро — особая обработка под заглавием „Чудь белоглазая“, Зимний берег — „Камское побоище“).

Обзор былин на указанные сюжеты произвел Вс. Миллер. Он видит два основных типа, из которых один представлен олонечскими былинами о Калине-царе, другой — беломорскими былинами о Камском побоище. В качестве главного, существенного отличия отмечает в былинах второго типа похвальбу богатырей, которая вызывает чудо воскрешения татар и гибель нескольких или всех богатырей. В былинах первого типа он различает две группы: 1) с богатырем Самсоном в роли помощника Ильи Муромца, 2) с богатырем Ермаком. В основе былин обоих типов Вс. Миллер видит издревнее сказание о битве с татарами при Калке и считает, что в первоначальной редакции былина оканчивалась гибелью Алеши, Добрыни и других богатырей; изменение конца произошло под влиянием новых взаимоотношений русских и татар. К этой основной редакции ближе стоят былины о Камском побоище; былины же о Калине представляют дальнейшее развитие и осложнение. От наименования „Калкское“ побоище исследователь производит и северное „Камское“ (через изменения звуков *л* в *у* и *в* в *м*) и имя Калин, отвлеченное от прилагательного „Калкинское“, „Калинское“. Введение в былины о Калине Ермака Миллер рассматривает как явление позднейшее, не ранее XVII в., приведшее к затуманиванию первенствующей роли Ильи Муромца. Предлагая свою концепцию, Вс. Миллер возражает А. В. Маркову, который считал, что в былинах о Камском побоище сохранено воспоминание о неудачном походе XIV в. новгородцев под предводительством Самсона Кольванова в Югру, причем в самом названии „Камское побоище“ он видел указание на речку Каму в бассейне р. Иртыша. Вс. Миллер допускает лишь возможность занесения, в районах новгородского влияния, в былины о татарском нашествии из местных преданий имени исторического Самсона Кольванова. Несомненно, концепция Вс. Миллера более убедительна, былины о столкновении Ильи Муромца и его богатырской дружины с татарами восходят к преданиям о крупных событиях общерусского значения (но необязательно только к беге при Калке), былины же о Камском побоище не являясь новым сюжетом, а одной из композиционных вариаций популярной темы эпохи татарщины. Былины о Калине с участием Ермака были рассмотрены также А. Н. Веселовским, указавшим влияние на образ данного героя старшей былины о богатыре-малолетке Михаиле Игнатьевиче. Из трактовок отдельных мотивов интересны анализ и остроумная гипотеза Вс. Миллера о том,

что в эпизоде похвальбы братьев Суздальцев, быть может, заключены отзвуки преданий о самонадеянных, хвастливых суздальских братьях-князьях Юрии и Ярославe Всеволодовичах, потерпевших жестокое поражение в известной битве на р. Липице в 1216 г.

В отношении сюжета о гибели богатырей уже первые исследователи подчеркивали особый смысл поражения богатырей, в основных редакциях, чудесной „нездешней силой“, эпизода, воплощавшего народные представления о непобедимости русских обыкновенной земной силой — татарами (А. Н. Веселовский и др.). Заслуживает большого внимания мысль о том, что самое представление об окаменевании, заключении в горы богатырей, как показывают аналогичные предания других народов, содержит в себе идею о возможности возвращения таких окаменевших богатырей (Ор. Миллер). Мнение это подтверждается тем, что именно этот род исчезновения обычно приурочивается к любимейшему народному герою — Илье Муромцу. Моральная же трактовка гибели, как наказания за похвальбу, — несомненно момент более поздний, вот почему он обычно дается в применении лишь к нескольким заносчивым и хвастливым богатырям.

Ор. Миллер. Илья Муромец, — стр. 647—659, 659—685, 686—691, 789—801; Н. П. Следы сев.-русс. эпоса, стр. 382, 385—390; Ровинский, IV, стр. 34—38, 42—48, 58—59; Веселовский. Разыскания, I, стр. 7—8; Дашкевич. Былины об Алеше Поповиче; Веселовский. Южно-русские былины, I, стр. 40—48, 57—59, VII, 255—285; Халанский. Великорусские былины, стр. 50—57, 81—87, 94—97; Вс. Миллер. Экскурсы, стр. 75, 77; Владимиров, стр. 231—236; Веселовский. Мелкие заметки, III, стр. 191—195; Вс. Миллер. Очерки, II, стр. 32—59, 60—68, 69—86; Лобода. Былины о сватовстве, стр. 71—74; Грушевский, стр. 279—280, 282—287.

Наибольшей определенностью и устойчивостью отличаются былины об Илье Муромце, Ермаке и Калине-царе. Они — специфическая принадлежность Прионежского репертуара. Один вариант найден был в б. Лужском у., б. Петербургской губ. (Кир., I, стр. 58). Два прионежских варианта включают и мотив похвальбы (Гильф., 121 и 138), вообще прионежским обработкам несвойственный. Гораздо большим разнообразием отличаются прионежские былины на другой сюжет об Илье Муромце и Калине (без участия Ермака), к которым в известной степени примыкают и кенозерские. Разнообразие это обусловлено, главным образом, включением в былину эпизода ссоры Ильи Муромца с князем Владимиром и заключения богатыря в погреб; эпизод этот дается то совершенно кратко (напр. Гильф., 57 или 75), то в настолько развернутом виде, что становится доминирующим, что приводит к сжатию описания самого столкновения с Калином (Гильф., 257). В последнем варианте ссора контаминируется с сюжетом голей кабацких. Ссора изображена при помощи мотива шубы — подарка князя, заливаемой Ильей вином, и его угроз Калину, которые доноски искажают в угрозы князю Владимиру. Этот мотив объединяет варианты кенозерские. В кижских причины ссоры или не раскрыты (Гильф., 75), или делается указание на приход Ильи Муромца на пир незваным (Гильф., 57). Вариант из Моши (Гильф., 304), близкий к кижским, эпизод ссоры выпускает. Вторая часть былины данной группы — отъезд Самсона и других богатырей, их сон в шатре, единоличной бой с татарами Ильи Муромца, попадание в подкуп, стрельяние Ильи по шатру и помощь Самсона — характеризуется более усгойчивой композицией. Роль Самсона отсутствует в указанном уже несколько особом кенозерском варианте № 257. Вообще же благодаря

включению эпизодов ссоры, заточения Ильи Муромца, отъезда разгневанных богатырей и т. п. многие былины на данный сюжет получают большую социальную заостренность подчеркиванием отрицательных черт князя Владимира, доносчиков и клеветников-бояр и выделением образа Ильи Муромца, как сильного, смелого и великодушного защитника родины и населения.

Особую группу образуют пинежско-мезенские варианты, представляющие различные композиционные типы, но объединяемые мотивами похвальбы и битвы богатырей с чудесно оживающей силой. Мотивы эти в некоторых вариантах настолько развернуты, что тексты образуют тип, переходный от былины о Калине к былинам о Камском побоище. Вообще пинежско-мезенские варианты в наибольшей мере впитывают в себя и комбинируют различные мотивы былин о встречах с иноземными врагами. Беломорский и печорские варианты типа А (Марк., 2, Онч., 2) перекликаются с прионежскими и кенозерскими вариантами, заключая в то же время и своеобразные черты. Некоторые варианты (К. Д., 24, Гильф., 170) подверглись воздействию былин о Василии Игнатьеве.

В разнообразии композиционных комбинаций видна большая творческая работа над одним из наиболее популярных и захватывающих народ сюжетов, работа, которая продолжалась вплоть до нашего времени, о чем свидетельствует наличие новых оригинальных вариантов в записях последнего десятилетия. Художественные достоинства многих вариантов этой былины очень высоки. Особенно выделяются часто потрясающие по силе образы наступления вражеских полчищ (см., напр., К. Д., 24, Марк., 2, Онч., 26 и др.).

№ 12. Запись 1 июля 1928 г. от Максима Григорьевича Антонова, 53 л., Лешуконский р., д. Усть-Низема.

Текст представляет оригинальную композицию на сюжет о нашествии татар, не совпадающую в целом ни с одним из известных типов былины о Калине и о Камском (Мамаевом) побоище, хотя и перекликающуюся с рядом из них. Так, приезд посла изображен традиционно так же как и спрашивание срока. Посылка Добрыни за богатырями и оставление его в шатре находят аналогию в варианте Григ., III, № 111 (см. также Григ., I, 111. С тем же мезенским вариантом № 111 совпадают отдельные детали, напр. сравнение: „слетела голова, как пуговица“ — стихи 213, в № 111 — стих 318).

Конец разработан, как во всех мезенских вариантах, со включением эпизода похвальбы и последующим за ней утроением силы неверной. Как в варианте № 111 и в некоторых других, гибнут только два брата, виновники беды (ср. еще Марк., 81, 94).

Но в варианте имеются и мотивы, включаемые обычно в обработку других сюжетов. Так, использованы былины об Идолище — в самом наименовании врага и в изображении его внешнего облика (стихи 3—8 напр., у Григ., III, 51, стихи 29—31, Онч., 20, стихи 19—29 и др.). Забегание князя перед Ильей Муромцем, его униженная мольба: „Пособи-тко мне думу думати“, ответ Ильи: „Ты уж думу думай не со мною, а с боярами, со боярами да с толстобрюхими“ — находят параллель в былинах о Василии Игнатьевиче, особенно в печорских вариантах. Картина пробуждения Ильи и высматривания им силы татарской приводит к былине о заставе и Сокольнике в мезенских и печорских вариантах (см. также былину о гибели богатырей у Киреевского, вып. 4, стр. 113, стихи 148—156). С другой стороны, находим и подробности, не встречающиеся в известных нам

былинах. Таков, напр., „набор“, который производит Идолище перед наступлением.

Таким образом текст обнаруживает свободное и творческое использование и переработку ряда эпических мотивов.

Четко снижение образа князя Владимира, старающегося снискать прощение Ильи Муромца, всячески задобрить его — в соответствии с чем обычное требование Ильей пива и вина (см., напр., Григ., III, 90) заменено предложением самого князя: „Я тебе пожалую“, и т. д. (стихи 144—148) в качестве приема способа задобрить Илью и получить от него помощь. Эпизод ссоры не развернут, мотивировки заключения богатыря в погреб исполнитель не дает. Четко выделен героический образ Ильи Муромца, остающегося победителем, несмотря даже на утрусение вражеской силой вследствие неразумной похвальбы братьев Суздальцев.

Напев II.

№ 33. Запись 5 июля 1928 г. от Максима Васильевича Семенова, 56 л., Лешуконский р., д. Белошелье.

Как и другие былины М. В. Семенова, данный текст представляет известное своеобразие. Здесь особая обработка сюжета о нападении татар на Киев и победе Ильи Муромца (сюжет Калина-царя), он значительно отличается от других мезенских обработок данного сюжета и во второй своей части (отправление Ильи Муромца на подвиг) очень сильно приближается к прионежским былинам о Калине.

Вся первая часть — картина наступления Кудревана — повторяет композицию наступления врага в мезенских вариантах былины о Василии-пьянице (см. Григ., III, 10, 15, 20, 33, 59 и 65), а также ряда прионежских вариантов о Калине (см., напр., Гильф., 69, 92). Самое имя врага то же, что в мезенских былинах о Василии-пьянице. Это имя, Кудреван, в мезенских былинах на данный сюжет мы находим еще лишь в № 98, в остальных же (Григ., III, 90 и 111) сохраняется имя Калина. Имя зятя, Куршик, соответствует Киришу — Куршаку печорских былин (Онч., 17, 18 и 26), имя племянника — Курмышек — пинежскому Кормищичку (Григ., I, 105), мезенскому Коршуну (Григ., III, 40).

Из мезенских обработок сюжета о Калине и Камском побоище с нашим вариантом перекликается в первой его части лишь вариант из Малых Нисогор (Григ., III, 111). Из отдельных особенностей 1-й части укажем перенесение на татар обычной формулы, употребляемой для характеристики реагирования богатырей на просьбу князя о помощи: „Ишо большой кроетца да за меньшого“ и т. д. (стихи 30—32), а также оригинальный образ прихода татарина в гридню (стихи 48—51).

После передачи рассказа о наступлении, переходя к моменту появления Ильи, исполнитель вспомнил эпизод ссоры из-за подаренной Владимиром шубы и дал его в виде краткого пояснения к дальнейшему. Из других мезенских обработок этот эпизод фигурирует лишь в № 98, но подан в обычном виде приговаривания Ильи над волочащейся шубой и доноса, искажающего факт.

Эпизод выхода Ильи Муромца из погребка передан очень кратко. Обычно он развернут повторениями обращений Владимира и его жены, которые подчеркивают жалкую позицию князя и роль Ильи Муромца. Но формула обращения Апраксеи — „Ты постой-ко се за веру да за правую, не за князя Владимира, не за меня, Апраксею, а за тот народ крещеный“ — дана социально четко и близка к формулам ответа Ильи Муромца в некоторых прионежских и кенозерских

вариантах (см., напр., Гильф., 257) на просьбы князя и княгини или обращения Ильи к Самсону и другим богатырям, отказывающимся выезжать против татар. Вторая часть близка к той группе олонецких вариантов, которые вводят богатыря Самсона с его товарищами в качестве помощников Ильи Муромца. Отыскивание богатырей, первоначальный отказ их с указанием на заповедь (хотя и без ее мотивировки — см., напр., у Гильф., 57, или у Тих.-Милл., II, 11), приезд к Владимиру на пир, выезд к татарам, „опочив“ богатырей, — все это отдельные части композиции олонецких былин (Гильф., 57, 75, 304), своеобразно лишь скомпонованные. Включен также эпизод с просьбой о сроке, более обычный в другой группе олонецких вариантов (с Ермаком — см., напр., Гильф., 69, 105) и в сибирских (К. Д., 24; Тих.-Милл., II, 12). Мотив срока мы находим и у Григ., III, 111.

Некоторые традиционные эпизоды даны в своеобразной переработке. Напр. стрельба Ильи Муромца из лука, обычно имеющая назначение пробудить Самсона и других богатырей, помощь которых нужна, здесь мотивирована усталостью Самсона, с которым Илья вместе бьется против татар (стихи 167—173). Стрельба в Кудреванку (стихи 160—166) опять-таки переносится из вариантов былины о Василии-пьянице.

Конец заключает эпизод похвалы и гибели богатырей. В отличие от других мезенских вариантов, где хвалятся братья Петровичи (Григ., III, 90), Поповичи (111) или один Алеша Попович (98), здесь похваляются все богатыри (ср. Гильф., 138). Своеобразным моментом в былине является смерть богатыря Самсона. Четко дан образ Ильи Муромца; его первенствующая роль, всегда активная, не заслоняется другими богатырями.

№ 44. Запись (И. М. Левиной) 18 июля 1928 г. от Александра Ивановича Палкина, 75 л., Лешуконский р., д. Большие Нисогоры.

Из всех мезенских обработок данного сюжета публикуемый текст композиционно ближе всего к записи Григорьева в Малых Нисогорах (№ 111), хотя и отличается от него целым рядом своеобразных особенностей: нет имени посла, отправляемого Кудреванкой в Киев; весь эпизод его отправки короче; нет наказа ему; Добрыня Никитич, прочитывающий ярлык, заменен Алешей, включен эпизод выезда князя Владимира с Алешей смотреть силу татарскую, и решения князя „отступиться“ от Киева. Также новыми моментами былины, по сравнению с другими вариантами, являются посылка Апраксией Владимира в церковь и встреча затем князя с Ильей Муромцем. Дальнейшая просьба Ильи дать ему вина, ответ Владимира, что вино от него не замкнуто (стихи 152—153), вполне совпадают с соответствующими местами указанного варианта у Григорьева (№ 111 — ср. стихи 211—219 у Григ. и 148—156 нашего варианта). Отсутствует только угощение голей. Уговор с дружиной о помощи (стихи 180—186 „Как засвистит моя вострая сабелька“ и т. д.) встречаем во всех трех мезенских вариантах. Конец опять несколько отличается от варианта № 111: в последнем Илья Муромец высматривает в подзорную трубочку удвоение силы уже после похвалы братьев Поповичей, в нашем — он высматривает самих братьев (Ивановичей), которые ездят и похваляются. Окончание совсем иное — в № 111 богатыри, поняв, что им не справиться с мертвыми, уезжают; в нашем — они бьются до конца. Мотив поглощения крови расступившейся землей мы находим в прионежских былинах о бое Добрыни со змеем (напр., Гильф., I, стр. 46). Образ Ильи Муромца — заботливого, активного, единственного героя-спасителя князя Вла-

димира и Киева — так же как и в варианте М. В. Семенова, дан четко и выпукло, выделяясь особенно постоянным подчеркиванием старости богатыря: „старый старенькой“, „да в то время было ему, старенькому, лет ста семидесяти“.

№ 86. Запись 6 июля 1929 г. от Григория Васильевича Поздеева, 45 л., Усть-Цылемский р., д. Рошинский Ручей.

Текст представляет контаминацию былин о Мамаевом побоище с былинной о Василии Игнатьеве. В ряде эпизодов (попытка татарина перевернуть хоромину, похвальба и гибель братьев Долгополых) сближается с печорским вариантом Онч., 26, но опущен сговор с богатырями и весь первый эпизод прихода калики и его рассказа о нашествии Кудреванки. Начало, рассказ о наступлении, дается в плане печорских былин о Василии Игнатьеве. Из них перенесено троекратное обращение Владимира к Илье с просьбой о помощи и ответ Ильи: „Ты не с нами думу думаёшь, ты ле думаёшь с боярами да с толстобрюхами“, а также требование Ильи Муромца „сорок сороков зеленá вина“.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И РАЗБОЙНИКИ

Сюжет, характерный для основной темы былин об Илье Муромце — об оборонительной и освободительной деятельности этого богатыря, в качестве самостоятельной песни известен преимущественно в вариантах среднерусских и южно-казачьих (более 12 вариантов), из северных — в вариантах с Пинеги (8); из других районов: 6. Олонецкого края, Беломорья, Зап. Сибири имеются лишь единичные записи данного сюжета. В этих местах он получил распространение, как эпизод, входящий в состав былин о победе Ильи Муромца над Соловьем-разбойником и былин о трех поездках Ильи.

В приводимой ниже библиографии сюжета звездочками отмечены варианты, в которые он входит, как составная часть: одной звездочкой — былины о Соловье-разбойнике, двумя — о трех поездках, тремя — об Идолище. Если былина контаминирует оба сюжета (Соловей-разбойник и три поездки), то она отмечена двумя звездочками, в виду органической связи эпизода о разбойниках в данном случае именно с сюжетом трех поездок.

К. Д., 60 (Кир., I, стр. 23); Кир., I, стр. 15, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 25*, 31*, 40, 86**; VII, Прилож. 7; Тихонравов. Летописи русск. литер. и древн., т. IV, 1852, стр. 11; Рыбн., II, 103*, 110** (Гильф., 171), 128**, 142**, 154** (Гильф., 266 и 287), 165**, 176** (Гильф., 221); Гильф., 58**, 120* (Тих.-Милл., 7); 171**, 190**, 197, 216, 221**, 240**, 266**, 271**, 274*, 287**, 291**, 305**; Марк., 1**, 45 69***, 97; Григ., I, 21** 32**, 141, 153, 155, 158, 161, 162, 206, 208; III, 8*, 56**, 89*; Онч., 19*, 53*; Пермский сб. II, отд. II, 166; Тих.-Милл., 3, 4, 6**, 7*, Прилож. а, 6, в; Милл. 11**, 12, 13, 14, 15, 16.

В новых записях данный сюжет, как самостоятельная былина, имеется с Пинеги (3 варианта), с Печоры (2) и из Поморья (3). В последнем районе отдельная былина, видимо, образовалась лишь в недавнее время вследствие отпадения других эпизодов былины о трех поездках. Очень популярным сюжет о встрече Ильи с разбойниками оказался в верховьях Мезени, но лишь в качестве составной части других былин об Илье Муромце.

Исследование коснулось данного сюжета мало и лишь попутно в связи с былинами о Соловье-разбойнике и о трех поездках. Общим является предполо-

жение, что сюжет возник на основе определенных историко-бытовых черт и был оформлен в виде самостоятельной песни; приурочен к Илье Муромцу, как к любимому народному герою, в силу того значения, которое имела для народа борьба с разбойничеством; впоследствии же был использован, во-первых, для усиления образа Ильи Муромца в былине о Соловье, во-вторых, для сложения новой былины, завершающей поэтическую биографию популярного богатыря. Характерно, что в наиболее ранних записях былины о Соловье эпизода встречи с разбойниками нет.

О. р. Миллер. *Илья Муромец*, стр. 280—299; *Потебня*, стр. 424; *Вс. Миллер. Очерки*, III, стр. 96—100, 145, 258—259; *Грушевский*, стр. 123—124.

Композиция былины в общем устойчива. Главное различие вариантов — в развязке. Былины, имеющие самостоятельное значение, чаще всего кончат тем, что Илья Муромец не убивает, а только устрашает разбойников (стрельбой в дуб или землю). Подобная развязка сохраняется иногда и при вхождении сюжета в былину о Соловье-разбойнике, где она мотивируется заветом Ильи Муромца — „не кровавить рук“. Данной развязкой былина подчеркивает в Илье Муромце человеколюбие и великодушие (см. мотивировку поступка Ильи в варианте Кир., I, стр. 16: „Ему жалко их до смерти убить“), так же как отказом Ильи от богатств, обещаемых устрешенными разбойниками, подчеркивается его бескорыстие. В былинах о трех поездках развязка эпизода с разбойниками иная: Илья Муромец убивает всех „до единого“. Изменение, очевидно, обусловлено самой задачей, поставленной перед героем: „замирить“ дорогу, на которой всякий „пеший-конный“ бывал убит, т. е. в корне ликвидировать разбойников. Характерно, что некоторые былины, утерявшие обе последние части, но сохранившие в начале мотив трех дорог, сохраняют вторую развязку — уничтожение разбойников. В остальном в отдельных записях варьируются вступление и диалог. Последний, в описании Ильей Муромцем своего „имения“, открывает возможность внесения индивидуальных штрихов.

№ 53. Запись 12 июля 1929 г. от Анны Максимовны Поздеевой, 70 л. с лишним, Усть-Цылемский р., с. Замечное.

Текст представляет отрывок из былины о встрече Ильи Муромца со станичниками. Своеобразными, по сравнению с вариантами из других районов, являются образ охоты в начале и уговоры Ильи: „Только есь у вас да молоды жоны“ и т. д. Исполняла былину на напев „Бутмана“, см. напев VIII.

№ 59. Запись 10 июля 1929 г. от Ивана Емельяновича Чупрова, около 80 л., Усть-Цылемский р., д. Аврамовская.

Текст, как и вариант А. М. Поздеевой, интересен как образец печорской обработки сюжета в самостоятельную былину: в ончуковских записях этот сюжет входит лишь как эпизод в сводные былины об Илье Муромце (Онч., 19 и 53). Былина по композиции и словесному оформлению близка к пинежским вариантам, но, как и многие другие печорские обработки, отличается большей простотой языка и образов (см. в особенности стихи 12—16). Ср. использование образа „дело заезжее, хлебцы завозные“ в эпизоде освобождения Чернигова в былине о Соловье-разбойнике у Киреевского, I, стр. 35. Подобно варианту Поздеевой, былина начинается с описания охоты.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СВЯТОГОР

Былина о встрече Ильи Муромца со Святогором, смерти последнего и передаче им перед смертью силы Илье — редкая, известная лишь в немногих вариантах из северных районов. Встречалась и в виде побывальщины. Довольно часто — в контаминации с другими сюжетами об Илье Муромце.

Рыбн., I, 2, 51 (пр. к.); II, 138 (пр.); Гильф., I, 119, 265, 273; Марк., 61, 66 (пр.); Григ., I, 166 (пр.); III, 46 (к.), 50 (к.), 114 (к.); Онч., 61; Ср. Кир., I. Прил. XXXIV; см. также Гильф., 270.

Образцы сказочных обработок см. в Жив. Стар., 1912, вып. II—IV, стр. 245—246. См. также сводные сказки об Илье Муромце (выше, стр. 590).

В новых записях, кроме одного краткого прозаического пересказа из Мезени, сюжет или объединяется с одним-двумя другими, или входит в большие сводные былины об Илье Муромце. Из Заонежья 3 варианта, с Пинеги 1, с Мезени 3. Из 7 записей — 5 в прозе. В 1926—1928 гг. экспедицией ГАХН записано в Пудожском крае 4 варианта о Святогоре, но в сообщении (*Revue*, 1932, t. XII, f. 3 et 4, p. 214) не указано, какой именно сюжет записан.

Представители мифологической школы, причисляя Святогора к „старшим“ богатырям, считали образ его мифологическим и былины о нем — одними из древнейших. Последующие исследования вскрыли многочисленные литературные параллели в эпосе других народов. Но они пошли, по неправильному пути, поставив вопрос о более позднем сложении былин о Святогоре на основе ряда сказочных и церковно-легендарных мотивов и уйдя от задачи изучения исторических корней данного образа, беспорочно восходящих к доклассовому обществу. Поэтому вопрос свелся только к установлению „влияний“. Вс. Миллер, проводивший сперва мысль о кавказских влияниях, впоследствии присоединился к концепции С. К. Шамбинаго о финско-эстонском происхождении сказаний о Святогоре, опиравшейся на сопоставление былин о Святогоре с поэмой о Калевипоэге. Против данной теории возражал Веселовский, подчеркивая значение легендарных мотивов, в частности апокрифических мотивов о Самсоне. Некоторые близкие восточные и западные поэтические аналогии были еще указаны И. Н. Ждановым. В конце концов, вопрос о происхождении этого сложного и загадочного образа остался неясным и может быть решен лишь изучением его в свете стадийного развития поэтических представлений.

Афанасьев, I, стр. 579—584, 668—674; Wollner, стр. 66, 77—84 89; Ровинский, IV, стр. 15—21; Худяков. Материалы для изучения народной словесности, 1863, стр. 6—7; Ор. Миллер. Илья Муромец, стр. 164—173, 180—187, 238—253; Веселовский. Разыскания, XIII, стр. 202—203; Веселовский. Отр. Визант. эпоса, стр. 766—773; И. Минаев. Несколько рассказов из перерождений Будды (Ж. М. Н. Пр., 1871, XI, стр. 126—128); Отчет кандидата ист.-филол. факультета Вс. Миллера (Отчет и речь, произнесенная 12 янв. 1876 г., М., 1876, стр. 39—42); Буслаев, стр. 42—47, 89—90; Rambaud, стр. 41—44, 48—52; Н. П. Следы сев.-русс. эпоса, стр. 366—369; Гильфердинг, т. I, стр. 61—62; Веселовский. Истор.-литер. заметки (Филолог. зап., вып. VI, 1876, Воронеж, стр. 1—12); Веселовский. И. Жданов, стр. 360—363, 371—382; А. Н. Веселовский. Мелкие заметки к былинам (Ж. М. Н. Пр., 1890, III, стр. 9—13, 17—18); Веселовский. Русские и вильтины в саге о Тидрике Бернском (Изв. ОРЯ и Сл., 1905, III,

стр. 98—101 и след.); Халанский. Великорусские былины, стр. 183—186; Потанин, стр. 192—194, 452, 705—706 и др. В. С. Миллер (Ж. М. Н. Пр., 1889, ССLIX, 2, стр. 237—341); В. С. Миллер. Экскурсы, прилож., стр. 5—15; В. С. Миллер. Очерки, I, стр. 401—403; III, стр. 159—167; Лобода. Русские былины о сватовстве, стр. 62—66; И. Н. Жданов. Повесть о королевиче Вальтасаре и былины о Самсоне-Святогоре (Ж. М. Н. Пр., 1901, V, 1—24 или Сочинения, I, стр. 842); Жданов. К литературной истории, стр. 153—172; С. К. Шамбинаго. Старины о Святогоре и поэмы о Калевипоэе (Ж. М. Н. Пр., 1902, I); А. В. Марков. Обзор трудов В. Ф. Миллера по народной словесности Изв. ОРЯ и Сл., 1915, I, стр. 318—320; R. Abicht. Die russische Heldensage. Leipzig, 1907; Mazon. Swjatogor ou Saint Mont le géant. Revue, t. XII, 1932, 3—4, стр. 185—189; Грушевский, стр. 217—223.

Центральные эпизоды былины — примерка гроба и передача силы. Оба принадлежат к древним мировым мотивам. Ср. первый с мифом об Озирисе, сказанием о Моисее и Ароне и др. Передачу силы через дыхание, пену и т. д. встречаем в сказках (напр. Зеленин, „Пермские сказки“, стр. 163). Вступлением служит встреча, имеющая целью показать нечеловеческую силу и величину Святогора. Встреча дается в двух версиях: 1) Илья, нагнав Святогора, бьет его, тот сажит Илью в карман; 2) Илья вступает в связь с женой Святогора; Святогор убивает жену и братается с Ильей. С первым типом встречи — варианты Гильф., 265—270, 273 из Кенозера, 119, из Кижей, Григ.,

166 с Пинеги, Григ., III, 114, с Мезени, Онч., 61. Второй тип, осложненный мотивом неверной жены — Рыбн., I, 51 — Кизи, 138 — Пудога, Григ., III. Эпизод смерти сопровождается передачей силы через „дух“, „пену“ и т. д. Тут различные вариации: Илья Муромец вообще отказывается принимать „дух“ Святогора или принимает только один раз; Святогор говорит правильно или обманывает; Илья Муромец получает силу в „меру“ или „чрезмерную“, и т. д. Иногда присоединяется тема отца: или Илья Муромец едет сказать о смерти Святогора (Гильф., I, 1), или вдвоем со Святогором едут к отцу (Григ., I, 166); при этом Святогор предупреждает Илью, чтобы тот вместо руки дал отцу железо, палку и т. п.

Из записанных нами вариантов только один является отдельной обработкой сюжета, два других — контаминации, но с выделением встречи со Святогором, как центрального эпизода.

№ 5. Запись 25 июня 1928 г. от Ефрема Матвеевича Лешукова, около 70 л., Лешуконский р., д. Лебская.

Текст представляет контаминацию сюжетов: о встрече Ильи Муромца с разбойниками, о поездке Ильи Муромца со Святогором и гибели последнего и о победе Ильи над Идолищем. (Объединение сюжета „Илья Муромец и Святогор“ с былинной об Идолище см. у Григ., III, 144.) В композиции текста резко выделяется первая часть, встреча со станичниками, сохранившая былинный ритмический строй; за ней следует типичная побывальщина с ее сказовым складом. Сюжет о встрече со Святогором и его смерти осложняется эпизодами приезда к отцу (ср. Рыбн., I, 2) и битвы с палицей. Оба эпизода в вариантах, записанных Григорьевым, отсутствуют. Вероятнее всего, эти части былины Лешукова восходят не к устной эпической традиции, а к лубочным пересказам былины об Илье Муромце.

№ 25. Запись 3 июля 1928 г. от Александра Антоновича Оксенова, 78 л., Лешуконский р., д. Палошеле.

Кратко пересказанная побывальщина сохраняет все основные эпизоды наиболее распространенного типа былины о встрече Ильи Муромца со Святогором и гибели последнего без осложнения эпизодом связи Ильи Муромца с женой Святогора. Как и другая былина Оксенова — „Добрыня и Алеша,“ — данный рассказ отличается большой лаконичностью. Эпический мотив перегрузки богатыря силой, излишек которой он изживает вырыванием леса, встречается только в мезенско-печорских вариантах данного былинного сюжета (см. Григ., III, 50, и Онч., № 61). Отметим включение в былинку реки Невы.

№ 2. Приложение. Запись 24 июня 1928 г. от Филиппа Васильевича Гольчикова, 40 л., Лешуконский р., д. Лебская.

Текст представляет ту же редакцию сводной былины об Илье Муромце, что и вариант „Про старого“ от Е. М. Лешукова. Только к первой части выпущен эпизод встречи с разбойниками, хотя Илья и едет по дороге, где „убиту быть“. Дополнительный эпизод — поездка к отцу Святогора с известием о смерти сына — имеет параллель лишь в варианте из Повенца (Гильф., № 1), где сам Святогор посылает Илью к отцу за „вечным прощеньцем“.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Былины о Соловье-разбойнике, четко выделяющие образ Ильи Муромца, как народного героя, борющегося с врагами мирного трудового населения, принадлежат к числу наиболее любимых и широко распространенных. Кроме былин из различных районов Севера, Поволжья, Средней России и Зап. Сибири, известны „сказания“, „повести“ или „истории“ в старинных рукописях XVII—XVIII вв. и большое количество гразических пересказов и сказок. В сказочных обработках данный сюжет встречается и у других народностей — белоруссов, украинцев, вотяков, чувашей, якутов, латышей, финнов.

К. Д., 46 (Кир., I, стр. 41); Кир., I, стр. 25, 30, 31, 34, 40, 77; IV, стр. 1 (к.); Рыбн., I, 4 (Гильф., 74), 61, 82 (Гильф., 104); II, 103, 110 (к.), 116, 127 (к.), 139 (к.), 170, 191; Гильф., 3, 56, 74, 104, 112, 120 (к.), 171 (к.), 210 (к.), 212, 274; Тих.-Милл., I, стр. 1, 4, 7, 10, 11 (к.) II, 1, 2, 5; Марк. I (к.), 63, 107; Григ., I, 38, 180 (к.); III, 8, 56 (к.), 89 (к.); Онч., 19 (к.), 53 (к.); Марк.-Богосл., I, стр. 47; Милл., 1, 2, 3 (к.), Приложение 2; Сокол., стр. 306 (к. пр.); Сав., стр. 80 (к. пр.); А. Пруссак. Былины, бывальщина и три песни (Жив. Стар., 1915, вып. III).

Библиография сказок дана Вс. Миллером. Очерки, I, стр. 370—372. Кроме того, см. Андр. 650. Старые записи см. Б. Соколов, „Былины ст ринной записи“ (Этнография 1927, 1 и 2) — 5 вариантов; см. также Кулиш. Записки о Южной Руси, II, 1857, стр. 48.

Сюжет о победе над Соловьем-разбойником сохранился с устной традиции до настоящего времени почти во всех северных районах. За период 1926—1935 гг. произведено около 30 новых записей в оформлении отдельных былин. Кроме того, сюжет вошел как составная часть в несколько сводных былин об Илье Муромце, а также записан в сказочных обработках. В виде сказки имеется запись 1935 г. и из Рязанского района. (Рукоп. хранил. Фолькл. ком. АН СССР, колл. XI, VII.)

Богатое содержание былины с образом Соловья-разбойника — получудовища, получеловека — вызвало обширную литературу, отразившую резко противоположные концепции представителей различных научных школ. В былине видели то воплощение мифа о борьбе светлых и темных сил (Ор. Миллер), то обработку восточных мотивов (Вс. Миллер. Экскурсы), то преломление историко-бытовых черт — борьбы с разбойниками (отчасти и с кочевниками) (Вс. Миллер. Очерки). Но хотя эти последние и подошли к правильному освещению вопроса, ими все же не было с достаточной четкостью вскрыт большой исторический смысл былины, обобщившей переживания, вызванные напряженной борьбой народа с насилием и разбоем. Попытки же Вс. Миллера, Н. И. Петрова и др. прикрепить сюжет к определенному месту и времени (Черниговское княжество XII—XIII вв. или Ростово-Муромская окраина), на основе совпадения географических названий (город Карачев, река Смородина и село Девятидубье в бассейне р. Десны) и прозвищ Ильи — Муромец, Муровец (что Вс. Миллер объединяет с наименованием черниговского города Моровийск) — вполне убедительного решения не дают, так как местные названия реки и села могли возникнуть и в более позднее время, а самый факт существования в старину чисто местных преданий о Соловье-разбойнике не установлен.

Мастерство композиции данной былины показано А. П. Скафтымовым. Но ошибка его в том, что он оторвал изучение архитектоники от социальных мотивировок.

Афанасьев, I, стр. 302—309; Ор. Миллер. Илья Муромец, стр. 254—306; Ф. И. Буслаев. Критические и библиографические заметки по поводу книги О. Миллера (Ж. М. Н. Пр., ч. CLIX, отд. 2, стр. 231); Потеня, стр. 621; Jagić, 120—124; Н. П. Следы сев.-русс. эпоса, стр. 372—377; Н. И. Кареев. Миф и греческий эпос (Филол. зап., вып. VI, Воронеж, 1872, стр. 12—14); Веселовский. Разыскания, VIII, стр. 350—353; XXII, стр. 149—166; Буслаев, стр. 28, 58—59, 273—279; Потанин, стр. 701—706; Ровинский, IV, стр. 24—32; Каллаш. Мелк. этнолог. заметки (1889, стр. 205, 1890, стр. 253); А. Потеня. Соловей-разбойник на дубах (Жив. Стар., I I, 1891); В. Ломанский. Прусские немцы и суданские Габеры „на дубах“ (Жив. Стар., III, 1891); А. Соболевский. Заметки о собственных именах в великор. былинах (Жив. Стар. 1890, II, стр. 98—99); Веселовский. Мелкие заметки, 1885, дек., стр. 196—198; 1890, март, стр. 6—18; 1890, май, стр. 61—73; Вс. Миллер. Экскурсы, стр. 85—107; Халанский. Южно-славянские сказания, IV, стр. 307—308, 312; Дашкевич. Разбор, стр. 32—34; Н. И. Петров. Историко-географическая основа былины о победе Ильи Муромца над Соловьем-разбойником (Изв. ОРЯ и Сл. 1900, кн. II); Лобода. Русские былины о сватовстве, стр. 1—7, 15—16; Вс. Миллер. Очерки, т. I, стр. 362—401, 452; т. III, стр. 91—135; Н. И. Коробка. Чудесное дерево и вещая птица (Жив. Стар., 1910, III, стр. 189—199); А. В. Марков. Обзор трудов В. Ф. Миллера по народной словесности (Изв. ОРЯ и Сл.; 1914, 2; 1915, 1; Скафтымов, стр. 63—74; Грушевский, стр. 121—123).

Основной замысел былины о Соловье-разбойнике — дать образ могучего богатыря, совершающего подвиги, нужные народу, и силою и храбростью затмевающего князя и его приближенных. Тенденция эта вызвала осложнение сюжета добавочным эпизодом (освобождение города) и частую контаминацию с другими сюжетами (исцеление, встреча с разбойниками). Некоторые варианты отличаются

большой социальной заостренностью, подчеркивая крестьянское происхождение Ильи Муромца и сатирически рисуя князя и бояр (см., напр., Гильф., 64, Марк. 68, и др.). При этом посрамление князя более подчеркнуто в прионежских вариантах; в мезенско-печорских акцент делается на боярах. Но вообще варианты былины чрезвычайно разнообразны и не группируются в определенные композиционные типы. Отдельные эпизоды и мелкие конкретные детали используются в самых различных сочетаниях. На эту особенность данной былины обратил внимание еще Скафтымов (стр. 63—64). Наши записи подкрепляют это наблюдение, давая еще новые композиционные вариации. Распространение в XIX и в начале XX вв. дешевых печатных изданий этой былины и лубочных ее пересказов оказало влияние на тексты некоторых исполнителей.

№ 1. Запись 24 июля 1928 г. от Якова Евдокимовича Гольчикова, 61 г., Лешуконский р., д. Лебская.

Текст, по сравнению с записанными Григорьевым (Григ., III, 8, 56, 89), представляет новый композиционный тип, который ближе всего подходит к сводной былине № 89, к той ее части, которая рассказывает о Соловье-разбойнике. Со всеми тремя вариантами объединяет его контаминация с сюжетом о станичниках. В разработке деталей он соприкасается то с тем, то с другим, то с третьим вариантами. (Ср., напр., стихи 68—74 со стихами 238—244, вар. № 56; стихи 98—99 с 126 № 89; 142 с 190 № 89.) Другие эпизоды разрабатываются отлично от отмеченных вариантов: эпизод с паленицей, концовка.

№ 28. Запись 6 июля 1928 г. от Никифора Калиновича Семенова, 75 л., Лешуконский р., д. Белошелье.

Былину эту Н. К. Семенов помнил уже нетвердо, спеть не мог, сказал словами. Характерно, что первая часть — исцеление — передана рассказом. Из мезенских вариантов, записанных Григорьевым, только один включает данный эпизод, но переданный в стихах, кратко и с другими деталями (т. III, № 89). От типичных мезенских обработок отличается отсутствием контаминации с сюжетом встречи со станичниками. Отличается также и от текста другого сказителя Белошелья — Максима Васильевича Семенова, представляя совершенно иную редакцию. При этом, однако, встречаются почти дословные совпадения отдельных стихов и небольших отрывков, вследствие того, что каждый слышал не раз исполнение другого и невольно, а, быть может, и сознательно заимствовал некоторые обороты.

По словам исполнителя, слышал эту старину „тоже от стариков“.

№ 32. Запись 5 июля 1928 г. от Максима Васильевича Семенова, 56 л., Лешуконский р., д. Белошелье.

Подобно другим былинам М. В. Семенова, и данный текст значительно отличается от всех других вариантов былины о Соловье-разбойнике, записанных и Григорьевым и нами. Напр. в нем отсутствует общий всем мезенским обработкам эпизод встречи со станичниками. По общей своей композиции текст ближе всего к некоторым из онежских вариантов. Но есть новые своеобразные детали обработки: высматривание врага из трубочки подозрной (перенесено из былины о Сокольнике), встреча с Соловьем по дороге к его двору, который высмотрел Илья Муромец.

Исполнение перебивалось объяснительными ремарками, пение — прозаическими вставками.

Не мог точно указать, знает ли эту былинку из устной традиции, или из книг („Должно, эту из книг, а может и так слышал“).

№ 39. Запись 13 июля 1928 г. от Ивана Ивановича Поздякова, 57 л., Лешуконский р., д. Малые Нисогоры.

Текст передает сюжет очень кратко. Отсутствуют эпизод встречи со станичниками и другие побочные эпизоды, которые входят в построение этой былины на Мезени (Илья Муромец мостит мосты по дороге к Соловью, дочери Соловья покушаются на жизнь Ильи Муромца и т. д.). В былине заметны реминисценции некоторых эпизодов других былин (диалог Ильи Муромца и князя в церкви — „Дюк Степанович“, угощение самим Владимиром Ильи Муромца — „Василий Игнатьев“).

№ 1. Приложение. Запись 24 июня 1928 г. от Филиппа Васильевича Гольчикова, 40 л., Лешуконский р., д. Лебская.

Сказка на сюжет о Соловье-разбойнике. Как обычно в сказке, он контактируется с рассказом об исцелении. Последний заключает мотивы, чуждые мезенским былинным обработкам сюжета об исцелении, но наиболее распространенные в сказках на этот сюжет (сила от чары хмельного напитка, превращение шелудивого жеребенка в богатырского коня и др.).

№ 48. Запись 13 июля 1929 г. от Савелия Дементьевича Чупрова, 62 л., Усть-Цылемский р., д. Замезное.

Соединение сюжета о Соловье-разбойнике с мотивами трех дорог находим в сводной былине усть-цылемской записи Ончукова (№ 19). Наш текст представляет лишь отрывок былины, интересный как свидетельство о бытовании ее и по р. Пижме. От былины осталась голая схема. Конец забыт. „Сторожá“ у ворот — очевидно, след позабытого эпизода с подворотней.

№ 69. Запись 15 июля от Самойла Михайловича Носова, 59 л., Усть-Цылемский р., д. Карпушевка.

Как и в варианте с р. Пижмы (48), соединяет сюжет о Соловье-разбойнике с мотивами трех дорог. При укороченности и скромности рассказа хорошо выделяет созидательную деятельность Ильи Муромца („Верстовые столбики он повывставил, калиновы мостики повывмостил“ — интересна модернизация образа) си его бескорыстие (отказ от „злата-серебра“ за Соловья-разбойника).

Былинку мог сказать только словами. Напев лишь показал, он близок к напеву В. П. Носова (Напев XI).

№ 80. Запись 5 июля 1929 г. от Ивана Петровича Поздеева, 64 л., Усть-Цыльма.

Источники печатаемого текста — былина отца исполнителя Петра Родионова Поздеева. Записана была Н. Е. Ончуковым в 1931 г. (Онч., 19). Уже П. Р. Поздеев не пел былинку, а пересказывал (Онч., стр. 88), но он еще передавал ее стихом, в былинном ритме. У И. П. Поздеева она превращается в сказку, в которой лишь отдельные отрывки сохраняют четкий былинный ритм. И. П. Поздеев придерживается композиции отцовской былины, но сильно сокращает рассказ. Исключены следующие эпизоды: выход Ильи Муромца на улицу

после исцеления, завет родителей,ковка оружия, седлание коня, заповедь, заговор на стрелу, покушение дочерей Соловья на жизнь Ильи Муромца, посылка слуги Владимира за Соловьем-разбойником. Некоторые эпизоды переданы более кратко — работа Ильи Муромца в поле, встреча с мужиками-новотокмьянами и др.

Самим Иваном Петровичем Поздеевым привнесено немного: изменена лишь картина расправы с мужиками-новотокмьянами: у него Илья Муромец перебивает мужиков, у П. Р. Поздеева только „устрашает“. Сообщение Ильи Муромца о своем подвиге дается в другой форме (ср. у П. Р. Поздеева стихи 337—348).

Интересно осмысление масти чудесного коня („хвост-грива белая, долго стоял, верно, побелел“, ср. у отца стихи 93—96). Перенесены из других былин некоторые общие места (выезд богатыря, расправа с разбойниками).

№ 95. Запись 23 июля 1929 г. от Прасковьи Ивановны Дитятевой, 69 л., Ненецкий нац. округ, д. Великая Виска.

Из двух записей Ончукова в Усть-Цыльме (№ 19 и 53) данный текст несколько ближе соприкасается с вариантом П. Р. Поздеева (№ 19): хвороба Ильи Муромца (к неподвижности присоединена еще слепота), упоминание о Миколе, как исцелителе (чудесный калика), три заставы, посылка слуг от Владимира за Соловьем-разбойником. Однако в ряде моментов вариант заключает свои черты: исцеление происходит не от прикосновения хлебом, а по слову, отсутствует рассказ о помощи родителям, нет эпизода добывания коня, вторая застава — не мужики-новотокмьяны, а рать в 40 тысяч; включены эпизоды: с сороковкой золота, которую прикатывают по приезде Соловья дочери; эпизод приказа Владимира Соловью свистеть и отказ Соловья. Главное отличие от обоих ончуковских вариантов — идеализация всей обстановки дома Ильи Муромца. Он дает калике шубу енотовую, мать надевает кунью шубу, берет золотые ключи, дает коня и драгоценную сбрую.

Не имея других вариантов данной былины с низовьев Печоры, мы не можем говорить о взаимоотношении в данной былине традиционного и личного. Отметим только, как особо интересные моменты, постоянные примечания исполнительницы, направленные на пояснение отдельных мест, и своеобразное, нигде не встречающееся изображение дочерей Соловья, вооруженных предметами кухонного обихода.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СЫН

Былина героического цикла, представляющая обработку широко распространенного мирового сюжета о бое отца с неузнанным сыном. Известна в вариантах из всех северных районов, где производились записи былин. Имеются два варианта из Зап. Сибири. Два отрывка с Северного Кавказа свидетельствуют о былом бытовании ее на юге. Всего опубликовано более 40 вариантов.

К. Д., 47 (к.), (Кир., I, стр. 11); Кир., I, стр. 7, 46, 52; IV, стр. 6, 12; Рыбн., I, 80 (*Гильф.*, 114); II, 117 (*Гильф.*, 46), 177 (*Гильф.*, 279); *Гильф.*, 45, 77, 114, 219, 226, 246, 265 (к.); Саратовский сборник, т. I, 1881 г., стр. 120 (отр.); Марк., 4, 70, 94 (к.); Григ., I, 2, 5, 8, 26, 40, 129 (к.); III, 4, 16, 32, 42, 60, 64, 85, 83, 92, 113; Онч., I, 6; Марк.-Богосл., II, стр. 45; Тих.-Милл., 14, 31 (к.); Жив. Стар., 1906, I отд. II, 5; Милл., прилож. 10; Панкратов. „Гребенцы в песнях“, Владикавказ, 1895, стр. 6; Чекан, стр. 102.

В настоящее время былина сохраняется преимущественно на Мезени и на Печоре (в 1928—1929 гг. записано 8 вариантов). В Пудржском краю и на Кенозере, по данным „Revue des études slaves“, Р., 1932, в 1926—1928 гг. найдены три варианта (см. стр. 214). В 1921 г. рябининская уникальная былина о бое отца с дочерью записана от приемного сына Ивана Трофимовича Рябинина—Ивана Герасимовича.

Исследования были направлены на определение степени близости былины к обработкам данного сюжета у других народов: к иранским (Рустем и Зораб в „Шах-намэ“), немецким (в двух версиях „Песни о Гильдебранте“, VIII в. и XIII в.), эстонским (Кивви-аль), кельтским (Клизамор и Картон) и др. — и на выяснение характера русской обработки. Подчеркивалось своеобразие былины в обрисовке обоих персонажей (выделение положительных сторон отца и темных — сына). Отмечена большая близость в основном к восточным сказаниям, чем к западным, при совпадении ряда деталей с младшими вариантами немецкой песни о Гильдебранте. В этом сравнительном изучении данной былины видна та же характерная для так наз. „сравнительной школы“ ошибка: сходство объяснялось использованием готового „странствующего“ сюжета. Вероятнее, однако, что наличие поэтических сказаний об отце и неузнанном сыне у многих народов обусловлено пройденной ими стадией матриархальных отношений, в глубь которой и уходят корни данного сюжета. Вопрос о бое отца с сыном, как матриархальном мотиве, поставлен А. Н. Веселовским в одной из последних его работ (Поэтика сюжетов). Были попытки определить более точно время и место сложения былины. А. В. Марков относил ее к первой половине XIII в. и к Полоцкой земле, исходя, главным образом, из имени матери (Латыгорка, Семигорка и др.), которое он производил от Летьгола, Латыгола, Зимигола — летописных наименований латышских племен. Доводы его не убедительны, и Вс. Миллер справедливо допускал, исходя из черт бытовой и исторической обстановки, и более раннее время возникновения.

О р. М и л л е р. Илья Муромец, стр. 1—62, 69—71, 97, 100, 154, 158—167, 182—185, 199, 459—462, 544; Веселовский. Отр. Визант. эпоса, стр. 773—774 и др.; Јагіć, стр. 98; Ровинский IV, стр. 50—54; Веселовский, Разыскания, VII, стр. 275—276; Веселовский. Южно-русские былины. IX, стр. 307—339; Халанский. Великорусские былины, стр. 75—79, 177—182; Буслаев, стр. 129—134; Веселовский. Мелкие заметки, III, 1885, дек., стр. 191—195; Вс. М и л л е р. Эскурсы, стр. 117—152; А. В. Марков. К былине о бое Ильи Муромца с сыном (Этногр. Обзор., 1900, № 3); Д а ш к е в и ч. Разбор, стр. 34—36; Халанский. Южно-славянские сказания, II, стр. 239—246; Вс. М и л л е р, Очерки, II, стр. 169—185, 295—303; III, стр. 260—261; А. Н. Веселовский. Поэтика (Соч., т. II, вып. I, 1913, стр. 77—114); Г р у ш е в с к и й, стр. 124—126; А. Марков. Обзор трудов В. Ф. Миллера по народной словесности. (Изв. ОРЯ и Сл., 1914, XIX, кн. II, стр. 126—127); Б. И. Я р х о. Илья-Илиас Хильтебрант (Изв. ОРЯ и Сл., 1917, т. XXII, кн. 2); А. Л я щ е н к о. Былины о бое Ильи Муромца с сыном (Краткий отчет о деятельности Общ. древн. письменности и искусства. Л., 1925, стр. 36—68).

Сюжет наиболее богато представлен и разработан в мезенских записях. У Григорьева с Мезени 10 вариантов, представляющих довольно значительно отличающиеся друг от друга композиционные типы. Как и „Дунай“, былина была на Мезени одной из самых распространенных, вследствие чего выработались разнообразные варианты отдельных эпизодов (см. у Григ., III, стр. 704—706, классификацию вариантов).

Главное отличие северных вариантов (мезенских, печорских, беломорских) от группы прионежских — в введении в качестве действующего лица (а не только упоминаемого) матери. Почти все из них оканчиваются убийством матери, после которого уже следует покушение на убийство отца (особая версия у Марк., 4). В мезенских вариантах эпизоду встречи обычно даже предшествует рассказ о матери, ее связи с Ильей Муромцем, рождении и детстве Сокольника. Во всех других вариантах он отсутствует, исключая одного — с Зимнего берега (Марк., 70) и одного поморского (Григ., I, 8). Второе отличие северной группы от прионежской — преобладание вариантов с развернутым описанием заставы и особая композиция выезда Ильи Муромца с отводом одних богатырей и безрезультатным выездом других. Последнее находим и в кенозерских вариантах. В прионежских вариантах чаще действует лишь один Илья Муромец, встречающийся с врагом в поле. Кенозерские и в других моментах переключаются с мезенскими. Напр. в вариантах Гильф., 226 и 265, имеется и изображение охотничьих атрибутов Сокольника (ловчие звери и птицы), что традиционно для северных, в частности — для мезенских вариантов. В соответствии с этим и постоянное имя сына — Сокольник или Подсокольник (в прионежских и западносибирских — самые разнообразные имена).

Упоминание о заставе дает возможность развернуть характеристики богатырей. Известна замечательная по социальной насыщенности и яркости образов характеристика богатырей, как представителей различных сословий, в варианте из Шенкурска (позднейшая переработка сюжета с исключением мотива узнавания сына, Кир., I, стр. 47 и IV, стр. 6). Момент характеристики традиционен для северных вариантов. Иногда она дается в плане личных свойств, иногда — с определенным социальным заострением (ср., напр., Марк., 4, и Кир., IV, стр. 12). В мезенских выделяются устойчивые сравнительные оценки Алеши Поповича („силой-то не силен, да напұском смел“) и Добрыни („умеет Добрыня на чистом поле сойтись-съехаться“ и т. д.); наиболее четки они по среднему течению Мезени, где в композицию выезда богатырей обязательно входит эпизод отвода Алеши Поповича. Обе печорских по основной композиции примыкают к мезенским (застава, посылка Добрыни и его неудача). Предварительный рассказ о матери Сокольника и его детстве отсутствует, как в нижнемезенских. Выделяется своими поэтическими достоинствами вариант Чуркиной (Онч., I). См. развернутое перечисление богатырей на заставе и их характеристики, все описания, замечательный образ спящего богатыря: „Да и спит-то один старой во белом шатру, да храпит-то старой, как порог шумит“ и пр.

№ 2. Запись 21 июля 1928 г. от Якова Евдокимовича Гольчикова, 61 г., Лешуковский р., д. Лебская.

Печатаемый вариант, так же как и вариант № 11 от М. Г. Антонова, интересен как образец редакции, в которой сюжет был распространен в верховьях Мезени, откуда до сих пор записей не было. Он близок к композиционному типу, зафиксированному в нескольких вариантах Григорьевым на низу, в д. Дорогая Гора (Григ., III, 4, 16, 32) и значительно отличается от вариантов средней Мезени: рассказ начинается сразу с описания заставы, нет предварительного рассказа о матери Сокольника и о его детстве. Но с вариантами среднего течения сближает эпизод отвода Алеши Поповича, отсутствующий в дорогогорской редакции.

Отличительными особенностями обоих наших вариантов являются: иная форма убийства сына (не срубает голову, как в № 60, 92, не убивает кинжалом, как в № 16, или ударом о землю, как в № 4, 32, 64, 113, а разрывает на части); иная картина встречи богатырей: в большинстве записей Григорьева Сокольник на вопрос Добрыни говорит о цели своего приезда, в наших — он ревет и свистит, подобно Соловью-разбойнику, отчего пугается Добрыня и уезжает обратно. Этот последний эпизод в варианте Гольчикова разворачивается еще в картину униженного избияния Добрыни, аналогичную избиянию Алеши в наших мезенских же записях былины о сорока каликах (вероятно, и перенесено из указанной былины). Картина испуга Добрыни и расправы с ним Сокольника повторяется в рассказе самого Добрыни, что еще более способствует снижению образа Добрыни. Вообще, данный вариант, как все былины Якова Гольчикова, отличается большой разработанностью деталей: см., напр., подробный рассказ о том, как Илья Муромец встает, умывается и одевается, описание его одежды и др.

Описание атрибутов Сокольника-охотника принимает более фантастические очертания („люта змея извивается“ и т. п.), чем в вариантах у Григорьева.

Напев записан на фонограф, см. напев I.

№ 11. Запись 30 июня 1928 г. от Максима Григорьевича Антонова, 59 л., Лешуконский р., д. Усть-Низема.

Тот же композиционный тип, что и № 2. Отличается от него лишь большей или меньшей разработанностью отдельных эпизодов. Как и все былины Антонова и данный текст выделяется высоким художественным мастерством, яркими выразительными образами (см., напр., описание богатыря-врага или изображение издевательства Сокольника над Ильей Муромцем: „За волосья рвёт да и в глаза плюёт“, стих 283). Тщательно разработан эпизод раннего выезда Ильи Муромца. В рассказе Ильи весь этот эпизод повторяется. Подробно описано снаряжение Добрыни, а затем Ильи (последнее Гольчиковым пропускается). Прием эпического повторности соблюдается на протяжении всей былины и с большим искусством. См. повторение во вступительной части: „Да берегли-стерегли стольне Киев град, да стольне Киев град“ и т. д. (стихи 6—9), ярко выделяющие идею „заставы“, защиты родины. Повторение это замечательно и по ритму. Полнее, чем у Гольчикова, дан состав богатырей на заставе. Сохраняется эпизод отпуска Сокольником зверей (ср. Григ., III, 4). Вообще текст Антонова — один из наиболее художественных вариантов былины о бое Ильи Муромца с сыном.

№ 20. Запись 29 июня 1928 г. от Варлама Матвеевича Михеева, 69 л., Лешуконский р., д. Засулье.

Принадлежит к тому же композиционному типу, что и варианты Я. Гольчикова (№ 2) и М. Г. Антонова (№ 11), только значительно более краток и беден описаниями. Так, напр., совершенно отсутствует описание самого Сокольника, нет описания окрестностей и др. Сокращены также диалоги, почти нет повторений. Но при сильном сокращении сохранена сюжетная четкость.

Заметна некоторая сгертость и смешение традиционных образов. Напр., Алеше приписываются черты, которые обычно входят в образ Самсона Колыбачича („рду сонливого, неповоротливого“).

Напев IV.

№ 40. Запись 13 июня 1928 г. от Ивана Ивановича Поздякова, 57 л., Лешу-конский р., д. Малые Нисогоры.

Текст по содержанию примыкает к среднемеженским записям Григорьева, дающим *Vorgesichte*. (Начало ср. у. Григ., III, 64, 88.) Ближе всего к варианту из той же деревни (Григ., III, 113). Как и в нем, До́рыня не спасается бегством от врага, а возвращается, так как „нужен“ не он, а Илья Муромец (№ 113, стихи 135—141). Угрозы Сокольника убить „старого седатого“ см. также у Григ., III, 60. В том же варианте № 60 развернут эпизод предварительного рассказа матери о богатырях (стихи 37—48), на который в нашем тексте имеется намек в примечании сказителя: „А мать-то ему рассказала всё, какого кто поведения“. Своеобразен и больше нигде не встречается эпизод потери Сокольниковым ножа. Былина почти разложилась в сказку. Черты сказового склада находим и в стихотворных частях текста (см., напр., обороты: „И вот накладывал седелушко черкальское“, „А тогда Сокольник-разбойник ему отвечал“, „И клал он Сокольника добросовестно на сыру землю“ и др.).

№ 57. Запись 10 июля 1929 г. от Еремея Прововича Чупрова, 39 л., Усть-Цылемский р., д. Аврамовская (р. Пижма).

Печатаемый вариант восходит к редакции этого сюжета, зафиксированной в записях Ончукова из того же района (1 и 6), и особенно близок к более распространенному варианту № 1 от Чуркиной. (О нем см. вступительную часть примечания.) Вариант Чуркиной отличается особенно подробным перечислением богатырей на заставе и развернутой их характеристикой, данной, однако, не в плане социальном, а в порядке индивидуально-родовых черт, причем некоторые вызваны осмыслением прозвищ. О восхождении обоих вариантов (Чуркиной и Еремея Чупрова) к одному и тому же источнику говорит не только точная передача в том же порядке всех эпизодов, но и довольно частое совпадение словесных формулировок. Текст Еремея Чупрова только несколько сокращен. Характерная особенность его — большая динамичность в передаче сюжета, несмотря на выдержанность повторений и детальность ряда описаний. Это обусловлено употреблением глаголов, выражающих движения резкие и порывистые.

Начало былины записано на фонограф в исполнении трех братьев Чупровых и сына Еремея — Лариона, см. напев IX.

Другой сказитель д. Аврамовской — Гаврила Иванович Чупров — дополнил перечисление богатырей на заставе следующими тремя стихами:

Еще было два брата Долгополых,
Долгополы два брата, полонёны,
Лука де Матвей дети Петровичи.
(Ср. с вариантом № 87 из д. Климовки, стихи 9—10.)

№ 70. Запись 5 августа 1929 г. от Василия Прокопьевича Носова, 65 л., Усть-Цыльма.

Вариант этот, как и два других, печорских (И. П. Поздеева из Усть-Цыльмы и Ник. Самс. Торопова из Климовки), интересен тем, что дает образец редакции этого сюжета в местах, где данная былина еще не записывалась. На основе этих записей можно с уверенностью предположить, что былина о Сокольнике не представляла на Печоре такого разнообразия композиционных типов и их разновидностей, как на Мезени. Все четыре варианта, нами записанные, восходят к той же

редакции вариантов 1 и 6 у Ончукова. Отдельные отличия касаются деталей разработки эпизодов и свидетельствуют о лучшей или худшей сохранности традиции или об индивидуальных творческих чертах исполнителей. Эта печорская редакция очень близка к той, которую мы записали на верховьях Мезени.

Данный текст имеет еще одно значительное отличие — изменение конца. Характерно, что именно только оба усть-цылемские варианта имеют благополучный конец. Однако, не имея больше вариантов и более ранних записей, мы не можем в данном случае говорить об особой усть-цылемской традиции, тем более что другой текст Поздеева включает явные признаки забывания. Возможно, что этот конец явился уже в процессе забывания в недавнее время, а „чуден крест“, спасающий Илью и фигурирующий в конечном описании покушения сына, перенесен был в эпизод случайного поражения Ильи Муромца (стихи 110—116).

В отличие от текста Еремея Чупрова (№ 56) былина Носова отличается эпически-спокойным тоном.

При исполнении былины Василием Прокопьевичем ему подтягивал Иван Григорьевич Носов.

№ 79. Запись 5 июля 1929 г. от Ивана Петровича Поздеева, 64 л., Усть-Цыльма.

Относится к той же редакции, к которой восходят все остальные публикуемые печорские варианты. Выделяется, как и текст В. П. Носова, особым концом: рассказ замыкается узнаванием; покушения на жизнь отца и гибели сына нет. В тексте явные следы забывания былины и разложения былинного стиля. В эпизоде посылки богатыря на подвиг Добрыня заменен Алешей, вследствие чего последний наделяется несвойственным ему по былинной традиции качеством: „роду вежливого и очесливого, умел как с людьми сойтись и съехаться“.

От отца исполнителя, П. Р. Поздеева, былина о бое с сыном записана не была.

№ 87. Запись 21 июля 1929 г. от Николая Самсоновича Торопова, 79 л., и Михаила Алексеевича Поздеева, 33 л., Усть-Цылемский р., д. Климовка.

Текст представляет самый полный и стройный вариант данной былины из записанных нами на Печоре, очень близок к тексту Чуркиной (Онч., I), но короче его.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ, ТРИ ПОЕЗДКИ

Былина о трех поездках, представляющая интересное сочетание героических и новеллистических мотивов, принадлежит, как предполагают, к самым поздним былинам об Илье Муромце. В ней использованы более ранний былинный сюжет об Илье (столкновение его с разбойниками) и ряд сказочных мотивов.

Лучшие и наиболее многочисленные записи ее получены в б. Олонецком крае, преимущественно в северной и восточной частях (на Повенецком побережье, в Пудожском районе и на Кенозере), что вызвало предположение Вс. Миллера о возможности сложения ее именно в пределах этого края. Из Поморья имеются всего несколько и уже неполных вариантов. На Мезени и в б. Кижской волости второй эпизод этой былины известен в контаминации с былинной о Соловье-разбойнике (1 вариант). На Пинеге, Печоре и в Зап. Сибири, так же как в средней и южной России, былина записана не была.

Кир., I, стр. 86; Рыбн., II, 110 (Гильф., 171), 128, 142 (к.), 154, 165 (к.), 176 (Гильф., 221); Гильф., 58, 171, 190, 221, 240, 266, 271, 287, 291, 305; Марк., 1 к.); Григ., I, 21, 32; III, 56 (к.); Тих.-Милл., 6; Милл., 11.

Новые записи этой былины снова падают на ту же восточную часть б. Олонецкого края (14 вариантов в 1926 г. по данным Revue, XII, стр. 214). В б. Кижской волости записана былина, контаминировавшая второй эпизод „Трех поездов“ с сюжетом „Добрыня и Маринка“. Там же сюжет „Трех поездов“ встретился в большой сводной былине об Илье Муромце. Один вариант (неполный) записан на Мезени.

Литература о былине вскрыла в ней распространенные сказочные мотивы (испытание судьбы, коварная красавица, убивающая соблазненных ею, клад под камнем или в подземелье и пр.). Значение этой былины в связи со всем эпосом об Илье Муромце правильно определено Ор. Миллером: ее основная идея — судьба оказалась невластной над лучшим богатырем. Цель сложения былины, как отмечено было уже Вс. Миллером, — дать достойное завершение поэтической биографии любимого героя.

О р. М и л л е р. Илья Муромец, стр. 280—281, 764—784; Ф. И. Б у с л а е в Русский богатырский эпос (Р. Вестник, 1862, № 9, стр. 30); Rambaud стр. 62; Вс. М и л л е р. Экскурсы, стр. 107—112; Вс. М и л л е р. Очерки, т. III, стр. 142—146; Г р у ш е в с к и й, стр. 123—124.

Многие варианты данной былины еще в записях конца XIX в. утратили последнюю часть (5 олонекских и все поморские, за исключением одного из Онеги — Кир., I, 86). Своеобразную концовку получил один выгозерский вариант (Гильф., 190), в котором Илья Муромец решает не ехать в третью дорогу, так как ему не надо богатства — он и так богат. Среди вариантов, удержавших все три части, выделяется № 171 у Гильфердинга, в котором Илья раздает богатство не на церкви и монастыри, а нищим и сиротам. Четыре варианта оканчиваются смертью Ильи Муромца, замыкая, таким образом, его былинную биографию (Гильф., 58, 221; Рыбн., 176, 226; Кир., I, 86). В нескольких случаях сюжет контаминирован с былинной о Соловье-разбойнике (Гильф., 171; Марк., I, Григ., III, 56). Особо стоят два варианта из Пудогы (Рыбн., 142 и 165), в которые введен эпизод угощения Ильей Муромцем голей.

№ 13. Запись 1 июля 1928 г. от Максима Григорьевича Антонова, 59 л., Лешуконский р., д. Усть-Низема.

Печатный текст является вариантом былины о трех поездках, утратившей свою последнюю часть. Кроме того, мотив трех дорог перенесен в начало второй части, от чего пострадала стройность композиции. Несмотря на это, текст представляет, особенно в первой своей части, замечательный образец высокого былинного мастерства и по четкости ритмического строя и по художественности описаний. Такой внешний облик Ильи Муромца, напоминающий образ Карла Великого из „Поэмы о Роланде“, мы находим еще только в одном мезенском же варианте из Дорогой Горы (Григ., III, 8, стихи 36—41), но там он затеривается в ряде других описаний; здесь же, благодаря тому, что им начинается былина, а далее — каждая новая часть, он окрашивает собою всю былинку. Описание Ильей Муромцем своего снаряжения и одежды, изображение стрельбы из лука развернуты при помощи целого ряда живописных деталей. В былине использован мотив драгоценных стрел, перённых перьями чудесного орла, в прионежских

вариантах связанный с былиной о „Дюже Степановиче“ (см. Гильф., 115, 152, 159, 225, 230, 274). В нескольких вариантах былины об Илье Муромце и разбойниках мы тоже находим мотив чудесных оринных перьев (Гильф., 287 и 291) в приложении не к стрелам, а к седлу или шапке, для которых они служат украшением.

Своеобразно подан конец — наказание молодцев за их слабость; в других вариантах данный эпизод не встречается (см. в былине Гильф., т. III, 271, стр. 378 — укор Ильи Муромца).

Присказка, переданная исполнителем не пением, а говорком, перенесена из былин, изображающих захват полона (см., напр. Гильф., т. I, былину Сорокина „Наезд литовцев“, стр. 563).

Первый эпизод былины на Мезени записан был Григорьевым всего в трех вариантах в контаминации с сюжетом о Соловье-разбойнике. Второй сюжет находим лишь в сводной былине, объединяющей эпизоды освобождения Чернигова, встречи с разбойниками и победы над Соловьем Рахматовичем (Григ., III, 56).

Первая часть данной былины была напечатана в книге „Былины об Илье Муромце и Василии Буслаевиче“, ред. и примеч. А. М. Астаховой, Школьная библ. класс., ОГИЗ, 1933.

Напев записан на фонограф, см. напев III.

ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЬИ МУРОМЦА

Сюжет о чудесном получении Ильей Муромцем силы, являющийся прологом к его поэтической биографии, широко распространен, но преимущественно в прозаических пересказах и в сказочных обработках. В форме былины он известен почти исключительно Северу (единственный стихотворный вариант из б. Симбирской губ., Кир., I, стр. 1, отличается краткостью и лишен характерных эпических приемов). В подавляющем большинстве случаев сюжет контаминируется с другими былинами об Илье Муромце, чаще всего — с сюжетом о Соловье разбойнике, иногда с сюжетами о Святогоре и о бое Добрыни с Ильей. (В библиографии сюжета контаминации только с былиной о Соловье-разбойнике отмечаем звездочкой; с нею и другими — двумя; с другими былинами — оставляем неотмеченными.)

Кир., I, стр. 1 (к.); Прилож., стр. I* (пр. к.), IV** (пр. к.); XVII** (пр. к.). IV, стр. 1* (к.); Рыбн., 51 (пр. к.), 139* (к.), 190 (пр.); Гильф., 120** (к.); Григ., I, 8 (пр. к.), III, 50 (к.), 89* (к.); Марк., 42, 46 (к.), 67 (пр.), 91 (пр.); Онч., 19** (к.), 53** (к.); Сокол., стр. 306* (пр. к.); Сав., стр. 79 (к. пр.). Реминисценции сюжета в других былинах см. Марк., 61, 71; Тих.-Милл., II, стр. 20. В рукописных сборниках XVIII в.: Милл., стр. 285; Б. Соколов. Былины старинной записи (Этнография 1927, 1, 2).

Библиография сказок дана Вс. Миллером. Очерки, I, стр. 371—372. Кроме того, см. Ibid., стр. 451; Н. Е. Ончуков. Северные сказки, 1908, 136; Тих.-Милл., Прилож., стр. 277. Афан. IV, стр. 391 и след. По каталогу Андр. — 650.

В новое время сюжет записан в целом ряде вариантов (нам известно более 20 случаев записи). В огромном большинстве — в контаминации с другими былинами в качестве вступления к рассказу о подвигах Ильи Муромца. По районам записи распределяются так: в Прионежье 7 (из них 5 экспедицией ГАХН, „Revue des études slaves“, P., 1932, t. XII, f. 3 et 4, p. 214), на Пинеге 3, на Мезени 1, на Печоре 3, в Поморье 3, на Зимнем берегу 1 (запись 1934 г. В. П. Чужимова), в Московской обл. 1 (запись 1935 г. в Рязанском р.,

Р. С. Липец), в Саратовском крае 2 (Б. Соколов. О былинах, записанных в Саратовской губ. Культура. Научн. прил. № 1, 1922, стр. 2—17).

Многочисленные исследования вскрыли широкое распространение основного мотива — дарования силы через чудесное питье (или пищу). В противоположность Ор. Миллеру и другим ранним исследователям эпоса, считавшим прозаические пересказы сюжета результатом разложения старой былины, Вс. Миллер выдвинул положение о позднейшем (не ранее XVII в.) приурочении к Илье Муромцу международного сказочного мотива о сидне, первоначально в форме легендарно-сказочной. Немногие стихотворные обработки, по его мнению, лишь отдельные и позднейшие попытки переоформить сказку в былинку. Сложение сказки, а затем и былины — результат естественного желания дать начало биографии самого популярного богатыря. Наличие слов и оборотов, близких к церковной речи в некоторых вариантах, а также легендарный характер исцеления говорит, по мнению Вс. Миллера и ряда других исследователей, о роли в сложении сказки-былины церковно-каличей среды.

Позднейшие записи на Севере (в начале XX в.) нескольких былинных обработок сюжета не проливают света на вопрос о времени приурочения его к Илье Муромцу, так как в них очень сильные следы позднего их оформления. Утверждение о позднейшем сложении былины, поясняющей созданный раньше образ неодолимой силы, попрежнему остается достаточно убедительным. Но вопрос о среде, сложившей былинку, должен быть решен иначе. Общий характер сказочных и былинных обработок данного сюжета говорит определенно об отражении в них крестьянских идеалов и интересов. Следы же книжности, на которые ссылается Вс. Миллер и др., хотя и наблюдаются в немногих отдельных вариантах, но должны быть отнесены за счет личных тенденций сполнителей, проявляющихся и в других былинных текстах (см., напр., былины Щеголенка у Гильф, стр. 118—130 и др.).

Ф. И. Буслаев. Русский богатырский эпос, стр. 106; Ор. Миллер. Илья Муромец, стр. 169—184; Афанасьев. Сказки, IV, стр. 435—440; Стасов, стр. 1103—1108; Rambaud, стр. 46—48; Ровинский, IV, стр. 9—14; Халанский. Великорусские былины, стр. 94—95; Халанский. Южно-славянские сказания, I, стр. 66—75; Веселовский. Мелкие заметки, XIV, стр. 9—17; Machal, I, стр. 151; Tille. Listy filol., XVI, стр. 381; Cosquin. Contes populaires de Lorraine, Paris, 1887, II, 107—115; Вс. Миллер. Очерки, I, стр. 362—391; Б. М. Соколов. О житийных и апокрифических мотивах в былинах (Русск. Филол. вестн., 1916, 3); Грушевский, стр. 120—121.

Несмотря на отсутствие в большинстве случаев строгой стилистической и ритмической структуры в былинах-сказках об исцелении Ильи Муромца, опорные мотивы их довольно устойчивы. Почти неизменно сохраняется в них крестьянское происхождение богатыря и рассказывается о выполнении тяжелой крестьянской работы, как первом его подвиге. Преобладающий вид работы — вырывание деревьев — встречаем в восточных сказаниях — Магаванзи. Культивирование чисто крестьянских черт Ильи ясно свидетельствует о среде, в которой былина сложилась. Постоянными являются целители — неведомые странники (отожествление с Христом, апостолами, чудотворцем Николаем сравнительно не часто); характерен мотив установления „меры“ даруемой силы, затем приобретение богатырского коня (как и мотив о сидне — широко известный).

Распространение в устных прозаических пересказах, а также влияние лубочных изданий обусловило более свободный, чем при четкой былинной структуре, обмен вариациями отдельных деталей; поэтому об областных типах говорить не приходится.

№ 92. Запись 20 июля 1929 г. от Павла Ивановича Торопова, 53 л., Усть-Цылемский р., д. Климовка.

Текст представляет начальный отрывок большой сводной былины об Илье Муромце. Ее он передал в виде сказки (см. в настоящей работе текст № 93), но говорил, что поет ее всю: „Другие помогают, я устаю, а другие подхватывают. Старуха (жена) помогает“. Однако на мою просьбу спеть былинку он спел лишь данный отрывок. Текст его близок следует прозаическому пересказу и в деталях эпизода и в лексике. Обращает внимание некоторая модернизация понятий („ренски погребѣ“).

В исполнение вносил некоторые приемы исполнителя песен: разделение слѳв и повторение отдельных слогов (см. стихи 11—12, ср. то же на р. Пижме в былинѣ № 50).

МАТЬ КНЯЗЯ МИХАЙЛЫ ГУБИТ ЕГО ЖЕНУ

Былина относится к жанру былин-баллад и является, как показал в своем исследовании И. Н. Жданов, обработкой широко распространенных песенных мотивов о женщине, оставленной мужем и умершей в его отсутствие.

Известна в довольно большом количестве вариантов из северных и средних районов. Наибольшее распространение получила по р. Пинеге, где в 1900 г. А. Д. Григорьевым была произведена 31 запись, и где до сих пор она сохранилась лучше других былин.

Рыбн., I, 100 (Соб., 65); II, 222 (Соб., 69); Гильф., 299; Кир., V, стр. 68, 70 (Соб., 66); 72 (Соб., 62), 74, 75 (Соб., 60); VII, стр. 19 (Соб., 67); Соб., I, 61, 63, 64; Григ., I, 20, 31, 47, 55, 64, 71, 79, 80, 95, 99, 106, 110, 133, 136, 139, 142, 146, 152, 160, 167, 171, 176, 178, 183, 185, 188, 191, 195, 201, 202; III, 26, 77, 118; Марк., 31, 111; Сокол., стр. 309, 310.

Параллели и варианты в фольклоре юго-западных славян см. в исследовании И. Н. Жданова „Песни о князе Михайле“, Русский былевой эпос, СПб., 1895, стр. 524—572.

В последние годы записи произведены на Пинеге (12 вариантов), на Кенозере (по данным обзора в *Revue* 1932, р. 215—2 варианта), на Мезени — один и на Зимнем берегу — один вариант (запись В. П. Чужимова). Последний опубликован в сборнике „Советский фольклор“, II—III, 1935, стр. 142. Представляет исключительный интерес для изучения индивидуального творческого процесса в области былины (см. статью А. М. Астаховой „К новым записям былин в Поморье“ в сб. „Сов. фольклор“, II—III, стр. 155—158).

Попытка И. Н. Жданова приурочить былинку к определенному историческому лицу (сыну Романа Брянского, князя конца XIII в. — Михаилу Романовичу) страдает явной натяжкой. Сам Жданов в заключении исследования должен был признать, что рассказ о Михайле „представляет повторение странствующей баллады, в которой мы можем отыскивать отражение бытовой, но не былевой действительности“ (стр. 572).

Композиция былины в основном устойчива. Варианты отличаются, главным образом, условиями узнавания князем Михайлом о гибели жены (говорят соседи, „нянюшки-мамушки“, в одном варианте — сама мать) и характером смерти самого героя (срубает себе голову, закалывается, зашибается о камень на могиле, бросается в речку, в море и т. п.). На Пинеге, в главном очаге культивирования этой былины, сюжет был распространен в двух основных редакциях. Особо популярна была та, в которой узнавание шло через слуг (26 вариантов из 31). Отдельные варианты различались преимущественно развязкой: в одном князь Михайла, узнав о гибели жены, пытается сперва заколоться, потом бросается в море; в других — он сперва закидывает невод, вылавливает колоду с телом жены, сам ложится в колоду и скатывается в море. (Подробный обзор вариантов см. у Григорьева, т. I, стр. 702). Записанные нами тексты восходят к указанной наиболее популярной редакции, варьируя конец. В виду незначительности отдельных изменений, из 12 пинежских текстов мы публикуем лишь 6 (т. II). Из них 3 — из деревень близ Суры, где Григорьев записи не производил.

№ 31. Запись 6 июля 1928 г. от Никифора Калиновича Семенова, 75 л., Лешуконский р., д. Белошеле.

Единственный записанный нами вариант на Мезени. Интересен факт записи от мужчины (на Севере былаина эта — достояние женского репертуара). Наименование героя былины Михайлом-архангелом — механическое перенесение привычного сочетания. Встречается и в старых записях (см. также в наших записях в варианте с Пинеге от А. С. Батюковой, т. II).

По мотиву узнавания правды (от соседей) вариант из мезенских соприкасается с № 77 (Григ., III) из д. Погорелец (ниже Нисогор).

Былина была сперва сказана, потом спета, причем внесено много изменений. Напев особый, по словам самого исполнителя — „не старины, а всё равно как стих“. Слышал от стариков-нищих, которые „от зырян ходили“.

МИХАЙЛО ПОТЫК

Самая сложная былина киевского богатырского цикла, сочетающая элементы героические с новеллистическими. Представляет обработку темы змееборства в соединении с различными сказочными мотивами о неверной жене. В XIX в. распространена по преимуществу в Прионежье, откуда имеем 16 записей у Рыбникова, Гильфердинга и Шахматова (из них 6 повторных). В более северных районах популярность ее была значительно меньше: с Терского и Зимнего берегов Белого моря имеются 1 и 2 варианта, с Мезени 3, с Печоры 1. Один вариант из Зап. Сибири. Известны 3 прозаических записи в рукописях XVII и XVIII вв., восходящие к одной редакции XVII в.

К. Д., 22 (Кир., IV, стр. 52); Рыбн., 11 (отр.) (*Гильф.*, 82), 12, 28 (*Гильф.*, 150), 28 bis 113 (*Гильф.*, 6), 166, 196, 218; *Гильф.*, 6, 39, 40, 52, 82, 150, 158; Марк., 8, 74, 100 (к.); Григ. III, 29, 70, 109; Онч., 57; Марк.-Богосл., I, стр. 65 (Изв. ОРЯ и Сл., т. V, кн. I, стр. 50); Тих.-Милл., I, стр. 25, 32, 39. Б. С о к о л о в. Былины старинной записи (Этнография, 1926, 1—2, стр. 115).

Новых записей 4: из Заонежского района (1), Пудожского (2) и отрывок с Мезени.

В обширной литературе о былине выяснен сложный ее состав, представляющий соединение многих международных героических, сказочных и легендарных мотивов. Наиболее полный обзор поэтических параллелей дан Махалем. Акад. Веселовским было обращено внимание на совпадение имен героя былины и болгарского святого Михаила из Потоуки и высказано предположение о приурочении сказки, лежащей в основе былины, к имени указанного Михаила из Потоуки вследствие совпадения некоторых черт в содержании сказки и жития. Подробнее развивает эту мысль Вс. Миллер. Он отмечает, что в первой четверти XIII в. с перенесением мощей Михаила из Потоуки в главный болгарский город Тырнов (1206), имя святого получило более широкую известность и могло перейти к ближайшим соседям болгар — русскому населению Галицко-Волынской земли. Этой части Киевской Руси Вс. Миллер и приписывает сложение былины, опираясь дополнительно и на географическую номенклатуру большинства вариантов (Подоленька — постоянный эпитет героини, упоминания о Подолии, Волыни, Литве, политовском короле и т. п.). В былине Вс. Миллер видит синкретическую сказку на тему о неверной жене. Древнейшая часть сказки — женитьба героя, уговор о сопрождении умершего супруга в могилу, пребывание в земле, битва со змеями, воскрешение мертвой жены и выход из могилы. Эта основная часть осложнилась мотивами на тему о неверной жене, стремящейся погубить нелюбимого мужа. В противоположность Вс. Миллеру, другие исследователи первоначальным мотивом считают мотив „чародейки-змеи“, который и притянул к себе сюжет змееборства. Образы змей, приходящих в могилу, по их мнению, — позднейшее присоединение. Однако наличие сказки у других народов о погребении заживо и воскрешении жены после победы над змеей, приползающей в могилу, а также то что мотив превращения жены в змею встречается лишь в явно позднейших северных обработках и отсутствует в старейших рукописных записях, — говорит скорее о правильности концепции Вс. Миллера.

В. В. Стасов, стр. 1023—1033; О. Р. Миллер. Илья Муромец, стр. 387—414, 463—472; О. Р. Миллер. Велик. былины, стр. 291; Н. П. Следы сев.-русс. эпоса, стр. 385—386; А. Н. Веселовский. Разыскания, гл. IX. Праведный Михаил из Потоуки; А. Потемня, стр. 282—288; Потанин. Монг. сказ., стр. 149—151; Máchal, стр. 167—172; Rambaud, стр. 58, 63; Козаковский, стр. 108 и след.; А. Веселовский. J. Polivka. Dvě povědky v české literatuře XV století. V Praze, 1889 (Ж. М. Н. Пр., 1890, февраль, стр. 356—361); Вс. Миллер. Эскурсы, стр. 28—30; Г. Потанин. Марья Лебедь Белая в былинах и сказках (Этногр. Обзор., 1892, 2—3, стр. 1—2); Г. Потанин. Дочь моря в степном эпосе (Этногр. Обзор., 1892, I, стр. 68—69); Вс. Миллер. Очерки, I, стр. 122—128; III, стр. 51—52; Gaston Paris. Die undankbare Gattin (Zeitschrift des Vereins für Volkskunde. Berlin, 1903, стр. 137—144); G. Polivka. Zu der Erklärung von der undankbaren Gattin (Ibid., стр. 399—408); Лобода. Русские былины о сватовстве, стр. 85—119; А. Н. Веселовский. Былины о Потоке (Ж. М. Н. Пр., 1905, № 4, стр. 303—313); А. В. Рыстенко. Легенда о св. Георгии. Одесса, 1909, стр. 344—364; Б. И. Ярхо. Эпические элементы, приуроченные к имени Михаила Потыка (Этногр. Обзор., 1910, 3—4); Сказание о Сигурде Фафнисбане и его отражение в русском эпосе (Русск. Филол. вестн. 1913, № 2, стр. 450 и след.; 1915, № 2, стр. 350—378); Б. М. Соколов. О житийных и апокрифических мотивах в былинах (Русск. Филол. вестн., 1916, 3); Тих.-

Милл., I, стр. 86—88; G. Dumézil. Les bylines de Michajlo Potyk et les légendes indoeuropéennes de l'Ambroisie (Revue, t. 5, 1925, 3—4, стр. 205—237); Грушевский, стр. 152—159; A. Brückner. Michajlo Potyk und der wahre Sinn der Bylinen (Zeitschrift für slavische Philologie, B. III, 1926, 373—385; B. IV, 1927); Б. Соколов. Новейшие труды, стр. 18—35; A. Brückner. Ruska epica ludowa (Pamiętnik literacki, XXXIII, 4, Lwow, 1936, стр. 782—784).

Вследствие впитывания большого количества разнородных мотивов варианты былины в отдельных эпизодах и деталях значительно отличаются друг от друга. Наибольший отход от древнейшей редакции, запечатленной в рукописях XVII—XVIII вв., находим в северных обработках. Так, мезенские варианты в большей мере, чем прионежские, используют мотивы других былин — Ивана Годиновича, Соломана-царя, Дуная. Марья лебедь белая в мезенских вариантах добывается не на охоте, а во время набега на Орду (Григ., I, 29, и 70) или увозится насильно после отказа отца на замужество дочери (Григ., III, 109). Мотив змееборства оформлен совершенно иначе: в змею превращается Марья, Потык ударами прутьев смиряет ее и лишает волшебной силы (легендарный мотив усмирения демона, см. сказки и заговоры). С другой стороны, Потык оказывает услугу змее, и она в свою очередь помогает ему (мотив помощи благодарных животных). В вариантах с Зимнего берега, составляющих особую группу, к которой примыкает и вариант, записанный в Малых Нисогорах (Григ., III, 109), в отличие от двух других мезенских (29, 70—другая редакция), находим еще дальнейшее развертывание мотива чародейства жены Потыка: она, ночуя с ним в шатре, поочередно превращает его в ворона, волка, горностая, причем Илья Муромец (по другим вариантам — Добрыня) предостерегает Потыка и усмиряет Марию (мотив замены на ложе, известный германскому эпосу). Особую редакцию составляет единственный известный нам печорский вариант, перекликающийся с мезенским (эпизод с горящим ракиновым кустом и помощью змеи), но в противоположность им опускающий мотив чародейства жены и заканчивающийся на эпизоде ее оживления и всеобщей радости.

№ 19. Запись 1 июля 1928 г. от Максима Григорьевича Антонова, 59 л., Лешуконский р., д. Усть-Низема.

Отрывок представляет краткую схематическую передачу в прозе некоторых эпизодов былины „Потык“, восходящей к мезенским обр. боткам данного сюжета (горящий ракинов куст с змеинным гнездом, который, по просьбе змеи, герой заливает водой, помощь Потыку благодарной ему за услугу змеи). Былина о Потыке на Мезени уже в конце XIX и в начале XX вв. была мало распространена (у Григорьева всего 3 записи) и в процессе отхода от старинных редакций впитывала в себя мотивы других былин (см. общую часть примеч.).

МОЛОДЕЦ И КАЗНА МОНАСТЫРСКАЯ

Сюжет о молодце, отнявшем казну монастырскую у разбойников, в песенной обработке известен в немногих вариантах из Поволжья, Зап. Сибири, Заонежья и Печорского края. В районе Беломорья и Урала был найден и в виде былины и близких к ней прозаических пересказов (Оксенко, Орсенко).

Кир., VI, стр. 194 (Милл. Ист. песни, стр. 144), 196, 197 (Милл. Ист. песни, стр. 142); VIII, стр. 30, 31, 33; Соб., VI, 432—434; Онч., 33; Милл. Ист. песни, 143, 145; Орсенко: Марк., 86 (пр.); Пермский сб., II, отд. II, стр. 166, № 6 (пр.) (Милл., 99); Милл., 98.

В 1927—1928 гг. записаны на Пинеге и Мезени публикуемые здесь и во II т. песни. Большая (свыше 600 стихов) былина об Орсенке записана в 1934 г. в с. Зимняя Золотица В. П. Чужимовым от Марфы Семеновны Крюковой, 58 л. В 1936 г. вариант былины записан А. Н. Нечаевым в Карелии в д. Кереть от М. М. Коргуева, 54 л.

Сюжет былин и песен не исследован. Аристов предполагает, что „основа песни древняя, но распространенная в течение времени историческими чертами разных царствований из XVI, XVII и XVIII столетий“. Сперанский рассматривает былинку об Оксенке, совершенно игнорируя песни. Былинку считает обработкой при помощи приемов старшей былины местного северного предания, относимого к эпохе Ивана Грозного.

Н. Аристов. Об историческом значении русских разбойничьих песен. Воронеж, 1875, стр. 21—24; Сперанский. Былины, II, стр. 23; Миллер. Ист. песни из Сибири, стр. 73—74.

Однако сопоставление былины Орсенко с песнями о правеже и казне монастырской приводит к определенному выводу, что здесь мы имеем процесс позднейшей обработки в былинку северными сказителями безыменных эпических песен (см. примеч. к былинам „Дунай и королева“, „Роман и его дочь Настасья“, „Князь Дмитрий и Домна“ в т. II „Былин Севера“).

Большинство обработок сюжета приурочивают его к времени Ивана Грозного, некоторые — ко времени Петра. Наиболее распространенная редакция песни: молодец стоит на правеже в Москве (в зап.-сибирском варианте, Кир., VI, стр. 197 — в Киеве). Его обвиняют в грабеже казны монастырской (называются монастыри Соловецкий, Румянцев, Николы Можайского). Проезжающий мимо царь расспрашивает. Молодец рассказывает, что казну он отнял у разбойников (или казаков), не желавших дать ему пая, устранив их вырванным из земли дубом. Казну прогулял с голытьбой в кабаке (в одном варианте из Сызрани, Кир., VI, 194, он, кроме того, „одевал всё наших босых“). Царь велит вознаградить за увечье (иногда просто велит отпустить). Оба северных варианта, заонежский и печорский, отличаются особым началом: изображения правяжа нет; рассказывается о том, как идет молодец по полю и видит разбойников, делающих казну. Заонежский вариант развертывает далее сюжет в обычном плане. Выделяется усилением повествовательного элемента, по стилю близок к былине. Печорский вариант имеет необычный конец: молодец слезно плачется, что ему не дают в дележе доли. В отличие от заонежского отмечен песенным складом. Варианты из Томской губ. (Милл., Ист. песни, 143) и Самарской губ. (Милл., Ист. песни, 145) представляют особые версии. В первом — молодец рассказывает о происшествии матери-вдове, во втором — молодец встречает царя, когда его ведут на казнь.

Былинные обработки сохраняют основные эпизоды песен, действие приурочивают к Вологде, в которой разбойники грабят церковь Николы Можайского. Встреча с разбойниками разрабатывается в стиле былины об Илье Муромце и разбойниках, угощение гостей в стиле былин об Илье Муромце и голях кабацких, о Василии Игнатьеве, о Бутмане

№ 22. Запись 29 июня 1928 г. от Карпа Ивановича Михеева, 77 л., Лешуконский р., д. Засулье.

Представляет исключительный интерес приурочением сюжета к Илье Муромцу — очевидно, вследствие реминисценций былии о встрече Ильи с разбойниками и об Илье Муромце и голях. Характерно изменение конца в соответствии с общим обликом любимого народного героя: Илья Муромец не пропивает (как обычно молодец) казны в кабаке, а раздает ее „по миру“.

НАЕЗД ЛИТОВЦЕВ

Эта яркая, богато насыщенная чертами исторического прошлого былина по общему своему характеру примыкает к богатырско-воинским былинам, но относится к особой немногочисленной группе воинских былин с героями-князьями, имевших местное значение и потому сравнительно мало распространенных. Известны 10 записей из Онежского края (причем некоторые — повторные, от тех же сказителей) и две с Печоры. Центральный эпизод былины использован на Печоре также и в былине о разбойнике Даниле Борисовиче (Онч., 51).

Рыбн., 45, 114 (*Гильф.*, 12), 135 (*Гильф.*, 71), 152 (*Гильф.*, 61). 164; *Гильф.* 12, 42, 61, 71; Онч., 37, 54 (см. еще 51); Тих.-Милл., 69.

В настоящее время эта былина почти исчезла. Записано лишь 4 варианта: в Заонежье (1), в Пудожском районе (2) и на Печоре (1).

Изучение сюжета вскрыло историческую основу, чрезвычайно четкую в данной былине — картины жизни западнорусских областей в XII—XIII вв., в эпоху борьбы с литовскими князьями. Однако вопрос об определенном историческом деятеле, сказания о котором могли быть пересформлены в былинку, нельзя считать решенным: был ли это Роман Мстиславович Галицкий, сильный и популярный князь конца XII в. (концепция Ив. Жданова), или Роман Михайлович Брянский, князь второй половины XIII в. (утверждения А. Маркова и Н. Коробки).

Исследованием отмечены своеобразные мотивы, присущие именно этой былине, и указаны к ним литературные параллели: подбор дружины путем проверки способов питья из реки (см. Рыбн., 45), восходящий к библейскому рассказу о Гедоне; расправа с врагами (хромой на слепце) — источник этого мотива в древней притче (см. исследование Ив. Жданова).

Жданов. Русский былевой эпос, стр. 425—525; А. В. Марков. Из русского былинного эпоса, вып. I, М., 1905, стр. 6—30 и сл.; Н. Коробка. Песня „Воротар“ и песни о князе Романа (Изв. ОРЯ и Сл., 1899, IV); А. Н. Веселовский. Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском (Изв. ОРЯ и Сл., 1906, т. XI, кн. 3, стр. 30—31, 63—64); В. С. Миллер. Очерки, т. III, стр. 53—54; Грушевский, стр. 134—138; Сперанский. Былины, т. I, стр. 361—363; Скафтымов, стр. 22—24; Trautmann, стр. 271—274.

Композиция былины очень устойчива. Печорские варианты отличаются от прионежских, главным образом, заменой имени героя (вместо князя Романа — Митрий Бранский) и пропуском или сокращением некоторых эпизодов. Но прионежские лучше сохранили исторические черты: собирание „силы“, приход к реке, которая служит рубежом, и т. п. В печорских Митрий едет на врага один и только потом скакивает силу. Выпущен на Печоре и первый набег на Ливонскую землю. Мотив оборотничества под влиянием былины о Волхе включен в самое начало

обоих вариантов (из прионежских только вариант Сорокина — Гильф., 71 — испытал это воздействие).

№ 88. Запись 19 июля 1929 г. от Николая Самсоновича Торопова, 79 л., Усть-Цылемский район, д. Климовка.

Из двух ончуковских записей наша ближе к более краткой (Онч., 54), за исключением самого конца, который примыкает к № 37. На наш вариант оказала влияние былина об Олеше Поповиче и сестре братьев Долгополых (см. Онч., 3)— и в перенесении имен Матвея и Луки Петровичей (наименование братьев Долгополыми мы находим в варианте № 54 у Ончукова, стих 78-й) и в образе сестры Митрия, сидящей „за дверьми за железными, за трема бы замками за немецкими“ (ср. Онч., 3, стихи 66—68). В тексте утеряно имя дяди, не указано, кто он, а сами братья Петрозичи превратились в татар. Усилены сказочно-эпические черты. Мотив оборотничества пронизывает всю былинку. Митрий летит в поле в виде сокола и расправляется с татарами один, без войска.

Таким образом вариант еще дальше, чем прежние печорские записи, отходит от древней основы. В то же время он сохранил яркое изображение набега, разорения, захвата „полона“, соединенное в прионежских вариантах с эпизодом первого похода на Ливонскую землю (см., напр., Гильф., 71).

НЕБЫЛИЦА

Шуточные песни о „небывальщинах“ и „чуде-чудном“ известны во многих вариантах из разных районов Севера и Средней России. Имеются записи белорусские, украинские и с Северного Кавказа. Существуют и прозаические рассказы тех же мотивов.

Рыбн. 98; Гильф. 238 (к., Соб. 323), 295 (к., Соб. 324); Марк. 88, 116; Григ., I, 51, 66, 73, 123, 140; III, 22 (к.), 31 (к.), 78, 106; Онч. 67 (к.), 79, 83 (Жив. Стар., VII, вып. I, стр. 243); Пальчиков. Крестьянские песни, 125; Марк-Богосл., I, стр. 94; Соб. VII, 321, 322, 325—328; Шейн. Велikoruss., I, 959, 962—965, 1023; Шейн. Русск. нар. песни, 31; Сокол., стр. 488, № 639.

В сказках см. Андр. 1931, В.

Новые записи из Кенозера (6, см. *Revue*, t. 12, 1932, p. 215), из Пинеги (2) и с Мезени (1).

На севере некоторые из небывальщин принимают некоторый пародийный отпечаток благодаря заповедям: „Старину скажу да стару прежнюю (см. напр. Григ., I, 51) или „Не то ли старина да побывальщина?“ (Григ., I, 66). См. также Гильф., 238 и 295. Интересен местный колорит некоторых образов. См., напр., образ коровы или кобылы на лыжах. (Гильф., 238 и 295). Иногда „Небылица“ контаминируется с пародией о бое женщин (отмечено в библиографии — к.) Большую известность получило в свое время замечательное исполнение „Небылицы“ сказительницей М. Д. Кривополеновой.

№ 36. Запись на фонограф 6 июля 1928 г. Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд от Гаврилы Михайловича Семенова, 57 л., Лешуконский р., д. Ценогоры.

Небылица интересна своим пародийным началом и редким образом медведя, помахивающего „камилавками“. Пародийность подчеркивается и самим заглавием.

ПАРОДИЯ

Былинные формы и мотивы использовались на Севере для сатирических песен на местные темы. См., напр., у Ончукова сатиры на местного пропойцу на мотивы распространенной на Печоре былины „Василий Игнатьев“ (Онч., 29 и 38).

№ 42. Запись 13 июля 1928 г. от Ивана Ивановича Поздякова, 57 л., Лешуконский р., д. Малые Нисогоры.

Местная пародия возникла, по словам исполнителя, по следующему поводу. „Объелся в деревне Ниже человек молоком и помер. Про него самоскладена старина. Травят нижовцев“. Для сатиры использовано былинное изображение пира.

САДКО

Принадлежит к числу былин-новелл, особенно богатых чертами новгородского исторического быта. Известна только в вариантах (в общем количестве более 20) с Севера, Зап. и Вост. Сибири. Из северных районов не записана на Пинеге, Мезени и Поморском берегу.

К. Д., 26 (Кир., V, стр. 41); Кир., V, стр. 34; Рыбн., I, 54, 65 (*Гильф.*, 146); II, 107, 124, 134 (*Гильф.*, 70); *Гильф.*, 2 (к.), 70, 146, 174; Марк., 21, 95; Онч., 10, 55, 70 (отр.), 75, 90; Масл.-Богосл., I, стр. 87; Милл., 95.

См. параллельный мотив в украинской думе („Основа“, 1862, август, стр. 21).

В сказочной обработке: Ончуков. Северные сказки, 1903, 90. Ср. Смирнов, Сборник великорусских сказок, вып. II, 280.

Новые записи произведены на Печоре (2—1929 г.), на Пинеге (1—1927 г., проза), в Прионежье (3—1926 г.; см. *Revue*, t. XII, 1932, p. 214) и на Зимнем берегу (1—1934 г.).

В былине настолько четко и ярко отражена обстановка прошлого Новгорода (заморская торговля, торговая конкуренция и пр.), что генетическая связь ее именно с Новгородом в эпоху наивысшего расцвета его торгового могущества у большинства исследователей не вызвала сомнения. Исследования же были обращены на установление тех сказочных и легендарных мотивов, которые в переработанном виде вошли в былинку — в первую и третью ее части. Буслаевым, Халанским, Веселовским были привлечены в качестве близких параллелей новгородские и ростовские легенды о случаях чудесного спасения на воде (особенно близко по отдельным подробностям чудо блаженного Исидора ростовского). Веселовским указаны также параллельные мотивы эпизоду пребывания Садко у морского царя в киргизских сказаниях о властелине вод Уббе. Но наибольшую близость к третьей части былины он видит в эпизоде французского романа „*Tristan le Lenois*“ о грешнике Садоке, брошенном в море, но спасшемся. Вс. Миллер образ Садко-гусяря ставил в непосредственную генетическую связь с карельскими сказаниями о чудесном певце Вейнемейнене, а образ морского царя — с карельским же образом морского бога Ахто, властителя рыб. Используя материал предшествующих исследований, Вс. Миллер создает концепцию, по которой былина о Садко — сложный конгломерат целого ряда сказочных и легендарных мотивов, которые прикрепились к историческому имени — новгородского купца Садко, строителя церкви Бориса и Глеба в Новгороде (летописное сообщение под

1167 г.). Веские возражения Вс. Миллеру в части его утверждения влияний рунических кагалов находим у И. Э. Мандельштама. Действительно, нет необходимости предполагать воздействие сказаний других народов, поскольку близкие к былинным образы и мотивы мы имеем в русской народной сказочной поэзии. Таким образом и здесь мы должны говорить о поэтических аналогиях, вызванных общностью творческого процесса в условиях определенной общественной стадии. В былинном особенно надо подчеркнуть общий национальный ее характер.

П. А. Бессонов. Заметка. (Кир., V, Прилож. LXVI—LXIX); Стасов, стр. 1058—1090, 1167—1168; Буслаев. Народная поэзия, стр. 25; Ор. Миллер. Илья Муромец, стр. 787—789; Ор. Миллер. Велик. былины, стр. 292; Халанский. Великорусские былины, стр. 69—74; Веселовский. Былина о Садке (Ж. М. Н. Пр., 1886, XII); Wessel. Beiträge (Arch., 9, стр. 282—291); A. Wesselowsky. Zu Sadko-Sadok (Arch., 10, стр. 355—356); Веселовский. Мелкие заметки, XIII, стр. 1—6; Веселовский. Разыскания, VII, стр. 263; Потенция, стр. 549; Г. Потанин. Дочь моря в степном эпосе. (Этнограф. Обзор., 1892, I, стр. 54—62); Г. Потанин. Мелкие фольклористические заметки (Этногр. Обзор., 1896, 4, стр. 119—123); Вс. Миллер. Очерки, I, стр. 283—304; III, стр. 288; Архангельский, стр. 917—918; Н. И. Костомаров. Севернорусские народоправства, т. II, СПб., 1886, стр. 148, 211, 232—243; Н. Мандельштам. Садко-Вейнемейнен (Ж. М. Н. Пр., 1898, 2); К. Ф. Тиандер. Поездки норманнов в Белое море. (Изв. ОРЯ и Сл., 1902, III, стр. 127—155); К. Ф. Тиандер. Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906; В. П. Крохин. Откуда ведет начало наша былина о Садко-богатом госте (Русск. Стар., 1908, XII, стр. 745—753); А. В. Марков. Поэзия Великого Новгорода и ее остатки в северной России (Сб. Харьк. ист.-филол. общ. в честь проф. Сумцова); отдельно — Харьков, 1909.

Из вариантов только в пудожском певца Сорокина (Рыбн., II, 134, — более краткий, и Гильф., 70, — распространенный) разработаны все 3 эпизода: получение богатства Садко, состязание с Новгородом в богатстве, Садко у морского царя. В большинстве вариантов находим лишь второй и третий эпизоды, в варианте же Маркова с Терского берега (21) — первый и третий. Вообще былина, за исключением блестящих вариантов Сорокина, сохранилась в посредственных обработках, из которых многие заключают явные признаки разрушения. Характерный момент истории былины о Садко — понижение ее поэтического уровня, постепенная утеря художественных черт старых редакций без равноценной замены. В этом, очевидно, следует видеть проявление закономерности в судьбах былевого эпоса: отмирание в первую очередь тех былин, образы которых имеют более узко-исгорическое значение. (Ср. состояние в прекрасных вариантах до настоящего времени некоторых сюжетов и образов героического цикла и психологически-бытовых новелл). По обработке второго эпизода варианты распадаются на две группы. Одна сохранила старейшую развязку эпизода состязания с Новгородом — поражение Садко, воплотившее осознание неодолимой торговой мощи Новгорода. К этой группе относится большинство прионежских вариантов, к которым примыкают и беломорские. Вторая группа — печорская; с ней смыкается вариант Кириши Данилова. В печорских вариантах Садко выкупает товары с помощью святого Николая или божьей матери, которым он обещает построить церковь. Дальнейшие приключения на море трактуются как наказание за невыполненное обещание. Таким образом былина, являющаяся по замыслу апофеозом богатства Новгорода,

переключается в разряд былин с героем-победителем. Вообще в поморских былинах сильно снижен исторический новгородский колорит. В спор с Садко вступают не купцы новгородские, а „поп духовный“, и он оказывается побежденным (ср. противоположную роль в былинах „владыки черниговского“).

№ 50. Запись 13 июля 1929 г. от Савелия Дементьевича Чупрова, 62 л., Усть-Цылемский р., с. Замежное (р. Пижма).

По развитию сюжета текст ближе всего к варианту № 75 у Ончукова, но редакция другая. Представляет лишь отрывок былины — законченный эпизод состязания с Новгородом, развернутый в духе печорской традиции: Садко спорит с „попом духовным“ и выкупает товары с помощью Миколы Можайского.

Былиной о Садко Чупров начал исполнение былин, но не мог сразу схватить напев „Садка“. Поэтому он прервал пение данной былины, спел затем „Скопина“ и после него возвратился, со стиха 19-го, снова к „Садку“.

№ 94. Запись 20 июля 1929 г. от Павла Ивановича Торопова, 57 л., Усть-Цылемский р., д. Климовка.

В варианте видим дальнейший отход от древнейшей основы. Садко состязается не с Новгородом, а с царем заморским, который сам и предлагает жестокую расправу с побежденным. Но основной печорский мотив — победа Садко благодаря помощи Миколы Можайского — сохранен. Древний мотив первого эпизода — дарование морским царем за игру драгоценной рыбы — тоже забыт и заменен простым подарком даяря „много-множества“ денег. В тексте заметно влияние других былин: „Илья Муромец и сын“ (мотив осматривания окрестностей в трубочку подзорную), „Сорок калик“ (характер расправы). В заключении характерен для старой старообрядческой Печоры мотив: Садко покупает икон старообрядческих и выписывает попов из Чернигова (очевидно, имеются в виду старообрядческие попы).

В прозаической заключительной части былины в скобках дан краткий пересказ содержания составителем, так как при быстроте и путанности исполнения не все удалось записать в точности.

СКОПИН

Одна из поздних былин, сохранившая ясную связь с конкретным историческим фактом (известным событием 1610 г. — гибелью популярного в широких массах служилых людей полководца Михаила Скопина-Шуйского, отравленного представителями враждебной боярской партии).

След одного из ранних вариантов этой былины находим уже в памятнике XVII в. (вторая часть повести о Скопине-Шуйском: „Писание о преставлении и погребении князя Михаила Васильевича Шуйского, рекомого Скопина“), известны две записи XVIII в. (в сборнике Кирши Данилова и в Новиковском песеннике, М., 1782) и одна на грани XVIII и XIX вв. (вариант из б. Вологодской губ. в рукописном сборнике, датированном 1803 г.) и ряд вариантов в записях XIX и начала XX вв. Районы распространения: Терский берег (4 вар.), Печора (3), б. Вологодская губ. (1), Зап. Сибирь (2), Вост. Сибирь (2), Поволжье (2), Сев. Кавказ (Терский округ — 1).

Памятники древней письменности и искусства, CLVI, СПб., 1904; К. Д., 27 (Милл. Ист. песни, 201); Кир., VII, стр. 9, 2 вар. (Милл. Ист. песни, 205), 14; Прил.,

стр. 107 (Милл. Ист. песни, 208); Марк., 39 (Милл. Ист. песни, 192); Онч., 5 (Милл. Ист. песни, 194), 60 (Милл. Ист. песни, 195), 81 (Милл. Ист. песни, 196); Марк.-Богосл., II, стр. 99, 100; Милл. Ист. песни, 200, 202, 203, 204, 206; К о с т о м а р о в. Памятники старинной русской литературы, 1860, II, стр. 410—411. См. также Милл., 66.

Кроме былин на тему отравления, существовали другие песни, посвященные Михаилу Скопину: лиро-эпическая песня о смерти Скопина (записана в начале XVII в. Ричардом Джемсом) — Симони, стр. 2 (Милл. Ист. песни, 207) и песни на сюжет очищения Скопиным Москвы от Литвы, с которыми перекликаются песни об отравлении — в части изображения подвигов Скопина. — Рыбн., 20; Гильф., 88; Этногр. Обзор., 1894, № 4, стр. 147; Кир., VII, 7; Суханов. Древние русские стихотворения. СПб., 1840, стр. 33. В качестве первой части сюжет этот входит в состав былины в сборнике Кирши Данилова.

В последнее десятилетие записано четыре варианта былины об отравлении Скопина на Печоре.

Определенность исторической основы, наличие вариантов, записанных в разное время, а также существование других песен о том же герое обуславливают огромный интерес этой былины для изучения жизни эпического произведения. Это не раз отмечалось прежними исследователями (Вс. Миллером, В. Ф. Ржигой и др.), которые и прослеживали в своих работах пути образования и развития данной былины, в частности — втягивания ее в киевский цикл. В варианте Кирши Данилова В. Ф. Ржига видит старейшую редакцию, наиболее близкую к прототипу, считая песни на тему отравления и на тему очищения Москвы позднейшими редакциями, образовавшимися вследствие утери той или другой части первоначальной песни. Однако вполне возможно предположить и обратный процесс, тем более что как раз исполнители, записи от которых составили сборник Кирши Данилова, обнаруживают определенную тенденцию к контаминации (Соловей Будимирович, Алеша Попович, Чурила Пленкович).

В с. М и л л е р. Исторические песни из Сибири, стр. 29—36; В с. М и л л е р. Очерки, т. II, стр. 285—288; С п е р а н с к и й. Былины, т. II, стр. 398—400; В. Ф. Р ж и г а. Повести и песни о Михаиле Скопине-Шуйском (Изв. ОГН, I, стр. 81—133); Л. Н. М а й к о в. О старинных рукописных сборниках народных песен и былин (Ж. М. Н. Пр. 1880, ноябрь, стр. 210).

Былины об отравлении Скопина опираются на два эпических мотива: похвальбу и непослушание матери (или жене). Иногда соединения оба мотива, чаще развернут один из них. Исторические черты лучше всего сохранились в вологодском варианте (действие в Москве, отравительница — жена „Дмитрия Петровича Шустова“, тело Скопина погребают у Михаила-архангела) и в варианте Кирши Данилова (действие — в Москве на крестинах у Воротынского), затем в западносибирских и поволжских. Наиболее стерты исторические черты и развернуты эпические моменты в печорской группе вариантов. В трех записях Ончукова из разных мест (с р. Пижмы, из Усть-Цыльмы и с низовьев Печоры) находим единство мотивировки отравления — месть за личное оскорбление, нанесенное Скопиным дочери Малюты, — мотив, отсутствующий в вариантах из других районов; в них Скопин хвалится не связью с дочерью Малюты, а своими подвигами по очищению государства от врагов. Сильно выдвинута роль матери. В двух вариантах дается ее расправа с отравительницей, причем в одном (№ 5) она оживляет сына, при помощи живой воды, принесенной вороном. В варианте № 60 мать узнает из „волховицкой“

книги причину смерти Скопина. Таким образом усилены сказочные элементы. Роль бояр в отравлении дается только в одном варианте (№ 81) и то в плане традиционной печорской сатиры: бояре — интриганы, „подмолщики“, доносящие о похвальбе Скопина. Действие во всех трех вариантах переносится в эпический Киев, на пиру присутствуют богатыри (в одном названы Илья Муромец и Добрыня, в другом — Добрыня).

Наши записи всецело примыкают к этой группе, хотя и представляют иногда отклонения от ончуковских вариантов.

№ 51. Запись 13 июля 1929 г. от Савелия Дементьевича Чупрова, 62 л., Усть-Цылемский р., село Замежное.

Восходит к редакции варианта № 5 от Федосьи Чуркиной из того же села у Ончукова, но сокращает изложение до самого сюжетного костяка (37 стихов, вариант Чуркиной — 145 стихов). Интересно преломление реминисценции мотива оживления живой и мертвой водой в эпизод врачебной помощи „петиринарного“.

№ 63. Запись 10 июля 1929 г. от Ивана Емельяновича Чупрова, около 80 л., Усть-Цылемский р., д. Аврамовская.

Текст, как и первый, восходит к редакции варианта № 5 у Ончукова. Иногда дословно повторяет ряд стихов. Но более сжат. Вместо 145 стихов всего 64 стиха. Пропускает ряд подробностей, исключает повторения и т. п. Конец — с приездом матери в Киев, расправой с Малутой и оживлением Скопина — отсутствует.

№ 74. Запись 7 июля 1929 г. от Василия Прокопьевича Носова, 65 л., и Якова Прокопьевича Носова, 63 л., Усть-Цыльма.

Публикуемый текст представляет особенный интерес с точки зрения развития былевой песни. В развертывании сюжета он до известной степени может быть сближен с вариантом из с. Великая Виска у Ончукова (81): пир открывается без Скопина, за ним посылают Добрыню. Но в нашем варианте это происходит не по указанию жены Владимира (как у Ончукова), а по желанию самой отравительницы. Мотивы былины о Дюке, которые так сильны в ончуковском варианте, отсутствуют, но из других былин перенесена характеристика Добрыни. Отравительница именуется „Искудрой“ вместо обычного „Скурлатовна“, очевидно вследствие чередования имен „Скурла“ — „Кудреван“, в былинах о Василии Игнатьеве. Личные отношения Скопина с Искудрой в данном варианте являются единственным моментом,двигающим действие; из похвалыбы выкинуты последние следы воспоминаний о подвигах Скопина, которые еще сохранились в других вариантах. Исключено упоминание о крестнике. Таким образом последние остатки исторических реминисценций, связывавших былинку с определенным событием, исчезли. Мать, встречающая умирающего Скопина, заменена молодой женой.

По словесному оформлению, за исключением ряда общих мест, соприкосновений с остальными вариантами нет.

Былинку эту В. П. Носов перенял от дяди своего Игнатия Михайловича Дуркина.

№ 91. Запись 19 июля 1929 г. от Николая Самсоновича Торопова, 79 л., Усть-Цылемский р., д. Климовка.

По ряду эпизодов ближе всего к варианту Ончукова № 60 от И. В. Торопова из д. Рошинский Ручей: Скопин пьет чару, надеясь на свою „могуту силу“ (№ 60,

стихи 72—73); отравленного героя выводят с пира „стар казак“ и „крестовый брат“ (в № 60 — Илья Муромец и Добрыня); Скопин просит мать позвать попов и т. д. Но в конце дается расправа, чего нет в № 60. Как и в двух других ончужковских вариантах (№ 5 и 81) матери придаются черты паленицы.

Характерно, что сперва исполнитель начал былинну со слов: „Я прежде да в молодую пору я бы много Скопин по землям бывал...“ — начало, ставшее на Печоре традиционным.

По словам исполнителя, былина эта была еще раньше записана от него неким усть-цылемом Иваном Тороповым, служащим на заводе.

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧ

Эта былина-новелла с „заезжим гостем“ в качестве героя не имела большого распространения. Известна исключительно в северных вариантах, преимущественно из Прионежья и Кенозера (11 вариантов из 18 общего количества). Из других районов Севера имеется по одному варианту, и один вариант — из Зап. Сибири.

К. Д., 1 (Кир., IV, стр. 99); Рыбн., II, 123 (*Гильф.*, 53), 132, 149, 163, 173; Гильф., 36, 53, 68, 199, 208; Марк., 65; Григ., I, 34, 124; III, 27; Онч., 8; Милл., 85, 86; Озар., стр. 17.

Новые записи произведены, главным образом, в Пудожском районе Карелии (4 — экспедиция ГАХН 1926 г.). Кроме того, имеем с Печоры 1 вариант и отрывок (запись 1929 г.) и с Зимнего берега 1 вариант (запись 1934 г. В. П. Чужимова).

Литература о былине очень обширна. Уже ранними исследователями было обращено внимание на нерусские черты в образе Соловья, но былинну о нем большинство признавало оригинальной, если и использовавшей мотивы сказаний других народов, то, во всяком случае, самобытно их преломившей. Особенно отмечалось использование былинной символики свадебной поэзии (Веселовский, Халанский; наиболее разработал эту тему Лобода). Предположение, высказанное первоначально Веселовским, что былина представляет рассказ о брачной поездке, расцвеченный свадебной символикой, принято было в основном, с некоторыми дополнениями и вариациями, и последующими исследователями. Сильное расхождение находим по вопросу о времени и месте сложения былинны. Главную опору для своих соображений исследователи искали в обширной географической номенклатуре былинны: город „Леденец“ или земля „Веденецкая“ отождествлялись с Венецией (Майков), с эпическим сербско-болгарским „Ледяном“ (Халанский), с Линданиссой — востонский замок на месте, где потом возник Ревель (Миллюков, вслед за ним Вс. Миллер). Море Вирианское, Верийское трактовалось как искажение „Варяжского“ или как производное от *Wironia* — название эстляндского берега Финского залива (Миллюков — Вс. Миллер). Отмечалось упоминание Невы, острова Кодольские расшифровывались как остров Котлин. Это давало подкрепление „новгородской теории“ (Вс. Миллер), опирающейся и на целый ряд северных элементов былинны: общий облик героя — „гостя“; черты богатого новгородского быта; упоминание в некоторых вариантах „гостинного двора“, который строит Соловей; знание мореходного дела; характер оснастки корабля и др. Время сложения определялось Вс. Миллером XV—XVI вв. Версию южного и древнего происхождения былинны поддерживали Веселовский и Лобода, в свою очередь опираясь на географические указания (Черное море и Днепр, как путь Соловья

в Киев) и приводя, кроме других соображений, и факт известности имени Соловья Будимировича на юге. Наконец, Халанский, на основе бытовых черт былины и связи ее с великорусскими песнями, относил былинку к московскому периоду.

Конкретный исторический факт, как источник для былины, пытался установить Лященко. Сопоставив былинку с сагой о Гаральде, он пришел к заключению, что былина отразила исторический факт пребывания на Руси норвежского викинга Гаральда (впоследствии — короля Норвегии), женившегося на дочери князя Ярослав — Елизавете. Однако, хотя и нельзя совершенно отрицать возможности указанного Лященко происхождения былины, но и серьезных, вполне убеждающих доводов мы тоже не имеем. Тем более, что Лященко основывается на редакции Кириши Данилова и ошибочно оперирует со второй частью былины, явно присоединившейся впоследствии (история „щипа“ Давида Попова). Таким образом вопрос о конкретных источниках былины не решен. Но в результате многочисленных работ хорошо освещен своеобразный характер былины.

Бессонов. Заметка. (Кир., IV, стр. СII); А. Майков. О былинах Владимирова цикла. СПб., 1863, стр. 43; Стасов, стр. 1047—1058, 1167—1169; Ор. Миллер. Илья Муромец, стр. 547—562; Потеня, стр. 80, 481, 621, 666; Jagić, стр. 112—118, 122—123; Калаш. Мелк. этнол. заметки (1890, стр. 253—254); Веселовский. Южно-русские былины, II, стр. 60—78; Халанский. Великорусские былины, стр. 147—166; Халанский. Южно-славянские сказания II, стр. 327—336; Халанский. Город Ледян, Леденец в славянской народной поэзии (Слав. Обзор., 1892); А. И. Соболевский. Заметки о собственных именах в великорусских былинах (Жив. Стар., 1890, II, стр. 98—99); В. Миллер. Очерки, I, стр. 201—219; П. Миллюков. Что такое море „Виринское“ и город „Леденец“ (Юбил. сб. в честь В. Ф. Миллера, М., 1910, стр. 314—315); Э. А. Вольтер. Что такое Линданисса (Изв. ОРЯ и Сл., 1900, IV, стр. 1326—1331); Лобода. Русские былины о сватовстве, стр. 127—168; А. Котляревский. Скандинавский корабль на Руси (Сб. ОРЯ и Сл., 48, стр. 555—569); А. Н. Веселовский. Русские и вильтины в саге о Тидрекз Бернском (Изв. ОРЯ и Сл., 1906, XI, кн. 3, стр. 101); С. Рожнецкий. Из истории Киева и Днепра в былевом эпосе (Изв. ОРЯ и Сл., 1911, стр. 69 и сл.); S. t. Rožniewski. Varaegiski Minder i den russiske Heltedigting. Kopenh., 1914, стр. 31—126; Лященко. Былины о Соловье Будимировиче и сага о Гаральде (Сб., посвященный проф. Малеину, II, 1922); Грушевский, стр. 171—180.

Наиболее полные и стройные варианты — в Прионежье, лучшие — Гильф., 53, 68, 129, Рыбн., II, 123, 132. Из других районов — или контаминация с сюжетом Добрыня и Алеша (Зап. Сибирь — К. Д., 1; Пинега — Григ., I, 124) и с нападением Грубьянища (Марк., 65), или очень сокращенные, скомканные пересказы. Варианты отличаются в заключительной своей части: по одним Соловей заманивает Запаву и уезжает с ней (Гильф., 208; Григ., 34; Онч., 8); в этих вариантах есть след старейшей редакции, развертывавшей тему похищения. Другие варианты развивают тему сватовства. Вариант К. Д., осложненный контаминацией, выделяется своим знаменитым запевом: „Высота ли высота поднебесная...“

№ 67. Запись 10 июля 1929 г. от Гаврилы Ивановича Чупрова, около 50 л., Усть-Цылемский р., д. Аврамовскя (р. Пижма).

С Печоры нам до сих пор был известен лишь один вариант (Онч., 8), чрезвычайно краткий. Князь Владимир заменен в нем королем литовским. Совершенно

выпущен центральный эпизод постройки теремов. После заявления королю, что он приехал свататься, Соловей „поворот дает“. Яннушка Путятишна сама заходит на корабль, и Соловей ее увозит.

В печатаемом варианте Чупрова есть упоминание о теремах, которое указывает, что этот центральный в былине эпизод существовал в печорской традиции. Однако рассказ о самом строительстве, просьба о разрешении, посещение теремов Забаймой — все это отсутствует. Эпизоды переставлены, и весь конец скомкан. Хорошо сохранилось, как и в ончуковском варианте, лишь самое начало — описание корабля. Вариант восходит к той же редакции, что и текст у Ончукова.

Былина была сказана словами; спето только самое начало — с целью показать напев.

Кроме данного варианта 6 июля 1929 г. от Григория Васильевича Поздеева, 45 л., Усть-Цылемский р., д. Рошинский Ручей, записано самое начало былины. Отрывок был дан без заглавия. Сам исполнитель не знал, откуда эти стихи. Приводим, как своеобразный вариант вступления:

Широко ли Волга как мутнá текёт,
Как мутнá текёт, в прибылу́ идёт,
В прибылу́ идёт,
Устьем выпала во синё морё.

СОЛОМАН И ВАСИЛИЙ ОКУЛОВИЧ

Былина-новелла, представляющая одну из обработок широко распространенной темы о премудром царе Соломоне. Район распространения — исключительно Север: Прионежье и Кенозеро, Пинега, Мезень, Печора и побережье Белого моря (Терский и Зимний берега). Варианты немногочисленны.

Рыбн., I, 94 (Милл., 97); II, 137, 183; Марк., 23, 83; Григ., I, 92, III, 12, 23, 61, 68, 91; Онч., 27; Тих.-Милл., 66, 67; Милл., 97.

Сюжет встречается в сказочных обработках — Андреев, 905. См., напр., Худяков, „Великорусские сказки“, I, 80; Чубинский, „Труды этногр.-статист. экспед.“, стр. 106; Драгоманов, „Малороссийские народные предания и рассказы“, стр. 103; Сокол., стр. 203. См. также у Афан., вып. IV, 62 и Худяк., I, 35, эпизод под виселицей, включенный в другой сюжет.

Главнейшие работы принадлежат А. Н. Веселовскому и В. Миллеру. Исследователи установили близость былины к прозаическим и песенным обработкам сказаний о царе Соломоне, приходившим из Византии и Зап. Европы. В основном происхождение былины выяснено. Это — довольно обычный путь сложения былин-новелл на основе прозаических рассказов полукнижного, полународного характера, ходивших в устной передаче. При этом все исследователи отмечают поэтическое превосходство народных былин о Соломане над их предполагаемыми источниками. В. Миллер сделал также попытку определить ряд исторических наслоений. Имя помощника Васьки Торокашки он возводит к воспоминаниям об известном московском купце XV в. Василии Тороканове, игравшем значительную роль в новгородской жизни. На основе сопоставлений ряда таких исторических отголосков В. Миллер относит сложение былины к Новгороду в первой половине XVI в. Однако не все из конкретных исторических приурочений В. Миллера вполне убедительны.

Кирпичников. Поэмы Ломбардского цикла. М., 1873, стр. 183—185; Халанский. Великорусские былины, стр. 160—165; А. Веселовский. К легендам о Соломоне (Ж. М. Н. Пр., 1886, июнь, стр. 298—299); Потанин, стр. 194—196; Веселовский. Калики перехожие, стр. 696—697; Jagić, стр. 103—112; А. Н. Веселовский. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе, П., 1921, стр. 239—341; А. Н. Веселовский. Разыскания, V, стр. 66—80; А. Н. Веселовский. Шведская баллада об увозе Соломоновой жены (Изв. ОРЯ и Сл., 1896, I); Jagić. Archiv, VI, 550; Жданов. Русский былевой эпос, стр. 491—492; В. С. Миллер. Очерки, I, стр. 214—216; II, стр. 174—202; Козаковский, стр. 140—145; Г. Н. Потанин. Сага о Соломоне. Томск, 1912; Г. Царенов. Восточная гипотеза происхождения средневекового европейского эпоса (по поводу саги о Соломоне Г. Н. Потанина), Сибирь, 1913, № 3—4; А. В. Марков. Обзор трудов В. Ф. Миллера по народной словесности (Изв. ОРЯ и Сл., 1915, I, стр. 321—328); Грушевский, стр. 224—226.

Наиболее богато и красочно разработан сюжет в прионежских вариантах. Более развернуто, напр., описание кораблей, подарков, угощения и пр. В пинежско-мезенских и печорском вариантах оно более кратко. В трех из них нет также опавания „забудущим“ напитком. „Сила“ изображена тоже более обыденно. Иногда просто это 25 товарищей-богатырей, в то время как в некоторых онежских — крылатые люди-кони. Соломанида прячет Соломана не в ларец, а под перину (только в одном мезенском варианте — № 23 — фигурирует „ящик“). Печорский, примыкая к мезенским, имеет особую развязку: жену Соломана не вешает, а разрывает на части. Оба беломорских ближе к мезенским, но есть и своеобразные черты. Опавание зельем отсутствует. Нет мотива оценки товаров. У Марк., 23, Соломана выручают Добрыня и Алеша, в № 83 — просто дружина. В нем рог заменяется гусями. Прятание в сундук сохраняется в обоих. В общем больших отступлений северных вариантов от прионежских нет, но в них явственны черты более поздних обработок.

№ 83. Запись 5 июля 1929 г. от Дмитрия Карповича Дуркина, 83 л., Усть-Цыльма.

Среди записей 1901 г. Н. Е. Ончукова от Д. К. Дуркина былины про Соломана нет, так же как и сведений о том, знал ли он эту былинку в то время. Вообще же былина о Соломане в собрании Н. Е. Ончукова имеется лишь в одном варианте из того же села Усть-Цыльма от П. Р. Поздеева (Онч., 27).

Записанный нами вариант по композиции довольно близок к тексту Поздеева. Главные отличия: 1) способ увоза: в нашем варианте Мишка Пивоваренин завлекает товарами и угощением народ, женщин и девиц, в том числе и служанок царя Соломана. Приходит с другими и жена Соломана. У Поздеева Торокан является с подарками к царице, она угощает его и затем он зовет ее к себе в гости на корабль; 2) конец: у Поздеева находим отступление от традиционной расправы Соломана — он вешает лишь Василья и Торокана, жену же свою ударяет о землю и разрывает на части. Текст Дуркина сохраняет традиционную концовку. Текстуальных совпадений немного (ср. 1-й стих в обоих вариантах, стихи 157—159 — у Поздеева 275—278, стихи 175—179 — у Поздеева 283—286 и др.).

Текст в некоторых чертах отступает от традиции. Действие из Иерусалима переносится в „Русскую землю“, царица под влиянием былины „Потык“ именуется

„душка Маринка лебедь белая“ (см. Онч., 57). Торокан, сын Заморенин, получает несвойственное ему имя Мишки, Михаила Васильевича (ср. Мишка Торопанишка в былине о заставе, Онч., I); былина передает содержание очень сокращенно, выпуская порой эпизоды или подробности, необходимые для мотивировки дальнейшего. Так, не говорится о наказе Соломана своей дружине и даже вообще, что он едет к Василию Окуловичу не один, и, только подходя уже к развязке, исполнитель упоминает, что у Соломана за полем „слуги оставлены“. Также пропущена сперва просьба Соломана о приготовлении трех пегель с объяснением: для голы, для ног и для рук (см., напр., Григ., I, 92) и добавлено об этом позднее прозой. Не указаны результаты первой и второй игр Соломана. Впрочем, эти два последних момента не развернуты и в поздеевском варианте. В соответствии с мезенско-печорской традицией и в противовес прионежской и беломорской, царица прячет Соломана не в сундук, а под перину.

Начальный эпизод былины — пир и обращение Василия Окуловича — дан в словесной формулировке, характерной для данного исполнителя (см. Онч., 45 — „Дунай“ и 46 — „Фатенко“).

СОРОК КАЛИК

Былина о сорока каликах, явившаяся апофеозом каличества, широкого распространения не имела. Известна лишь в 19 вариантах из различных районов Севера и из Зап. Сибири. В Прионежье и на Кенозере записано было 7 текстов, из которых два — повторные записи от тех же сказителей. С Пинеги имеется 1 вариант, с Мезени 2, с Печоры 1, с Зимнего и Терского берегов по 3, 1 из 6. Шенкурского у. и 1 из Зап. Сибири. Никаких следов бытования былины за пределами указанных районов не имеется.

К. Д. 23 (Кир., III, стр. 90); Кир., III, стр. 81, 84 (Рыбн., 43, *Гильф.*, 96); Рыбн. 13 (*Гильф.*, 86), 43 (*Гильф.*, 96); *Гильф.*, 72, 86, 96, 173, 301; Григ., I, 44; III, 9; Марк. 22, 82, 96, 105; Онч., 47; Марк.-Богосл., II, стр. 83, 84; Тих.-Милл., 68.

В последние годы найдена только на северо-востоке: на Мезени (2 варианта), на Печоре (3, из них два отрывка), на Зимнем берегу (1).

Эта своеобразная былина, примыкающая к богатырскому эпосу и входящая в киевский цикл, но соприкасающаяся и с духовными стихами, вызвала довольно большую литературу. Между главнейшими исследователями существенных разногласий по вопросу о генезисе былины нет, и одни лишь дополняют и поправляют других. В свете исследований возникновение былины рисуется таким образом: в былинку обработано местное новгородское предание XII в. о хождении 40 калик в Иерусалим. При обработке использованы и библейско-легендарные мотивы (Иосиф и жена Пентефрия, Иосиф и Вениамин — эпизод с прятанием чаши и др.). Исходя из отражения в былине некоторых черт новгородских нравов и быта и из ряда местных географических приурочений, Вс. Миллер предполагает с достаточным основанием северное новгородское происхождение былины. Вопрос о времени сложения былины не решен.

О. Р. Миллер. Илья Муромец, стр. 724—738; Стасов, стр. 1090—1103; Веселовский. Калики перехожие, стр. 718—719; Јагіћ, стр. 102; Дашкевич. Разбор, стр. 21—22; Владимиров, стр. 236—237; А. Н. Веселовский. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе. П., 1921, стр. 213—218; Н. М. Мендельсон. К поверьям о св. Касьяне (Этногр. Обзор., 1897, № 1,

стр. 1—21); Н. М. Мендельсон. К былинам о сорока каликах со каликою (Этногр. Обзор., 1900, № 3, стр. 124—129); Вс. Миллер. К былинам о сорока каликах со каликою (Ж. М. Н. Пр., 1899, VIII, стр. 464—500); Вс. Миллер. Очерки, II, стр. 211—255; А. Н. Веселовский. Былины о Потоке и о сорока каликах со каликою (Ж. М. Н. Пр., 1905, № 4, стр. 303—313); А. В. Марков. Предание о сорока новгородских каликах (Этногр. Обзор., 1902, кн. II, стр. 144—148); А. В. Марков. Из ист. русск. былев. эпоса, вып. I, стр. 3—6; А. В. Марков. Обзор трудов В. Ф. Миллера по народной словесности (Изв. ОРЯ и Сл., 1915, № 1, стр. 293—295); Е. Аничков. Из прошлого калик переходящих (Жив. Стар., 1913, I—II, стр. 185—191); Б. М. Соколов. История старин о сорока каликах со каликою (Р. Ф. В., 1913, № 1, стр. 84—85; № 2, 3, 4); Грушевский, стр. 228—232.

Как было уже отмечено Вс. Миллером, по основному плану большинство вариантов близки друг к другу, но в деталях наблюдаются довольно большие отличия. Особенно значительно, как всегда, варьируется конец (см. обзор вариантов у Вс. Миллера, „Очерки“, II, стр. 225—228). Прионежские варианты очень отличаются друг от друга по деталям. Большинство из них представляют лишь отрывки. Лучший, наиболее полный текст из Пудожского района — от Сорокина (Гильф., 72), он сравнительно близок к разработанному варианту из Зап. Сибири (К. Д., 23). Вся группа более северных вариантов (Пинега, Мезень, Печора, Терский берег, Зимний берег) объединяется (за небольшим исключением) особым началом: калики, встретив князя Владимира, поют „Еленьской стих“, от пения дрожит земля и т. п. Кроме конца, различно обрабатывается в отдельных вариантах эпизод положения чаши в сумку Михайлы. Интересно, напр., в мезенском варианте из Дорогой Горы (Григ., III, 9) мотивировка поступка Апраксии не мостью, а стремлением ее вернуть „виноватого“.

№ 4. Запись 25 июня 1928 г. от Якова Евдокимовича Гольчикова, 61 г., Лешуконский р., д. Лебская.

Опубликованных мезенских вариантов всего два (Григ., III, 9 и Тих.-Милл., II, 68), оба с низовьев Мезени. Данный вариант представляет редакцию, отличающуюся от печатных своим концом. В тех вариантах изображается, хотя и по-разному, оживление Михайлы. Этого в нашем тексте нет. Но он включает эпизод наказания калик потерей пути; только после их раскаяния Михайло „отпускает“ их. Аналогичный эпизод находим лишь в одном варианте у Гильфердинга (№ 96), где рассказывается, что бог на калик напустил „темноту“. Имеются и другие отличия: напр. Апраксея не сама подкладывает чашу, а отдает приказание слуге (ср. у Рыбн., 52 — чашнику, в вариантах с Терского берега у Маркова, № 22, — Алеше); не Владимир замечает пропажу чаши, а Апраксея сама указывает на нее.

Начало былины, как вообще наиболее устойчивая часть, сохраняющая в различных вариантах свою районную специфику, наиболее близко к другим мезенским вариантам; в нашем не указаны лишь в качестве сопровождающих князя Владимира Алеша и Добрыня и не передан испуг князя от пения стиха. Нет также повторения пения стиха под окном княгини. Включен редкий эпизод охоты князя Владимира, до сих пор известный только в варианте Кириши Данилова. В изображении соблазна передается картина, совпадающая в подробностях с вариантом из г. Мезени (Тих.-Милл., II, 68); оба варианта также заключают

одинаковый эпизод, неизвестный другим: просьбы княгини, обращенной к Михайлу, чтобы он остался служить у Владимира. Вариант отличается полнотой и стройностью, отдельные его эпизоды — своей детальной разработкой и образительностью, см., напр., снаряжение калик в обратный путь (стихи 136—148), прием калик княгиней (стихи 70—79), самое изображение шествия калик („А идут они по городу ширинощкой“) и др. Вступительные стихи начала перенесены из былины о Подсокольнике.

Кроме того, на Мезени зап. исан еще вариант от Ивана Ивановича Поздыкова, 57 л., Лешуконский р., д. Малые Нисогоры.

Как и былина о Подсокольнике того же исполнителя, текст представляет чередование стихотворных отрывков с прозой. Но прозаический, сказочный склад отличает и стихотворные места. Некоторые характерные для Мезени моменты отсутствуют (исполнение каликами „Еленьского стиха“, наказание Алеши за грубость). Конец — видение — ближе всего к пинежскому варианту (Григ., 44, см. также Онч., 47). Имя главного действующего лица, Данило Белый, в других вариантах не встречается.

№ 62. Запись 10 июля 1929 г. от Ивана Емельяновича Чупрова, Усть-Цылемский р., д. Аврамовская (р. Пижма).

Текст — сокращенный, скомканный и незаконченный. Восходит к той же редакции былины, к которой относится единственный до сих пор известный с Печоры текст, записанный Ончуковым (№ 47). Сохранились в точности отдельные стихи. Та же деталь, не известная другим вариантам, о том, что Апраксея зовет к себе Касьяна под предлогом дать золотой казны.

Эпизод с обещанием лукового колпака явился в результате утраты основного сюжетного развития этой былины.

№ 99. Запись 23 июля 1929 г. от Прасковьи Ивановны Дитяевой, 69 л., Ненецкий нац. округ, д. Великая Виска.

Данный текст представляет иную редакцию былины о каликах, чем записанный в 1901 г. Ончуковым вариант, к которому примыкает наша запись от И. Е. Чупрова (№ 61). Сюжетная композиция, однако, та же, за исключением конца: у Ончукова видение (Касьян) преследует калик до тех пор, пока они не возвращаются к месту расправы и не хоронят Касьяна по христианскому обычаю. Здесь калики видят Самсона в церкви в Иерусалиме (то же см. в пинежском варианте, Григ., I, 44). Сохраняется характерная печорская деталь: Апраксея незаметно подкладывает в сумочку чару под предлогом милостыни.

Есть оригинальные подробности, встречающиеся только в данном варианте. Они являются, очевидно, или чертами индивидуального творчества, или особенностями местной редакции, которую в других вариантах не удалось зафиксировать: калики на дорогу шьют шубы бархатные; заповедь кладут перед тем, как итти в Киев, уже после встречи с князем Владимиром; калики отказываются итти к Апраксее, ссылаясь на заповедь, и посылают одного Самсона Колыбановича; Самсон, оказываясь, был раньше в связи с Апраксеей; внесение этой детали мотивирует поведение Апраксеи.

В отдельных деталях заметны влияния других былин: ср. изображение князя Владимира на коне (стихи 10—12) с былинной № 13 об Илье Муромце и станичниках, записанной на Мезени; обращение Алеши к каликам напоминает обраще-

ние его к Подсокольнику в печорских былинах об Илье Муромце и сыне (см., напр., Онч., стр. 9, нашу запись из д. Аврамовской № 57, стихи 77—78 и др.).

Кроме того, записано 5 июля 1929 г. от Ивана Григорьевича Носова, 40 л., Усть-Цыльма, начало былины, которое почти дословно повторяет начало той же былины, записанной Ончуковым в 1901 г. в Усть-Цыльме от Д. К. Дуркина (Онч., 47). Приводим этот отрывок.

Про калик

- Ай-я от того бы от камня от латыря,
От того монастыря Артемьеска
Собирались калики да соежались,
Эх кабы сорок калик со каликою.
5. Выходили де калики да во чисто полё,
Становились калики во единый круг,
Клюки-посохи калики порастыкали,
Бережчатые сумочки поразвесили,
Они клали де законы-заповеди:
10. „Кабы кто у нас в городе заворуетця,
Кабы кто у нас во Киеве заб.....,
Кабы кто у нас пойдёт за грехом,
Нам не ко князю водить судить не ко Владимиру,
Ай-я своим судом право калическим,
15. Ай-е закопать в землю по белым грудям,
Кабы белы руки назад вывернуть,
Ай-я говорок-язык вынеть теменём,
Очи ясны вынеть со косичями“.
- Ай-я выбирали тут право за старшего
20. Ай-я Касьяна сына Касьянова.

СТАВР ГОДИНОВИЧ

Относится к жанру былин-новелл. В силу своей увлекательной фабулы она получила большое распространение среди северного крестьянства и сохранила свою популярность в некоторых районах до настоящего времени. Но географический охват ею не широк. Кроме Прионежья, откуда мы имеем в больших собраниях 15 вариантов, известны 4 варианта из Сибири, один с Печоры и один, незаконченный и искаженный, из Владимирской губ. Других следов этой былины в южной и средней России нет, что вместе с общим характером былины привело Вс. Миллера к утверждению о новгородском ее происхождении. В мезенских записях Григорьева мотивы „Ставра“ имеются в одном испорченном варианте о Дюке Степановиче. Старейшие записи былины относятся к половине XVII в. и к первой четверти XVIII в., см. Изв. ОРЯС, 1911, стр. 1 и прозаический пересказ из рукописного сборника Ф. И. Буслаева (Тих.-Милл., I, стр. 54).

К. Д., 14 (Кир., IV, стр. 59); Рыбн., I, 14, 30 (Гильф., 151), 75; II, 133, 167, 171; Гильф., 7, 21, 109, 124, 140, 151, 169; Тих.-Милл., I, стр. 54; II, 56, 57, 58, 59; Онч., 23; Милл., 87, 88; Григ., III, 34 (к.). Сюжет встречается и в сказочном оформлении (Андр., 880).

В годы последних записей в Онежском крае это одна из самых распространенных былин (записано более 20 вариантов). Один вариант записан на Мезени.

Литература довольно обширна: исследования Ор. Миллера, Созоновича, Потанина, Веселовского вскрыли широкое распространение основного мотива — перекладывания в мужское платье с целью освобождения жениха или мужа — и указали ряд параллелей в западных, восточных и южнославянских произведениях. Вс. Миллер, не отрицая значения литературных мотивов для позднейшего оформления былины, видел в ней переработку (не позднее XV в.) какой-то неизвестной нам старинной новгородской песни (или предания) о заточении Владимиром Мономахом новгородского сотского Ставра (исторический эпизод XII в., зафиксированный 1-й Новгородской летописью). Однако связь именно с данным историческим эпизодом недостаточно обоснована.

Ор. Миллер. Илья Муромец, стр. 635—646; Стасов, стр. 1040—1047; Г. Н. Потанин. Ставр Годинович и Гэсер (Этногр. Обзор., кн. X, стр. 40—49); И. П. Созонович. Песни о девушке-воине и былины о Ставре Годиновиче. Варшава, 1886; Ф. Д. Батюшков. Песни о девушке-воине и былины о Ставре Годиновиче, И. Созоновича (Рец. — Ж. М. Н. Пр., 1887, март, стр. 132—150). А. Wesselowsky. И. Созонович. Песни о девушке-воине (Рец. — Arch., X, стр. 224—233); Антонович и Драгоманов, т. I, стр. 314—327; Веселовский. Русский эпос, стр. 160—161; Потебня, стр. 617; А. Веселовский. Мелкие заметки к былинам. XVI, стр. 26—55; Вс. Миллер. Очерки, т. I, стр. 263—282; Грушевский, стр. 202.

Еще Вс. Миллер отметил, что прионежские варианты представляют особую группу, отличающуюся от сибирских: в них видны сильные следы позднейшей скоморошья обработки. Эта обработка изменила роль жены Ставра, которая приезжает в Киев уже не в виде грозного посла, требующего дани, а в качестве жениха племянницы или дочери князя. Внесены также, в дополнение к испытанию пола стрельбой из лука и борьбой, еще испытание баней и постелью. Из сибирских только в вариант Тупицына из Барнаула (Милл., 56), возможно, уже под влиянием онежской традиции, включено испытание баней. Сибирскую редакцию Вс. Миллер считает наиболее архаической.

Кроме отличий, указанных Вс. Миллером, отметим еще в прионежских вариантах более выпуклое изображение конечного посрамления князя — насмешки жены Ставра над недогадливостью князя, унижение князя в обычной для Прионежья формуле: „Тут солнышку Владимиру к стыду пришло“, и т. п. В то время как в сибирских вариантах введена роль слуг Владимира, доносящих о похвальбе Ставра „за очи“, в прионежских почти всегда инициатива заточения принадлежит самому князю. Этот социальный момент в дополнение к занимательной интриге тоже способствовал сохранению данной былины.

№ 35. Запись 5 июля 1928 г. от Максима Васильевича Семенова, 56 л., Лешуковский р., д. Белошеле.

Публикуемый текст является единственным вариантом былины о Ставре, записанным на Мезени. До сих пор мы имели лишь следы этой былины в одном кратком и скомканном варианте о Дюке, записанном Григорьевым в низовьях Мезени (Григ., т. III, 34).

Текст М. В. Семенова, так же как Горшкова из Заонежья („Былины Севера“, т. II), представляет объединение двух традиций — сибирской и прионежской:

Василиста Микулична едет и в качестве грозного посла, требующего дани за 30 лет, и в качестве жениха Забавы, причем вводится характерный для первой редакции эпизод игры в шахматы. Так же как и в сибирских вариантах, дается встреча Василисты с послами князя Владимира, только вместо приказа Владимира о насильственном захвате имущества Ставра и его жены (см. К. Д., 14, Тих.-Милл., 56 и 57), мы имеем здесь приказ „описывать его имущество“ — возможный отзвук зафиксированного на Мезени еще А. Д. Григорьевым смешения былины о Ставре и былины о Дюке Степановиче (см. Григ., III, 34). Таким образом некоторые из записей былины о Ставре дают образцы иной, комбинированной, редакции, соединяющей мотивы обеих традиций: сибирской и прионежской.

ХОТЕН

Былина-новелла с ярко выраженными чертами древнего городского быта. По общему духу близка к былине о Василии Буслаевиче, отличаясь от нее более узкою темой и меньшей шириной художественных обобщений. Специфичность содержания, тесно связанного с жизнью городских верхов в старые времена, обусловила сравнительно малую распространенность былины. Известна была преимущественно в Прионежье, на Кенозере и Моше (всего 13 вариантов); немногочисленные варианты имеются еще с Мезени (2), Печоры (2), Терского и Карельского берегов Белого моря (по 1) и из Зап. Сибири (1).

К. Д., 16 (Кир., IV, стр. 68); Кир., IV, стр. 72; Рыбн., I, 15 (Гильф., 84), 44, 53, 85; II, 105, 207; Гильф., 19, 84, 126, 164, 277, 282, 308; Марк., 20; Григ., III, 2, 69; Онч., 9, 46; Милл., 89.

В последнее время былина почти совсем исчезла. Кроме нашей записи на Печоре в 1929 г., известен факт записи бр. Соколовыми (экспедиция ГАХН) в 1927 г. в Пудожском крае (Revue, 1932, t. XII, стр. 215).

На особый характер былины, сильно отличающий ее от богатырских, обращено внимание всеми исследователями. Стремясь точно определить место и время сложения былины, исследователи отыскивали в ней то „киевские“ черты (Бессонов), то „московские“ (конкретно — черты московского местничества — Халанский), то „новгородские“ (Вс. Миллер). Но ни одна из предложенных концепций, при правильности отдельных наблюдений, не дает решения, исключающего иное объяснение. Исследованием довольно хорошо вскрыты черты старого городского быта и реализм образов. Однако вовсе не обязательно видеть, как Вс. Миллер, связь былины с каким-то частным единичным конкретным случаем из жизни новгородских городских кругов. Изучением отмечена также близость мотивов „Хотена“ с мотивами свадебных песен, но вывод, который делает из этого Лобода, что „Хотен“ лишь переработка эпической свадебной формулы, абсолютно неверен: в основе былины лежат, несомненно, впечатления от реальной действительности.

О р. М и л л е р. Илья Муромец, стр. 358—369; Б е с с о н о в. Заметка (Кир., III, стр. V; IV, стр. LV—LVII); Х а л а н с к и й. Великорусские былины, стр. 144; А. Н. Веселовский, Славяно-германские отрывки (Ж. М. Н. Пр., 1889, июль, стр. 4—5); В с. М и л л е р. Очерки, I, стр. 220—232; Л о б о д а. Былины о сватовстве, стр. 169—202; Г р у ш е в с к и й, стр. 180—185.

Среди вариантов былин о Хотене не наблюдается резко выраженных областных типов. Варианты различаются в частности, главным образом, последней части — попытки Часовой противостоять насилию Хотена: сыновья (Гильф., 19,

Рыбн., 44, и др., К. Д., 26) заменяются „бурлаками“ (Гильф., 164), „запорученными мужиками“ (Гильф., 282). Варьируется судьба сыновей (их убивают, берут в плен, в одном варианте, Кир., IV, стр. 72, из Онеги — Хотен оживляет убитых им сыновей при помощи живой воды). В развязку некоторых вариантов включен мотив унижения дочери Часовой вдовы, см., напр., Гильф. 282: „Привозил Фотей ей к родной матушки: „Свет государыня моя матушка! Эту насмешку ты ей отсмейся. И втрое ты вдвое и впятеро, хоть в портомойницы клади, хоть в беломойницы““. (То же в варианте Гильф., 19 и 308.) Согласие дочери на брак с Хотеном в рябининском варианте (Гильф., 84) — единичный случай и черта позднейшая. В онежских вариантах наиболее сохранились черты феодальные и древние эпические мотивы: образ оберегаемой в терему невесты, мотив обсыпания копья сокровищами. Последний мотив встречаем и в мезенских вариантах, которые вообще по композиции близки к онежским. Подчеркивание некоторыми вариантами экономического неравенства, как причины ссоры между вдовами, очевидно, позднейший момент, внесенный в порядке осмысления изображаемого происшествия. Обращает внимание своими социальными чертами вариант с Кенозера от Меньшикова (Гильф., 282): Часовишна вдова собирает мужиков „запорученных“ и обещает простить их „в долгах“, если они побьют Фотея. Фотей „зашибает“ сыновей, мужиков же не трогает говоря: „Ваше дело подневольное“. Он требует у вдовы записи и отдает их мужикам. Интересно и ярко развернут сюжет в обработке Терского берега (Марк., 20 — запись от Аграфены Крюковой), с четким выделением социальных моментов (чванство Чусовой вдовы своим богатством и т. п.) и с замечательным по реализму изображением картины ссоры.

Печорские варианты более других отходят от древнейшей основы. В одном (Онч., 9) стычка даже кончается, вопреки традиции, убийством обидчицы, причем и характер убийства (разрывание на части), и имя — Маринка — указывают на влияние других былин, в частности — былины о Добрыне и Маринке. Чусова вдова собирает против Фатенка не „силу наемную“, а подкупает „голей“, наиболее часто фигурирующих именно в печорских былинах. Совершенно исключен эпизод обсыпания копья Фатенка золотом и серебром. Введена поэтическая деталь, встречающаяся, кроме Печоры, еще в мезенских вариантах, — жалобы матери, когда сыновья отказываются идти против Фатенки:

Я бы лучше носила да нынъ деветь камней,
А не тех бы носила да я деветь сынов,
Я бы бросила камни да во синё-море,
Кабы сделалась кошоцька подводная,
Да подводная кошоцька розбойная,
Да розбила бы Фатенка да на синём мори. (Онч., 9.)

Социальные элементы выделены слабо. Все же мотивировка отказа выдать дочь за Фатенка его бедностью сохранена.

№ 98. Запись 23 июля 1929 г. от Прасковьи Ивановны Дитятевой, 69 л., Ненецкий нац. округ, д. Великая Виска.

Печатаемый вариант довольно близок к усть-цылемскому в записях Ончукова (Онч., № 46), включает те же основные эпизоды, но более развертывает моменты былинной гиперболизации: когда, напр., в гневе обиженная Маремьяна — мать Фатенка, встает, шатается весь дом; к голям Чусова вдова обращается два раза,

и оба раза Фатенко побеждает. Вариант включает более поздние бытовые детали: Чусова вдова обращается к помощи сыновей посредством „писёмицька“. Сыновья „отписывают“ ей. По печорской традиции в описании пира упоминаются „бояра кособрюхие“.

ЧУРИЛА И НЕВЕРНАЯ ЖЕНА

Былина о Чуриле и неверной жене в лучших вариантах — блестящий образец жанра былины-новеллы. Получила широкое распространение во многих северных районах. Более 30 вариантов известны из б. Олонецкого края, с Пинеги, Мезени, Печоры, Зимнего и Терского берегов Белого моря. На Севере она сохранила свою популярность до настоящего времени. Особенно любима женщинами-сказительницами. Найдена также в Зап. Сибири. Из Средней России и Поволжья вариантов былины нет, но сюжет встречается в песенных обработках, из которых некоторые близки к былине не только в основных линиях композиции, но и в отдельных деталях (имя героини, содержание диалога между мужем и неверной женой).

Кир., IV, стр. 87; Рыбн., I, 84, 90; II, 162 (*Гильф.*, 67), 180 (*Гильф.*, 224), 201, 204; *Гильф.*, 8, 27 (к.) 35, 67, 110, 189, 224, 242, 268, 309; Агр.-Слав., стр. 135; Марк., 19, 87, 103; Григ., I, 45; III, 7, 13; Онч., 25, 69; Марк.-Богосл., I, стр. 80; Тих.-Милл., 45, 46, 47, 48; Милл., 81, 82, 83, 84. См. также К. Д., 17 (Кир., IV, стр. 78) — конец.

Песенные обработки. Соб., VII, 172—182; В. И. Чернышев. Русская баллада. Агр., 1936, 33 и 34.

Новые записи в количестве более 25 вариантов имеются из Прионежья, с Мезени и Печоры.

Былины о Чуриле вызвали обширную литературу, обращенную преимущественно на вопрос о месте и времени их сложения. В центре анализа стояла другая былина о Чуриле — о приезде князя в его имение и о службе Чурилы. Одни пытались определить исторический прототип Чурилы и выводили его то из Сурожа (Веселовский, Ржига), то из Галицко-Волынской земли (Вс. Миллер), то из Новгорода (Владимиров); другие считали образ Чурилы продуктом свободной народной фантазии, не опирающейся на реальный образ (Халанский). Относительно былины о Чуриле и Катерине исследователи сходились в предположении о более позднем ее сложении (не ранее XV в.), но разошлись в определении места возникновения: Новгород — Вс. Миллер, Владимиров; Московская область — Архангельский, Халанский. Исследованиями были отмечены западные и восточные поэтические параллели (Тиандер и Потанин) и указаны русские песенные аналогии (Веселовский). Таким образом вскрыт лишь круг международных поэтических мотивов, к которым близки мотивы былины, но генезис былины и ее сюжетной основы остался неразрешенным.

О р. М и л л е р. Илья Муромец, стр. 566, 575—584; Н. П. Следы сев.-русс. эпоса, стр. 387; В е с е л о в с к и й. Южно-русские былины, V, стр. 79—124; Х а л а н с к и й. Великорусские былины, стр. 207—209; К а л л а ш. Мелк. этнол. заметки (1889, стр. 207—210; 1890, стр. 252—253). В с. М и л л е р. Очерки, I, стр. 187—200; А. С. А р х а н г е л ь с к и й, стр. 909—916; В л а д и м и р о в, стр. 232—233; П о т а н и н, стр. 793—826; К. Ф. Т и а н д е р. Западные параллели к былинам о Чуриле и Катерине (Ж. М. Н. Пр., 1898, XII); Ж д а н о в. Русский былевой эпос, стр. 286, примеч.; Л о б о д а. Русские былины о сватовстве, стр. 28—29, 78;

А. В. Марков. Чулковский песенник и его значение (Изв. ОРЯ и Сл., 1917, XXII, кн. 2, стр. 107—109); Р ж и г а. О Чуриле Пленковиче (Изв. ОРЯ и Сл. 1923, XXVIII, 75—84).

Сюжет, построенный на психологической и бытовой теме, давал простор для индивидуальных вариаций отдельных моментов. Повтому, а также в силу распространности былины, имеется много вариантов, отличающихся своеобразием. Все же можно наметить несколько групп обработок. Только онежские варианты включают эпизод игры в шашки, предваряющей измену. Присутствие вещей Чурилы Катерина объясняет тем, что он поменялся ими с ее братом. Из онежских выделяется северная, повенецко-выгозерская группа, которая вводит эпизод прятания любовника в ларь; эпизод занесен, очевидно, из былины о Соломане, где он органичен (его находим и в одном кижском довольно несуразном варианте от Сарафанова — Рыбн., I, 84). В двух вариантах той же повенецкой группы обманутый муж убивает не только любовников, но и служанку-доносчицу, а затем и себя. Близки друг к другу по композиции и отдельным деталям варианты восточной части б. Олонецкого края — Кенозера; к ним примыкают варианты с Моши и Онеги. Общая их особенность — отсутствие улещивания служанки подарками. Но развязка в них меняется. В некоторых изображено самоубийство Катерины после гибели ее любовника. Вообще различная степень сочувствия или осуждения героям влияет на развязку и на заключительный образ Катерины, который порой возвышается до апофеоза любви и страсти, преодолевающей страх смерти. Мезенские варианты представляют одну, сильно укороченную редакцию с полным исключением диалога между мужем и женой. Печорские варианты опрощают сюжет. Нет описания внешности Чурилы, зызывания его героиней, нет игры в шашки, угощения, ларца, самоубийства. Присутствие вещей Чурилы Катерина мотивирует покупкой их для мужа. Вводятся такие местные бытовые детали, как „спичик“, „барановы перчатки“. Весь стиль снижен. Расправа иная — разрывание неверной жены на части. Особую группу составляют варианты Зимнего берега (к ним близок и единственный пинежский). Вводится роль Алеши Поповича, который и доносит об измене (может быть, под воздействием былины об Алеше и братьях Сбродовичах и вообще позднейшей разработки былинной характеристики Алеши). Служанки заодно с женой. Мотивировка присутствия вещей Чурилы новая: занесли их ребятишки. Развязка варьируется. Интересно внесение мотива отравления мужа (Марк., 103; попытка отравления в пинежском — Григ., I, 9). Своеобразен вариант Терского берега, вводящий сюжет в киевский цикл и совершенно его трансформирующий (Чурила — сам обманутый муж; после убийства любовников Илья Муромец находит ему невесту, и Чурила женится на верной жене).

Новые записи интересны тем, что преимущественно записаны в местах, откуда раньше вариантов этой былины не было: в северной части Шуньгского полуострова, в верховьях Мезени и на нижней Печоре.

№ 6. Запись 24 июня 1928 г. от Ефрема Матвеевича Лешукова, 60 л. с лишним, Лешуконский р., д. Лебская (бл.Вожгор).

Данный вариант, как и второй мезенский — от Антонова (№ 16), представляет редакцию, сильно отличающуюся от той, которая найдена Григорьевым в низовьях Мезени (Григ., III, 7 и 13). Особенности верхнемезенской редакции: Пермьят идет не к обедне, а едет на охоту; описана внешность Чурилы; отворяе. Чуриле ворота

не служанка, а жена Пермьты; рассказывается, как раздевался Чурила; служанка его укоряет не у ворот, а в спальне; Чурила старается подкупить ее не муфтой, а ленточкой и сарафаном; служанка не огыскивает мужа, а поджидает его на крыльце и там сообщает ему об измене жены; вводится диалог о вещах Чурилы; жена после убийства любовника просит убить и ее. По некоторым своим чертам эта верхнемезенская редакция соприкасается с печорской. Таковы: аллегорический рассказ служанки о чужом коне, вытоптавшем в садах Пермьты зеленую траву в варианте Антонова (№ 16) и у Ончукова (№ 25 и 69), мотивировка присутствия чужих вещей покупкой.

Данный вариант отличается от текста Антонова большей краткостью и следами забывания: описание внешности Чурилы ограничено одним стихом (у Антонова 13 стихов); иносказание служанки о коне, который заскочил в зеленый сад, перенесено на коня самого мужа (стихи 69—72); переставлены имя и отчество последнего. Есть позднейшие наслоения в деталях: вместо „рукавок“ у Чурилы „перчаточки лайчатые“ (лайковые), служанка высматривает мужа в трубочку под ворную (заимствование из былины о заставе).

№ 16. Запись 30 июня 1928 г. от Максима Григорьевича Антонова, 59 л., Лешуконский р., д. Усть-Низема.

Особенности верхнемезенской редакции отмечены в примеч. к № 6. Печатаемый текст наиболее полный. Обнаруживает характерное для данного исполнителя стремление к художественной детализации и раскраске образов: подробное описание одежды Чурилы, передача диалога между мужем и женой, подробности убийства. Отличия от варианта № 6, кроме отмеченных: действие перенесено в Новгород (обычно для Антонова, см. № 17); муж спрашивает жену, не ушла ли на пир, в варианте Лешукова — на торговщице или к обедне. В обоих вариантах имя жены — Настасья Микулична — явилось, очевидно, под влиянием былины о верной жене Добрыни.

№ 55. Запись 12 июля 1929 г. от Татьяны Григорьевны Тороповой, 77 л., Усть-Цылемский р., с. Замезное (р. Пижма).

Восходит к той же печорской редакции, что и вариант И. Г. Носова (№ 75). См. примеч. к нему и характеристику печорской редакции в общем примечании. В кратко досказанный полузабытый конец внесено указание на расправу, характерную для былин об Иване Годиновиче и о Добрыне и Маринке.

Былина была сперва передана словами, потом спета. При пении, как и в былинку „Бутман“, внесены изменения и дополнения.

№ 75. Запись 5 июля 1929 г. от Ивана Григорьевича Носова, 40 л., Усть-Цыльма.

Вариант восходит к зафиксированной Ончуковым печорской редакции сюжета. Очень близок к варианту 1901 г. № 69 (из д. Бугаево), не только повторяя в точности всю композицию, но и словесные формулировки. Так же как в указанном варианте Ончукова, жена Пермьты именуется „Настасья дочь Калашница“. Единственное отличие нашей записи от прочих печорских вариантов — изображение героини, захваченной врасплох „в одной тонкой рубашечке без пояса“ и т. д., причем это изображение, характерное в олонецких вариантах для эпизода неожиданного возвращения мужа, здесь перенесено на встречу ею Чурилы.

На стиле исполнения сказалось сильное влияние исполнительской манеры В. П. Носова.

№ 97. Запись 23 июля 1929 г. от Прасковьи Ивановны Дитяевой, 69 л., Ненецкий нац. округ, д. Великая Виска.

Вариант интересен некоторыми отличиями от обычной печорской редакции: ср., напр., описание Чурилы и его одежды; необычен диалог Пермяты и его жены после убийства Чурилы. Последнее, возможно, момент индивидуального творчества, так как ни в одном из имеющихся вариантов не встречается. Имя „Маремьяны“ внесено из других былин, оно, вообще довольно обычно в печорской традиции, присутствует в обеих былинах брата Прасковьи Ивановны — А. И. Дитяева (Онч., 80 и 81). У самой Дитяевой оно имеется в былинке „Фатенко“ (см. № 98). Действие исполнительница приурочивает к Киеву.

УКАЗАТЕЛЬ СОКРАЩЕНИЙ

- Агр. Слав. — О. Х. Агренева-Славянская. Описание Русской крестьянской свадьбы. Ч. 3, 1889.
- Андр. — Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов. Изд. Русского Географического общества, Лгр., 1929.
- Антонович и Драгоманов. — Антонович и Драгоманов. Исторические песни малорусского народа. Киев, 1874.
- Архангельский. — А. С. Архангельский. Вс. Миллер. Очерки русск. нар. словесности (Изв. ОРЯ и Сл., 1898, III):
- Arch. — Archiv für slavische Philologie. Berlin.
- Афан. — Народные русские сказки, изд. 2-е, М., 1873.
- Афанасьев. — А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. I, М., 1865; т. II, М., 1863; т. III, М., 1869.
- Барсов. Памятники. — Е. В. Барсов. Памятники народного творчества в Олонецкой губ. Зап. РГО по отд. этнографии, т. III, СПб., 1873.
- Буслаев. — Ф. И. Буслаев. Народная поэзия. СПб., 1887.
- Васнецов. — Васнецов. Песни северо-восточной России. М., 1891.
- Веселовский. Южно-русские былины. — А. Н. Веселовский. Южно-русские былины, I—II, СПб., 1881; III—XI, СПб., 1884.
- Wessel. Beiträge. — A. Wesselofsky. Beiträge zur Erklärung des russischen Heldenepos. (Arch. IX.)
- Веселовский. И. Жданов. — А. Н. Веселовский. И. Жданов. К литературной истории русской былевой поэзии. Киев, 1881 (Ж. М. Н. Пр., 1884 февраль).
- Веселовский. Калики перехожие. — А. Н. Веселовский. Калики перехожие и богемильские странники (Вестн. Европы, 1872, апрель).
- Веселовский. Мелкие заметки. — А. Н. Веселовский. Мелкие заметки к былинам, I—IV (Ж. М. Н. Пр., 1885, декабрь); V—VIII (Ж. М. Н. Пр., 1888, апрель); VIII—XII (Ж. М. Н. Пр., 1889, май); XIII—XV (Ж. М. Н. Пр., 1890, март); XVI—XVII (Ж. М. Н. Пр., 1890, май); XVIII (Ж. М. Н. Пр., 1896, август).
- Веселовский. Отр. Визант. эпоса. — А. Н. Веселовский. Отрывки Византийского эпоса в русском (Вестн. Европы, 1875, апрель).
- Веселовский. Разыскания. — А. Н. Веселовский. Разыскания в области русских духовных стихов. I, вып. 1, 1880; II, вып. 2, 1880; III—V, вып. 3, 1881; VI—X, вып. 4, 1883; XI—XVII, вып. 5, 1889; XVIII—XXIV, вып. 6, 1891.

- Веселовский. Русский эпос. — А. Н. Веселовский. Русский эпос и новые его исследователи — Халанский и Дамберг (Вестн. Европы, 1888, июль).
- Владимиров. — П. В. Владимиров. Введение в историю русской словесности. Киев, 1896.
- Wollner. — W. Wollner. Untersuchungen über die Volksepik der Grossrussen. Leipzig, 1879.
- Вс. Миллер. Очерки. — Вс. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. I, М., 1897; т. II, М., 1910; т. III, М., 1924.
- Вс. Миллер. Экскурсы. — Вс. Миллер. Экскурсы в область русского народного эпоса. М., 1892.
- Гильф. — Онежские былины, зап. А. Ф. Гильфердингом. Изд. 2, т. I, 1894; т. II, 1896; т. III, 1900.
- Григ. — А. Д. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни, т. I, М., 1904; т. III, М., 1910.
- Грушевский. — М. Грушевский. Історія української літератури, т. IV, у Києві, 1925.
- Дашкевич. Былины об Алеше Поповиче — Н. Дашкевич. К вопросу о происхождении русских былин. Киевские унив. известия, 1883.
- Дашкевич. Разбор. — Н. Дашкевич. Разбор сочинения В. Ф. Миллера. Экскурсы в область русского народного эпоса. СПб., 1895.
- Добровольский. — В. Н. Добровольский. Смоленский этнографический сборник, М., 1903 (Зап. РГО по отд. этнографии, т. XXVII).
- Жданов. Русский былевой эпос. — И. Н. Жданов. Русский былевой эпос. СПб., 1895.
- Жданов. К литер. истории. — И. Н. Жданов. К литературной истории русской былевой поэзии. Киев, 1881.
- Ист.-Д. — Песни русского народа. Собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г. Записали: слова Ф. М. Истомина, напевы Г. О. Дютш. СПб., 1894.
- Калаш. Мелк. этнол. заметки. — В. Калаш. Мелкие этнологические заметки (Этногр. Обзор., 1889, III; 1890, II).
- К. Д. — Кирша Данилов. Сборник Кирши Данилова, изд. Публичной библиотеки под ред. П. Н. Шеффера. СПб., 1901. Цитаты приводятся по 3-му изд. 1878 г.
- Кир. — Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 1—10, М., 1860—1874.
- Козаковский. — Л. И. Козаковский. Сказание о Вольтаре Аквитанском. Киев, 1902.
- Линева. — Е. Э. Линева. Великорусские песни в народной гармонизации. Изд. Акад. Наук, вып. I, СПб., 1904; вып. II, СПб., 1909.
- Лобода. Русские былины о сватовстве. — А. М. Лобода. Русские былины о сватовстве. Киев, 1905.
- Макар. — А. А. Макаренко. Сибирские песенные старины (Жив. Стар., 1907, вып. II, отд. II).
- Máchal. — J. Máchal. O bohatyrskem épose slovanskem. V Praze, 1894.
- Марк. — А. В. Марков. Беломорские былины. М., 1901.
- Марк.-Богосл. — Материалы, собранные в Архангельской губ. летом 1901 г. А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским. Тр. Муз.-этн. ком., т. I, М., 1905; т. II, М., 1911.
- Милл. — Былины новой и недавней записи из разных местностей России, под ред. В. Ф. Миллера. М., 1908.

- Милл. Ист. песни. — Вс. Миллер. Исторические песни русского народа XVI—XVII вв. Сб. Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, т. X, 1915.
- Милл. Ист. песни из Сибири. — Вс. Миллер. Исторические песни из Сибири (Изв. ОРЯ и Сл., 1904, IX, I).
- Мякутин. — А. И. Мякугин. Песни оренбургских казаков. Оренбург, 1905.
- Мякушин. — Н. Г. Мякушин. Сборник уральских и казачьих песен. 1890.
- Н. П. Следы сев.-русс. эпоса. — Н. П. Следы северно-русского былевого эпоса в южно-русской народной литературе (Труды Киевск. дух. акад. 1878, II).
- Озар. — О. Э. Озаровская. Бабушкины старины. Изд. „Огни“, Пгр., 1916.
- Онч. — Н. Е. Ончуков. Печорские былины. СПб., 1904.
- Ор. Миллер. Илья Муромец. — Ор. Миллер. Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1869.
- Ор. Миллер. Велик: былины. — Ор. Миллер. Великорусские былины и малорусские думы (Труды 3-го археол. съезда в России. Киев, 1878).
- Пивоваров. — Пивоваров. Донские казачьи песни. Новочеркасск, 1895.
- Потанин. — Г. Н. Потанин. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899.
- Потанин. Монг. сказание. — Г. Н. Потанин. Монгольское сказание о Гэсэр-хане (Вестн. Европы, 1890, V).
- Потебня. — А. А. Потебня. Объяснение малорусских и сродных народных песен, II, Варшава, 1887.
- Rimbaud. — Alfred Rimbaud. La Russie épique. Paris, 1876.
- Revue. — Revue des études slaves. Paris.
- Ровинский. — Д. Ровинский. Русские народные картинки. СПб., 1881, I—IV.
- Рукоп. хранил. Фолькл. ком. — Рукописное хранилище Фольклорной комиссии при Институте этнографии Академии Наук СССР.
- Рыбн. — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2, М., 1909—1910.
- Сав. — А. А. Савельев. Былинный эпос в Приангарском крае. Изв. Средне-Сиб. РГО, т. III, вып. 3, Красноярск, 1928.
- Симони — П. Симони. Песни, записанные для Ричарда Джемса в 1619—20 гг. (Памятники русск. яз. и слов. XV—XVIII стол., в. II, 1).
- Скафтымов. — А. П. Скафтымов. Поэтика и генезис былин. Москва—Саратов, 1924.
- Соб. — А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, т. I, 1895.
- Сокол. — Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915.
- Соколов. Новейшие труды. — Б. Соколов. Новейшие труды иностранных ученых по русскому эпосу (Худож. фольклор, IV—V, М. 1929).
- Соколов. Былины, ист. песни и пр. — М. Е. Соколов. Былины, исторические песни, разбойничьи и воровские Саратовской губ. Петровск, 1896.
- Сперанский. — М. Сперанский. Русская устная словесность. М., 1917.
- Сперанский. Былины. — М. Сперанский. Былины, т. I, М., 1916; т. II, М., 1919. Памятники мировой литературы.
- Стасов. — В. В. Стасов. Происхождение русских былин. Собрание сочинений, т. III, СПб., 1894.
- Тих.-Милл. — Н. С. Тихонравов и В. Ф. Миллер. Русские былины старой и новой записи. М., 1894.
- Халанский. Великорусские былины. — М. Халанский. Великорусские былины Киевского цикла. Варшава, 1885.

- Халанский. Южно-славянские сказания. — М. Халанский. Южно-славянские сказания о кралевице Марке в связи с произведениями русского былевого эпоса. Варшава, I—1893, II—1894, III—1895.
- Худяк. — И. А. Худяков. Великорусские сказки, вып. I—III, М., 1860—1862 гг.
- Чекан. — И. А. Чеканинский. Енисейские старины и исторические песни (Этногр. Обзор., 1915, № 1—2).
- Чернышев. — В. И. Чернышев. Русская баллада. Сов. писатель, 1936.
- Шайж. — Шайжин. Олонецкий фольклор. Петрозаводск, 1906.
- Шейн. Чтения. — Русские народные песни, собранные П. В. Шейном. Чтения в Моск. общ. истории и древн. росс., кн. 3, 1877.
- Шейн. Белорусские нар. песни. — Белорусские песни, собранные П. В. Шейном (Зап. РГО по отд. этнографии, т. 5, СПб., 1873).
- Jagić. — V. Jagić. Die christlich-mythologische Schicht in der russischen Volks-epik (Archiv für slavische Philologie, I, Berlin, 1876).

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК БЫЛИННЫХ СЮЖЕТОВ¹

Алеша Попович и сестра Петровичей (Сбродовичей), № 21	552
Братья-разбойники и сестра, №№ 8, 9, 10, 77	553
Бутман, №№ 54, 56, 58	556
Василий Буслаев, № 14, прилож. 4	557
Василий Игнатьев, №№ 64, 68, 81, 89 (см. также № 86)	560
Глеб Володьевич, № 15	563
Добрыня и Алеша, №№ 24, 37	565
Добрыня и Дунай, №№ 49, 52, 66, 82	568
Добрыня и Змей, № 60, прилож. 3	570
Добрыня и Маринка, №№ 7, 17, 61, 73	573
Долгорукий (князь) и ключник, № 84	575
Дунай, №№ 3, 18, 27, 34, 38, 41, 45, 46, 65, 72, 76, 85	576
Дюк Степанович, №№ 30, 71, 90	582
Иван Гоудинович, №№ 29, 43	585
Иван Гостиный сын (состязание конями) № 96	588
Илья Муромец (сводная былина), №№ 47, 93.	590
Илья Муромец и Добрыня, № 26	592
Илья Муромец и Идолище, № 78 (см. также №№ 5, 47 и прилож. 2)	594
Илья Муромец и Калин царь (Кудреванка, Скурла и др., Камское побоище) №№ 12, 33, 44, 86 (см. также №№ 47, 93)	595
Илья Муромец и разбойники, №№ 53, 59 (см. также №№ 1, 5, 13, 47, 93)	601
Илья Муромец и Святогор, №№ 5, 25, прилож. 2	603
Илья Муромец и Соловей-разбойник, №№ 1, 28, 32, 39, 48, 80, 95, прилож. 1 (см. также №№ 47, 93)	605

¹ Цифры прямым шрифтом обозначают мезенские тексты, курсивом — печорские. Крайняя колонка цифр обозначает страницы примечаний к данным сюжетам.

Илья Муромец и сын, №№ 2, 11, 20, 40, 57, 70, 79, 87	609
Илья Муромец, три поездки, № 13	614
Исцеление Ильи Муромца, № 92 (см. также №№ 28, 47, 80, 93, 95, при- лож. I)	616
Князь Долгорукий и ключник, см. Долгорукий	
Мать князя Михайлы губит его жену, № 31	618
Михайло Потык, № 19	619
Молодец и казна монастырская, № 22	621
Наезд литовцев, № 88	623
Небылица, 36	624
Пародия, № 42	625
Садко, №№ 50, 94	625
Скопин, №№ 51, 63, 74, 91	627
Соловей Будимирович, № 67	630
Соломан и Василий Окулович, № 83	632
Сорок калик, №№ 4, 62, 99	634
Ставр Гоудинович, № 35	637
Хотен, № 98	639
Чурила и неверная жена, №№ 6, 16, 55, 75, 97	641

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК ИСПОЛНИТЕЛЕЙ МЕЗЕНИ И ПЕЧОРЫ

Антонов Максим Григорьевич, 59 л., №№ 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19
Гольчиков Степан Васильевич, 44 л., № 8
Гольчиков Филипп Васильевич, 40 л., Прилож. №№ 1, 2, 3, 4
Гольчиков Яков Евдокимович, 61 г., №№ 1, 2, 3, 4
Дитятева Прасковья Ивановна, 69 л., №№ 95, 96, 97, 98, 99
Дуркин Дмитрий Карпович, 83 л., №№ 82, 83, 84
Дуркин Павел Федорович, 54 л., № 85
Иванов Василий Филиппович, 74 л., №№ 46, 47
Лешуков Ефрем Матвеевич, 65 л., №№ 5, 6, 7
Лыбашева Прасковья Степановна, 77 л., №№ 37, 38
Михеев Варлам Матвеевич, 69 л., №№ 20, 21
Михеев Карп Иванович, 77 л., № 22
Настя (бабушка Настя), № 10
Новиков Кирилл Николаевич, ок. 60 л., № 26
Новиков Павел Николаевич, ок. 60 л., № 26
Носов Василий Прокопьевич, 65 л., №№ 70, 71, 72, 73, 74
Носов Иван Григорьевич, 40 л., № 75
Носов Игнатий Дмитриевич, 62 л., № 68
Носов Самойло Михайлович, 59 л., № 69
Носов Яков Прокопьевич, 60 л., №№ 72, 73, 74
Овчинникова Агафья Родионовна, 62 л., №№ 76, 77
Оксенов Александр Антипович, 78 л., №№ 23, 24, 25
Палкин Александр Иванович, 75 л., №№ 44, 45
Поздеев Григорий Васильевич, 45 л., № 86

Поздеев Иван Петрович, 64 л., №№ 78, 79, 80, 81
Поздеев Михаил Александрович, 33 л., № 87
Поздеева Анна Максимовна, 70 л., №№ 53, 54
Поздяков Данила Семенович, 55—58 л., № 41
Поздяков Иван Иванович, 57 л., №№ 39, 40, 41, 42
Поздяков Федор Варламович, 80 л., № 43
Семенов Гаврила Михайлович, 57 л., № 36
Семенов Максим Васильевич, 56 л., №№ 32, 33, 34, 35
Семенов Никифор Калинович, 75 л., №№ 27, 28, 29, 30, 31
Совкова Марина Ивановна, 62 л., № 9
Торопов Николай Самсонович, 79 л., №№ 87, 88, 89, 90, 91
Торопов Павел Иванович, 57 л., №№ 92, 93, 94
Торопова Татьяна Григорьевна, 77 л., №№ 55, 56
Чупров Афанасий Максимович, 70 л., № 52
Чупров Гаврила Иванович, 50 л., № 64, 65, 66, 67
Чупров Еремей Провович, 39 л., №№ 57, 58
Чупров Иван Емельянович, 80 л., №№ 59, 60, 61, 62, 63
Чупров Ларион Еремеевич, 17 л., № 57
Чупров Савелий Дементьевич, 62 л., №№ 48, 49, 50, 51

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СЕЛЕНИЙ, ГДЕ ПРОИЗВОДИЛАСЬ ЗАПИСЬ

Мезень

Белошелье, №№ 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35
Вожгоры, № 10
Засулье, №№ 20, 21, 22
Конешелье, № 26
Лебская, №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, Прилож., №№ 1, 2, 3, 4
Нисогоры Большие, №№ 44, 45, 46, 47
Нисогоры Малые, №№ 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43
Палошелье, №№ 23, 24, 25
Пустынка, № 9
Усть-Низема, №№ 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19
Ценогоры, № 36

Печора

Аврамовская, №№ 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67
Великая Виска, №№ 95, 96, 97, 98, 99
Замежнос, №№ 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56
Карпушевка, № 69
Климовка, №№ 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94
Коровий Ручей, № 68
Рошинский Ручей, № 86
Усть-Цыльма, №№ 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85

ПОРТРЕТЫ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

1. Яков Евдокимович Гольчиков (стр. 110—111).
2. Максим Григорьевич Антонов у пастушьего шалаша (стр. 162—163).
3. Максим Григорьевич Антонов (стр. 208—209).
4. Никифор Калинович Семенов (стр. 236—237).
5. Чупровы, певческий ансамбль из дер. Аврамовской. В первом ряду братья Чупровы: Еремей, Яков и Климентий Прововичи (звездочкой отмечен Еремей). Во втором ряду Малафей Иванович Чупров и Ларион Еремеевич Чупров (отмечен звездочкой) (стр. 368—369).
6. Василий Прокопьевич Носов (стр. 408—409).
7. Иван Григорьевич Носов (стр. 436—437).

СОДЕРЖАНИЕ¹

От составителя	1
А. М. Астахова. Былинное творчество северных крестьян . .	7

I. МЕЗЕНЬ

Гольчиков Яков Евдокимович

1. Илья Муромец и Соловей-разбойник	111	607
2. Подсокольник	116	611
3. [Дунай]	125	578
4. [Сорок калик]	135	635

Лешуков Ефрем Матвеевич

5. Про старого	145	604
6. [Чурила и неверная жена]	149	642
7. [Добрыня и Маринка]	152	574

Гольчиков Степан Васильевич

8. [Братья-разбойники и сестра]	155	555
---	-----	-----

Совкова Марина Ивановна

9. Старина	157	555
----------------------	-----	-----

Бабушка Настя

10. Бывало-то живало у крестьянина	160	555
--	-----	-----

Антонов Максим Григорьевич

11. Подсокольник	163	612
12. Про татарское нашествие	173	598
13. Поездки Ильи Муромца	181	615
14. Про Василия Буслаевича	186	559
15. Поход на Корсунь	204	564
16. Про Чурилу	208	643
17. Добрыня и Маринка	213	574
18. Женитьба Владимира	215	578
19. Потык	218	621

---

¹ Первая колонка цифр обозначает страницу текста, вторая — примечания.

Михеев Варлам Матвеевич		
20. [Илья Муромец и сын]	220	612
21. [Алеша Попович и сестра Сбродовичей]	224	553
Михеев Карп Иванович		
22. [Илья Муромец и казна монастырская]	227	623
Оксениов Александр Антипович		
23. [Добрыня и Змей]	229	572
24. [Добрыня и Алеша]	230	567
25. [Илья Муромец и Святогор]	231	605
Бр. Новиковы, Кирилл Николаевич и Павел Николаевич		
26. [Илья Муромец и Добрыня]	233	593
Семенов Никифор Калинович		
27. Дунай	236	579
28. Илья Муромец и Соловей-разбойник	239	607
29. Иван Годинovich	244	587
30. Дюк Степанович	247	584
31. [Князь Михайло]	248	619
Семенов Максим Васильевич		
32. Илья Муромец	252	607
33. Кудреванищо	257	599
34. Про Дуная	263	579
35. Про Ставра	270	638
Семенов Гаврила Михайлович		
36. Старина забавная	276	624
Лыбашева Прасковья Степановна		
37. Про Добрынюшку Микитиця	278	567
38. [Дунай]	280	579
Поздяков Иван Иванович		
39. Еще ехал Илеюшка из Цернигова	287	608
40. [Илья Муромец и сын]	290	613
41. Во стольнем во городе во Киеве	295	580
42. Как во славном во Нижове	297	625
Поздяков Федор Варламович		
43. Про ласкова князя Владимира	299	587
Палкин Александр Иванович		
44. [Илья Муромец и Кудреванко]	309	600
45. [Дунай]	315	580
Иванов Василий Филиппович		
46. Во стольнем во городе Киеве	325	580
47. Про Илью Муромца	330	591

Приложение

Гольчиков Филипп Васильевич		
1. [Илья Муромец и Соловей-разбойник]	335	608
2. Про Егора-Святогора	337	605
3. [Добрыня и Змей]	339	572
4. Василий Буслаевич	341	560
		653

II. ПЕЧОРА

Чупров Савелий Дементьевич

48. Про старóго	348	608
49. [Добрыня и Дунай]	349	569
50. Садко	351	627
51. Про Скопина	353	629

Чупров Афанасий Максимович

52. [Добрыня и Дунай]	356	569
---------------------------------	-----	-----

Поздеева Анна Максимовна

53. Про старóго	359	602
54. [Бутман]	359	556

Торопова Татьяна Григорьевна

55. Чурила	363	643
56. [Бутман]	364	557

Чупров Еремей Провович

57. Про старóго	368	613
58. Про белóго	373	557

Чупров Иван Емельянович

59. [Илья Муромец и станичники]	376	602
60. Микита, сын Романович	377	572
61. [Добрыня и Маринка]	378	575
62. [Сорок калик]	380	636
63. Про Скопина	381	629

Чупров Гаврила Иванович

64. [Василий Игнатъев]	385	562
65. [Дунай]	390	581
66. [Добрыня и Дунай]	392	569
67. [Соловей Будимирович]	393	631

Носов Игнатий Дмитриевич

68. [Василий Игнатъев]	396	562
----------------------------------	-----	-----

Носов Самойло Михайлович

69. Про старóго	404	608
---------------------------	-----	-----

Носов Василий Прокопьевич

70. Сокольник	409	613
71. Дюк Степанович	413	584
72. [Дунай]	428	581
73. Маринка	430	575
74. Про Скопина	432	629

Носов Иван Григорьевич

75. Про Чурилу	436	643
--------------------------	-----	-----

Овчинникова Агафья Родионовна

76. [Дунай]	440	581
77. Вдова пашица	442	555

Поздеев Иван Петрович

78. [Илья Муромец и Издолище]	446	595
79. [Илья Муромец и сын]	450	614
80. Про старого казака, про первую поездку Ильи	453	608
81. [Василий Игнатьев]	455	563

Дуркин Дмитрий Карпович

82. [Добрыня и Дунай]	460	569
83. Про Васеньку Викулова	463	633
84. Про князя Долгорукова	468	575

Дуркин Павел Федорович

85. Про Тарокана, сына Заморенина	471	582
---	-----	-----

Поздеев Григорий Васильевич

86. [Илья Муромец и Скурлык]	475	601
--	-----	-----

Торопов Николай Самсонович

87. Недалеко от Киева	480	614
88. Про Матвея, про Луку, сыновей Петровичей	485	624
89. Два тура, два гнедых тура	489	563
90. Дюк Степанович	492	585
91. Про Скопина, сына Иванова	493	629

Торопов Павел Иванович

92. Про старóго	499	618
93. Про старóго	500	591
94. Про Садка	509	627

Дитяева Прасковья Ивановна

95. Илья Муромец	516	609
96. [Состязание Добрыни с князем Владимиром]	523	589
97. [Чурила и неверная жена]	530	644
98. Фатенко	533	640
99. [Сорок калик]	538	636

В. Г и п и у с и З. В. Э в а л ь д. Несколько замечаний о напевах мезенских и печорских былин	545	
--	-----	--

Напевы мезенских и печорских былин	550 — 551.	
--	------------	--

Примечания	551	
----------------------	-----	--

Указатель сокращений	645	
--------------------------------	-----	--

Алфавитный список былинных сюжетов	648	
--	-----	--

Алфавитный список исполнителей Мезени и Печоры	649	
--	-----	--

Алфавитный указатель селений, где производилась запись	650	
--	-----	--

Портреты исполнителей	651	
---------------------------------	-----	--